

Сергей
СОЛОВЬЕВ

*Чтения и рассказы
по истории России*

Annotation

Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879) – великий русский историк. В книгу включены знаменитые произведения по истории России с древнейших времен до времени Петра I. «Русская летопись для первоначального чтения», «Публичные чтения о Петре Великом», материалы из «Истории России с древнейших времен».

- [Сергей Михайлович Соловьев](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Русская летопись для первоначального чтения](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Глава XVII](#)
 - [Глава XVIII](#)
 - [Глава XIX](#)
 - [Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого](#)
 - [Чтение первое](#)

- [Чтение второе](#)
- [Чтение третье](#)
- [Чтение четвертое](#)
- [Россия перед эпохой преобразования](#)
 - [Глава из «Истории России с древнейших времен»](#)
- [Русские исповедники просвещения в XVII веке](#)
- [Публичные чтения о Петре Великом](#)
 - [Чтение первое](#)
 - [Чтение второе](#)
 - [Чтение третье](#)
 - [Чтение четвертое](#)
 - [Чтение пятое](#)
 - [Чтение шестое](#)
 - [Чтение седьмое](#)
 - [Чтение восьмое](#)
 - [Чтение девятое](#)
 - [Чтение десятое](#)
 - [Чтение одиннадцатое](#)
 - [Чтение двенадцатое](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)

- [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
-

Сергей Михайлович Соловьев

Чтения и рассказы по истории России

Сергей Михайлович Соловьев
(1820–1879)

В книге сохранена авторская пунктуация

В оформлении обложки использованы фрагменты миниатюры из
рукописи «История Петра I», XVIII век

Предисловие

(к «Истории России с древнейших времен»)

Русскому историку, представляющему свой труд во второй половине XIX века, не нужно говорить читателям о значении, пользе истории отечественной; его обязанность предупредить их только об основной мысли труда.

Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию, – вот обязанность историка в настоящее время, как понимает ее автор предлагаемого труда.

Русская история открывается тем явлением, что несколько племен, не видя возможности выхода из родового, особенного быта, призывают князя из чужого рода, призывают единую общую власть, которая соединяет роды в одно целое, дает им наряд, сосредоточивает силы северных племен, пользуется этими силами для сосредоточения остальных племен нынешней Средней и Южной России. Здесь главный вопрос для историка состоит в том, как определились отношения между призванным правительственным началом и призванными племенами, равно и теми, которые были подчинены впоследствии; как изменился быт этих племен вследствие влияния правительственного начала – непосредственно и посредством другого начала – дружины, и как, в свою очередь, быт племен действовал на определение отношений между правительственным началом и остальным народонаселением при установлении внутреннего порядка или наряда. Замечаем именно могущественное влияние этого быта, замечаем другие влияния, влияние грекоримское, которое проникает вследствие принятия христианства от Византии и обнаруживается преимущественно в области права. Но, кроме греков, новорожденная

Русь находится в тесной связи, в беспрестанных сношениях с другим европейским народом – с норманнами: от них пришли первые князья, норманны составляли главным образом первоначальную дружину, беспрестанно являлись при дворе наших князей, как наемники участвовали почти во всех походах, – каково же было их влияние? Оказывается, что оно было незначительно. Норманны не были господствующим племенем, они только служили князьям туземных племен; многие служили только временно; те же, которые оставались в Руси навсегда, по своей численной незначительности быстро сливались с туземцами, тем более что в своем народном быте не находили препятствий к этому слиянию. Таким образом, при начале русского общества не может быть речи о господстве норманнов, о норманнском периоде.

Выше замечено, что быт племен, быт родовой могущественно действовал при определении отношений между правительственным началом и остальным народонаселением. Этот быт долженствовал потерпеть изменения вследствие влияния новых начал, но оставался еще столько могущественным, что, в свою очередь, действовал на изменявшие его начала; и когда семья княжеская, семья Рюриковичей, стала многочисленна, то между членами ее начинают господствовать родовые отношения, тем более что род Рюрика, как род владетельный, не подчинялся влиянию никакого другого начала. Князья считают всю Русскую землю в общем, нераздельном владении целого рода своего, причем старший в роде, великий князь, сидит на старшем столе, другие родичи смотря по степени своего старшинства занимают другие столы, другие волости, более или менее значительные; связь между старшими и младшими членами рода чисто родовая, а не государственная; единство рода сохраняется тем, что когда умрет старший или великий князь, то достоинство его вместе с главным столом переходит не к старшему сыну его, но к старшему в целом роде княжеском; этот старший перемещается на главный стол, причем перемещаются и остальные родичи на те столы, которые теперь соответствуют их степени старшинства. Такие отношения в роде правителей, такой порядок преемства, такие переходы князей могущественно действуют на весь общественный быт Древней Руси, на определение отношений правительственного начала к дружине и к

остальному народонаселению, одним словом, находятся на первом плане, характеризуют время.

Начало перемены в означенном порядке вещей мы замечаем во второй половине XII века, когда Северная Русь выступает на сцену; замечаем здесь, на севере, новые начала, новые отношения, имеющие произвести новый порядок вещей, замечаем перемену в отношениях старшего князя к младшим, ослабление родовой связи между княжескими линиями, из которых каждая стремится увеличить свои силы за счет других линий и подчинить себе последние уже в государственном смысле. Таким образом, чрез ослабление родовой связи между княжескими линиями, чрез их отчуждение друг от друга и чрез видимое нарушение единства Русской земли приготавливается путь к ее собиранию, сосредоточению, сплочению частей около одного центра, под власть одного государя.

Первым следствием ослабления родовой связи между княжескими линиями, отчуждения их друг от друга было временное отделение Южной Руси от Северной, последовавшее по смерти Всеволода III. Не имея таких прочных основ государственного быта, какими обладала Северная Русь, Южная Русь после татарского нашествия подпала под власть князей литовских. Это обстоятельство не было губительно для народности югозападных русских областей, потому что литовские завоеватели приняли русскую веру, русский язык, все оставалось постарому; но губительно было для русской жизни на югозападе соединение всех литовскорусских владений с Польшею вследствие восшествия на польский престол литовского князя Ягайла: с этих пор ЮгоЗападная Русь должна была вступить в бесплодную для своего народного развития борьбу с Польшею для сохранения своей народности, основой которой была вера; успех этой борьбы, возможность для ЮгоЗападной Руси сохранить свою народность условливались ходом дел в Северной Руси, ее самостоятельностью и могуществом.

Здесь новый порядок вещей утверждался неослабно. Вскоре по смерти Всеволода III, по отделении Южной Руси от Северной, явились и в последней татары, опустошили значительную ее часть, наложили дань на жителей, заставили князей брать от ханов ярлыки на княжение. Так как для нас предметом первой важности была смена старого порядка вещей новым, переход родовых княжеских отношений в

государственные, отчего зависело единство, могущество Руси и перемена внутреннего порядка, и так как начала нового порядка вещей на севере мы замечаем прежде татар, то монгольские отношения должны быть важны для нас в той мере, в какой содействовали утверждению этого нового порядка вещей. Мы замечаем, что влияние татар не было здесь главным и решительным. Татары остались жить вдалеке, заботились только о сборе дани, нисколько не вмешиваясь во внутренние отношения, оставляя все как было, следовательно, оставляя на полной свободе действовать те новые отношения, какие начались на севере прежде них. Ярлык ханский не утверждал князя неприкосновенным на столе, он только обеспечивал волость его от татарского нашествия; в своих борьбах князья не обращали внимания на ярлыки; они знали, что всякий из них, кто свезет больше денег в Орду, получит ярлык преимущественно перед другим и войско на помощь. Независимо от татар обнаруживаются на севере явления, знаменующие новый порядок, – именно ослабление родовой связи, восстания сильнейших князей на слабейших мимо родовых прав, старание приобрести средства к усилению своего княжества на счет других. Татары в этой борьбе являются для князей только орудиями, следовательно, историк не имеет права с половины XIII века прерывать естественную нить событий – именно постепенный переход родовых княжеских отношений в государственные – и вставлять татарский период, выдвигать на первый план татар, татарские отношения, вследствие чего необходимо закрываются главные явления, главные причины этих явлений.

Борьба отдельных княжеств оканчивается на севере тем, что княжество Московское вследствие разных обстоятельств пересиливает все остальные, московские князья начинают собирать Русскую землю: постепенно подчиняют и потом присоединяют они к своему владению остальные княжества, постепенно в собственном роде их родовые отношения уступают место государственным, удельные князья теряют права свои одно за другим, пока, наконец, в завещании Иоанна IV удельный князь становится совершенно подданным великого князя, старшего брата, который носит уже титул царя. Это главное, основное явление – переход родовых отношений между князьями в государственные – условливает ряд других явлений, сильно отзывается в отношениях правительственного начала к дружине и остальному

народонаселению; единство, соединение частей обуславливает силу, которою новое государство пользуется для того, чтобы победить татар и начать наступательное движение на Азию; с другой стороны, усиление Северной Руси вследствие нового порядка вещей обуславливает успешную борьбу ее с королевством Польским, постоянною целию которой становится соединение обеих половин Руси под одною державою; наконец, соединение частей, единовластие, окончание внутренней борьбы дает Московскому государству возможность войти в сношения с европейскими государствами, готовить себе место среди них.

В таком положении находилась Русь в конце XVI века, когда пресеклась Рюрикова династия. Начало XVII века ознаменовано страшными смутами, грозившими юному государству разрушением. Крамолами людей, питавших старинные притязания, нарушена была духовная и материальная связь областей с правительственным средоточием: части разрознились в противоположных стремлениях, Земля замутилась; своекорыстным стремлениям людей, хотевших воспользоваться таким положением дел для своих выгод, хотевших жить на счет государства, открылось свободное поприще. Несмотря, однако, на страшные удары, на множество врагов внутренних и внешних, государство спаслось; связь религиозная и связь гражданская были в нем так сильны, что, несмотря на отсутствие видимого сосредоточивающего начала, части соединились, государство было очищено от врагов внутренних и внешних, избран государь всею Землею. Так юное государство со славою выдержало тяжкое испытание, при котором ясно выказалась его крепость.

С новою династиею начинается приготовление к тому порядку вещей, который знаменует государственную жизнь России среди европейских держав. При первых трех государях новой династии мы видим уже начало важнейших преобразований: является постоянное войско, обученное иностранному строю, готовится, следовательно, важнейшая перемена в судьбе древнего служивого сословия, так сильно отозвавшаяся в общественном строе; видим начатки кораблестроения; видим стремление установить нашу торговлю на новых началах; иностранцам даются привилегии для учреждения фабрик, заводов; внешние сношения начинают принимать другой характер; громко высказывается необходимость просвещения,

заводятся училища; при дворе и в домах частных людей являются новые обычаи; определяются отношения церкви к государству. Преобразователь воспитывается уже в понятиях преобразования, вместе с обществом готовится он идти только далее по начертанному пути, докончить начатое, решить нерешенное. Так тесно связан в нашей истории XVII век с первой половиной XVIII, разделять их нельзя. Во второй половине XVIII века замечаем новое направление: заимствование плодов европейской цивилизации с исключительной целью материального благосостояния оказывается недостаточным, является потребность в духовном, нравственном просвещении, потребность вложить *душу* в приготовленное прежде *тело*, как выражались лучшие люди эпохи. Наконец, в наше время просвещение принесло свой необходимый плод – познание вообще привело к *самопознанию*.

Таков ход русской истории, такова связь главных явлений, в ней замечаемых.

Русская летопись для первоначального чтения

Предисловие

Еще в 1846 году профессор Редкин предложил мне поместить в издаваемой им *Новой Библиотеке для воспитания* несколько статей по русской истории, приспособленных к понятиям тех читателей, для которых назначалось его издание. Я не нашел ничего, более соответствующего этой цели, как представить извлечения из древней русской летописи до половины XIII века на новом русском языке, но с возможным сохранением формы и духа памятника, извлечения не отрывочные, но с характером непрерывного повествования. Начиная этот труд, я руководился следующими побуждениями: во-первых, я думал, что нет ничего доступнее для молодых читателей, как простое и вместе с тем живое повествование древних наших летописцев, повествование безыскусственное о делах юного народа, только что начавшего общественную жизнь с ее первоначальными, простыми отношениями; во-вторых, я считал полезным познакомить молодых русских читателей с самым важным памятником нашей древней литературы, тем более что многие из них, по своим специальным занятиям, будут не в состоянии познакомиться с ним в подлиннике, в-третьих, наконец, я имел в виду пользу, какая могла произойти от моего труда для изучения того периода русской истории, который всего более затрудняет юношество в сухих учебниках; причины же, по которым я избрал именно только древнюю русскую летопись до половины XIII века, надеюсь, будут понятны всякому, кто знаком с источниками нашей древней истории: известно, что летописи после половины XIII века теряют уже те живые краски, которыми отличаются летописи древние.

Профессор Сергей Соловьев

Глава I

О том, как началась Русская земля и кто были первые князья в Киеве

Вот повесть о том, откуда пошла Русская земля, кто начал первый княжить в Киеве и как стала Русская земля.

Мы так начнем эту повесть. После потопа три сына Ноевы, Сим, Хам и Афет, разделили землю: восток достался Симу, южная страна Хаму, север и запад Афету; от племени Афетова пошел народ славянский. Спустя много времени славяне сели по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись по земле многие народы и назвались каждый своим именем, где кто сел на каком месте; так, например, одни поселились на реке именем Морава и назвались моравами, и другие назвались чехами; а вот тоже славяне: белые хорваты, сербы и хорутане. Когда волохи напали на славян подунайских, поселились сзади них и стали их притеснять, то славяне опять начали двигаться к северу: так одни пришли и сели на Висле и прозвались ляхами; от этих ляхов пошли поляки, лутичи, мазовшане, поморяне. Другие славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, иные древлянами, потому что стали жить в лесах; а некоторые стали между Припетью и Двиною и назвались дреговичами; полочане прозвались от речки именем Полоты, которая впадает в Двину. Те, которые поселились около озера Илменя, прозвались своим именем, славянами; они построили себе город, назвали его Новгородом. Так разошелся славянский народ.

Все эти племена жили особо друг от друга, каждое на своем месте с своими нравами, обычаями и преданиями. У полян были обычаи кроткие и тихие, а другие племена жили как звери. Между полянами были три брата: одному имя Кий, другому Щек, третьему Хорив, сестру их звали Лыбедью. Они построили город и назвали его, по имени старшего брата, Киевом. По смерти этих братьев древляне и другие окольные народы стали притеснять полян; тогда пришли к ним козары и сказали: «Платите нам дань». Поляне подумали и дали им по мечу от каждого дома. Козары принесли мечи к князю своему и

старшинам и сказали: «Вот мы нашли новую дань». Старшины спросили: «Откуда вы это взяли?» «Да вот там, в лесу, на горе, над рекою Днепровскою», – отвечали они. Тогда старцы козарские сказали: «Ох, не хороша эта дань, князь! мы воюем саблями, острыми с одной только стороны, а у этого народа мечи с обеих сторон острые: будут они брать дань и на нас, и на других странах». – Так и сбылось, как предсказали старцы: русские и до сих пор владеют козарами.

В то время, как поляне, северяне и другие племена платили дань козарам, по белке с каждого дома, варяги изза моря брали дань на славянах новгородских, на кривичах, также на чуди и мери. Скоро, однако, эти народы прогнали варягов за море, перестали давать им дань и начали владеть сами собою. Но прогнав варягов, они никак не могли уладиться друг с другом и начали междоусобные войны. Тогда они стали говорить между собою: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил все дела справедливо»; – отправили послов к варягам к руси; русью назывались варяги точно так же, как другие зовутся шведами, иные норвежцами, англичанами, готами. Чудь, новгородцы и кривичи сказали руси: «Земля наша велика и обильна, да порядку в ней нет, пойдите княжить и владеть нами». Собрались три брата с родственниками своими, взяли с собою всю русь и пришли: Рюрик в Новгород, Синеус на Белоозеро, Трувор в Изборск; от нихто и прозвалась Русская земля. Через два года умерли Синеус и Трувор; Рюрик один принял всю власть и роздал города приближенным к себе людям. Двое из них, Аскольд и Дир, которые не были ни родня Рюрику, ни бояре его, отпросились идти ко Царюгороду. Идучи вниз по Днепру, они увидали на горе городок и спросили: «Чей городок?» Жители отвечали им: «Были три брата: Кий, Щек и Хорив; онито и построили этот город, да после изгибли, а мы вот платим дань козарам». Аскольд и Дир остались в Киеве, собрали много варягов и начали владеть полянами; а Рюрик княжил в Новгороде.

В 866 году пошли Аскольд и Дир на греков, при царе Михаиле. Царь в их время пошел было войною на аравитян, но, получив весть, что русь идет на Царьград, возвратился. Между тем Аскольд и Дир вошли в Константинопольскую гавань, перебили множество христиан и с двумястами кораблей обступили город. Царь с патриархом всю ночь молились в церкви Влахернской и потом, вынеся ризу богородицы, погрузили ее в воду. До того времени море было тихо;

вдруг поднялась буря с ветром, встали волны и разбили русские корабли; очень немногие из Аскольдовых воинов спаслись от такой беды и возвратились в свою землю.

Между тем умер Рюрик, он передал княжение Олегу, своему родственнику, поручив ему и сына своего Игоря, который был еще дитя. Собрав много войска, пошел Олег к Смоленску, взял этот город и посадил в нем своих мужей. Оттуда пошел вниз, взял Любеч и посадил в нем также своих мужей. Пришедши к горам Киевским и видя, что Аскольд и Дир княжат, Олег скрыл часть воинов своих в лодках, других оставил позади, а сам пришел, неся малютку Игоря на руках. Он послал сказать Аскольду и Диру: «Мы купцы; идем в Грецию от Олега и Игоря; придите повидаться с нами». Аскольд и Дир пришли. Тогда воины повыскакали из лодок, и Олег сказал киевским князьям: «Вы не князья, не княжеского рода, но я княжеского рода, и вот сын Рюриков». Аскольда и Диру убили, понесли на гору и погребли там. Олег сел княжить в Киев и сказал: «Это будет мать русским городам», – после чего начал строить города и установил дани. Сперва Олег воевал с древлянами и заставил их давать дань по черной кунице. Потом он пошел на северян; победив их, он наложил на них дань легкую, а козарам давать дань запретил, сказавши: «Я неприятель им, а с вами у меня нет никакой вражды». Послал и к радимичам спросить: «Кому даете дань?» Они отвечали: «Козарам». Олег сказал им: «Не давайте козарам, а давайте лучше мне». Радимичи согласились.

В 907 году пошел Олег на греков, а Игоря оставил в Киеве; взял с собою варягов множество, и новгородцев, и чуди, и кривичей, и других народов. Со всеми с ними пошел Олег на конях и в кораблях и пришел к Царюгороду: греки замкнули гавань и затворили город. Олег вышел из корабля, велел корабли вытащить на берег и повоевал городские окрестности. Русские перебили множество греков, разорили дома, пожгли церкви, одним словом, поступили так, как обыкновенно поступают неприятели. Греки, видя все это, испугались, выслали к Олегу из города и сказали ему: «Возьми дани сколько хочешь». Олег согласился и возвратился в Киев, неся золото, драгоценные ткани, плоды и вина. Народ прозвал его *Вещим*.

По смерти Олега начал княжить Игорь, древляне затворились от него; Игорь пошел на них, победил и наложил дань больше, чем Олег. В 941 году пошел Игорь на греков. Болгары послали весть к

императору, что идет русь на Царьгород. Русские опустошали азиатские берега до тех пор, пока не пришли греческие воеводы с востока и окружили их со всех сторон. Русские, посоветовавшись, вышли на греков, и, после злой сечи, греки едва могли одолеть. Русские сели ночью в лодки и побежали; но греческий воевода встретил их в лодках с огнем и начал пускать его трубами на русские лодки, так что было страшно смотреть. Русские, увидав пламень, пометались в морскую воду, чтоб уйти какнибудь, и таким образом возвратились домой. Пришедши, каждый рассказывал своим о чудесном огне. «У греков в руках точно молние небесное, которое они пускали и жгли нас; вот почему и не одолели мы их», – говорили воины Игоря. Игорь же, пришедши, начал собирать большое войско и послал звать варягов изза моря: он опять хотел идти на греков. В 944 году Игорь в самом деле отправился к Царюгороду в лодках и на конях. Корсунцы, услышав об этом, послали сказать императору Роману: «Идет русь; кораблей у них множество; покрыли все море корабли». Также и болгары послали весть: «Идут русские, наняли и печенегов». Тогда царь послал к Игорю лучших бояр с просьбою: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег; придам и еще к той дани». Игорь, дошедши до Дуная, созвал дружину и стал думать с нею о предложении царя. Дружина сказала: «Если царь так говорит, то чего же нам еще больше; без битвы возьмем золото, серебро и дорогие ткани. Ведь неизвестно, кто одолеет – мы или они? с морем нельзя заранее уговориться; теперь мы не по земле ходим, но по глубине морской: здесь одна смерть грозит нам всем». Игорь послушался дружины и велел печенегам воевать Болгарскую землю; а сам, взявши у греков золото и ткани на всех воинов, возвратился назад в Киев.

Вслед за князем пришли назад и послы русские и привели с собой послов от греческого царя Романа. Игорь призвал к себе греческих послов и спросил их: «Скажите, что же вам говорил царь?» Послы отвечали: «Вот царь послал нас к тебе; он очень рад миру, хочет мир иметь и любовь с русским князем: твои послы водили наших князей к присяге, и нас послали привести тебя и мужей твоих также к присяге». Игорь обещался исполнить это. На другой день он призвал послов и пошел на холм, где стоял Перун: поклали перед идолом оружие, щиты и золото, и клялись Игорь и все люди его, сколько было язычников между русскими. А христиан русских приводили к присяге в церкви

св. Илии, что над ручьем; то была соборная церковь, потому что многие варяги были уже христиане. Игорь, утвердив мир с греками, отпустил послов, одарив их звериными шкурами, рабами и воском. После этого Игорь начал княжить мирно в Киеве; когда же пришла осень, начал задумывать поход на древлян, желая взять с них еще больше дани. Дружина сказала ему: «Наши товарищи, которые с Свенельдом, богаты оружием и платьем, а мы наги; пойдем, князь, с нами за данью; и ты добудешь, и мы». Игорь послушался: пошел к древлянам за данью и начал обижать их; побравши дань, пошел было назад в свой город, однако на дороге раздумал и сказал дружине: «Ступайте вы с данью домой, а я возвращусь назад, похожу еще». Как сказал, так и сделал: отпустил дружину домой, а сам с немногими возвратился назад, желая взять еще больше с древлян. Те, услышав, что Игорь опять идет, начали советоваться с князем своим Малом; они говорили: «Поведится волк к овцам, перетаскает все стадо, если не убьют его; так теперь и с нами: если не убьем Игоря, то всех нас погубит». После совещания они послали сказать Игорю: «Зачем идешь опять, ведь ты уже взял всю дань». Но Игорь не послушался их; тогда древляне вышли из города и убили Игоря и дружину его, потому что ее было очень мало.

Глава II

О том, как Ольга отомстила древлянам за смерть своего мужа и установила порядок в земле, как приняла святое крещение, и как сын ее Святослав воевал с разными народами

Услышав о смерти Игоря, жена его Ольга, вместе с сыном Святославом, собрала большое и храброе войско и пошла на древлянскую землю. Древляне вышли против нее; когда оба полка сошлись, Святослав бросил копьем в древлян; копье, пролетев между ушей его лошади, ударило ей в ноги, потому что Святослав был еще дитя и не умел владеть копьем. Тогда Свенельд и Асмуд, дядьки Святослава, сказали: «Князь уже начал; пойдем, дружина, за князем». Древляне были побеждены, побежали, затворились в своем городе. Ольга взяла город и сожгла его; старшин городских взяла в плен, а прочих людей иных убила, других отдала в рабство своим приближенным, остальных обложила тяжелою данью. Кончив войну, пошла Ольга с сыном и дружиною по древлянской земле; установила везде дани и оброки. Потом пришла в город свой Киев, и, пробыв здесь год, отправилась к Новгороду, и по дороге устала везде так же оброки и дани.

В 955 году пошла Ольга в Грецию и пришла в Царьгород. Там приняла христианскую веру и, возвратясь в Киев, уговаривала и Святослава креститься; но он и слышать не хотел о том; если же кто другой хотел креститься, то ему не мешали, но только смеялись над ним. Часто Ольга говаривала сыну: «Я рада, что узнала истинного бога, и ты будешь радоваться, когда узнаешь его». Святослав обыкновенно отвечал на это: «Как мне одному принять новую веру? дружина станет смеяться надо мною!» Тогда Ольга говорила ему: «Если ты крестишься, то и все станут делать то же». Но Святослав не слушался матери и жил по языческим обычаям.

Когда он вырос и возмужал, то начал собирать около себя много храбрых воинов; ходил легко, как барс, и только и делал, что воевал. В походах не возил за собою ни возов, ни котлов и не возил мяса; но, изрезав тонкими ломтиками конское мясо, или какогонибудь другого

зверя, или говядину, пек сам на углях и так ел. Шатра у Святослава также не было, а спал он на войлоке, положив седло в головы, точно так же жили и все остальные воины. Он посылал к разным народам сказать им: «Хочу идти на вас». Ходил на Оку и на Волгу; на Оке нашел вятичей и спросил их: «Кому дань даете?» Вятичи отвечали: «Козарам». Тогда пошел Святослав на козар, победил их и взял их город; потом победил ясов и косогов; наконец пошел на Дунай, на болгаров, одолел их, побрал города по Дунаю и сел княжить здесь в Переяславце.

Между тем пришли в первый раз печенеги на Русскую землю, а Святослав был в Переяславце. Ольга затворилась в Киеве со внуками своими: Ярополком, Олегом и Владимиром. Печенеги обступили город со всех сторон, так что нельзя было ни выйти из города, ни вести послать; народ изнемог от голода и жажды. Жители другой стороны Днепра собрались в лодках, но ни одному из них нельзя было пробраться в город, ни из города к ним. Встужили тогда киевляне и стали говорить: «Нет ли кого, кто бы мог пройти на ту сторону и сказать им: если завтра никто нас не выручит, то сдадимся печенегам». Вызвался один мальчик и сказал: «Я перейду», – и точно пошел с уздой из города, и ходил между печенегами и спрашивал: «Не видал ли кто его лошади?» (Он умел говорить попеченежски, так что печенеги приняли его за своего.) Когда же он дошел до реки, то скинул платье, бросился в Днепр и поплыл; увидав это, печенеги кинулись за ним и начали стрелять, но не могли уже ему ничего сделать, потому что жители другой стороны Днепра подъехали к нему и взяли его в лодку. Мальчик сказал им: «Если не подступите завтра к городу, то жители его хотят сдаться печенегам». Тогда воевода, именем Претич, сказал: «Подступим завтра в лодках к городу, схватим княгиню и молодых князей и умчим их на нашу сторону; если же так не сделаем, то Святослав погубит нас». На другой день, сев в лодки на рассвете, начали они громко трубить; а люди в городе отвечали им радостными кликами. Печенеги подумали, что сам князь пришел, и побежали от города в разные стороны, а Ольга со внуками вышла к лодкам. Увидав это, князь печенежский возвратился один к воеводе Претичу и сказал: «Кто это пришел?» Ему отвечали: «Лодки с той стороны». Князь печенежский спросил опять у Претича: «А ты князь ли?» Претич отвечал: «Я его воевода и пришел с передовыми, а за мною идет полк с

князем – бесчисленное множество народа». Все это он насаждал, чтоб испугать печенегов. Тогда печенежский князь сказал Претичу: «Будь мне другом»; Претич отвечал: «Пожалуй». Печенежский князь подарил Претичу коня, саблю и стрелы, а воевода подарил ему броню, щит и меч. Печенеги отступили от города. Тогда киевляне послали сказать Святославу: «Ты, князь, ищешь чужой земли и берешь ее, а до своей тебе и дела нет; нас чуть было не взяли печенеги, вместе с твоею матерью и детьми; если ты не придешь и не оборонишь нас, то нас опять возьмут печенеги: видно, тебе не жаль родной земли, ни материстарухи, ни детей». Услыхав такие вести, Святослав тотчас же сел на коней с дружиною и приехал в Киев: рад он был, что нашел мать и детей своих в безопасности; но очень жалел, что случилась с ними такая беда от печенегов, и, собрав войско, прогнал варваров в степи, после чего настало мирное время.

Скоро наскучило Святославу в Киеве; он стал говорить матери своей: «Не нравится мне здесь, хочу жить в Переяславце на Дунае; там середина земли моей; туда привозится все доброе: из Греции идет туда золото, ткани, вина, плоды разные; из Богемии и Венгрии серебро и кони; из Руси звериные шкуры, воск, мед и рабы». Ольга отвечала ему на это: «Разве не видишь, что я уже больна; куда же ты хочешь от меня уйти? похорони меня по крайней мере, а там уже ступай, куда хочешь». Через три дня после этого разговора Ольга умерла; сын, внуки и весь народ горько плакали по ней; потом вынесли тело и погребли. Ольга перед смертью не велела делать над собою тризны^[1], потому что при ней был священник, который и похоронил ее.

По смерти матери Святослав посадил Ярополка в Киев, а Олега у древлян. В то же время пришли новгородцы просить также себе князя; они говорили: «Если не пойдете к нам, то найдем себе другого князя». Святослав отвечал им: «Да кто же пойдет к вам?» Ярополк и Олег отказались идти в Новгород. Тогда Добрыня сказал новгородцам: «Просите Владимира». (Добрыня был дядя Владимиру.) Новгородцы так и сделали. Тогда Святослав сказал им: «Вот вам князь, возьмите». Таким образом Владимир пошел в Новгород с дядею своим Добрынею, а Святослав в Переяславец.

Когда пришел Святослав к Переяславцу, то болгары затворились в городе и не пустили его; потом вышли они из города на сечу против русского князя; сеча была злая, и болгары начали одолевать. Тогда

Святослав сказал своим воинам: «Видно, уже нам здесь умереть; так станем же биться мужественно, братья и дружина!» К вечеру одолел Святослав, взял город приступом и послал сказать грекам: «Хочу на вас идти, взять и ваш город, как взял этот». Греки отвечали: «Мы не сможем бороться с вами; но возьми с нас дань и на дружину свою; для этого скажите, сколько вас, чтобы нам расчесться по числу людей». Греки говорили таким образом, желая обмануть русских. Святослав отвечал им: «Нас двадцать тысяч»; десять тысяч он прибавил, потому что русских всего было десять тысяч. Тогда греки собрали девяносто тысяч войска на Святослава и не дали ему дани; Святослав пошел на греков. Когда же русские увидели против себя такое множество войска, то испугались; Святослав сказал: «Уже нам теперь некуда деться; волею и неволею должны биться; не посрамям Русской земли, но ляжем здесь костями; мертвым не стыдно, а если побежим, то ляжет на нас стыд, от которого некуда уйти; станем же лучше крепко, я пойду перед вами; когда же голова моя ляжет, тогда думайте сами о себе». Воины отвечали ему: «Где твоя голова ляжет, там и мы свои сложим». Русь приготовилась к битве, и была сеча злая. Святослав одолел; греки побежали. Тогда Святослав пошел к Византии, воюя и разбивая по дороге города. Царь созвал бояр своих в палату и спросил: «Что нам делать? не можем никак одолеть русских». Бояре отвечали: «Пошли ко Святославу дары, поизведать, на что он больше падок: на золото или на дорогие ткани?» Так и сделали: послали с умным человеком к Святославу золото и ткани, наказавши послу: «Смотри, замечай хорошенько, какими глазами он будет глядеть на подарки». Посол, взяв дары, отправился. Святославу доложили, что пришли греки с поклоном; тогда он сказал: «Введите их сюда». Греки вошли, поклонились и разложили перед Святославом золото и ткани; Святослав, смотря равнодушно по сторонам, сказал слугам: «Спрячьте это». Послы возвратились; царь созвал опять бояр; послы сказали им: «Как пришли мы к Святославу и подали дары, то он и не посмотрел на них, велел только спрятать». Тогда один боярин сказал царю: «Попытайся еще, пошли к нему оружие». Совет был принят, послали к Святославу меч и разное другое оружие; когда же принесли к нему, то он взял, начал хвалить, любоваться и велел благодарить царя. Узнав о таком приеме, бояре сказали царю: «Должен же быть храбр этот человек, когда пренебрегает именем, а берет только одно оружие;

делать нечего, приходится дать ему дань». Тогда царь послал сказать Святославу: «Не ходи к городу, но возьми дань, сколько хочешь». Святослав взял богатые дары и возвратился в Переяславец; но, увидав, что дружины осталось мало, начал думать: «Что, если какоюнибудь хитростию перебьют дружину мою и меня? пойти лучше в Русь, привести побольше дружины». Для этого он послал сказать царю: «Хочу иметь с тобою твердый мир». Царь обрадовался и послал ему дары еще больше, чем прежде. Святослав принял дары и начал советоваться с дружиною, причем говорил: «Если не заключим мира с царем и он узнает, что нас мало, то, пришед, обступят нас в городе; а Русская земля далеко; печенеги с нами в войне; кто нам тогда поможет? заключим лучше мир с царем; греки уже взялись давать нам дань: будет с нас; если же перестанут платить, то пойдем опять к Царюгороду, тогда уже возьмем больше войска». Эта речь понравилась дружине.

Заключив мир с греками, Святослав пошел в лодках к порогам. Отцовский воевода Свенельд говорил ему: «Пойди лучше, князь, на конях, печенеги стоят около порогов». Святослав не послушался его и пошел в лодках. Тогда переяславцы послали сказать печенегам: «Идет Святослав в Русь пешком, с большим имением и с малой дружиною». Услыхав об этом, печенеги заступили пороги, и когда Святослав пришел, то негде уже было пройти. Русские стали зимовать в Белобережьи; съестные припасы у них повышли, и сделался большой голод. Так провел Святослав всю зиму. Весною двинулся он вперед; но печенежский князь Куря напал на него и убил, а Свенельд пришел в Киев к Ярополку.

Глава III

О том, как сыновья Святослава воевали между собою, как Владимир овладел Киевом и как принял христианскую веру

В 975 году сын Свенельда, именем Лют, вышел из Киева в лес на охоту; тут увидел его Олег, князь древлянский, и спросил у своих: «Кто это такой?» Ему отвечали: «Сын Свенельда»; тогда Олег напал и убил Свенельдича за то, что тот охотился с ним вместе в одном лесу. Отсюда пошла ненависть между Ярополком и Олегом; Свенельд, желая отомстить за сына, все подговаривал Ярополка: «Пойди на брата и отними у него владение». На третий год Ярополк пошел на Олега, в древлянскую землю; Олег вышел к нему навстречу, и стали биться: князь киевский победил древлянского. Когда Олег с воинами своими бежал в город именем Овручь, то на мосту, перекинутом через ров к городским воротам, столпилось множество беглецов, и в тесноте воины спихивали друг друга в ров, в том же числе спихнули и самого Олега; за ним попадало еще много воинов, даже на лошадях, и лошади передавили людей. Между тем Ярополк вошел в город Олегов, захватил там всю власть и послал искать своего брата; искали, искали – и нигде не нашли; тогда один древлянин сказал: «Я видел, как вчера спихнули его с моста». Услыхав это, Ярополк велел искать брата во рву: с утра до полудни вытаскивали трупы изо рва; наконец нашли Олега на самом исподу, внесли во дворец княжеский и положили на ковре. Пришел Ярополк и начал над ним плакать, он говорил Свенельду: «Полюбуйсяка, вот чего тебе хотелось!» Олега погребли у города Овруча. Тогда Владимир, услыхав в Новгороде, что Ярополк убил Олега, испугался и бежал за море, а Ярополк посадил в Новгороде своих посадников и владел один на Руси.

В 980 году пришел Владимир с варягами в Новгород и сказал Ярополковым посадникам: «Ступайте к брату моему и скажите ему: Владимир идет на тебя; пристроивайся к битве». Отпустив посадников, Владимир сел в Новгороде и послал в Полоцк, к тамошнему князю Рогволоду, свататься на его дочери Рогнеде. Рогволод спросил у дочери: «Хочешь ли выйти за Владимира?» Она

отвечала: «Нет, не пойду за сына рабыни, а пойду лучше за Ярополка, великого князя киевского». Послы Владимира, возвратясь, пересказали ему всю речь Рогнедину; тогда Владимир, собрав большое войско, варягов и славян, чудь и кривичей, пошел на Рогволода. В то самое время как уже хотели вести Рогнеду к Ярополку, пришел Владимир на Полоцк, убил Рогволода, двоих сыновей его, а дочь взял за себя и пошел на Ярополка.

Когда Владимир пришел к Киеву со множеством войска, то Ярополк не мог противиться ему и затворился в городе с людьми своими и с воеводою Блудом. К этому Блуду Владимир прислал с такими речами: «Возьми мою сторону; если мне удастся убить брата, то ты будешь мне вместо отца и получишь от меня большую честь; ведь не я начал убивать братьев, а он: я же пришел на него из страха, чтоб он и меня не убил». Блуд отвечал послам Владимировым, что будет помогать их князю; и точно, беспрестанно ссылался с ним, убеждая приступить к городу, а Ярополка обманывал, мысля убить его; но по причине граждан нельзя было этого сделать. Тогда Блуд замыслил погубить Ярополка коварством и начал отсоветовать ему выходить из города на битву, говоря: «Беги скорее из Киева; киевляне пересылаются с Владимиром, зовут его на приступ к городу, обещаясь предать тебя ему». Ярополк послушался, выбежал из Киева и затворился в городе Родне, а Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне, где скоро сделался страшный голод; есть пословица теперь: «Беда точно в Родне». В таких обстоятельствах Блуд начал говорить Ярополку: «Видишь, сколько войска у твоего брата; нам его не пересилить; заключай скорее мир». Ярополк отвечал: «Хорошо». Тогда Блуд послал сказать Владимиру: «Мысль твоя сбылась; я приведу к тебе Ярополка, а ты распорядишься как бы убить его». Получив это известие, Владимир пошел на отцовский теремный двор и сел там с дружиною, а Блуд между тем говорил Ярополку: «Ступай к брату и скажи ему: что мне дашь, тем и буду доволен». Ярополк пошел, хотя верный слуга его Варяж и говорил ему: «Не ходи, князь, убьют тебя; беги лучше к печенегам и приведи оттуда войско»; но князь не послушался. Когда Ярополк пришел ко Владимиру и стал входить в двери, то два варяга пронзили его мечами под пазуху, а Блуд между тем захлопнул за ним двери и не дал Ярополковой дружине войти за своим князем; так был убит Ярополк.

После этого варяги сказали Владимиру: «Городто наш; ведь мы его взяли, и потому хотим брать окуп на гражданах, по две гривны с человека». Владимир отвечал им: «Подождите немного, пока сберут деньги за месяц». Варяги ждали, ждали – и ничего не получили; тогда они сказали Владимиру: «Обманул ты нас; позволь нам по крайней мере идти в Грецию». Владимир отвечал: «Ступайте». Потом выбрал из них мужей добрых, смышленных и храбрых и роздал им города; другие же пошли в Царьград, к грекам. Но Владимир еще прежде них послал сказать императору: «Идут к тебе варяги: не держи их в городе, а не то наделают они тебе бед, какие и у нас здесь; лучше разошли их по разным местам, а сюда к нам не пускай ни одного». После этого начал княжить Владимир в Киеве один и поставил разные кумиры на холму, за двором теремным: Перуна деревянного, а голова у него серебряная, ус золотой; кроме него – Хорса, Дажбога, Стрибога, Симаргла и Мокоша. Приносили им жертвы, называя богами своими; приводили сыновей своих и дочерей и приносили жертвы богам: осквернилась кровью земля Русская и холм тот. Но бог не хотел смерти грешникам; на том холме теперь церковь стоит св. Василия; но об этом после скажем, а теперь к прежнему возвратимся.

Пошел Владимир на ляхов и занял города их – Перемышль, Червен и другие, которые и теперь под Русью; победил вятичей и наложил на них дань от плуга, как и отец его брал. Когда князь пришел в Киев и приносил жертву кумирам, вместе с людьми своими, то старцы и бояре сказали: «Бросим жребий на мальчиков и девиц; на кого падет, того и зарежем богам». В это время жил в Киеве один варяг; двор его стоял там, где теперь церковь св. Богородицы, построенная Владимиром; варяг этот пришел из Греции, держал веру христианскую, и был у него сын прекрасный лицом и душою; на него и пал жребий. Посланные от народа пришли к старому варягу и сказали: «На твоего сына пал жребий; боги выбрали его себе, чтоб мы принесли его им в жертву». Варяг отвечал: «То не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгниет; ни едят, ни пьют, ни говорят; сделаны руками из дерева; бог же один, которому служат греки и кланяются; он сотворил небо и землю, звезды и луну, и солнце, и человека и дал ему жить на земле; а эти боги что сотворили? они сами сделаны руками человеческими; не дам сына своего бесам». Посланные пересказали слова варяга гражданам; тогда народ, взяв оружие, пошел на варяга и

разломал забор около его дома. Варяг стоял на сених с сыном; ему кричали: «Отдай сына; нам нужно принести его в жертву богам». Он отвечал: «Если то в самом деле боги, то пусть пошлют одного бога взять моего сына; а вы из чего так хлопчете?» В народе раздался яростный крик; толпа бросилась, подрубили сени под обоими варягами; и таким образом убили их, и никто не знает, где их похоронили.

В 988 году пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий; корсунцы заперлись в городе и крепко оборонялись. Владимир послал сказать им: «Если не сдадитесь, то три года простою здесь»; но они не послушались. Тогда Владимир, устроив свое войско, велел делать насыпи около города; но корсунцы, подкопав городскую стену, уносили насыпанную землю к себе в город. В это время один житель корсунский, именем Настас, пустил стрелу в стан русский, а на стреле было написано: «На востоке от тебя колодезь; из него вода идет по трубе в город; откопай колодезь и перейми воду». Владимир тотчас велел копать, и точно воду переняли у граждан; тогда последние, изнемогши от жажды, сдались. Владимир вошел в город с дружиною и послал сказать императорам Василию и Константину: «Вот я взял ваш славный город; слышу, что у вас есть сестра девица: если вы не отдадите ее за меня, то и стольному городу вашему будет то же, что и Корсуню». Оба царя, услышав это, сильно огорчились и отвечали: «Неприлично христианам выдавать сестер своих за неверных; если крестишься, то и сестру нашу получишь и вместе с нею царство небесное, а с нами будешь единоверник; если же не хочешь креститься, то не можем выдать за тебя сестры». Владимир отвечал послам императорским: «Скажите царям, что я готов креститься, потому что и прежде испытал ваш закон, и мне нравится ваша вера и богослужение». Цари, услыша это, обрадовались и послали ко Владимиру сестру свою, именем Анну, которую насилу уговорили идти; она села на корабль, простилась с родными и с плачем поплыла через море. Когда царевна приехала в Корсунь, Владимир крестился, а после крещенья обвенчался на Анне и пошел с нею в Киев. Пришед туда, он велел повестить народу: «Кто не придет к реке креститься, богатый ли или бедный, тот будет мне противен». Услышав это, люди шли с радостью, говоря: «Если б эта вера была не хороша, то князь и бояре не приняли бы ее». На другой день Владимир вышел с

духовенством на Днепр, куда собралось множество людей: все вошли в воду и стояли в ней – одни по шею, другие по грудь, малолетные у берега, возрастные же дальше, и держали на руках младенцев, а священники читали молитвы.

Глава IV

О том, как Владимир воевал с печенегами, и о смерти Владимира

Владимир велел строить церкви в Киеве и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры; так поставил он церковь св. Василия на холме, где прежде стоял Перун и где приносили жертвы князь и люди; и по другим городам начал ставить церкви и к ним священников, и людей приводить на крещение по всем городам и селам. Послал также взять у лучших граждан детей и отдать их в книжное ученье; при этом матери плакали по своим детям, как по мертвецах, потому что не были еще утверждены в вере.

В 991 году пошел Владимир на хорватов. Только что возвратился он с Хорватской войны, и вот печенеги пришли с той стороны, от реки Сулы; Владимир пошел против врагов и встретил их на реке Трубеж. Русские стали на этой стороне, а печенеги на той, и не смели ни наши перейти на печенежскую сторону, ни печенеги на нашу. Тогда приехал князь печенежский к реке, позвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего воина, и я своего – пусть борются, и если твой осилит моего, то не будем воевать три года, если же наш одолеет, то будем разорять вашу землю целые три года». После этого разговора князья разошлись розно; Владимир, пришедши к себе в стан, послал кликать по шатрам: «Нет ли такого, кто бы взялся биться с печенегом?» – и не сыскался никто. На другое утро приехали печенеги и привели своего бойца, а у наших никого не было... Стал тужить князь Владимир и послал опять кликать по всему войску; тогда пришел к князю старик и сказал ему: «Князь! вышел я сюда на войну с четырьмя сыновьями, а пятый, меньшей, остался дома; с самого детства не было человека, кто бы одолел его: однажды он мят воловью кожу, а я стал его за что-то бранить, так он, рассердясь на меня, прорвал кожу руками». Князь, слыша это, обрадовался и послал за силачом; когда он пришел, то князь рассказал ему в чем дело; тот отвечал: «Не знаю, князь, могу ли биться с печенегом; но пусть испытают меня: нет ли здесь большого и сильного быка?» Нашли быка, большого и сильного, велели разъярить его горячим железом и пустили на волю: когда бык бежал мимо силача,

тот схватил его рукою за бок и вырвал кожу с мясом. Владимир, видя это, сказал ему: «Можешь, биться с печенегом». На другое утро пришли печенеги и начали опять кричать: «Что же? нашелся ли боец? а наш уже готов!» Владимир еще за ночь велел своему бойцу вооружиться, и вот оба показались. С печенежной стороны вышел великан, страшный видом; выступил и Владимиров богатырь: он был среднего роста, и потому печенег, увидав его, начал смеяться. Размерили место между обоими полками, пустили борцов: те схватились и начали крепко щемить друг друга; наш стиснул печенега руками до смерти и ударил его о землю; тогда с обеих сторон раздался крик; печенеги побежали; русские ударили вслед за ними и прогнали их. Владимир был очень рад, сделал богатыря знатным человеком, и отца его тоже; потом возвратился в Киев с победою и славою великою.

В 995 году опять пришли печенеги к городу Василеву. Владимир вышел против них с малою дружиною, и когда вступил в битву, то не мог удержаться, побежал и едва укрылся от врагов под мостом. Тут обещался Владимир поставить церковь св. Преображения в Василеве, потому что в тот день было Преображение. Избавившись от беды, Владимир точно поставил церковь и сделал большой праздник, наварил меду и созвал бояр своих, и посадников, и старшин из всех городов, и всяких людей много, а нищим роздал триста гривен. Праздновав восемь дней, Владимир возвратился в Киев на Успение Богородицы и тут опять сделал большой праздник, создав бесчисленное множество народа. Он приказывал всякому, нищему и убогому, приходить на княжий двор и брать все что надобно: питье, кушанье и деньги из казны. Князь говорил также: «Ведь больные и слабые не могут дойти до моего двора» – и потому велел сделать телеги, накладывать на них хлеб, мясо, рыбу, овощи разные, мед, квас и развозить по городу, спрашивая: «Где больные и нищие, кто ходить не может?» – тем раздавали все это. Каждое воскресенье завел он на дворе своем пиры, куда приходили бояре, дворяне, соцкие, десяцкие, лучшие люди, при князе и без князя; на тех пирах бывало множество мяса: говядины и дичины, было много всего. Вот, бывало, как подопьют, то и начнут роптать на князя, говоря: «Что это наше здесь за житье горькое! дает нам есть деревянными ложками, а не серебряными!» Владимир, услышав ропот, велел подавать серебряные ложки и сказал: «С серебром и золотом не найдешь дружины, а с

дружиною найду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра». Владимир любил свою дружину и думал с нею обо всяких делах: об устройстве земском, о войнах, об уставах земских. С окольными князьями жил он мирно, и с польским князем, и с венгерским, и с богемским: были между ними мир и любовь.

В 997 году Владимир пошел к Новгороду за войском на печенегов, потому что войны были беспрестанные. В это время печенеги, узнав, что князя нет, пришли и стали около Белгорода, не давая никому выхода, от чего сделался вдруг большой голод. В такой беде граждане собрали вече и сказали: «Пришлось помереть с голода, а от князя нет помощи; сдадимся печенегам: кого убьют, а кого в живых оставят; нам все равно помирать же голодную смертью». Так и решили. На этом вече не было одного старика, и когда он после спросил: «Зачем это собирали вече?» – то ему отвечали, что завтра хотят сдаться печенегам. Старик послал за городскими старшинами и сказал им: «Что это я слышал, будто вы хотите сдаться печенегам?» Те отвечали: «Да что ж будешь делать? люди не хотят терпеть голода». Тогда старик сказал им: «Послушайте же меня, не сдавайтесь еще денька три и сделайте так, как я вам скажу». Когда те обещали слушаться его, старик продолжал: «Сберите хоть по горсти овса, или пшеницы, или отрубей». Старшины исполнили его волю. Тогда он велел женщинам сделать раствор, на чем кисель варят; велел также выкопать колодезь, вставить в него кадку и налить ее раствором; велел выкопать и другой колодезь и в него вставить кадку. Потом велел сыскать гденибудь меду; ему принесли его целое лукошко: спрятано оно было в княжеском погребе; старик приказал сделать из него сыту пресладкую и вылить в кадку, которая стояла в другом колодезе. На другой день он велел послать за печенегами; граждане пошли и сказали им: «Возьмите у нас заложников, а сами подите, человек с десять, в город и посмотрите, что у нас делается». Печенеги обрадовались, думая, что хотят им сдаться: взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей и послали в город проведать, что там такое делается. Когда печенеги пришли в город, то жители сказали им: «Зачем вы себя губите? хоть десять лет стойте под нашим городом, ничего не сделаете: у нас сама земля дает корм; если же не верите, посмотрите своими глазами». Сказав это, привели их к колодезю, где был раствор, почерпнули из него ведром и налили в

котлы; когда сварили кисель, то взяли печенегов, и привели к другому колодцу, почерпнули сыты, и начали есть, сперва сами, а потом дали и печенегам. Те удивились и сказали: «Ни за что не поверят наши князья, если сами не отведают». Тогда граждане налили горшок раствора и сыты из колодца и дали печенегам; те пошли к своим и рассказали им все, что с ними случилось. Князья печенежские сварили себе кисель, поели, подивились, потом собрались и пошли прочь от города.

В 1014 году сын Владимира, Ярослав, который княжил в Новгороде и давал каждый год в Киев по две тысячи гривен, а тысячу раздавал в самом Новгороде дружине, что делали и все прежние посадники новгородские, в этот год вдруг не захотел давать дани отцу своему. Владимир сказал: «Поправляйте дороги и мостите мосты», – потому что хотел идти на Ярослава войною, да вдруг разболелся. Между тем слышали, что печенеги идут на Русь; Владимир выслал против них сына своего Бориса, а сам сильно разболелся; в этой болезни и умер.

Глава V

О том, что случилось по смерти Владимира, и о княжении Ярослава

По смерти Владимира в Киеве сел старший сын его Святополк. Он созвал киевлян и начал давать им подарки; киевляне брали, но сердце их не лежало к Святополку, потому что братья их были с Борисом. Борис уже возвратился с войском назад, не нашед печенегов, как вдруг пришла к нему весть: «Отец у тебя умер». Борис горько плакал, потому что он был у Владимира сын любимый. Отцовская дружина сказала ему: «Вот у тебя отцовская дружина и войско; пойдя, сядь в Киеве на отцовском столе». Борис отвечал: «Не подниму руки на брата старшего; если и отец у меня умер, то пусть Святополк будет мне вместо отца». Услыхав такой ответ, воины разошлись от Бориса, который остался на реке Альте с одними своими отроками. Между тем Святополк задумал незаконное дело и послал сказать Борису: «Хочу с тобою любовь иметь и придам тебе еще к той волости, которую получил ты от отца»; но все это была лесть: он хотел погубить его. Ночью пришел Святополк в Вышгород, тайно призвал Путшу, городских старшин и сказал им: «Преданы ли вы мне всем сердцем?» Путша и другие вышгородцы отвечали: «Головы свои за тебя сложим». Тогда он сказал им: «Не говоря никому ни слова, ступайте и убейте брата моего Бориса»; те обещали немедленно исполнить его волю. Ночью пришли они к реке Альте, и когда подступили поближе, то услышали, что Борис поет заутреню: к нему уже пришла весть, что собираются погубить его. Помолившись, он лег на постель, – и вот убийцы, как дикие звери, напали на шатер, просунули в него копья и прокололи Бориса; вместе с ним прокололи и слугу его, который пал на него, желая телом своим защитить господина. Это был любимец Бориса, звали его Георгием, родом он был из Венгрии; Борис его очень любил и надел на него большую золотую цепь, в которой он всегда находился при князе; тут же было побито и много других отроков Борисовых. Сам Борис еще дышал, когда убийцы завернули его в шатерное полотно, положили на колесницу и повезли. Святополк,

узнав, что Борис еще дышит, послал двух варягов прикончить его; когда посланные пришли и увидели, что князь еще жив, то один из них вынул меч и пронзил его в сердце. Так скончался блаженный Борис; тело его принесли тайно в Вышгород и положили в церкви св. Василия. Тогда окаянный Святополк начал думать: «Вот я убил Бориса: как бы убить Глеба?» Для этого он послал с лестию к Глебу, веля сказать ему: «Приезжай сюда поскорее, отец тебя зовет, он очень болен». Глеб немедленно сел на коня и пошел с малою дружиною, потому что был послушлив отцу. В это же время пришла весть в Новгород к Ярославу, от сестры его Предславы, об отцовской смерти, и Ярослав послал сказать Глебу: «Не ходи: отец у тебя умер, и брат твой убит Святополком». Услыхав это, Глеб горько заплакал об отце, но еще больше плакал он о брате. Когда Глеб молился со слезами, внезапно пришли убийцы, посланные Святополком; отроки Глебовы обмерли от страха; окаянный Горясер, один из посланных Святополком, велел тотчас же зарезать князя; повар Глебов, именем Торчин, вынув нож, зарезал своего господина; злодеи возвратились назад и сказали Святополку: «Мы исполнили твою волю».

Этот Святополк окаянный убил и третьего брата, Святослава, послав догнать его, когда тот бежал в Венгрию. После третьего убийства Святополк начал думать: «Перебью всех своих братьев и стану владеть один Русскою землею». Когда еще Ярослав новгородский не знал об отцовой смерти, то, собираясь воевать с Владимиром, призвал множество варягов; эти варяги делали новгородцам большое насилие; новгородцы встали и перебили их. Ярослав рассердился и, зазвав к себе хитростию лучших новгородцев, перебил их всех. Но в ту же самую ночь получил он весть из Киева от сестры Предславы, которая писала: «Отец твой умер, а Святополк сидит в Киеве, убил Бориса, а на Глеба послал; берегись его». На другой день, собрав остаток новгородцев, Ярослав сказал им со слезами: «Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве да братьев убивает». Новгородцы отвечали: «Хотя братья наши и перебиты, но все можем стать за тебя». Тогда Ярослав собрал войско и пошел на Святополка, призвав бога в свидетели своей правды; он говорил: «Не я начал избивать братьев, но он; пусть будет бог мстителем за кровь братьев моих, потому что Святополк без вины пролил кровь праведного Бориса и Глеба: что ж, он, пожалуй, и со мной то же

сделает?» Святополк, узнав, что Ярослав идет на него, пристроил множество войска, руси и печенегов, и вышел к Любечу.

Оба брата стали, один по сю, другой по ту сторону Днепра, но ни тот, ни другой не смели начать битвы, и так стояли три месяца друг против друга. Тогда Святополков воевода, ездя возле берега, начал укорять новгородцев; он кричал им: «Что вы пришли с вашим хромым князем? ах, вы, плотники! вот мы заставим вас строить нам хоромы!» Услыхав такую брань, новгородцы сказали Ярославу: «Завтра переведемся на ту сторону; если же кто не пойдет с нами, того сами убьем». В это время уже настали морозы; Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиною; а Ярослав, рано утром оставив свою дружину, на рассвете перевезся на другую сторону реки. Когда новгородцы вышли на берег, то оттолкнули лодки и ударили на врагов. Сеча была злая; печенегам нельзя было озером помочь Святополку, и новгородцы притиснули неприятелей к озеру; те сошли на лед, лед под ними подломился, и Ярослав начал одолевать. Тогда Святополк побежал в Польшу, а Ярослав сел в Киеве на столе отцовском и дедовском.

В 1018 году пришел Болеслав, король Польский, с Святополком на Ярослава. Ярослав собрал русь, варягов, славян и пошел навстречу к Болеславу; враги стали по берегам реки Буга. У Ярослава был воспитатель и воевода именем Будый; он начал смеяться над Болеславом, говоря: «Вот мы проткнем тебе палкою брюхо твое толстое!» Болеслав был велик и тяжел, так что насилу мог сидеть на коне, но был смышлен; услышав насмешки, он сказал дружине своей: «Если вы можете терпеть такой укор, то я один пойду на врагов и погибну». Сказав это, он сел на коня и въехал в реку, за ним бросилось и войско его. Ярослав не успел приготовиться, был побежден и убежал только с четырьмя мужами в Новгород, а Болеслав пошел в Киев со Святополком. Когда Ярослав прибежал в Новгород и хотел уже оттуда бежать за море, то посадник Константин с новгородцами рассек лодки его, сказав: «Хотим еще биться с Болеславом и Святополком». Они начали собирать деньги, призвали варягов, роздали им жалованье, и Ярослав собрал много войска. Болеслав в это время сидел в Киеве, и дружина его была разведена по городам; окаянный Святополк сказал своим: «Сколько ни есть поляков по городам бейте их»; и поляков перебили. Тогда Болеслав побежал из Киева, взяв имение и бояр

Ярославовых, и всяких людей множество повел с собою в плен, занял и города Червенские. Святополк же начал княжить в Киеве и, услышав, что Ярослав идет на него, убежал к печенегам.

В 1019 году пришел Святополк с печенегами в силе тяжкой; Ярослав, также собрав множество войска, вышел против него на реку Альту, и покрылось Альтское поле толпами воинов. Была тогда пятница, только что показалось солнце, враги сошлись; сеча была злая, какой еще не бывало на Руси; секлись, схватывая друг друга за руки, и схватывались трижды; кровь текла ручьями по удолям; к вечеру одолел Ярослав, и Святополк бежал.

В 1022 году брат Ярослава Мстислав, который княжил в Тмутаракани, пошел на косогов. Косожский князь Редедя вышел против него с войском, и когда оба, исполчившись, стали друг против друга, то Редедя сказал Мстиславу: «Для чего нам губить дружину? Сойдемся лучше сами бороться, и если ты одолеешь, то возьмешь все мое имение, и жену, и детей моих, и землю мою; если же я одолею, то возьму все твое». Мстислав согласился. Тогда Редедя сказал: «Будем бороться без оружия», – и начали бороться крепко и уже долго боролись; когда Мстислав стал изнемогать, потому что Редедя был велик и силен, то сказал: «Пречистая Богородица, помоги мне; если одолею врага, то построю церковь в твое имя». Сказав это, он ударил Редедю об землю, вынул нож и зарезал его; потом пошел в его землю, взял все имение, жену, детей и наложил дань на косогов; когда же пришел в Тмутаракань, то заложил церковь св. Богородицы и построил ее.

В 1024 году, когда Ярослав был в Новгороде, пришел Мстислав из Тмутаракани к Киеву, и не приняли его киевляне; тогда он пошел и сел в Чернигове, а Ярослав все был в Новгороде. Услышав о приходе Мстислава, он послал за море звать варягов, и вот пришел к нему слепой Якун с варягами. Тогда Ярослав пошел с ним на Мстислава, и оба брата сошлись при Листвене. Мстислав с вечера исполчил дружину и поставил северян в середине против варягов, а сам стал с дружиною своею по бокам. Ночь была претемная, с молниею, громом и дождем; тогда Мстислав сказал дружине: «Пойдем на них!» Враги сошлись; северяне схватились с варягами; и когда варяги утомились, поражая северян, тогда наступил на них Мстислав с дружиною и начал бить варягов. Сильная была сеча! Как осветит молния, так и заблестит

оружие; и гроза была большая, и сеча была сильная и страшная. Когда Ярослав увидал, что побежден братом, то побежал вместе с Якуном: Ярослав пошел в Новгород, а Якун за море. Мстислав же на другой день, на рассвете, видя трупы своих северян и Ярославовых варягов, сказал: «Кто этому не порадуется? вот лежит северянин, а вот варяг; а дружина моя цела». После победы Мстислав послал сказать Ярославу: «Сядь в своем Киеве: ты старший брат, а мне будет эта сторона». На другой год Ярослав заключил мир с братом, и разделили Русскую землю по Днепр: Ярослав взял правую сторону, а Мстислав левую, и начали жить мирно, в братолюбьи, усобицы и мятежи перестали, и была большая тишина в земле. В 1036 году Мстислав вышел на охоту, разболелся и умер; положили его в церкви св. Спаса, в Чернигове, которую сам построил. Мстислав был полон, красноват лицом, с большими глазами; был храбр на войне, милостив, очень любил дружину, не щадил для нее ни имения, ни еды, ни питья. Владение его досталось Ярославу, и стал Ярослав самовластцем в Русской земле.

В 1043 году послал Ярослав сына своего Владимира на греков и дал ему много войска, а воеводство поручил Вышате. Вот и пошел Владимир в лодках; пришли в Дунай, а отсюда отправились к Царюграду. Вдруг поднялась большая буря и русские корабли разбило, князя Владимира взял к себе в корабль Иван Творимирич, воевода Ярославов; прочие же воины, числом 6000, выброшены были на берег и хотели идти в Русь, но никто из дружины княжеской не хотел идти с ними. Тогда Вышата сказал: «Я пойду с ними; останусь жив, хорошо, а погибну, все лучше, с дружиною». Когда к грекам пришла весть, что русские корабли разбиты бурей, то царь, именем Мономах, послал свои корабли вслед за неприятелем. Владимир, видя с дружиною, что за ними погоня, обратился назад, разбил греческие корабли и пришел в Русь; но Вышату с остальным войском греки взяли в плен и привели к Царьграду, где много русских ослепили; только уже через три года, когда заключен был мир, пустили Вышату в Русь к Ярославу.

В 1054 году умер великий князь русский Ярослав. Еще при жизни он урядил сыновей своих, сказав им: «Вот я отхожу из этого света, дети мои; любите друг друга, потому что вы дети одного отца и матери. Если будете жить в любви друг с другом, то бог будет среди вас, покорит вам всех врагов, и будете жить мирно; если же станете

ненавидеть друг друга, жить в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов, которую они достали себе трудом великим. Но живите мирно, слушаясь брат брата. Вместо себя поручаю Киев старшему сыну своему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как меня слушались: он будет вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, Всеволоду Переяславль и Вячеславу Смоленск». Так поделил он между ими города, приказав им не вступаться в братние области и не выгонять друг друга, а Изяславу сказал: «Если кто вздумает обижать брата своего, то ты помогай обиженному». Ярослав умер в Вышегороде; при нем был тогда третий сын его, Всеволод, которого он любил больше всех и держал всегда при себе. Всеволод положил тело отца своего в сани и повез в Киев; по дороге священники пели обычные песни, а народ провожал с плачем; привезши в Киев, положили его в мраморном гробе, в церкви св. Софии, и плакали по нем Всеволод и все люди.

Глава VI

О княжении Изяслава Ярославича

Когда Изяслав, по смерти отца, начал княжить в Киеве, то племянник его Ростислав, сын Владимира Ярославича, побежал в Тмутаракань и выгнал оттуда Глеба, сына Святослава Черниговского. Святослав пошел к Тмутаракани на Ростислава, и тот вышел вон из города, не потому, что испугался его, но потому, что не хотел поднять оружия против родного дяди. Святослав, пришед в Тмутаракань, посадил там опять сына своего Глеба и пошел назад домой в Чернигов; но как скоро он удалился, то Ростислав пришел опять, выгнал Глеба и сел в Тмутаракани. Утвердившись здесь, он стал брать дань у кософов и в других странах. Греки испугались и подослали корсунского правителя извести князя коварством. Правитель пришел к Ростиславу; тот совершенно вверился ему и начал оказывать большую честь. Однажды, когда Ростислав пировал с дружиною, грек сказал ему: «Князь! хочу пить за твое здоровье»; Ростислав отвечал: «Пей». Грек выпил половину чаши, а другую половину подал выпить князю; но прежде незаметно обмакнул в чашу палец, а под ногтем у него был яд, который должен был подействовать в седьмой день. Когда князь выпил свою долю, то отравитель скрылся и, приехав в Корсунь, объявил, что в тот день умрет Ростислав, как и случилось. Ростислав был муж доблестный, воинственный, телом строен, красив лицом и милостив к убогим.

В 1066 году начал войну Всеслав, князь полоцкий, и занял Новгород; трое Ярославичей: Изяслав, Святослав и Всеволод, собравши войско, пошли на Всеслава, когда на дворе стояли страшные морозы. Ярославичи пришли к Минску; жители его затворились в городе; но князя взяли Минск, перебили мужчин, жен и детей повели в полон и пошли к реке Немизе. Всеслав вышел к ним навстречу. Враги сошлись на Немизе; глубокие снега лежали на полях; несмотря на то, однако, войска пошли друг против друга, и была злая сеча; много людей пало с обеих сторон, но Ярославичи одолели, и Всеслав бежал. Потом Изяслав, Святослав и Всеволод поцеловали Всеславу

крест и сказали ему: «Приди к нам, мы не сделаем тебе никакого зла». Всеслав понадеялся на крестное целование и переехал в лодке через Днепр. Но Изяслав нарушил клятву: схватив Всеслава в своем шатре, привез в Киев и посадил в темницу, вместе с двумя сыновьями. В следующий год пришли иноплеменники на Русскую землю, половцы, большими толпами. Изяслав, Святослав и Всеволод вышли к ним навстречу на реку Альту, ночью произошла битва; половцы победили, и русские князья обратились в бегство: Изяслав с Всеволодом побежали в Киев, а Святослав в Чернигов. Когда киевляне прибежали в свой город, то созвали вече на торговой площади и послали сказать князю: «Вот половцы рассеялись по земле; дай нам, князь, оружие и коней; хотим биться с ними». Князь не послушал их. Тогда люди начали кричать на воеводу Коснячка; пошли с веча на гору, пришли на двор к Коснячку и, не найдя его дома, остановились у двора Брючиславова и сказали: «Пойдем, высадим дружину свою из тюрьмы». Толпа разделилась надвое: одни пошли к тюрьме, а другие по мосту, на княжеский двор. Изяслав сидел тогда на сенях с дружиною и начал спорить с народом: народ стоял внизу, а князь смотрел из окошка с дружиною. Тогда один из бояр сказал Изяславу: «Видишь, князь, народ так и взвыл, пошли постеречь Всеслава, а то долго ль до беды». Не успел он еще договорить, как другая половина народа пришла от тюрьмы, отворивши ее; тогда дружина начала говорить князю: «Беда теперь! пошли когонибудь к Всеславу, чтоб хитростью приманил его к окну и пронзил мечом». Князь не послушался. Тогда в толпе народа раздался крик, и все двинулись к темнице Всеслава. Изяслав, увидав это, побежал вместе с братом Всеволодом, а народ выпустил Всеслава из темницы и поставил его среди княжеского двора; имение Изяслава было разграблено, он убежал в Польшу. Между тем половцы воевали по Русской земле; когда они стали опустошать окрестности Чернигова, то Святослав собрал несколько дружины и вышел против них. Увидав множество половцев, выстроившихся на битву, Святослав сказал дружине: «Станем крепко, ведь нам теперь некуда деться», – и русские поскакали на врагов; Святослав одолел с своими тремя тысячами, тогда как половцев было двенадцать тысяч; одни из них были побиты, другие потонули в реке, а князя их поймали руками живого. Таким образом Святослав возвратился с победою в свой город.

В 1068 году пошел Изяслав с Болеславом, королем Польским, на Всеслава; тот вышел против них; но когда прибыл в Белгород, то ночью тайком от киевлян бежал в Полоцк. Киевляне, увидав на другой день, что князь убежал, возвратились в Киев, собрали вече и послали сказать Святославу и Всеволоду: «Мы сделали дурно, что прогнали своего князя; но вот он ведет теперь на нас поляков; ступайте в город отца вашего; если же не хотите, то нам нечего больше делать: зажжем свой город, да и уйдем в греческую землю». Святослав отвечал им: «Мы пошлем к брату; если он пойдет с поляками губить вас, то мы выступим против него ратью, не дадим изгубить отцовского города; если же он захочет мира, то придет с малою дружиною». Этими словами князья утешили киевлян. В самом деле, Святослав и Всеволод послали сказать Изяславу: «Всеслав убежал; не води поляков в Киев: там тебе не будут противиться; если же ты все еще сердишься и хочешь изгубить город, то знай, что мы пожалеем отцовского стола». Услышав это, Изяслав оставил поляков и пошел с Болеславом, взявши только маленький отряд войска; но наперед послал в Киев сына своего Мстислава. Мстислав, пришедши в город, умертвил тех, которые освободили Всеслава, числом 70 человек, других ослепил, иных погубил и без вины, не исследовав дела. Когда сам Изяслав приблизился к городу, то киевляне вышли к нему навстречу с поклоном и с честью приняли своего князя.

В 1073 году встала распря между братьями Ярославичами: Святослав соединился со Всеволодом на Изяслава; последний принужден был выйти из Киева, и младшие братья вошли туда, нарушив завещание отцовское. Святослав был всему виною: желая иметь больше власти, он стал говорить Всеволоду: «Изяслав сносится со Всеславом, мысля на нас зло; если не предупредим его, то прогонит он нас». Такими речами возбудил Святослав Всеволода на Изяслава. Последний отправился, как и прежде, в Польшу, взявши с собою большие сокровища. Он говорил: «С деньгами я найду себе войско»; но ошибся: поляки обобрали у него имения и показали путь от себя.

В 1076 году умер Святослав Ярославич и его место занял Всеволод; но в следующем же году явился Изяслав с поляками; Всеволод пошел к нему навстречу на Волынь: здесь братья заключили мир, и Изяслав сел опять в Киеве. Скоро, однако, племянники его, которым он не дал областей – Олег Святославич и Борис Вячеславич, –

привели половцев на Русскую землю и пошли на Всеволода; тот вышел против них и был побежден. Олег и Борис пришли в Чернигов, думая, что одолели дядю, и начали делать много зла Русской земле, проливая кровь христианскую. Разбитый Всеволод пришел к брату Изяславу, в Киев; когда братья поздоровались и сели, то Всеволод рассказал все, что с ним случилось. Изяслав отвечал ему на это: «Не тужи, брат! ты знаешь, сколько и со мною самим случилось бед: прежде всего не выгнали ли меня и не разграбили ли мое имение? и потом в чем я провинился, а между тем былтаки изгнан вами! не скитался ли я по чужим землям, лишенный всего имущества? а видит бог, что зла я не сделал никакого; и теперь, брат, не будем тужить; если остались в Русской земле, то оба останемся; если же лишать нас ее, то обоих вместе: я сложу за тебя свою голову». Сказавши это, он утешил Всеволода и велел собирать войско, от мала до велика, после чего выступили в поход – Изяслав с сыном своим Ярополком и Всеволод с сыном Владимиром. Когда племянники услышали, что дяди идут на них, то Олег сказал Борису: «Нам нельзя идти к ним навстречу, нельзя стать против четырех князей, пошлем лучше к дядям просить мира». Борис отвечал: «Ты только смотри, а я один пойду на них всех». Как сказал, так и сделал: у села Нежatina Нива сошлись дядья с племянниками, и была сеча злая: сперва убили Бориса, сына Вячеславова, который так много прежде хвалился, потом убит был и великий князь Изяслав; несмотря на то, однако, брат его Всеволод остался победителем, и Олег едва успел убежать в Тмутаракань.

Когда тело Изяслава привезено было в лодке, то вышел к нему навстречу весь Киев; священники и монахи с песнями понесли его в город, но песен было не слышать от плача и от воплей, потому что плакал по нем весь Киев; сын его Ярополк шел позади его тела, плакал с дружиною и приговаривал; «Батюшка, батюшка! много ли пожил ты без печали на свете? много напастей принял ты от людей своих и от братьев своих; но вот теперь погиб ты не от брата, а за брата положил голову свою». Изяслав был взрачен и высок ростом; нравом незлобив, коварство ненавидел, любил правду, лести в нем не было, ум имел простой и не платил злом за зло. Как с ним поступили киевляне! самого выгнали, дом разграбили, однако он не отплатил им злом за зло. Если кто скажет: а как же он перебил тех, которые освободили Всеслава из темницы? – Но ведь то не сам он сделал, а сын его. Потом

прогнали его родные братья, и он скитался по чужой земле; когда же снова сел на столе своем и побежденный Всеволод пришел к нему, то Изяслав не сказал брату: «А я сколько от вас натерпелся?» – не отплатил злом за зло, но утешил, говоря: «Как ты, брат, показал ко мне любовь, ввел меня на стол мой и назвал старшим, так и я теперь не помяну первого зла; мы братья родные, и я положу голову свою за тебя», что и случилось на самом деле; не сказал он ему: «Сколько зла наделали вы мне, и вот теперь с тобою то же случилось»; не сказал: «Ступай от меня, ищи помощи, где хочешь»; но взял на себя печаль братнюю и великую показал любовь, поступив по «Апостолу», который велит утешать печальных.

Глава VII

О княжении Всеволода Ярославича и Святополка Изяславича

По смерти Изяслава Всеволод сел в Киеве, на столе отца своего и брата своего, взяв один все владения русские. В 1093 году он умер. Этот князь из детства был боголюбив, любил правду, раздавал большую милостыню нищим, чтит духовенство, особенно же любил монахов, был очень воздержен, за что отец любил его больше всех других сыновей и обыкновенно говаривал ему: «Радуюсь, слыша о твоей кротости и видя, как ты покоишь мою старость; если, бог даст, сядешь на моем столе, после братьев своих, как следует по порядку, а не насилием, и когда бог пошлет тебе кончину, то ляжешь там же, где и я, у моего гроба, потому что люблю тебя больше всех других твоих братьев». Когда Всеволод начал княжить в Киеве, то забот стало у него больше, чем когда он княжил в Переяславле, потому что племянники беспрестанно докучали ему, все просили областей, тот ту, другой другую; великий князь только и знал, что мирил их да раздавал волости; а тут начались болезни разные, к ним приспела и старость; Всеволод начал любить молодую дружину и с нею обо всем советоваться, а молодые стали отводить его от старой дружины и наговаривать ему на нее; в судах пошли притеснения; наместники стали грабить людей, брать с них взятки, а великий князь ничего об этом не знал в своих болезнях.

По смерти Всеволода сын его Владимир Мономах стал думать: «Если сяду на престоле отца своего, то будет у меня непременно война с Святополком потому, что Киев прежде принадлежал отцу его». Размыслив таким образом, он послал за Святополком в Туров; а сам пошел в Чернигов. После Светлого Воскресенья пришел Святополк в Киев; киевляне вышли к нему навстречу с поклоном и приняли его с радостью. В это время пошли половцы на Русскую землю и, услышав, что Всеволод умер, отправили послов к Святополку просить мира. Святополк не посоветовался с старшею дружиною отцовскою и дядиною, а только с дружиною, которая пришла с ним из Турова, и, по совету последней, схватив половецких послов, посадил их под стражу:

это раздражило половцев, и они рассеялись всюду для войны и грабежа. Тогда Святополк испугался и выпустил послов, желая мира, но уже теперь половцы не хотели мириться и продолжали опустошать Русь. Святополк начал собирать войско, думая идти на врагов; тогда умные бояре сказали ему: «Куда тебе против них! посмотри, как у тебя мало войска»; Святополк отвечал: «У меня 800 отроков, довольно будет: могут стать против половцев»; и несмысленные советники также подстрекали его: «Ступай, князь, нечего бояться». Но благоразумные бояре твердили свое. «Если бы ты собрал 8000, – говорили они, – и то было бы мало: наша земля оскудела от войны и от налогов; пошли лучше к брату своему Владимиру за помощью». На этот раз Святополк послушался их, послал к Владимиру за помощью, и тот немедленно собрал войско. Когда он пришел в Киев и соединился с Святополком, то между князьями начались распри; тогда умные бояре стали говорить им: «Что вы тут ссоритесь, а враги между тем губят Русскую землю; после уладитесь, а теперь ступайте против половцев, либо с миром, либо с войною». Владимир хотел мира, а Святополк войны; когда русские полки пришли к реке Стугне, то и тут Владимир говорил, что надобно мириться; с ним согласны были все умные и опытные мужи, но киевляне не захотели мира и перешли Стугну в самое половодье. Вот и половцы показались с стрельцами наперед, они напали прежде всего на Святополка и стеснили отряд его; сам Святополк стоял крепко, но люди его побежали и увлекли князя. Потом враги наступили и на Владимира; брань была лютая; побежал и Владимир с братом Ростиславом. Когда оба брата стали переправляться через реку Стугну, то Ростислав начал утопать перед глазами Владимира, тот ринулся подхватить брата и едва сам не утонул, а Ростислава не спас. С малою дружиною переправился Владимир через реку, потому что много простых людей и бояр потерял он в битве; переправившись на ту сторону Днепра, горько плакал он по брате своем и по дружине своей и печален возвратился в Чернигов; а половцы, видя, что одолели, пустились воевать по всей земле. Много христиан пострадали в то время; печальные, истерзанные, в страшный холод, в оковах, томимые голодом и жаждою, с бледными лицами, шли русские пленники неизвестною странною, наги и босы, ноги их были исколоты тернием; со слезами и вздохами несчастные спрашивали

друг друга о родной стране; один говорил: я из такого города, а другой: я из такойто веси.

В 1094 году Святополк заключил мир с половцами и взял за себя дочь их князя Тугоркана. В тот же год пришел к Чернигову Олег Святославич с половцами из Тмутаракани; Владимир затворился в городе; неприятели выжгли окрестности и монастыри; и наконец Владимир заключил мир с Олегом и пошел в отцовский город Переяславль, а Олег стал княжить в Чернигове. В 1096 году Святополк и Владимир послали сказать Олегу: «Приезжай в Киев; там мы урядимся о Русской земле перед епископами, игуменами, перед боярами отцов наших и перед людьми городскими: пора нам приняться всем сообща оборонять Русскую землю от поганых». Но Олег загордился и отвечал: «Неприлично мне стать на суд пред епископами и чернию», – и не захотел идти к братьям своим, послушавшись злых советников. Тогда Святополк и Владимир послали сказать ему: «Вот ты не идешь на врагов и не едешь к нам на совет: ты мыслишь на нас зло и хочешь помогать половцам: бог рассудит между нами». Оба князя пошли к Чернигову, откуда Олег бежал в Стародуб: осажденный и здесь двоюродными братьями и доведенный до изнеможения, Святославич запросил мира, Святополк и Владимир отвечали ему: «Ступай к брату своему Давиду, и приходите оба в Киев, стольный город отцов наших и дедов наших; это старейший город во всей земле; здесь должно нам сойтись и урядиться обо всем».

В 1097 году съехались в Любеч Святополк, Владимир, Давид Игоревич, Василько Ростиславич, Давид Святославич и брат его Олег; князья говорили друг другу: «Зачем губим Русскую землю, сами поднимая вражду друг на друга? а половцы несут нашу землю розно и рады, что между нами идут войны; отныне будем сообща, одним сердцем, охранять Русскую землю, и пусть каждый из нас держит свою отчину». Князья целовали крест на том, что если кто-нибудь из них вооружится на другого, то все должны восстать на зачинщика. Из Любеча Святополк с Давидом возвратились в Киев; тогда некоторые мужи из дружины Давида стали говорить своему князю: «Владимир соединился с Васильком на тебя и на Святополка». Давид поверил лживым словам, пошел к Святополку и начал наговаривать ему на Василька. «Вспомни, – говорил он великому князю, – кто убил брата твоего Ярополка, разве не Ростиславичи, Василько с братьями?»

а теперь Василько мыслит на тебя и на меня, соединившись с Владимиром; промышляй о своей голове!» Святополк сильно смутился от этих речей. «Как узнать, – думал он, – правда это или ложь?» Вспомнил он о брате Ярополке, и жаль стало ему брата: потом стал думать и о себе: «Ну как в самом деле это правда, что говорит Давид?» Кончилось тем, что он поверил наговору. Тогда Давид начал опять говорить ему: «Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире». Святополк согласился, что надобно схватить Василька.

В это самое время приехал Василько в Киев; помолившись и поужинавши в Выдубицком монастыре, он хотел было уже на другой день отправиться в свою область, как Святополк прислал сказать ему: «Не ходи от моих именин». Василько отказался, говоря: «Нельзя мне медлить, неравно дома начнется война». И Давид от себя прислал упрашивать его остаться: «Не ходи, брат, не ослушайся брата старшего», – но Василько и тут не послушался. Тогда Давид сказал Святополку: «Видишь, теперь он в твоём городе и знать тебя не хочет; что же будет, как уедет в свою область? увидишь, как займет все твои города; тогда помянешь меня – призови киевлян, вели схватить его и отдай мне». Святополк послушался и послал сказать Васильку: «Если не хочешь остаться до именин моих, то зайди хоть нынче повидаться со мною, и посидим все вместе с Давидом». Василько обещался прийти, не подозревая дурного умысла; он уже сел на коня и поехал, как вдруг на дороге встретился ему один из молодых его дружинников и сказал: «Не езд, князь, хотят тебя схватить». Василько не послушался его, подумав: «Как им меня схватить! разве они не целовали креста, что если кто вооружится на брата, то все будут на зачинщика». Помыслив таким образом, Василько перекрестился и сказал: «Воля господня да будет!» Когда он приехал с малою дружиною на княжеский двор, то Святополк вышел к нему навстречу, и вместе вошли в комнату, куда пришел скоро и Давид. Святополк начал опять уговаривать Василька остаться на праздник; тот отвечал попрежнему: «Не могу остаться: я уже велел обозу моему идти вперед». Между тем Давид сидел, как немой. Святополк снова обратился к Васильку и просил его по крайней мере позавтракать у него. Василько согласился. Тогда Святополк сказал: «Посидите вы здесь вдвоем, а я пойду распоряжусь завтраком» – и вышел вон, а

Давид с Васильком сели. Василько начал было разговор, но у Давида точно не было ни ушей, ни языка: так он перепугался своего замысла. Посидевши немного, Давид спросил: «Где брат?» Ему отвечали: «Там стоит в сенях». Тогда он сказал Васильку: «Я пойду за ним, а ты, братец, посиди» – и вышел. Как скоро Давид вышел, Василька заперли, заковали в двойные оковы и приставили стражу на ночь.

На другое утро Святополк созвал бояр и киевлян и объявил им, что сказал ему Давид, будто Василько убил его брата и сговаривался на него с Владимиром, хотел убить его и овладеть его городами. Бояре и граждане отвечали: «Тебе, князь, должно беречь свою голову; если Давид сказал правду, то пусть Василько примет казнь; если же Давид оклеветал его, то пусть клеветник примет месть от бога; и отвечает пред ним». Но игумены, узнав, что случилось на княжеском дворе, стали просить Святополка за Василька; великий князь отвечал им: «Это все Давид наделал». А Давид, узнав о расположении духовенства и граждан, начал подущать Святополка на ослепление. «Если ты этого не сделаешь, – говорил он, – апустишь Василька, то ни тебе не княжить, ни мне». Святополк хотел отпустить пленника, но Давид никак не хотел этого, потому что сильно боялся Василька. В ту же ночь последнего повезли в Белгород и там ослепили.

Владимир Мономах, услышав, что Василько схвачен и ослеплен, ужаснулся горько; заплакал и сказал: «Никогда еще такого зла не бывало в Русской земле, ни при дедах, ни при отцах наших». Он тотчас велел повестить Давиду и Олегу Святославичам: «Ступайте к Городцу, чтоб поскорее поправить зло, которое случилось в Русской земле: нож ввергнут среди братьев; если мы не исправим этого зла, то еще больше встанет среди нас: начнет брат убивать брата, и погибнет Русская земля; враги наши, половцы, придут и возьмут родную страну нашу». Давид и Олег также сильно опечалились и горько плакали о несчастье Василька. «Не было еще такого злодейства в роде нашем», – говорили они, собрали войско и пришли ко Владимиру. Трое князей, Владимир, Давид и Олег, послали сказать Святополку: «Для чего сделал ты такое зло в Русской земле и ввергнул нож среди нас? за что ослепил брата своего? если б он был виноват в чемнибудь, то ты б обличил его перед нами и, доказав вину, поступил бы с ним как следовало, а теперь объяви нам его преступление, за которое он потерпел такую ужасную казнь?» Святополк отвечал: «Мне сказал Давид Игоревич, что

Василько убил брата моего Ярополка, да и меня хотел убить и занять волость мою, и что будто они уговорились с Владимиром: Владимиру сесть в Киеве, а Васильку на Волыни; мне ведь надобно беречь свою голову, да и не я же ослепил Василька, а Давид – он повел его к себе». Послы союзных князей сказали на это Святополку: «Ты этим не оправдывайся, что Давид ослепил его: не в Давидове городе был он схвачен и ослеплен, а в твоём». На другое утро союзники намеревались уже переправиться за Днепр на Святополка, и тот хотел уже бежать из Киева, но киевляне не пустили его и послали жену покойного великого князя Всеволода да митрополита Николая ко Владимиру с такими речами: «Князь, молим тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли; если начнете рать между собою, то половцы станут радоваться и возьмут землю нашу, которую отцы ваши и деды стяжали трудом великим и храбростию, поборая по Русской земле; они приискивали чужие земли, а вы хотите погубить и русскую». Услыхав это, Владимир расплакался и сказал: «В самом деле отцы наши и деды сберегли Русскую землю, а мы хотим погубить ее», – союзные князья преклонились на просьбу княгини и митрополита и заключили мир с Святополком на том условии, чтобы последний шел с войском на Давида, и либо взял его в плен, либо выгнал из Русской земли.

Между тем Василько содержался в плену во Владимире Волынском; Давид, услышав, что князья поднялись на него за Василька, послал уговаривать слепца, чтоб тот примирил его с рассерженными родственниками, обещая дать ему за это любой город. Василько попросил посланного остаться у себя и, выслав вон слугу, начал говорить ему: «Слышу, что Давид хочет выдать меня полякам; видно, мало еще он напился моей крови, когда хочет выдать меня им, потому что я много наделал зла полякам и еще больше хотел сделать, мстя за Русскую землю. Если он выдаст меня ляхам, то не боюсь смерти; но вот что скажу тебе: поистине наказал меня бог за мою гордость; как пришла весть, что идут ко мне берендеи, печенег и торки, то я и начал думать: вот как будут у меня берендеи, печенег и торки, то скажу братьям своим Володарю и Давиду: дайте мне дружину свою младшую, а сами пейте себе и веселитесь спокойно; я думал: наступлю зимою на землю польскую, а на лето повоюю ее всю и отомщу за Русскую землю; потом хотел я покорить болгар дунайских и поселить их у себя; затем хотел проситься у Святополка и

Владимира идти на половцев, чтоб сыскать себе славу либо сложить голову за Русскую землю. Но клянусь богом и его пришествием, что у меня не было никакого умысла на Святополка и Давида, а низложил меня бог и смирил за мою гордость».

После долгой войны за Василька в 1100 году князья Святополк, Владимир, Давид и Олег снова съехались вместе; пришел к ним и Давид Игоревич и сказал: «Зачем меня призвали? вот я пришел; у кого на меня жалоба?» Владимир отвечал ему: «Ты сам присылал нам сказать: хочу, братья, прийти к вам и пожаловаться на свои обиды, вот теперь ты пришел и сидишь с братьями своими на одном ковре: что ж не жалуешься, кто из нас тебя обидел?» Давид не отвечал ни слова. Тогда все братья встали, сели на коней, разъехались, и каждый стал советоваться о Давиде с своею дружиною; а Давид Игоревич сидел особо вдали, и никто не допускал его к себе. Посоветовавшись, князья послали мужей своих сказать Давиду: «Вот что говорят тебе братья: не хотим дать тебе стола Владимирского на Волыни; потому что ты свергнул среди нас нож, чего прежде не бывало в Русской земле; мы не хотим тебя схватить, не хотим сделать тебе никакого зла; но вот Святополк дает тебе четыре города, а Владимир от себя 200 гривен, да Давид и Олег Святославичи также 200 гривен». Тем и покончили дело.

В 1111 году вложил бог Владимиру в сердце пойти на половцев. Он объявил о своем намерении Святополку, а тот сказал дружине; дружина отвечала: «Не время весною идти в поход: отнимешь только земледельцев от работ». Тогда Святополк послал сказать Владимиру: «Надобно нам съехаться вместе и подумать с дружиною». Владимир приехал, и сели в одном шатре: Святополк с своею дружиною, а Владимир с своею, и все молчали; наконец Владимир сказал: «Брат! ты старший, начни говорить, как бы нам промыслить о Русской земле». Святополк отвечал: «Лучше ты начни говорить, братец». Владимир сказал: «Что мне говорить: против меня будет и твоя и моя дружина; они скажут, что я хочу погубить земледельцев, оторвать их от работ; но удивляюсь я тому, что земледельцев жалеете и их лошадей, а того не подумаете, что на весну начнет земледелец пахать с лошадыю, и приедет половчин, ударит мужика стрелою, лошадь его, и жену, и детей возьмет и гумно запалит, об этом вы не думаете!» Вся дружина отвечала: «И в самом деле так!» Святополк сказал: «Я готов с тобою, братец!» Во вторую неделю поста двинулись князья в поход и на

шестой неделе, во вторник пришли к Дону; здесь они исполчились и пошли к городу Шаруканю; жители вышли из города, поклонились русским князьям, вынесли им рыбу и вино. На другой день в среду пошли к городу Сугрову и зажгли его; в четверг пошли с Дона, а в пятницу 24 марта собрались половцы, изрядили полки свои и пошли на бой. Князья наши, положив надежду на бога, сказали: «Умрем здесь, но станем крепко!» – и простились друг с другом. Бой был крепкий, и бог помог русским князьям: иноплеменники были побеждены. В понедельник на страстной неделе опять собралось множество половцев, и выступили они, как боровы великие, и тьмами тем оступили русские полки. Но и тут господь бог послал ангела на помощь русским князьям, и попадали половцы перед полком Владимировым. Князья взяли большую добычу и возвратились домой с великою славою; молва о походе их прошла и в дальние стороны: к грекам, венграм, полякам и чехам и даже достигла Рима.

Глава VIII

О княжении Владимира Мономаха и сыновей его, Мстислава и Ярополка

В 1113 году умер великий князь Святополк; княгиня его раздала по монастырям, священникам и нищим большое богатство, на диво всем: еще никто не раздавал такой милостыни. На другой день киевляне собрались на вече и послали сказать Владимиру: «Ступай, князь, на стол отцовский и дедовский». Услыхав о смерти Святополка, Владимир горько заплакал и не пошел в Киев, жалея о смерти брата. Тогда киевляне разграбили двор тысяцкого Путяты; потом пошли на жидов, и их пограбили, и послали опять ко Владимиру сказать ему: «Ступай, князь, в Киев; если же не пойдешь, то знай, что много зла будет: разграбят не один Путятин двор, соцких и жидов, достанется и вдове покойного князя, боярам и монастырям, и ты, князь, дашь ответ, если монастыри пограбят». Услыхав это, Владимир пошел в Киев; митрополит Никифор, епископы и все киевляне встретили его с великою честью; Мономах сел на стол отца своего и дедов своих; и все люди были рады, и мятеж утих. В 1126 году преставился благоверный, христоролюбивый и великий князь всея Руси Владимир Мономах, братолюбец и нищелюбец и добрый страдалец за Русскую землю; он просветил ее, подобно солнцу, испускающему лучи свои; слава его пронеслась по всем странам, особенно был он страшен половцам. Тело его положили у св. Софии, подле отца, Всеволода; святители плакали по святом и добром князе, плакал весь народ, все люди, как дети по отце или по матери.

По смерти Мономаха Мстислав, старший сын его, сел на столе киевском. В его княжение Всеволод Ольгович Черниговский захватил врасплох дядю своего Ярослава в Чернигове, а дружину его ограбил и перебил; но когда услышал, что великий князь Мстислав с братом Ярополком собираются идти на него войною, то испугался, послал к половцам за помощью, а Ярослава отпустил в Муром. Половцы пришли, стали за рекою Вырем и отправили послов к Всеволоду; но посадники Ярополковы перехватили послов. Тогда половцы, не

получая никаких вестей от Ольговичей, бежали к себе домой. Мстислав начал сильно наступать на Всеволода, попрекая ему: «Ты привел половцев, да что взял?» Всеволод, видя беду, стал упрашивать великого князя, чтобы помирился с ним; в то же время подучивал и бояр Мстиславовых, давал им большие дары и своими происками дотянул время до зимы. Тогда пришел и Ярослав из Муром в Киев; он кланялся Мстиславу и упрашивал его. «Ведь ты дал мне слово, – говорил он ему, – пойти на Всеволода: поди же теперь». Но Всеволод также не переставал упрашивать Мстислава о мире. В это время был игуменом в монастыре у святого Андрея Григорий, которого прежде любил Владимир Мономах, да и Мстислав и все люди очень уважали его. Этот Григорий никак не давал великому князю встать ратью на Всеволода за Ярослава; он говорил ему: «Меньше тебе будет греха нарушить крестное целование и не встать ратью, чем пролить христианскую кровь». Созвали и собор из всех священников (митрополита в то время не было), и все сказали Мстиславу: «На нас будет твой грех, если преступишь клятву: не начинай войны!» Мстислав послушал, сделал по их, но после плакал об этом всю жизнь. Ярославу нечего было делать: он пошел назад в Муром, где скоро и умер.

В 1132 году умер и великий князь Мстислав, оставив княжение брату своему Ярополку, которому поручил и детей своих. В княжение Ярополка началась страшная война между потомками Владимира Мономаха и князьями черниговскими, потомками Святослава Ярославича. Черниговские начали просить у Ярополка: «Что наш отец держал при вашем отце, того же и мы хотим; если вы не отдадите нам этих городов, то не жалуйтесь после, а на себя пеняйте; сами будете виноваты, на вас будет кровь». Все дело пошло из того, что Юрий Владимирович Долгорукий, князь Ростовский, выгнал племянника своего, Всеволода Мстиславича, из Переяславля; потом брат Юрия, Вячеслав Владимирович, выгнал из того же Переяславля другого Мстиславича, Изяслава, и наконец выгнал его и из Турова. Озлобленные племянники вооружились против дядей и пристали к Ольговичам черниговским. Ольговичи обрадовались и встали против Мономаховичей. «Вы первые начали нас губить», – говорили они им. В 1135 году пришел Всеволод Ольгович со всею братьею к Переяславлю, и стояли под городом три дня, все бились у ворот; но

услышав, что Ярополк идет на них, отошли к верховью реки Супоя и там пристроились к битве, дожидаясь полков великокняжеских. Ярополк скоро явился с дружиною своею и братьями; увидав черниговское войско, он не захотел дожидаться остальных полков своих, даже не позаботился хорошенько устроить войско и устремился на битву, думая: «Не устоять Ольговичам против нашей силы!» Полки сошлись, бились крепко, и Ольговичи победили: много киевских бояр попало к ним в руки. Тогда Ярополк должен был уступить и отдать черниговским князьям все, чего хотели.

Глава IX

О княжении Всеволода Ольговича

В 1139 году умер великий князь Ярополк. Место его в Киеве занял родной брат его, Вячеслав; но не прошло месяца, как Всеволод Ольгович Черниговский явился с братьями под Киевом и начал зажигать дворы в предместье. Вячеслав не вышел против него, боясь кровопролития, но уступил и выслал к черниговскому князю митрополита, велел так сказать ему: «Отступи на время к Вышгороду, а я нынче же пойду в свою волость, и Киев будет твой». Таким образом Ольговичу удалось достать себе Киев. Сначала он хотел мира с Мономаховичами и разослал к ним послов; но потом, видя, что они не хотят мира, но ссылаются друг с другом, мысля идти на него, поспешил предупредить врагов и вышел с войском к Переяславлю, где княжил теперь Мономахов сын, Андрей. Надеясь на свою силу, Всеволод послал сказать Андрею: «Ступай в Курск из Переяславля». Андрей, подумав с дружиною, велел отвечать ему: «Лучше мне умереть с дружиною в Переяславле, на своей отчине и дедине, чем взять Курское княжение: отец мой сидел не в Курске, а в Переяславле, и я хочу умереть на своей отчине; если же тебе мало всей Русской земли, а хочешь еще и мою волость взять, то прежде убей меня, а потом и возьми, в нашем роду это уже не новость: не в первый раз братьям убивать братьев, Святополк разве не убил Бориса и Глеба за волость? Но сам долго ли пожил? и здесь жизни лишен, да и на том свете будет мучиться вечно». Бог помог Андрею: дружина его разбила полки Святослава, Всеволодова брата; после чего Всеволод, заключив мир, оставил его спокойно княжить в Переяславле. В это время в Новгороде княжил брат Всеволодов, Святослав. Невзлюбили его новгородцы за его злость и качали вставать на вечях. Святослав, увидав, что народ поднимается, послал сказать брату Всеволоду: «Брат! мне мочи нет с этими людьми; не хочу жить с ними; кого хочешь пошли сюда». А между тем новгородцы начали уже убивать на вечях приятелей Святославовых за их насилия. Тысяцкий, который был кум князю, уберег его от беды, послав сказать ему: «Князь! хотят

тебя схватить». Святослав испугался и убежал с женою и дружиною в Смоленск. Тогда новгородцы отправили епископа и лучших граждан к Всеволоду сказать ему: «Дай нам сына своего, а Святослава, брата твоего, не хотим». Всеволод исполнил их желание, послал к ним сына; но когда тот доехал еще только до Чернигова, новгородцы уже переменяли мысли и прислали сказать Всеволоду: «Не хотим ни сына твоего, ни брата; не хотим вовсе вашего племени, хотим племени Владимирово: дай нам одного из шурьев своих, Мстиславичей». Всеволоду не хотелось уступить Новгорода Владимирову племени, и потому он, призвав Мстиславичей, дал им Брест и сказал: «Не думайте о Новгороде; пусть их там посидят одни, пусть сыщут себе князя, где хотят!». Но новгородцы не могли сидеть без князя и послали к Юрию Ростовскому за сыном. Тогда Всеволод увидал, что дело идет дурно – Новгород отходит к Владимирову племени, да к тому же и жена его просила за своих братьев: вот почему он согласился лучше видеть в Новгороде брата жены своей, Мстиславича, чем сына Юриева, и послал в Новгород Святополка Мстиславича, которого новгородцы и приняли с радостью, а Юрьевича отослали назад к отцу.

В 1145 году послал Всеволод за братьями своими, за Игорем и Святославом, да за двоюродными братьями, Давыдовичами Владимиром и Изяславом, послал также и за Изяславом Мстиславичем, князем Переяславским, внуком Мономаха. Когда все князья съехались, то Всеволод начал говорить им: «Владимир Мономах посадил после себя в Киеве сына своего Мстислава, а Мстислав брата своего Ярополка; так и я хочу сделать то же, отдаю Киев после своей смерти брату Игорю». Изяслав Мстиславич много тому противился, да делать нечего, принужден был целовать крест, что исполнит волю Всеволодову. Когда после того все братья великого князя уселись в сенях, то Всеволод начал говорить им: «Игорь! клянись, что будешь любить братьев; а вы, Владимир, Святослав и Изяслав, клянитесь быть довольны тем, что будет вам давать Игорь». Братья поцеловали крест.

В следующем году, возвратясь из похода против поляков, Всеволод разболелся, созвал киевлян и начал говорить им: «Я сильно болен, а вот вам брат мой, Игорь, возьмите его себе в князья». Киевляне согласились, но притворно. На другой день Игорь поехал в Вышгород, и вышгородцы также присягнули ему. Всеволод послал к

Изяславу Мстиславовичу и к Давыдовичам спросить у них: «Стоите ли в крестном целовании, как присягали брату Игорю?» И те отвечали: «Стоим». На другой день скончался Всеволод.

Глава X

О том, как Изяслав Мстиславич воевал с князьями Черниговскими

Тотчас по смерти Всеволода Игорь поехал в Киев и созвал всех киевлян на гору, на двор Ярослава, и тут киевляне в другой раз целовали ему крест; но тотчас же после того двинулись все толпами к Туровой божнице и послали сказать Игорю: «Князь! приезжай к нам!» Игорь, взяв брата Святослава, поехал, но остановился с дружиною недалеко от веча, а Святослава послал к гражданам узнать, чего хотят они. Киевляне начали обвинять тиуна Всеволодова, Ратшу, да другого еще тиуна вышегородского, Тудора, говоря: «Ратша погубил у нас Киев, а Тудор Вышгород; теперь, князь Святослав, целуй нам крест, и с братом своим, что если кому из нас будет обида, то вы сами будете судить». Святослав отвечал: «Целую крест за себя и за брата, что не будет вам насилья никакого и тиуна вам дадут по вашей воле, кого хотите». После этих слов Святослав сошел с коня и поцеловал крест. Киевляне тоже все сошли с коней и говорили: «Коли так, то брат твой – наш князь и ты»; после чего целовали все крест и с детьми, что не изменят Игорю и Святославу. Последний, взяв лучших граждан, поехал с ними к брату Игорю и сказал ему: «Брат, я присягал, что ты будешь держать киевлян, как следует, и любить их». Игорь, услышав это, сошел с коня и поцеловал крест на всей воле граждан; после чего поехал домой обедать; но киевляне устремились на Ратшин двор грабить. Игорь выслал к ним брата Святослава с дружиною, и тот едва успел утишить их. В то же время Игорь послал к Изяславу Мстиславичу сказать ему: «Бог взял нашего брата, а ты стоишь ли в крестном целовании?» Изяслав не дал никакого ответа и самого посла задержал: он надеялся, что киевляне недолго уживутся в мире с Игорем. В самом деле, скоро они прислали к Изяславу звать его в Киев на стол. «Пойди, князь, к нам; хотим тебя», – говорили они. Изяслав собрал полки, выступил из Переяславля и перешел Днепр у Заруба. Тут прислали к нему черные клобуки^[2] и все поросье^[3] сказать ему: «Ты наш князь; Ольговичей не хотим; ступай поскорей, а мы все с тобою». Изяслав двинулся к Дерновому, и тут собрались к нему все

черные клобуки и порошане; тут же прислали белгородцы и василевцы послов; все говорили одно и то же: «Ступай! ты наш князь; Ольговичей не хотим». Вслед за белгородцами и василевцами приехали и от киевлян послы; они то же говорили: «Ты наш князь, ступай, Ольговичей не хотим; как только увидим твое знамя, так все и бросимся к тебе». Изяслав, собрав на поле весь народ, и христиан и поганых, сказал им: «Братья! Всеволода признавал я старшим братом, потому что старший брат и старший зять нам вместо отца; но с этими, с Игорем и Святославом, хочу управиться, как мне бог даст и сила крестная: либо голову свою сложу перед вами, либо добуду стол отцовский и дедовский». Сказав это, Мстиславич пошел в поход. Между тем Игорь послал к двоюродным братьям, Владимиру и Изяславу, спрашивая: «Стоите ли вы, братья, в крестном целовании?» Те стали с ним торговаться и запросили множество волостей. Игорю делать было нечего, на все согласился. Тогда Давыдовичи тронулись к Киеву. Игорь призвал к себе и бояр – Глеба и Ивана Войтишича и Лазаря Саковского и сказал им: «Как были вы у брата моего, так будете и у меня»; а Глебу сказал: «Ты держи тысячу^[4], как у брата моего держал». Несмотря, однако, на то, что эти вельможи были в большой чести у Всеволода и у брата его, они вздумали, вместе с киевлянами, отложиться от последнего и послали сказать Изяславу Мстиславичу: «Ступай, князь, поскорей: идут Давыдовичи Игорю на помощь». И точно, Изяслав Давыдович приехал очень скоро, поцеловав прежде крест у св. Спаса, вместе с братом Владимиром, что им не отступать от Игоря и брата его Святослава, причем черниговский епископ Онуфрий сказал бывшим тут священникам: «Кто эту присягу нарушит, тот будет проклят двенадцатью господними праздниками». Но угроза епископа мало помогла: несколько дней спустя Давыдовичи забыли свое крестное целование и отступили от Игоря. Заводчиками всему делу были названные прежде Глеб тысяцкий, Иван Войтишич, Лазарь Саковский да в Святославовом полку двое бояр: они собрали около себя киевлян и начали советоваться, как бы им переместить своего князя, а к Изяславу послали сказать: «Ступай, князь! мы уговорились с киевлянами; хотим бросить знамя Ольговичей и бежать с полками своими в Киев»; а между тем Игоря и Святослава обманывали, говоря им: «Ступайте против Изяслава». Ольговичи взглянули на небо и сказали: «Изяслав целовал крест не думать о Киеве».

В это время пришел Изяслав к валу, где Надово озеро, и стал там с полками и с сыном своим Мстиславом; а киевляне стояли особо у Ольговой могилы: множество их было там. Когда еще полки стояли друг против друга, то Игорь увидел, что киевляне послали к Изяславу, и взяли у него тысяцкого с знаменем, и привели к себе, а потом и берендеи переехали реку Лыбедь и захватили шатры Игоревы. Когда Игорь увидел все это, то сказал брату своему, Святославу, и племяннику, Святославу Всеволодовичу: «Ступайте в свои полки, а там как нас с ними бог рассудит», – и Глебу, тысяцкому своему, и Ивану Войтишичу велел также ехать в свои полки. Но Глеб и Иван, приехав в свои полки, кинули знамена и бросились бежать к Жидовским воротам. Ольговичи, увидев это, не оробели и пошли против Изяслава, но попали в дурное место, были захвачены в тыл берендеями и принуждены бежать. Тут Изяслав с сыном Мстиславом заехал им с боку и заставил Игоря разлучиться с Святославом. Последний бежал к устью Десны за Днепр, но Игорь заехал в болото, увязил коня и был схвачен; Святослав же Всеволодович прибежал в Киев, в монастырь св. Ирины, где его и поймали.

Изяслав, восхваляя бога за такую помощь, с великою славою и честью въехал в Киев; навстречу к нему вышло множество народа; игумены с монахами и священники со всего города, в ризах. Князь поехал ко св. Софии, поклонился Богородице и сел на стол деда и отца своего; потом призвал Святослава Всеволодовича и сказал ему: «Ты мне племянник, сын родной сестры моей», – и начал водить его подле себя. Между тем схватили многих бояр в Киеве, служивших Ольговичам, и заставили их откупиться деньгами. Спустя четыре дня привели к Изяславу Игоря, схваченного в болоте; сперва отвели пленника в монастырь Выдубецкий; потом, сковавши, отослали в Переяславль и посадили там в тюрьму, в монастырь св. Иоанна; после чего киевляне с Изяславом разграбили дома дружины Игоревой и Всеволодовой, села и скот, много взяли всякого имения в домах и по монастырям. Брат Игоря, Святослав Ольгович, прибежав в Чернигов с малою дружиной, послал к двоюродным братьям, Владимиру и Изяславу; он спрашивал у них: «Стоите ли, братья, в крестном целовании, что целовали мне пять дней тому назад?» Те отвечали: «Стоим». Тогда Святослав велел сказать им: «Вот я вам оставляю здесь боярина своего Константина, неравно понадобится вам на

чтонибудь», – а сам поехал в Курск утверждать жителей его в верности, а оттуда в Новгород Северский. Между тем Давидовичи стали совещаться друг с другом тайком от Святослава боярина; однако им не удалось утаиться: Константину дали знать, что Давидовичи думают схватить брата своего Святослава; Константин тотчас же послал сказать князю своему: «Князь! об тебе идет дело: хотят тебя схватить; если братья пришлют за тобою, не ездь к ним». В самом деле Давидовичи нарушили крестное целование, забыли страх божий и послали в Киев сказать Изяславу: «Игорь как тебе злодей, так и нам; смотри же, держи его крепко»; а к Святославу послали сказать: «Ступай из Новгорода в Путивль и от брата Игоря отступись». Святослав отвечал им: «Не хочу ни волости, ничего другого, только отпустите мне брата». Давидовичи велели сказать ему на это: «Целуй к нам крест, что не будешь требовать брата, не будешь искать его освобождения: в таком случае мы оставим тебя жить спокойно в своей волости». Святослав заплакал и послал в Суздаль, к князю Юрию, велел сказать ему: «Брата моего Всеволода бог взял, а Игоря Изяслав пленил: помилосердуй, пойдь в Русскую землю, в Киев, и сыщи мне брата; а я здесь, в надежде на бога, буду тебе помощником!» Узнав, что Святослав не хочет исполнить их волю, Давидовичи сказали: «Вот мы уже начали злое дело, так dokonчим братоубийство; пойдём, искореним Святослава и переймем волость его!»

Согласившись между собою, Давидовичи послали к Изяславу проситься у него идти на Святослава к Новгороду Северскому. Изяслав пришел к ним на сходку и сказал: «Возьмите с собою сына моего Мстислава с переяславцами и берендеями, да и ступайте на Ольговича на Святослава, ступайте поскорее, чтоб он не убежал от вас, и станьте около него! Когда вы утомитесь от войны, то я сам приду к вам на смену и стану около Святослава, а вы пойдете домой». Урядившись таким образом, Давидовичи пошли к Новгороду Северскому; прибыв туда, они пустили стрельцов своих к городу, и сами стали полками, и начали биться с горожанами. Последним пришлось очень тесно от врагов: их притиснули к острожным воротам, и много было у них убитых и раненых. В то же время Святослав опять послал к Юрию Ростовскому; Юрий поцеловал крест, что будет искать ему Игоря, и точно собрался в поход. Изяслав, узнав, что Юрий идет на помощь к Святославу, сел на коня и пошел сам к Новгороду Северскому, а к

Ростиславу Рязанскому послал сказать, чтоб воевал волость Юрия и не пускал его на юг. Тогда Ростовский князь, услышав, что рязанцы воюют его землю, отпустил к Святославу сына Ивана, а сам воротился назад. Давидовичи и Мстислав Изяславич, посоветовавшись, пошли и приступили к Путивлю. Но путивляне не сдались им до тех пор, пока не пришел Изяслав Мстиславич с силою киевскою. Граждане крепко бились со стен; Давидовичи подъехали к ним и сказали: «Не бейтесь! клянемся св. Богородице, что не дадим вас в полон!» Но граждане и тут не сдались им. Когда же пришел Изяслав Мстиславич с полками, то путивляне вышли к нему, поклонились и сказали: «Мы тебя только и ждали, князь! целуй нам крест». Изяслав целовал к ним крест и вывел прежнего посадника, а своего посадил. Двор Святославов разделили на четыре части, скот, мед и всякую рухлядь; в погребах было пятьсот берковцев меду да вина восемьдесят корчаг; и церковь св. Вознесения всю облупили, взяли сосуды серебряные, ризы, пелены, все шитое золотом, кадило, евангелия, книги, колокола; не оставили ничего, но все разделили по себе, между прочим и семьсот рабов. Когда Святослав узнал, что Изяслав Мстиславич город его взял, все имение и собирается идти далее, осадить его в Новгороде Северском, то созвал союзных князей, половецких ханов, всю дружину и сказал: «Вот идет на меня Изяслав Мстиславич: надобно какнибудь промышлять о себе». Ему отвечали: «Князь! ступай отсюда не мешкая; здесь тебе незачем больше оставаться, нет ни хлеба, ничего; ступай в лесную землю: оттуда тебе удобнее будет ссылаться с Юрием». Святослав послушался и побежал из Новгорода в Карачев; дружина же его – одни пошли за ним, другие оставили его, а жена и дети с ним пошли. Когда Изяслав Давидович услышал, что Святослав ушел из Новгорода, то сильно рассердился и стал говорить братьям: «Пустите меня за ним; хоть сам уйдет от меня, так жену и детей у него отниму и имение его захвачу». Выпросившись у Изяслава Мстиславича и у Владимира, брата своего, он поехал к Карачеву; Святославу дали знать, что Изяслав пришел на него с 3000 дружины: ему не оставалось теперь ничего больше делать, как либо отдать жену, детей и дружину в полон, либо сложить свою голову, и потому, подумавши с братьями, с половцами, и с дружиною, положился на бога и вышел навстречу к Давидовичу, и бог помог ему.

Когда Изяслав Мстиславич с Владимиром Давидовичем остановились в лесу обедать, вдруг прибежал к ним боярин и объявил, что Изяслав Давидович разбит Святославом. Сильно рассердился Изяслав Мстиславич, узнав об этом, потому что был храбр и крепок на рать; он тотчас исполнил свое все войско и пошел к Карачеву на Святослава; бежавшая дружина встречала его на дороге и снова возвращалась с ним к Карачеву; Изяслава же Давидовича долго не было, только к полудню пришел он в киевские полки. Изяслав Мстиславич и Владимир Давидович шли целый день до самой ночи к Карачеву и остановились, не дошедши до города; и Святослав, узнав, что на него идут, бежал за лес, к вятчанам. Тогда Изяслав сказал Давидовичам: «Каких волостей вы хотели, то я вам сыскал; вот вам Новгород и Святославовы волости; что там будет в тех волостях Игорева имения, рабы ли, рухлядь ли какая, то все мое; а что будет Святославовых рабов и рухляди, то разделим на части». Так и сделали. Когда Изяслав возвратился в Киев, то пленник его, Игорь Ольгович, прислал к нему с просьбою: «Брат! – велел он сказать ему, – я сильно разболелся и прошу у тебя позволения постричься; у меня была мысль о пострижении, когда еще я владел княжеством, а теперь я очень разнемогся и не думаю, что останусь в живых». Изяслав сжалился и велел отвечать ему: «Если у тебя была мысль о пострижении, то теперь ты волен исполнить ее; но я выпускаю тебя и без того, для твоей болезни». Больного Игоря вынесли из темницы и перенесли в келью: он не был в состоянии ни пить, ни есть и просил епископа постричь его; потом, когда бог возвратил ему здоровье, его перевели в Киев, в монастырь св. Феодора, где он принял схиму.

В 1147 году пошел Юрий Ростовский воевать Новгородскую волость: взял Торжок, да и всю Мету побрал, а к Святославу прислал сказать, чтобы воевал Смоленскую волость; Святослав пошел и обогатил пленниками дружину свою. После этого Юрий опять послал сказать Святославу: «Приезжай ко мне, брат, в Москву». Святослав поехал и с сыном своим Олегом; последний приехал прежде отца к Юрию и подарил ему пардуса^[5]. За ним приехал и Святослав и принят был Юрием очень любезно; на другой день Ростовский князь велел устроить большой обед и оказал большую честь гостям своим, богато одарил Святослава и сына его, не забыл и мужей Святославовых и отпустил их, обещаясь непременно прислать сына на помощь, что и

сделал. Святослав, ободренный союзом с Юрием, начал войну, побрал всех вятичей и, соединившись с Глебом, с сыном Ростовского князя, и с половцами, шел далее. Тогда двоюродные братья его, Давидовичи Черниговские, и родной племянник, Святослав Всеволодич, послали сказать ему: «Не жалуйся на нас, но будем лучше за одно. Забудь наши обиды, возьми свою отчину, а что мы захватили твоего, то тебе назад отдадим», – и между тем послали сказать Изяславу, князю Киевскому: «Брат! вот Святослав Ольгович занял нашу волость – Вятичи; пойдем на него; когда его прогоним, то пойдем на Юрия в Суздаль и там либо с ним мир заключим, либо станем биться». Изяслав, ничего не зная, согласился идти с ними на Юрия и Святослава.

Тогда же и Святослав Всеволодич приехал к Изяславу в Киев и начал у него проситься, говоря: «Батюшка! пусти меня в Чернигов; там у меня вся жизнь; хочу просить волости у братьев, у Владимира и у Изяслава». Великий князь отвечал ему: «И давно бы тебе так сделать, сынок! ступай, готовься в путь». Святослав отправился в Чернигов. Тогда все черниговские князья, собравшись вместе и посоветовавшись, послали сказать Изяславу: «Земля наша погибает, а ты не трогаешься к нам на помощь». Изяслав созвал бояр своих, всю дружину, киевлян и сказал им: «Я сговорился с братьями своими, Давидовичами, и с Святославом Всеволодичем; хотим идти на дядю Юрия и на Святослава к Суздалю за то, что Юрий принял врага моего, Святослава Ольговича, а там брат мой Ростислав сойдется с нами; он идет ко мне с смольнянами и с новгородцами». Киевляне, выслушав это, сказали: «Князь! не ходи с Ростиславом на дядю; лучше какнибудь с ним уладься; не верь Ольговичам и не ходи с ними вместе в путь». Изяслав отвечал: «Они целовали крест мне, я с ними вместе думу думал, и потому мне нельзя отложить похода». Киевляне сказали на это: «Князь! ты на нас не сердись, а на Владимирово племя мы рук поднять не можем; хочешь ли на Ольговичей, то пойдем и с малыми детьми». Изяслав отвечал: «Кто меня любит, тот пойдет за мной». Изяслава любили, и потому у него набралось множество войска, с которым он и выступил в поход. Но на дороге пришла к нему весть от приятелей его из Чернигова: «Князь! – велено было ему сказать, – не ходи дальше, ведут тебя лестию, хотят убить, либо взять в плен на место Игоря; крест целовали Святославу Ольговичу, потом послали и к Юрию со крестом, с ним вместе сговорились на тебя».

Изяслав, услышав это, возвратился назад и отправил послов в Чернигов к Владимиру и Изяславу сказать им: «Вот мы замыслили великий путь и крест целовали, как деды наши и отцы всегда утверждались; но утвердимся еще, поцелуем крест в другой раз, чтобы на пути не было никакой распри и розни». Давидовичи отвечали: «К чему нам это без нужды еще крест целовать! уже целовали раз, а какая наша вина, что еще заставлять присягать?» Так и не согласились присягнуть вторично. Посол Изяслава говорил им: «Какой тут грех на любви крест целовать! то нам на спасение». Но князья никак не согласились. Изяслав наказал своему послу: «Если Давидовичи не станут целовать креста, то объяви им все, что мы про них слышали». Посол так и сделал; он сказал князьям «Великий князь вот что велел вам сказать: объявляю вам, братья, до меня дошла весть, что ведете меня лестью и Святославу Ольговичу крест целовали, что вам либо схватить меня на этом пути, либо убить вместо Игоря; правда ли это, братья, или нет?» Давидовичи не могли ничего отвечать, только посматривали друг на друга, долго молчавши, сказали послу Изяславову: «Выйди вон, посиди в сених, а там опять позовем». Долго они думали вместе, потом позвали Изяславова посла и сказали: «Скажи от нас своему князю так: брат! точно мы целовали крест Святославу Ольговичу, потому что нам жаль брата своего Игоря; держишь ты его в плену, и он уже чернец и схимник, отпусти нашего брата, и мы будем подле тебя ездить; ведь и тебе не было бы любо, если бы мы брата твоего держали».

И так посол приехал назад и объявил Изяславу, что Давидовичи отступили от него; тогда великий князь отправил к ним снова посла с крестными грамотами и велел сказать им: «Вы присягнули быть со мною в союзе до самой смерти; я отдал вам волости Святославовы и Игоревы: я же с вами и Святослава прогнал и волость его для вас завоевал, отдал вам Новгород Северский и Путивль; имение его разделили мы на части, а Игореву взял я себе; а вот теперь, братья, крестное целование вы преступили, повели меня лестью на войну, хотели убить меня; но да будет со мною бог и сила крестная, а с вами как мне бог даст». Посол, проговоривши это, бросил им крестные грамоты.

В то же время Изяслав послал сказать брату своему, Ростиславу, князю Смоленскому: «Брат! вот Давидовичи крест к нам целовали и

думали пойти с нами вместе на дядю; но все это они делали, замышляя коварство, желая убить меня. Бог и сила крестная обнаружили их замысел. Так теперь, брат, где было мы думали идти на дядю, уже не ходи туда, но ступай сюда ко мне; а там наряди новгородцев и смолян, пусть удержат Юрия, и к присяжникам своим пошли, в Рязань, и всюду». Тогда же Изяслав отправил посла в Киев, к брату своему Владимиру (потому что он его оставил в городе вместо себя), также к митрополиту Климу и к тысяцкому Лазарю, велев сказать им: «Созовите киевлян на двор к св. Софии; пусть мой посол скажет им речь мою и объявит о коварстве князей черниговских». Киевляне сошлись все от мала до велика к св. Софии, и когда стали на вече, то посол Изяслава начал говорить им: «Князь вам кланяется и говорит: я объявлял вам, что сговорился с братом Ростиславом и с Давидовичами идти на дядю Юрия, и вас взял с собою; но вы мне отвечали, что не можете поднять рук на Владимирово племя, на Юрия, а если на Ольговича, то пойдете охотно и с малыми детьми; так вот я вам объявляю: Давидовичи и с ними Святослав Всеволодич, которому я сделал так много добра, присягнувши прежде мне, теперь тайком от меня целовали крест Святославу Ольговичу; послали и к Юрию, а надо мною замыслили предательство, хотели либо схватить меня, либо убить за Игоря; но бог заступил меня и крест честной, который они мне целовали; теперь же, братья киевляне, чего вам хотелось, что обещали мне, то исполните: пойдите за мною к Чернигову на Ольговичей; собирайтесь все от мала до велика – у кого есть конь, тот на коне, а у кого нет, тот в лодке: ведь Ольговичи не одного меня хотели убить и вас думали искоренить». Киевляне отвечали: «Рады мы, что бог избавил нас и братью нашу от такого коварства; идем за тобою и с детьми, как того желаешь». Но в это время один человек сказал: «За князем своим мы рады идти, но прежде о том подумаем, не случилось бы и теперь того же, что тогда при Изяславе Ярославиче, как злые люди высвободили Всеслава из тюрьмы и поставили себе князем, и много зла было от того нашему городу; а вот Игорь, враг князю нашему и нам, и не в тюрьме сидит, а в монастыре св. Феодора: убьем его прежде, а потом и пойдём к Чернигову за нашим князем; покончим с этими Ольговичами». Народ согласился, и все пошли на Игоря в монастырь Феодоровский. Тогда князь Владимир Мстиславич начал говорить народу: «Брат мой не приказывал вам этого делать:

Игоря стерегут сторожа крепко; брат вам велел к нему идти, а не Игоря убивать». Киевляне отвечали: «Знаем мы, нам не кончать добром с этим племенем, ни нам, ни вам». Митрополит также запрещал им; и Лазарь тысяцкий, и Рачуйко, Владимиров тысяцкий, говорили им, чтоб не убивали Игоря. Но толпа не слушала; раздался крик, и все двинулись на убийство. Владимир сел на коня и хотел обогнать народ; но на мосту не мог проехать сквозь густые толпы, принужден был поворотить направо, мимо двора Глебова, и таким образом киевляне опередили его. Игорь, услышав, что народ идет на него, пошел в церковь и стал молиться со слезами; убийцы устремились на него, как звери свирепые, схватили во время обедни и разорвали на нем мантию. Игорь начал говорить им: «Законопреступные враги! зачем пришли убить меня как разбойника? разве вы не присягали мне в верности? но теперь я уже об этом позабыл, потому что бог сподобил меня принять чин монашеский». В толпе кричали: «Бейте, бейте!» Игоря раздели и поволокли из монастыря; тут в воротах встретил его Владимир; Игорь взглянул на него и сказал: «Ох, братец, куда это меня ведут?» Владимир соскочил с коня, и прикрыл Игоря, и сказал киевлянам: «Братья мои! ради бога не делайте этого зла, не убивайте Игоря», – и довел его уже до ворот матери своей; но тут начали бить Игоря, ударили и Владимира, который защищал его. Наконец Владимиру удалось было ввести Игоря на двор к матери своей и захлопнуть ворота; но убийцы выломали их и повергли Игоря на землю, потом поволокли за ноги, ругаясь царскому и священному телу, и волокли со Мстиславова двора через Бабин Торжок до княжеского двора, где его и прикончали; потом, положив труп на дроги, повезли на Подол, на Торговище, и кинули на поруганье; благочестивые люди прикрыли наготу его своими одеждами. Когда Владимиру сказали, что убитый Игорь лежит на Торговище, то он послал туда тысяцкого; тысяцкий приехал и сказал народу: «Вот уже Игорь убит, так по крайней мере похороним тело его». Киевляне отвечали: «Не мы его убили, но Ольговичи и Всеволодич, которые мыслили на нашего князя зло, хотели погубить его коварством; но бог за нашим князем и св. София». Тысяцкий велел взять Игоря и положить пока в церкви св. Михаила, а в субботу, на рассвете, погребли его в монастыре св. Симеона.

В это время Изяслав стоял с войском у верховья реки Супоя; сюда прислал к нему Владимир с вестью об убийстве Игоря. Изяслав

заплакал, когда услышал об этом, и сказал: «Если б я знал, что случится, то отослал бы Игоря подальше, тогда можно было бы его уберечь»; и потом, обратившись к дружине, примолвил: «Теперь мне не уйти от людских речей; все будут говорить, что я велел убить его; но бог свидетель, что я не приказывал и не научал; так уж пусть бог рассудит это дело». Дружина отвечала ему: «Нечего тебе, князь, жалеть об Игоре, что тебе людские речи! Бог и все люди знают, что не ты его убил, а убили его братья родные: целовали к тебе крест и не сдержали клятву, лестью хотели убить тебя». Изяслав отвечал: «Ну уже коли так случилось, делать нечего, а ведь нам всем там быть, и бог рассудит между нами». После этого Изяслав послал в Смоленск за братом своим Ростиславом; и когда шел с полками к Переяславлю, пришла к нему весть, что уже Ростислав идет; посол Смоленского князя говорил Изяславу: «Брат велел тебе сказать: подожди меня, я здесь Любеч пожег, и много воевал, и зла Ольговичам много наделал; а потом оба вместе посмотрим, что нам бог явит». Услыхав это, Изяслав пошел потихоньку, поджидая брата, и стал на Черной Могиле: здесь пришел к нему брат Ростислав с смолянами и со множеством войска. Изяслав очень обрадовался братнему приходу, поблагодарил бога и начал думать с Ростиславом, с дружиною и черными клобуками, как им идти против Ольговичей к реке Суле, где стояли враги. Ростислав сказал: «Бог нас свел вместе, а тебя, брат, избавил от великой беды, что хотели тебя взять, либо убить, а теперь, брат, мешкать нечего, пойдем на волю божию, как он нас с ними рассудит». Все согласились с ним и двинулись на Сулу. Половцы, услышав, что Мстиславичи соединились и вместе идут на них, бросили Ольговичей и ушли к себе домой; Ольговичи поспешили к Чернигову, за ними пошли туда же Мстиславичи, пожгли по дороге четыре города, но до Чернигова не дошли, а воротились в Киев, сказавши дружине: «Приготовляйтесь все к той поре, как реки установятся, а там пойдем к Чернигову, и как нас с ними бог управит, так и будет».

Возвратившись в Киев, поклонившись святым церквям и попировавши, Изяслав сказал Ростиславу: «Брат! тебе бог дал верхнюю землю, и ты пойдешь туда против Юрия Ростовского, там у тебя смольняне и новгородцы и другие присяжники, с ними и удерживай Юрия; а я здесь останусь, буду, с божиею помощиею, управляться с Ольговичами и Давыдовичами». Ростислав пошел к Смоленску, а

Изяслав в 1148 году двинулся к Чернигову, совокупив всю свою силу, и пришедши стал на Ольгове поле. Прошло уже три дня, как он стоял тут, и черниговские князья не смели сделать вылазку из города, смотря спокойно, как Изяслав жег их села; наконец он сказал дружине: «Вот мы пожгли их села, а они все к нам не выходят; пойдём к Любечу, где у них все животы». Пошли киевские полки к Любечу, шли пять дней и стали у города. Тогда Ольговичи и Давыдовичи вышли из Чернигова, соединились с рязанскими князьями и половцами и стали за рекой, что течет у Любеча. В воскресенье Изяслав, исполчив своих воинов, пошел против них, но полкам его нельзя было перебраться на другой берег реки, и только стрелки могли иметь дело с неприятелем. Ночью пошел сильный дождь, и на другой день утром Изяслав, видя, что Днепр вздулся, сказал своим мужам и союзным венграм: «Здесь нам нельзя биться: река мешает; а там за нами Днепр расплывается, так пойдём лучше за Днепр». Сказавши это, Изяслав пошел за Днепр, в понедельник, а на другой день тронулся лед на реке, тогда как Изяслав по той стороне благополучно шел к Киеву; только одни венгры въехали на озеро, обломились на льду, и несколько человек утонуло. Изяслав воротился в Киев, хваля бога и силу животворящего креста, потом послал к брату Ростиславу с такими речами: «Брат! было бы тебе ведомо: ходили мы на Ольговичей к Чернигову, и я на Ольгове поле стоял и много им зла наделал, землю их повоевал, а они не посмели ко мне выйти биться полком; оттуда пошли мы к Любечу, и туда они к нам приехали, да река развела, нельзя было биться через реку; ночью шел сильный дождь, а на Днепре был лед лих, так мы и пошли на другую сторону; и так бог и святая богородица и сила животворящего креста привели нас в Киев поздорову; а тебя, брат, спрашиваю: здоров ли ты и как тебе там бог помогает?»

Между тем Ольговичи и Давыдовичи послали сказать союзнику своему Юрию, князю Ростовскому: «Ты нам крест целовал, что пойдешь вместе с нами на Изяслава, и не пошел; а Изяслав пожег наши города за Десною и землю нашу повоевал; а потом опять пришел в другой раз к Чернигову и стал на Ольгове поле: тут пожег наши села до самого Любеча и все наши животы повоевал, а ты ни к нам не пошел и на Ростислава не наступил; теперь, если хочешь пойти на Изяслава, так ступай, и мы с тобою, а не идешь, то мы правы в крестном целовании: одним нам не погибать стать на войне».

Объявивши это Юрию, они отправили послов к Изяславу Мстиславичу с просьбою о мире; послы говорили ему: «Так бывало прежде, при дедах и отцах наших, мир стоял до рати, а рать до мира; а теперь на нас не жалуйся, что мы встали на тебя войною: ведь нам жаль было брата своего Игоря; мы добивались одного, чтобы ты выпустил нашего брата; но теперь брат наш убит, пошел к богу, где нам и всем быть, так уж то дело богу судить; а нам до каких пор губить Русскую землю? пора улаживаться». Изяслав отвечал: «Братья! доброе дело христиан беречь; вы уже были на совете между собою: так и я пошлю к брату Ростиславу, подумаем с ним и пришлем к вам сказать».

Отпустив черниговских послов, Изяслав послал в Смоленск сказать Ростиславу: «Прислали ко мне черниговские мира просить; а я хочу с тобой посоветоваться: как будет нам обоим годно; годен ли тебе мир? хотя они нам и зла наделали, но вот теперь у нас же ищут мира; впрочем, как тебе угодно, быть может, ты хочешь войны: я во всем на тебя полагаюсь».

Ростислав отвечал брату: «Брат! кланяюсь тебе: ты старше меня, и на чем ты положишь, на то я и согласен; если же ты, брат, меня хочешь почтить, то я бы, брат, так сказал: ради Русской земли и христианства, помоему, лучше взять мир; они встали на рать, да что взяли? а теперь, брат, ради христианства и всей Русской земли помирись, если оба отложат вражду за Игоря и не сделают того, что хотели сделать; если же они не перестанут враждовать за Игоря, то лучше нам с ними воевать, положась на волю божию». Изяслав, узнав братнюю мысль, послал в Чернигов к тамошним князьям белгородского епископа Феодора и печерского игумена Феодосия и с ними мужей своих с такими словами: «Вы мне крест целовали на том, что вам брата своего Игоря не искать; но клятву свою преступили и наделали мне много зла; но я теперь не хочу ничего этого вспоминать, ради Русской земли и христианства; если вы ко мне прислали за миром и раскаиваетесь в том, что хотели сделать, то целуйте крест, что вам за Игоря вражды не иметь и не делать того, что прежде хотели». Черниговские согласились и поклялись в церкви св. Спаса вражду за Игоря отложить, Русскую землю блюсти и быть всем за один брат.

В том же году на осень съехались на сейм, у Городка, Изяслав Мстиславич, Владимир Давыдович и брат его Изяслав. В это самое время пришел к великому князю старший сын Юрия Ростовского,

Ростислав, рассорившийся с отцом за то, что тот не дал ему волости в Суздальской земле. Пришедши в Киев, он поклонился Изяславу и сказал: «Отец меня обидел и волости мне не дал; я пришел сюда, в надежде на бога да на тебя, потому что ты старший из нас во Владимировых внуках: хочу за Русскую землю потрудиться и подле тебя ездить». Изяслав отвечал ему: «Всех нас старше отец твой, но с нами не умеет жить, а мне дай бог иметь всех вас, братью свою, и весь свой род, как душу свою; теперь же, если отец не дал тебе волости, то я даю», – и в самом деле дал ему пять городов, и взял его с собою на сейм к Городку. Когда они приехали на сейм, то великий князь сказал Давыдовичам: «Брат Святослав и племянник мой ко мне не пришли, а вы все крест целовали на том, что кто будет мне врагом, на того вам быть вместе со мною; так я, братья, вот что думаю: дядя мой Юрий из Ростова обижает мой Новгород, дани у новгородцев отнял, на путях им всякие пакости делает; за это хочу пойти и управиться с ним либо миром, либо ратью, а вы крест целовали быть со мною».

Владимир отвечал: «Хотя брат Святослав и племянник твой и не приехали, но за то мы тут и крестное целовали на том, что кто будет мне врагом, на того вам быть с тобою». После этого уладились так: как лед станет, пойти на Юрия: Давыдовичам и Святославу Ольговичу идти на вятичи к Ростову; а Изяславу идти к брату своему Ростиславу в Смоленск, и всем сойтись на Волге. После сейма Изяслав Мстиславич позвал к себе обедать Владимира Давыдовича и брата его Изяслава: обедали весело и дружно, и разъехались – Изяслав поехал в Киев, а Давыдовичи в Чернигов. На возвратном пути Изяслав сказал Ростиславу Юрьевичу: «Иди в Бужск, побудь там, пока я схожу на отца твоего, возьму ли с ним мир, или как там с ним улажусь; а ты постереги Русскую землю».

Глава XI

О том, как Изяслав Мстиславич воевал с дядею Юрием

Изяслав по уговору пошел на дядю Юрия; но прежде хотел повидаться с братом своим Ростиславом, и потому велел полкам следовать за собою в Смоленск. Когда пришел Изяслав к Ростиславу, то оба брата похвалили бога, что привел их увидеться в добром здоровьи, и жили князья в великой любви и весельи с мужами своими и смольнянами; дарили они друг друга богатыми подарками: Изяслав дарил Ростислава товарами, которые не из Русской земли^[6] и из Греческой, а Ростислав дарил Изяслава товарами немецкими. Потом Изяслав пошел с малою дружиною к Новгороду. Когда новгородцы услышали, что Изяслав идет к ним, то сильно обрадовались, и вышли к нему навстречу дня за три пути, а другие за день, и таким образом великий князь вошел в Новгород с великою честью. В воскресенье вышел к нему навстречу сын его Ярослав с боярами новгородскими, и все пошли в церковь св. Софии к обедне. После обедни Изяслав с сыном Ярославом послали по всем улицам звать народ к князю на обед от мала до велика, и обедали все весело и с большою честью. На другой день послал великий князь на Ярославов двор и велел звонить к вечу; когда народ собрался, он сказал ему: «Братья! сын мой и вы присылали ко мне с жалобою, что дядя наш Юрий обижает вас; и вот я пришел сюда, оставя Русскую землю для вас и для ваших обид; думайте же теперь, братья, что делать: мириться ли с Юрием или покончить с ним ратью?» Новгородцы отвечали: «Ты наш князь, ты наш Владимир, ты наш Мстислав! рады идти с тобою мстить за свои обиды». Сказавши это, все разошлись с веча по домам; потом скоро опять собрались и сказали: «Князь! мы все идем, всякая душа пойдет, только духовные останутся бога молить». И пошли новгородцы с Изяславом всеми своими силами, пошли и псковитяне и корела. Пришедши на Волгу, на устье Медведицы, великий князь остановился тут и четыре дня ждал брата своего Ростислава, который пришел со всеми русскими и смоленскими полками, после чего все вместе пошли вниз по Волге. Оба князя еще прежде из Смоленска отправили послов

к дяде Юрию; но тот ни их посла не отпустил назад, ни своего не прислал. Не получая таким образом никакой вести от Юрья, Мстиславичи начали воевать всю его землю по обоим берегам Волги, потом пошли к Угличу и оттуда на устье Мологи. Здесь пришла к ним весть, что черниговские стоят в своих Вятчах, дожидаясь, чем кончится дело между дядею и племянниками, а к ним не идут по обещанию. Тогда Изяслав сказал брату: «Хотя они к нам и нейдут; да не велика беда, лишь бы бог был за нас». Новгородцы и русь пустились от Мологи воевать к Ярославлю; но в это время стало уже тепло, была Вербная неделя, и вода на Волге поднялась лошадям по брюхо. Изяслав с Ростиславом, видя, что лед уже трогается на реках, решились идти розно; Ростислав пошел с своими полками к Смоленску, а Изяслав к Новгороду, дружина же русская – одни пошли с Ростиславом, а другие куда кому годно.

В 1149 году пришел Изяслав из Новгорода в Киев, и начали ему наговаривать на Ростислава Юрьевича, будто бы он много зла замыслил, подмолвил на великого князя берендеев и киевлян; только бы бог отцу его помог, и он хотел въехать в Киев и захватить Изяславов дом и всю его семью. «Отпусти его поскорее к отцу, – говорили великому князю, – он тебе враг, держишь его у себя на свою голову». Услыхав это, Изяслав послал за Ростиславом, и когда тот пришел, то великий князь велел сказать ему: «Ты, брат, ко мне пришел от отца, потому что отец тебя обидел, волости не дал; я тебя принял, как достойного брата своего, и волость тебе дал, какой отец тебе не дал, и еще Русскую землю велел тебе стеречь; а ты, брат, вздумал, если бы твоему отцу бог помог, въехать в Киев, схватить моего брата, сына и жену и дом мой взять». Ростислав отвечал ему на это: «Брат и отец! ни на уме, ни на сердце у меня того не бывало; если же кто на меня наговорил тебе, князь ли который, то я готов с ним переведаться; муж ли какой из христиан или из поганых, то ты старше меня, так и суди меня с ним». Изяслав сказал ему: «Этого ты у меня не проси, я вижу ты хочешь меня поссорить с христианами или с погаными; ступайка лучше к своему отцу», Ростислава посадили в барку с четырьмя отроками, а дружину его и все имущество перехватили. Пришедши к отцу своему в Суздаль, Ростислав ударил перед ним челом и сказал: «Живя на Руси, я слышал, что хочет тебя вся Русская земля и черные клобуки, говорят: Изяслав и нас обесчестил; ступай на него». Юрий

сжалился над позором своего сына и сказал: «Так и мне нет части в Русской земле, да и детям моим тоже». Собравши всю свою силу и половцев, он выступил по дороге к земле вятичей; Владимир Давыдович послал сказать великому князю: «Юрий, дядя твой, идет на тебя и уже вошел в наши Вятичи, а мы к тебе крест целовали быть с тобою; объявляю тебе, пристроивайся». Изяслав стал вооружаться, а ко Владимиру послал сказать: «Брат! помоги тебе бог за то, что сам говоришь: мы крест целовали быть всем нам за один; теперь же, брат, возьми моего мужа и с ним пошли своего к Святославу Ольговичу». Владимир отвечал послу Изяславу: «Мы с братом готовы и будем стоять в крестном целовании, но не знаем, сдержит ли слово брат наш Святослав». Оба посла отправились к Святославу, и муж Изяславов сказал ему: «Изяслав, брат твой, велел тебе сказать: мы крест целовали на том, что вам быть со мною; а вот дядя мой идет на меня, так приготовляйся, брат, как Владимир готовится с братом своим Изяславом». Послы Давыдовичей сказали ему то же самое; Святослав ничего не отвечал им на их речи, только сказал: «Ступайте в свой обоз, я вас позову» – и держал их целую неделю, приставив сторожей к обозам, чтоб никто к ним не приходил, а сам в то же время послал сказать Юрию: «Вправду ли ты идешь на племянника? скажи мне, чтоб тебе не погубить моей волости и не ввести меня в напасть». Услыхав прямой ответ Юрия, Святослав призвал послов и велел сказать Изяславу: «Отдай мне имение брата моего, тогда буду с тобою». В то же самое время Давыдовичи послали сказать Изяславу: Святослав посылал к Юрию спрашивать, вправду ли он идет на тебя; Юрий отвечал ему: «Как мне не идти вправду? племянник мой Изяслав пришел на меня, волость мою повоевал и пожог, да еще сына моего выгнал из Русской земли, волости ему не дал, позор на меня положил; так я либо позор свой сложу с себя и землю свою отомщу и честь свою возвращу, либо голову сложу». Изяслав, услышав об этом, послал опять сказать Святославу: «Брат, крест честной целовал ты ко мне, чтобы быть со мною, и вражду за Игоря отложить, и об имении его не думать; а теперь ты вспомнил об них, когда дядя идет на меня ратью? так пусть уж крест честной управит между нами; будь со мною; если же не хочешь быть, то ты уже преступил крестное целование; а я без тебя и на Волгу ходил, да бог помиловал, ничего не случилось; и теперь был бы со мною бог да крестная сила». Святослав соединился с Юрием;

оба князя послали сказать Давыдовичам: «Братья, пойдёмте с нами на Изяслава». Давыдовичи отвечали Юрию: «Ты крест целовал быть с нами и ничего не помог; а Изяслав пришел и землю нашу повоевал; за Десною города пожег; теперь же мы целовали крест к Изяславу Мстиславичу, и хотим с ним быть, и душою не можем играть». Юрий пошел к Переяславлю; Изяслав, услышав об этом, сказал: «Если бы он пришел один с детьми, то получил бы от меня любую волость; но когда привел на меня половцев и врагов моих Ольговичей, то хочу с ним биться». Киевлянам сперва не хотелось идти за Изяславом на Юрия; они говорили ему: «Миришь, князь, мы не идем»; но потом пошли и сошлись с полками Юриевыми у Переяславля. В ночь Юрий прислал к Изяславу с такими словами: «Брат! Ты на меня приходил, и землю мою повоевал, и старшинство с меня снял; теперь же, брат и сын, для Русской земли и христианства не прольем христианской крови, но дай мне Переяславль, я посажу там сына своего, а ты сиди себе, царствуя в Киеве; если же не хочешь так сделать, то бог тебе судья». Изяславу не понравилось дядино предложение; он задержал его посла и выбрался с полками из города.

На другой день, когда Изяслав отслужил обедню у св. Михаила, выходил из церкви, епископ со слезами на глазах подошел к нему и сказал: «Князь! помирись с дядею: много спасения примешь от бога и землю свою избавишь от великой беды». Но Изяслав не послушал епископа, надеясь на множество войска; он сказал: «Я головою добыл Киева и Переяславля» – и пошел против Юрия. От полудня до вечера стрельцы бились с обеих сторон; когда Юрий оборотил свои полки назад к стану, Изяслав двинулся за ним; увидав это, Юрий воротился опять, и началась злая битва; Изяслав был побежден и прискакал в Киев самтретей 23 августа. А на другой день Юрий, хваля и славя бога, вошел в Переяславль и пробыл там три дня; оттуда пошел к Киеву и стал против св. Михаила, по лугу. Изяслав, посоветовавшись с братом своим Ростиславом, вышел на вече к киевлянам и сказал им: «Дядя пришел, можете ли за нас биться?» Они отвечали: «Господа наши князья! не погубите нас до конца; отцы наши и братья и сыновья на полку, одни в плену, другие побиты и оружие снято; а теперь нас возьмут в полон; поезжайте лучше в свои волости; ведь вы знаете, что нам с Юрьем не ужиться; после где увидим ваши стяги, будем готовы

за вас биться». Князья, услышав такой ответ, разъехались: Изяслав во Владимир Волынский, а Ростислав в Смоленск.

Юрий въехал в Киев; множество народа вышли к нему навстречу с радостию великою, и сел он на столе отца своего, хваля и славя бога. Изяслав же, пришед во Владимир, начал слать в Венгрию, в Польшу и в Богемию, к тамошним владельцам, своим родственникам, прося у них помощи, чтобы они сажались на коней и шли с полками своими к Киеву; если же самим нельзя будет идти, то пусть пошлют полки свои, либо с меньшими братьями, либо с воеводами. Король венгерский отрекся помогать ему, сказавши: «У меня рать с царем греческим; когда управлюсь с ним, то либо сам к тебе пойду, либо полки свои отпущу». Польские князья отвечали: «Мы от тебя недалеко; одного из нас оставим стеречь землю, а вдвоем пойдем к тебе». Чешский (Богемский) князь отвечал: «Я сам готов идти с своими полками». Тогда Изяслав опять отправил послов и в Венгрию, и в Польшу, и в Богемию, с дарами великими к тамошним владельцам, и велел сказать им: «Бог не оставит вас, что вы взялись мне помогать; а я вам скажу, братья! с Рождества Христова садитеська на коней», – они исполнили его просьбу. Королю венгерскому самому нельзя было идти; он отправил к Изяславу десять тысяч войска и велел сказать ему: «Отпускаю к тебе свои полки, а сам хочу подступить под горы галицкого князя и не дать ему на тебя двинуться, а ты управляйся там с теми, кто тебя обидел; если мои полки истомятся, то я пошлю к тебе новые или сам сяду на коня». Болеслав Польский сам поехал с братом своим Генрихом, а Мешку оставил стеречь землю свою от пруссаков. Вячеслав, услышав об этом, послал сказать Юрию: «Вот уж венгры идут, и польские князья сели уже на коней, и сам Изяслав выступил в поход: так пойдя сюда с полками, заступись за мою волость; Изяслав мне говорит: будь мне вместо отца, ступай садись в Киеве, а с Юрием не могу жить, если же не хочешь принять меня в любовь и в Киев не пойдешь на стол, то я волость твою пожгу; так ступай же теперь, брат, сюда, и увидим на месте, что нам бог даст, добро или худо; если же, брат, не поедешь, то уж на меня не жалуйся, если мою волость пожгут». Юрий, услышав это, собрал силу свою и пошел из Киева с дикими половцами, а к Изяславу пришли на помощь венгры и поляки; но вдруг к полякам пришла весть, что пруссаки идут на их землю; Болеслав и Генрих, князья польские, сказали об этом Изяславу, и тому

было очень нелюбо. Стали думать, как быть, и придумали послать к Вячеславу и к Юрию с мирными предложениями. Послы, от имени венгерского короля и польских князей, говорили так Вячеславу и Юрию: «Вы нам вместо отцов; вот вы теперь воюете с братом и сыном вашим Изяславом; но ведь мы по боге все христиане, все мы братья, и потому всем нам следует жить мирно; нам бы хотелось, чтобы вы уладились с братом и сыном вашим Изяславом, вы бы сидели в Киеве, решивши между собою, кому из вас он приходит, а у Изяслава пусть остается Владимир, Луцк и что у него еще городов, пусть и сидит в них, да пусть Юрий воротит новгородцам все их дани». Вячеслав и Юрий отвечали на это послам: «Помоги бог зятю нашему королю, и брату нашему Болеславу, и сыну нашему Генриху, что между нами добра хотят; но если вам хочется, чтобы мы помирились, то не стойте на нашей земле, не губите нашего имения и сел; но пусть Изяслав идет в свой Владимир, вы в свою землю, а мы с своим братом и сыном Изяславом сами одни будем ведаться». Услыхав этот ответ, Изяслав с союзниками разошлись по своим землям, и дядя с племянником начали улаживаться, пересылаясь друг с другом: Изяслав хотел всех даней новгородских, как и прежде требовал; но Юрий никак не согласился; он обрадовался, что венгры и поляки возвратились домой и племянник остался один без союзников. «Выгоню Изяслава, – говорил Юрий, – и волость его всю возьму». В это время Владимир, князь Галицкий, выступил с своими полками и стал между Изяславом и Юрием; по просьбе первого он начал стараться о мире; о том же старался и сын Юриев, Андрей; Вячеслав также не переставал твердить Юрию: «Брат! мирись; если же ты уйдешь прочь не уладившись, то Изяслав пожжет мою волость». Юрий наконец согласился на мир и возвратил Изяславу все дани новгородские. Изяслав обрадовался миру и приехал к дядьям в Пересопницу; здесь положили: что после Переяславского сражения было пограблено, то с обеих сторон возвратить тем, кому прежде принадлежало. Изяслав послал мужей своих и тивунов к Юрию, чтобы отыскивать свое; они отыскиали, но Юрий ничего не отдал.

В 1150 году Изяслав объявил, что не может быть в обиде, и выступил в поход к Пересопнице; Глеб, сын Юриев, стоял станом выше этого города, на реке Стубле; при приближении Изяслава он сам едва мог спастись бегством в город, стан, дружину и коней побрали неприятели. В таком положении Глеб послал сказать Изяславу: «Как

мне Юрий отец, так мне и ты отец, и я тебе кланяюсь; ты с моим отцом сам ведаешься; а меня отпусти к отцу и клянись святою богородицею, что не возьмешь меня в плен, а отпустишь к отцу; тогда и к тебе выйду сам с поклоном». Изяслав поклялся святою богородицею и сказал ему: «Вы мне братья свои, и я на вас не держу вражды; но обижают меня твой отец и с нами не умеет жить». После этого Изяслав отправился к черным клобукам: те приняли его с большою радостью. Юрий ничего не знал о движениях Изяслава; сведав, что последний уже в черных клобуках, он побоялся оставаться долее в Киеве, перебежал с сыновьями за Днепр и скрылся в Городке. Изяслав пришел к Киеву; но дядя Вячеслав опередил его, вошел в город и сел на дворе Ярославовом. Киевляне, услышав, что Изяслав идет, толпами вышли к нему навстречу и сказали: «Юрий вышел из Киева, но Вячеслав сидит там на его месте; а мы его не хотим». Изяслав, услышав это, послал сказать Вячеславу: «Я звал тебя сидеть в Киев, но ты не захотел; а теперь как увидал, что брат выехал, так ты садишься в Киеве; ступайка в свой Вышгород». Киевляне сказали Изяславу: «Ты наш князь, ступай ко св. Софии, сядь на столе отца твоего и деда своего». Но Вячеслав, со своей стороны, послал сказать племяннику: «Хоть убей на этом месте, а не выеду». Изяслав, поклонившись св. Софии, въехал на двор Ярославов со всем своим полком, и киевлян пришло с ним множество. В это время Вячеслав сидел на сеннице, и многие стали говорить Изяславу: «Князь! возьми его вместе и с дружиною», – другие же говорили: «Хочешь, подсечем под ним сени?» То Изяслав отвечал: «Сохрани меня бог! я не убийца братьи своей, а дядя мне вместо отца; я сам пойду к нему». Взяв с собою немного дружины, Изяслав пошел к дяде и поклонился ему. Вячеслав увидал его, встал и поцеловался; когда оба сели, Изяслав начал говорить: «Кланяюсь тебе, батюшка! нельзя мне с тобою рядиться; видишь ли, какая сила народу стоит и много тебе лихо замышляют; так поезжай лучше в свой Вышгород, оттуда буду с тобой рядиться». Вячеслав отвечал: «Ты меня сам, сынок, звал в Киев, но я тогда целовал крест к брату своему Юрию; но если уже теперь так случилось, то Киев тебе, а я поеду в свой Вышгород».

Между тем Юрий послал сказать Давыдовичам и Ольговичам: «Изяслав выгнал меня из Киева и сам сел там; помогите мне». В то же время Владимир Галицкий пошел на помощь свату своему Юрию

против Изяслава; этот, взяв своих бояр, поехал с ними к Вячеславу в Вышгород и сказал ему: «Ты мне отец, а вот тебе Киев, и другую волость, какую хочешь, возьми, а остальное мне отдай». Старик отвечал с сердцем: «А для чего ты мне не дал Киева тогда и заставил выехать из города с большим стыдом? Теперь же, когда одна рать идет из Галича, а другая от Чернигова, то ты мне Киев даешь!» Изяслав отвечал дяде: «Я к тебе посылал и Киев давал, объявляя, что с тобою могу жить, а с братом твоим Юрием мне нельзя ладить; тебя люблю, как отца, и теперь скажу: ты мне отец, и Киев твой, ступай в него». Вячеславу стало любо от таких слов, и оба князя целовали крест на том, чтобы Изяславу иметь Вячеслава отцом, а Вячеславу иметь Изяслава сыном: тут же и мужи их клялись хотеть между князьями своими добра, честь их беречь и не ссорить их. Изяслав поклонился святым мученикам и отцу своему Вячеславу и сказал ему: «Ты, батюшка, не трудись, я один поеду к Звенигороду против Владимира, а ты со мною отпусти полк свой, сам же ступай в Киев, если тебе угодно». Вячеслав отвечал: «Сын! что ни есть у меня дружины, всех с тобою пускаю». Изяслав приехал в Киев, ударил в трубы, созвал киевлян и пошел против Владимира, сказав: «Кто ко мне ближе, против того и пойду прежде». Он встретился с Галицким князем на реке Ольшанице; черные клобуки, видя силу Владимира, испугались и стали говорить Изяславу: «Князь! сила его велика, а у тебя мало дружины, не погуби нас, да и сам не погинь; ты наш князь, когда силен будешь, и мы тогда с тобою, а теперь не твое время, ступай прочь». Изяслав отвечал им: «Лучше, братья, помрем здесь, чем такой позор возьмем на себя». Но киевляне начали также приступать к нему, говоря: «Поезжай, князь, прочь», – и побежали, за ними побежали черные клобуки к своим вежам; Изяслав, видя это, побежал и сам. Приехавши в Киев, он пошел к отцу своему Вячеславу, оба князя подумали, как помочь беде, и сели обедать. В это время пришел Юрий с сыновьями своими, с Давыдовичами и Ольговичами, и стал на берегу против Киева: тогда много из киевлян поехали в лодках к Юрию, а другие начали перевозить его дружину на эту сторону, в Подолье. Вячеслав с Изяславом, видя это, сказали: «Теперь не наше время» – и отправились – Вячеслав в Вышгород, а Изяслав во Владимир, а Юрий сел опять в Киеве.

Зимою Изяслав послал сказать Андрею, сыну Юриеву: «Брат! помири меня с отцом своим; мне нет отчины ни у венгров, ни у ляхов, а только в Русской земле, выпроси мне у отца своего волость по реку Горынь». Андрей стал просить отца за Изяслава, но тот не хотел ничего слышать, тогда Изяслав сказал: «Дядя не дает мне волости, не хочет меня терпеть в Русской земле, а Владимир Галицкий, по его велению, волость мою взял да еще опять к Владимиру моему хочет прийти на меня». Подумав, он послал брата своего Владимира в Венгрию к королю, зятю своему, с такими словами: «Ты мне сам сказал, что Владимир, боясь тебя, не смеет головы положить на подушку; Юрия я выгнал из Киева, Юрий передо мною бегает; но пришел Владимир, соединился с Ольговичами и погнал меня из Киева; теперь же, брат, сдержи свое слово, сядь на коня». Король, услышав это, послал собирать дружину и полки, сам сел на коня и наделал много зла Владимиру и земле его. После этого король прислал Изяславу десять тысяч добрых людей; тогда Изяслав выступил к Киеву, потому что Вячеславова дружина, берендеи и киевляне звали его туда. Когда Изяслав стоял выше Пересопницы, то получил весть, что Владимир Галицкий идет на него; услышав это, он созвал дружину на думу; дружина сказала: «Князь! сам ведаешь, что тебе нелегко теперь: пришел ты ратью на Юрия, а за тобою другой враг – Владимир; ты пойдешь на Юрия, а там соединятся да ударят тебя в тыл; придется нам очень трудновато». Изяслав отвечал: «Вы за мною вышли из Русской земли, лишились сел своих и всех животных, да и я от своей дедины и отчины не могу отказаться: но либо голову свою сложу, либо возвращу свою отчину и ваши все животы; если меня нагонит Владимир, то отдаюсь на суд божий, как меня бог с ним рассудит; если же встретит меня Юрий, то и с этим пусть меня бог рассудит». Сказав это, Изяслав отправился к Дорогобужу. Дорогобужцы вышли к нему со крестами и поклонились; Изяслав сказал им: «Бог вам помочь, вы люди деда моего и отца моего». Дорогобужцы отвечали: «С тобою, князь, чужеземцы, венгры: не наделали бы они какого зла нашему городу». Изяслав сказал им на это: «Я вожу венгров и все другие народы не на своих людей, но кто мне враг, на того вожу; а вы не беспокойтесь ни о чем».

На реке Уше встретился Изяслав с полками Галицкими и начал перестрелку; стрелки его схватили в плен одного из галичан и

представили князю; тот спросил пленника: «Где твой князь?» – он отвечал: «Вот за городом первый лес, тут он услышал об тебе, тут же и встал, не посмев идти сквозь лес, он говорил: если пойдём сквозь лес, то нападут на нас, а сила наша за нами далеко, лучше подождём здесь». Изяслав, услышав это, сказал брату своему, и сыну, и всей дружине: «Пойдём на него». Дружина отвечала: «Князь! нельзя нам идти на него; перед тобою река, и вода в ней большая, как ты хочешь на него ехать? да ещё он стоит заложился лесом; теперь, князь, не медли, но ступай в Киев, к своей дружине, если нас Владимир где настигнет на дороге, то и будем с ним биться; ведь ты сам сказал: кто нас встретит, с тем и бьёмся. Теперь же, князь, не медли, поезжай; будешь ты на Тетереве, к тебе вся дружина твоя приедет, а коли бог даст до Белгорода дойдёшь, то ещё больше народа будет с тобою». Изяслав послушался и пошел дальше.

Пришедши к городу Вздвиженю, он позвал к себе брата, сына и венгров на думу и сказал им: «Владимир идет за нами, а мы здесь стоим; я бы вас спросил, братья: здесь ли нам оставаться или в ночь выступить дальше? если мы здесь останемся, то Владимир за нами и скоро нас нагонит, а перед нами ещё другая рать, Юрий: дождемся того, будет трудно; не лучше ли, положась на бога и своего труда не жалеть, поехать дальше? если нам удастся въехать в Белгород, то Юрий наверно побежит перед нами, и тогда мы поедём в свой Киев, а когда в сильный полк киевский въедем, то я уж знаю, киевляне будут за меня биться; а нельзя будет пробраться к Белгороду, поедём к черным клобукам; когда к черным клобукам приедем и с ними соединимся, то не боимся ни Юрья, ни Владимира». Венгры отвечали: «Мы твои гости; если надеешься на киевлян, то тебе лучше знать своих людей; доброе дело, князь, когда друг прибудет; а кони под нами ещё крепки, поедём, пока в силах». – Изяслав отпустил брата своего Владимира наперед к Белгороду, а сам пошел за ним. Борис Юрьевич, услышав о приближении Владимира, бежал из Белгорода в Киев к отцу и сказал ему, что Изяслав идет. Юрий поскорее сел в лодку, переплыл Днепр и спрятался в Городке. Киевляне, послышавши Изяслава, вышли к нему навстречу с радостью, и он сел опять на столе деда своего и отца с честью великою, захвативши много Юрьевой дружины по Киеву. Между тем Владимир Галицкий, слыша, что Изяслав уже в Киеве, а Юрий бежал оттуда, послал сказать Андрею Юрьевичу: «Не

понимаю, как это княжит сын мой; рать идет на него из Владимира, а он того и не ведает? а вы, сыновья его, один сидит в Пересопнице, а другой в Белгороде, как же вы того не устерегли? если вы так княжите с отцом своим, то управляйтесь сами как хотите, а я один не могу идти на Изяслава, он хотел вчера со мною биться, идя на вашего отца, а на меня оборачиваясь, ловя случай как бы сразиться со мною; а теперь он въехал во всю Русскую землю, теперь и подавно мне одному нельзя на него идти». Сказавши это, он возвратился в Галич, а Изяслав послал в Вышгород к дяде Вячеславу с такими словами: «Батюшка! кланяюсь тебе; если бог взял у меня отца моего Мстислава, то ты мне вместо его отец; теперь кланяюсь тебе и прошу прощения, согрешил я пред тобою в самом начале; и потом, когда бог помог мне победить Игоря у Киева, то я на тебе чести не положил, а потом и в другой раз у Тумаща; теперь же, батюшка, я во всем раскаиваюсь пред богом и пред тобою: если ты меня простишь, то и бог меня простит; теперь даю тебе Киев, ступай, сядь на столе деда своего и отца». Изяслав отвечал ему: «Бог тебе помочь, сынок, за то что на меня честь возложил; давно б тебе так сделать, воздавши мне честь, ты этим самым богу честь воздал; ты говоришь, что я твой отец, а я тебе скажу, что ты мой сын: у тебя отца нет, а у меня сына нет, ты мой сын, ты мой и брат». Оба князя целовали крест на том, что не разлучаться им ни в добре, ни в лихе, но всегда быть вместе.

В 1151 году Изяслав ввел дядю и отца своего Вячеслава в Киев. Вячеслав, приехав в Киев, отправился к святой Софии и сел на столе деда и отца своего; потом позвал сына своего Изяслава к себе на обед и киевлян и венгров, и пировали в большой любви. На другой день Вячеслав послал сказать Изяславу: «Бог тебе помочь, сынок, за то, что на меня честь возложил, как на отца родного; скажу тебе вот что: я уже стар, всех рядов не могу рядить, но будем оба в Киеве, и если случится какое дело с христианами или с погаными, идем оба вместе, а дружина и полк будут у нас общие, и ты ряди их; где можно будет нам обоим ехать, то оба поедем, если же нельзя, то ты один ступай с моим полком и с своим». Изяслав сильно обрадовался этим словам, с великою честью поклонился отцу своему и сказал: «Кланяюсь тебе, батюшка; как сказано, так пусть, бог даст, и будет, пока живы». На третий день оба князя позвали к себе венгров и сказали им: «Поезжайте к своему королю, а к нашему зятю, а мы в след за вами шлем сына своего

Мстислава». Последний должен был сказать королю от имени отца: «Бог тебе помочь, брат, за твою помощь нам; только разве брат родному брату или сын отцу может то сделать, что ты нам сделал; дай нам бог жить с тобою нераздельно ни в чем, и если кто тебя обидит, на того мы сами пойдём, или братью свою пошлём, или сыновей с полками; нам тебе нечем отблагодарить за все твое добро, разве головою своею; но теперь доверши свое доброе дело: самого тебя не зовём, потому что у тебя война с царем греческим; но пришли нам помощь, или такую же, как теперь прислал, или посильнее, с братом своим Мстиславом, а нашим сыном, потому что Юрий силен, Давыдовичи и Ольговичи с ним, а того гляди, что и половцев диких наймет; помоги нам, брат, теперь, так весною, когда управимся у себя, будем к тебе с своими полками на помощь, если же ты с царем справишься, то будешь нам помощник; твои мужи и брат твой Мстислав расскажут тебе все, как нам бог помог, как стала за нас вся Русская земля и все черные клобуки».

Отрядивши Мстислава в Венгрию, князья отрядили также послов и к Ростиславу в Смоленск; Вячеслав велел сказать ему: «Брат! Бог соединил нас с твоим братом, а с моим сыном Изяславом: добыв Русскую землю, он на мне честь положил, посадил меня в Киеве; я тебе скажу вот что: и ты мне такой же сын, как и брат твой Изяслав; потрудись прийти сюда к нам, чтоб нам всем вместе втроем подумать о наших делах». Изяслав также велел сказать брату: «Ты меня, братец, не один раз заставил положить честь на дяде своем и на отце; вот теперь бог привел меня в Русскую землю, и я отдал честь нашему дяде для тебя и для всей Русской земли; скажу тебе еще: там в Новгороде у тебя сын мой и твой Ярослав, там же у тебя Смоленск; так урядивши все там, пойдти к нам сюда, вместе все втроем посоветуемся, что нам бог явит». Ростислав исполнил желание дяди и брата и пришел к ним на помощь с множеством войска, а Юрий, набрав диких половцев, пришел на Изяслава; начали биться по Днепру в лодках, от Киева до устья Десны, бились крепко, и Юрию не удавалось ничего сделать против Киева. Изяслав смастерил лодки удивительным образом: гребцов в них было не видать, только весла наружи, потому что лодки были покрыты досками, наверху стояли борцы в бронях и стреляли; кормчих было двое; один на носу, другой на корме, и куда хотят, туда пойдут, не поворачивая лодок. Наконец Юрий перешел Днепр; тогда

Вячеслав, Изяслав и Ростислав, созвавши братью свою, начали думать: Изяслав с Ростиславом хотели биться, но дружины всех князей отговаривали и киевляне, особенно же черные клобуки; они говорили: «Князь, нельзя нам к ним ехать, потому что ратники наши все на конях; ты к ним поедешь, а он перед тобою пойдет по Руси, так тебе и придется, оставя пеших, гнаться за ним: но мы, князь, вот что вам скажем: не делайте так, но ступайте в свой Киев, а к нам приставьте брата своего Владимира, заберем жен, детей, стада и все свои животы, да и пойдем к Киеву; вы добудьте там только до вечера, и мы тогда приедем; мы хотим за отца вашего Вячеслава, за тебя, и за брата твоего Ростислава, и за всю братью головы свои положить: либо честь вашу отыщем, либо изомрем все с вами, а Юрья не хотим».

Князья сделали по их, и расположились около Киева; скоро пришел к ним и Владимир со всеми черными клобуками, с вежами и стадами их; князья, дружина, черные клобуки и киевляне согласились не идти на неприятеля самим, но дать ему приблизиться к себе и тогда уже начать битву. Изяслав сказал: «Только б ты бог нам помог, а мы уж от них отобьемся, ведь они не с крыльями; перелетевши за Днепр, сядут же». Тогда Вячеслав начал говорить Изяславу и Ростиславу: «Вот мы, братья, приготовились к битве; но ведь Юрий мне брат, хоть и моложе меня; мне бы хотелось послать к нему и свое старшинство оправить, чтобы нас бог с ним рассудил, а бог смотрит на одну правду». Племянники отвечали: «Доброе дело ты задумал, батюшка; сделай так». Тогда Вячеслав сказал мужу своему: «Ступай к брату Юрию, поклонись ему от меня; а вы братья и сыновья мои, Изяслав и Ростислав, слушайте, при вас я отряжаю посла; скажи брату так от меня: я, братец, и тебе, и Изяславу много раз говорил: не проливайте христианской крови, не губите Русской земли; удерживая вас, я и на свою обиду не смотрел, что вы меня два раза обесчестили, а ведь у меня полки есть и силу мне бог дал; но я для Русской земли и для христианства все то забыл, как Изяслав, идучи биться с Игорем, говорил: я Киева не себе ищу, но отцу моему Вячеславу, тот брат старший; бог ему помог, и он Киев себе взял да еще к тому Туров и Пинск у меня отнял и тем меня сильно разобидел; а ты тоже, брат, едучи в Переяславль биться с Изяславом, говорил: я Киева не себе ищу, у меня старший брат есть, Вячеслав, он мне вместо отца, для него ищу Киева; бог тебе помог, а ты Киев себе да еще Пересопницу и

Дорогобуж у меня отнял, а дал мне один Вышгород; но я во все то не вступился, для Русской земли и для христиан, да еще и вас удерживал, но вы меня не слушаетесь; ты когда-то говорил: не могу поклониться младшему; но вот Изяслав, хотя прежде и два раза не сдержал своего слова, теперь же, добыв Киев, поклонился мне и честь мне воздал, в Киеве меня посадил, отцом меня назвал, а я его сыном; ты говорил, что младшему не поклонись, но ведь я тебя буду постарше, и немалым: я уже был бородат, когда ты родился; если же хочешь на мое старшинство поехать, то бог нас рассудит». Юрий прислал своего мужа с таким ответом: «Я тебе, брат, кланяюсь; твоя правда: ты мне вместо отца, если же хочешь со мною рядиться, то пусть Изяслав едет во Владимир, а Ростислав в Смоленск, а мы сами между собою урядимся». Вячеслав велел сказать ему на это: «У тебя семь сыновей, и я их от тебя не отгоняю, а у меня только два сына, Изяслав и Ростислав, и другие младшие есть же, но я, брат, тебе скажу: для Русской земли и для христиан поезжай в свой Переяславль и в Курск, с своими сыновьями, а там у тебя еще Ростов Великий; Ольговичей отпусти домой, и сами между собою урядимся и крови христианской не будем проливать; если же ты своего замысла не отложишь, то пречистой богородице с сыном своим и богом нашим судить нас в сей век и в будущий» – при этих словах он указал на образ богородицы, что на золотых воротах. Юрий не послушался.

Тогда Вячеслав, Изяслав и Ростислав, поклонившись св. Богородице и св. Софии, выступили из Киева; киевляне сказали им: «Все мы должны идти, кто только может; если же кто не пойдет, того сами побьем», – и пошли все с радостью за своими князьями, конные и пешие, многое множество. В то же время пришел посол из Венгрии к Изяславу от сына его Мстислава, который велел сказать ему: «Король, зять твой, отпустил к тебе помощь, какой еще никогда не бывало, многое множество; я уже с ним прошел Гору; если мы тебе понадобится поскорее, то ты пошли к нам, мы скорее пойдем». Изяслав отвечал: «Мы уже идем на суд божий, а вы нам надобны». Враги сошлись у реки Рута: Андрей Юрьевич начал рядить полк отца своего, потому что был тогда старший между братьями; Изяслав и Ростислав подъехали к отцу своему Вячеславу и сказали ему: «Ты хотел добра, но брат твой не захотел; теперь же, батюшка, хотим головы свои сложить за тебя или отыскать честь твою». Вячеслав

отвечал им: «Брат и сын! от рожденья не охотник я был до кровопролитья; но брат мой довел меня до того, и если уже мы теперь на этом месте, то бог рассудит нас». Племянники поклонились ему и поехали в свои полки. Изяслав, въехавши в свой полк, послал повестить по всем полкам: «Смотрите на мой полк: как он пойдет, так и вы ступайте». Полки двинулись; Андрей Юрьевич взял копье и поехал наперед, съехался с неприятелем прежде всех и изломал копье: коня его ранили в ноздри, конь начал под ним соваться, шлем спал с Андрея, и щит у него оторвали; но Божиим заступлением и молитвою родителей своих он сохранен был без вреда. С другой стороны Изяслав въехал один в полки ратных и изломал свое копье; тут ранили его в руку и в стегно, и он слетел с коня. Когда полки соступились, была сеча крепка. Бог, св. богородица и сила честного животворящего креста помогли Вячеславу, Изяславу и Ростиславу: они победили Юрия. Половцы Юриевы, не пустивши и по стреле, побежали; за ними побежали Ольговичи, за Ольговичами и сам Юрий с детьми; в бегстве их множество дружины потонуло в Руте, тут же убили и Владимира Давыдовича, князя черниговского, доброго, кроткого. Когда сошлись полки конные и пешие, Изяслав лежал раненый, и когда хотел приподняться, то киевляне чутьчуть не убили его, не разглядевши и думая, что неприятель. Изяслав сказал им: «Я князь», – тогда один из ратных отвечал ему: «Ну так тебя то нам и надобно», – вынул меч и начал рубить его по шлему; Изяслав повторил: «Я Изяслав, ваш князь» – и снял с себя шлем; тогда узнали его, подняли на руки с радостью, как царя, и князя своего, и воскликнули: «Кирие, елейсон». Изяслав сильно изнемогал от ран, потому что ишел кровию, но когда услышал, что Изяслав Давыдович плачется над своим братом Владимиром, то позабыл свою немощь, сел на коня, поехал туда и плакался над покойным, как над родным братом. Долго плакавши, он наконец сказал Изяславу Давыдовичу: «Уж нам его не воскресить; но вот бог и пречистая врагов наших победили, и они бегают теперь около, так тебе, брат, стоять здесь теперь нечего: взявши брата, ступайка в Чернигов, а тебе придам помощь; поезжай, чтоб до вечера быть в Вышгороде».

Давыдович отправился в Чернигов, а Мстиславичи с дядею Вячеславом с честью и похвалою великою пошли в Киев; к ним навстречу вышли святители с крестами, митрополит Клим, и игумены

честные, и попы; князья въехали в город с великою честью, поклонились св. Софии и св. Богородице Десятинной и начали жить весело и дружно. Между тем Мстислав Изяславич вел венгров на помощь к отцу, а вслед за ним шел Владимир Галицкий. Мстислав, ничего не зная, расположился станом недалеко от Дорогобужа; князь Владимир Андреевич прислал ему много хмельного питья, а между прочим велел сказать, что Владимир Галицкий идет за ним; Мстислав объявил об этом войску, но пьяные венгерцы с хвастовством отвечали: «Если придет на нас, то мы будем биться с ним». В полночь сторожа прибежали к князю с криком: «Владимир идет!» Мстислав с дружиною вскочил на коней и начал будить венгров, но те, напившись, лежали как мертвые; на рассвете ударил на них Владимир Галицкий и мало кого взял в плен, почти всех перебил; Мстислав же с дружиною ушел в Луцк. Когда князь Изяслав услышал, что сын его побежден и венгры перебиты, то сказал свою пословицу: «Не идет место к голове, а голова к месту; но дал бы бог здоровье мне и королю, а месть будет».

Между тем Вячеслав и Изяслав послали сказать Юрию: «Кланяемся тебе; ступай в Суздаль, а сына посади в Переяславле, не можем с тобою жить здесь, приведешь на нас опять половцев». У Юрия не было тогда ниоткуда помощи; дружина его – одни были перебиты, другие захвачены в плен; неволею принужден он был целовать к ним крест за себя и за детей своих.

В 1152 году король венгерский прислал сказать Изяславу: «Батюшка! кланяюсь тебе; ты прислал сказать мне про обиду от галицкого князя, а я уж здесь приготавлиюсь; и ты приготавлийся». Изяслав, слыша это, собрал всю свою дружину и пошел, чтобы соединиться с королем; на реке Соне встретились они с Владимиром Галицким и приготовились к битве. Изяслав сказал при этом дружине своей: «Братья и дружина! Бог никогда не налагал бесчестья на Русскую землю и на русских сынов, на всех местах они честь свою брали; теперь же, братья, поревнуем тому: в этой земле и перед чужим народом дай нам бог честь свою взять». Сказав это, Изяслав бросился со всеми своими полками вброд; венгры сделали то же, с своей стороны, Владимир был сильно поражен, и только самдруг убежал в город Перемышль. И Перемышль тогда же бы взяли, потому что некому было из него биться, да не взяли потому, что вне города стоял двор княжий, на лугу, над рекою Саном; на этом дворе было много

всякого добра: тудато и ринулись все воины. Изяслав же и король, собравши всех своих воинов и дружину, раскинули тут же стан перед городом, над рекою Вягром. Между тем Владимир начал слать к королю, прося мира, на ту же ночь прислал к архиепископу и к воеводам королевским, притворился, что тяжело ранен, и велел сказать им: «Умоляйте за меня короля; я тяжко ранен и каюсь пред королем, что прежде его оскорбил и стал против него», – а королю велел сказать: «Бог грехи отпускает, и ты мне отпусти, а не выдай меня Изяславу, потому что я крепко болен; если бог по душу пошлет, то прими к себе сына моего; отец твой был слеп, а я ему много послужил своим копьем и своими полками; за его обиду с ляхами бился; помяни это и отдай мне мои вины». Архиепископу и мужам королевским Владимир выслал множество даров, золота и серебра, сосудов золотых и серебряных и платья. На другой день король, съехавшись с Изяславом, пересказал ему речи Владимира; тот отвечал ему: «Сын! если Владимир умрет, то бог его убил, потому что он преступил крестное целование к нам обоим; исполнил ли он хоть чтонибудь, что обещал тебе, да еще и опозорил нас обоих, а теперь в чем ты ему будешь верить? благо, нам бог дал его в руки, самого возьмем и волость его поделим». Но король не послушал его, а послушал архиепископа и всех мужей своих, обдаренных Владимиром; он сказал Изяславу: «Не могу убить Владимира, он молится и кланяется и в своих винах кается; но если он, поцеловавши теперь крест, не сдержит клятвы, тогда уже как мне бог с ним даст, либо я буду в Венгерской земле, либо он в Галицкой». Изяславу сильно не хотелось мириться с Владимиром, да делать было нечего; король и мужи его все хотели мириться. Король сказал Владимиру: «На том тебе целовать крест, что все русские города возвратить и быть за одно с Изяславом, не отлучаться от него ни в добре, ни в лихе». Владимир согласился на все с радостью, и король послал к нему мужей своих с крестом. Изяслав не хотел приводить его к кресту; но король сказал: «Это тот самый крест, на котором Христос бог наш своею волею восхотел пригвоздиться и который, по воле божией, достался святому Стефану^[7]; если Владимир, поцеловавши этот крест, изменит клятве и останется жив, то я тебе клянусь, батюшка, что либо голову свою сложу, либо завоюю Галицкую землю; а теперь не могу его убить». Оба, и король, и Изяслав, отрядили мужей своих с крестом к

Владимиру, причем Мстислав Изяславич сказал отцу своему и королю: «Вы поступаете похристиански, что честному кресту верите и обиды свои прощаете; но я вам скажу перед этим честным крестом, что Владимир не сдержит своей клятвы; но ты, король, своего слова не забудь: если Владимир изменит, то тебе стоять опять у Галича». Владимир целовал крест, лежа на постели, притворяясь, что изнемогает от ран, а ран на нем не было.

Когда же Изяслав, возвратившись во Владимир, послал своих посадников по тем городам, которые Владимир поклялся возвратить ему, то он не пустил их ни в один. Изяслав пошел в Киев, а к королю послал сказать: «Тебе уже теперь не воротиться, ни мне; но я только даю тебе знать, что Владимир преступил крестное целование; и ты не забывай своего слова». К Владимиру же послал Изяслав Петра Бориславича с крестными грамотами, потому что этот самый Петр Бориславич и приводил его к присяге. Изяслав велел сказать галицкому князю: «Ты крест к нам с королем целовал на том, что возвратишь все, взятое из русской волости, и слова своего не сдержал; я забуду все, если захочешь обещание свое исполнить; если же нет, то ты будешь клятвopреступник, и вот твои грамоты крестные, а нам с королем как бог даст над тобою промыслить». Владимир отвечал: «Скажи своему князю: „Ты напал на меня врасплох и короля на меня навел; но если буду жив, то либо голову свою сложу, либо отомщу за себя”». Петр сказал ему на это: «Князь! ты крест к брату своему Изяславу и к королю целовал, что все управишь и будешь с ними заодно, так ты уже изменил крестному целованию». Владимир отвечал: «Вот еще! такой маленький крестик». «Крестто мал, – возразил Петр, – но силато его велика на небеси и на земле; а ведь тебе король говорил о силе его, что это тот самый крест, на котором Христос был распят, и достался он, божией милости, св. Стефану; говорил и то, что если поцелуешь этот крест и преступишь клятву, то жив не будешь; а королевский посланник разве не говорил тебе о том честном кресте?» Владимир отвечал: «Ну уж вы тогда досыта наговорились; а теперь ступай вон, поезжай к своему князю». Петр положил пред ним крестные грамоты и пошел вон; ему не дали ни подводы, ни корма, так что он поехал на своих конях. Когда Петр съезжал с княжего двора, в то время Владимир шел в церковь к св. Спасу, к вечерни; когда он взошел на переходы, ведущие к церкви, и

увидел едущего Петра, то сказал со смехом: «Поехал русский^[8] боярин, побравши все волости» – и, сказавши это, пошел на полати (хоры)^[9]. Вечерня отошла, Владимир пошел из церкви: и когда был на том самом месте на ступени, где смеялся над Петром, то вдруг закричал: «Что это кто-то меня по плечу ударил» – и не мог сосупить с места, чуть было не упал, слуги подхватили его под руки, понесли в горенку и уложили; начались разные толки; одни говорили, что такая болезнь, другие – другая, стали прикладывать лекарства; но князю становилось все хуже да хуже и к вечеру богу душу отдал. Между тем Петр выехал из Галича и на ночь остановился в Большеве; было так на рассвете, когда пришел к нему детский^[10] из Галича и сказал: «Князь не велел тебе ехать дальше, но ждать здесь, пока не прийдет за тобою».

Петр не знал еще о княжеской смерти, от детского ничего не слышал об этом, и потому начал сильно тужить, что ему придется опять ехать в город, думал, что будет ему мука пуще прежней. Еще до обеда пригнали за Петром из города звать к князю. Он отправился и когда приехал на княжий двор, то к нему навстречу вышли с сеней слуги княжеские все в черном. Петр удивился: что это значит? Когда он вошел на сени, то увидел, что молодой князь Ярослав, сын Владимира, сидит на отцовском месте, тоже в черном и в черной шапке, и все бояре в черном; Петру подставили скамью, он сел. Ярослав взглянул на него и залился слезами; Петр сидел, ничего не ведая, наконец спросил: да что же все это значит? Ему отвечали, что в эту ночь бог послал по душу князя Владимира. «Как так, – сказал Петр, – в эту ночь я выехал отсюда, он был совершенно здоров», – ему отвечали, что ударило князя в плечо, и с того начал изнемогать и богу душу отдал; Петр сказал на это: «Воля божия, а всем там быть». Тогда Ярослав начал говорить: «Мы тебя позвали вот для чего: бог волю свою, как ему было угодно, так и сотворил; а теперь поезжай к отцу моему Изяславу, отвези ему от меня поклон и скажи: коли бог отца моего взял, то ты будь мне вместо отца; ты сам с отцом моим ведался, как там что между вами было, и то уже бог рассудил; бог отца моего взял, а меня оставил на его месте; полк его и дружина его у меня, одно копьё только поставлено у гроба его, да и то в моей руке; теперь, батюшка, кланяюсь тебе, прими меня в сыновья наряду с сыном своим Мстиславом: пусть Мстислав ездит подле твоего стремени по одной

стороне, а я буду ездить по другой, со всеми своими полками». Сказав это, он отпустил Петра.

Несмотря, однако, на такие обещания, Ярослав не сдержал своего слова относительно Изяслава, и в 1153 году последний принужден был выступить против него в поход. У реки Серета сошлись враги. Галицкие мужи начали говорить князю своему Ярославу: «Ты молод, так отъезжай подальше и смотри только на нас; отец твой кормил нас и любил, так и мы хотим за честь отца твоего и за твою головы сложить; ты у нас один князь: если с тобою что станется, то что нам будет делать? поезжайка, князь, в город, а мы останемся биться с Изяславом, и кто из нас будет жив, прибежим к тебе и затворимся с тобою». Ярослав послушался их, полки сошлись, и была сеча злая, бились от полудня до вечера. Вдруг встало смятение в обеих ратях, не видно было, которая победила. Изяслав гнал галичан, а братья его бежали от них; Изяслав набрал в плен галицких бояр, а галичане ополонились боярами киевскими. Великий князь переночевал на побоище и на другое утро, видя, что у него осталось очень мало дружины, пошел назад в Киев, а пленников галицких всех побил, потому что их было некому стеречь; и был плач великий по всей земле Галицкой.

Глава XII

О княжении Юрия Долгорукого, Изяслава Давыдовича и Ростислава Мстиславича

В 1154 году разболелся великий князь киевский Изяслав, честный, благоверный, христоробивый и славный внук Владимира Мономаха, и плакалась по нем вся Русская земля, и все черные клобуки, как по царе и господине своем, или лучше сказать, как по отце; преставился он в воскресенье, на ночь, на Филиппов день, и погребли его в церкви св. Федора в монастыре отцовском. Дядя Вячеслав всех больше плакал по нем; он говорил: «Сынок! то мое было место, но пред богом нечего делать». В это время Ростислав пришел из Смоленска в Киев; все киевляне вышли с радостью к нему навстречу, все были ему рады – и Русская земля вся, и все черные клобуки. Ростислав вместе с Святославом Всеволодовичем поехали и поклонились отцу своему Вячеславу. Последний, увидав Ростислава, сильно обрадовался и сказал ему: «Сын! я уже стар, рядов всех не могу рядить; даю тебе их, как брат твой держал и рядил; ты меня имей отцом и честь на мне держи, а полк мой и дружину мою ты ряди». Ростислав поклонился дяде и сказал: «Очень рад, господин батюшка, буду держать тебя отцом господином, как и брат мой Изяслав держал тебя и в твоей воли был». Киевляне, с своей стороны, посадили Ростислава на столе киевском и сказали ему: «Как брат твой Изяслав честил Вячеслава, так и ты его чести, а до твоего живота Киев твой».

Скоро пришла весть к Ростиславу, что Глеб Юрьевич, со множеством половцев, идет к Переяславлю; Ростислав выступил в поход; когда же сын его Святослав успел отпроводить половцев, то он начал гадать с братьею своею, как бы пойти к Чернигову, на Изяслава Давыдовича; после чего, не входя в Киев, стал со всеми полками у Вышгорода, сказавши дружине своей: «Нам надобно упредить Юрия, либо прогоним его, либо помиримся с ним». На другой день пригнали к Ростиславу из Киева с вестью: «Отец твой Вячеслав приказал долго жить». Ростислав удивился. «Как, – сказал он, – мы вчера поехали, он был здоров». Ему отвечали: «Ночью он пировал с дружиною и пошел

спать здоров; но как лег, так уже больше не вставал, тут и бог по душу послал». Ростислав, услышав это, бросил полки и погнал к Киеву; там плакался по отце своем и проводил его до гроба с честью великою, со множеством народа. После похорон Ростислав поехал на двор Ярославов, созвал бояр покойного князя, тиунов его и ключников и приказал принести перед себя все именье Вячеслава, платье, золото и серебро; когда же все снесли, он начал раздавать по монастырям, по церквам, по затворам и нищим и роздал все, а себе не взял ничего, только крест честной взял себе на благословение. Урядивши все, он поехал опять на ту сторону Днепра, к полкам своим. Приехавши в полк, Ростислав начал думать с племянниками, Святославом Всеволодичем и Мстиславом Изяславичем, и с боярами своими, как бы пойти к Чернигову. Но бояре отговаривали ему идти туда, они говорили: «Бог взял дядю твоего Вячеслава, а ты еще с людьми в Киеве не утвердился; ступай лучше в Киев, утвердись с людьми; тогда если и дядя Юрий придет на тебя, то годно тебе будет с ним мириться, помиришься, а не годно – начнешь войну». Но Ростислав не послушался их, а пошел на Изяслава Давыдовича к Чернигову. Тот призвал на помощь половцев; Ростислав испугался и побежал в Смоленск. Киевляне, оставшись без князя, послали епископа Демьяна Коневского сказать Изяславу: «Ступай к нам в Киев, чтоб нас не взяли половцы; ты наш князь, приезжай скорей». Черниговский князь въехал в Киев и сел на столе. Но между тем Юрий Ростовский выступил в поход на Русь и приближался к волости Ростиславовой. Смоленский князь послал просить у него мира: «Батюшка! кланяюсь тебе, ты и прежде до меня добр был, и я до тебя, а теперь кланяюсь, ты мне дядя вместо отца». Юрий отвечал: «Правда, сынок, с Изяславом не мог я ужиться, а ты мне свой брат и сын», – и не помянувши злобы брата его, помирился с ним. Потом послал Юрий сказать Изяславу Давыдовичу: «Мне отчина Киев, а не тебе». Изяслав прислал к нему с молением и поклонами. «Разве я сам поехал в Киев? – велел он сказать, – киевляне посадили меня; не делай мне зла, а Киев твой». Юрий согласился на его просьбу; Изяслав мирно выехал из Киева, и ростовский князь вступил туда с торжеством. В 1158 году Изяслав Давыдович начал замышлять рать на Юрия, заключив союз с Ростиславом Мстиславичем и Мстиславом Изяславичем; подготовил было и Святослава Ольговича встать вместе на Юрия, но тот отвечал:

«Я крест целовал к Юрию: не могу без причины встать на него». В тот самый день, как Изяслав собирался идти к Киеву, приехали к нему киевляне и сказали: «Ступай, князь, в Киев, Юрий умер». Изяслав прослезился и, подняв руки к небу, сказал: «Благословен еси, господи, что рассудил меня с ним смертью, а не кровопролитием». Юрий пировал у Петрила; в тот же день на ночь разболелся и, лежав пять дней, умер 15 мая, в среду на ночь, а на другой день в четверг похоронили его в монастыре св. Спаса. Много зла сотворилось в тот день: разграбили двор его Красный и другой двор его за Днепром, который сам называл раем, и двор Василька сына его разграбили также в городе; суздальцев перебили по городам и селам, именье их разграбили.

Изяслав Давыдович вошел в Киев 19 мая. В тот же год согласились все ростовцы, суздальцы и владимирцы, взяли Андрея, старшего сына Юриева, и посадили его на отцовском столе, в Ростове, Суздале и Владимире, потому что он был всеми любим за многие свои добродетели. По отце своем он сотворил великую память, церкви украсил и монастыри поставил.

В 1159 году один из князей полоцких, Рогволод Борисович, пошел от Святослава Ольговича искать себе волости с полками Святославовыми, потому что братья были злы до него, отняли у него волость и все имение. Приехав ко Слуцку, он начал пересылаться с дричанами. Дричане были рады ему и звали к себе, говоря: «Приезжай, князь, не мешкай, рады тебе: хотя б пришлось и с детьми биться за тебя, рады биться». И в самом деле выехало к нему навстречу больше трехсот лодок с дричанами и полочанами, и вошел он в город с великою честью; а Глеба Ростиславича, сына полоцкого князя, горожане друцкие выгнали вместе с дружиною. Глеб пошел к отцу, в Полоцк; здесь встал большой мятеж; многие хотели Рогволода; едва Ростислав успел установить людей, раздавши им много даров и приведши ко кресту, а сам пошел со всею братьею на Рогволода к Друцку. Рогволод затворился в городе, бились крепко, и много падали с обеих сторон, так что Ростислав принужден был помириться с Рогволодом, придал ему волости и возвратился домой в Полоцк. Но в том же году полочане совещали злой совет на князя своего Ростислава Глебовича и преступили крестное целование, что клялись ему: «Ты наш князь, и дай нам бог с тобой пожить», – они послали втайне к

Рогволоду Борисовичу сказать ему: «Князь наш! согрешили мы пред богом и пред тобою, что встали на тебя без вины и именье твое и твоей дружины все разграбили, а самого выдали Глебовичам на великую муку; если ты позабудешь все то, что мы сделали тебе своим безумием и крест к нам поцелуешь, то мы твои люди, а ты наш князь; Ростислава же тебе выдадим, что хочешь с ним, то и делай». Рогволод поклялся им, что не будет помнить прежнего. Тогда полочане начали звать Ростислава лестию на братовщину^[11] к св. Богородице, к старой, на Петров день, чтоб там схватить его; он поехал, поддевши броню под платье, и не посмели схватить его.

На другой день начали его звать опять: «Князь! приезжай к нам, у нас есть до тебя дело; ступай к нам в город», – потому что князь был в то время на Белчице. Ростислав отвечал послам: «Я у вас вчера был, что ж вы мне ничего не говорили, какое там у вас было дело до меня». Несмотря на то, однако, поехал в город. На дороге попался ему детский, который гнал из Полоцка: «Не езд, князь, вече на тебя в городе, дружину твою бьют и тебя хотят схватить». Ростислав воротился, собрал дружину на Белчице и пошел полком к брату Володарю в Минск, много наделавши зла волости Полоцкой, забирая скот и челядь. Полочане же послали за Рогволодом в Друцк; и вошел Рогволод в Полоцк в июле месяце, сел на столе отца и деда с великою честью, и рады были полочане. В том же году начал рать Изяслав Давыдович на Ярослава Галицкого, ища волости двоюродному брату его, Ивану Ростиславичу, по прозванию Берладнику^[12]: присылали к Берладнику галичане, уговаривая его сесть на коня и ехать к ним; они говорили: «Только покажутся твои стяги, и мы отступим от Ярослава». Изяслав начал слать к брату Святославу Ольговичу и к Святославу Всеволодичу, зовя их с собою на Галич; объявлял и то, что хотят на него самого идти князья из Владимира Волынского. Святослав Ольгович отвечал ему: «Брат, кому ищешь волости, брату или сыну? лучше бы тебе не начинать первому; а что говоришь: хотят на меня поехать, так если поедут на тебя с похвальбою, то и бог будет за тебя, и я, и мои племянники». Изяслав не послушался брата и пошел из Киева. На дороге нагнал его посланный от Святослава опять с теми же речами: «Не велит тебе брат начинать рати, велит тебе воротиться». Изяслав с яростию отвечал ему: «Будь тебе ведомо, брат, не ворочусь, уж я пошел; а когда ты сам не идешь со мною и сына не пускаешь, то

если, бог даст, успею в Галиче, тогда не жалуйся на меня, если поползешь из Чернигова к Новгороду (Северскому)». Святослава сильно оскорбили такие слова; он сказал: «Господи! виждь мое смирение: я о себе не заботился, не желая проливать кровь христианскую и губить свою отчину; взял я Чернигов с семью городами пустыми, сидят в них псари да половцы; а всю волость Черниговскую Изяслав держит с своим племянником; но и того ему мало, велит мне из Чернигова выйти, а крест ко мне целовал, что никогда не лишит меня этого города; пусть все рассудит бог и крест честной; а я, брат, для твоего же добра запрещаю тебе ходить, и чтобы тишина была в Русской земле». Изяслав был побежден и принужден бежать.

Тогда князья Мстислав, Владимир и Ярослав послали в Смоленск к Ростиславу, зовя его в Киев на стол, потому что и прежде целовали крест искать Киева для него. Ростислав отправил к ним двоих послов – от смольнян боярина, и от новгородцев другого, с такими словами: «Если меня зовете вправду с любовью, то я пойду в Киев на всей своей воле, чтоб вам иметь меня отцом себе вправду и ходить в моем послушании; а наперед всего объявляю вам: не хочу видеть Клима на столе митрополичьем, не взял он благословенье от св. Софии и от патриарха». Но Мстислав крепко заступался за Клима и говорил: «Не бывать Константину на митрополю, за то что проклинал моего отца». Долго спорили они между собою, Ростислав со Мстиславом, и были между ними крупные речи; наконец положили, что ни Климу, ни Константину не сидеть больше на столе митрополичьем, а привести нового митрополита из Царяграда.

В 1160 году пошел Ростислав, сын Мстиславов, из Смоленска в Киев, на стол; и вошел в Киев 12 апреля, на самое воскресение Христово; встретили его все люди и приняли с достохвальною честью; сел на столе деда своего и отца благоверный князь Ростислав, и была людям двойная радость – Воскресение Господне и княжеский въезд. В этом же году съехались Ростислав с Святославом Черниговским в Моравске, и был съезд их на великую любовь. Ростислав позвал к себе Святослава на обед, тот поехал к нему без всякого извета; и была в тот день между ними большая радость и дары многие. Ростислав дарил Святослава соболями, горностаями, черными куницами, песцами, белыми волками и рыбьими зубьями. На другой день позвал Святослав

Ростислава к себе на обед, и веселились больше вчерашнего дня: подарил Святослав Ростиславу барса и двух коней борзых с коваными седлами; и, так попировавши и обдарившись, разъехались по домам.

В 1168 году пошел Ростислав к Новгороду, потому что новгородцы нехорошо жили с сыном его Святославом. За 300 верст до Смоленска начали встречать его лучшие мужи смоленские, потом встретили его внуки, потом сын Роман и епископ Мануил, и мало не весь город вышел к нему навстречу: все сильно обрадовались его приходу и поднесли ему множество даров. Из Смоленска пошел он в Торопец, оттуда и послал к сыну Святославу в Новгород, веля ему ехать к себе навстречу в Луки, потому что Ростислав уже чувствовал себя дурно и потому не поехал в Новгород, и имел свидание в Луках с сыном и новгородцами; новгородцы целовали крест Ростиславу на том, что иметь сына его князем у себя, а иного князя не искать; и много даров взял великий князь у сына и у новгородцев. Из Лук возвратился он в Смоленск. Сестра его Рогнеда, видя, что брат сильно изнемогает, начала просить его остаться в Смоленске. Он отвечал ей: «Не могу здесь лечь, повезите меня в Киев; если бог возьмет меня на пути, то положите меня в отцовском монастыре, у св. Федора: если же бог возвратит мне здоровье, то постригусь в Печерском монастыре». Будучи при последнем издыхании, он сказал своему духовнику, священнику Семену: «Ты отдашь ответ богу в том, что запретил мне постричься». Часто говаривал он печерскому игумену Поликарпу: «Тогда еще запала мне в голову мысль о постриженьи, когда пришла из Чернигова весть о смерти Святослава Ольговича». С тех пор он всегда, бывало, говаривал игумену: «Поставь мне, игумен, добрую келью; боюсь напрасной смерти». У Ростислава был еще и другой добрый обычай: в великий пост, каждую субботу и воскресенье, сажал он у себя за обедом по двенадцати чернецов, тринадцатый был игумен Поликарп; он кормил их и домой отпускал не с пустыми руками; сам же приобщался каждую неделю и тогда, бывало, так заливается слезами, так вздыхает и стонет, что и другие, глядя на него, начнут плакать. Великую любовь имел он к святой богородице и к св. отцу Феодосию и так разговаривал часто с Поликарпом: «Хотел бы я освободиться от маловременного и суетного света сего и мимотекущего и многомятежного жития сего, о чем и прежде поминал тебе». На это Поликарп обыкновенно отвечал ему: «Вам бог велел

правду творить на этом свете, вправду суд судить и в крестном целовании стоять». Ростислав возражал: «Отец! княжение и мир не может без греха быть, а я уже пожил немало на этом свете; а теперь хотелось бы мне поревновать правоверным царям, которые пострадали и приняли возмездие от господа бога своего, святым мученикам, пролившим кровь свою и восприявшим венцы нетленные, святым отцам, удручившим тело свое постом, и узким, тесным путем ходившим, и принявшим царство небесное; слышал я слово царя Константина: если бы ведал, как честен лик иноческий, как прямо восходят чернецы с ангелами к престолу господню, то снял бы венец и багряницу». Тогда говорил ему игумен: «Если хочешь этого, князь, то да будет воля божия». Ростислав отвечал: «Подожду еще немного: у меня есть койкакие дела». На дороге из Смоленска, в селе Зарубе, преставился Ростислав в молитве и слезах и положен был в Киеве, в Федоровском монастыре.

Глава XIII

О взятии Киева войсками Андрея Боголюбского, о войне этого князя с Ростиславичами и о смерти его

В 1169 году, по смерти Ростислава, послали за Мстиславом Изяславичем, племянником покойного, брата его – Владимир Мстиславич, Рюрик и Давыд Ростиславичи, и киевляне с черными клобуками от себя послали за ним же. Урядившись с братьею, дружиною и киевлянами, Мстислав сел на столе киевском. В 1170 году пришла Мстиславу Изяславичу добрая мысль о Русской земле; хотел он ей добра всем сердцем и, созвавши братью свою на думу, так говорил им: «Братья! пожалейте о Русской земле и о своей отчине и дедине, что половцы каждый год уводят христиан в свои вежи; беспрестанно клянутся нам в соблюдении мира и беспрестанно преступают клятву, а теперь уже отнимают у нас Греческий путь и Соляной Залозный; хорошо было бы нам, братья, призвав на помощь бога и святую богородицу, поискать пути отцовского и дедовского и чести своей». Угодна была речь его и богу, и всей братье, и дружинам их. Они сказали: «Бог тебе помоги, брат, за такую мысль, а нам дай бог за христиан и за Русскую землю головы свои сложить и к мученикам быть причтенным». Все князья соединились и выступили из Киева; шли девять дней, взяли половецкие вежи по реке Угле и по Снопороду, а самих половцев настигнули у Черного Леса, притиснули к нему и перебили, а иных руками перехватили, всех же христиан, отполонивши, пустили на свободу. В это время в Суздале княжил Андрей Юрьевич, и не лежало у него на сердце ко Мстиславу. Тогда же новгородцы прислали к Мстиславу, прося у него сына его Рюрика в князя себе; Мстислав отпустил к ним сына; отсюда пошла вражда на Мстислава от всей братьи; все начали сноситься между собою, утвердились крестным целованием идти на великого князя. Зимой выслал против него князь Андрей Юрьевич полки ростовские, владимирские и суздальские с сыном своим Мстиславом, одиннадцатью другими князьями и воеводою Борисом Жидиславичем. Они оступили Киев; Мстислав затворился в городе, и была брань

крепкая отовсюду. Три дня уже бились, Мстислав начал изнемогать, берендеи и торки изменили ему, дружина начала говорить: «Что, князь, стоишь? ступай из города, нам их не перемочь». Мстислав выехал во Владимир, и Киев был взят 8 марта 1171 года. Целые два дня грабили город, Подолье и Гору, и монастыри, и св. Софию, и Десятинную Богородицу: не было помилования ни кому ни откуда; церкви горели, христиан убивали, других вязали, жен вели в плен, разлучая силою от мужей, младенцы рыдали, смотря на матерей своих; взяли именья множество, из церквей побрали иконы, книги, ризы и колокола, все вынесли смольняне, суздальцы и черниговцы; зажжен был монастырь печерский погаными, но бог молитвами св. богородицы соблюл его от такой беды; и были в Киеве у всех людей стон и скорбь неутешная и слезы непрестанные. Все это случилось грех ради наших.

Мстислав Андреевич посадил дядю своего Глеба на столе киевском, а сам пошел в Суздаль к отцу своему Андрею, с великою честью и славою. В 1173 году умер Глеб; его место занял Владимир Мстиславич, но Андрею Суздальскому не любо было это; несколько раз присылал он ко Владимиру, веля ему идти из Киева, куда посылал Романа Ростиславича из Смоленска. В следующем 1174 году умер Владимир; Роман сел в Киеве, и была радость всем людям. Но скоро Андрей начал обвинять Ростиславичей; он прислал к ним мечника своего Михна с такими речами: «Выдайте мне Григорья Хотовича, и Степанца, и Алексея Святославича: они уморили брата моего Глеба и враги всем нам». Ростиславичи не послушались его и отпустили от себя Григорья. Тогда Андрей велел сказать Роману: «Ты не ходишь в моей воле с братьею своею, так ступай же из Киева, а Давыд пусть идет из Вышгорода, а Мстислав из Белгорода; у вас есть Смоленск, тем и делитесь, как хотите». Ростиславичи сильно опечалились, что Андрей отнимает у них Русскую землю, а брату своему Михайле дает Киев. Роман Ростиславич выехал из Киева, но другие братья его – Рюрик, Давыд и Мстислав – послали сказать Андрею: «Брат! мы назвали тебя отцом, крест целовали тебе и стоим в крестном целовании, желая тебе добра; но вот ты теперь брата нашего Романа вывел из Киева, а нам путь кажешь из Русской земли, без нашей вины; но за всеми бог и сила крестная». Андрей не дал им ответа; тогда Ростиславичи въехали ночью в Киев, схватили Всеволода Юрьевича, брата Андреева, с дружиною и отдали город брату своему Рюрику.

Черниговские князья обрадовались вражде и начали подучать Андрея на Ростиславичей; они послали сказать ему: «Кто тебе враг, тот и нам, а мы с тобою готовы». Андрей принял совет их, исполнился высокоумья, разгорделся, надеясь на множество войска, разжегся гневом и послал опять мечника Михна сказать Ростиславичам: «Не ходите в моей воле, так ступай ты, Рюрик, в Смоленск к брату, в свою отчину; а ты, Давыд, ступай в Берлад, не велю тебе быть в Русской земле; а тебе, Мстислав, также не велю быть в Русской земле: от тебя то все и случилось». Мстислав от юности привык не бояться никого, кроме одного бога: он велел остричь Андрееву послу голову и бороду и отослал назад с такими словами: «Ступай к князю своему и скажи ему: до сих пор мы держали тебя как отца; но если ты прислал ко мне с такими речами, не как к князю, но как к подручнику и простому человеку, то делай, что замыслил, а бог сделает посвоему». Андрей, услышав это от Михна, побледнел, взострился на рать и скоро был готов. Он послал собирать все свои войска: ростиславцев, суздальцев, владимирцев, переяславцев, белозерцев, муромцев, новгородцев и рязанцев; начел пятьдесят тысяч войска и послал с ним сына своего Юрия да Бориса Жидиславича воеводою, приказав им: «Рюрика и Давида выгоните из отчины их, а Мстиславу не делайте никакого зла, только приведите ко мне». Андрей князь умник был во всех делах и доблестен; но погубил смысл свой невоздержанием, распалился гневом и испустил такие похвальбы; а перед богом гордость постыдна и мерзка: ведь она от дьявола. Но мы на прежнее возвратимся. Так вот и пошло войско Андреево; когда шло оно мимо Смоленска, то Роман, князь тамошний, отпустил с ним сына своего и полки поневоле: не хотелось ему вооружаться на братью, да делать было нечего: он сам находился тогда в руках Андрея, который приказал и полоцким князьям пойти всем, и туровским, и пинским, и городенским.

Соединившись еще с Ольговичами и другими разными князьями, войска Андреевы переправились через Днепр и вошли в Киев. Ростиславичи же не затворились в Киеве, но пошли в свои города: Рюрик затворился в Белгороде, Мстислав в Вышгороде с Давыдовым полком, а сам Давыд поехал в Галич к Ярославу за помощью. Войска Андреевы приблизились к Вышгороду; всех князей было более двадцати; Мстислав не испугался, въехал в неприятельские полки и потоптал их; было тогда смятение большое, и стоны, и клики, и голоса

какието дикие: слышался лом копейный, звук оружейный; от множества пыли не распознать было ни конника, ни пешца. Бились крепко и разошлись; много было раненых, мало мертвых. Это был один бой на первый день: бился Мстислав со Всеволодом, с Игорем и с другими младшими людьми; потом пришли все силы, оступили весь город и приступали к нему всякий день; Мстиславовы полки, выходя из города, бились так же крепко, и много было в них побито и поранено добрых людей; враги стояли около города девять недель. В это время пришел Ярослав Луцкий^[13] на Ростиславичей же, со всею Волынскою землею, ища себе старшинства у Ольговичей; но Ольговичи не уступили ему Киева; тогда он сослался с Ростиславичами, урядился с ними о Киеве, отступил от Ольговичей и пошел на помощь Рюрику к Белгороду. Князья, союзники Андреевы, видя это, испугались; они говорили: «Вот как они совокупятся на нас с галичанами и с черными клобуками; то что нам будет делать?» В полках их началось смятение, и, не дождавшись совета, все ударились бежать чрез Днепр, и множество перетонуло. Мстислав, видя это, похвалил бога и погнался за ними; дружина его ударилась на стан неприятельский и набрала множество пленных. Мстислав много утер пота с дружиною своею и немало показал мужества с мужами своими. Так возвратилась вся сила Андрея, князя Суздальского: совокупил он всю землю, и войску не было числа, пришли с высокомыслием, отошли в дома свои со смирением. Ростиславичи положили на Ярославе старшинство и дали ему Киев.

Вошел Ярослав в Киев и стал на столе дедовском и отцовском. Тогда Святослав Черниговский начал слать к нему с жалобою: «Помяни первый ряд, на чем ты целовал крест; ты говорил: сяду ли я в Киеве, то я тебя наделю, а сядешь ты в Киеве, то ты меня надели; теперь ты сел право ли, криво ли, я не разбираю; только надели меня». Ярослав отвечал ему: «Зачем тебе наша отчина? тебе этой стороны не надобно». Святослав послал сказать на это: «Я не угрин и не лях; но мы все одного деда внуки, и сколько тебе до него, столько же и мне; если ты не стоишь в первом ряду, то твоя воля». Сказав это, он совокупился с братьею и поехал врасплох к Киеву. Ярослав, не успевши соединиться с братьею и не смея затвориться в Киеве один, бежал в Луцк, а Святослав въехал в Киев, захватил жену, сына Ярославова, дружину и все имение и отправился с добычею в

Чернигов. Ярослав, слыша, что Киев стоит без князя, пограбленный Ольговичами, приехал опять туда и в сердцах замыслил тяготу киевлянам; он сказал им: «Подвели вы на меня Святослава, так теперь промышляйте, чем выкупить княгиню и сына». Граждане не умели ничего отвечать ему; тогда он наложил пеню на весь Киев, на игуменов и попов, чернецов и черниц, на латину^[14] и гостей, даже на затворников, одним словом, на всех киевлян. В то же время Ростиславичи послали к князю Андрею с просьбою, чтоб позволил брату их Роману княжить в Киеве. Андрей отвечал им: «Подождите немного, я послал к своей братье в Русь; как мне будет весть от них, тогда дам ответ».

В 1175 году убит был великий князь Андрей Суздальский, сын Юрия, внук Владимира Мономаха. Был у него любимый слуга Яким, который, услышав, что князь велел казнить брата его, начал советоваться с подобными себе злыми советниками, как Иуда с жидами, и начали говорить: «Нынче того казнил, а нас завтра; так промыслимка над этим князем», – и уговорились убить его в ночь. Когда ночь наступила, они пошли с оружием к спальне княжеской; на дороге охватил их ужас, и они побежали назад из сеней, зашли в медушу^[15] и напились вина; понапившись и поободрившись, пошли опять в сени. Начальниками убийства были Петр, Кучков зять, Анбал Ясин ключник, Яким Кучкович, а всех убийц числом двадцать, которые собирались на совет в тот день, у Петра, Кучкова зятя. Когда они подошли в другой раз к спальне, то один, ставши у дверей, начал кликать князя: «Господине! Господине!» Князь закричал: «Кто там?» Тот же самый отвечал ему: «Прокопий». Князь узнал по голосу и закричал: «Какой Прокопий, вовсе не Прокопий!» Тогда убийцы начали бить в двери и силою их выломали. Андрей вскочил, хотел схватить меч, но меча уже не было: Анбал ключник днем припрятал его; а меч то был св. Бориса. Между тем двое убийц вскочили в спальню и бросились на князя: тот подмял одного под себя, остальные убийцы подумали в темноте, что это князь упал, и начали добивать своего же брата; потом узнали ошибку и стали бороться с Андреем, который имел силу необыкновенную: секли его мечами и копьями, а он все был на ногах и кричал им: «Горе вам, нечестивцы! какое я вам зло сделал; если прольете кровь мою на земле, то бог отомстит вам за мой хлеб». Наконец убийцы подумали, что уже покончили с князем и,

схвативши своего раненого, пошли вон с трепетом; тогда Андрей опять вскочил на ноги и со стоном и воплями пошел под сени. Убийцы, услышав его голос, опять воротились на прежнее место, и, не найдя там князя, перепугались, и начали кричать друг другу: «Давайте искать его поскорее: пропали мы, если он от нас ускользнет». Зажгли свечи и отыскивали его по кровавому следу. Он сидел за восточным столпом. Петр первый бросился на него и отсек правую руку; князь взглянул на небо, сказал: «Господи! в руке твои предаю дух мой» – и скончался. Это было в субботу, на ночь.

На другой день, в воскресенье, на память 12 апостолов, убийцы нашли и закололи Прокопья, любимца княжеского; оттуда пошли на сени, вынули золото, камень дорогое, жемчуг и всякое узорочье, поклали все на лошадей и отослали еще до рассвета; а сами, побравши княжеское оружие, начали набирать себе единомышленников, говоря: «Что если да на нас приедет дружина владимирская?» Собравши полк, послали сказать владимирцам: «Что вы на нас замышляете? мы хотим с вами покончить миром; ведь не наша была одна дума, были в ней и из вас койкто». Владимирцы отвечали: «Кто был с вами в думе, тот и оставайся с вами, а нам ненадобно». Тогда злоумышленники рассеялись на грабеж, так что страшно было смотреть. Между тем пришел на место убийства Кузьма Киевлянин и начал спрашивать, где убит господин. Ему отвечали: «Лежит там выволочен в огороде; только ты не смей брать его, все согласились выбросить его псам; если кто примется за него, тот нам враг, и его убьем». Тогда Кузьма начал плакать над телом: «Господин мой! Как это ты не почуял, что идут к тебе скверные и нечестивые враги, и как тебе не удалось победить их, когда прежде побеждал полки поганных болгар?» Увидав ключника Анбала, Кузьма обратился к нему: «Анбал, вражий сын! сбрось ковер, либо чтонибудь, чем прикрыть господина нашего». Анбал отвечал: «Ступай прочь, мы хотим выбросить его псам». «Ах ты, еретик, – закричал Кузьма, – выбросить псам? помнишь ли ты, жид, в каком ты платье пришел сюда? теперь ты в бархате стоишь, а князь нагой лежит; пожалуйста, скинь чтонибудь». Ключник сбросил ковер и сукно, в которое Кузьма завернул тело и понес в церковь. Здесь на просьбу свою, чтоб отперли церковные двери, он получил ответ: «Брось его здесь в притворе, охота тебе с ним носиться». Кузьма опять начал плакаться: «Уже и рабы тебя, господина своего, знать не хотят; бывало

придет ли гость какой из Царяграда, или из иных стран русских, или латинин, или какойнибудь другой христианин, даже поганин какой если придет, князь сейчас скажет: поведите его в церковь, в ризницу, пусть видят истинное христианство и крестятся; так и случилось: болгары и жиды и всякая погань, видя славу Божию и украшение церковное, крестились и теперь горько плачут по тебе, а эти и в церкви не велят положить». Поплакавши, положил тело в притворе, прикрыв сукном; так лежало оно два дня и две ночи. На третий день пришел козмодемьянский игумен Арсений и сказал: «Долго ли нам смотреть на старших игуменов и долго ли этому князю лежать так? отомкните божницу, я отпою над ним, и положим его в гроб; когда перестанет эта злоба, тогда придут из Владимира и понесут его туда». Так и сделал Арсений вместе с крилошанами боголюбскими.

Между тем граждане боголюбские пограбили дом княжеский и работников, пришедших к делу, золото и серебро, платье и ткани, бесчисленное множество всякого имения; пограбили дома посадников и тиунов княжеских, детских и мечников перебили, не понимая, что где закон, там и обид много; грабители приходили из сел. Начался было грабеж и во Владимире, но там духовенство начало ходить по городу с иконою Богородицы, и грабеж утих. На шестой день, в пятницу, владимирцы сказали игумену Феодулу и Луке демественнику в церкви св. Богородицы: «Нарядите носильщиков пойти взять князя и господина своего Андрея», – а Микулице сказали: «Собери всех попов; облачившись в ризы, выдьте перед серебряные ворота с иконою Богородицы, тут и дождитесь князя». Феодул и сделал так; взявши крилошан соборных и граждан, поехали они в Боголюбов, взяли тело Андреево и повезли во Владимир с честью и плачем великим. Как только завидели стяг^[16], выступивший от Боголюбского, то люди не могли удержаться, все начали вопить, ничего не видали от слез, и далеко был слышен вопль их. Все плакали и говорили: «Ужели ты в Киев поехал, господин наш, в ту церковь, теми золотыми воротами, что послал делать на великом дворе Ярославовом, говоря: хочу создать церковь такую же, как и ворота эти золотые, да будет память всему отечеству моему?» И так плакался по нем весь город.

Глава XIV

О том, что случилось в Ростовской земле по смерти Андреевой

Узнавши о смерти Андреевой, ростовцы, суздальцы и переяславцы и вся дружина, от мала и до велика, съехались во Владимир и рассуждали: «Князь наш убит, а детей у него нет, один только маленький сын в Новгороде, а братья его в Руси; за какими князьями пошлем? соседи нам князя муромские и рязанские, боимся мести их, как пойдут внезапно на нас ратью, когда у нас нет князя; пошлемка к Глебу в Рязань, скажем ему: «Князя нашего бог взял, хотим на его место Ростиславичей, Мстислава^[17] и Ярополка, твоих шурьев». Забыли они крестное целование, что клялись князю Юрию держать на столе своем меньших его сыновей, Михаила и Всеволода; преступили крестное целование и прежде, посадивши Андрея и выгнавши меньших его братьев; не опомнились и по смерти Андреевой, слушали только Дедилца да Бориса, послов рязанских. Глеб, князь рязанский, обрадовался, что на него возлагают честь и хотят шурьев его в князья. Послали к ним сказать: «Ваш отец был добр, когда у нас жил, ступайте к нам княжить, а других не хотим». Ростиславичи отвечали: «Помоги бог дружине, что не забывают любви отца нашего». В это время вместе с ними в Чернигове жили и дядья их Юрьевичи – Михаил и Всеволод; Ростиславичи, подумавши, сказали: «Либо лихо, либо добро всем нам, пойдём все четверо, двое Юрьевичей да двое Ростиславичей». Двое поехали наперед: Михайло Юрьевич да Ярополк Ростиславич, давши старшинство Михаилу. Когда ростовцы узнали, что оба эти князя вместе приехали в Москву, то рассердились и послали сказать Ярополку: «Ты ступай сюда к нам», – а Михаилу велели сказать: «Подожди немного в Москве». Ярополк тайно от Михаила поехал с дружиною в Переяславль; Михайло, увидав, что Ростиславич уехал, отправился и сам во Владимир и затворился в городе. Ростовцы приехали на него со всею силою земли своей и много наделали зла, привели муромцев и рязанцев и все пожгли около города. Владимирцы отбивались целых семь недель, наконец, не стерпевши голода, сказали Михаилу:

«Миришь, либо промышляй о себе». Он отвечал: «Вы правы; не погибать же вам для меня!» – и поехал в Русь; владимирцы проводили его с плачем великим. Потом взяли они клятву с Ростиславичей, что те не сделают никакого зла их городу, и вышли с крестами навстречу Мстиславу и Ярополку. Князья, вошедши в город, утешили владимирцев, потому что разделили волость Ростовскую: во Владимире сел Ярополк, подоживши с гражданами весь поряд в церкви Богородицы. Не против Ростиславичей бились владимирцы, но не хотели покориться ростовцам, суздальцам и муромцам, потому что те говорили: «Пожжем Владимир или посадника в нем посадим, то наши холопы каменьщики». Ростовцы посадили у себя в Ростове князем Мстислава, на столе дедовском и отцовском, с радостью великою. Ростиславичи, ставши князьями в Ростовской области, роздали посадничества русским детским^[18], которые начали делать всякие притеснения жителям; а сами князья были еще молоды, слушались бояр, а бояре подучали их на то, как бы побольше нажить имения: из церкви св. Богородицы Владимирской золото и серебро взяли, в первый же день отняли ключи от церковных полатей^[19] и город^[20] и дани захватили, что дал той церкви князь Андрей. Тогда владимирцы начали говорить между собою: «Мы приняли князя на своей воле, утвердились с ним крестным целованием; а они смотрят на нашу волость как на чужую, будто они у нас на время сели, грабят не только всю волость, но и церкви; так промышляйте, братья!» Однако сперва они послали к ростовцам и суздальцам объявить им свою обиду. Те на словах были за них, а на деле далеко не так, особенно бояре, которые крепко держались Ростиславичей. Тогда владимирцы, укрепившись между собою, дослали сказать Михаилу в Чернигов: «Ты старше всех своих братьев, приезжай к нам во Владимир; если что замыслят на нас ростовцы и суздальцы за тебя, то будем с ними управляться, как нам бог даст и св. Богородица».

В 1176 году Михайло с братом своим Всеволодом пошел из Чернигова во Владимир; Святослав князь Черниговский дал ему в помощь сына своего Владимира с полком; на дороге схватила Михаила сильная болезнь: его положили на носилки и едва живого донесли до Москвы; здесь встретили его владимирцы с Юрием Андреевичем (сыном Боголюбского), потому что одни владимирцы были добры до него. За обедом пришла к Михаилу весть, что племянник его Ярополк

идет на него; тогда он тотчас же выступил из Москвы ко Владимиру и в лесу разошелся с Ярополком. Тот уже послал сказать брату своему Мстиславу: «Михайло болен, несут его на носилках, дружины с ним мало, я иду за ним по пятам; ступай, брат, поскорее, чтобы не пропустить его во Владимир». Мстислав, получив эту весть, рано утром помчался из Суздаля, точно будто на заячью охоту, дружина едва успевала нагонять его. За пять верст до Владимира встретился он с Михаилом, у него было множество войска, но правда и св. Спас были с Михаилом. Мстиславовы полки сначала смотрели храбро, точно хотели пожрать врагов, но, еще не доехавши до последних, бросили стяг и побежали, гонимые гневом Божиим. Михаил одержал победу в день воскресный и поехал во Владимир с честью и славою великою, дружина его и владимирцы вели перед собою пленников; игумены, и попы, и все люди вышли к ним навстречу со крестом. Михаил возвратил церкви св. Богородицы города, которые отнял Ярополк: и была большая радость в городе Владимире: опять он увидел в себе великого князя всей Ростовской земли. Мы же подивимся чуду новому и великому Божию матери, как она заступила свой град и укрепила граждан: не вложил им бог страха, не побоялись они ни двоих князей, ни прещенья боярского, семь недель просидели без князя, возложивши всю надежду на св. Богородицу да на свою правду. Потому что новгородцы изначала, и смольняне, и киевляне, и полочане, и все власти как на думу на веча сходятся, и на что старшие согласятся, на том и пригороды станут; а здесь города старые Ростов и Суздаль, и все бояре захотели свою правду поставить, а не захотели правды Божией исполнить. «Как нам любо, – сказали, – так и сделаем, Владимир наш пригород». Не уразумели ростовцы и суздальцы исправить правды Божией, загордились своею давностию, старшинством; новые же люди малые владимирские взяли крепко стоять за правду и сказали все друг другу: «Либо Михаила князя себе добудем, либо головы свои сложим за св. Богородицу и за Михаила». Потом прислали к князю Михаилу суздальцы с такими словами: «Мы, князь, на том бою со Мстиславом не были, были с ним наши бояре; ты на нас сердца не держи и приезжай к нам». Михаил поехал в Суздаль, а из Суздаля в Ростов, дал жителям весь наряд, утвердился с ними крестным целованием, взял много даров у ростовцев и, посадив брата своего Всеволода в Переяславле, сам возвратился во Владимир.

В 1177 году преставился благоверный князь Михаил, сын Юрьев, внук Владимира Мономаха. Владимирцы, вспомнив бога и крестное целование к великому князю Георгию, вышли перед золотые ворота и присягнули Всеволоду, брату Михайлову и детям его. Но в то же время ростовцы и бояре привели из Новгорода опять прежнего своего князя Мстислава Ростиславича. Мстислав приехал в Ростов, собрал ростовцев и бояр, гридьбу, пасынков^[21] и всю дружину и поехал ко Владимиру; Всеволод выехал против него с владимирцами, с своею дружиною и что осталось у него бояр. Не желая пролития крови, он послал сказать Мстиславу: «Брат! если тебя привела старейшая дружина, то ступай в Ростов; там заключим мир; тебя ростовцы привели и бояре, а меня с братом бог привел и владимирцы; Суздаль же пусть будет нам общий: кого захотят, тот и будет им князь». Но Мстислав слушался больше ростовцев и бояр, которые, в величании своем, забывши крестное целованье, говорили ему: «Если ты помиришься со Всеволодом, то мы не помиримся». Всеволод, приехав к Юрьеву и дождавшись переяславцев, сказал им, что Мстислав не хочет мира; переяславцы отвечали: «Ты ему добра хотел, а он головы твоей ловит; ступай, князь, на него; победит он нас, то ему наши жены и дети; брату твоему Михаилу еще девятого дня нет, а он уже хочет кровь проливать». Бог помог князю Всеволоду: Мстислав и дружина его побежали, а Всеволод возвратился во Владимир с честью великою. Мстислав из Ростова прибежал в Новгород, но новгородцы сказали ему: «Ты ударил пятою в Новгород, пошел на зов ростовцев; теперь бог рассудил тебя с дядею Всеволодом, зачем же к нам идешь?» Новгородцы не приняли его, и он поехал в Рязань, где подмолвил князя Глеба идти войною на Всеволода. Глеб на ту же осень пожег Москву; зимою пошел Всеволод на него и встретился на реке Колакче: Мстислав побежал первый, за ним Глеб; Всеволод погнался за ними со всею дружиною, рубя и хватая пленников. Захвачены были в плен сам князь Глеб Рязанский, сын его Роман, шурина Мстислав Ростиславич, вся дружина их и все думцы. Была большая радость во Владимире; но на третий день в городе мятеж; бояре и купцы пришли к князю и сказали: «Князь! мы тебе добра хотим и за тебя головы свои кладем, а ты держишь своих врагов без всякой осторожности; а враги твои и наши – суздальцы и ростовцы; либо казни их, либо ослепи, либо отдай нам». Всеволод не хотел сделать этого и велел посадить пленников в

тюрьму, а к рязанцам послал сказать: «У вас враг наш Ярополк Ростиславич, выдайте его, или иду на вас». Рязанцы начали рассуждать: «Князь наш и братья наши погибли изза чужого князя, чтобы и с нами того же не было», – поехали в Воронеж, взяли Ярополка и сами привели во Владимир; Всеволод велел и его посадить в тюрьму к прежним пленникам. Но чрез несколько дней встали опять люди все и бояре, многое множество пришло их на двор княжеский с оружием и с криком: «До чего их додержишь? хотим ослепить их». Князь Всеволод опечалился, но делать было нечего: Ростиславичей ослепили и выпустили; Глеб умер в тюрьме владимирской, сына его Романа выпустили невредимым на крестном целовании.

Глава XV

О Мстиславе храбром и о походе Игоря на половцев

В 1178 году новгородцы прислали звать к себе на стол Мстислава Ростиславича храброго^[22]; тот не хотел идти из Русской земли и отвечал: «Не могу идти из отчины своей и разойтись с братьею». Потому что он всегда горел желанием от всего сердца трудиться за родину свою и стремился всегда на великие дела. Но братья и дружина сказали ему: «Брат! если зовут тебя с честью, то ступай; разве там не наша же отчина?» Мстислав послушался братьев и мужей своих и пошел с боярами новгородскими; но сам положил на уме: «Если только бог даст мне здоровье, то никак не могу забыть Русской земли». Когда пришел он в Новгород, встретил его епископ с крестами и с новгородцами и с игуменами; все вошли во святую Софию, поклонились св. Спасу и св. Богородице, и так Мстислав сел на столе дедовском и отцовском, со славою и честью великою. Скоро бог вложил ему в сердце добрую мысль пойти на чудь; он созвал мужей новгородских и сказал им: «Братья! поганые нас обижают; что бы нам, призвавши на помощь бога и св. Богородицу, да пойти поотомстить за себя и освободить Новгородскую землю от поганых?» Люба была эта мысль всем мужам новгородским; они отвечали Мстиславу: «Князь! если богу любо и тебе, то мы готовы».

Мстислав собрал всех ратных людей новгородских и, сочтя, нашел 20 000 числом; с этим войском отправился он на Чудскую землю, пожег ее всю, ополонился рабами и скотом и возвратился домой. На весну вздумал он пойти на Полоцк, на зятя своего Всеслава; дед Всеславов приходил на Новгород, пограбил церковь и завел один погост за Полоцк; так Мстиславу хотелось возвратить Новгородскую волость и отомстить за прежнюю обиду. Уже он пришел на Луки с войском новгородским, как брат его Роман Смоленский прислал сказать ему: «Всеслав тебя не обижал, но если идешь на него, то прежде ступай на меня», – Мстислав не захотел сердить старшего брата и возвратился в Новгород. Вскоре после этого схватила его жестокая болезнь, силы начали ослабевать, язык отниматься; он

посмотрел на дружину свою и на княгиню, вздохнул глубоко, прослезился и сказал: «Приказываю дитя свое Владимира Борису Захарьичу и отдаю его братьям Рюрику и Давиду вместе с волостью на руки; а обо мне что бог промыслит». После этих слов он преставился 13 июня, причастившись св. тайн; и плакала по нем вся земля Новгородская, особенно же плакали лучшие мужи новгородские и говорили: «Уже не можем, господин наш, поехать с тобою на чужую землю, поработить поганых под область Новгородскую: ты много говорил, господин наш, сбирался идти на все стороны поганые; лучше бы нам умирать теперь с тобою, давшим такую свободу новгородцам от поганых: как и дед твой Мстислав, освободил ты нас от всех обид; ты подражал ему и преследовал путь деда своего; теперь уже не можем тебя больше видеть, солнце наше зашло, и остались мы в обиде». Так плакался над ним весь народ новгородский, и сильные, и худые, и нищие, и черноризцы, потому что был милостив ко всем. Этот князь Мстислав был росту среднего, лицом красив, всякою добродетелию украшен и благоденствен; любовь имел ко всем, раздавал богатую милостыню, снабжал монастыри, угощал чернецов и принимал их с любовью, беря у них благословение, снабжал и мирские церкви, и попов, и весь святительский чин достойною честью почитал; был крепок на рати, всегда жаждал умереть за Русскую землю и за христиан; когда видел, что поганые пленяют христиан, то говаривал дружине своей: «Братья! не сомневайтесь: если теперь умрем за христиан, то очистимся от грехов и бог сравнит нас с мучениками; если бог пошлет милость, то слава богу; если же умрем, то все равно, надобно же когданибудь умирать». Говоря так, он вселял бодрость в воинов своих и бился от всего сердца за отчину свою. Он любил дружину свою, имения не берег, золота и серебра не собирал, но раздавал дружине своей или по церквам, на помин души; приложился к отцам и дедам своим, отдав общий долг, которого не избежать ни одному рожденному; не было той земли на Руси, которая не хотела бы его; всегда стремился он на великие дела – и умер еще очень молод. Братья, услышав о смерти его, сильно горевали; плакалась по нем вся земля Русская, не могли забыть доблести его, и черные клобуки все не могут забыть приголубления его.

В 1175 году Ярослав Изяславич выехал из Киева опять в свой Луцк; его место занял Роман Ростиславич Смоленский; последнего в

1177 году выгнал Святослав Всеволодич Черниговский, и сам сел в Киеве. В 1183 году вложил бог в сердце Святославу, князю Киевскому, и Рюрику Ростиславичу пойти на половцев; они послали за окольными князьями и, соединившись с ними, победили поганых и возвратились домой со славою и честью великою. В 1184 году пошел окаянный и безбожный и проклятый Кончак, со множеством половцев, на Русь пленить города и жечь их огнем: нашел он какого-то бусурманина, который стрелял живым огнем; были у них луки тугие, самострельные, такие, что едва 50 человек могли их натягивать. Половцы пришли и стали на Хороле; Святослав Всеволодич и Рюрик Ростиславич со всеми своими полками, ни мало не медля, пошли против них и обратили в бегство, взяли в плен и бусурманина того, что стрелял живым огнем, и со всем снарядам. В 1185 году Игорь Святославич Северский, внук Олегов^[23], поехал из Новгорода^[24], взявши с собою брата Всеволода из Трубчевска, племянника Святослава Ольговича из Рыльска, сына Владимира из Путивля; шли они тихо, собирая дружину, и когда подходили вечером к реке Донцу, то Игорь, взглянув на небо, увидел, что солнце стоит точно месяц; он сказал боярам своим и дружине: «Смотрите, что это за знамение?» Они все посмотрели, опустили головы и сказали: «Князь! не к добру это!» Игорь отвечал: «Братья и дружина! тайн божиих никто не знает, а знамению творец бог и всему миру своему; увидим, что нам даст бог, на добро ли, или на зло наше». Сказавши это, он переправился через Донец и два дня ждал в Осколе брата своего Всеволода, который шел иным путем из Курска. От Оскола пошли дальше и на дороге встретили сторожей, посланных ловить языка; сторожа сказали: «Ступайте скорей или возвратитесь домой, потому что теперь не наше время». Игорь сказал на это: «Если нам возвратиться не бившись, то срам нам будет хуже смерти; поедем на волю божию». Согласившись на этом, пустились во всю ночь и утром на другой день встретили полки половецкие. Князья изрядили шесть полков, а наперед поставили стрельцов. Игорь сказал братии: «Братья! мы искали этого; станем же крепко». Половцы обратились в бегство, русские захватили их вежи и взяли много полону. После этого Игорь говорил, чтобы поехать в ночь; но Святослав Ольгович сказал дядьям своим: «Я далеко гнал за половцами и измучил коней; если теперь опять ехать, то придется мне отстать на дороге». Положили ночевать на месте.

На другой день, в субботу, начали выступать полки половецкие, точно боровья. Изумились русские князья, откуда их взялось такое множество, и Игорь сказал: «Мы сами нарочно собрали на себя всю землю». Согласились сойти с коней и пешком пробиться к реке Донцу; князья говорили: «Если поедем, убежим сами, а черных людей оставим, и будет на нас грех, что их выдадим; но или умрем, или живы будем все вместе». Итак все сошли с коней и начали пробиваться; Игоря ранили в руку, и была большая печаль в полку его. Бились крепко до самого вечера; много было раненых и мертвых в полках русских; бились потом всю ночь; на рассвете в воскресенье возмутились коуи^[25] и побежали. Игорь сидел в то время на коне, потому что был ранен; видя бегство коуев, он поскакал к ним, чтобы возвратить, и отъехал далеко от своих; поняв опасность, он снял шлем и погнал опять к полкам, чтобы узнали князя и возвратились; но никто не возвратился, и он попался в плен. Будучи схвачен и увидав, что брат его Всеволод крепко борется, Игорь просил у бога смерти, лишь бы только не видать падения брата своего. Игорь после рассказывал: «Вспомнил я тогда грехи мои пред богом, какое кровопролитие сделал я в земле христианской, когда взял приступом город Глебов у Переяславля; теперь вижу месть от бога: говорил я сам себе: где теперь возлюбленный мой брат, где брата моего сын? где чадо рождения моего, где бояредумцы мои, где мужи храбрые, где ряд полчный, где кони и оружие многоценное? всего лишен и связанный предан в руки беззаконников». Из такого множества русских ратников мало кто спасся: нельзя было убежать, потому что как стенами сильными огорожены были полками половецкими; ушло только человек пятнадцать русских, а коуев еще меньше, прочие же потонули в море.

В то самое время великий князь Святослав Всеволодич шел в Корачев и собирал ратников с верхних земель, хотя идти на половцев к Дону на все лето. На возвратном пути, будучи у Новгорода Северского, услышал он о братии своей, что пошла на половцев тайком от него: не любо было это ему. Когда уже он пришел в Чернигов, прибежал Беловолод Просович и сказал ему о поражении Игоревом. Святослав вздохнул, прослезился и сказал: «Любезные мои братья и дети и мужи земли русской! дал бы мне бог, притомил бы я поганых, но вы не удержали молодости своей и отворили ворота в Русскую землю, воля

господня да будет; как мне досадно было на Игоря, так теперь жаль его». Тотчас же Святослав послал сыновей своих Олега и Владимира в Посемье^[26]: смутились города Посемские, услышавши о судьбе Игоря: была скорбь лютая, какой прежде никогда не бывало во всем Посемьи, и в Новгороде Северском, и во всей волости Черниговской: князя в плену, дружина в плену избита! Смятение было страшное в городах, не мило тогда было никому свое ближнее, но многие отрекались тогда от душ своих, жалея о князьях. Потом Святослав послал сказать Давыду в Смоленск: «Мы сбирались с тобою идти на половцев и провести лето на Дону; но теперь половцы победили Игоря; приезжай, брат, сюда, постереги Русскую землю». Давыд пришел ко Днепру и стал у Треполя, а Ярослав стоял в Чернигове, собравши войско.

Поганые же половцы, победивши Игоря с братьею, загордились и собрали весь свой народ на Русскую землю; и была между ними распря. Кончак говорил: «Пойдем на Киевскую сторону, где избиты наши братья и великий князь наш Боняк»; а Кза говорил: «Пойдем лучше на Семь, где остались одне жены да дети; полон нам собран готов, поберем города безо всякого страха». Таким образом разделились надвое: Кончак пошел к Переяславлю, оступил город, и бились тут целый день. Князем в Переяславле сидел тогда Владимир Глебович: был он смел и крепок к рати, выехал из града, бросился на врагов и бился с ними крепко. Половцы оступили его со всех сторон; тогда граждане, видя, что князь их крепко бьется, выринули из города и отняли Владимира, уязвленного тремя копьями. Он послал сказать и Святославу, и Рюрику, и Давыду: «Половцы у меня, помогите». Святослав слал к Давыду, а Давыд стоял у Треполя с смольнянами. Смольняне начали делать веча и говорили: «Мы пошли до Киева; если бы встретили врага, то бились бы; но теперь не искать же нам другой войны, мы истомились». Святослав с Рюриком поплыли по Днепру против половцев, а Давыд возвратился домой с смольнянами. Услыхав об этом, половцы оступили от Переяславля и осадили Римов, взяли его, набрали множество полону и пошли к себе домой.

Между тем Игорь Святославич уже год жил пленником в земле Половецкой. Половцы как будто стыдились его знаменитости и ничем его не оскорбляли; приставили к нему 20 сторожей, но давали ему волю, где хотел, тут ездил с ястребом на охоту, и собственных слуг его ездило с ним человек пять или шесть; сторожа слушались его и

почитали, и куда бывало пошлет кого, исполняли приказание беспрекословно. Игорь привел к себе и священника из Руси со святою службою: он не ведал божия промысла, думал, что долго еще пробудет в плену. Между половцами нашелся человек, именем Лавор, который стал говорить Игорю: «Пойду с тобою в Русь». Игорь сперва не поверил ему, но держал мысль высокую, по своей молодости: ему хотелось схватить Лавора и бежать в Русь; он говорил: «Я для славы не бежал тогда от своей дружины и теперь не пойду бесславным путем». С Игорем жил в плену сын тысяцкого да конюший его; те также понуждали его бежать, говоря: «Ступай, князь, в Русскую землю, если богу будет угодно избавить тебя», – но он никак не мог улучить удобного времени для бегства. Между тем пришла весть, что половцы возвращаются от Переяславля; тогда Игоревы думцы сказали ему: «Ты, князь, носишь в себе мысль высокую и неуютную господу: ищешь схватить Лавора и бежать с ним; а об том не подумашь, что скоро приедут половцы с войны и хотят, как слышно, перебить всех вас князей и всю Русь; тогда не будет тебе ни славы, ни жизни». На этот раз князь Игорь принял совет их и начал искать случая, как бы бежать: нельзя было ему убежать ни днем, ни ночью, потому что сторожа стерегли его; выискал он только время в заход солнечный. Он посоветовался с Лавором и послал сказать ему через конюшего: «Переезжай на ту сторону Тора с конем поводным». К вечеру половцы напились кумыса; пришел конюший и сказал Игорю, что Лавор ждет его. Игорь встал с ужасом и трепетом, поклонился образу божию и кресту честному, надел на себя крест, икону, поднял стену и вылез вон; пришедши к реке, он перешел ее вброд, сел на коня и проехал сквозь вежи. Потом шел пешком одиннадцать дней до города Донца, оттуда уже отправился в свой Новгород.

Глава XVI

О том, что случилось в Галиче по смерти Ярослава Осмомысла, и о войне между Мономаховичами и Ольговичами

В 1187 году преставился Галицкий князь Ярослав, сын Владимиров; был он князь мудрый, речистый, богобоязливый, честен в землях и славен полками: где была ему обида, сам не ходил с полками своими, но посылал воевод; он устроил землю свою и милостыню большую раздавал, кормил нищих, любил странных и монахов и ходил во всем законе Божиим. Почувствовав приближение кончины, созвал он мужей своих и всю Галицкую землю, священников и монахов, нищих, сильных и худых, и со слезами говорил, обращаясь ко всем: «Отцы, братья и дети! вот уже я отхожу от сего суетного света и иду к творцу своему; грешен я больше всех, отцы и братья! простите и отдайте». Так плакался он три дня перед духовенством и перед всеми людьми и приказал раздавать имение свое по монастырям и нищим, три дня раздавали казну княжескую по всему Галичу и не могли раздать. Потом Ярослав сказал мужам своим: «Вот я одною своею худою головою ходя, удержал всю Галицкую землю; а теперь приказываю своему сыну Олегу, а Владимиру даю Перемышль»; урядив таким образом сыновей, он привел Владимира ко кресту с боярами галицкими, что не искать ему под братом Галича. Олег был сын наложницы княжеской и был Ярославу мил, а Владимир не ходил в воле его, потому отец и не дал ему Галича. Но по смерти Ярославовой встал сильный мятеж в Галицкой земле: галицкие бояре, в согласии с Владимиром, преступили крестное целование и выгнали Олега из Галича, а Владимир сел на его место. Но во время своего княжения он только пил, думы не любил с мужами своими; отнял у попа жену, повенчался с нею.

Тогда Роман Мстиславич Волынский^[27], узнав, что бояре галицкие дурно живут с князем своим за его насилия, начал подучивать их, чтоб они выгнали Владимира, а его, Романа, приняли на княжение. Галицкие бояре послушались его, собрали полки и утвердились крестом всем вместе за одно. Однако они не смели ни

схватить, ни убить Владимира, потому что не все были в той думе и боялись приятелей княжеских; в таких обстоятельствах они придумали послать к князю с следующими словами: «Князь! мы не на тебя восстали, но не хотим кланяться попадье, хотим ее убить, а ты женись на ком тебе угодно». Они знали, что Владимир ни за что не отпустит попадью, и потому нарочно пригрозили ему, чтобы прогнать его самого. Так и случилось: Владимир испугался, забрал золото и серебро, дружину, жену, двоих сыновей и уехал в Венгрию к королю; галичане же послали за Романом: тот приехал и сел у них княжить. Но король венгерский, взяв с собою Владимира, пошел к Галичу со всеми своими полками: Роман, слыша, что король уже за Горою, и не могши стать против него, бежал опять во Владимир Волинский. Король въехал в Галич, только не посадил в нем Владимира, но, давши весь наряд галичанам, посадил у них князем сына своего Андрея, Владимира же взял с собою назад в Венгрию, отнял у него все имение и посадил в башню и с женою. Между тем (1189 г.) Мстислав говорил князьям Святославу и Рюрику: «Вон иноплеменники отняли отчину вашу; хорошо было бы вам потрудиться и возвратить ее назад». Князья согласились идти к Галичу – Святослав с сыновьями и Рюрик с братьями; начали рядиться: Святослав хотел отдать Галич Рюрику, а себе взять всю Русскую землю около Киева, Рюрику же не хотелось лишиться своей отчины; итак, не уладившись, возвратились назад. В том же году послали галицкие мужи к Ростиславу, сыну Ивана Берладника, зовя его в Галич на княжение. Ростислав обрадовался зову, выпросил у Давыда Смоленского, у которого жил, и выехал поспешно из Смоленска. Приехавши к галицкой украине, взял там два города и оттуда пошел к Галичу. Но галицкие бояре не были все в одной мысли: чьи сыновья или братья были у короля, те держались крепко королевича; в то же время король прислал много венгерских полков, сыну на помощь, боясь князей русских. Королевич и воеводы венгерские, слыша, что Ростислав идет к Галичу, по совету галицких мужей, начали приводить их ко кресту: правые целовали крест, ничего не ведая, а виноватые – из страха. Ростислав же подошел к галицким полкам с малою дружиною, не зная коварства их, думая, что как ему обещали, так и сделают, – увидевши полк его, отступят от королевича; но даже и те галицкие бояре, которые с ним приехали, видя коварство своей братьи, отложились от него. Тогда дружина сказала ему: «Князь!

ты уже видишь коварство их, поезжай прочь». Он отвечал: «Братья! вы знаете, на чем они мне крест целовали; если же они теперь ловят головы моей, то бог им судья и тот крест, который ко мне целовали; а я не хочу скитаться в чужой земле, хочу положить голову вотчине своей». Сказавши это, он бросился к полкам галицким: галичане и венгры окружали его со всех сторон, сбили с коня и раненого, едва дышащего понесли в Галич. Жители этого города возмутились, желая отнять Ростислава у венгров и принять к себе на княжение. Венгры, увидав это, приложили ядовитое зелье к ранам Ростислава, от чего тот и умер. После этого, зная, что граждане галицкие ищут себе русского князя, венгры начали делать им во всем насилия: отнимать жен и дочерей, ставить лошадей в церквах и домах. Галичане же начали сильно тужить и горько раскаивались, что прогнали князя своего.

В 1190 году ушел Владимир из Венгрии, из каменной башни, где держал его король с женою и двумя детьми. На башне поставлен был ему шатер: он изрезал его, свил себе веревку и спустился вниз; двое сторожей ему благоприятствовали, они и довели его до немецкой земли, к императору. Император, узнав, что он племянник великому князю Всеволоду Суздальскому, принял его с любовью и великою честью, приставил к нему бояр своих и послал к Казимиру, князю польскому, с тем чтобы тот добыл ему Галич, а Владимир взялся за это давать императору по 2000 серебряных гривен ежегодно. Казимир приставил к нему своего вельможу Николая и послал в Галич. Галичане встретили его с радостию великою, князя своего и дедича, а королевича прогнали. Севши опять на столе дедовском и отцовском, Владимир послал к дяде своему Всеволоду в Суздаль с такою просьбою: «Отец и господин! удержи Галич подо мною, а я божий и твой со всем Галичем и в твоей воле всегда». Всеволод Суздальский послал по всем князьям и к королю польскому и всех привел к присяге не искать никогда Галича под его племянником: с тех пор никто не восставал на Владимира, и он утвердился в Галиче.

В 1194 году умер князь Святослав Киевский; Рюрик Ростиславич заступил его место и в 1195 году послал к брату своему Давыду в Смоленск с такими речами: «Брат! вот мы остались старшими в Русской земле, ступай ко мне в Киев; что будет думы о Русской земле и о братьи, о Владимировом племени, то все покончим и повидаемся подобрупоздорову». Давыд пошел из Смоленска водою и пришел в

Вышгород, Рюрик позвал его к себе на обед, одарил богатыми дарами и отпустил. Потом позвал Давыда на обед племянник его Ростислав Рюрикович в Белгород, и там также пировали очень весело; Ростислав богато одарил дядю и отпустил. После этого Давыд позвал к себе на обед великого князя Рюрика с детьми, одарил всех и отпустил; потом Давыд же позвал монастыри все на обед, веселился с ними и роздал им и нищим большую милостыню; потом позвал Давыд черных клобуков всех, и черные клобуки пили у него и получили богатые дары; наконец Давыд угощал киевлян обедом. Между тем с братом своим Рюриком он поконтчил все ряды о Русской земле и о братьи своей, о Владимировом племени и отправился назад в свой Смоленск. В том же году Всеволод, князь Суздальский, прислал послов к свату своему Рюрику с такими словами: «Вы назвали меня старшим в своем племени Владимировом; а теперь сел ты в Киеве, и мне части не дал в Русской земле, роздал другим младшим из братьи своей; но если мне нет в ней части, то блюди и стереги ее с теми, кому в ней дал часть; посмотрю, както вы ее удержите, а мне не надобно». Рюрик начал думать с мужами своими, какую бы волость дать Всеволоду: тот просил у него Торческа, Треполя, Корсуна, Богуслава и Канева, но Рюрик уже отдал эти пять городов зятю своему Роману и поклялся не отдавать их под ним никому. Он не хотел никак нарушить клятвы и потому давал Всеволоду другую волость; но тот не брал и требовал именно городов Романовых.

Была между ними распря большая и крупные речи, и хотели встать между собою на рать. Рюрик призвал на совет митрополита Никифора; митрополит сказал ему: «Князь! мы приставлены от бога в Русской земле удерживать вас от кровопролития; если должна проливаться кровь христианская изза того, что ты дал волость младшему, и тем обидел старшего, то я снимаю с тебя крестное целование и беру на себя; а ты послушайся меня: возьмика волость у зятя своего и дай ее старшему, а Роману дашь другую вместо нее». Рюрик послал сказать Роману: «Всеволод просит под тобою волости и жалуется на меня изза тебя». Роман отвечал ему: «Батюшка! не ссориться же тебе с сватом изза меня? а мне все равно: либо дай другую волость вместо той, либо деньгами заплати чего будет стоить». Всеволод получил пять городов, отдал из них Торчск зятю своему Ростиславу Рюриковичу, а в остальные города послал посадников.

Узнав об этом, Роман начал слать к тестю своему с жалобами, думая, что тот, сговорясь со Всеволодом, нарочно отнял у него волости для сына. Рюрик отвечал ему: «Ведь я прежде всех дал тебе волость; Всеволод прислал ко мне с жалобой, зачем на нем чести не положили, я ведь объявил тебе все его речи, ты отступился от волости добровольно; а нам как было ее ему не дать, нам без Всеволода нельзя быть, положили мы на нем старшинство во всем Владимировом племени; а ты мне сын свой, вот тебе и волость, равная той». Но Роман не хотел никакой другой волости, подыскиваясь под тестем и не хотя с ним любви: он начал думать с мужами своими и пересылаться с Черниговским князем Ярославом Всеволодичем, уговариваясь с ним идти на Киев. Узнав об этом, Рюрик послал сказать Всеволоду: «Ты, брат, старший во Владимировом племени, так думай и гадай о Русской земле и о своей чести и о нашей»; а к Роману послал бояр своих обличить его и бросить ему крестные грамоты. Роман испугался и поехал в Польшу, к тамошним князьям Казимировичам за помощью; те сказали ему: «Мы бы и рады были тебе помочь, да нас самих обижают дядя наш Мешка, ищет под нами волости; прежде помоги ты нам, чтобы потом все мы ляхи были не розно, но за одним щитом с тобою и мстили бы за твои обиды». Роман послушался их и поехал на Мешку, думая так: «Прилучу его, и если бог мне пошлет, тогда совою всех ляхов воедино и с ними отомщу свое бесчестие и исполню желание свое». Мешка прислал к нему с просьбой, чтобы он не бился с ним, а помирил бы его с племянниками; но Роман не послушался ни его, ни мужей своих и вступил в битву: ляхи ударились с русью, и потоптали ляхи русь, победил Мешка Романа, перебил много в полку его руси и своих ляхов. Раненого Романа дружина принесла во Владимир Волинский. Отсюда послал он к тестю Рюрику, раскаиваясь в своей вине; послал и к митрополиту Никифору с просьбой умолить Рюрика о прощении. Никифор начал ходатайствовать за Романа; Рюрик послушался митрополита и простил зятя, сказав мужам своим: «Если он умоляет меня и кается в своей вине, то я приму его, приведу ко кресту и наделю волостью; устоит он в своем слове, станет меня держать отцом и добра мне хотеть, то я попрежнему буду держать его сыном». В тот же год Рюрик, сославшись со сватом своим Всеволодом и с братом Давыдом, послали мужей своих к Ярославу и ко всем Ольговичам сказать им: «Целуйте нам крест не искать нашей отчины,

Киева и Смоленска под нами, и под нашими детьми, и под всем нашим Владимировым племенем: как нас разделил дед наш Ярослав по Днепр, а Киев вам не надобен». Ольговичи отвечали Всеволоду: «Что ты говоришь о Киеве, что блюсти его под тобою и под твоим сватом Рюриком, то в том стоим; но если велишь отказаться от него навсегда, то мы не венгры и не ляхи, но одного деда внуки; при вашей жизни не ищем его, но после вас кому бог даст». И были между ними большие распри и крупные речи, и не уладились. Всеволод, желая оправить все племя Владимирово, хотел в ту же зиму выступить против Ольговичей; те испугались и послали к нему мужей своих кланяться и обещаться быть в его воле: он поверил им и сошел с коня. Но в ту же зиму Ярослав Всеволодич Черниговский с братьею своею преступили крестное целование, начали войну против Мстиславичей и взяли в плен Мстислава Романовича, племянника Рюрика.

В 1196 году Рюрик, подумавши с мужами своими, послал сказать свату своему Всеволоду, князю суздальскому: «Как ты уговорился со мною и с братом Давыдом сесть на коня о Рождестве Христове и сойтись всем в Чернигове, то я и соединился с братьею и с дружиною своею и с дикими половцами и сидел совсем готов, ожидая от тебя вести; ты же ту зиму не сел на коня, поверив Ольговичам, что они будут на всей нашей воле; я, услышав об этом, что ты не сел на коня, распустил братью и диких половцев, а с Ярославом Черниговским целовал крест на том, что не воевать до тех пор, пока или уладимся все, или не уладимся все; но теперь, брат, мой и твой сын Мстислав, сидит пленником у Ольговичей; так не мешкая сел бы ты на коня, и, соединившись гденибудь, пометили бы мы за свою обиду и за свой стыд, племянника своего выручили бы и правду свою отыскали». От Всеволода не было вести все лето. Осенью пришла весть, что Всеволод, соединившись с Давыдом Смоленским, пожег Черниговские волости.

Тогда Ярослав Всеволодич, собрав братью свою и подумав с ними, выехал против Всеволода и Давыда с дикими половцами и стал под своими лесами, поставив засеки от Всеволода и Давыда, а по рекам велел мосты подсесть, а между тем отправил ко Всеволоду и Давыду посла с такими речами: «Брат и сват! отчину нашу и хлеб наш ты взял; если хочешь с нами ряду правого и любви, то мы любви не бегаем и на всей воле твоей станем; если же ты замыслил иное, то и от

того не бегаем, как нас бог рассудит с вами и святой Спас». Всеволод начал думать с Давыдом, и с рязанскими князьями, и с мужами своими, желая помириться с Ольговичами. Давыду же не хотелось мира, он подучал его все пойти к Чернигову, говоря: «Ты уговорился с братом Рюриком и со мною сойтись всем у Чернигова, чтобы там и помириться всем вместе на всей своей воле; но теперь ты ни мужа своего не послал к брату Рюрику, ни о походе нашем не объявил ему; он же теперь воюет с ними и волость свою пожег для тебя, а ты без его думы хочешь мириться; так скажу тебе, что брат мой Рюрик не улюбит этого мира». Всеволоду не понравились слова Давыдовы: он начал пересылаться с Ольговичами и урядился с ними – Киева под Рюриком не искать, а под Давыдом Смоленска. Рюрик, услышав о мире, начал жаловаться на Всеволода и послал сказать ему: «Сват, ты мне крест целовал на том: кто мне враг, тот и тебе враг, и в Русской земле ты части просил у меня, я же тебе дал волость самую лучшую, не от обилья, но отнявши у братья своей и у зятя своего Романа, для тебя; он же теперь стал врагом моим не за кого другого, как все за тебя же; ты мне обещал потом сесть на коня и помочь мне, но все лето и зиму перевел, а теперь и сел на коня, но как помог? свой ряд взял! А мне с Ольговичами которая обида была? они подо мною Киева не искали; но за тебя же я с ними в ссоре, и воевал с ними, и волость свою пожег; о чем ты со мною ни уговаривался, на чем ты мне креста ни целовал, ничего того не исправил!» В сердцах Рюрик отнял у Всеволода города, которые было дал ему в Русской земле, и роздал опять своей братья.

В 1199 году умер Владимир Ярославич Галицкий. Роман Мстиславич Волынский пошел в Польшу и привел оттуда короля Лешка к Галичу, желая с его помощью сесть там на столе. Галичане не хотели Волынского князя и бились крепко; однако были побеждены и принуждены принять Романа. В 1202 году встал Рюрик на Романа, привел к себе Ольговичей в Киев и хотел идти к Галичу; но Роман упредил его, собрал полки галицкие и волынские и въехал в Русскую землю; князья, черные клобуки и города русские отложились от Рюрика и перешли на сторону Романа, который поспешно, с своими полками, поехал к Киеву; киевляне отворили ему Подольские ворота, он въехал в Подолье, послал на гору приводить ко кресту Рюрика и Ольговичей: Рюрика отпустил в Овруч, Ольговичей за Днепр в Чернигов, а в Киев посадил Ингваря Ярославича^[28]. В следующем

году взят был Киев Рюриком, Ольговичами и всею Половецкою землею: приключилось зло в Русской земле, какого не бывало от крещения ее; были напасти, брали и прежде враги Киев, но все не было того, что теперь: не только Подолье взяли и пожгли, но и Гору взяли и церкви св. Софии, и Десятинную разграбили и все монастыри, иконы ободрали, другие побрали, также кресты, и сосуды, и одежды старых князей, повешанные в церквах на память, – все это побрали; стариков и старух посекли, молодых иноплеменники повели к себе в вежи. К концу года пришел Роман к Овручу на Рюрика, чтобы отвести его от Ольговичей и от половцев; Рюрик принужден был целовать крест к великому князю Всеволоду и сыновьям его, причем Роман сказал ему: «Ты уже крест целовал, так пошли мужа своего к свату, а я пошлю своего к отцу и господину Всеволоду, упрашивай ты его, и я буду упрашивать, чтоб он опять дал тебе Киев». Всеволод согласился, и Рюрик опять стал княжить в Киеве. Потом пошли русские князья на половцев – Рюрик Киевский, Роман Галицкий и другие. Была тогда зима лютая, и половцам пришлось тяжело; русские князья взяли полону много, и была большая радость всем христианам Русской земли. Один только дьявол был печален: в Треполи князья начали рядиться о волостях, поссорились, Роман схватил Рюрика, отослал в Киев и постриг в монахи вместе с женою и дочерью. Великий князь Всеволод сильно опечалился, услышав, что делается в Русской земле. Он послал мужей своих к Роману в Галич: тот послушался его и выпустил из плена зятя его Ростислава, сына Рюрикова, который и стал Киевским князем.

Глава XVII

О том, что случилось в Южной Руси по смерти Романа Великого и в Северной по смерти Всеволода Великого

В 1205 году Роман Галицкий пошел на ляхов и взял у них два города; но когда стоял он над Вислою и отъехал с малою дружиною от своего полку, ляхи напали на него и убили. Галичане целовали крест сыну его Даниилу. Но скоро наступила здесь большая смута и войны беспрестанные. Рюрик свергнул с себя монашество и вместе с Ольговичами и половцами приходил добывать Галича; вдова Романа с двумя малолетними сыновьями – Даниилом и Васильком – принуждена была бежать в Венгрию; Галич достался двум Ольговичам, сыновьям Игоря Северского, Владимиру и Роману: Владимир сел в Галиче, Роман в Звенигороде. Оба Игоревича согласились перебить бояр галицких и перебили их человек с 500, а другие разбежались. Трое из них Владислав, Судислав и Филипп ушли в Венгрию и просили тамошнего короля: «Дай нам отчича галицкого Даниила, пойдём с ним и возьмем Галич от Игоревичей». Король с великою любовью послал войско в силе тяжкой; когда оно пришло под Перемышль, то Владислав подъехал к городу и сказал жителям: «Братья! что вы смущаетесь? не Игоревичи ли перебили отцов ваших и братьев, именье ваше разграбили, дочерей ваших отдали за рабов ваших, – пришельцы владеют вашими отчинами? и за такихто князей хотите душу свою положить?» Перемышльцы тронулись его словами и сдали город. Князь Владимир убежал из Галича, другие братья его – Роман, Святослав и Ростислав – попались в плен. Тогда бояре волынские и галицкие и воеводы венгерские посадили князя Даниила на столе отца его Романа. Пленных же князей венгры хотели вести к королю своему, но галичане умоляли, чтобы дали им их повесить из мести; венгры за большие дары исполнили их просьбу, и князья были повешены. Даниил стал княжить, но он был еще очень молод; мать его хотела управлять за него, но бояре выгнали ее, из них главным был Владислав. Король венгерский привел опять в Галич вдову Романа; боярин Владислав был отведен пленником в Венгрию; но братья его

бежали в Пересопницу и вооружили тамошнего князя Мстислава против Романова семейства; оно должно было опять бежать в Венгрию. Король снова вооружился; но мятеж помешал ему идти к Галичу; туда явился выпущенный им на свободу боярин Владислав и стал княжить. Тогда Лешко, король польский, послал сказать Андрею, королю венгерскому: «Не хорошо боярину княжить в Галиче; но возьми лучше дочь мою за сына своего Коломана и посади его в Галиче». Андрею понравился этот совет: он исполнил его и посадил сына Коломана в Галиче, а Лешку Польскому отдал Перемышль; но скоро опять отнял. Тогда Лешко, раздосадованный таким позором, послал сказать Мстиславу Мстиславичу, князю Новгородскому^[29]: «Ты мне, брат, поди и сядь в Галиче», – Мстислав пошел на Галич и сел там, выдав дочь свою Анну за Даниила Романовича.

В 1212 году умер великий князь Всеволод, княжив в Суздальской земле тридцать семь лет; перед смертью он вызывал из Ростова старшего сына своего Константина, желая передать ему стольный город Владимир вместе с великим княжением; но Константин не пошел во Владимир к отцу, а послал сказать ему: «Любезный батюшка! дай мне старый, начальный город Ростов и к нему Владимир». Великий князь послал к нему во второй раз звать к себе; тот не пошел; Всеволод послал к нему в третий раз; Константин не пошел и в третий, а все толковал: «Дай мне и Владимир к Ростову». Всеволод рассердился, и созвал собор, и объявил великим князем по себе второго сына своего Юрия, дал ему Владимир, со всеми людьми, укрепил к нему всех крестьян целованием и поручил ему младших братьев. Константин сильно рассердился за это на Юрия. В год смерти Всеволодовой Юрий вместе с братом Ярославом приходили на Константина к Ростову, но помирились и разошлись по домам; на следующий год приходили в другой раз к Ростову и в другой раз помирились с Константином и урядились с ним о волостях.

В 1214 году Всеволод Чермный, князь Черниговский, сын Святославов, правнук Олегов, выгнал внуков Ростиславовых из Руси, говоря: «Братьев моих двоих князей повесили вы в Галиче как злодеев и положили позор на всех нас; так нет же вам части в Русской земле», – тогда Ростиславовы внуки послали сказать Мстиславу Мстиславичу в Новгород: «Не дает нам Всеволод Святославич части в Русской земле; поди, поищем своей отчины». Мстислав созвал вече на

Ярославом дворе и начал звать новгородцев в Киев на Всеволода Чермного; новгородцы отвечали ему: «Куда, князь, посмотришь, туда мы бросимся головами своими». Вот и пошел князь Мстислав с новгородцами в Киев; но как дошли они до Смоленска, случись ссора у новгородцев с смольнянами; новгородцы убили одного смольнянина и не захотели идти дальше за своим князем. Мстислав стал звать их на вече, они и на вече не пошли. Тогда князь простился с ними со всеми, поклонился и пошел. Новгородцы собрали особое вече, посадник Твердислав начал говорить: «Братья! как трудились наши деды и отцы за Русскую землю, так и мы пойдем по своему князе». Новгородцы послушались Твердислава, тронулись из Смоленска, догнали Мстислава и начали воевать по Днепру города Черниговские. Всеволод выбежал из Киева за Днепр, Мстислав вошел туда с братьями и новгородцами; киевляне поклонились им и посадили в Киеве Мстислава Романовича, внука Ростиславова. После этого Мстислав пошел из Киева к Чернигову, стоял под ним 12 дней, взял мир и дары, и возвратились все в Новгород по добру и по здорову.

В 1215 году собрался опять Мстислав на юг; он созвал вече на Ярославом дворе и сказал новгородцам: «Есть у меня дела в Руси, а вы вольны в князьях». Новгородцы долго думали, наконец послали за Ярославом Всеволодичем, внуком Юрия Долгорукого. Ярослав приехал к ним; но в том же году ушел в Торжок и сел там. Осенью случилась большая беда: мороз побил весь хлеб по волости, а на Торжке все было цело. Тогда князь Ярослав не пустил в Новгород из Торжка ни воза; новгородцы отправили за ним послов; он их задержал. А между тем в Новгороде зло все росло более и более: кадь ржи покупали по десяти гривен, а овса по три гривны, а репы воз по две гривны; люди ели сосновую кору, лист липовый, мох. Ох горе тогда было, братья! отцы отдавали детей в рабы; поставили скудельницу и наметали полну. О горе, горе было тогда! по торгу трупы, по улицам трупы, по полю трупы; не могли псы переесть людей; а вожане померли, остаток разбрелся; итак, по грехам нашим, разошлась наша волость и наш город.

Новгородцы, оставшиеся в живых, послали посадника Юрия Ивановича с иными мужами по князя; он и тех задержал в Торжке, а в Новгород прислал Ивора и Чапоноса, вывел княгиню свою к себе, дочь Мстиславову. Наконец новгородцы послали к нему с последнею

речью: «Ступай в свою отчину, к святой Софии, а не хочешь идти, так скажи», – Ярослав и тех послов не отпустил назад да еще купцов всех новгородских захватил, и была в Новгороде печаль и вопль. Тогда Мстислав, узнав обо всех этих бедах, приехал в Новгород, схватил Хота Григорьича, наместника Ярославова, поковал всех его дворян, въехал на Ярославов двор, целовал честной крест и сказал новгородцам: «Либо отыщу людей новгородских и волости их, либо головою повалю за Новгород». Ярослав, узнав о приезде Мстислава, велел засечь все пути от Новгорода и реку Тверцу; а в Новгород послал сто мужей новгородских выпроваживать Мстислава из города; но они не взялись за это, а согласились единодушно жить и умереть со Мстиславом. Мстислав послал к Ярославу в Торжок попа Юрия с такими словами: «Сын! кланяюсь тебе: мужей моих и купцов пусти, сам с Торжка выди и со мною помирись». Князю Ярославу не понравились эти слова; он отпустил попа без мира, а новгородцев всех послал в окопах, по своим городам, товары и лошадей их роздал, а было у него новгородцев больше 2000. В самом Новгороде оставалось людей мало: лучшие мужи были задержаны Ярославом, меньшие разошлись, а иные померли голодом. Несмотря на то, Мстислав созвал вече и сказал: «Пойдем поищем мужей своих, вашей братьи и волости своей; да не будет Торжок Новгородом, ни Новгород Торжком, но где святая София, тут и Новгород; и в силе бог, да и в мале бог и правда».

В 1216 году, первого марта, пошел князь Мстислав на зятя своего Ярослава с новгородцами во вторник, а в четверг побежали к Ярославу клятвопреступники: Владислав Завидович, Гаврила Игоревич, Юрий Алексеич, Гаврила Милятинич с женами и детьми. Соединившись на Волге с Владимиром Рюриковичем и смольнянами, Мстислав послал в Торжок к Ярославу за миром; Ярослав отвечал: «Мира не хочу, если пошли, так ступайте, на одного из вас придется по сту наших». Князья сказали тогда между собою: «Ты, Ярослав, с плотью, а мы с крестом честным». Тогда новгородцы сказали князьям: «Пойдем мы к Торжку»; князья отвечали: «Если пойдем к Торжку, то попустошим волость Новгородскую». И пошли к Твери, начали брать села и жечь, а об Ярославе не было вести, в Торжке ли он или в Твери. Когда он узнал, что неприятель берет села, то выехал из Торжка в Тверь, забрав с собою старших бояр и новгородцев, а молодых по выбору, Мстислав отправил посла к князю Константину Всеволодичу в Ростов, а сам с

новгородцами пошел воевать по Волге, и пожгли все Поволжье. Тут встретил их воевода Еремей от князя Константина из Ростова и сказал: «Князь Константин кланяется вам, и велел сказать: обрадовался я приходу вашему, вот вам от меня в помощь 500 человек; да пришлите ко мне шурина моего Всеволода с полным наказом». Всеволода отрядили со многими ратными людьми и послали к князю Константину, а сами пошли по Волге вниз; здесь бросили возы, сели на коней и пошли к Переяславлю.

Апреля 9, в Светлое воскресенье, встретились они с Константином Ростовским; и была большая радость: князья целовали крест стоять за одно. На Фоминой неделе попался им в плен человек, который объявил, что князя Ярослава нет в Переяславле, пошел к князю Юрию с полками, а князь Юрий Всеволодич, с братьями Святославом и Владимиром, вышел из Владимира. У них были сильные полки, вся сила Суздальской земли, потому что всех погнажи. Страшное и дивное чудо было! пошли сыновья на отца, отцы на детей, брат на брата, рабы на господина, господин на рабов. Князь Ярослав и Юрий с братьею стали на реке Кзе, князь Мстислав и Владимир с новгородцами поставили свои полки близ Юрьева; а князь Константин далеко стал с своими полками, на реке Липице. Мстислав, Константин и Владимир послали сотского Лариона сказать князю Юрию: «Кланяемся тебе, нам нет с тобою обиды, обида нам с Ярославом». Юрий отвечал: «Мы одно с братом Ярославом». Тогда они послали сказать Ярославу: «Отпусти новгородцев и новоторжцев; что захватил волостей Новгородских, отдай назад, помирись с нами, целуй к нам крест и крови не проливай». Ярослав отвечал: «Мира не хочу, новгородцев и новоторжцев не отпускаю; вы далеко шли и вышли, как рыба на сухо». Ларион пересказал ту речь князьям. Они опять послали к обоим князьям с последнею речью: «Мы пришли, братья Юрий и Ярослав, не на кровопролитие, дай бог нам управиться без крови; мы ведь все одного племени, дадим старшинство князю Константину, посадите его во Владимире, а вам вся земля Суздальская». Князь Юрий отвечал: «Скажи братья моей, князьям Мстиславу и Владимиру: сами пришли сюда, так теперь и ступайте куда хотите; а брату князю Константину молви: перемоги нас, и тебе вся земля». Так князья Юрий и Ярослав вознеслись славою: видя у себя силу великую, не приняли мира и начали пировать в шатре с своими боярами. Один боярин

сказал: «Заклучитека мир, князья Юрий и Ярослав: меньшие братья в вашей воле; помоему лучше бы мир заклучить и дать старшинство князю Константину; Ростиславово племя все князья мудрые и храбрые, и мужи их, новгородцы и смольняне, смелые на бою, Мстислава же Мстиславича и сами знаете в том племени, что дана ему от бога храбрость выше всех; подумайтека, господа». Не люба была речь эта князю Юрию и Ярославу. Тут другой боярин сказал: «Князья Юрий и Ярослав! Не было того ни при прадедах, ни при деде, ни при отце вашем, чтобы ктонибудь вошел ратью в сильную землю Суздальскую и вышел цел; хотя бы и вся Русская земля, и Галицкая, и Киевская, и Смоленская и Черниговская, и Новгородская и Рязанская встали на нас, то не успеть им против нашей силы; а этито полки – право, закидаем их седлами». Полюбилаь эта речь князю Ярославу; он созвал бояр своих и начал им говорить: «Придет обоз вражий в наши руки, то вам будут кони, брони, платье; и возьмет кто человека живого, тот сам будет убит; если и золотом шито будет оплечье^[30], убивай, не оставим ни одного живого; если кто убежит из полку и попадетя в плен, тех будем вешать или распинать; а о князьях, когда попадутся в наши руки, после подумаем».

Отпустивши бояр, вошли князья в шатер одни и стали делить города; князь Юрий сказал: «Мне, брат князь Ярослав, земля Владимирская и Ростовская, а тебе Новгород, Смоленск брату нашему Святославу, Киев отдай Черниговским князьям, а Галич нам же»; и целовали крест между собою, и написали грамоты: грамоты эти, после победы, взяли смольняне в стане Ярославовом и отдали своим князьям. Князья Юрий и Ярослав, поделивши все города русские и надеясь на свою великую силу, начали звать к Липицам на бой. Мстислав и Владимир призвали князя Константина и, думавши с ним много, привели его ко кресту, что не будет от него перевета, после чего двинулись в ночь. На другой день утром пришли они к Липицам, куда их звали на бой; есть там гора, слывет Авдова: тут поставили князья Юрий и Ярослав свои полки; а князья Мстислав, Владимир, Константин и Всеволод поставили полки свои на другой горе, что слывет Юрьева гора, посреди нее течет ручей, имя ему Тунег. Ставши на Юрьевой горе, князья послали к Юрию троих мужей мира просить: «А не дадите мира, так отступите дальше, на ровное место, а мы на вашу сторону пойдём; или мы отступим на Липицы, а вы пойдете на

наше место». Князь Юрий отвечал: «Мира не беру и не отступаю; пошли через землю, то чего вам стоит перейти эту дебрь». Юрий надеялся на твердость места: оно было плетнем оплетено и колья насованы, на случай если бы ударили на них в ночь. Услыхав ответ Юрьев, князья послали младшую дружину биться против Ярославовых людей; бились они целый день до ночи, но бились не усердно, потому что была буря и очень холодно.

На другой день князья хотели пойти ко Владимиру, не трогая неприятельских полков; но князь Константин сказал: «Братья! если пойдем мимо их, то возьмут нас в тыл, да притом же мои люди не охотники до бою, того и смотри что разойдутся по городам». Князь Мстислав отвечал ему на это: «Гора нам не поможет, гора нас и не победит; так пойдем к ним, в надежде на крест честной и на правду». Начали ставить полки: Владимир Смоленский поставил полки свои с края, а подле него стал Мстислав и Всеволод с новгородцами и Владимир Псковский с псковитянами, а подле Владимира стал Константин с ростовцами. Ярослав же стал с своими полками муромскими и с городчанами и с бронниками против Владимира и смолян, а Юрий стал против Мстислава и новгородцев со всею землею Суздальскою, а меньшие братья его стали против князя Константина. Мстислав и Владимир начали укреплять новгородцев и смолян: «Братья! вошли мы в землю сильную: так в надежде на бога станем крепко, не будем озираться назад, побегши не уйти; позабудем, братья, дома, жен и детей; кому не умирать? кто хочет, пусть сражается пеш, а кто хочет на конях». Новгородцы отвечали: «Не хотим помирать на конях: будем биться пеши, как бились отцы наши!» Князь Мстислав был рад тому, и новгородцы, сойдя с коней, скинув сапоги и платье, поскакали босиком; за ними бросились смоляне, так же пешком, за смолянами отрядил князь Владимир Ивора Михайловича с полком, а сами князья и все воеводы поехали за ними на конях. Когда полк Иворов вступил в дебрь, то под Ивором споткнулся конь; а пешие ратники, не дожидаясь Ивора, ударили на пещев Ярославовых с страшным криком; те побежали, новгородцы и смоляне за ними, начали их бить и подсекли стяг Ярославов; тут настиг их Ивор, с которым досеклись до другого стяга Ярославова, а князья все еще не приезжали. Мстислав, видя удаль своих, сказал братьям: «Не дай бог выдать добрых людей» – и ударил с своим

полком сквозь своих же пещев; за ним последовали и другие князья. Трижды проехал Мстислав сквозь полки Юрьевы и Ярославовы, секучи людей, также и князь Владимир, и досеклись наконец до обоза. Князья Юрий и Ярослав, видя, что их люди жнутя, как колосья на ниве, побежали с меньшею братьею и с муромскими князьями. Тогда князь Мстислав закричал: «Братья новгородцы! не останавливайтесь при обозе, не покидайте битвы: вернутся – изметут они нас». Новгородцыто бились не из корысти, но смольняне напали на обоз и одирали мертвых, а о битве им и дела не было. Велик промысел божий! на том побоище пало только 5 человек новгородцев да один смольнянин, а то все сохранены были силою честного креста и правдою. Людей же Юрьевых и Ярославовых было избито бесчисленное множество, взято же в плен было только 60 человек. Было у князя Юрья 13 стягов, труб и бубнов 60; говорили и про Ярослава, будто у него было 17 стягов да труб и бубнов сорок. Убитых всех считали 9233 человека. Крик живых, не до смерти убитых, и вытье раненых были слышны в Юрьеве городе и около Юрьева; много перетонуло в реке во время бегства, иные раненые, забредши неведомо куда, померли, живые же побежали одни к Владимиру, другие к Переяславлю, иные в Юрьев. Князь Юрий стоял против Константина; увидя, что Ярославов полк побежал, побежал и он во Владимир, куда прискакал оттуда, на четвертом коне, а трех загнал; прискакал он в одной сорочке, без седла.

Во Владимире оставался народ все не ратный: попы, чернецы, жены да дети; увидав, что кто-то скачет к городу, они обрадовались, думая, что гонец от князя; они говорили друг другу: «Наши одолевают!» И вот прискакал князь Юрий один; начал он ездить около города, крича: «Твердите город!» В народе началось смятение, вместо веселья слышался плач; к вечеру и в ночь стали прибегать ратники, иной ранен, другой наг.

На другой день утром князь Юрий созвал людей и сказал им: «Братья владимирцы! затворимся в городе, авось отобьемся от них». Люди отвечали: «Князь Юрий! с кем нам затвориться? братья наши избиты, а иные в плену, а остальные прибежали без оружия, с кем нам стать?» Юрий сказал: «Все это я сам знаю; только не выдайте меня брату князю Константину, ни Владимиру, ни Мстиславу, чтобы мне выйти по своей воле из города». Они обещались ему. Ярослав также

прибежал один в Переяславль на пятом коне, а четырех загнал и затворился в городе. Не довольно ему было первого зла, не насытился крови человеческой, избив в Новгороде столько людей, и в Торжке, и на Волоке; но и тут, прибежав в Переяславль, перехватал новгородцев и смолян, которые для торговли зашли в землю его, и велел их пометать в погреба, а иных засадил в тесную избу, где 150 из них задохлось; смолян запер 15 человек; те все живы остались. Князя же милостивое племя Ростиславово и до христиан доброе, целый тот день стояли на побоище; а если бы захотели гнаться за неприятелем, то Юрию и Ярославу не уйти бы, и город Владимир захватили бы врасплох; но Мстислав с братьею пришли тихо ко Владимиру и, объехав его, стали думать, откуда бы взять. В ночь загорелся в городе княжий двор: новгородцы хотели было лезть на стены, да князь Мстислав им не дал; во вторник, на ночь, загорелся город и горел до света: смоляне просились тогда взять город, но князь Владимир не пустил их. Наконец Юрий выслал к князьям с челобитьем. «Не приступайте нынче к городу, завтра выйду из него вон». И в самом деле, на другой день выехал князь Юрий с двумя братьями, поклонился князьям Мстиславу и Владимиру и сказал: «Братья! вам челом бью, вам дать мне жизнь и хлебом накормить; а брат мой Константин в вашей воле». Тут он подал им богатые дары и получил мир. Мстислав и Владимир порешили так: князю Константину отдали Владимир, а Юрию Радилон Городец.

Владыка, княгиня и все люди Юрьевы, поспешно убравшись на лодки и в насады, поехали вниз по реке; сам же князь Юрий, вошедши в соборную церковь Богородицы, ударил челом у отцовскаго гроба и плакал, приговаривая: «Суди бог брату моему, князю Ярославу, что довел меня до этого», – и пошел из Владимира в Городец. Князь же Константин поехал во Владимир, и был встречен за городом всем священническим чином и всеми людьми; он одарил в тот день князей и бояр богатыми дарами, а владимирцев привел к присяге. Но князь Ярослав, еще дыша злобою и гневом, не покорялся, затворился в Переяславле и хотел там отсидеться; князья решились идти к этому городу. Услыхав об этом, Ярослав испугался и начал высылать людей, умоляя о мире. Во вторник утром приехал он к князю Константину, ударил ему челом и сказал: «Господин! я в твоей воле, не выдай меня тестю моему князю Мстиславу, ни Владимиру, а сам, брат, накорми

меня хлебом». Князь Константин помирил Мстислава с Ярославом. Мстислав, не доходя до города, взял дары и послал привести к себе дочь, княгиню Ярославову, и что осталось живых новгородцев. Ярослав много раз присылал ко Мстиславу, прося княгини своей назад, но Мстислав не пустил к нему дочери. Наконец князья разошлись: Константин во Владимир, Мстислав в Новгород, Владимир в Смоленск, а другой Владимир в Псков, победив сильные полки, взявши свою честь и славу.

Глава XVIII

О первом татарском нашествии, и о том, что случилось в Галиче по смерти Мстиславовой

В 1218 году умер великий князь Константин во Владимире; великим князем по нем стал опять брат его Юрий.

В 1224 году явился народ незнаемый; пришла неслыханная рать, безбожные татары, о которых никто хорошо не знает, кто они и откуда пришли, и что у них за язык, и какого они племени, и какая у них вера. Попленивши многие страны, ясов, обезов и косогов, пришли они в землю Половецкую. Половцы не могли противиться им и побежали к Днепру. Хан их Котян был тесть Мстиславу Мстиславичу Галицкому; он пришел с поклоном к князю Мстиславу, зятю своему, и ко всем князьям русским, поднес им богатые дары, коней, верблюдов, буйволов и невольниц, и сказал: «Татары отняли нашу землю нынче, а завтра вашу возьмут, так защитите нас; если же не поможете нам, то мы нынче иссечены будем, а вы будете завтра иссечены». Котян умолял зятя своего о пособьи, а Мстислав стал умолять князей русских, братью свою, говоря: «Если мы, братья, им не поможем, то они передадутся татарам, и у тех будет больше силы». Князья думали, думали и наконец решились помогать Котяну. Совет у них был в городе Киеве, где говорили так: «Лучше нам принять татар на чужой земле, чем на своей», – и начали строить войско, каждый свои полки. Тогда княжил Мстислав в Киеве, другой Мстислав Козельский в Чернигове, третий Мстислав Торопецкий в Галиче: то были старшие князья в Русской земле, князя же великого Юрия Суздальского не было в совете том; потом были молодые князья: князь Даниил Романович, князь Михайло Всеволодич, князь Всеволод Мстиславич, и другие многие князья.

Совокупив всю землю Русскую против татар, князья пришли к реке Днепру на Заруб, к острову Варяжскому. Тут татары прислали к ним послов с такими словами: «Слышим, что вы идете против нас, послушавшись половцев; а мы вашей земли не занимали, ни городов, ни сел ваших и на вас не приходили; пришли мы, попущением

божиим, на холопов своих и конюхов, на поганых половцев; возьмите с нами мир, а нам с вами рати нет; если побегут к вам половцы, то вы бейте их оттуда, а именье их берите себе, потому что, как слышно, они и вам много зла делают, оттого и мы их бьем отсюда».

Князья русские не послушались послов, но перебили их, пошли против татар и, не дошедши Олешья, стали на Днепре; тут прислали татары вторых послов с такими словами: «Если вы послушали половцев, послов наших избили и идете против нас, то ступайте; а мы вас не трогаем, бог нас всех рассудит». На этот раз послов их отпустили. Тут пришла вся земля Половецкая со всеми князьями, а из Киева пришел князь Мстислав со всею силою, из Галича другой Мстислав, из Чернигова Владимир Рюрикович. Мстислав Галицкий с 1000 человек перешел Днепр, ударил на сторожей татарских и победил их; остальные побежали с воеводою Гемябеком, и тут им не было помощи; они было зарыли воеводу Гемябека живого в землю, чтоб соблюсти его; но русские нашли воеводу: половцы выпросили его у них и убили.

Услыхав о победе, все князья русские пошли за Днепр со множеством людей; галичане пришли по Днепру и стали у реки Хортицы, на броне: с ними были Юрий Домамерич и Держикрай Владиславич. Даниил Романович погнал с конницею вперед оглядеть татар; Юрий Домамерич говорил, что они хорошие стрелки, другие же говорили, что они люди простые, плоше и половцев, но Юрий утверждал, что они добрые ратники. Все люди и князья перешли Днепр и поехали на конях в степи половецкие, где встретили отряд татар; русские стрельцы победили их и гнали далеко в степь, взяли весь их скот и пригнали к своим полкам. Оттуда шли восемь дней до реки Калки, где встретили главную силу татарскую. Князь Мстислав Мстиславич Галицкий велел Даниилу Романовичу перейти реку Калку с полками и сам перешел за ними. Увидав татарские полки, он приказал ратникам своим поскорее вооружиться; а другие два Мстислава сидели в стане и ничего не знали: Мстислав не сказал им ничего из зависти, потому что между ними была большая распря.

Битва началась: Даниил выехал наперед и получил рану в грудь; но по молодости и пылкости не почуял раны: ему было тогда 18 лет. Князь Мстислав Немой, видя, что Даниил ранен, бросился в битву: это был человек крепкий и родня Роману, от одного племени

Мономаховского; он очень любил отца Даниилова и отказал Даниилу по смерти свою волость. Татары уже бежали, Даниил бил их с своим полком, Олег Курский крепко бился, как вдруг половцы побежали и потоптали станы князей русских, а князья не успели ополчиться; тогда все полки русские смялись, настала сеча лютая, и русские полки были побеждены. Даниил, видя, что татары побеждают, обратил коня и бежал от натиска вражьего; жажда мучила его, он испил воды и тут только почувал рану на теле своем, а в битве не чувствовал ее по причине крепости и мужества, потому что был смел и храбр, от головы до ног не было на нем порока. И была победа на всех князей русских, какой никогда не бывало от начала Русской земли.

Князь Мстислав Киевский, видя беду, не тронулся с места; он стоял на горе над рекою Калкою; место было тут каменистое, он огородился кольем и бился из своего укрепления с татарами три дня. Были тут с ним бродники старые с воеводою Плоскинею: эти окаянные целовали крест к князю Мстиславу и двоим другим князьям, что они их не убьют и пустят на окуп. Но вместо того нарушили клятву, связали князей и продали их татарам, укрепления взяли, людей посекали. Татары, взявши князей, раздавили их, подложивши под доски, сверху которых сами сели обедать. Других князей гнали до Днепра и шестерых убили; убит был и Александр Попович с семидесятью другими богатырями; из остального войска разве десятый возвратился домой. Князь Мстислав Мстиславич прежде всех перебежал Днепр и, пришедши к лодкам, велел их жечь, а другия рубить и отталкивать от берега, боясь татарской погони, а сам едва убежал в Галич; молодые князья прибежали с малою дружиной; князь Владимир Рюрикович прибежал в Киев и сел там на столе. Татары, победив русских князей, дошли до Новгорода Святопольского; жители, не зная их коварства, выходили к ним навстречу с крестами, но были тут же побиваемы; татары, однако, воротились назад от реки Днепра в землю восточную.

В следующем году Александр, князь Бельзский, все ссорил галицкого князя Мстислава Мстиславича с зятем его Даниилом Романовичем; он беспрестанно толковал Мстиславу: «Зять твой хочет тебя убить». Но скоро все князья узнали клевету Александрову и начали говорить Мстиславу: «Возьми волость его за позор свой», – а он, по братолюбию своему, не взял волости, и все похвалили его за то.

Узнавши невинность Даниилову, Мстислав принял его с любовью, почтил его богатыми дарами, подарил ему коня своего борзого, какого в те годы не бывало другого, и дочь свою Анну дарил большими дарами и, свидевшись с братьею в Перемышле, утвердил мир.

В 1226 году Мстислав, по совету коварных бояр галицких, обручил меньшую свою дочь за венгерского королевича Андрея и дал ему Перемышль. Боярин Судислав все толковал Мстиславу: «Князь! отдай Галич королевичу: самому тебе его не удержать, бояре не хотят тебя». Мстиславу не хотелось отдать Галич Андрею, ему хотелось отдать его Даниилу; но бояре Глеб Зеремеевич и Судислав противились тому; они говорили: «Если отдашь Галич королевичу, то можешь взять его у него, когда захочешь; если же отдашь Даниилу, то вовеки не будет твой Галич». Мстислав послушался и отдал Галич венгерскому королевичу, а себе взял Понизье. Он скоро потом раскаялся в этом и послал сказать Даниилу: «Сын! согрешил я, что не дал тебе Галича, а дал иноплеменнику, по совету Судиславальстеца: он обольстил меня; если богу будет угодно, пойдём на венгров; я посажу на коней половцев, а ты пойдёшь с своими полками, и если бог даст нам опять Галич, то ты возьмёшь его, а я Понизье». Но скоро после этого Мстислав умер: при конце жизни ему очень хотелось видеть Даниила; но Глеб Зеремеевич, из зависти, не пустил к нему зятя; Мстиславу хотелось отдать на руки Даниилу дом свой и детей.

В 1229 году прислали галичане сказать князю Даниилу: «Судислав пошел в Понизье, а королевич один остался в Галиче, ступай к нам скорее». Даниил, собрав поспешно полки, послал воеводу Демьяна на Судислава, а сам пошел с малою дружиной к Галичу. Судислав не удержался перед Демьяном и побежал в Галич: Даниил подступил к этому городу и взял двор Судиславов, где нашел много вина, овощей, корму, копий, стрел. Видя, что люди его обогатились добычею, Даниил перешел на другую сторону Днестра. Сюда пришел к нему воевода Демьян со многими боярами галицкими; Даниил обрадовался его приходу, но горевал о том, как перейти Днестр, потому что мост на нем был зажжен лихим Семеном, похожим на лисицу, по красноте тела; подъехав, однако, к реке, Даниил увидал, что конец моста погас, и была большая радость; на другой день перешли мост и стали по берегу Днестра. На другое утро Даниил объехал город и осадил его в силе тяжкой; осажденные изнемогли и сдали город. Даниил, взяв город,

вспомнил прежнюю любовь короля Андрея, отпустил сына его и проводил до реки Днестра; с королевичем выехал один только Судислав; жители бросали в них камнями, крича: «Ступай вон из города, мятежник земли». Когда королевич Андрей пришел к отцу и брату, то Судислав не переставал говорить им: «Ступайте на Галич и возьмите землю Русскую; если же не пойдете, то они укрепятся на вас». Король Бела вооружил огромное войско и выступил к Галичу, говоря: «Теперь уже никто не избавит его от руки моей». Но как скоро вошел он в горы, полились дожди, кони тонули, люди взбегали на высокие места; однако Бела не оставил своего намерения и обступил город; жители не сдавались, Бела изнемог и отступил.

Теперь начнем рассказ о бесчисленных ратях, о великих трудах, о частых войнах, о многих крамолах, восстаниях и мятежах. Завели крамолу безбожные бояре галицкие, совещались убить князя своего и передать землю. Когда сидели они в думе и хотели зажечь двор княжеский, молодой князь Василько вышел вон и в шутку обнажил меч на слугу королевича; крамольники, увидав это, испугались, говоря: «Совет наш разрушился», – и побежали, как окаянный Святополк. Князя Даниил и Василько ничего не знали об этом, и Василько поехал во Владимир, а Филипп безбожный позвал князя Даниила в Вишню: здесь уговорились убить его. Когда он въехал в Браневичев, приехал к нему посол от тысяцкого Демьяна с известием, что боярин Филипп вместе с племянником Данииловым, Александром, хотят убить его. Услыхав это, князь возвратился назад и послал сказать брату своему Васильку: «Ты ступай на Александра», – а Ивана, седельничего своего, послал на неверных бояр. Василько взял Бельз, волость Александрову, а Иван переловил 28 бояр; Даниил простил их. Однажды на пиру один из этих безбожных бояр залил лицо ему из чаши; Даниил и то стерпел.

В 1231 году Даниил созвал вече: осталось у него только 18 верных отроков с тысяцким Демьяном; князь сказал им: «Хотите ли быть мне верны и идти со мною на врагов?» Они воскликнули: «Верны богу и тебе, господину нашему, ступай с божиею помощию!» А сотский Микула сказал: «Господин! не подавивши пчел, меду не есть». Помолившись богу, Даниил выступил с малым войском; к нему на помощь пришел Мирослав, так же с немногими отроками, присоединились и неверные бояре, показывая вид, что верны. Даниил подступил к Перемышлю; Александр не стерпел и побежал в Венгрию,

оставив все имение свое. Судислав взялся хлопотать за него и поднял короля венгерского; король подступил к Ярославлю. Здесь затворился боярин Даниилов Давыд Вышатич с Васильем Гавриловичем; венгры бились даже после захождения солнца, но город отбил. Несмотря на то, Давыд испугался, теща его была на стороне Судислава, который называл ее матерью; она стала говорить зятю: «Ты не удержишь этого города». Василий же Гаврилович говорил ему: «Не погуби чести нашего князя; эта рать не может взять города». Василий был муж крепкий и храбрый; но Давыд не слушал его и хотел сдать город и сдал, вышедши сам цел со всем войском. Король, взявши Ярославль, пошел к Галичу. Климята с Голых гор убежал от князя Даниила к королю, и за ним все бояре галицкие передались венграм. Оттуда король пошел ко Владимиру Волынскому; пришедши, удивился красоте города и сказал: «Такого города не находил я и в немецких странах». Ратные люди в полном вооружении стояли на стенах, щиты их блестели, как солнце. В городе сидел воеводою Мирослав: прежде был он храбр, но тут бог ведает, что с ним сделалось, смутился умом, заключил мир с королем без совета с князем Даниилом и братом его Васильком; тут же, по договору, уступил Бельз и Червен Александру. Король посадил сына своего Андрея в Галиче, по совету неверных галичан, а Мирослав стал запирается, что в договоре не передавал Червена венграм; укор был ему большой от обоих братьев: «Зачем заключил мир, когда у тебя было столько войска?»

В 1233 году умер королевич венгерский в Галиче; галичане послали за Даниилом. В 1235 году отнял у Даниила Галич князь Михаил Черниговский и посадил здесь сына своего Ростислава. Получив весть, что Ростислав пошел на Литву с всеми боярами, Даниил вышел из Холма и на третий день был у Галича. Здешние граждане любили его; подъехав под город, он сказал им: «Граждане! долго ль вам терпеть державу иноплеменных князей?» Те воскликнули в ответ: «Вот наш держатель богом данный» – и пустились к нему, как дети к отцу, как пчелы к матке, как жаждущие воды к источнику. Епископ Артемий и дворский Григорий не хотели пускать Даниила в Галич, но, видя, что не могут удержать города, вышли навстречу с слезными глазами, ослабляясь и облизываясь, и по неволе сказали: «Приди, князь Даниил, возьми город». Даниил вошел в город свой, помолился святой богородице, принял стол отца своего и объявил

победу, поставив на Немецких воротах хоругвь свою. Бояре, пришедши, пали к ногам его, прося милости и говоря: «Согрешили пред тобою, другого князя держали». Даниил отвечал: «Милость вы получили, так вперед опять того же не делайте, чтобы не было вам хуже».

Глава XIX

О втором татарском нашествии

В 1237 году пришли от восточной страны на Рязанскую землю, лесом, безбожные татары с царем Батыем и послали послов своих, женучародейку да два мужа с нею, к князьям рязанским, прося у них десятины со всего, с князей, и с людей, и с коней белых, вороных, бурых, рыжих и пегих. Князья рязанские отвечали им: «Если нас не будет всех, то все ваше будет». И послали рязанские князья к князю Юрию Владимирскому просить помощи; но князь Юрий сам не пошел и не послушал мольбы князей рязанских: он хотел один воевать особо. Тогда иноплеменники обступили город Рязань и огородили острогом; а князь рязанский затворился в городе с людьми. Татары взяли Рязань и пожгли всю, князя Юрия убили и с княгинею; мужей, жен и детей рассекали мечами, других расстреливали стрелами, иных в огонь бросали, остальных вязали; многие святые церкви огню предали, монастыри и села пожгли, имение немалое собрали и потом пошли на Коломну.

В ту же зиму пошел Всеволод, сын Юрьев, и князь Роман Ингварович с своею ратью из Владимира против татар; тогда же князь Юрий Владимирский послал Еремея Глебовича в сторожах воеводою, который присоединился также ко Всеволоду и Роману. Оступили их татары у Коломны и бились крепко; была сеча великая; убили князя Романа и воеводу Еремея, а Всеволод с малою дружиной прибежал во Владимир. Татары пошли к Москве, взяли ее, убили воеводу Филиппа Няньку и князя Владимира, сына Юрьева, руками взяли, людей перебили от старцев до младенцев и, взявши много имения, пошли прочь.

Князь Юрий выехал из Владимира, урядив вместо себя сыновей своих Всеволода и Мстислава; а сам с племянниками Васильком, Всеволодом и Владимиром Константиновичами поехал на Волгу и стал станом на реке Сити, поджидая к себе братьев князей Ярослава и Святослава с полками. Третьего февраля, татары, как саранча, обсели Владимир; владимирцы затворились в городе с князьями Всеволодом и

Мстиславом, а воеводою был у них Петр Ослядюкович. Татары подъехали к Золотым воротам, ведя с собою княжича Владимира Юрьевича, и начали спрашивать: «Великий князь Юрий в городе ли?» Владимирцы пустили по стреле на татар, те пустили также по стреле на город и на Золотые ворота и потом сказали владимирцам: «Не стреляйте!» Когда владимирцы перестали стрелять, татары подъехали поближе к воротам, показали гражданам Владимира и спросили: «Знаете ли своего княжича?» – потому что он был уныл лицом и изнемог от беды и нужды. Всеволод и Мстислав стояли на Золотых воротах и узнали брата своего Владимира. Князья, бояре и все граждане стали плакать, смотря на него. Всеволод и Мстислав сказали всей дружине и Петру воеводе: «Братья! лучше нам умереть пред Золотыми вратами за святую Богородицу и за правую веру, нежели быть в их воле».

Татары, урядив станы свои около города Владимира, сами пошли и взяли Суздаль, разграбили церковь Богородицы, двор княжеский огнем пожгли, а что людей старых и молодых, то все иссекли; был тогда трепет великий всюду. Множество полона свели татары в станы свои, а сами пришли ко Владимиру и начали леса и пороки^[31] ставить от утра до вечера, а на ночь огородили тыном около всего города. Князья, видя, что городу быть взяту, вошли в церковь св. Богородицы и постриглись в монахи от владыки Митрофана. Седьмого февраля, после заутрени, татары приступили к городу; они зашли от Золотых ворот у св. Спаса, и вошли по примету в город через стену, и взяли до обеда Новый город, и запалили его огнем. Князья Всеволод и Мстислав бежали в Печерный город; епископ Митрофан, княгиня Юрьева с дочерью, со снохами и со внучатами и прочие княгини, множество бояр и людей затворились в церкви св. Богородицы; татары отбили двери, наволочили лесов около церкви и в церковь и зажгли: все бывшие здесь люди задохлись от великого зноя, другие погибли в огне, иные от оружия; а св. церковь разграбили и чудную икону Богоматери одрали.

Оттуда пошли на великого князя Юрия; одни шли к Ростову, другие к Ярославлю, иные на Волгу и на Городец, и попленили все по Волге до самого Галича Владимирского; иные пошли к Переяславлю и взяли его; оттуда попленили всю страну и города: Юрьев, Дмитров, Волок, Тверь, до самого Торжка не было места, где бы не повоевали;

по всей стране Ростовской и Суздальской взяли четырнадцать городов, кроме слобод и погостов, в один февраль месяц.

Князь Юрий, узнав о взятии Владимира, послал Дорожа с 3000 человек проведать про врагов; Дорож прибежал и сказал: «Князь! уже татары нас обошли». Услыхав это, Юрий сел на коня, с братом своим Святославом, племянниками, мужами, и пошел против поганых. Князь начал ставить полки, и вот внезапно приспели татары на Сить; Юрий, отложив всю печаль, пошел к ним, обои полки соступились, была сеча злая, и наши побежали пред иноплеменниками; тут убит был великий князь Юрий Всеволодович на реке Сити, и воины его многие погибли.

А Василька Константиновича руками взяли и повели в станы свои с большою нуждою; дошедши до Шеренского леса, татары остановились и стали нудить Василька быть в их воле и воевать вместе с ними. Но он не повиновался их обычаю, не брал ни пищи их, ни питья и говорил против них так: «О глухое царство и скверное! не отлучить вам меня от христианской веры; если я теперь и в большой беде, то бог навел ее на меня за грехи мои; какой ответ дадите богу, что погубили столько душ без правды? За них бог будет мучить вас в бесконечные века». Они скрежетали на него зубами, желая насытиться его крови, и убили его в том лесу. Был князь Василько красив лицом, очами светел, взором грозен, необыкновенно храбр, на охоте отважен, сердцем легок, и кто служил ему, тот не мог забыть его до смерти.

От Шеренского леса пошли татары и оступили Торжок, бились пороками целые две недели, люди в городе изнемогли, из Новгорода не было им помощи, все были сами в недоумении и страхе; и так поганые взяли Торжок, перебили всех мужчин и женщин; отсюда погнали татары Селигерским путем до Игнатъего креста, посекая людей, как траву, только ста верст не дошли до Новгорода.

Отсюда воротился Батый и пришел к городу Козельску, где был молодой князь, именем Василий. Поганые сведали, что у людей в городе ум крепкодушевный, словами льстивыми нельзя взять города, жители Козельска решили не сдаваться Батю, говоря: «Хотя князь наш и молод, но положим живот свой за него, и, приняв здесь славу этого света, там примем от Христа бога венцы небесные». Татары разбили стены и взошли на вал, граждане резались с ними ножами; потом положили выйти на полки татарские и, вышедши из города, побиили четыре тысячи врагов, но и сами были все перебиты. Батый

взял наконец Козельск и истребил всех до грудных младенцев; а о князе Василие неизвестно; говорят, будто он утонул в крови, потому что был молод. С тех пор татары не смели называть этого города Козельском, но звали его злым городом, потому что они бились около него семь недель и потеряли троих сыновей темниковых; они искали их, но не нашли во множестве трупов.

Батый, взявши Козельск, пошел в землю Половецкую. Отсюда начал он посылать воевод своих на города русские: взят был город Переяславль копьем^[32], жители избиты. В то же время послал и на Чернигов: обступили город в силе тяжкой; князь Мстислав Глебович, услышав о нападении иноплеменных, пришел на них со всем войском своим, но был побежден; множество воинов его побито, город взят и запален огнем. Воевода татарский Меньчукан пришел осмотреть Киев и удивился красоте и величеству его; он прислал послов к князю Михаилу и к гражданам, желая прельстить их, но они его не послушали.

Михаил вслед за сыном побежал в Венгрию пред татарами; Ростислав Мстиславич Смоленский сел в Киеве; но Даниил Галицкий наехал на него, взял его в плен и город Киев поручил боярину Димитрию, чтобы тот защищал его от татар. Пришел Батый к Киеву в силе тяжкой, окружила город и остолпила сила татарская, и не было ничего слышно от скрипения телег, от рева верблюдов, от ржания коней; наполнилась земля Русская ратными. Батый поставил пороки подле ворот Лядских, пороки били беспрестанно день и ночь и выбили стены. Граждане взошли на остаток стены, и тутто было поглядеть лома копейного, стрелы омрачали свет; воевода Димитрий был ранен, татары взошли на стены; но граждане построили другой город, около церкви Богородичной. На другой день татары пришли на них, и была брань лютая; люди взбежали на церковь с имуществом своим, от тягости стены церковные повалились вместе с ними, и город был взят. Воеводу Димитрия вывели раненого и не убили за его мужество.

Услышав, что Даниил Галицкий в Венгрии, Батый пошел сам ко Владимиру, и, пришедши к городу Колодяжну, поставил 12 пороков, и не мог разбить стены, тогда он стал уговаривать граждан к сдаче; те прельстились его обещаниями, сдались и были перебиты; Батый взял и Владимир копьем, и Галич, и много иных городов без числа. Тогда Димитрий, киевский тысяцкий Даниилов, сказал Батыю: «Не мешкай в

этой земле, время уже тебе идти в Венгрию; если же будешь медлить здесь, то Венгрия земля сильная, соберутся там на тебя и не пустят в свою землю». Он говорил ему так для того, что видел, как земля Русская гибла от нечестивого. Батый послушал Дмитриева совета и пошел в Венгрию.

**Взгляд на историю установления
государственного порядка в России до
Петра Великого
Публичные лекции**

Чтение первое

Если к каждому частному человеку можно обратиться с вопросом: «Скажи нам, с кем ты знаком, и мы скажем тебе, кто ты таков», – то к целому народу можно обратиться со следующими словами: «Расскажи нам свою историю, и мы скажем тебе, кто ты таков». В настоящее время, когда у нас обнаружилась такая сильная потребность познать свое прошлое, познать, кто мы таковы, я не решился занять ваше внимание изложением событий внешней отечественной истории, но счел более приличным представить в сжатом очерке важнейшую сторону нашей внутренней истории, именно постепенное установление государственного порядка, или, как выражались наши предки, наряда в Русской земле.

Где, при каких природных влияниях действовал народ и с какими чужими народами и государствами изначала и преимущественно должен был иметь дело – вот первые вопросы в истории каждого народа.

Задолго до начала нашего летосчисления знаменитый грек, которого зовут отцом истории, посетил нынешнюю Южную Россию: верным взглядом взглянул он на нашу страну, на племена, в ней живущие, и записал в своей бессмертной книге, что племена эти ведут образ жизни, какой указала им природа страны. Прошло много веков, несколько раз племена сменились одни другими, образовалось могущественное государство; но явление, замеченное Геродотом, остается попрежнему в силе: ход событий постоянно подчиняется природным условиям.

Перед нами обширная равнина: на огромном расстоянии от Белого моря до Черного и от Балтийского до Каспийского путешественник не встретит никаких скольконибудь значительных возвышений, не заметит резких переходов. Однообразие природных форм ослабляет областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям; однообразие занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов, обычаев и верований исключает враждебные столкновения; одинакие потребности указывают одинакие средства к их удовлетворению, – и равнина, как

бы ни была обширна, как бы ни было вначале разноплеменно ее население, рано или поздно станет областью одного государства: отсюда понятна обширность русской государственной области, однообразии частей и крепкая связь между ними.

Однообразна природа великой восточной равнины, не поразит она путешественника чудесами; одно только поразило в ней наблюдательного Геродота. «В Скифии, – говорит он, – нет ничего удивительного, кроме рек, ее орошающих: они велики и многочисленны». В самом деле, обширному пространству древней Скифии соответствуют исполинские системы рек, которые почти переплетаются между собою и составляют таким образом по всей стране водную сеть, из которой народонаселению трудно было высвободиться для особой жизни. Как везде, так и у нас, реки служили проводницами первому народонаселению, по ним сели племена, на них явились первые города; так как самые большие из них текут на восток или юговосток, то этим условилось и преимущественное распространение русской государственной области в означенную сторону; реки много содействовали единству народному и государственному, и при всем том особые речные системы определяли вначале особые системы областей, княжеств. Так, по четырем главным речным системам Русская земля разделялась в древности на четыре главные части: первую составляла озерная область Новгородская, вторую – область Западной Двины, т. е. область Кривокая, или Полоцкая, третью – область Днепра, т. е. область древней собственной Руси, четвертую – область Верхней Волги, область Ростовская.

Великая равнина открыта на юговосток, соприкасается непосредственно с степями Средней Азии: толпы кочевых народов с незапамятных пор проходят в широкие ворота между Уральским хребтом и Каспийским морем и занимают привольные для них страны в низовьях Волги, Дона и Днепра; древняя история видит их здесь постоянно господствующими. Как на ясной памяти истории в нынешней Южной России господство одного кочевого народа сменялось господством другого, жившего далее на восток, так и в древние времена господство скифов сменилось господством сарматов; но от этой перемены история столь же мало выиграла, как от смены печенегов половцами; переменялись имена, отношения остались прежние, потому что быт народов, сменявших друг друга, был

одинакий. Ясное понятие об этом быте, противоположности его с бытом исторических народов может дать нам предание о походе персидского царя Дария Гистаспа в Скифию. Скифы не встретили полчищ персидских; но стали удаляться в глубь страны, засыпая на пути колодцы, источники, истребляя всякое произрастание; персы начали кружить за ними. Утомленный бесплодною погонею, Дарий наконец послал сказать скифскому царю: «Станный человек! Зачем ты бежишь все дальше и дальше? Если чувствуешь себя в силах сопротивляться мне, то стой и бейся; если же нет, то остановись, поднеси своему повелителю в дар землю и воду и вступи с ним в разговор». Скиф отвечал: «Никогда еще ни перед одним человеком не бегал я из страха; не побегу и перед тобою: что делаю я теперь, то привык делать и во время мира; а почему не бьюсь с тобою, тому вот причины: у нас нет ни городов, ни хлебных полей, и потому нам нечего биться с вами из страха, что вы их завоюете или истребите. Но у нас есть отцовские могилы; попробуйте их разорить, так узнаете, будем ли мы с вами биться или нет». Одни кости мертвецов привязывали скифа к стране, и ничего, кроме могил, не оставил он в историческое наследие племенам грядущим.

У берегов Понта, при устьях больших рек греческие города построили свои колонии для выгодной торговли с варварами. Можно видеть любопытную картину быта греческих колонистов в рассказе Диона Хризостома, который в одной из колоний, именно в Ольвии, искал убежище от преследований Домициана. Когда жители Ольвии увидели заморского оратора, то с греческою жадностию бросились послушать его речей: старики, начальники уселись на ступенях Юпитерова храма, толпа стояла с напряженным вниманием. Дион восхищался античным видом своих слушателей, которые все, подобно грекам Гомера, были с длинными волосами и длинными бородами; но все они были также вооружены: накануне толпа варваров показалась перед городом; и в то время, когда Дион произносил свою речь, городские ворота были заперты и на укреплениях развевалось военное знамя; когда же нужно было выступить против варваров, то в рядах колонистов раздавались стихи «Илиады», которую почти все ольвиополиты знали наизусть. Быть может, спросят: не производили ли эти греческие колонии, хотя медленного, но заметного в истории влияния на быт окружающих варваров? Известия древних показывают

между скифами людей царского происхождения, обольщенных красотой греческих женщин и прелестями греческой цивилизации: они строят себе великолепные мраморные дворцы в колониях, даже ездят учиться в Грецию, но гибнут от рук единокровцев своих как отступники отеческого обычая. Вторжение персов в Скифию не произвело ничего, кроме ускоренного движения ее обитателей; попытки Митридата возбудить восток, мир варваров против Рима остались также тщетными. Движения из Азии не могли возбудить исторической жизни в странах Понтийских. Но вот слышится предание о противоположном движении, с запада, из Европы, о движении племен, давших стране историю, племен славянских.

Славянское племя не помнит о своем приходе из Азии, о вожде, который вывел его оттуда; но оно сохранило предание о своем первоначальном пребывании на берегах Дуная, о движении оттуда на север и потом о вторичном движении на север и восток вследствие натиска от какого-то сильного врага. Это предание заключает в себе факт, не подлежащий сомнению: древнее пребывание славян в придунайских странах оставило ясные следы в местных названиях; сильных врагов у славян на Дунае было много: с запада – кельты, с севера – германцы, с юга – римляне, с востока – азиатские орды; только на северовосток открыт был свободный путь, только на северовостоке славянское племя могло найти себе убежище, где, хотя не без сильных препятствий, успело основать государство и укрепить его в уединении, вдалеке от сильных влияний и натисков запада, до тех пор, пока оно, собравши силы, могло уже без опасения за свою независимость выступить на поприще и обнаружить, со своей стороны, влияние и на восток, и на запад.

Краткие, но ясные указания на быт славян впервые встречаем у Тацита: сравнивая славян с народами европейскими и азиатскими, оседлыми и кочевыми, среди которых они жили, Тацит говорит, что их должно отнести к первым, потому что они строят дома, носят щиты и сражаются пехотой; все это, продолжает Тацит, совершенно отлично от сарматов, живущих в кибитке и на лошади. Таким образом, первое достоверное известие о быте славян представляет их нам народом оседлым, резко отличным от кочевников; в первый раз славянин выводится на историческую сцену в виде европейского воина, пехоты и со щитом. Такою племя явилось в областях нынешней России и

расселилось на огромных пространствах, преимущественно по берегам больших рек. Славяне жили особыми родами. «Каждый жил с родом своим, на своем месте и владел родом своим», – говорит наш древний летописец. Когда умирал князь, старшина, глава рода, то место его заступал старший сын, который был для младших братьев вместо отца; по смерти последнего старшиною рода становился следующий за ним брат и так далее; всегда старший в целом роде; таким образом, старшинство не переходило от отца прямо к сыну, не было исключительным достоянием одной линии, но каждый член рода имел право, в свою очередь, получить его. Легко понять, что при таком порядке вещей тишина и согласие внутри родов не могли долго сохраняться. Связь между членами общества была только чисто родовая и слабела тем более, отношения становились тем неопределеннее, чем в отдаленнейших степенях родства находился старшина к остальным членам рода; чем более размножались и расходились родовые линии, тем запутаннее и спорнее становились права на старшинство: отсюда необходимо проистекали несогласия, усобицы; при столкновениях отдельных родов дела также с трудом могли решаться миролюбиво, потому что каждый род, старшина каждого рода должен был блюсти честь и выгоды последнего и не уступать другим: отсюда необходимо также восстание рода на род, о чем свидетельствует летописец. Чтоб восстановить согласие, единство, наряд между родами единственным средством было отдать решение родовых споров судье беспристрастному, признать князя нарядника из чужа, из чужого рода: так и сделали несколько северных племен – славянских и финских, чем и положили начало Русскому государству в половине IX века.

Прежде нежели обратиться к следствиям этого великого события, бросим взгляд на состояние других европейских народов в означенное время. В других странах Европы в половине IX века происходили явления также великой важности. Знаменитая роль франкского племени и вождей его кончилась в начале IX века, когда оружием Карла Великого политические идеи Рима и римская Церковь покорили себе окончательно варварский мир и вождь франков был провозглашен императором римским. Духовное единство Западной Европы было скреплено окончательно, с помощью Рима; теперь выступало на сцену другое, новое начало, принесенное варварами, германцами на почву

империи, теперь начинается материальное распадение Карловой монархии, начинают выработываться отдельные государства, члены западноевропейских конфедераций; IX век был веком образования государств как для Восточной, так и для Западной Европы, веком великих исторических определений, которые действуют во все продолжение новой европейской истории, действуют до сих пор. В то время, когда на западе совершается трудный, болезненный процесс разложения Карловой монархии и образования новых государств, новых национальностей, Скандинавия, эта старинная колыбель народов, высылает многочисленные толпы своих пиратов, которым нет места на родной земле; но континент уже занят, скандинавам нет более возможности двигаться к югу сухим путем, как двигались их предшественники, им открыто только море, они должны довольствоваться грабежами, опустошением морских и речных берегов. В Византии происходит также важное явление: богословские споры, волновавшие ее до сих пор, прекращаются; в 842 году, в год восшествия на престол императора Михаила, с которого наш летописец начинает свое летосчисление, созван был последний, седьмой вселенский собор для окончательного утверждения догмата, как будто бы для того, чтоб этот окончательно установленный догмат передать славянским народам, среди которых в то же самое время начинает распространяться христианство; тогда же, в помощь этому распространению, является перевод священного писания на славянский язык, благодаря святой ревности Кирилла и Мефодия.

По следам знаменитых братьев обратимся к нашим западным и южным соплеменникам, судьбы которых должны обратить на себя наше особенное внимание. По своему положению западные славяне должны были с самого начала войти во враждебные столкновения с германцами, сперва с турингами, а потом с франками. У последних Каролинги сменили Меровингов. Германские племена соединились в одну массу; дух единства, принятый германскими вождями на старинной почве Римской империи, не переставал одушевлять их, руководить их поступками; потомок Геристаля принял титул римского императора; располагая силами Западной Европы, Карл Великий двинулся на Восточную с проповедью римских начал, единства политического и религиозного. Что же могла противопоставить ему Восточная Европа? Народы, жившие в простоте первоначального

быта, разрозненные и враждебные друг другу. Легко было предвидеть, что новый Цезарь получит такие же успехи над младенствующими народами Восточной Европы, какие старый Цезарь получил некогда при покорении варварского народонаселения Европы Западной. По смерти Карла Великого преемники его уже не могли с таким постоянством и силою действовать против славян, и между последними видим стремление к самостоятельности, чем особенно отличаются князья моравские. Но эти князья должны были понимать, что для независимого состояния славянского государства прежде всего была необходима независимая славянская церковь; что с немецким духовенством нельзя было думать о народной и государственной независимости славян; что с латинским богослужением христианство не могло принести пользы народу, который понимал новую веру только с внешней, обрядовой стороны и, разумеется, не мог не чуждаться ее. Вот почему князья моравские должны были обратиться к Византийскому двору, который мог прислать в Моравию славянских проповедников, учивших на славянском языке, могших устроить славянское богослужение и основать независимую славянскую церковь; близкий и недавний пример Болгарии должен был указать моравским князьям на этот путь. Со стороны Византии нечего было опасаться притязаний, подобно германским; она была слишком слаба для этого, и вот из Моравии отправляется в Константинополь посольство с просьбою о славянских учителях; просьба исполнена: знаменитые братья Кирилл и Мефодий распространяют славянское богослужение в Моравии и Паннонии.

Но не западным славянам суждено было основать среди себя независимую славянскую церковь: в последние десятилетия IX века на границах славянского мира явились венгры. Политика дворов – византийского и немецкого – с самого начала обратила этот народ в орудие против славян, греки обратили их против болгар, немцы – против моравской державы. К несчастью для последней, в 894 году умер знаменитый князь ее Святополк, в то время, когда западным славянам нужно было сосредоточить все свои силы для отпора двум могущественным врагам – немцам и венграм; моравские владения разделились на части между сыновьями Святополка; вражда последних погубила страну, которая стала добычею венгров. Разрушение Моравской державы и основание Венгерского государства

в Паннонии имели важные следствия для славянского мира, славяне южные были отделены от северных; уничтожено было центральное владение, которое начало было соединять их, где произошло столкновение, загорелась сильная борьба между Востоком и Западом, между германским и славянским племенем, где, с помощью Византии, основалась славянская церковь; теперь Моравия пала, и связь славян с югом, с Грециею рушилась; венгры стали между ними. Славянская церковь не могла утвердиться еще, как была постигнута бурей, отторгнута от Византии, которая одна могла дать ей питание и укрепление. Таким образом, с уничтожением самой крепкой связи с Востоком западные славяне должны были по необходимости примкнуть к западному римскогерманскому миру и в церковном и в политическом отношении. Самостоятельное славянское государство могло образоваться и окрепнуть только на отдаленном востоке, куда не достигали западные влияния, ни материальные, ни духовные. К судьбе этого государства мы теперь и обратимся.

Мы видели, как среди северных племен явился князь, призванный для установления наряда в земле, взволнованной родовыми усобицами. Установление наряда среди племен, сосредоточение их около одного правительственного начала, дало им силу; этою силою северных объединенных племен князь пользуется для того, чтоб подчинить себе, сосредоточить под своею властью и остальные племена, обитавшие в нынешней Средней и Южной России. Теперь предстоит нам вопрос: в каких же отношениях нашелся князь к племенам, призвавшим его и к подчинившимся впоследствии? Для решения этого вопроса должно обратиться к понятиям племен, призвавших власть. Летописец прямо дает знать, что несколько отдельных родов, поселившись вместе, не имели возможности жить общею жизнью вследствие усобиц; нужно было постороннее начало, которое условило бы возможность связи между ними, возможность жить вместе; племена знали по опыту, что мир, наряд, возможен только тогда, когда все живущие вместе составляют один род, с одним общим родоначальником; и вот они хотят восстановить это прежнее единство, хотят, чтоб все роды соединились под одним общим старшиною, князем, который ко всем родам был бы одинаков, чего можно было достичь только тогда, когда этот старшина, князь, не принадлежал ни к одному роду, был из чужого рода. Они призвали князя, не имея

возможности с этим племенем соединять какоелибо другое новое значение, кроме значения родоначальника, старшего в роде.

Из этого значения князя уяснится нам круг его власти, его отношения к призвавшим племенам. Князь должен был княжить и владеть по буквальному смыслу летописи; он думал и гадал о своем владении, как старшина о своем роде, думал о строе земском, о ратях, об уставе земском; вождь на войне, он был судьей во время мира; он наказывал преступников; его двор – место суда, его слуги – исполнители судебных приговоров; всякая перемена, всякий новый устав проистекал от него. Но если круг власти призванного князя был такой же, какой был круг власти прежнего родоначальника, то в первое время на отношениях князя к племенам отражалась еще вся неопределенность прежних родовых отношений, которой следствия и постепенное исчезновение мы увидим после; теперь же мы должны обратиться к вопросу первой важности, а именно: что стало с прежними родоначальниками, прежними старшинами, князьями племен? Удержали ли они прежнее значение относительно своих родов и, окружив нового князя из чужого рода, составили высшее сословие, боярство с важным земским значением, с могущественным влиянием на остальное народонаселение? Соединение многих родов в одно тело, с одним общим князем во главе, необходимо должно было поколебать значение прежних старшин, родоначальников; прежняя тесная связь всех родичей под властью одного старшины не была уже теперь более необходима в присутствии другой высшей, общей, власти. Само собою разумеется, что это понижение власти прежних родоначальников происходило постепенно; мы еще видим некоторое время старцев, участвующих в советах князя, прежде нежели явились всеобщие советы или веча; но общественная жизнь, получая все большее и большее развитие, условливала распадение родов на отдельные семьи, причем прежнее представительное значение старшин в целом роде должно было малопомалу исчезать.

Те исследователи, которые предполагают долговременное существование прежних славянских князей или родоначальников, и те, которые предполагают переход этих старшин в бояр с земским значением, забывают, что родовой быт славянских племен сохранился при своих первоначальных формах, не переходя в быт кланов, где старшинство было уже наследственно в одной линии, переходило от

отца к сыну; тогда как у наших славян князь долженствовал быть старшим в целом роде, все линии рода были равны относительно старшинства, каждый член каждой линии мог быть старшим в целом роде, смотря по своему физическому старшинству; следовательно, одна какаянибудь линия не могла выдвинуться вперед пред другими, как скоро родовая связь между ними рушилась; никогда линия не могла получить большего значения по своему богатству, потому что при родовой связи имение было общее; как же скоро эта связь рушилась, то имущество разделялось поровну между равными в правах своих линиями; ясно, следовательно, что боярские роды не могли произойти от прежних славянских старшин, родоначальников, по ненаследственности этого значения в одной линии. Из этого ясно видно, что бояре наших первых князей не происходили от старинных родоначальников, но имели происхождение дружинное.

Таково было значение князя, таковы были отношения его к подчиненному народонаселению. Само собою разумеется, что эти отношения устанавливались не вдруг, но постепенно, у одних племен прежде, у других после: прежде у племен, участвовавших в призвании князя, после у племен, подчинившихся позднее преемникам Рюрика и более отдаленных от главного места действия, т. е. от водного пути между Новгородом и Киевом. Не вдруг, но малопомалу обнаруживались и перемены в быту племен вследствие подчинения их одной общей власти: дань, за которую сам князь ходил, была первоначальным видом этого подчинения, связи с другими соподчиненными племенами. Но при таком виде подчиненности сознание об этой связи, разумеется, было еще очень слабо. Гораздо важнее для общей связи племен и для скрепления связи каждого племени с общим средоточием была обязанность, вследствие которой сами племена должны были доставлять дань в определенное князем место, потому что с этим участие племен в общей жизни принимало более деятельный характер. Но еще более способствовала сознанию о единстве та обязанность племен, по которой они должны были участвовать в походах княжеских на другие племена, на чужие народы: здесь члены различных племен, находившихся до того времени в весьма слабом соприкосновении друг с другом, участвовали в одной общей деятельности, составляли одну дружину под знаменами русского князя; здесь наглядным образом приобретали они понятие о

своим единстве и, возвратясь домой, передавали это понятие своим родичам, рассказывая им о том, что они сделали вместе с другими племенами под предводительством русского князя. Наконец, выходу племен из особого, родового быта, сосредоточению каждого из них около известных центров и более крепкой связи всех их с единым, общим для всей земли средоточием способствовало построение городов князьями, умножение народонаселения, перевод его с севера на юг.

Мы коснулись непосредственного влияния княжеской власти на образование юного общества; но это влияние сильно обнаружилось еще посредством дружины, явившейся вместе с князьями. С самого начала мы видим около князя людей, которые сопровождают его на войну, во время мира составляют его совет, исполняют его приказания, в виде посадников заступают его место в областях. Эти приближенные к князю люди, эта дружина княжеская могущественно действует на образование нового общества тем, что вносит в среду его новое начало, сословное, в противоположность прежнему родовому. Является общество, члены которого связаны между собою не родовой связью, но товариществом; дружина, пришедшая с первыми князьями, состоит преимущественно из варягов, но в нее открыт доступ храбрым людям из всех стран и народов, преимущественно, разумеется, по самой близости, туземцам; с появлением дружины среди славянских племен для их членов открылся свободный и почетный выход из родового быта в быт, основанный на других, новых началах; они получили возможность развивать свои силы, обнаруживать свои личные достоинства, получали возможность личную доблесть приобретать значение, тогда как в роде значение давалось известною степенью по родовой лестнице; в дружине члены родов получали возможность ценить себя и других по степени личной доблести, по степени той пользы, какую они доставляли князю и земле; с появлением дружины должно было явиться понятие о лучших, храбрейших людях, которые выделались из толпы людей темных, неизвестных, черных; явилось новое жизненное начало, средство к возбуждению сил в народе и к выходу их; темный, безразличный мир был встревожен, начали обозначаться формы, отдельные образы, разграничительные линии.

Обозначив влияние дружины вообще, мы должны обратиться к вопросу, в каком отношении находилась она к князю и земле. Для легчайшего решения этого вопроса сравним отношения дружины к князю и земле в Западной Европе и те же самые отношения у нас на Руси. На Западе около доблестного вождя собиралась толпа отважных людей с целью завоевания какойнибудь страны, приобретения земель во владение. Здесь вождь зависел более от дружины, чем дружина от него; дружина не находилась к вождю в служебных отношениях; вождь был только первый между равными: «Мы избираем тебя в вожди, – говорила ему дружина, – и куда поведет тебя твоя судьба, туда пойдем и мы за тобою; но что будет приобретено общими нашими силами, то должно быть разделено между всеми нами, смотря по достоинству каждого». И действительно, когда дружина овладевала какоюнибудь страной, то каждый член варварского ополчения приобретал участок земли и нужное количество рабов для его обработки. Но подобные отношения могли ли иметь место у нас на Руси с призванием князей? Мы видели, что князь был призван северными племенами как *нарядник* земли; в значении князя этих племен, в значении князя известной страны он расширяет свои владения; около него видим дружину, которая постоянно наполняется новыми членами, пришлецами и туземцами, но ясно, что эти дружинники не могут иметь значения дружинников западных: они не могли явиться для того, чтоб делить землю, ими не завоеванную, они могли явиться только для того, чтоб служить князю известных племен, известной страны. С другой стороны, если князь с дружиною покорил новые племена, то это покорение было особого рода: во-первых, князь покорял их не с одною дружиною, но соединенными силами всех прежде подчинившихся племен; во-вторых, покоренные племена были рассеяны на огромном пустынном пространстве; на них налагалась дань – и только; но их не делили между членами дружины. Земли было много у русского князя; он мог, если хотел, раздавать ее своим дружинникам; но дело в том, выгодно ли было дружинникам брать ее без народонаселения; им гораздо выгоднее было оставаться при князе, ходить с ним за добычею на войну к народам еще не покоренным, за данью к племенам подчиненным, продавать эту дань чужим народам, одним словом, получать от князя содержание непосредственно.

Замечено было, что князя принимали в свою дружину всякого витязя, из какого бы народа он ни был; каждый пришлец получал место смотря по своей известности; в древних песнях наших читаем, что князь встречал неизвестных витязей следующими словами:

Гой вы еси, добры молодцы! Скажитесь, как вас по имени зовут:
А по имени вам мочно место дать, По изочеству можно пожаловати.

Так было везде, так было и у нас. В скандинавских сагах читаем, что при Владимире княгиня, жена его, имела такую же многочисленную дружину, как и сам князь; муж и жена соперничали, у кого будет больше знаменитых витязей; если являлся храбрый пришлец, то каждый из них старался привлечь его в свою дружину. Подтверждение этому известию находим также в наших старинных песнях: так Владимир, посылая богатыря на подвиг, обращается к нему со следующими словами:

Гой еси, Иван Годинович! Возьми ты у меня князя сто человек
Русских могучих богатырей, У княгини ты бери другое сто.

Чем знаменитее был князь, тем храбрее и многочисленнее были его сподвижники; каков был князь, такова была и дружина: дружина Игоревы говорила: «Кто с морем советен» – и шла домой без боя; сподвижники Святослава были все похожи на него: «Где ляжет твоя голова, там и все мы головы свои сложим», – говорили они ему, потому что оставить поле битвы, потерявши князя, считалось страшным позором для доброго дружинника; и хороший вождь считал постыдным покинуть войско в опасности: так, Святослав не принял вызова Цимисхиева на поединок, конечно, не из трусости, но из того, чтоб не отделиться от дружины, не покинуть ее на жертву врагам в случае своей смерти; так, во время похода Владимира Ярославича на греков тысяцкий Вышата сошел на берег к брошенным бурей воинам и сказал: «Если буду жив, то с ними; если погибну, то с дружиною». Было уже замечено, что дружина получала содержание от князя – пищу, одежду, коней и оружие; дружина говорит Игорю: «Отроки Свенельдовы богаты оружием и платьем, а мы босы и наги; пойдем с нами в дань». Хороший князь не жалел ничего для дружины; он знал, что с многочисленными и храбрыми сподвижниками мог всегда приобрести богатую добычу; так говорил Владимир и давал частые, обильные пиры дружине; так, о сыне его Мстиславе говорится, что он очень любил дружину, имения не щадил, в питье и пище ей не

отказывал. При такой жизни вместе, в братском кружку, когда князь не жалел ничего для дружины, ясно, что он не скрывал от нее своих дум, что члены дружины были главными его советниками во всех делах; так, о Владимире говорится, что он любил дружину и думал с нею о строе земском, о ратях, об уставе земском. Святослав не хочет принимать христианства, потому что дружина станет смеяться. Бояре вместе с городскими старцами решают, что должно принести человеческую жертву; Владимир созывает бояр и старцев советоваться о перемене веры.

Кроме дружины, войско составляли особые полки, избиравшиеся из народонаселения городского и сельского, к состоянию которого теперь и обратимся. Прежние города славянских племен были не иное что, как огороженные села, жители которых занимались земледелием. Это занятие всего более способствует сохранению родового быта: по смерти общего родоначальника сыновьям его и внукам выгодно поддерживать родовую связь, чтоб соединенными силами обрабатывать землю. Как же скоро среди народонаселения являются другие промыслы, мена, торговля, как скоро для членов рода является возможность избирать то или другое занятие по своим склонностям, является возможность посредством собственной самостоятельной деятельности приобрести более других членов рода, то с тем вместе необходимо должно являться стремление выделиться из рода для самостоятельной жизни, самостоятельной деятельности. Различие занятий и мена условливались тем, что среди городов явился новый элемент народонаселения – воинские отряды, дружины князей; в некоторых городах поселились князья, в других – мужи княжие с воинскими отрядами; этот приплыв народонаселения с средствами к жизни, но не промышленного само по себе необходимо должен был породить торговлю и промышленность, которые, в свою очередь, должны были действовать на ослабление прежнего родового быта. Ослаблению родового быта в новых городах, построенных князьями, содействовало и то, что эти города обыкновенно наполнялись народонаселением, собранным из разных мест, преимущественно с севера; переселенцы эти были вообще доступнее для принятия новых форм быта, новых условий общественной жизни, чем живущее рассеянно, отдельными родами сельское народонаселение; в городах

сталкивались чужеродцы, для которых необходимы были новые правительственные отношения, новая гражданская связь.

Наконец, ослаблению и падению родового быта в городах должно было много содействовать новое военное деление на десятки и сотни, над которыми поставлялись независимые от родовых старшин начальники – десятские, сотские; что эти начальники сохраняли свое влияние и во время мира, доказательством служит важное влияние, гражданское значение тысяцкого: эти новые формы соединения, новые чисто гражданские отношения необходимо должны были наносить удар старым формам быта. Появление города пробуждало жизнь и в ближайшем к нему сельском народонаселении: в городе образовывался правительственный центр, к которому должно было тянуть окружное сельское народонаселение; сельчане, которые прежде раз в год входили в сношения с княжескою властью при платеже дани, теперь входили в сношения с нею гораздо чаще, потому что в ближайшем городе сидел муж княж, посадник; потом, как скоро городское народонаселение получило другой характер, чем прежде, то между ним и сельским народонаселением необходимо должна была возникнуть торговля, вследствие различия занятий. С другой стороны, подле городов начали появляться села с народонаселением особого рода; князья, их дружинники и вообще горожане стали выводить деревни, населяя их рабами, купленными или взятыми в плен, также наемными работниками. Так, посредством городов, этих правительственных колоний, наносился удар родовой особности, в какой прежде жили племена, и вместо племенных названий встречаем уже областные, заимствованные от главных городов. Так были положены основы русскому обществу; таковы были перемены, произведенные новыми началами в быте восточных племен славянских. Но легко заметить, что в начертанной картине образования юного русского общества чего-то недостает, и недостает самого главного, недостает духовного начала. Как в дивном видении ветхозаветного пророка мы видим, что кости складываются с костями, связываются жилами, облекаются плотию, — но духа еще нет в новом теле: этот дух принесен был христианством.

Чтение второе

В прошедшую беседу мы видели, как положены были основы русского общества, мы видели, как сложились его части; но мы заметили, что не было еще духовного начала, которое бы дало этим частям духовную связь, духовное единство: это духовное начало явилось вместе с христианством, принесенным в Россию из Византии. Прежде нежели приступим к рассказу о принятии христианства, его распространении и влиянии на новорожденное общество, считаем нужным сказать несколько слов о том князе, которому суждено было сделаться просветителем русского народа. Мы видели, какими способами и путями начало, призванное для установления наряда, исполнило свое назначение в первое время существования русского общества; мы видели, как правительственное начало собирало племена, рассеянные на безмерном пространстве, сосредоточивало их около правительственных центров – около городов; каким образом переводило оно народонаселение из быта племенного в быт областной. С другой стороны, правительственное начало должно было стоять на стороне Русской земли, должно было постоянно защищать это юное общество, эти первые основы общества от непрестанных вторжений степных варваров, – потому что русское государство, передовое государство европейское, основалось на границе степей, на границах Европы с Азией. Из князей, которые всего более старались об этом внутреннем наряде, предание выставляет нам два лица, соединенные в нем одним именем, одним прозванием, одинаковым характером деятельности, хотя эти два лица и разных полов: это князь Олег, второй по призванию, и княгиня Ольга, жена Игоря, третьего князя. Предание выставляет одинаковую деятельность этих двух лиц относительно устройства наряда в земле, указывая, как эти лица старались определить отношения племен к главному центру, к сосредоточивающему началу, как, собирая эти племена, населяли пустынные страны, строили города. Мы сказали, что предание дает обоим этим лицам одно прозвание – мудрых: мы знаем, кого обыкновенно народное предание называет мудрыми, кому приписывает это свойство – оно приписывается тем

правительственным лицам, которые преимущественно заботятся о внутреннем наряде, о внутреннем благосостоянии общества.

Иначе рассказывает предание о сыне Ольги: Святослав в предании выставляется героем, вождем дружины по преимуществу, но не нарядником; в предании сохранилась жалоба, что он оставил родную страну для чужой, заботился о чужой стороне, а между тем родную землю без него едва было не взяли печенеги. С другим характером является сын Святослава – Владимир. Это лицо есть любимый герой Древней Руси. Конечно, его великое значение как апостола, просветителя Русской земли, дает ему право быть главным героем древней русской истории. Неудивительно потому в народных поэтических сказаниях видеть это лицо совопросником царя Давида, вместе с ним решающим важный вопрос о начале и конце мира. Но с Владимиром соединены еще другие предания, которые не могут быть объяснены одним его религиозным значением: к княжению Владимира относится цикл богатырских наших песен и сказаний. Витязи-богатыри, главные герои этих преданий, суть сподвижники, дружинники Владимира; Владимир тот князь, который распоряжается их подвигами.

Отчего же в этих сказаниях о геройских подвигах богатырей играет главную роль Владимир, а не отец его Святослав, герой по преимуществу? Если мы обратимся к летописи, то она точно укажет нам, что Владимир совершил много походов, преимущественно с той целью, чтобы скрепить окончательно между племенами связь, ослабевшую во время удаления отца его в Болгарию и во время междоусобий братьев. Но преимущественная деятельность Владимира состояла в том, что он отражал степных варваров, сдерживал их стремления против новорожденного общества; около Киева, около центра русского общества в то время, с целью защиты от нападений варваров построил ряд городов; все его княжение проходит большею частью в битвах с варварами. Здесь, в этих битвах, идет дело о самых главных интересах общества, народа, здесь совершается борьба за имущество, свободу, жизнь. Неудивительно после этого, что подвиги Святослава не могли служить содержанием народных песен и сказаний: они были совершаемы вдали от родной страны и не для родной страны; тогда как подвиги Владимира были совершаемы в виду всей Русской земли и с целью ее защиты от степных варваров; вот

почему благодарный народ так удержал в своей памяти подвиги Владимира и сделал его героем целого цикла богатырских преданий, а между тем сам Владимир не был богатырь из богатырей, как был отец его Святослав. Но Владимир, кроме этого, заслужил еще народную добрую память другими чертами своего характера: из сличения всех преданий, записанных в летописи и существующих в народных сказаниях, мы видим, что этот князь имел широкую, любящую душу и потому не любил жить одиноко, но любил жить с другими вместе; а известно, как это качество способно приобретать любовь народа и добрую память.

Таков был князь, которому суждено было быть апостолом России. Знакомство с христианством начинается очень рано в нашем отечестве вследствие ранних походов русских князей и племен на Константинополь: уже во время похода Игоря, третьего русского князя, летопись говорит о христианах, бывших в его войске, и о церкви христианской, находившейся в Киеве. Раннее распространение и усиление христианства в Руси доказывается и тем, что после Игоря жена его Ольга, управлявшая делами нового общества за малолетством сына своего Святослава, принимает христианство: это явление было и следствием распространения христианства, и причиной дальнейшего его распространения. Но когда христианство начало усиливаться на Руси, в тогдашнем центре ее – Киеве, как скоро оно обратило на себя внимание, тогда необходимо было ожидать враждебного столкновения его с древней языческой религией. Когда Ольга увещевала сына своего принять христианство, он отказался: в характере Святослава лежало неодолимое препятствие к тому. Но, как сказано, самый пример Ольги должен был способствовать к усилению христианства, а вместе с успехами последнего должно было возникнуть и сопротивление со стороны язычества; это сопротивление обозначается в летописи тем, что христиан, хотя не притесняли, но смеялись над ними; борьба, таким образом, начиналась насмешками. Есть некоторые известия, что в конце княжения Святослава эта борьба приняла уже другой характер – насмешки превратились в притеснения: но Святослав, преследуя христианство (если верить этим известиям), оставил, однако, по своему удалении малолетних сыновей своих при бабке их христианке, и есть также известие, что старший сын его Ярополк был приведен к

христианству, хотя явно и не принимал его из страха пред сильной языческой стороною.

Есть еще, далее, известие, что Владимир, князь новгородский, в борьбе с Ярополком был обязан успехом своим стараниям языческой стороны, которая не хотела Ярополка, но хотела князя вполне язычника. Верность этого известия подтверждается тем, что как скоро Владимир осилил брата и занял Киев, тогда мы видим язычество в полном разгаре. Никогда еще, по свидетельству летописи, язычество не выказывалось так резко на Руси, как в начале княжения Владимира, никогда не было приносимо так много жертв, требовались даже человеческие жертвы. Владимир, обязанный торжеством своим языческой стороне, спешит удовлетворить ей, спешит украсить язычество и языческий быт: он ставит изукрашенных идолов: приносит им частые жертвы. Но в самом этом торжестве язычества, в этом старании поднять, украсить его, в этом самом мы видим уже признак его скорого падения: стараясь поднять язычество, стараясь украсить его, Владимир и те, которые содействовали ему в этом, истощали все средства язычества и тем резче обнаруживали всю его ничтожность, всю его несостоятельность пред другими религиями, особенно пред христианской. Что бывает иногда в жизни честных людей, то же замечается и в жизни целых обществ: мы видим иногда, что самые ревностные поклонники какого-нибудь начала, оставляя прежний предмет своего поклонения, вдруг переходят на другую сторону и действуют с удвоенною ревностию в ее пользу, — это значит, что они в своем сознании истощили все средства своего прежнего поклонения. У нас на Руси, в Киеве, в малых размерах случилось то же самое, что некогда имело место в Риме при императоре Юлиане, его ревность всего более способствовала падению язычества; он истощил все средства, которые могло дать язычество для умственной и нравственной жизни общества, и тем показал его ничтожность и несостоятельность пред христианством: так и наше языческое общество при Владимире, истощив все средства язычества, приготовило тем самым торжество христианства.

Под 983 годом летописец помещает следующий любопытный рассказ: пришел Владимир из похода против ятвягов, начали приносить жертвы кумирам; собралась толпа и потребовала человеческой жертвы; кинули жребий — жребий пал на одного из

варягов, который исповедовал христианскую веру вместе с отцом своим, принесшим ее из Константинополя; толпа послала сказать старику, чтобы он отдал сына своего на жертву богам; варяг отвечал: «Ваши боги суть дерево, – ныне есть оно, завтра сгинет; один тот бог, которому кланяются греки, который сотворил небо и землю; а что сделали ваши боги? – Они сами сделаны: не отдам сына своего бесам». Разъяренная толпа убила проповедника, – ярость прошла, но проповедь осталась: «Ваши боги дерево!» – и безответны стояли кумиры Владимира пред этим грозным вызовом. И в самом деле, что могла древняя наша языческая религия дать обществу, что могла она выставить, что могла ответить на все те важные вопросы, которые задавали ей проповедники других религий, особенно религии христианской?

Одним из главных вопросов, которые беспокоили все северные народы и которые так сильно способствовали распространению между ними христианства, был вопрос о начале мира и о будущей жизни. Болгарское предание о принятии христианства говорит, что болгарский князь всего более был поражен картиною страшного суда; то же самое повторяет предание и о нашем Владимире. В предании Владимир созывает старцев и бояр, чтоб посоветоваться о вере; он говорит им: «Приходили ко мне проповедники разных вер, каждый хвалил свою веру; пришли и греки, они рассказали мне много о начале и конце мира; хитро говорят они, любо их слушать». Что этот вопрос о начале и конце мира сильно занимал северные народы и много способствовал к распространению между ними христианства, это доказывается тем, что подобное же предание находим мы и на противоположном конце Западной Европы – знак, что это предание верно, верно духу времени и духу народов: христианские проповедники приходят к одному англосаксонскому королю; король, подобно Владимиру, созывает дружину и старшин для совещания, принять ли им новую веру или нет; и вот один из вождей говорит: «Ты, верно, припомнишь, князь, что случается иногда в зимнее время, когда ты с дружиною своей сидишь в теплой комнате, камин пылает, всем так хорошо, а на дворе вьюга, метель, дождь, снег; и вот иногда в это время случится, что маленькая птичка влетит в одну дверь и вылетит в другую: мгновение этого перелета так приятно ей, но это мгновение кратко, и она снова погружается в бурю, и снова бьет ее ненастье: такова и жизнь наша,

если сравнить ее с тем временем, которое ей предшествует и последует, – это время беспокоит и страшит нас своею неизвестностью. Итак, если новое учение даст известие о том, что было и что будет, то стоит принять его. Так говорят предания, являющиеся совершенно независимо одно от другого в разных концах Европы. На верность их указывает их согласие.

Но есть еще другое предание, также несомненно верное: это предание о выборе вер. Оно говорит, что Владимир должен был выбирать из разных вер; язычество показало свою несостоятельность, нужно было переменить его на другую веру, и вот Владимир избирает из многих вер христианскую. Это предание также согласно с обстоятельствами времени и тогдашнего общества. Выбор из многих вер есть особенность русской истории: другим, западным народам нельзя было выбирать из многих вер, им можно было только переменить язычество на христианство. Но русское общество находилось на границах Европы и Азии; здесь, на этих границах, сталкивались не только разные народы, но и разные религии; следовательно, обществу в таких обстоятельствах должно было выбирать из разных вер. Далее на Востоке еще прежде основания русского государства основалось казарское царство, которое представляет нам несколько различных народов, соединенных вместе, и несколько различных религий: и вот у казар существовало предание, что их кагану нужно было также выбирать из разных вер, что к нему приходили проповедники от разных народов, – азиатский народ выбирает веру иудейскую. Теперь, далее к Западу, на границах Европы и Азии, основывается другое общество с европейским населением и характером; но обстоятельства те же, и то же предание повторяется; на этот раз европейское общество выбирает христианство.

Христианство было уже давно знакомо в Киеве вследствие связей с Константинополем: русские люди часто бывали в Константинополе и приносили оттуда рассказы о чудесах греческой религии и гражданственности. Эти бывальцы в Византии, которые вместе с тем бывали и в других странах и имели случай сравнить различные религии, эти бывалые люди имели полное право сказать Владимиру то, что в предании говорят ему бояре, отправленные им для испытания различных вер: «Лучше греческого богослужения, лучше греческой религии найти нельзя; всякой, отведав раз сладкого, не захочет

горького; если ты не примешь христианской веры, то мы уедем назад в Константинополь». Митрополит Илларион, современник Владимиров сына Ярослава, Илларион, авторитет которого для нас бесспорен, говорит, что Владимир беспрестанно слышал о греческой вере, богослужении, о чудесах христианства. Но и для тех, которые не бывали в Константинополе, было свое туземное доказательство в пользу христианства. «Если бы христианство не было лучшею из религий, – говорили они Владимиру, – то твоя бабка Ольга не приняла бы его, а Ольга была мудрейшая из людей». Таким образом, все было готово к принятию христианства.

Прибавим еще и другое обстоятельство: Владимир был взят малюткой из Киева и отвезен в Новгород, где и воспитан; на севере христианство было мало знакомо, язычество господствовало здесь вполне; в борьбе с Ярополком Владимир явился с северными полками, набранными из скандинавов, новгородцев, кривичей, финнов – все ревностных язычников; этот приплыв языческого элемента и был причиною торжества язычества в начале княжения Владимира. Но потом время и место взяли свое, язычество не могло долее противиться; языческая религия, которая удовлетворяла потребностям племен, рассеянных, живших особно в родовом быте, не могла уже теперь удовлетворить киевлянам, познакомившимся с христианством. В совете Владимира было решено, что христианство есть лучшая вера.

Не станем повторять дальнейших подробностей о том, как Владимир, не смея прямо приступить к такому великому делу, говорит: «Подожду еще немного», и предпринимает поход на Корсунь; заметим, что это предание так верно и естественно, что мы имеем право принять его; оно показывает нам, как Владимир дает обет принять христианство, если бог христианский поможет ему: мы знаем, что это не первый вождь языческого народа, который принимает христианство вследствие подобных обетов. И вот Владимир возвращается в Киев христианином, сокрушает идолов; духовенство, приведенное им, проповедует христианство по улицам города. Многие, давно знакомые с христианством, с радостью принимают его, другие колеблются, как прежде колебался Владимир, некоторые же упорно стоят за старую веру. Тогда Владимир употребляет средство сильнее: он объявляет, чтобы на другой день весь народ явился к реке, и кто не явится, тот будет врагом князю. Те, которые колебались, ждали чего-нибудь

решительного, с радостью пошли теперь к реке, руководствуясь примером князя и бояр, говоря, что если бы христианство не было лучшею религией, то князь и бояре не приняли бы его; некоторые, по словам митрополита Иллариона, шли неохотно, из страха пред повелевшим; некоторые же, закоренелые язычники, удаляются из Киева, скрываются в лесах и степях. Это известие об удалении некоторых язычников в леса и степи можно принимать в связи с известием об умножении разбоев: закоренелые язычники, удалившись от общества, разумеется, должны были враждебно против него действовать.

Любопытно, что богатыри Владимира, по преданиям, вооружаются против разбойников; все это может вести ко мнению, что эта борьба хотя отчасти носила характер религиозный; приводят разбойника, – его отдают митрополиту; разбойник кается в доме последнего. Как бы то ни было, в Киеве христианство принялось без больших затруднений. Но не так было там, где оно не было еще знакомо, у племен северных и восточных, которые жили еще в простоте первоначального быта, для которых старая языческая религия была еще удовлетворительна. Любопытно видеть, что христианство распространялось у нас тем же путем, каким вначале распространялась и государственная область; проповедники, митрополиты и другие духовные лица идут по великому водному пути – из Киева в Новгород, потом белозерским путем до Ростова. Но христианство встречает здесь, на севере, сильные препятствия; язычество, не удовлетворяясь страдательным противоборством христианству, осмеливается иногда прямо и явно наступать на него; являются иногда волхвы и явно возмущают народ против христианства. Большие смуты произвели они в Ростовской области, так что князь Ярослав должен был сам отправляться на север для усмирения волнений; в Новгороде один волхв возмутил народ до того, что когда епископ вышел с крестом в руке, то на стороне волхва стало все народонаселение; на стороне епископа остался один князь с дружиною, и только особенная смелость князя помешала исполниться намерениям волхва.

Для окончательного торжества христианства и низложения язычества греческое духовенство присоветовало Владимиру меру самую действительную: христианство не могло с надлежащим успехом

распространяться среди старого поколения, которое было воспитано в язычестве и потому жило прежними, языческими понятиями; с другой стороны, родители, пропитанные языческими понятиями, не могли воспитать новое поколение в понятиях христианских; и вот по совету греческих епископов Владимир отбирает у лучших граждан детей и отдает их по церквам духовенству учиться грамоте и вместе догматам христианским воспитываться в христианском духе; сын его, Ярослав, то же самое делает в Новгороде. Св. Леонтий подобным же образом поступает в Ростове: не имея возможности сладить с упорным язычеством, св. Леонтий обращается к молодому поколению, собирает около себя детей и воспитывает их в христианстве, за что и терпит страдальческую кончину от родителей этих детей. Но в Киеве и Новгороде эта мера удалась как нельзя лучше: новое, молодое поколение, воспитанное христиански и выученное грамоте, имело средства узнать догматы новой религии и действовать гораздо сильнее против прежней.

Теперь рассмотрим, каковы были подвиги этого нового, молодого поколения, поколения грамотного, наученного догматам своей религии. Представителями его являются в семействе княжеском уже дети Владимира и, во-первых, любимые его сыновья – Борис и Глеб. Легко понять, что христианство по самому характеру своему должно было прежде всего подействовать на самые нежные отношения, на отношения семейные, родственные, должно было скрепить их и дать им большую мягкость и нежность; это и видим мы в Борисе и Глебе, в этих образцах братской любви и благоговения к началам семейным; они падают жертвою этих новых понятий, новых чувств; они являются первыми гражданами нового мира, первыми борцами нового, христианского общества против языческого. Потом представителем нового поколения является третий сын Владимира – Ярослав, который был великим князем. Ярослав, говорит летопись, был христианин и умел читать книги; эти два сопоставления чрезвычайно важны: именно по понятиям тогдашнего общества, христианство и грамотность были нерасторжимы; следовательно, Ярослав был полным представителем нового поколения. Умея сам читать книги, будучи настоящим христианином, зная догматы своей веры, Ярослав заботился, чтоб и другие имели те же знания: он собирает писцов, которых заставляет переводить, переписывать книги; в Новгороде, как сказано выше,

отбирает у лучших граждан детей и отдает их учиться, строит церкви, дает от себя содержание приставленным к ним священникам, которым поручает учить народ. Потом, после смерти княжеской, представителем нового поколения является митрополит Илларион, который, понимая различие и превосходство нового порядка вещей перед старым, старался и другим показать это превосходство.

Но этого было еще мало; новое поколение грамотных христиан должно было выставить проповедников не слова только, но и дела, – и оно выставило целый ряд подвижников, которые жизнью, на самом деле, доказали явно превосходство нового порядка вещей и дали окончательное торжество христианству. Мы говорим об этих великих подвижниках христианства, о древних наших иноках, преимущественно иноках КиевоПечерского монастыря, который имеет такое важное значение в нашей древней истории. Как прежде русские люди из Киева ходили в Грецию за добычей, за славой, так теперь новое поколение, воспитавшееся в христианстве, путешествует в Грецию, но не за добычей, не за славой, а за тем, чтобы получить там окончательное просвещение, окончить свое христианское духовное воспитание. Таков был святой Антоний, который отправился с этими целями в Грецию, возвратился иноком и положил основание КиевоПечерской обители. Кроме Антония, мы видим еще другого представителя нового поколения: это был св. Феодосий. В жизни Феодосия всего легче можно видеть эту борьбу старого поколения с новым и торжество последнего. Предание говорит, что когда Владимир велел у лучших людей отбирать детей для учения, то матери полуязычницы плакали по своим детям как по мертвым; такова была мать и св. Феодосия; в самой ее любви представитель нового поколения встретил сильное препятствие своим намерениям; она не хотела, чтобы он посвятил себя исключительно религии. Но Феодосий преодолел все препятствия, ушел в Киев, явился к Антонию, вступил в монастырь и был после его игуменом. Но кроме Антония и Феодосия, Печерский монастырь выставил целый ряд подвижников христианства, которые своим примером, своими делами так много способствовали распространению христианства в областях русских.

Показав средства, какими христианство распространялось и утверждалось на Руси, обратимся к влиянию этого нового могущественного начала на гражданский быт юного русского

общества. Немедленно после принятия новой веры мы видим уже епископов советниками князя, истолкователями воли божией; но христианство принято от Византии; Русь составляет одну из епархий, подведомственных Константинопольскому патриарху; для русского духовенства единственным образцом всякого строя служит устройство византийское; отсюда понятно будет гражданское влияние грекоримского мира на юное русское общество. Церковь по главной задаче своей – действовать на нравственность должна была прежде всего обратить внимание на отношения семейные, которые по этому самому и подчинились церковному суду. Легко понять, какое влияние должна была оказать церковь, подчинив своему суду отношения семейные, оскорбление чистоты нравственной и преступления, совершавшиеся по языческим преданиям. Духовенство своим судом вооружилось против всех прежних языческих обычаев, против похищения девиц, против многоженства, против браков в близких степенях родства, против насильственных браков. Церковь взяла женщину под свое покровительство и блюла особенно за ее нравственностью, возвысила ее значение, постановивши обязанности детей к матери наравне с обязанностями к отцу. Семья, до сих пор замкнутая и независимая, подчиняется надзору чуждой власти; христианство отнимает у отцов семейств жреческий характер, который они имели во времена языческие; подле отцов плотских являются отцы духовные; что прежде подлежало суду семейному, теперь подлежит суду церковному. Нужно ли прибавлять, что такое влияние церкви на семейный быт могущественно содействовало к переводу народонаселения от старых форм родового быта к новым, гражданским.

Чтение третье

В прошедших беседах мы видели, как образовалось русское общество и как духовное, религиозное начало действовало при этом образовании. Мы видели, что пред призванием князей племени, обитавшие в областях нынешней России, жили в формах родового быта. При содействии правительственного начала, дружины и церкви эти формы быта начали уступать место другим гражданским формам; но родовой быт оставался еще столько могущественным, что, в свою очередь, действовал на изменявшие его начала, и когда семья княжеская, семья Рюриковичей, стала многочисленна, то между членами ее начинают господствовать чисто родовые отношения, тем более, что род Рюрика, как род правительственный, не мог подчиняться влиянию никакого другого начала. Князья считают всю Русскую землю в общем нераздельном владении целого рода своего, причем старший в роде, великий князь, сидит на старшем столе, другие родичи, смотря по степени своего старшинства, занимают другие столы, другие волости, более или менее значительные; когда умрет старший, или великий князь, то достоинство его вместе с главным столом переходит не к старшему сыну его, но к старшему в целом роде княжеском, который и перемещается на главный стол, а вместе с этим перемещаются и остальные родичи на те столы, которые теперь соответствуют их степени старшинства. Связь между старшими и младшими членами рода была чисто родовая, а не государственная: когда великим князем был отец, дед, то отношения его к младшим членам рода, сыновьям, внукам были прочны, определены, ясны; но когда с умножением членов рода великим князем бывал троюродный или четвероюродный дядя или брат, то родственные отношения необходимо ослабевали, а с тем вместе ослабевало уважение, повиновение младших старшему, особенно когда замечали стремление старшего блюсти более выгоды ближайших родичей, ослабевала общая связь рода, увеличивались случаи к враждебным столкновениям между его членами. Завязались споры между различными линиями о старшинстве, одна линия начала исключать другую. Народонаселение волостей вмешалось в эти споры, стало выбирать князей, которые

были ему любы, не обращая внимания на родовые счета Рюриковичей; отсюда новые смуты, новая запутанность, новые усобицы. Мы упоминали, что в отношениях между князем и подчиненным народонаселением оставались еще неопределенности; но князья не имели возможности определить точнее своих отношений к народонаселению волостей, потому что все внимание их было поглощено собственными их родовыми счетами и борьбою, вследствие этих счетов происходившею; доискиваясь старшинства, они переходили из одной волости в другую, не занимаясь установлением прочного порядка вещей, оставляя все попрежнему.

Таким образом, мы видим, что причиною усобиц, нестроений, характеризующих эпоху от смерти Ярослава I, был тот же родовой быт, для выхода из которого северные племена призвали первых князей. Теперь, следовательно, для прекращения беспорядков, усобиц в самом роде княжеском нужно было, чтоб в нем самом повторилось то же явление, чтоб в нем самом родовые отношения упразднились, уступили место государственным, чтоб старший в роде князь явился государем относительно младших, а последние подчинились его власти как подданные. Для этого, во-первых, нужно было, чтоб великий князь начал иметь не одно родовое значение, как только старший, но чтоб он стал смотреть на остальных родичей как на подданных и при этом имел бы довольно материальной силы, чтоб заставить родичей смотреть на себя как на государя. Во-вторых, нужно было, чтоб князья перестали считать всю землю общим достоянием целого рода, но чтоб каждый утвердился навсегда в своей волости, начал заботиться об увеличении своих материальных сил, расширять свои владения на счет других, чтоб сильнейшие князья начали собирать Русскую землю, присоединяя к одной большой области другие, меньшие. Это явление, перемена в характере великих князей и перемена во взгляде на собственность произошли на севере, в области Верхней Волги, в княжестве Ростовском; первый князь, который решился изменить родовые отношения, начал поступать не так, как старший в роде, но как государь, был Андрей Боголюбский. Что же за причина этой перемены? Каким образом Андрей Боголюбский получил мысль о ее возможности и необходимости? Так как перемена эта произошла на севере, то там должно искать и причину ее.

В русской истории мы замечаем то главное явление, что государство при расширении своих владений занимает обширные пустынные пространства и населяет их, государственная область расширяется преимущественно средством *колонизации*; господствующее племя славянское выводит поселения свои все далее и далее в глубь востока. Всем племенам Европы завещано историею высылать поселения в другие части света, распространять в них христианство и гражданственность; западным европейским племенам суждено совершать это дело морским, восточному племени – славянскому – сухим путем. Мы видим с самого начала, что князья наши преимущественно заботятся о населении пустынных пространств, о построении городов; сперва населялись страны югозападные, потом колонизация шла далее на северо-восток; часть населения северо-востока, пустынной области Верхней Волги, преимущественно принадлежит Юрию Владимировичу Долгорукому, построившему здесь целый ряд городов, куда он сводил народонаселение из разных мест, из разных племен; эта новонаселенная область, эти новые города обязаны были князю своим политическим существованием, были его собственностью, князь был здесь хозяином полновластным, здесь не было места никакой неопределенности в отношениях.

Среди этого нового мира, на этой новой почве родился, вырос и возмужал сын Юрия Долгорукого, знаменитый Андрей Боголюбский. С лишком тридцать лет прожил он на севере, принял на себя впечатления окружающей среды, воспитался в иных отношениях, чем какие существовали между князем и городами на юге, воспитался в отдалении от остальных линий княжеского рода, в отчуждении от их привычных интересов, и тем способнее, следовательно, был он для того, чтоб выделиться из рода, порвать с ним связь. И вот когда в зрелом мужестве явился он на юг, то чужд и враждебен показался он ему; он спешил удалиться на свой родной север, и когда досталось ему старшинство в целом роде, когда все князья признали его великим князем, Андрей обнаруживает попытку к перемене существующего порядка вещей, имея по отношениям своим к северному народонаселению полную свободу действовать и привыкнув пользоваться этою свободою, что давало ему и силу материальную, и сообщало единство и постоянство его стремлениям. Андрей

переменяет обращение с младшими князьямиродичами; последние изумились этой перемене, поняли всю опасность для себя от нее и вооружились против новизны. «Мы признали тебя старшим, – говорили они Андрею, – а ты поступаешь с нами не как с родственниками, но как с *подручниками*». Роковое слово было произнесено, слово новое, для выражения понятия нового, понятия подручника, подданного вместо родича. Но этого мало: ставши великим князем, старшим в роде, Андрей не поехал на юг, в Киев, стольный город всех прежних великих князей, он остался на севере в своей прежней волости и оттуда распоряжался делами юга.

Пример подан, почва приготовлена для нового порядка вещей; и северные князья, преемники Андрея, следуют его примеру, пользуются приготовленными им средствами: они не обращают внимания на родовые отношения, родовые счета, смотрят на себя как на владельцев отдельных областей, не переходят из одной волости в другую, но постоянно живут в одной; великие князья, пользуясь старшинством, заботятся о том, как бы усилить свои материальные средства, удержать власть и силу в своей семье, дать первенство своему княжеству, увеличить его на счет других; младшие князья хорошо понимают стремления великих князей, противоборствуют им всеми средствами; но когда один из младших достигнет старшинства, то начинает действовать точно так же, как его предшественник, против которого он сам прежде вооружался. Понятно, что такой великий переворот не мог совершиться скоро; для этого нужны были века борьбы постоянной и кровавой. Наконец, княжество Московское вследствие разных благоприятных обстоятельств пересиливает все остальные; московские князья начинают собирать Русскую землю: постепенно подчиняют и потом присоединяют они к своему владению остальные княжества, постепенно в собственном роде их родовые отношения уступают место государственным, удельные князья теряют права свои одно за другим.

Характер явлений, которые мы видели на севере, условливался также самим характером народонаселения северного. Природа роскошная, с лихвою вознаграждающая и слабый труд человека, усыпляет деятельность последнего как телесную, так и умственную; пробужденный раз вспышкой страсти, он может оказать чудеса, но такое напряжение сил не бывает продолжительным. Природа, более

скупая на свои дары, требующая постоянного и нелегкого труда со стороны человека, держит последнего всегда в возбужденном состоянии: его деятельность не порывиста, но постоянна; постоянно работает он умом, неуклонно стремится к своей цели; понятно, что народонаселение с таким характером в высшей степени способно положить среди себя крепкие основы государственного быта, подчинить своему влиянию народы окружные, отличающиеся другим характером; таково народонаселение Северной Руси, как оно является в истории. Несмотря на то, что ЮгоЗападная Русь, преимущественно Киевская область, была главной сценой древней нашей истории, пограничность ее, близость к *полю*, или степи, жилищу варварских кочевых народов, делали ее неспособною стать государственным ядром для России; отсюда Киевская область в начале и после носит характер пограничного военного поселения до полного государственного развития, начавшегося в Северной Руси. В Южной Руси, в области Днепровской, зачалась и развилась древняя русская жизнь во всей широте, при всей неопределенности отношений, характеризующей обыкновенное общество юное, только что начавшее жить самостоятельную жизнью. Вследствие родовых отношений князя со своими дружинами переходили из одного города в другой; подле, в степях, кочевали азиатские хищники, грабившие Русь; на границах степей жили разноименные народы, составлявшие переход от степняков, или половцев, к оседлому народонаселению. Не могли по слабости своей быть самостоятельными между половцами и Русью, все эти народцы примкнули к последней, стали служить князьям ее и в войнах с половцами, и в распрях междоусобных, выбирая вместе с гражданами князей, которые были им любы или которые были сильны.

Таковы были составные части народонаселения в Древней Руси; но все это было, выражаясь словами поэта, только еще *несогласные начала вещей* в общественном хаосе (*discordia semina rerum*): князья с дружинами жили сами по себе, города сами по себе, пограничные народцы сами по себе. Князья были большей частью необыкновенно храбры, умели и у себя дома, и в чужих странах честь свою взять; дружины уподоблялись своим вождям, но что значила вся эта храбрость при таком беспорядке? Легко было перессорить князейродичей, ничего не стоило разрознить интересы князей с интересами граждан и пограничных народцев; вот почему древняя

Южная Русь, несмотря на внешний блеск своего быта, не могла устоять ни против стремлений северных князей, потомков Долгорукого, ни против натиска азиатской орды. Войска Боголюбского опустошили Киев, который принял князя от руки завоевателя; при брате Боголюбского киевские князья признавались, что не могут обойтись без могущественного северного собственника, и когда явились монголы в первый раз, то Южная Русь хотя выслала против них сонм своих князей-витязей, но эти князья завели распрю и погубили рать; когда же явились монголы во второй раз, то враждебные друг другу князья умели соединиться только в общем бегстве в чужие страны; граждане старых городов не могли и представить себе возможности соединения и поодиночке полегли в развалинах. Такова была судьба южной, старой Руси.

Различие в характере северного и южного народонаселения обозначается приметно в источниках нашей истории; иностранцы современники хвалят храбрость дружин Южной Руси: они отличались стремительностью в нападениях, но не отличались стойкостью. Противоположные отзывы встречаем о населении Северной Руси: оно не любит вообще войны, не отличается стремительностью натиска; но где нужно стать крепко и защищаться, там оно неодолимо; здесь, на севере, образовался тот русский воин, которого, по известному выражению, можно убить, но не сдвинуть с места. Северное русское народонаселение, как сказано, не отличается в истории порывистыми движениями; в поведении его мы замечаем преимущественно медленность, осторожность, постоянство в достижении цели, обдуманность, медленность, осторожность в приобретении, стойкость в защищении приобретенного. Соответственно характеру народонаселения все на севере принимает характер прочности. О дружинах южных летописец говорит, что они храбро бились с врагами и *расплодили* Русскую землю. Таково точно назначение старой, Южной Руси; расплодить, распространить Русскую землю, наметить границы. Но Руси северной выпал удел – закрепить приобретенное, связать, сплотить части, дать им внутреннее единство, собрать Русскую землю. И вот князья Северной Руси являются полными представителями своего народа превосходно выполнить назначение Северной Руси. В их поведении мы не замечаем того блеска, какой видим в поведении князей-витязей юга, смотревших на битву, как на

суд божий, и при всяком споре прибегавших к этому суду: северные князья – собственники не любят решать споров своих оружием, прибегают к нему только в крайности или тогда, когда успех несомненен, но от неверной битвы не любят ставить в зависимость того, что приобретено, примышлено долгими трудами; южные князья прежде всего думают, как бы в битве *взять свою честь*, северные князья прежде всего думают, как бы без неверной битвы получить пользу для своего владения. Все они похожи друг на друга; в их бесстрастных ликах трудно уловить историку характеристические черты каждого; все они заняты одною думою, все идут по одному пути, идут медленно, осторожно, но постоянно, неуклонно; каждый ступает шаг вперед пред своим предшественником, каждый prepares для своего преемника возможность ступить еще шаг вперед.

Благодаря этой неуклонности, постоянству в стремлениях северных князей великая цель была достигнута: родовые княжеские отношения рушились, сменялись государственными; в княжеских договорах, завещаниях мы видим ясно постепенность этой смены, пока, наконец, в завещании Иоанна IV удельный князь становится совершенно подданным великого князя, старшего брата, который носит уже титул царя. Это главное, основное явление – перехода родовых отношений между князьями в государственные – обуславливает ряд других явлений. Господство родовых отношений между князьями имело, как необходимо следует ожидать, могущественное влияние на весь общественный состав Руси, имело могущественное влияние на быт городов, на положение дружины: когда родовые отношения между князьями начали сменяться государственными, то эта смена должна была отозваться на всем общественном организме, должна была повлечь изменения и в быте городов, и в положении дружины. Отсюда ясно, что великие князья московские в своих государственных стремлениях должны были встретить сопротивление не со стороны одних князей-родичей, но со стороны всего того, что получило свое бытие или по крайней мере поддерживалось родовыми княжескими отношениями. Здесь первое место занимает привычка дружинников переходить от одного князя к другому, которую они приобрели в то время, когда землю владел нераздельно целый род княжеский, и которую они должны были потерять, когда явилось единовластие; не

имея теперь возможности переходить от одного князя к другому в Русской земле, многие из дружинников считали себя вправе отъезжать к чужим государям; к этим противугосударственным стремлениям дружинников присоединялись еще противугосударственные стремления потомков прежних князей, которые продолжали питать вражду к новому порядку.

Борьба со всеми этими стремлениями и была причиной тех печальных явлений, которые имели место в царствование Иоанна IV. Во время этой борьбы Иоанн IV задал вопрос одному из самых ревностных приверженцев старины, князю Курбскому: «Что лучше – настоящий ли порядок вещей, когда государство успокоилось, пришедши в порядок при едином государе, или прежнее время, когда усобицы терзали землю?» На этот вопрос отвечал не Курбский; на него отвечала вся земля, все Московское государство. Но прежде, нежели обратимся к этому ответу, скажем несколько слов о тех обстоятельствах, при которых произошла великая перемена в жизни русского общества, и о следствиях этой перемены во внешних отношениях.

Мы видели, что Русское государство, основанное на границе Европы с Азией, должно было вести постоянную борьбу с степными варварами. От половины IX века до сороковых годов XIII века в этой борьбе не было перевеса ни на стороне кочевых орд, ни на стороне славянских племен, объединенных под именем Руси. Печенеги и за ними половцы наносят иногда сильные опустошения Приднепровью; но зато иногда и русские князья входят в глубь степей их, за Дон и пленят их вежи. Но от сороковых годов XIII века до исхода XIV берут перевес азиатцы в лице монголов. Не имея тех прочных основ государственного быта, какими обладала Северная Русь, Южная Русь после монгольского опустошения подпала под власть князей литовских. Это обстоятельство не было губительно для народности южнорусских областей, потому что литовские завоеватели приняли русскую веру, русский язык, все оставалось постарому; но губительно было для русской жизни на югозападе соединение всех литовских владений с Польшею вследствие восшествия на польский престол литовского князя Ягайла. С этих пор ЮгоЗападная Русь должна была вступить в борьбу с Польшею за свою народность, основой которой была вера; успех этой борьбы, возможность для ЮгоЗападной Руси

сохранить свою народность условливались ходом дел в Северной Руси, ее самостоятельностью и могуществом. Монголы опустошили значительную часть Северной Руси, наложили дань на жителей, заставили князей брать от своих ханов ярлыки на княжения.

Так как для нас предметом первой важности была смена старого порядка вещей новым, переход родовых княжеских отношений в государственные, от чего зависело единство, могущество Руси и перемена всего внутреннего порядка, и так как начало нового порядка вещей на севере мы замечаем прежде монголов, то монгольские отношения должны быть важны для нас в той мере, в какой содействовали или препятствовали утверждению этого нового порядка вещей. Мы замечаем, что влияние монголов не было здесь главным и решительным. Монголы остались жить вдалеке, заботились только о сборе дани, нисколько не вмешиваясь во внутренние отношения, оставляя все как было, следовательно, оставляя в полной свободе действовать те новые отношения, какие начались на севере прежде них. Ярлык ханский не утверждал неприкосновенным на столе ни великого, ни удельного князя, только обеспечивал волости их от татарского нашествия; в своих борьбах князья не обращали внимания на ярлыки: они знали, что всякий, кто свезет больше денег в Орду, получит ярлык преимущественно перед другими и войско на помощь. Независимо от монголов обнаруживаются на севере явления, знаменующие новый порядок, именно ослабление родовой связи, восстание сильнейших князей на слабейших мимо всех родовых прав и счетов, старание приобрести средства к усилению своего княжества на счет других; монголы в этой борьбе являются для князей только орудиями. Когда борьба кончилась усилением одного княжества на счет всех других, то новое государство пользуется всем единством и силою для того, чтобы победить монголов и начать наступательное движение на Азию. С другой стороны, усиление Северной Руси вследствие нового порядка вещей условливает успешную борьбу ее с Королевством Польским, постоянною целию которой становится соединение обеих половин Руси под одною державою; наконец, соединение частей, единовластие, окончание внутренней борьбы дает Северной Руси, или Московскому государству, возможность войти в сношения с европейскими государствами, готовить себе место

среди них. В таком положении находилась Русь в конце XVI века, когда пресеклась Рюрикова династия.

Чтение четвертое

В прошлых беседах я упоминал о том главном явлении нашей истории, что племена славянские, поселившиеся изначала на западе, выселялись постепенно на восток; следовательно, историку русскому при объяснении явлений отечественной истории никак не должно упускать из виду этого важного обстоятельства, этого постепенного заселения диких, пустынных стран. Но обыкновенное явление, сопровождающее всегда колонизацию, есть борьба, которую должны выдерживать колонисты с прежним варварским населением: отсюда и в нашей истории эта постоянная борьба с жителями степей. Но мало того: для государства, которое образовалось с помощью колонизации населений, необходимо предстояла борьба с другим элементом, полуварварским, ибо некоторые передовые отряды населения, вдававшегося все глубже и глубже в пустыни, дичают уже по тому самому, что, оторвавшись от государства, находятся в ближайших сношениях с дикарями. Отсюда русскому обществу, которое образовалось посредством колонизации, необходимо было выдержать сильную борьбу, с одной стороны, с азиатскими кочевыми ордами, с другой – с теми одичалыми передовыми отрядами, которые хотя иногда сами оказывали большую помощь государству, ратуя против степных кочевников, но вместе с тем, будучи полудикарями, враждебно смотрели на установление государственного порядка и, с своей стороны, не менее азиатских орд причинили бедствий юному государству. Вредная деятельность этого пограничного народонаселения сказалась преимущественно в начале XVII века, когда на государство русское послано было страшное испытание. Династия Рюрикова, давшая столько нарядников Русской земле, пресеклась; крамолою свергнут был Годунов, крамолою возведен и свергнут Шуйский; нарушена была духовная и материальная связь областей с правительственным средоточием, части разрознились в противоположных стремлениях, земля замутилась. Тогда открылось свободное поприще действовать тем, которые не хотели установления наряда, тем полудиким толпам, которые основали свое пребывание на границах государства; они кинулись с разных сторон на последнее;

к ним пристали внутри государства те, которым хотелось также жить на счет государства. Польша послала в Московское государство толпы своих отверженников общества. Началась страшная борьба, в которой новорожденному Московскому государству надлежало, повидимому, погибнуть, ибо со всех сторон сыпались на него страшные удары, которые трудно было выдержать, а между тем общественные основы, на которые оно могло опереться, час от часу слабели более и более. Негде было искать спасения. Лучшие, энергические люди, около которых можно было сосредоточиться, погибли жертвами безнравья; люди, разрознившие свои интересы с интересами государства, брали явно верх. Но в это страшное время сказала вся сила, все действие того порядка вещей, который окончательно утвердился при московских государях. Единство религиозное и государственное было так сильно, что, несмотря на все удары, на все бедствия, общество умело соединиться, повидимому, без всяких внешних средств, соединиться духовно, внутренне, руководствуясь привычным стремлением к единству религиозному и государственному. Земля собралась и очистила государство; народ, по современному выражению, встал как один человек для этого очищения. Тогда дан был ответ на вопрос Иоанна IV Курбскому: что лучше – прежнее время, когда земля гибла в междоусобиях, или настоящее, когда она успокоилась единовластием? После страшного испытания земля дает торжественный ответ на этот вопрос: Земский совет объявляет, чтобы все было так, как было при прежних великих государях, и выбирает новую династию.

Бедственно было, однако, состояние государства после этого великого испытания; силы его были истощены. Молодой царь, которого избрала земля, спрашивал у послов Земского совета: где же средства для управления государством? Где ручательство, что прежние смуты не повторятся? Послы выставили ручательством то, что все люди Московского государства уже *наказались*, т. е. узнали по опыту пользу прежних государственных стремлений, узнали, для кого нужны были смуты, самозванцы, кто их поддерживал. И точно, по вступлении на престол царя из новой династии Московское государство показало явно, что его жители *наказались* уже. Несмотря на страшное расстройство сил государственных, несмотря на то, что при таком расстройстве государство должно было еще бороться с сильными врагами внутренними и внешними, первому государю из новой

династии удалось успокоить землю. Во всех затруднительных обстоятельствах он созывает соборы и всегда находит здесь нужный совет и средства для установления порядка.

Царствование первого государя из новой династии протекло в этом установлении наряда. Но, кроме установления наряда, мы должны обратить внимание на те новые стремления и новые потребности, которые высказались при этом. Еще гораздо прежде, и особенно во время смут, Московское государство узнало, что для успешной борьбы со внешними и внутренними врагами необходимо было переменить военный строй, потому что при старом строе русские войска оставались почти всегда побежденными. И вот в царствование первого государя из новой династии начинаются преобразования: при Михайле Федоровиче уже видим полки, набранные из иностранцев. Но этого мало: при нем же видим и русские полки, выученные иностранному строю; образовались конные – рейтарские, драгунские полки, пехотные солдатские. Окончательное преобразование войска совершилось в XVIII веке. Но это преобразование военного строя вело необходимо к более важным преобразованиям; оно должно было переменить отношения прежнего разряда ратных людей, носивших название *дворян и детей боярских*, должно было переменить и отношения тех родов, которые вследствие местничества выдвинулись на первые места в государстве. Западные европейские государства образовались посредством того, что варварызавоеватели вступили на римскую почву, вследствие чего начало, принесенное германцами, пришло в столкновение с государственным началом, завещанным Римскою империею. У нас также видим дружину, но она вступила на почву девственную, где никакое государство не оставило следов своих. У нас дружина должна была войти в столкновение с племенами, которые жили под формами родового быта; отсюда необходимое столкновение начала дружинного, начала служебного с началом родовым, от чего произошло известное явление – *местничество*. Мы видели, как сильно было родовое начало; если оно так долго господствовало в междукняжеских отношениях, то должно было господствовать и в отношениях дружинных. Но теперь упадок родовых отношений вообще, смена их государственными и необходимость нового военного устройства должны были привести к уничтожению местничества, и вот при царе Федоре Алексеевиче, на соборе оно было

проклято как богу ненавистное дело. За уничтожением местничества должно было последовать то явление, что все разряды служилых людей, без исключения известных родов, которые только вследствие местничества составили из себя что-то замкнутое, недоступное для других, все разряды служилых людей должны были составить одно сословие, одно тело с равными правами для всех его членов. Должно было явиться дворянское сословие. Но преобразование военного строя должно было вести к другой перемене в быте ратных людей. До сих пор только при объявлении войны они должны были являться в полки, но в мирное время, живя в своих поместьях, они участвовали наравне с остальным народонаселением во всех явлениях областной жизни. Теперь же, когда оказалась нужда изменить военный строй, учредить постоянное войско, то служивые люди не могли уже оставаться в своих поместьях; они должны были выделиться из общей областной жизни, составить особенное сословие, особое тело.

В это же время при первых государях новой династии подтверждено было и то учреждение, которое также имело место по отношению к потребностям служилых людей. Здесь опять мы должны обратить внимание на то явление, которое имеет такое важное значение в нашей истории, на эту обширность и малонаселенность областей России и на постоянное стремление населить их. Мы заметили это стремление с самого начала русской истории. На севере оно продолжалось. Князья давали своим подданным большие участки земли, давали большие льготы тем из них, которые привлекают на эти участки население из чужих областей. Но когда отдельные области вошли в состав одного государства, то стремление землевладельцев увеличить население своих участков в ущерб другим явилось в противоположности с интересами государства: владельцы больших земельных участков разными льготами перезывали к себе крестьян с малых участков, розданных в поместья ратным людям, которые за это обязаны были по первому зову правительства являться в полки в полном вооружении, на конях и приводить с собою известное число вооруженных людей, смотря по величине поместья. Но ясно, что если это поместье не имело надлежащего числа крестьян, перезываемых постоянно на участки богатых вотчинников, то помещик, не получая доходов, не мог исполнить своих обязанностей, не мог являться на войну в исправности. Это заставляло правительство принимать меры к

воспрепятствованию перехода крестьян от одного землевладельца к другому. Указания на эти меры мы видим ясно в конце XVI века; в XVII веке государи из новой династии подтверждают их вследствие жалоб мелких помещиков на то, что богатые вотчинники перебивают их крестьян на свои земли. Если жалобы мелких владельцев продолжаются и имеют своим следствием меры правительства к удержанию крестьян на постоянных местах жительства, то мы имеем полное право заключать, что и в XVI веке эти меры являются вследствие тех же жалоб.

Но одним начальным преобразованием военного строя не ограничились первые государи новой династии. Были и другие, столь же важные, нудящие потребности. Мало было завести постоянное войско, нужно было содержать его; нужно было умножить доходы государства. Главным источником доходов должна быть промышленность, торговля; и вот уже при первом государе новой династии видим вызов изза границы ремесленников, людей, способных завести разные промыслы. Правительство требует от них, чтобы они выучили и русских своим мастерствам, утвердили их в России. Так, при Михаиле Федоровиче видим, что правительство дает 10, 15, 20летние привилегии тем из иностранцев, которые захотят завести в России фабрики и заводы; при Михаиле Федоровиче были заведены кожевенные, стеклянные, канительные, железные заводы. Около Астрахани и на Тереке заведено виноделие и шелководство.

Но не одних ремесленников и фабрикантов вызывало правительство. Были другие потребности, которым можно было удовлетворить только утверждением науки, и вот Михаил призывает известного ученого Олеария и пишет к нему: «Мы знаем, что ты человек ученый, что ты географ, астроном, землемер, а нам такие люди нужны». Если деду понадобился географ, астроном и землемер, то неудивительно, что внуку понадобилась Академия наук. Но просвещение необходимо было не для удовлетворения одним только материальным потребностям государства; оно было необходимо для очищения нравов: выборные, явившиеся в собор по случаю взятия Азова казаками, в своих ответах или сказках показали ясно необходимость главного улучшения, улучшения нравственности, указали ясно на главное зло, от которого страдало общество и которое препятствовало утверждению государственного порядка, — на

своекорыстное стремление отдельных интересов против интереса государственного. Против этого зла сильно ратовал внук Михаила, и вот в век Екатерины II было найдено, что его можно устранить только просвещением, только просвещенным, нравственным воспитанием; век Екатерины откликнулся на требования, высказанные при первом государе новой династии. Но при этой потребности очищения нравственности народной не могло молчать то сословие, которое было поставлено хранителем чистоты нравственной, не могла молчать церковь, и вот в царствование трех первых государей новой династии церковь требует просвещения для улучшения народной нравственности. Прочтем окружное послание ростовского митрополита Ионы, деяния и правила соборов 1647 и 1681 гг., и мы удивимся тождественности этих правил с теми правилами, которые являются при Петре и его преемниках. Здесь и там указывается на одно зло, указывается и одно средство для его уничтожения.

Но церковь имела и другие причины требовать просвещения: явились расколы – следствие невежества и грубости нравов; мало того, вследствие ближайшей связи с Польшею и другими соседними государствами явились стремления других вероисповеданий – католицизма и протестантизма – войти в Московское государство. Православной церкви нужно было бороться, с одной стороны, с своими раскольниками, с другой – с католиками и протестантами. Единственным средством к сохранению чистоты православного учения было просвещение, и вот и свои пастыри, и восточные патриархи, приезжавшие в Россию, громко требуют заведения школ. Восточные патриархи, явившиеся по делу Никона, увещевают народ полюбить науку, увещевают пастырей церкви содействовать всеми силами к ее распространению, вследствие чего уже в царствование Михаила Федоровича заведено было при патриархе Филарете первое училище, а в царствование третьего государя из новой династии, Федора Алексеевича, при более сильных потребностях, заведена была Славяногреколатинская академия, и этой академии церковь поручила блюсти за чистотою православного учения.

Так, при трех первых государях новой династии, в течение XVII века, обозначились явно новые потребности государства, и призваны были те же средства для их удовлетворения, которые были употреблены в XVIII веке, в так называемую эпоху преобразования.

Но, говоря об этой деятельности, мы не можем не упомянуть имен трех главных деятелей, содействовавших означенному направлению, имен Никона, ОрдинаНащокина и Матвеева. Никон по своей энергии и ясному взгляду мог лучше других понимать потребности церкви и удовлетворять им. При нем были исправлены книги. Нас приверженцы невежества называют никонианцами, и это название требует, чтобы мы с благодарностью вспоминали о Никоне. Кроме того, он отличался неусыпными стараниями о чистоте нравственности, об утверждении благочиния в церквах, монастырях, вследствие чего должна была улучшиться и нравственность самого народа. Что касается до двух поименованных нами светских лиц, то сын бедного псковского дворянина ОрдинНащокин достиг личными достоинствами до высших государственных степеней: он был хранителем государственной печати, что соответствует настоящему званию министра иностранных дел. На этом важном посту Нащокин понимал новые потребности Московского государства, понимал ясно, что Посольский приказ, находившийся под его ведением, должен был переменить свой характер вследствие более тесного сближения с государствами европейскими. Понимая необходимость преобразования, он вооружался против тех лиц, которые, служа в Посольском приказе, не имели понятия о внешних сношениях и развлекались другими несовместными с их положением занятиями; понимая важное значение Посольского приказа, Нащокин называл его оком России, которым она должна смотреть на другие государства, и требовал, чтоб око это было чисто; потребность преобразования Посольского приказа была дознана еще при царе Михаиле, когда важное дело при датском дворе было поручено иностранцу Марселису по неспособности русских послов. Об образованности самого Нащокина свидетельствуют иностранцы; они говорят, что он не уступал в ней ни одному из современных иностранных министров. О широте планов Нащокина свидетельствуют его намерения относительно торговли с Востоком; он хотел, чтоб Россия была средоточием торговли между Европою и Азиею, – желание, которое хотел потом исполнить Петр Великий. Нащокин заключил договор с Армянскою компаниею, вследствие которого армяне, жившие в Персии, обязывались весь шелк, собираемый в персидских областях, доставлять исключительно на русские рынки. Нащокин заботился также и о заведении русского

флота. Неблагоприятные обстоятельства помешали русским овладеть прибалтийскими провинциями в царствование Алексея Михайловича, первый русский корабль назначен был для Востока, для Каспийского моря, для Волги. Знаменитый «Орел» был сожжен казаками Разина, но мысли о заведении флота нельзя было истребить: она приведена в исполнение Петром.

Скажем и о Матвееве. Матвеев, подобно Нащокину, понимал ясно новые потребности государства и стремился удовлетворить им. Что было всего важнее в обоих этих людях, так это то, что они умели показать превосходство просвещения на самих себе. ОрдинНащокин был человек высокой нравственности; до нас дошла грамота, в которой царь жалует его местом и при этом после подвигов гражданских вычисляет его высокие христианские подвиги; с службою государственною он умел соединить служение страждущей меньшей братии. Окончив государственную деятельность, ОрдинНащокин постригся в монахи, но и здесь показал он, как понимал обязанности инока христианского: он завел больницу, приставил к ней монахов и сам служил больным. О Матвееве отзываются иностранцы, что человек, которого народ называет своим отцом, выше всякой похвалы. Матвеев показал свой ясный взгляд, свою энергию в военной и гражданской службе; он пользовался неограниченною доверенностью царя Алексея Михайловича, участвовал с пользою почти во всех важнейших делах его царствования, а известно, что это царствование было обильно важными явлениями. Матвееву Московское государство обязано было устроением отношений между Великороссиею и Малороссиею; он часто бывал в Малороссии, знал природу страны и был способен определить ее отношение к Великой России. Столь же велики его заслуги и на поприще дипломатическом; занимаясь отношениями европейскими, он, подобно Нащокину, не спускал глаз с Востока, завел сношения с Китаем, пославши туда переводчика Спафари; наказ, данный Спафари Матвеевым, показывает всего лучше ясный взгляд этого государственного человека. Но, кроме того, деятельность Матвеева важна и в других отношениях. По отзыву иностранцев, он был образованнейший человек из своих современников, старался, чтоб и сын его был также образован, он первый украсил свой дом произведениями искусств; у Матвеева у первого рушилась преграда, отделявшая дотоле семейство хозяина от

гостей; к нему собирались не для одних только пиров, но и для умной, трезвой беседы, и в этих беседах принимала участие хозяйка дома, жена Матвеева; девушка, воспитанная в доме Матвеева, перешла отсюда на престол. Легко понять, как она могла действовать на быт при дворе. Но этот быт долженствовал измениться еще и прежде вследствие сильного влияния, которое имел Матвеев как друг царя. До нас дошло письмо Алексея Михайловича к Матвееву. «Приезжай поскорее, – пишет царь, – мои дети осиротели без тебя, мне не с кем посоветоваться». И мы не можем не заметить плодов этого влияния – мы видим большую перемену в быте двора, которая объясняет нам воспитание и деятельность Петра. Явление сестры его Софии также объясняется отсюда: София воспитана уже совершенно иначе, нежели прежние царевны, затворницы в своих теремах; следовательно, явление Софии объясняется из тех же причин, как и явление Петра, и оба явления объясняют друг друга. Все уже носит характер новый, все показывает важные преобразования, которые явились прежде преобразований Петровых и которые объясняют их.

Такова была деятельность трех первых государей новой династии, имевшая место в продолжение XVII века. Здесь, на границе двух эпох, двух столетий, нам должно остановиться. Но мы не можем не сказать несколько слов о том отношении, которое имеет настоящий порядок вещей к этим двум эпохам. Мы видели, как в продолжение XVII века являлись громкие требования преобразования, требования просвещения, науки для обороны веры, для улучшения нравственности. В XVIII веке этим требованиям старались удовлетворить. Наука, просвещение были утверждены и в наш век принесли свой необходимый плод – народное самопознание. Теперь, бесспорно, самопознание является для нас одною из первых потребностей. Теперь признано, что интерес отечественной истории стал главным интересом нашей ученой литературы; мы видим, как постоянно новые таланты посвящают себя занятию отечественною историею, видим, как со всех сторон обширного отечества собираются памятники, которые должны уяснить наше прошедшее. Вот плоды деятельности XVII и XVIII веков. Но самопознание по природе своей не исключительно, не односторонне, требует всех знаний, утверждается на них, питается ими. Теперь при этом стремлении к самопознанию не может быть спора об отношениях XVII и XVIII веков

к векам предшествовавшим, XIX век показал отношение их, плод науки, просвещения – самопознание народное примиряет, соединяет древнюю и новую Россию.

Но стремление к просвещению явилось не в XVII только веке; оно явилось гораздо прежде. Священное предание о необходимости просвещения звучит из глубины XII века; оно пришло не из чужа, оно пришло вместе с светом божественной истины, и из века в век передавалось оно как завет от предков к потомкам. Когда только еще образовалось русское общество, когда части его находились еще в брожении и борьбе, тогда в тесной келье монастыря началась наша летопись, и вот летописец, начав рассказ о том, как пошла Русская земля, как образовалось русское общество, на первых страницах своего труда написал эти простые, но бессмертные слова: «Велика бывает польза от ученья книжного». Вот священный завет, полученный нами от предков, и историк русский XIX века, если хочет быть верен своему народу, своей истории, должен повторить слова летописца XII века: велика бывает польза от ученья книжного, и велика бывает польза от народного самопознания!

Россия перед эпохой преобразования

Глава из «Истории России с древнейших времен»

Общий обзор хода древней русской истории. – Различие Восточной и Западной Европы. – Природа северо-восточной России. – Москва, ее характер. – Великий государь. – Случаи, когда он являлся пред подданными, выходы и походы. – Его семейные торжества. – Обеды во дворце. – Служня великого государя. – Служня, собиравшаяся на крыльце, и служня, собиравшаяся в передней. – Их интересы. – Местничество. – Комната и доклады. – Сиденье великого государя с боярами о делах. – Соборы. – Помещики. – Новое войско. – Военные поселения. – Казаки и стрельцы. – Кормление ратных людей. – Кормление от дел. – Приказы. – Кормление по городам. – Вид древнего русского города. – Воевода. – Губной староста. – Земский староста. – Главные интересы горожан. – Подати. – Службы горожан. – Кормление воеводы и подьячих. – Столкновения горожан с воеводами, с земскими старостами. – Борьба между лучшими и меньшими людьми. – Отношения к верховному правительству. – Судьба преобразований Ордина-Нащокина во Пскове. – Торговый устав. – Сельское народонаселение. – Смысл крестьянского прикрепления. – Стремление крестьян к образованию своих отдельных от города миров. – Печальное положение крестьян. – Необходимость переворота. – Новые учителя. – Раскол. – Обличения. – Церковные соборы. – Затруднительное положение духовенства. – Значение Никонова дела. – Иосиф Коломенский. – Духовник Коломенский. – Духовник Савинов. – Церковные имена. – Вопрос о детях белого духовенства. – Нравы и обычаи. – Поворот на новый путь. – Театр. – Литература.

При первом взгляде на карту Европы нас поражает различие между двумя ее неравными половинами – западную и восточную. На западе земля разветвлена, острова и полуострова, на западе горы, на западе много отдельных народов и государств; на востоке сплошная громадная равнина и одно громадное государство. Первая мысль при этом, что две, столько разнящиеся между собою половины Европы

должны были иметь очень различную историю. Мы знаем, как выгодны для быстроты развития общественной жизни соседство моря, длинная береговая линия, умеренная величина резко ограниченной государственной области, удобство естественных внутренних сообщений, разнообразие форм, отсутствие громадных, подавляющих размеров во всем, благообразие воздуха, без африканского зноя и азиатского мороза; эти выгоды отличают Европу перед другими частями света; на эти выгоды указывают как на причину блестящего развития европейских народов, их господства над народами других частей света. Но, указывая на эти выгоды, должно разуметь только Западную Европу, ибо Восточная их не имеет; природа для Западной Европы, для ее народов была мать; для Восточной, для народов, которым суждено было здесь действовать, – мачеха. Если исчисленные природные выгоды содействуют ранним и сильным успехам цивилизации, то понятно, почему на историческую сцену прежде всего являются южные полуострова Европы, почему древний цивилизованный мир (Римская империя) обхватывал в Европе южные полуострова, Галлию и Британию, значит, южную и западную окраины. Средняя и СевероЗападная Европа, Германия и Скандинавия присоединились к римскому миру, т. е. к грекоримской цивилизации, после; за ними примкнули к ней западные славянские племена, и, наконец, уже очень поздно, предъявляет свои права на европейскую цивилизацию и государство, заключившее в своих пределах Восточную Европу. Таким образом, в истории распространения европейской цивилизации мы видим постепенное движение от запада к востоку по указанию природы, ибо на западе сосредоточиваются самые благоприятные условия для ранних успехов цивилизации и постепенно ослабевают, чем далее на восток. Любопытно в этом отношении заметить пределы, где в Европе останавливается наплыв диких азиатских орд, народов первичного образования; и здесь видим ту же постепенность. Наплыв гуннов останавливается на Каталонских полях в Галлии; аварам прегражден дальнейший путь в Германии; мадьяры засели далее на востоке, в Паннонии; татары не могли и здесь остановиться, но наводнили восточную равнину, где и прежде их толпились подобные им народы; вся эта *погань*, по выражению наших предков, сплывает постепенно отсюда на восток, уступая Европе восточную ее половину. Но между поражением Атиллы при Шалоне до

покорения Крыма Екатериною Великою, когда должно положить окончательное очищение европейской почвы от господства азиатцев, прошло сколько веков! На столько веков, следовательно, история дала ходу вперед Западной Европе пред Восточною. Югозападные оконечности Европы, впрочем, подверглись в средние века нашествию жителей азиатских и африканских пустынь – арабов, которые надолго утвердили свое владычество на Пиренейском полуострове; в этом отношении при первом взгляде судьба югозападной оконечности Европы сходна с судьбою восточной ее окраины, судьба Испании сходна с судьбою России; и Фердинанд Католик, положивший конец владычеству арабов в Испании, современник нашему Иоанну III, при котором спало татарское иго; но какая, однако, разница: что заимствовали испанские вестготы и другие европейцы у цивилизованного араба и что могли заимствовать русские у татарина с товарищи – башкирца, чувашенина, черемиса и т. п.!

Историямачеха заставила одно из древних европейских племен принять движение с запада на восток и населить те страны, где природа является мачехою для человека. В начале новой европейскохристианской истории два племени приняли господствующее положение и удержали его за собою навсегда: германское и славянское, племенабратья одного индоевропейского происхождения; они поделили между собою Европу, и в этом начальном дележе, в этом начальном движении – немцев с северовостока на югозапад, в области Римской империи, где уже заложен был прочный фундамент европейской цивилизации, и славян, наоборот, с югозапада на североосток, в девственные и обделенные природою пространства, – в этом противоположном движении лежит различие всей последующей истории обоих племен. О первоначальном различии в характерах их, о преимуществе в этом отношении одного перед другим и о влиянии этого различия на историю мы не имеем никакого права заключать по недостатку известий; мы видим только, что одно племя изначала действует при самых благоприятных обстоятельствах, другое – при самых неблагоприятных. Конечно, для славянина, т. е. преимущественно для русского, есть сильное искушение предположить, что племя, которое при всех самых неблагоприятных условиях умело устоять, окруженное варварством, умело сохранить свой европейскохристианский образ, образовать

могущественное государство, подчинить Азию Европе, что такое племя обнаружило необыкновенное могущество духовных сил, и, естественно, рождается вопрос: племя германское, поставленное в такие неблагоприятные условия, сумело ли бы сделать то же самое? Но неприятное восхваление своей национальности, какое позволяют себе немецкие писатели, не может увлечь русских последовать их примеру.

Славяне на великой восточной равнине Европы. Их селения виднеются по Днепру и его притокам, по Днестру, Западной Двине, Оке, по Ильменской озерной системе. Они живут отдельными родами, каждый род под своим родоначальником; живут иные в городах, но это громкое слово «город» не должно смущать нас, возбуждать мысль о противоречии между существованием городов и особенно родового быта. Городом называлось всякое укрепление, всякая городьба, и сравнительное изучение явлений вполне объясняет дело: в XVII веке русские военные отряды, распространяя власть великого государя по Северной Азии, находили туземцев, живших отдельными родами, каждый под властью своего родоначальника, или *князьца*; но обыкновенно жилища семей, составлявших род, были укреплены, обнесены острожками, которые русским людям надобно было брать иногда приступом с кровопролитием; в острожке бывало по четырнадцати юрт, а юрты большие, в одной юрте жило семей по десяти. На севере и северо-востоке от славян жили финские племена под подобными же формами быта; на юге и юго-востоке толпились хищные кочевники, сменявшие, толкавшие друг друга. Славянам по временам тяжело приходилось от них, не спасали города, падавшие в одиночку в бесполезном сопротивлении, и степной хищник запрягал славянских женщин в свою телегу.

Промчится буря – и все опять тихо и однообразно попрежнему; степные хищники исчезнут, оставив только пословицу «изгибоша яко Обри»; силы не возбуждаются постоянным присутствием врага, как возбуждены были силы германцев враждебными движениями римлян; да и как были бы возбуждены эти силы, когда племена разбросались, затерялись на таком огромном пространстве? Было бы слишком смешно думать, что племена были многочисленны и наполняли сплошь пространство; проверка готова: многочисленно ли было здесь народонаселение, спустя много и много веков после описываемого

времени? И теперь наша восточная равнина принадлежит к малонаселенным частям Европы; что ж было за тысячу лет назад?

Но пробил час, историческое движение, историческая жизнь началась и для Восточной Европы. По водной дороге, тянущейся с небольшим перерывом или волоком от Балтийского моря к Черному, показываются лодки, наполненные вооруженными людьми: плывет русский князь из Новгорода с дружиною. «Платите нам дань», – повторяет он в каждом селении, у каждого острожка славянского. Требование не новое, несут меха, лишь бы только избавиться поскорее от гостей. Но на этот раз гости не исчезают, как авары, не уходят в донские и волжские степи, как козары. На высоком западном берегу Днепра поднимается город, стольный город княжеский, мать городов, Киев. Князь усаживается здесь с дружиною, окрестным племенам уже нет более покоя; по всем рекам и речкам ходит князь с дружиною, собирает дань; куда не придет сам князь, придет муж княжой с своею дружиною за данью; смотрят – гости рубят городки и усаживаются в них, садятся в старых городах, которые повыгоднее стоят и которые побольше. Кличут клич: кто хочет селиться около городов, будет защита и льгота; кто знает нужное ремесло, будет пожива, дорого будут платить ратные люди, которым не самим же все на себя делать. И города населяются, начинаются в них торги, стягивается народ отовсюду, пустеют села, князекродоначальник не досчитывается многих своих, ушли в город, а все были люди хорошие, досужие на всякое дело. Но села опустеют еще больше, кличут клич: князь идет в поход, собирайтесь, кто сможет! Молодежь поднимается, рубят лодки, уходят, и долго нет вести; наконец, возвращаются – другие люди! Были они в самом Цареграде, какие чудеса там видели! Какие диковинные вещи с собою привезли! Греков победили, несмотря на все их хитрости, заставили дань платить; а кто отличился, тот в дружине у князя или боярина; чудное житье в дружине: пир да ловы с утра до вечера, всего много у князя, ничего не жалеет для дружины, а какой почет!

Таким образом, история России, подобно истории других государств, начинается богатырским или героическим периодом, т. е. вследствие известного движения, у нас вследствие появления варягорусских князей и дружин их, темная, безразличная масса народонаселения потрясается, и происходит выдел из нее лучших

людей по тогдашним понятиям, т. е. храбрейших, одаренных большою материальною силою и чувствующих потребность упражнять ее. Старая русская песня очень хорошо определяет нам лучшего человека, богатыря, или героя: «Силато по жилочкам так живчиком и переливается, грузно от силушки, как от тяжелого беремени». Это мужи, люди по преимуществу, тогда как остальные в глазах их остаются полулюдьми, маленькими людьми, *мужиками*. Мужи, или богатыри, своими подвигами начинают историю; этими подвигами их народ становится известен у чужих народов; эти же подвиги у своего народа становятся предметом песен, первого материала исторического. Воображение народа поражено подвигами богатырей, их победами над внешними врагами, переменами, которые произведены их движениями внутри; все это, разумеется, преувеличивается, представляется в гигантских размерах. Все выходящее из ряда обычных, ежедневных явлений младенчеству народ приписывает влиянию высших сил, и богатыри необходимо являются существами выше простых людей, им приписывается божественное происхождение; у нас же при неразвитости мифологии и скором влиянии христианства богатырь хотя и не божественного происхождения, однако по крайней мере чародей: князь Олег, поразивший народное воображение удачным походом на Константинополь и богатствами, оттуда привезенными, является необходимо чародеем, вещим. Самый рассказ о подвигах богатырячародея приобретает чудодейственную силу, море утихает, когда раздается песня о богатыре: «Тут век про Добрыню старину скажут, синему морю на тишину, вам всем, добрым людям, на послушанье». Это старинное, форменное присловье показывает нам, что богатырские песни впервые раздавались на тех лодках, от которых Черное море прозвалось русским.

Богатыри упражняли свою силу, от которой им было грузно; но что же делалось вследствие этого на великой восточной равнине? Мы видели, что среди племен появился город с новым характером как местопребывание новой власти, мужа княжого; скоро потом в лучших городах являются и князья, сыновья, братья главного князя киевского; с ними дружина, которая не позволит племени удерживать свою независимость, не платить ясака, или дани; кроме того, лучшие силы, лучшие люди уходят из племени: одни – в дружину, другие – в промышленное городское народонаселение, в посадские люди.

Народонаселение восточной равнины делится уже не по племенам; здесь новое деление, три сословия налицо: ратные люди, дружина, мужи, пред которыми все остальное, не ратное народонаселение – черные люди, смерды, мужики; но последние делятся также на два разряда: городское, промышленное сословие и сельчан; последние, естественно, ослабели, потеряв лучшие силы, ушли на самый задний план, об них не слышно; летопись, как естественно, рассказывает только о тех, кто движется, этим движением обращает на себя внимание, заставляет двигаться других, производить перемены; летопись поэтому рассказывает преимущественно о князьях и их дружинах, ибо они преимущественно движутся; иногда упоминает и о горожанах, когда те, разбогатевши, усилившись и воспользовавшись усобицами, разделением и ослаблением князей, подняли голос, начали также двигаться и производить перемены своим движением; но летописец молчит о сельчанах: здесь тихо, нет движения.

Племена исчезают в первый, богатырский, период; вместо них являются волости, княжения с именами, заимствованными не от племен, а от главных городов, от правительственных, стянувших к себе окружное народонаселение центров. Ярослав раздает своим сыновьям волости, города, а не племена; это исчезновение племенных имен служит самым ясным доказательством слабости племенного начала у нас на Руси. В истории Германии мы постоянно встречаемся с саксонцами, турингами, франконцами, швабами, баварцами, и в соответствии этому мы знаем, что особенность, самостоятельность и сила племен были причинами того, что государственное единство Германии стало невозможно, о чем плачут теперь немецкие патриоты. Сила племени, его стремление к особности и самостоятельности обнаруживаются не в том, что одно говорит *ц* там, где другое употребляет *ч*; влияние племенного начала в истории не обуславливается одними различиями в нравах и обычаях, происходящими оттого, что одни живут в стране болотистой, а другие в сухой, одни в лесах, другие в степи, племенное начало является влиятельным в истории только тогда, когда племя многочисленно, сомкнуто под одною властью и путем исторической деятельности получило ясное сознание о своей самостоятельности, сознание о противоположности своей другим племенам вследствие приобретения особых интересов. Но замечаем ли мы что-нибудь подобное у наших племен до Рюрика и

после него? Неужели отказ платить ясак, когда прежде его не платили, и возмущение части древлян, выведенных из терпения хищничеством киевского князя, похожи на борьбу саксонцев против вождя франков Карла Великого?

Славянское народонаселение различных местностей восточной равнины потеряло свои племенные имена, значит, потеряло сознание о племенных особенностях, о племенных союзах; значит, особенности эти не выдавались резко; значит, союзов этих не было или были они случайным явлением. Быт этих племен, живших отдельными родами, подвергся коренному преобразованию вследствие начала движения, исторической жизни, вследствие появления князя, дружин и городского народонаселения, порознившегося от сельского. Но перемены этим не ограничились: вследствие геройского, богатырского движения, далеких походов на Византию явилась и распространилась новая вера, христианство, явилась церковь, еще новая, особая часть народонаселения, духовенство; прежнему родоначальнику, старику, нанесен был новый, сильный удар: он потерял свое жреческое значение; подле него явился новый отец, духовный, священник христианский, и эта новая власть тянула к городу, потому что там жил архиерей.

Но понятно, что этот переворот в быте славянского народонаселения восточной равнины не мог закончиться в продолжение начального, богатырского, времени, от Рюрика до смерти Ярослава I. Известно, например, как слабо еще укоренено было христианство в конце этого времени и долго спустя, как в Новгороде волхв чуть не обратил всего народа снова к древнему язычеству. Воинственное движение первых князей обхватило все племена и в каждом более или менее повело к означенным переменам; но известно, что юные тела представляют сходство с телами одряхлевшими, ибо и здесь и там действует одинаково слабость; так и новорожденные государства сходны, повидимому, в том с одряхлевшими, что не могут сохранить единства, непосредственной связи между частями. Одряхлевшее Римское государство покончило свое существование разделением; разделением новые европейские государства начинают свою историю. Новорожденное Русское государство не могло не подчиниться общему закону. Но должны ли мы здесь останавливаться на одной видимости, ограничиваться одним внешним, поверхностным

взглядом и признать действительное разделение? Конечно, нет. Мы должны, наоборот, обратить все наше внимание на то, на чем при внешнем делении держится внутренняя связь частей, что не дает им обособиться; как постепенно укрепляется связь частей, единство государственное; мы должны следить за развитием, ростом государства вместе за развитием, ростом народа, за постепенным уяснением сознания его о себе как едином целом.

Мы видели, что племена не были в состоянии противодействовать усилению государственного единства. Главным препятствием этому единству могло быть громадное пространство государственной области, очерченной оружием первых Рюриковичей. С успокоением движения, богатырства, знаменующего начало исторической жизни народа, или с отвлечением этого движения куданибудь в другую сторону связь собственной в начале Руси Киевской области с отдаленными волостями могла ослабеть; правители волостей благодаря отдаленности могли устремиться к самостоятельности, особенно если бы главный князь киевский стал требовать от них исполнения тяжелых обязанностей, большой дани себе с их волостей; тогда бы и выгоды народонаселения этих областей совпали с выгодами правителя и все вместе начало бы стремиться к независимости. Чтоб удержать все части в связи, надобно было, чтоб движение, знаменующее первый, богатырский, период, не прекращалось, чтоб представители исторического движения, князь и дружина, не прекращали своего движения, но перебежали бы беспрестанно обширные пространства восточной равнины, не давая волостям обособляться, возбуждая их непрерывно к общей жизни. Это именно явление мы и видим во время, протекшее от смерти Ярослава I до выступления Северной Руси на главную сцену действия. Движение сильное, непрерывное, князья с дружинами переходят из одной волости в другую, идет борьба, усобицы, и вся сила движения сосредоточена внутри русских областей, не выходит наружу; много видим князей – богатырей не хуже древнего Святослава Игоревича, но ни один из них не переселяется на Дунай. Это движение условливалось родовыми княжескими отношениями: князья разошлись по волостям, даже самым отдаленным, но единство рода сохранялось, главный стол принадлежал старшему в целом роде, а лучшие волости доставались по степени старшинства: отсюда князья

только временные владельцы в волостях своих; все их внимание обращено на то, чтоб не потерять своего старшинства как права на лучшую волость; взоры их устремлены постоянно на Киев, и вместо стремления обособиться они считают величайшим несчастьем для себя, если принуждены выйти из общего родового движения.

Но понятно, что если все внимание князей обращено на одно общее средоточие, если у них у всех один общий интерес, если все тянут к Киеву, то и волости, и народонаселение этих волостей не могут обособиться; ростовцы и черниговцы, владимирцы на Волыни и смоляне должны обращать постоянное внимание на Киев, на Переяславль, ибо перемены, которые произойдут здесь, непременно повлекут за собою важные перемены и для их области: или прежний князь уйдет, придет другой на его место, или начнется усобица, в которой их князь и они сами должны будут принять участие. Таким образом, посредством родовых княжеских отношений, посредством беспрестанных передвижек князей и дружин их из одной области в другую народонаселение и самых отдаленных областей не могло высвободиться из общей жизни, постоянно имело общие интересы и укореняло в себе сознание о нераздельности Русской земли. Разумеется, частые смены князей вследствие родовых их счетов и усобицы, от запутанности в этих счетах происходившие, должны были иметь тяжелые последствия для народонаселения областей; но нельзя было заставить князя отказаться от родового единства; новгородцы пробовали было завести у себя постоянного князя, но безуспешно. По крайней мере связь с Киевом ничего не стоила областям в другом отношении: они ничего не платили в Киев и были от него совершенно независимы.

К единству политическому, державшемуся родовыми княжескими отношениями, присоединялось единство церковное: единый митрополит жил в Киеве, и к нему тянули епископы всей Русской земли, к Киеву тянуло все русское христианство, которое все более и более распространялось по восточной равнине, тесня славянское и финское язычество. К Киеву тянуло русское христианство не потому только, что там было средоточие церковного управления: из Киева распространилось христианство повсюду, сперва вследствие ревности князей и движения их с дружинами по областям; но потом из Киева же пошли с проповедью христианства монахи; КиевоПечерский

монастырь рассылал епископов повсюду; религиозное движение к Киеву по всем частям Русской земли, обычай ходить на поклонение святыням Киева не со вчерашнего дня.

Таким образом, то время, которое с первого раза кажется временем разделения, розни, усобиц княжеских, является временем, когда именно было положено прочное основание народному и государственному единству. Во время, протекшее от призвания князей до смерти Ярослава, племена волеюневолею были втолкнуты в общую жизнь, быт их подвергся изменениям; но это были во всем только начатки; чтоб эти начатки развились, укрепились, нужно было продолжение такого же сильного движения князей и дружин их, движения, сосредоточенного в области, намеченной оружием первых князей. И действительно, мы видим это движение, совершающееся вследствие единства княжеского рода, родовых счетов между князьями. Время и от смерти Ярослава до Боголюбского представляет нам продолжение того же героического, богатырского, периода движения, имеющего целью пробуждение исторической жизни. Князья попережнему отличаются богатырским характером; они движутся беспрестанно из одной области в другую; усесться на одном месте, завести чтонибудь прочное, постоянное не в их характере; хороший князь не должен ничего копить, собирать впрок, должен все раздавать дружине, с которою может добыть все; князь имеет в виду постоянное движение с одного стола на другой до тех пор, пока не сложит костей в заветном Киеве, подле гробов отцовских и дедовских. Князьбогатырь, который оставил по себе больше других славы, Мономах, сам подал о себе весть потомству, описал свою деятельность; эта деятельность состояла в вечном движении, в непрерывных походах из одной стороны в другую. Если мы взглянем на карту России и припомним, что должно было представлять это обширное пространство в XI и XII веках, то понятно нам станет значение Мономаха, значение этой постоянной передвижки, беготни, под условием которых поддерживались начатки исторической жизни во всех частях, поддерживалось всюду сознание о единстве Русской земли.

До призвания князей существовали отдельные племена, сходством своим способные принадлежать к одной народности; с призванием князей, с началом исторического движения племена приводятся в связь, преимущественно внешнюю, начинается переработка их быта;

но только благодаря явлениям, характеризующим время от смерти Ярослава до конца XII века, является русский народ.

Так важно было продолжение движения на великой восточной равнине Европы, продолжение героического, богатырского, периода русской истории по условиям, среди которых эта история началась, по обширности и девственности страны. Но теперь рассмотрим в следствия этого продолжительного движения. Когда мы представляем себе постоянное, продолжительное движение, то это представление не дает места представлению о чемлибо прочном, установившемся. В Западной Европе при начале ее новых государств мы видим движение германских дружин с их вождями в области Римской империи и вооруженное занятие ими этих областей. Но здесь мы видим, что пришельцы овладевают землею, усиживаются на ней, главные вожди из своих обширных земельных участков выделяют другим в пользование с известными обязанностями; волости, розданные во временное владение, по разным причинам становятся наследственными; слабый землевладелец, желая приобрести покровительство сильного соседа, отдает ему свою землю и получает ее назад уже с известными обязанностями к сильному. Здесь, на Западе, на основании поземельных отношений образуется та связь между землевладельцами, которую мы называем феодализмом, связь, которая в первые времена, времена слабости государственного организма, точно так же содействовала сохранению единства страны, как наши родовые княжеские отношения. Земля, отношения по земле составляют сущность феодальной системы. Эта система, по счастливому выражению одного историка, есть как бы религия земли. Недвижимое имущество, земля, господствует, и только после, вследствие развития промышленности и торговли, процветания городов получает важное значение движимое имущество, деньги, является и денежная аристократия подле земельной. Но у нас, на восточной равнине, мы не замечаем подобного явления. Как ни вчитываемся в летопись, чтоб подметить в ней указания на земельные отношения дружины, — не находим ничего. И опять если обратим внимание на главное условие, при котором началась и продолжалась русская история, именно на обширность страны и малочисленность народонаселения, то дело объяснится легко: земли было слишком много, она не имела ценности без обрабатывающего ее

народонаселения; главный доход князя, который, разумеется, шел преимущественно на содержание дружины, состоял в дани, которую князь собирал с племен и которая потом продавалась в Греции; вначале если князь не ходил за данью, то дружина его бедствовала. «У Свенельдовых отроков много оружия и платья, а мы босы и наги; пойдем, князь, с нами за данью!» – говорит дружина Игоря. Известие драгоценное, показывающее нам, как мы должны смотреть на дело. Дружинники не усаживаются на выделенных им земельных участках в самостоятельном положении землевладельцев, обеспеченных доходом с этих земель; они остаются с прежним характером спутников, товарищей князя, остаются при нем привязаны к особе князя, вождя своего, который их кормит и одевает; кормит и одевает дурно, они ропщут, и если ропот не производит действия, если князь не уступает им, как уступил Владимир, выложивший серебряные ложки вместо деревянных, то дружинники уходят к другому князю, который щедрее. Но, может быть, так было только вначале, после отношения переменились? Нисколько: от позднейшего времени доходят до нас известия, что дружинники кормились не от земли, но получали от князя денежное жалованье; летописец, жалуясь на усилие роскоши, говорит, что прежние дружинники не позволяли женам своим излишней роскоши и потому довольны были сотнею гривен, получаемых от князя, а теперь говорят: «Мало мне, князь, ста гривен!» – потому что жены их стали носить золотые украшения вместо серебряных.

Иначе и быть не могло при родовых княжеских отношениях, когда князь не был крепок в своей волости, но, стремясь по родовой лестнице к старшему столу, переходил из одной волости в другую; дружина следовала за ним; князя выгоняли враждебные родичи, дружину постигала та же участь. При подобной перекочевке могла ли недвижимая земельная собственность иметь важное значение?

Таким образом, дружина после появления ее на восточной равнине в продолжение нескольких веков не усаживается, но сохраняет первоначальный характер, характер военного общества, братства, которое с своим вождем движется, ища подвигов и добычи. Дружина хорошо, весело живет при князе: князь – старший товарищ, старший брат, а не повелитель; он не таится от дружины, дружина знает всякую его думу; он ничего не щадит для дружины: ни еды, ни

питья, ничего не копит себе, все раздает дружине; а не хорош князь, думает свою думу врознь от дружины, скуп князь или завел любимца, дружинники покидают его; им легко это делать; они не связаны с областью, где правит покинутый князь; они русские, а Русская земля велика и князей много, каждый с радостью примет доброго воина. Так в продолжение целых веков русские дружинники привыкли жить в этой первоначальной форме военного братства, привольно двигаясь из волости в волость на неизмеримом пространстве, сохраняя первоначальную волю, свободу перехода, право служить какому захочет князю, привыкли жить беззаботно, не думая о завтрашнем дне, не чувствуя никакого давления сверху, не чувствуя нужды соединять свои силы для отпора, для защиты своих прав, привыкли избегать всякой неприятности, всего дурного не сопротивлением, но уходом, привыкли руководиться интересами личными, а не сословными.

Но, говоря о родовых княжеских отношениях и важных следствиях этих отношений для дружины, мы не должны упускать из виду одного чрезвычайно важного обстоятельства, именно быстрого размножения членов Рюрикова княжеского рода. Приведенный нами случай, когда дружинники становятся землевладельцами, не есть единственный случай образования сильного вельможества в стране. Вельможество происходит также, когда князь раздает своим приближенным города и целые области в управление; эти правители, естественно, приобретают важное значение и передают его потомству. Так произошло польское вельможество, которое очень скоро уже начинает бороться с королевскою властью, ограничивать ее. Но в России очень быстро размножаются члены княжеского рода, вследствие чего все области и все скольконибудь значительные города управляются князьями и для бояр прегражден, таким образом, путь к образованию могущественного, вроде польского, вельможества; на первом плане князья, их родовые счеты и движения, борьбы вследствие этих счетов; дружина, увлеченная вихрем этого движения, не успевает приобрести никакого самостоятельного значения; отсюда понятно, почему в описываемое время князья наполняют почти исключительно всю историческую сцену; летопись является летописью княжескою, говорит о князьях, их одних имена попадают беспрестанно в глаза и производят такое утомительное однообразие.

Но всмотримся пристальнее: подле князей и дружин их, не усевшихся, перекочевывающих из одной области в другую, что обличает общество новорожденное, мы замечаем любопытное явление, которое еще более обличает новорожденное общество, явление, уже невозможное в обществе скольконибудь зрелом, сформировавшемся, – летопись упоминает о богатырях, людях, отличающихся особенною физическою силою и храбростию и которые не входят в дружину княжескую, составляют особую силу, помогая то тому, то другому князю. История может еще подметить на девственной восточной равнине процесс первоначального выделения сил из народонаселения, приведенного в движение. А если сравним общество, о котором идет речь и которое мы называем новорожденным в смысле общества европейского, отличающегося сложностью своего построения, чем оно и выше, совершеннее других обществ, – если мы сравним русский народ XI и XII веков с соседями восточными, то как высоко станет он! Подле степь с ее кочевыми обитателями; и здесь мы опять можем наблюдать переход народов от кочевого быта к оседлому; между дикими степными кочевниками и оседлою Русью образуются народцы полукочевые и полуоседлые, полунезависимые, имеющие собственных князьков, но признающие верховную власть русских князей, причем, однако, нередко изменяют в пользу своих диких собратий.

Но в то время как на восточной равнине князья и дружины, сохраняя первоначальный богатырский характер, не покидают движения, не привязываются землевладением, как на Западе, города, которым вследствие счастливого положения своего удалось подняться чрез промышленность и торговлю, необходимо должны были приобрести важное значение именно потому, что другие силы, князь и дружина, представляли начало подвижное, изменяющееся, а города представляли постоянное, прочное. Волости, земли, второстепенные, младшие города тянут к старшему, сначала потому, что там живет князь; но теперь князья меняются, спорят, трудно разобрать, кто из них прав. И младшие города, вся волость, естественно, по старой привычке смотрят на старший, что там скажут? Как решат, так и все другие решат. Старшие города, жители его, собранные на вече, являются, таким образом, *властью*, и на чем они, старшие, положат, на том и пригороды станут. При множестве князей, их спорах и усобицах

города, естественно, стремились к тому же положению, какое приобрела дружина: переходить от дурного князя к лучшему. Вскоре по смерти Ярослава, когда явилось уже несколько князей, киевляне выгоняют князя, который не умел защитить их от половцев, и берут себе другого, его пленника. Впоследствии эти явления повторяются где чаще, где реже, в Новгороде Великом чаще всего. Естественно, что при этом происходили условия, ряды. Только новгородские ряды дошли до нас; что же касается до других городов, то нельзя думать, чтоб в них было много определений относительно самостоятельности городского управления: как дружинник, имея возможность обеспечивать себя лично свободным переходом, забыл думать о каких-либо других определениях своего сословного положения, точно так и города встречали препятствие к точнейшим определениям своего быта именно в возможности переменить дурного правителя и судью; призовут на его место хорошего, уговорятся с ним, чтоб поставил всюду хороших второстепенных правителей и судей, и все пойдет хорошо. На западе владелец жил постоянно тут, был вечным землевладельцем; от его притеснений городу не было другого средства, как поцеловать крест, *стоять за один* (*juger la commune*), с помощью высшего авторитета заставить притеснителя определить навсегда свои отношения к городу. На Руси же иное дело: против князя доброго и несильного не нужно обеспечений, а придет на его место князь сильный, тот не станет смотреть на ряд своего предшественника, не будучи с ним ничем связан, часто будучи врагом его; высшего же авторитета, который бы мог утвердить права города относительно его князя, нет; все князья равны на своих столах и высшего над собою не признают. Наконец, лучшее доказательство неразвитости самоуправления в древних городах русских – это когда некоторые из них подпали под власть Литвы, то приняли чужие формы самоуправления, именно немецкое магдебургское право: чужие формы добровольно берутся тогда, когда нет своих.

Духовенство, начальные его люди, архиереи, хотя часто и пришельцы, но, оставаясь постоянно среди своей паствы, не могли не иметь большого влияния на дела волости, на ее отношения к князьям; владыке принадлежало первое место во всяком видном случае. Среди постоянно движущихся, друг с другом воюющих князей, среди движущихся вместе с князьями дружин, среди волостей,

колеблющихся, мятущихся вследствие этого движения и борьбы, единый митрополит киевский и всяя Руси мог бы приобрести огромное значение: это была одна постоянная сила среди других движущихся, следовательно, слабейших. Но этот митрополит был обыкновенно грек, чужой человек, без языка перед народом, без влияния.

Таким образом, во сто лет, протекшие от смерти Ярослава I, мы видим, что преимущественно вследствие продолжения движения все элементы задержаны в своем развитии, налицо все первоначальные формы: бродячие дружины, члены их, свободно переходящие от одного князя к другому, в челе дружин неутомимые князьябогатыри, переходящие из одной волости княжить в другую, ищущие во всех странах честь свою взять, не помышляя ни о чем прочном, постоянном, не имея своего, но все общее, родовое; веча с первоначальными формами народных собраний безо всяких определений; а тут, на границе, кочевники переходят к полуоседлости, немного далее, в степи, виднеются вежи и чистых кочевников. Все здесь, на восточной равнине, отзывается первобытным миром, общество как будто еще в жидком состоянии, и нельзя предвидеть, в каком отношении найдутся общественные элементы, когда наступит время перехода из этого жидкого, колеблющегося состояния в твердое, когда все усядется и начнутся определения.

Когда же и где именно, при каких условиях начались эти определения? От уяснения этих вопросов зависит уяснение всего последующего хода истории. Мы видели, что история сначала выбирает всегда лучшие земли, и отсюда постепенность исторического движения в Европе с юга на север или с югозапада на северо-восток. То же самое видим и у нас, на восточной равнине. История начинается здесь на западе, на водном пути из Балтийского моря в Черное; начинается на северозападе, но уже второй князь переселяется с севера на юг, в среднее Приднепровье, в лучшие страны, где и образуется собственная в древности Русь. Здесь, в западной части равнины, по великому водному пути, остается главная историческая сцена при первых князьях и сто лет спустя по смерти Ярослава Великого. Но мы видели, что изначально славянам суждено было двигаться на северо-восток, в страны, более и более обделенные природою: какойто сильный враг когда-то потеснил славян с Дуная и заставил часть их

поселиться по рекам восточной равнины; но и тут, в лучших югозападных частях этой равнины, они не могли долго оставаться в покое даже и тогда, когда русские князья соединили их и в челе дружин своих стали на стороже Русской земли, обстроили ее городками со стороны степи: ни русские князья с их дружинами, ни русские городки не могли сдерживать наплыва кочевников; города и села лежали пустые, обгорелые, пахарь не смел выехать на работу, половецкие вежи наполнялись русскими рабами, и походы князей в далекие степи на разгром хищников приносили только минутное облегчение. Черниговский князь объявил, что его волость опустошена, что в его городах живут только псаря да половцы; другие пограничные со степью княжества не могли быть в лучшем положении. Усобицы княжеские происходили преимущественно в этих же странах, и князья приводили тех же половцев.

Такое несчастное положение югозападной Украины необходимо заставляло часть ее жителей выселяться в страны более спокойные. Эти страны были именно отдаленные северо-восточные волости русские, суровая климатом, бедная населением область верхней Волги, где князья, тяготясь малолюдностью, отовсюду призывали насельников, давали им льготы, строили им города.

В каких же условиях нашлось народонаселение в этой новой стране?

Если в старой, западной или югозападной, Руси племенное деление имеет так мало исторического значения, то в новой, северо-восточной, Руси о племенах нет и помину. Летопись до прихода варягорусских князей указывает здесь финские племена; но в половине XII века мы имеем здесь дело уже с славянорусским народонаселением. Прибытие одних русских князей с их дружинами не могло ослабить туземцев: мы знаем, как обыкновенно господствующий класс сохраняет одну народность, а низшее народонаселение – другую; для ослабления северо-восточной Руси необходим был сильный приплыв славянского народонаселения в города и села. Но этот приплыв совершился не целыми особыми племенами, а вразброд; стекались поодиночке или небольшими толпами из разных местностей, сталкивались с чужими, с иноплеменниками, без возможности, следовательно, сейчас же составить крепкий союз, приходили с сознанием своей слабости,

зависимости. В западных областях славяне были старые насельники, старые хозяева, князья были пришельцы; на востоке, наоборот, славянские поселенцы являются в страну, где уже хозяйничает князь; князь строит городки, призывает насельников, дает им льготы; насельники всем обязаны князю, во всем зависят от него, живут на его земле, в его городах. Эти отношения народонаселения к князю и легли в основу того сильного развития княжеской власти, какое видим на севере. Разумеется, многое зависело здесь от того, воспользуются ли князья своими выгодными отношениями к новому народонаселению, к новым своим городам, не встретят ли в других частях народонаселения сильных препятствий. Явился именно такой князь, который как нельзя лучше воспользовался своими выгодными отношениями к новому народонаселению, именно Андрей Боголюбский. Он переселяется жить из старого города Ростова Великого в новый ВладимирнаКлязьме, где нет веча, где власть княжеская не встретит преград. Андрей понимает очень хорошо значение слов *мое, собственность* и не хочет знать Юга, где князья понимают только общее родовое владение. Андрей, как древний богатырь, чует силу, получаемую от земли, к которой он припал, на которой утвердился навсегда; он не покидает этой земли; не переезжает в Киев, когда тот достался ему и по родовым правам, и по правам победы. Этот первый пример привязанности к своему, особому, первый пример оседлости становится священным преданием для всех северных князей, и отсюда начинается новый порядок вещей.

Мы сказали: при зачатии утверждения нового порядка вещей многое зависело от того, воспользуются ли князья своим выгодным положением, не встретят ли препятствий в других частях народонаселения? Дело не обошлось без борьбы. Южные князьябогатыри, привыкшие смолоду никого не бояться, кроме бога одного, встали, увидав, что Андрей, северный самовластец, стал обходиться с ними не попрежнему, не как с родственниками, но как с подручниками; они разбили большое войско Андреево, высланное против них на юг; но этим оборонительным действием князей дело и кончилось на Юге; Север с зачавшимся в нем новым порядком остался не тронут. Новгород Великий с храбрым князем, приехавшим к нему с Юга, отбил от полков Андреевых, видел бегство их от стен своих, но этим оборонительным действием со стороны сильнейшего

самовластительного города на Руси дело и кончилось; Новгород Великий не помог Ростову Великому, в который Андрей ударил пятою, по тогдашнему выражению, переехал жить в пригород и украшал этот пригород как стольный город назло старому Ростову. Мы видели, как привыкли жить дружинники с князем, не как с повелителем, но как со старшим товарищем, как с вождем, которому служат по любви, из охоты и покидают при первом неудовольствии. Андрей не ужился с этими обычными требованиями дружины и погнал из своей волости старых бояр отцовских: что же бояре остальных волостей русских? Встали за обиду товарищей? Нисколько.

Повсюду ограничились только обороною от наступательных действий северного самовластца; он остался нетронутым в своей волости. Здесь борьба не кончилась: Андрей пал жертвою нового порядка, им введенного, бояре убили его. Но это воровское дело, это ночное нападение, ночное убийство сурового господина показывает лучше всего слабость в людях, совершивших преступление. Однако человека, сжимавшего все в сильной руке, не было более, следовательно, теперь все, что было сжато только, а не изгибло, могло подняться, выпрямиться. Поднимается старый вечевой город Ростов, хочет низложить дерзкий пригород Владимир, взявший первенство по воле князя; с старым городом по единству выгод соединяются бояре; но пригороды побеждают, Ростов окончательно теряет свое значение, и князя утверждают в пригородах, где нет веча, где власть их ничем не стеснена.

Исход борьбы между старым городом и новыми имел решительное влияние на дальнейший ход событий на севере, а следовательно, и в целой России, ибо север получает преобладающее значение. Мы видели, что вследствие родовых княжеских отношений, перемещений и усобиц власть княжеская являлась чемто непостоянным, изменяющимся, и во сколько она ослабела чрез это, во столько выиграло значение старшего города в волости, который представлял власть постоянную. Таким образом, в земле подле власти княжеской являлась другая власть, и чем чаще в которой земле менялись князья, чем с меньшими силами приходили они как искатели волости, стола, тем более поднималось значение другой, постоянной власти, города: так, Новгород Великий поднялся до значения государя, хотя не исключил и власти княжеской, остался при выработанном

историю двоевластия, не постаравшись о более точном юридическом определении. Такое двоевластие было более или менее и в других областях, в других землях во время господства родовых княжеских отношений. Но как скоро на севере князь сделал первую попытку установиться, сделаться властью постоянною, то, естественно, он прежде всего должен был столкнуться со властью старшего города. Исход столкновения легко было предвидеть на севере, где князь явился повелителем страны, строителем городов, где князь, следовательно, создал себе силу, опираясь на которую мог начать поведение, каким отличался Андрей Боголюбский. Андрей, впрочем, как видно, не вступал в открытую борьбу с старым городом Ростовом, он только оставил его и устроил себе свой стольный город в пригороде Владимира, он точно так же поступил и с Киевом, старшим городом во всей Русской земле; племянник его Ярослав Всеволодович хотел точно так же поступить с Новгородом, покинувши его и утвердивши свое пребывание в пригороде Торжке. Только когда по смерти Боголюбского ростовцы высказали свои требования, началась открытая борьба между ними и братьями Андрея, кончившаяся поражением ростовцев. Неудивительно, что борьба была непродолжительна; обратив внимание на положение Ростова, трудно предположить, чтоб этот город был силен, имел многочисленное народонаселение вследствие большой торговой деятельности; трудно предположить, чтоб этот город, запряганный своими строителями, финскою мерею от живого пути, от Волги, к печальному мертвенному озеру, чтоб этот город процветал, подобно Новгороду, Смоленску, Полоцку.

Низложен был старый вечевой город, и на севере водворилось однообразие: все города новые, незначительные; Ростов заброшен, Владимир не успел еще подняться в значении столицы великокняжеской, как был разорен татарами и также заброшен; великие князья живут в своих *опричинах*, в своих наследственных городах: то в Переяславле, то в Твери, то в Костроме, то в Москве. Нельзя не заметить в русской истории относительно городов важной по своим последствиям односторонности: в западной половине, где была главная историческая сцена в древности, мы видим ряд значительных городов, процветавших именно потому, что они были на дороге из варяг в греки, т. е. из Северной Европы в Южную; в северо-восточной части, которая теперь выступает на первый план, по

другим, менее благоприятным природным условиям значительных городов нет, и потому не обнаруживают они влияния на последующий ход событий, которые совершаются мимо их. Города являются здесь преимущественно большими огороженными селами, и государство, здесь сложившееся, окрепнувшее, получает преимущественно характер государства земледельческого.

Вообще движение русской истории с югозапада на северо-восток было движением из стран лучших в худшие, в условия более неблагоприятные. История выступила из страны, выгодной по своему природному положению, из страны, которая представляла путь из Северной Европы в Южную, из страны, которая поэтому находилась в постоянном общении с европейскохристианскими народами, посредничала между ними в торговом отношении. Но как скоро историческая жизнь отливает на восток в области верхней Волги, то связь с Европой, с Западом, необходимо ослабевает и порывается не вследствие мнимого влияния татарского ига, а вследствие могущественных природных влияний: куда течет Волга, главная река новой государственной области, туда, следовательно, на восток, обращено все. Но Западная Россия, что же с нею сделалось? Она осталась на своем месте, не могла передвинуться на восток? Западная Россия, потеряв свое значение, потеряла способы к дальнейшему материальному, государственному и нравственному развитию, способы иметь влияние на Восточную Россию результатами своего общения с европейскими народами. Мы видели, чему подвергалась она вследствие соседства своего с степью, с хищными кочевниками, половцами. Татары и литва разорили ее вконец. Киев, в старину вторая Византия, являлся путешественнику в виде ничтожного городка, с окрестностями, похожими на кладбище. Запустелая, лишенная сил, раздробленная, ЮгоЗападная Русь подпала под власть князей литовских. Галич, счастливый уголок, где было сосредоточились последние силы ЮгоЗападной Руси, быстро поднялся и процвел, но скоро и пал вследствие своего уединения от остальной, живой Руси, т. е. Великой, ибо Малую Русь в описываемое время нельзя было назвать живою. Политическая связь между Восточною и Западною Русью рушилась; мало того, возникла вражда вследствие соперничества правителей, которые постарались разрушить церковное единство: явилось два особых митрополита, в Киеве и Москве.

Кровный союз был нарушен, родные братья разделились, разошлись; сколько от этого разделения потеряно было материальных сил, об этом говорить нечего. Деньги – дело нажитое, говорит пословица; так и вообще материальные силы; но сколько от этого раздела, от этой долгой жизни особняком потеряно было нравственного, духовного богатства! Русский человек явился в северовосточных пустынях *бессемен* во всем печальном значении, какое это слово имело у нас в старину. Одиноким, заброшенный в мир варваров, последний, крайний из европейскохристианской семьи, забытый своими и забывший о своих по отдаленности, разрознившийся и от родных братьев – вот положение русского человека на северовостоке; и целые века предназначено было ему двигаться все далее и далее в пустыни востока, жить в отчуждении от западных собратий. Но если для развития сил как отдельного человека, так и целого народа необходимо общество других людей, других народов, если только при этом условии возможно движение мысли, расширение сферы деятельности, то понятно, какие следствия для русского народа должно было иметь отсутствие этого условия.

Другие благоприятные условия могли бы, хотя отчасти, восполнить недостаток главного условия, необходимого для успешного развития народной жизни, например благоприятный климат, плодородие почвы, многочисленное народонаселение в обширной и разнообразной стране, что делает возможным разделение занятий, обширную внутреннюю торговлю, непрерывные сообщения различных местностей друг с другом, процветание больших городов. Ничего подобного не могло быть в северовосточной России. Печальная, суровая, однообразная природа не могла живительно действовать на дух человека, развивать в нем чувство красоты, стремление к украшению жизни, поднимать его выше ежедневного, будничного однообразия, приводить в праздничное состояние, столь необходимое для восстановления сил. Малочисленное народонаселение было разбросано на огромных пустынных пространствах, которые беспрестанно увеличивались без соответственного умножения народонаселения. Все это было бедно и слабо без возможности к самостоятельной жизни, без возможности защиты при встрече с какою бы то ни было силою. Посмотрим, что иногда происходило в городе относительно довольно значительном?

Жители прячутся, затворяются ставни домов, запираются лавки: в город въехал приказчик соседнего богатого землевладельца, окруженный толпою подвластных ему крестьян, и похваляется всякою похвальбою на горожан. Эта слабость отдельных частей вела к тому, что все они и во всем обращались к Москве, туда посылали свои жалобы, оттуда ждали защиты. Сила, широта взгляда, сознание своего положения и отсюда могущественные побуждения упорно охранять одно и отвергать другое зависят от сосредоточения больших масс в одной местности с сильною и разнообразною деятельностью. Когда народ сплочен внутренно вследствие достаточного числа жителей соответственно обширности страны; когда народ сплочен разделением занятий, поставившим различные местности, различные части народонаселения в неразрывную связь и зависимость друг от друга; когда эти местности и части народонаселения находятся в непрерывном общении друг с другом, связаны общими интересами, принимают горячее участие в судьбе друг друга, одним словом, живут сознательно общею жизнью, – то такая внутренняя сплоченность, связь, условливает возможность децентрализации, возможность самоуправления частей без вреда политическому единству; когда разбитый член организма внутренно сросся, тогда внешние повязки и лубки более не нужны. Наоборот, когда части народонаселения, разбросанные на огромных пространствах, живут особою жизнью, не связаны разделением занятий, когда нет больших городов, кипящих разнообразною деятельностью, когда сообщения затруднительны, сознания общих интересов нет, – то раздробленные таким образом части приводятся в связь, стягиваются правительственною централизациею, которая тем сильнее, чем слабее внутренняя связь; централизация восполняет недостаток внутренней связи, условливается этим недостатком и, разумеется, благодетельна и необходима, ибо без нее все бы распалось и разбрелось; это хирургическая повязка на больном члене, страдающем потерей внутренней связи, внутренней сплоченности.

Мы видели, в каком выгодном положении с самого начала нашелся князь на северо-востоке и как он воспользовался этими выгодами. Преемники Боголюбского, брат его Всеволод III и потомки последнего, неуклонно верны преданию, полученному от первого самовластца. Каждый князь, ставши по родовым счетам великим или

старшим, не оставляет своей прежней волости для столицы великокняжеской, Владимира, который, таким образом, после татарского погрома не имел возможности поправиться, получить значение, принять участие в княжеских спорах, усобицах, его роль страдательная, все делается мимо его. Каждый великий князь стремится воспользоваться теперь своим значением, своею силою, чтоб увеличить свою волость, свое владение на счет других княжеств. Вместо прежнего движения из одной волости в другую, какое мы видели в древней, югозападной, России, в России новой, северо-восточной, видим оседлость князей в одной волости, князь срастается с волостью, интересы их отождествляются, усобицы принимают другой характер, имеют другую цель, именно усиление одного княжества на счет всех других; при такой цели родовые отношения необходимо рушатся, ибо тот, кто чувствует себя сильным, не обращает более на них внимания. Одно княжество наконец осиливает все другие, и образуется государство Московское.

При этом образовании московский князь, теперь государь всея Руси, утверждает за собою то выгодное положение, в котором являются первые северные князья. Соответственно тому отношению, в каком мы нашли вначале северное народонаселение, к князю как хозяину, населителю страны, создателю городов, в соответствии этому отношению в Московском государстве свободный человек называет себя человеком великого князя. Но что же дружина? Дружина во все то время, пока образовывалось государство на севере, сохраняет свой прежний характер: единственное право, которое она ревниво бережет, право, вынесенное ею из старой Руси, – это право свободного перехода от одного князя к другому: «Боярам и слугам вольным воля». Таким образом, князь опередил дружину: в то время как он начал новый порядок вещей, уселся, припав к земле, и, как богатырь, получил отсюда новые силы, дружина продолжает еще бродить, кружиться и в этой способности двигаться полагает свое единственное право или ручательство всех прав; дружина, следовательно, страшно отстала от князя, отстала на целый период. Если некоторые дружинники усаживаются и получают от этого силу, то движение остальных мешает дальнейшему их усилению, мешает определению отношений. У сильнейшего князя выгодно служить, и по праву свободного перехода дружинники отовсюду стремятся в Москву, идут туда бояре с

опустошенного юга с многочисленными дворами, новые пришельцы *заезжают* старых, по местническому выражению, начинается борьба, усобица в боярстве, и если один боярин чрез меру усилится и станет опасен, князь найдет против него всегда опору в его соперниках. Так, погиб опасный Алексей Петрович Хвост от вражды с своими собратиями. Опасен становится важный сан тысяцкого, грозивший стать наследственным в одной знатной фамилии, – и Дмитрий Донской уничтожает этот сан. Тщетно сын последнего тысяцкого, Вельяминов, хлопочет и в Твери, и в Орде, поднимая грозу против московского князя; его ревностный союзник – богатый купец московский, и никто из бояр; голова Вельяминова падает под топором палача на Кучкове поле, народ плачет; о боярах ни слова не говорится в летописи, не говорится, чтоб они показали сочувствие к судьбе собрата; точно так же при внуке Донского безуспешно кончилось восстание боярина Ивана Дмитриевича Всеволожского. Таким образом, в это важное время, когда московский князь собирал Русскую землю, становился государем, самовластным хозяином всей северовосточной России, в дружине мы видим одиночные попытки того или другого сильного лица, того или другого сильного рода подняться; но при столкновении с властью великокняжескою, при борьбе силы оказываются далеко не равными: восставший боярин действует во имя своего личного интереса, не поддерживается внутри всеми собратиями, действует посредством других князей или хана. Дружина остается при прежнем: «Боярам и слугам вольным воля».

К концу первой половины XV века двор великого князя московского наполняется пришельцами нового рода, князьями – потомками Рюрика и Гедимины, которые по своему происхождению становятся на первом плане, отесняют старых бояр на второй, чем, разумеется, возбуждают к себе их неприязнь. Таким образом, вместо увеличения сил дружины от приплыва князей силы уменьшаются, ибо происходит разделение интересов. Притом князья являются в Москву с одними притязаниями на важное значение, без средств поддержать их. Некоторые удерживают за собою прозвания, от прежних княжеств своих заимствованные, но правителями этих княжеств не остаются, не имеют, следовательно, никакой самостоятельности, никакой опоры; они не сохраняют никакого значения в областях, где правительствовали их деды; их здесь скоро забывают, они не живут

здесь, их место, как дружинников, постоянно в Москве подле великого князя. Они сохраняют несколько вотчин, но эти вотчины дробятся вследствие равного разделения между всеми сыновьями; кроме того, часть их еще отходит в монастыри на помин души. В том же самом положении относительно средств своих находятся все бояре, вся знать, т. е. все они бедны средствами. Князья и бояре бедны, а великий князь очень богат; он примыслил себе множество земель, а земля при младенческом состоянии Московского государства, государства земледельческого, при неразвитости промышленности и торговли, земля составляла единственное богатство, единственное средство содержания. Это земельное богатство дает средство великому князю окончательно утвердить свое могущество и положить зараз преграду притязаниям князей и знати; средство к тому – *поместье*. Раздачею земельных участков во временное владение за службу великий князь создает себе свое многочисленное войско, вполне от него зависящее, от него получающее содержание. У князей и бояр нет во владении больших областей, городов, даже укрепленных замков, где бы они могли жить более или менее независимо: издавна дружинники, не получившие на Руси значения землевладельцев, привыкли жить около князя, и теперь бояре, окольные, и думные люди, и князья, вошедшие в ряды их, живут постоянно в Москве и беспрестанно толпятся во дворце; в XV, XVI и XVII веках отношения остаются те же, какие были в X и XI. О королях Испании и Франции говорится, что они усилили свою власть, свое значение, перетянув знать из замков к своему двору; в России этого перетягивания и не могло быть, ибо не было периода в русской истории, когда бы знать жила независимо в замках; дружина постоянно сохраняла свой первоначальный характер и непосредственное отношение к князю, с которым не расставалась. При образовании Московского государства князья служилые и знать вообще не могли по бедности наделять землями других неимущих и таким образом составлять свое войско и вообще не имели средств содержать свое войско, свой двор; один великий князь имел возможность раздавать земли и этим средством создавать себе войско. Легко понять следствия. Для современников отношения были ясны: польские магнаты, рассуждая о выборе московского царя в короли, говорили, что этот выбор им невыгоден, потому что московский царь богат и потому переведет всю служащую у них шляхту в службу к

себе. Так уже и было сделано при Иоанне III, когда великий князь, отобравши земли у новгородского духовенства, роздал их в поместья людям, взятым из дворов знатных людей.

Великий князь крепко утвердился в стране, он в ней полновластный хозяин, жители называют себя людьми великого князя, он распоряжается землею, он создает себе многочисленное войско, а старая дружина, знать, в челе которой стоят теперь князья, постоянно обращает взоры назад, к старому, отжившему порядку вещей и вместо определения отношений и указания новых условий, вместо оседлости, прочной установки, хочет сохранить прежний характер дружины, хочет постоянно двигаться, хочет удержать за собою движение, переход как право: «А боярам и слугам вольным воля». Легко понять, как отстала эта московская знать, какого порядка являлась она представительницей, порядка, который для Западной Европы кончился со вступлением германских дружин на римскую почву; московская знать жила еще преданиями богатырского периода. Но этот период давно уже кончился на севере, в Москве; здесь князья установились, и вместо многих равноправных князей стал один государь всея Руси, переходить от него стало не к кому более, разве к государям чужих стран, но это уже тяжело, это уже измена. Право бояр и слуг вольных прекратилось само собою; воля исчезла вследствие естественного хода событий, никто ее не отнимал; гарантии прежнего выгодного положения нет более; великий князь резко выделяется, высоко поднимается над старыми дружинниками по своим независимым средствам, по своему значению для остального народонаселения страны; среди всеобщей скудости он один мог окружить себя великолепием, так сильно действующим на воображение. Как нарочно, великий князь московский Иоанн III женится на греческой царевне, воспитанной в Италии. Она способствует мужу выделиться из среды новых служилых князей и старых дружинников, переменить старые отношения, старые обычаи к выгоде значения государева, к невыгоде прежних вольных дружинников, которым уже больше нет вольного перехода. Знать, стоявшая на первых местах, вступила в борьбу с хитрою гречанкою, но та успела выйти победительницею из борьбы; сын ее, воспитанный в этой борьбе, крепко в нее запутанный, вступает на великокняжеский престол по смерти отцовской. Последнее время московских Рюриковичей прошло в ожесточенной борьбе с

притязаниями знати, которая живо помнила недавнюю старину вольных дружин и которая в сочинениях одного из даровитых своих членов оставила потомству горькие жалобы на новый порядок, столь для нее тяжелый, и на роковую гречанку, будто бы его принесшую в царство Русское.

Борьба, принявшая напоследок кровавый характер, кончилась, как следовало ожидать, не к выгоде московской знати, которая должна была забыть старые предания вольной дружины; князья Рюриковичи и Гедеминовичи стали называться холопами великого государя, писаться уничижительными полуименами. Но, несмотря на тяжелые обстоятельства, на опалы, члены этой знати удерживают свое первенствующее значение, высшие места в управлении. Иоанн Грозный в своей ожесточенной вражде к ним не отнимает у них этого значения, этих мест, не дает их значения, их мест людям новым, низкого происхождения. Грозный, подозревая и ненавидя бояр своих, оставляет их в прежнем значении, даже рискует усилить его, поставляя их в челе земского управления; он не прогоняет бояр, но сам скорее убегает от них, окруженный новою, преданною дружиною, опричниками. Но в начале XVII века для московского боярства настало время хуже времени Грозного, Смутное время. Явились два царя, два двора; кто не мог получить высшей чести при одном дворе, переходил к другому; Тушино наполнилось людьми разного происхождения, которые там искали случая подняться. Когда Тушино рассыпалось, эти люди забежали под Смоленск к королю Сигизмунду, предложили ему свои услуги, и когда потом московские бояре присягнули королевичу Владиславу, чтоб только избавиться от казацкого царя, самозванца, от владычества своих холопей, то с ужасом увидели, что к ним в думу по милости королевской сел торговый мужик Андронов и всем распоряжается. Несмотря на то, бояре крепко держатся за королевича; но земля не хочет его, увидев за ним или еще перед ним старого короля с иезуитами; земля встала, выставила ополчение для борьбы с поляками и казаками, вожди этого ополчения – люди второстепенные, из родов захудалых, если и бояре, то тушинские, а бояре настоящие, московские, сидят с поляками в Кремле. Когда буря миновала, все начало успокаиваться, оказался недочет в тех людях, которых привыкли видеть в челе полков, на первых местах в думе. Пошли новые люди, не имевшие уже тех преданий и того значения, как

прежние столпы. Это дает возможность людям неродовитым пробиваться к высшей чести, к боярству, разумеется, сначала медленно, не без ропота и выходов со стороны знатных родов; но пример уже подан в боярстве Ордина-Нащокина и Матвеева. А тут у дверей новые неизбежные преобразования: войны трудные, войны в обширных размерах требуют искусства ратного, как у других народов, требуют нового строя, нового воеводского распорядка; Московское государство не может долее сохранять своей старины, родового быта с его счетами, которые препятствовали всякому разумному распределению воевод; не может при своих государственных отправлениях довольствоваться простым древнекняжеским устройством, не может довольствоваться одною дружиною. Но эти преобразования принадлежат уже к новой истории.

Посмотрим теперь на духовенство, какое положение получило оно при образовании Московского государства и в каком положении встретило эпоху преобразования? Мы упоминали, какое особенно важное значение в Древней Руси мог бы иметь единый митрополит при многих князьях, если б этот митрополит был русский. После окончательного опустошения Юго-Западной Руси, когда жизненные силы отлили на северо-восток, и митрополиты начали, естественно, стремиться туда же и наконец совершенно переселились. С удалением митрополии на север, т. е. с удалением от Греции, сейчас же начинают являться митрополиты из русских, хотя сначала меняясь с греками, и в доказательство, как важно было это новое обстоятельство, три митрополита, которых имена соединяются в нашей церковной и политической истории как важнейших деятелей, именно русские: Петр, Алексей, Иона. Из них самое видное место принадлежит Алексию, при котором значение митрополита достигло высшей степени: он поддерживает московского князя и княжество; он старается усиливать их всеми зависящими от него средствами. Понятно, какое влияние на ход последующих событий могло иметь то обстоятельство, если бы значение митрополита относительно великого князя поддержалось на той высоте, на какой оно находилось при Алексии благодаря достоинствам его преемников. Алексей именно хотел видеть своим преемником человека, имевшего великое значение в земле, великую славу святости, Сергия Радонежского; но святой пустынный с ужасом смирения отверг предлагаемую честь. Великий

князь Дмитрий хотел видеть преемником Алексея своего человека, своего печатника Митяя, хотя св. Алексей неохотно соглашался на это. Митяю не удалось сделаться митрополитом; но митрополию постигла беда: явилось несколько митрополитовсоперников, из которых великий князь мог выбирать, смотря по обстоятельствам; митрополита Алексея больше не было, в митрополии слабость, ибо разделение и борьба, а великим князем Димитрий Донской. Важно было положение единого митрополита всея Руси при двух великих князьях, московском и литовском; но митрополия скоро разделилась на восточную и западную: Москва осталась с своим митрополитом, Киев получил своего. Наконец, для московского митрополита прекратилась и зависимость от византийского патриарха вследствие смут в Константинополе и взятия его турками. Все эти события одновременны с окончательным усилением великокняжеской власти в Москве; положение московского митрополита этим окончательно определяется.

Для положения старинной русской знати, равно как и для положения духовенства, было очень важно то обстоятельство, что между обоими сословиями было мало связи, не было обычая, как на Западе, чтобы члены знатных родов поступали в духовное звание и достигали архиерейства. Митрополит Алексей был сын знатного московского боярина; невольный пострижник Вассиан Косой (князь Патрикеев) показал очень ясно, какие могут быть следствия соединения в одном лице духовного характера с знатностью происхождения, связями и преданиями. Противник Вассиана, Иосиф Волоцкий, человек так называемого благородного происхождения, настаивал на удержании за монастырями деревень именно с тою целью, чтобы можно было постригаться честным людям, которые потом должны были занимать высшие места в иерархии. Деревни остались за монастырями, но то, чего хотел Иосиф, не произошло или было редким явлением. Что касается до белого духовенства, то обязанность брака должна была изначала оказывать большое влияние на его положение: оно получило возможность восполняться из среды самого себя; но было еще другое условие, которое могущественно содействовало обособлению духовенства. Известно, как тяготила правительство малочисленность народонаселения в России, как дорог был вследствие этого человек, и великий князь Василий Димитриевич

заклучил договор с митрополитом Киприаном, чтобы тот не принимал в свое духовное ведомство, т. е. не ставил в священники, слуг великокняжеских.

Несмотря на некоторые невыгоды своего положения, духовенство в древней России сохраняло важное значение, именно сохраняло характер учительного сословия исключительно. Просвещение заключалось в церковных книгах, и духовенству принадлежало истолкование их. Духовенство было единственным обязательно просвещенным сословием в России: боярин не был даже обязан уметь читать и писать; священник не мог не быть грамотным; дьяк и подьячий были грамотны, но их грамотность служила им только внешним средством для достижения известной цели; тогда как от священника требовалась не одна грамотность, от него требовалась учительность, и никто не отрицал у него права на исключительную учительность. Были нарекания, что русское духовенство не довольно учительно и что ведет себя не так, как следует учителям, но никто не отрицал права учить, никто не заподозревал вообще чистоты учения. Но во второй половине XVII века по поводу исправления книг часть паствы отказывается повиноваться пастырям; авторитет патриарха, патриархов, собора не имеет силы над людьми, которым кажется, что их заставляют молиться не так, как молились предки, они провозглашают, что архиереи и священники учат неправильно и что повиноваться им не следует; некоторые увлечены и отказывают явно в повиновении духовенству, другие, не решаясь на последнее, остаются в недоумении и, не умея решить вопроса, на чьей стороне правда, охладевают к церкви. Таким образом, духовенство приобретает внутренних врагов, *церковных мятежников*, которые вооружаются против его прежнего значения, стараются выставить его недостойнство. Эти враги ратуют за старину, вооружаются против духовенства за нововведения, но уже обозначаются враги другого рода. Между русскими людьми начинает сильно чувствоваться необходимость учения, которым стали сильны другие народы; но для приобретения познаний нужны учителя, этими учителями могут быть только иностранцы, иноверцы. Страшные гости! Они явятся со всем авторитетом учителей, с полным сознанием своего превосходства пред учениками, и те признают это превосходство. Таким образом, подле прежних учителей, прежних авторитетов являются новые учителя,

новые авторитеты, не признающие значения прежних учителей и не упускающие случая выразить это непризнание обидным образом. Как разграничить право тех и других? Как, признав превосходство новых учителей во всем, не признать этого превосходства в одном? Где взять такой самостоятельности, силы мысли, исследования и знания в учениках? В таком затруднительном положении находилось духовенство в начале новой русской истории; с двух сторон враги, вооружавшиеся против его прежнего значения, прежнего достоинства: с одной стороны, приверженцы старого, отказавшие в послушании церкви, пошедшие вслед своих особых учителей, не знающих меры в своих нападках на духовенство, с другой стороны, просвещение перестает носить исключительно церковный характер, подле учителей церковных являются светские, иностранцы, иноверцы, которые необходимо должны враждебно столкнуться с церковными учителями при обнаружении своего влияния на учеников; последние, находясь под двойным влиянием, будут подчиняться тому или другому, смотря по разным условиям своей природы, своего положения и других случайных обстоятельств.

Мы видели, при каком отношении городов к князю началась северная русская история, видели, как при первом же князе, захотевшем прочно утвердиться на севере, необходимо последовало столкновение его с дружиною и городом, который считал себя также властью в окружающей стране. Андрей Боголюбский погиб вследствие новых отношений к дружине; но преемники его воспользовались своими отношениями к большинству северных городов, городов новых, и успели осилить старый вечевой город Ростов, отнять у его жителей значение властей. Вследствие этого в области верхней Волги, в области новорождённого Московского государства, явилась только одна власть, власть княжеская. Но на западе представителем старинного двоевластия, власти княжеской и власти города, явился Новгород Великий, с явным преимуществом власти города, потому что эта власть была постоянная, а князья менялись беспрестанно. Начинается борьба между северным единовластителем и Новгородом как представителем древнего двоевластия. Новгород стоит за то, что он власть, он государь; великий князь требует, чтоб он был признан государем, чтобы в Новгороде была одна власть государева. Великий князь победил, ибо Новгород

представлял собою библейскую статую с золотой головою и глиняными ногами. Несколько знатных и богатых фамилий захватили в свои руки всю власть и наполнили последнее время новгородской истории своими усобицами. Разрыв между их интересами и интересами низшего народонаселения произошел давно; давно послышалась жалоба, что богатые хотят себе легко, а бедным тяжело; движения последних прекращаются; ясно видно, что их сила сломлена знатью, на вече господствуют люди, находящиеся на жалованье последней, и силою решают дела в пользу своих милостивцев. Но легко понять, что следствием такого положения дел была страшная внутренняя слабость. Люди, в руках которых власть, не могут рассчитывать на низшие слои народонаселения, которые становятся все равнодушнее к старой воле, приносящей пользу не им. Вот почему в борьбе своей с великим князем московским правители Новгорода начинают постоянно деньгами выкупать свою волю – страшное средство, всего лучше показывавшее великим князьям слабость Новгорода, легкость, с какою можно его покорить окончательно. Бьет последний час; банкротство нравственных и политических сил Новгорода обнаруживается вполне; разрыв интересов совершенный: новгородцы толпами бегут в Москву – *за правдою!* В Новгороде нет правды, нет беспристрастного суда, насилие сильных попирает закон, старинные, освященные формы быта дороги для немногих, для остальных же не дают ручательства самым главным интересам, не удовлетворяют первым потребностям общественной жизни; для низшего, притесненного народонаселения великий князь московский является сокрушителем силы людей, которые так тяжело давали чувствовать свою силу. Наконец, разрыв произошел относительно самого важного интереса: чтоб спастись от Москвы, знать хотела присоединиться к Литве; но с Москвою соединяла Новгород церковная старина; явился вопрос: где ставить владыку новгородского – в Москве или Киеве? Киеве, который находился под властью великого князя литовского, латинца, от митрополита, на которого смотрели на севере как на отщепенца, склонившегося к Риму, тогда как в Москве сохранялось ненарушимо древнее православие. Мы знаем, какие явления производили попытки ввести церковные новизны, и потому не удивимся, какое сильное сопротивление в большинстве новгородцев

встретила попытка отложиться от московского митрополита, а зависимость церковная была так тесно связана с политической.

Существование богатого торгового Новгорода на севере подле бедной городовым развитием низовой, или Суздальской, земли представляет печальное явление, потому что указывает на односторонность, всегда вредную в жизни народов. В одном углу город, вследствие прилива богатств неестественно вздувшийся в государство, но сохранивший всю неразвитость и слабость первоначального веча с обширными, хотя растянутыми, несплоченными и большею частью пустынными владениями, с язвою разрыва интересов между частями народонаселения внутри, с недостаточностью средств внешней защиты, несмотря на видимое богатство и обширность владений. В другой половине обширная, населяющаяся страна, населяющаяся при условиях неблагоприятных; города ее – большие села, которым некогда и нет средств подняться, приобрести значение. Страна бедная, малонаселенная, а между тем внутри происходит великий процесс собирания земли, сосредоточения, объединения власти; для этого нужны средства, деньги; нужны деньги князьям для покупки земель, владений, нужны деньги для Орды; наконец, когда новое государство укрепилось чрез собрание земли, оно нашлось в самом невыгодном положении относительно границ своих. Отношения России к Азии не изменились, также подле степь с хищными кочевниками, от которых должно или постоянно отбиваться, или постоянно откупаться; на западной европейской границе также постоянная борьба с непримиримыми врагами. Нужны деньги, и фискальная система всю тяжесть падает на промышленный люд городской, немногочисленный и небогатый, что, разумеется, также служит сильным препятствием к обогащению, народ разоряется, не будучи богатым; сюда же для большего разорения присоединяется первоначальная дружинная система кормления, содержание служилых людей по воеводствам на счет управляемого народонаселения, обращение правительственных должностей в жалованье и пенсии служилым людям. В фискальном отношении состояние городов Московского государства очень напоминает состояние городов Римской империи во время ее падения: и здесь, и там видим разорительные тяжести и службы, падающие на горожан, которых силою надобно удерживать на своих местах. Прежде всего в

фискальных видах московские князья стараются прикрепить горожан к их городам, чтобы получать постоянный доход с известного числа тягол. Гоньба за человеком, за рабочею, промышленною силою в обширном, но бедном и пустынном государстве делается существенным занятием правительства; ушел – поймать его и прикрепить к месту, чтоб работал, промышлял и платил. Легко понять, какие долженствовали быть следствия. Если правительство гонялось за человеком и старалось прикрепить его к одному месту, чтоб заставить платить подати и служить безвозмездные службы, но сопряженные с тяжелою ответственностию, то у человека, разоряемого податями и службами, господствующим желанием было отбыть во что бы то ни стало от податей и служб. Первым средством был уход, укрывательство; уйти было легко, всюду простор, и без того малонаселенная страна постоянно истощалась от этого ухода; народонаселение все более и более расплывалось по северовосточной Европе и потом по северной Азии. Но, несмотря на скудость хозяйства древнего русского человека, на возможность легко забрать все с собою, уход, покинутие родных мест, странническая жизнь, сопряженная с опасностями, неизвестность будущего – все это для многих могло быть тяжело, не для всех возможно. Были еще другие средства – для грамотных поступление в подьячие; выход этот был очень выгоден: посадский из человека, обязанного кормить других на свой счет, становился человеком, имеющим право кормиться на чужой счет. Понятно, как это стремление к выходу в подьячие должно было быть сильно; но правительство неблагоприятно смотрело на него и ставило преграды. Третий способ отбывания от податей был закладничество. Самый крепкий частный союз русского общества во все продолжение нашей древней истории представлялся в союзе кровном, или родовом. По смерти отца старший брат занимал его место относительно младших братьев и племянников, являлся представителем рода перед правительством; известное лицо не представлялось одиночным, но всегда с братьями и племянниками. Несмотря даже на выделы и разветвления рода, единство его сохранялось, старший или старшие (смотря по разветвлению рода) имели обязанность наблюдать за поведением младших, наказывать их за дурное поведение, отвечали за него перед правительством. Род, как бы разветвлен ни был, составлял одно относительно службы

государственной: прибавление чести одному члену рода прибавляло ее и всем членам, поруха чести одного нарушала честь и права всех остальных, на чем и основывалось знаменитое местничество. Но, кроме родового союза, особые условия общества должны были повести и к другим союзам. Беспомощность людей одиноких, не примыкающих к большому роду, бессемейных заставляла их примыкать к чужим людям семейным, к чужим родам, составлять с ними одно целое по взаимному соглашению; так, подле самостоятельного хозяина, живущего с родом своим, детьми, братьями и племянниками, являлись чужие люди, но составлявшие с ними одно в глазах правительства; они носили разные названия – соседей, подсоседей, захребетников. Наконец, тяжелые подати, лежавшие на промыслах, заставляли промышленных людей уклоняться от непосредственной зависимости от государства, требовавшего слишком больших пожертвований с их стороны, и входить в зависимость к частным людям, которые могли дать им защиту; это называлось *закладываться* за *кого-нибудь*; закладчики промыслили, не будучи обязаны тянуть с горожанами, с посадскими в тяжелые службы и подати, ибо считались зависящими от того лица, за которое заложились. Но понятно, что интересы закладчиков немедленно должны были столкнуться с интересами горожан, находящихся в непосредственной зависимости от государства, и с интересами, разумеется, самого государства: закладчики, пользуясь свободой от тягла, отбивали промыслы у людей тяглых, которые не могли с ними соперничать, разорялись, не были в состоянии удовлетворять требованиям государства. Их жалобы произвели то, что в начале царствования Алексея Михайловича закладничество уничтожено, все городское народонаселение обязано было войти в непосредственные отношения к государству. Закладчикам была крайне тяжела эта эмансипация городского народонаселения, они даже замыслили восстание, чтоб вернуть себе право вступать в частную зависимость, явление, всего лучше показывающее низкую степень экономического развития в Московском государстве.

Города были бедны вообще, разбросаны на больших расстояниях друг от друга при очень неудовлетворительном состоянии путей сообщения. Самые богатые из них, наиболее торговые по особенно благоприятным условиям положения, поражают малочисленностью

народонаселения своего. Но был один город, который и вследствие выгоды своего положения, особенно же вследствие политического значения своего, как столичный город царясамодержца, должен был необходимо подняться: то была Москва. Сильная централизация притягивала в Москву постоянно толпы людей из всех концов России, людей, которые должны были тратить много денег в царствующем граде, знаменитая московская волокита обходилась дорого; будучи средоточием гражданского управления, Москва была средоточием и церковного; знать жила в ней безвыездно около великого государя. Легко понять, что торговая и промышленная деятельность здесь не могли не быть значительны, должно было образоваться богатое купечество. О богатстве и значении московских купцов можно встретить известия даже во время до Иоанна III. Некомат Сурожанин действует заодно с знатным Вельяминовым, сыном тысяцкого, и самое уничтожение сана тысяцкого показывает, что великий князь не считал удобным назначать для московских горожан постоянного воеводу, который мог сделаться популярным и приобрести опасное значение. Встречается известие о гостях московских, которые подняли крамолу против великого князя и ушли из Москвы. Но все это частные явления, которые видим во время образования Московского княжества, в переходную эпоху, когда еще новый порядок не установился прочно, когда еще, кроме великого князя московского, были другие великие князья, к которым могли уходить недовольные, бояре и купцы. Но когда утвердилось единовластие в Москве, то уже подобных явлений более не встречается. В древности городские жители имели то важное значение, что участвовали своими особыми полками в военных действиях, которых исход во время княжеских усобиц много зависел от них. Даже в начале княжения Иоанна III московские полки отправлялись на рать с особым воеводою. Но потом установление многочисленного помещичьего войска дало правительству возможность не нуждаться более в городских полках; горожане перестают участвовать в войсках, становятся вполне сословием невооруженным, вполне *мужиками, полулюдьми* относительно полных людей, мужей, т. е. вооруженных, ибо по тогдашним понятиям только вооруженный, только воин был полный, полноправный человек.

При первом царе, Иоанне IV, значение горожан, и особенно московских, поднимается. Видя в знати людей со старинными

дружинными притязаниями, заподозрив их в сильном нерасположении к себе, к своему семейству, Грозный по известному закону начал искать другой силы, на которую мог бы опереться. Он торжественно, с Лобного места, объявил народу о беспорядках боярского правления во время своего малолетства; уезжая из Москвы, выставляя измену бояр, потаковничество им духовенства, он объявлял, что ничего не имеет против горожан московских; наконец, призвал последних на собор, рассуждавший о важных делах государственных. По всей России Грозный хочет дать самоуправление мирам городским и сельским, вывести наместников и волостелей и заменить их выборными, излюбленными старостами, судьями. Но самым лучшим доказательством неразвитости этих миров послужило то, что мера Грозного не принялась, многие миры не приняли от правительства дара самоуправления. Только там, где развитие было посильнее, где почва была более приготовлена, царствование Иоанна не прошло бесследно; оно не прошло бесследно для горожан московских; как поднялось их значение, ясно видно из того участия, какое они принимают в движениях партий в царствование преемника Иоаннова, чего прежде не видим ни в малолетство Иоанна, ни при отце его, ни при деде. В борьбе Шуйских с Годуновым купцы московские принимают сторону Шуйских; ясно понимают, в чем дело, понимают, что примирение между соперниками невозможно, и, когда Шуйский объявляет им об этом примирении, отвечают ему: «Ты помирился нашими головами». Действительно, головы их попадали на плахе; Годунов, истребив лучших людей между ними, задав страх остальным, уничтожил в самом зачатке то значение московских горожан, которое было следствием поведения Иоаннова относительно их. Смутное время возбудило, повидимому, самостоятельную деятельность в городском народонаселении, и царствование Михаила было богато соборами, в которых представители городского народонаселения принимают участие; но если и до Смутного времени города были незначительны, бедны, то тут были страшно разорены; надобно было коекак оправиться в материальном отношении и поддержать государство, поддержать нового государя против ляхов и казаков. Вопрос о тягле на первом плане: тяглые разорились, разбежались, дворы пусты, некому платить; надобно возвратить беглецов на прежние места жительства, заставить тянуть; но есть люди, которые

промышляют, а не тянут; промышляют служилые люди, духовенство, закладчики, надобно заставить и их тянуть; иностранные купцы разоряют, они богаты, они действуют заодно, русским с ними не стянуть, русские бедны и действуют врознь; наконец, воеводы и приказные люди разоряют; вот три существенные вопроса, которые поглощают все внимание русского горожанина XVII века после Смутного времени; замена воевод выборными губными старостами не помогает: выборный губной староста так же разоряет, как и воеводы. Жалобы, накопившиеся в царствование Михаила, произвели взрыв в Москве и других городах в начале царствования Алексея, следствием чего было Соборное Уложение, уничтожение закладничества, мера против английских купцов; но всего любопытнее то, что Уложение Соборное, составленное с ведома, за подписью выборных из всяких чинов людей, составленное под влиянием страха пред восстаниями горожан, для их успокоения, с явными уступками их требованиям, — это Уложение является враждебным мирскому самоуправлению; так, оно вполне предоставляет суд воеводам и приказным людям, по Уложению в суде уже не сидят старосты, целовальники и земские дьяки. Возмущения псковское и новгородское являются одиночными и потухают вследствие этого одиночества. В этих движениях и во втором бунте московском замечаем уже разрыв интересов массы городского народонаселения и значительных торговых людей, против которых направлена ненависть массы; легко понять, как вообще должна была ослаблять силы городского народонаселения эта борьба лучших и меньших, силы и без того не великие. Эту язву XVII век передал и XVIII, как увидим.

От города обратимся к селу. Мы видим, что Россия с самого начала образования Московского государства является страной земледельческой по преимуществу и города здесь носят характер сел, горожане занимаются земледелием и, таким образом, города московские XVII века напоминают города древлянские, о которых говорится в сказании о мести Ольгиной. Но от господства земледельческих занятий никак нельзя заключать к сознанию общества о важном значении этих занятий, об особенном покровительстве, каким пользовались земледельческая промышленность и люди, ею занимавшиеся. Наоборот, государство земледельческое предполагает неразвитость, первоначальность отношений. Эти первоначальные

отношения суть отношения вооруженной части народонаселения, войска, и невооруженной, которая должна содержать войско, непосредственно работать на него, если в то же время не развивается город, промышленность и торговля, которые дают движимое богатство стране, ведут к широте деятельности, просвещению, дают средства к новому, более правильному определению отношений между частями народонаселения. Мы видели, что в Московском государстве, кроме членов старой дружины и родов княжеских, войсковая масса была создана великими князьями с первоначальной формой содержания, т. е. посредством земельных участков, с которых служилые люди кормились, пока служили; в дополнение к этим земельным средствам служилые люди кормились также с городов и волостей в качестве их правителей. Следовательно, в древней России мы видим эту первоначальную форму отношений между вооруженною и невооруженною частью народонаселения, между мужами и мужиками: мужи непосредственно кормятся на счет мужиков. Вопрос о содержании войсковой массы, на которой основывалась сила внутренняя, которую необходимо было охранять и увеличивать при беспрестанных войнах на востоке и западе, этот вопрос, разумеется, становится на первом плане, а вместе на первом плане становится вопрос о земельном владении и пользовании. Чтоб иметь возможность сохранять и увеличивать войско, государство должно иметь в своем распоряжении как можно больше земель, которые должны находиться не в дальнем расстоянии ни от столицы, ни от тех границ, которым особенно грозят враги, т. е. от южных и западных, поэтому обширные земельные пространства, которыми могло располагать государство на севере и востоке, не могли служить ему в поместном отношении по отдаленности и малочисленности народонаселения. Итак, несмотря на видимую громадность государственной области, государство могло встретить затруднения относительно поместий; отсюда необходимое столкновение с материальным интересом церкви, которая владела обширным пространством земель в центральной области и постоянно увеличивала их покупкою и дачами на помин души, ибо по недостатку денег при неразвитости страны земля была почти исключительным видом всякого рода дач: государство платило жалованье своим служилым людям землею, частный человек платил в монастырь за помин родительской души землею. Отсюда понятно, почему вопрос о

том, следует ли монастырям владеть населенными землями, получает такое важное значение в XV и XVI веках, почему он так привязывается ко всякому движению церковному и политическому. По тогдашнему *умоначертанию* большинства нельзя было ожидать, чтоб этот вопрос решен был отрицательно; нудящие потребности государства могли повести и действительно повели только к сделкам, к средним мерам, к ограничению распространения церковной земельной собственности на будущее время. Но дело на этом не могло покончиться. Тяжкие войны, которые Московское государство вело в царствование Иоанна Грозного, разорили служилых людей, и поднялись жалобы на недостаточность кормления от поместий при тяжелой и продолжительной службе, требующей долгого отсутствия помещика из дому. Указан был источник этой недостаточности, малое количество рабочих рук, причем выгоды войсковой массы, мелких помещиков сталкивались с выгодами богатых землевладельцев, которые большими льготами переманивали к себе крестьян с земель мелких землевладельцев, помещиков; последние, лишаемые возможности обрабатывать свои земли, не могли нести обязанностей службы, которая стала теперь так продолжительна. Если поддержание благосостояния войсковой массы было всегда предметом первой важности, то особенно следовало обратить внимание на жалобы помещиков теперь, по кончине Грозного, когда грозила тяжкая борьба с самым опасным врагом, какого не имело до сих пор Московское государство и сила которого была недавно испытана. Попробовали сначала уменьшить переход крестьян уравниванием всех земель относительно льгот, отнятием льгот (тарханов), которыми пользовались церковные земли; но эта мера продержалась недолго, и последовало запрещение крестьянам переходить от одного землевладельца к другому. Закон, разумеется, не мог быть строго исполняем: в продолжение всего XVII века слышатся постоянные жалобы мелких землевладельцев на богатых соседей, что те переманивают к себе и укрывают беглых крестьян их. Гоньба за человеком, за рабочею силою производится в обширных размерах по всему Московскому государству: гоньба за горожанами, которые бегут от тягла, всюду, куда только можно, прячутся, закладываются, пробиваются в подьячие; гоньба за крестьянами, которые от тяжких податей бредут розно, толпами идут за Камень (Уральские горы),

помещики гоняются за своими крестьянами, которые бегут, прячутся у других землевладельцев, бегут в Малороссию, бегут к казакам.

И в XVII веке, как в X, из общества продолжали выделяться люди, у которых «сила по жилочкам так живчиком и переливалась, которым было грузно от силушки, как от тяжелого беремени», и которые шли гулять в поле, в степь. Эти богатыри древности в новейшее время носят название казаков; быт, подвиги богатырей древних сходны с бытом, подвигами казаков, и народное представление верно отождествляет эти два явления, разнящиеся только именем, но и здесь народная песня уничтожает различие, называя, например, Илью Муромца старым казаком. Мы знаем, что в эпохи образования государств выделение подобных людей и образование из них военных братств, дружин с избранным вождем, ведет обыкновенно к образованию государства, к началу исторической жизни, исторического движения для народа; из подобных людей образуется высшее, вооруженное, народонаселение, которое так или иначе определяет свои отношения к остальной, невооруженной, массе народа. Но если государство уже образовалось и, несмотря на то, по особым условиям, преимущественно местным, продолжается еще выделение подобных людей и образование из них военных обществ подле государства, то это сопоставление ведет, разумеется, к важным отношениям. Прежде всего страна, народ, ослабляется выделением этих людей, особенно ослаблялась Россия, и без того бедная населением, рассыпавшимся на громадных пространствах; с другой стороны, выделением беспокойных сил условливалась беспрепятственная деятельность правительства, беспрепятственная централизация. Но если правительственная деятельность облегчалась внутри уходом богатырей на гулянье в степь, то образование из этих богатырей военных братств подле государства, разумеется, не могло не беспокоить последнее. Ушедши в степь *для воли*, казаки могли подчиняться государству только номинально, исполняли приказания правительства только тогда, когда это им было выгодно; но при первом разладе их интересов с интересами государства казаки давали резко чувствовать, что они люди вольные. Покойно они жить не могли, они должны были упражнять свою силу, от которой им было грузно, они должны были добывать себе средства к жизни, *добывать зипуны*, по их выражению. Казаки старые, начальные люди, казаки старинные

обыкновенно более стояли за связь с государством, за исполнение требований правительства; но казачество представляло постоянный прилив новых, молодых людей, которым хотелось широко разгуляться и добыть себе зипунов; осторожность стариков, старшин, им не нравилась, и вот иногда независимо от общей старшины для самых рьяных искателей зипунов является новый, свой вождь, известный своей удалью (*dux ex virtute*), и ведет дружину на чужих или на своих. Понятно, что образование подобных обществ на границах государства должно было вести к постоянной борьбе. Если государство слабо, то напор дружин на него увенчивается успехом; мы знаем, чем кончилась судьба Римской империи вследствие напора германских дружин: они вошли в области империи и образовали здесь высшее, т. е. военное, сословие. В XVII веке на востоке Европы произошло подобное же явление: воспользовавшись слабостью Польского государства, гонениями на русскую веру, казачество после долгой борьбы успело взять верх, истребить, вытеснить прежних землевладельцев на Украине и из своей старшины образовать новое высшее сословие в стране. Борьба кончилась иначе для казачества с другим государством восточной равнины, Русским, или Московским, но борьба шла сильная, отчаянная. В XVI веке русский царь взял Казань и Астрахань; вся Волга находилась теперь в русских руках, и пустынные пространства по западным ее притокам и переплетающимся с ними притокам Дона стали безопасны. Но вместо татар немедленно же поднимается здесь казачество. Его гулянье по Волге не давало безопасности ни своим, ни чужим. Грозный принял сильные меры против богатырей; как обыкновенно бывало, когда казачеству преграждались привычные пути для гулянья, оно бросалось в какуюнибудь другую сторону, в какоенибудь отдаленное предприятие; так и тут на первый раз, прогнанные с Волги, казацкие шайки бросились на Каму и оттуда проложили дорогу за Уральские горы, погромили улус Кучумов, или так называемое Сибирское царство. При сыне Грозного казачество снова усиливается на Дону, и отношения его к государству несколько не обещают последнему спокойствия со стороны степи. При Годунове государство снова готовится к решительным мерам против казачества; но является самозванец, наступает Смутное время, т. е. казацкое царство; борьба скоро принимает настоящий свой характер, характер борьбы *земских* людей

Московского государства с казаками, которые являются *грубнее литвы и немцев* и стремятся утвердить свое господство, возведши на московский престол своего вождя, своего царя. Вопрос ставится ясно: бояре и все лучшие люди московские присягают польскому королевичу, чтоб не быть в рабстве у своих прежних холопейказаков при торжестве калужского царика. Возбуждение религиозного интереса вследствие замыслов Сигизмундовых, давшее знамя, средоточие для жителей Московского государства, давшее им возможность высвободиться из прежней разрозненности для общего дела, указавшее им единство не народное, не государственное, но религиозное – общую купель, в которой они крестились в православную веру, – это религиозное одушевление, разумеется, главным образом послужило против казаков. Очищение земли от поляков было вместе очищением от казаков. Таким образом, казакам не удалось воспользоваться благоприятными для них условиями, государство восторжествовало; но казачество не отказалось от борьбы. Запертое турками с устьев Дона, оно ждало отважного и счастливого вождя для проложения себе другой дороги. Богатырьчародей явился, Разин; толпы его перебросились на Волгу, на Яик, в Каспийское море, погромили персидские берега; но Персия была крепче сибирского юрта Кучумова, и Разин не мог поклониться царю Алексею Михайловичу Персидою, как Ермак Тимофеевич поклонился Грозному Сибирью. Принужденные возвратиться с Каспийского моря, не имея надежды, чтоб Московское государство беспрепятственно стало пропускать их в устья Волги, толпы Разина опрокинулись на государство, поднимая низшие слои народонаселения против властей, как было в Смутное время; но государство, несмотря на все свое истощение, было сильнее казаков, Разин погиб на плахе в Москве. Впрочем, разинское возмущение не было последним действием борьбы государства с казаками: в новой русской истории увидим Булавина и Пугачева.

Таков был в общих чертах строй древней России в его историческом развитии. Теперь взглянем подробнее на ее быт в то именно время, когда преобразования сильно стучались в двери, когда уже народился преобразователь.

Мы так часто употребляем выражение: Западная и Восточная Европа, так много знаем, так много толкуем о их различии и

следствиях этого различия; но если путешественник, переезжающий из Западной Европы в Восточную или наоборот, свежим взглядом посмотрит на их различие, станет отдавать себе отчет о нем под свежим впечатлением видимого, то, конечно, прежде всего скажет, что Европа состоит из двух частей: западной, каменной, и восточной, *деревянной*. Камень, так называли у нас в старину горы, камень разбил Западную Европу на многие государства, разграничил многие народности, в камне свили свои гнезда западные *мужи* и оттуда владели *мужиками*, камень давал им независимость; но скоро и мужики огораживаются камнем и приобретают свободу, самостоятельность; все прочно, все определено благодаря камню; благодаря камню поднимаются рукотворные горы, громадные, вековечные здания. На великой восточной равнине нет камня, все ровно, нет разнообразия народностей, и потому одно небывалое по своей величине государство. Здесь мужам негде вить себе каменных гнезд, не живут они особо и самостоятельно, живут дружинами около князя и вечно движутся по широкому беспредельному пространству; у городов нет прочных к ним отношений. При отсутствии разнообразия, резкого разграничения местностей нет таких особенностей, которые бы действовали сильно на образование характера местного народонаселения, делали для него тяжким оставление родины, переселение. Нет прочных жилищ, с которыми бы тяжело было расставаться, в которых бы обжились целыми поколениями; города состоят из кучи деревянных изб, первая искра – и вместо них куча пепла. Беда, впрочем, невелика, движимого так мало, что легко вынести с собою, построить новый дом ничего не стоит по дешевизне материала; отсюда с такою легкостью старинный русский человек покидал свой дом, свой родной город или село; уходил от татарина, от литвы, уходил от тяжелой подати, от дурного воеводы или подьячего; брести розно было не по чем, ибо везде можно было найти одно и то же, везде Русью пахло. Отсюда привычка к расходке в народонаселении и отсюда стремление правительства ловить, усаживать и прикреплять.

При этом общем, бросающемся в глаза различии западной, каменной, Европы от восточной, *деревянной*, на великой восточной равнине замечаем различие форм, которое имеет историческое значение. Здесь две формы господствуют – лес и поле, или степь. Из

противоположности этих двух форм, находящихся друг подле друга, вытекает историческая противоположность, борьба народонаселения двух половин России: лесной и степной. Степь была изначала жилищем кочевых хищных народов; с ними изначальная борьба Руси, основавшейся в польской (степной) украине. Борьба эта, несмотря на всю удаль князей и дружин их, кончилась торжеством степного народонаселения, которое постоянно пустошило Русь при половцах и окончательно запустошило при татарах. Прочный порядок вещей, государство, способное побороть степное народонаселение, могли утвердиться, окрепнуть только вдали от степи, на севере, в лесной стороне, малодоступной, неудобной для кочевого хищника. Но Московское государство, образовавшееся в лесной стороне, при своем распространении скоро достигло степи; у него образовалась *польская*, так называли в старину, т. е. степная, окраина, или украина, долженствовавшая постоянно терпеть от соседства степи; но это была только украина, тогда как в древней Руси главная сцена действия, стольный город великокняжеский был на самой украине. И Московское государство ведет постоянную борьбу с народонаселением степей; с ослаблением кочевых орд борьба не прекращается, ибо в степи образуется особого рода народонаселение, казаки. Борьба земских людей, государства с казачеством есть относительно природных форм борьба лесной стороны с полем, степью, что особенно выразилось в Смутное время и в последующие казацкие движения, когда Россия делилась по духу, характеру народонаселения на северную, земскую, и на южную украину с степями, казацкую. Степь условливала постоянно эту бродячую, разгульную, казацкую жизнь с первобытными формами, лес более ограничивал, определял, более усаживал человека, делал его земским, оседлым, установившимся в противоположность казаку, вольному, гулящему. Отсюда более спокойная, ровная и, следовательно, более прочная в своих результатах деятельность северного русского человека, отсюда шатость южного, кроме других причин, о которых было говорено в предыдущих томах нашей истории.

Итак, Московское государство было государство лесное по преимуществу; путешественникам вся страна казалась обширным лесом, койгде расчищенным под жилища и пашню; некоторые из путешественников не могли удерживать своего восторга от того вида,

какой представляла им Московия весною, вида громадного, яркозеленого сада, наполненного бесчисленным множеством певчих птиц в противоположность лесу нового мира, американскому, где птицы производят своими движениями много шороха, шума, но мало дают песен. Как ни прекрасен был, однако, весенний вид лесистой Московии, это преобладание леса имело свои невыгодные стороны: оно условливало суровость климата, сырость, обилие вод, болот, так затруднявших проезд летом, заставлявших прибегать к тяжелому труду мощения дорог деревом; около столицы путешественники в летние ночи должны были раскладывать костры, чтоб спастись от мириад комаров и мошек. Подле этой неприятности была и опасность, опасность от дикого зверя, живущего в лесу, и еще большая от человека, который так удобно скрывал в лесу свой дурной промысел.

Среди этой обширной и пустынной страны, где, казалось, так недавно человек начал подчинять природу своей воле, где так редко встречались небольшие села и деревни и большие огороженные села, города, западный путешественник с нетерпением ждал, когда же покажется тот знаменитый город, который давал имя целой стране, в котором пребывал неограниченный владыка ее. И вот перед ним развертывалась Москва и вдали производила сильное и выгодное впечатление: на неизмеримом пространстве черная громада домов, но над этою черною громадою поднималось бесчисленное множество церковных глав и колоколен, и выше всех поднимался Кремль, жилище великого государя, с белою каменною стеною, наполненный белыми каменными церквями с позолоченными главами, и посредине высокий белый столп с золотою головою, Иван Великий, гигант благодаря скромной высоте других зданий. Эта белизна кремлевской стены и церквей, резко выдающаяся в противоположность массе черных деревянных домов, и большее количество каменных зданий сравнительно с другими городами дали происхождение известному эпитету, который до сих пор остается за Москвою, – белокаменная.

Издали Москва поражала великолепием, красотою, особенно летом, когда к красивому разнообразию церквей присоединялась зелень многочисленных садов и огородов. Но впечатление переменалось, когда путешественник въезжал внутрь беспредельного города: его поражала бедность жилищ с слюдяными окнами, бедность, малые размеры тех самых церквей, которые издали производили такое

приятное впечатление, обширные пустыри, нечистота, грязь улиц, хотя и мощенных в некоторых местах деревом. Издали казавшаяся великолепным Иерусалимом, внутри Москва являлась бедным Вифлеемом, по выражению одного путешественника.

Но Москва своим характером была полною представительницею страны, в которой была царствующим градом. В необъятную ширь просторно раскинулась она по горной и луговой стороне своих рек с простотою и бедностию деревянного жилища, окруженного обширным двором, садом, огородом. Москва удерживала этот сельский характер столицы первобытного, земледельческого государства. Прежде она была еще обширнее, и народа в ней прежде было больше; но по Москве прошла печальная история страны и оставила глубокие следы. Сильно поднялась Москва над всеми другими городами в эпоху окончательного собрания страны, окончательного сосредоточения власти в руках великого государя; отовсюду стремились в нее жители волею, привлекаемые выгодами столицы, и неволею, выселяемые из Новгорода и Пскова по распоряжению великого князя. Москва особенно поднялась, т. е., лучше сказать, расширилась и наполнилась людьми, во времена Иоанна III и сына его Василия. Но Москва стала главным городом России в то время, когда русский народ в своем историческом движении начал поворачивать с востока на запад, от степи к морю. Этот поворот, только что начавшийся и медленный, обозначился, однако, на Москве отблеском того света, который начал ярко светить в Западной Европе в эпоху Возрождения: в Москве явились красивые и относительно обширные и прочные здания, построенные западными художниками, дворец, церкви, башни; эта обстройка Москвы в XV и XVI веках имеет в русской истории то важное значение, что, поднимая столицу, делая ее предметом благоговейного удивления для русских людей, она вместе с тем поднимала значение московского великого князя, содействовала тому, что он становился великим государем, великим хозяином, самодержцем, выдаваясь наглядным образом великолепием своей обстановки из толпы князей и бояр, с которыми прежде равняла его простота быта; таким образом, итальянские художники, украшая Москву, делали одно дело с полугречанкою, полуиталианкою Софиею Палеолог, воспитанною в Италии, в той сфере, где воспитались Макиавелли, Екатерина Медичи, королева Бона. Но если Москва стала

главным городом России, когда эта страна начала поворачивать с востока на запад, то это значит, что она стала главным городом России в то время, когда эта страна должна была вести тяжелую борьбу с двух сторон, отбиваться и от востока и от запада, от бесерменства и латинства, по старинному выражению. Степной варварский мир ослабел, позволил России начать наступательное движение, но иногда извергая огромные разбойничьи шайки, которые несли опустошение до самой столицы России; с другой стороны, на западе Россия столкнулась с Польшею и завязала с нею отчаянную борьбу, и Москве дорого стоило отстаивание России от бесерменства и латинства. При внуке Иоанна III, в то самое царствование, когда две татарские орды пали перед Москвою, когда весь мусульманский мир взволновался от этого сильного наступательного движения христиан, хан последней орды на европейской почве, Девлет-Гирей крымский, явился под Москвою и сжег ее. Москва не успела еще оправиться от этой беды, как наступила казачина, Смутное время; пришли поляки, почуяв беду России; бояре, поставленные между двумя огнями, боясь казаков, казацкого царя, самозванца, сами ввели поляков в Москву; но, прежде чем русские выжили этих гостей из Кремля, Москва опять была сожжена и разорена, жители разошлись розно. После этой беды Москва в XVII веке оправлялась с трудом, как с трудом оправлялась вся земля, при новых борьбах, при новых напряжениях; царствующий град в XVII веке не достигал ни той обширности, ни того количества народонаселения, какое имел в XVI веке, а тут уже приближалось время, когда Россия должна была наконец добраться до моря и на болотных берегах Невского устья должна была подняться столица империи.

Подобно всем старинным городам русским, самый большой из них, царствующий град, запечатлелся характером древней русской истории, когда религиозный интерес был не только господствующим, но, можно сказать, исключительным. Западная Европа, пережившая время исключительного господства религиозного интереса в так называемые средние века, оставила память об этом времени в громадных, затейливо изукрашенных каменными кружевами храмах; там был под руками материал, камень, там были перед глазами образцы, горы, эти нерукотворные, возносящиеся к небу алтари; но главное, там была сила, способная воздвигать подобные громады, хотя

и не всегда их оканчивать, – общественная сила; богатый, многолюдный город, которого жители сознавали в себе одно целое, привыкли к общему делу, такой город строил великолепный религиозный памятник на пользу и украшение целому городу; понятно, что таких памятников не могло быть много и все они носили знамение соединения сил. Но на восточной равнине в каких памятниках выскажется исключительное господство религиозного интереса? Здесь нет твердого материала, камня, здесь нет гор, возбуждающих человеческое творчество к соперничеству с природою, здесь нет и соединения сил. Мы видели, как здесь по необходимости все расплывалось и разбродилось на необъятном пространстве, как здесь не было богатых, многолюдных городов; все здесь жило в разброде и особо: отсюда бедный приносил в церковь свой образ, перед ним зажигал свою свечу и перед ним молился, а богатый строил подле своего дома *свою* церковь. Понятно, что церкви, построенные отдельными лицами, не могли отличаться обширностью и великолепием; но их было много, их считали до двух тысяч, на каждые пять домов по церкви.

Церкви были небольшие; но в разных местах виднелись церкви значительной величины, окруженные другими, поменьше, и огороженные стенами; то были монастыри, которых было очень много в Москве; монастыри виднелись преимущественно в концах города или обозначали границы городских частей, указывали историю распространения города; монастыри, являвшиеся в середине города, прежде были загородными. Некоторые загородные монастыри были окружены крепкими каменными стенами с высокими башнями и опоясывали Москву рядом укреплений. Светские землевладельцы в России и самые богатые никогда не имели укрепленных замков: мы видели, что русская знать никогда не теряла дружинного характера и жилища ее лепились около жилища государева. Но подле светских землевладельцев, светской знати, вообще небогатой и несильной пред богатством и силою великого государя, были землевладельцы другого рода, богатые, сильные и самостоятельные, – то были монастыри. Мы видели, как долог был на Руси богатырский век, как с усилением государства богатырство продолжалось под именем казачества; но народ, имеющий богатые задатки жизни, стремится необходимо к уравновешению сил, и подле богатырей, грузных избытком

материальных сил, мы видим богатырей другого рода, богатырей духовных, представителей нравственных сил народа, – то были вожди духовных дружин, основатели монашеских братств, основатели монастырей. Вдалеке, в глуши, но обыкновенно на господствующем красивом месте строился монастырь. Духовная сила необходимо в скором времени привлекала к себе силы, средства материальные, святой основатель служит в ветхих крашенинных ризах, преемники его облакаются в золото; никакие соображения и расчеты не могут остановить стремления жертвовать всем материальным, самым дорогим на украшение того, что нравственно так дорого, так свято. Монастыри становятся богатыми землевладельцами, имущество которых не отчуждается, не разделяется. Один только богатый землевладелец, монастырь, живет отдельно, самостоятельной жизнью, один по своим средствам может строить замки, укрепления и действительно огораживается твердыми каменными стенами, воздвигает башни, заводит наряд (артиллерию), получает возможность защищаться от неприятеля. Так в эти века господства нераздельности занятий силы нравственные необходимо соединялись с материальными; в Смутное время Троицкий монастырь дал самый сильный отпор врагам, и при этом силы нравственные были соединены с материальными.

Нераздельность сил в древней России выражалась и в старинном Кремле московском: если ряд загородных монастырей представлял около столицы ряд укреплений, то Кремль, царственный замок, жилище великого государя, представлялся большим монастырем, потому что был наполнен большими, красивыми церквями, среди которых, как игуменские кельи в монастыре, расположен был Царский дворец – пестрая масса зданий самой разнообразной величины, разбросанных без всякой симметрии, единственно по удобству. Если церковь была единственным памятником общественным, если каждый человек со средствами имел сильные побуждения оставить по себе такой памятник, то понятно, что человек с самыми большими средствами в государстве, именно великий государь, должен был отличаться ревностью в построении и украшении церквей, имел значение всероссийского церковного старосты; понятно, что около его жилища было так много церквей, неудивительно, что мы очень часто встретим его в церквях, очень часто встретим пышные, длинные

царские поезда, направляющиеся в ближние и дальние монастыри; при церковных торжествах царь тут со всем двором. 1 сентября, в Семендень (Симеона Летопроводца), церковь и мир вместе праздновали Новый год. Народ толпился в Кремле с утра: там на открытом месте, на площади между Благовещенским и Архангельским соборами, в присутствии царя служили молебен; после молебна архиереи и вельможи, приказные люди и гости поздравляли великого государя, один из бояр говорил речь, после чего царь шел к обедне.

Зимой, перед Рождеством, 21 декабря, в Москве был большой праздник в память чудотворца Петра, первого митрополита, который стал жить в Москве и освятил ее величие, праздник был собственно праздником преемника Петрова, патриарха, и потому еще 19 числа патриарх являлся во дворец звать великого государя и старшего царевича к празднику и кушать, приглашалась также вся знать; после обедни в Успенском соборе царь отправлялся к патриарху на обед: обычай требовал, чтоб хозяин благословил гостя образом и богато одарил: дарились обыкновенно кубки, бархаты золотные и серебряные, аксамиты, атласы, камки и соболи сорока́ми. Накануне Рождества Христова, за четыре часа до света, государь ходил на тюремный и английский дворы и жаловал милостынею из своих рук, на тюремном дворе – тюремных сидельцев, а на английском – пленных поляков, немцев и черкас (малороссиян). Дорогою государь раздавал милостыню раненым солдатам и нищим; в то же время раздавал царскую милостыню у Лобного места и на Красной площади. Всего раздавалось денег более тысячи рублей. Иногда государь ходил также к какомунибудь расслабленному и подавал ему милостыню. В третьем часу ночи в передней дворца раздавалось громкое пение: славили Христа протопопы, попы и дьяконы всех соборов; за соборным духовенством являлись певчие: 5 *станци* государевых певчих да семь *станци* патриарших славили переменяясь, и государь жаловал их питьем ковшами. В самый праздник после обедни из дворца посылали патриарху весь стол; боярам, окольниковым, думным дворянам и думным дьякам, также архиереям, архимандритам и духовнику царскому посылались по две *подачи* (блюда) с кубками. 6 января в Богоявление *иердань* на Москвереке; по берегу реки и в Кремле расставлено 12 приказов стрельцов с ружьем и в цветном платье; идет великий государь в полном царском *облачении*, ведут его под руки стольники и

ближние люди; за государем идет постельничий, охраняет *стряпню*, эту *стряпню* несут стряпчие, несут они полотенце, стул и подножие, потом толпа царедворцев, начальных ратных людей и гости, кто познатнее в шубах, другие в золотах, ратные люди в фрезеях и служилом платье, гости в золотах.

В конце масленицы царица ходила по соборам и монастырям кремлевским в сопровождении родственников, родственниц, мам, верховых боярынь и казначей, водила с собою и маленьких царевичей; во все это время Кремль был заперт, никого не впускали.

В последнее воскресенье на масленице, в *Прощеное* воскресенье, прямо из Успенского собора царь с боярами и думными людьми отправлялся к патриарху, у которого уже были собраны все *власти* (архиереи и архимандриты), вместе с государем являлись из дворца ключники и чарочники со всякими красными питьями. Начиналось взаимное угощение: патриарх подносил государю вина фряжские и меды всякие; подавал чаши боярам и думным людям, а государь, с своей стороны, жаловал чашами властей. По возвращении во дворец государь принимал начальников приказов с докладами о колодниках, которые сидят много лет, иные не за большие преступления; таких государь приказывал освобождать. В то же время во дворце царица жаловала к руке отца, братьев родных и двоюродных, родственниц, мам, верховых боярынь, казначей, постельниц, мастериц. Наступал Великий пост, и в Москву наезжали гости особого рода: изо всех монастырей являлись монахи и подносили царю и патриарху хлебы, капусту и квас.

В Вербное воскресенье царь участвовал в религиозном торжестве, которому подобного новая Россия уже не видала: из Успенского собора в Спасские ворота двигался крестный ход; за образами и духовенством шли стольники, стряпчие, дворяне и дьяки в золотом парчовом платье (*в золотах*), за ними сам государь, за государем бояре, окольные, думные люди и гости; по обе стороны пути близ царя шли полковники и головы стрелецкие. Зашедши к празднику (в один из приделов Покровского собора), государь отправлялся на Лобное место, где патриарх подавал ему и боярам ваии и вербу. По прочтении Евангелия патриарх, взявши крест в правую руку, а Евангелие в левую, посылает отрешить осла и привести к ступеням Лобного места; осла приводят, и патриарх садится на него, царь ведет осла по конец повода, подле

несут царский жезл, вербу, свечу, полотенце; царевич и один из бояр ведут осла по середине повода, под губу ведут патриаршие боярин и казначей; по обе стороны стрельцы несут сукна разноцветные и постилают по пути; впереди движется огромная изукрашенная верба на красных санях, в сани запряжены шесть лошадей темносерых в цветных бархатных каптурах, в начолках с перьями; ход направлялся прямо в Успенский собор.

Наступал светлый праздник, *Велик день*. В исходе двенадцатого часа государь шел в Успенский собор, за ним бояре, окольничие, думные люди, стольники, стряпчие, дворяне и дьяки, собор наполнялся людьми в золотах. На заутрене после хвалительных стихир царь прикладывался к иконам, потом христосовался с патриархом и архиереями в губы, и давали друг другу яйца, остальных духовных государь жаловал к руке и давал яйца; после духовенства жаловал к руке всех светских людей, вошедших за ним в церковь. По окончании заутрени царь идет в Вознесенский монастырь – поклониться гробу матери, в Архангельский собор – поклониться гробу отца, в Благовещенский собор – похристосоваться с духовником, с которым целовался в губы. Обедню слушал также в Успенском соборе. В первый же день праздника являются к царю и царице вместе патриарх со всеми властями и вся светская знать: царица жаловала их всех к руке; приходили к государю с дарами именитый человек Строганов, гости московские и из городов. На другой день опять приходил патриарх с властями, на этот раз приносил образа и золотые в подарок. На третий день царь жаловал к руке и оделял яйцами дворовых людей, дьяков мастерской царицыной палаты, истопников и истопничих царицыных, уставщиков, певчих, учителей царевичевых и комнатных сторожей; на четвертый день жаловал к руке полуголов, сотников, также *дохтуров*, лекарей и мастеровых палат золотой, серебряной и оружейной. В Троицын день государь слушал обедню в Успенском соборе; перед ним стольники несли туда лист и *веник* (букет цветов); в церкви стольники же держали стряпню: жезл, стоянец и мису, иногда сундук с платьем. В Успенъев день, храмовой праздник главной соборной церкви, государь обедал у патриарха, который дарил гостей так же, как и в день Петра митрополита. Царь Алексей Михайлович не пропускал праздника в Чудове монастыре 20 мая, день Алексия митрополита; если жил в Преображенском, то нарочно приезжал для

этого в Москву. Если не ходил в Троицкий монастырь на праздник св. Сергия, то слушал в этот день обедню на Троицком подворье. В свои именины, 17 марта, царь Алексей Михайлович ездил ко всенощной и к обедне в Алексеевский монастырь: идут впереди стрельцы с батожьем, потом постельничий и стряпчие с стряпнею, за ними едет сам царь в шубе золотой с кружевом, нашивка с кистями, шапка горлатная; едет он в санях больших нарядных, на наклестках стоят бояре, на оглоблях у щита стольники и ближние люди, около саней идут пешком головы и полуголовы стрелецкие. 17 ноября, в день Григория Неокесарийского, царь Алексей ездил к обедне в Садовую слободу к празднику, потому что там жил духовник.

Кроме этого присутствия при богослужении и при церковных церемониях в праздничные дни, великий государь ходил часто на богомолье в города: Можайск, Боровск, Звенигород, Кашин, Углич, к Николе на Угрешу; по дороге в Троицкий Сергиев монастырь, куда царь обыкновенно отправлялся к празднику чудотворцеву, к 25 сентября, по станам, в селах Тайнинском, Братовщине и Воздвиженском встречали его посадские люди – ярославцы, ростовцы, переяславцы, угличане с хлебами и рыбою. Целями царских походов на богомолье были и ближние московские монастыри; приход великого государя был большим праздником для братии: гость жаловал ее милостынею. Наконец, кроме монастырей, государь ходил по всем больницам.

Были и другие цели государевых походов: Алексей Михайлович любил часто ездить в загородные села, где иногда оставался довольно долго. Села эти были: Коломенское, Голенищево, Покровское, Хорошево, Воробьево, Семеновское, Измайлово, Никольское, Всевидное, Остров, Соколово, Алексеевское, Дьяково. Государь ехал ночевать, следовательно, шествие открывал постельный возок, при котором ехали постельничий и стряпчий с ключом, с ними 300 жильцов по три в ряд в цветном платье на лошадях во всякой ратной сбруе. За жильцами 300 конных стрельцов по 5 в ряд; за стрельцами 500 рейтар, за ними 12 стрелков с долгими пищалями. За стрелками Конюшенного приказа дьяк, потом государевы седла, жеребцы, аргамаки, кони и иноходцы, 40 лошадей под седлами, наряд на них большой, цепи гремячие и поводные, кутазы и наузы, седла покрыты покровцами цветными и ковриками золотными. Перед государем у

кареты боярин, подле кареты по правую сторону окольников. Сам царь в английской карете шестернею, возники (лошади) с немецкими перьями, на возницах кафтаны бархатные и шапки бархатные с соболем и перьями. С царем в карете четверо бояр. Царевич ехал в *избушке* шестернею, с ним сидели дядька его и окольников; за ним бояре, окольников, стольники и ближние люди, около избушки стрельцы. За царевичем ехала царица в каптане в 12 лошадей, с нею мамы и боярыни; за царицею царевны большие и меньшие также, в каптанах, окруженных стрельцами; за царевнами боярыни верховые, казначеи, карлицы, постельницы, всего каптан 50. Главную целию загородных поездок была любимая потеха царя Алексея Михайловича – охота, ходил на поля тешиться с птицами, любил ходить и на медведя.

Мы видели, как великий государь праздновал церковные торжества; теперь взглянем на его торжества семейные, радостные и печальные. *Всемирная* радость – родился царевич: патриарх, знатное духовенство, бояре, окольников, думные люди и стольники идут с дарами к новорожденному; у царя большой стол. Крестил царевича сам патриарх с знатным духовенством в Чудове, монастыре или в Успенском соборе; приемником по старинному обычаю бывал троцкий архимандрит, если же старший брат царевич был на возрасте, то он: младшего сына Алексея Михайловича, Петра, крестил старший брат, царевич Феодор; приемницею тетка. За крестины патриарх получал 1500 золотых, митрополиты по 300, архиепископы по 200, епископы по 100, чудовской архимандрит 80 рублей, благовещенский протопоп (духовник) 100 рублей, успенский 50, протодьякон 40, ключари по 30; всего выходило 3800 золотых и 330 рублей. Для своей всемирной радости государь кормил у себя в передней нищую братию и жаловал милостынею. Умирал царевич – хоронили в тот же день. В годовщины были в панихидной палате сборы и стол большой; *за сборами* были патриарх с знатным духовенством; государь приходил в панихидную палату и подносил патриарху и архиереям кушанье и кубки; патриарх брал поднесенное ему блюдо и кубок и подносил их обратно государю, а тот жаловал ими окольников, который стоял за ним. После стола государь снова приходил в панихидную палату к панихиде и потом провожал патриарха до Благовещенья.

В церковные праздники и царские дни во дворце бывали большие столы, к которым приглашались патриарх, бояре, окольничие, думные дворяне и дьяки, стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы и посадские люди всех сотен. Кроме того, большие столы бывали по случаю приезда иностранных царевичей и знатных послов. Тут в Грановитую палату, где был обед, сносились дорогие и редкие вещи на показ гостям: на окне на бархате золотном стояло четверо серебряных часов; у того же окна стоял *шандан* стенной серебряный; на другом окне стоял серебряник большой с лоханью, по сторонам рассольники высокие; на третьем окне на бархате золотном стоял рассольник серебряный большой да бочка серебряная позолоченная, мерою в ведро. На рундуке против государева места и на ступенях были постланы ковры; около столпа стоял поставец: на нем расставлены были сосуды золотые, серебряные, сердоликовые, хрустальные и яшмовые. Иностранные послы говорят, что сосуды эти не отличались чистотою.

Посол приехал за важным делом. Надобно подумавши отвечать на его предложения. С кем же обыкновенно великий государь думает думу о всяких важных делах, ратных и земских? Много прошло времени с тех пор, как старший князь в роде княжеском стал великим государем, царем московским и всея Руси, но простота первоначальных отношений его к окружающим, к ближним людям не исчезла. Около дворца великого государя, в самом Кремле, потом в других лучших частях Москвы, в Китае и Белом городе, в домах пообширнее других, окруженные бедными родственниками, знакомцами и многочисленною крепостною дворнею, живут знатные люди разных чинов, более или менее близкие к царю. Это старинная дружина княжеская; слово исчезло, но основной характер остался, характер военный: все это ратные люди, члены дружины старшие и младшие; им поручаются, как и в старину, разные гражданские должности, но при этом они не теряют своего постоянного, военного характера. Древняя Россия не достигла еще до разделения военной и гражданской службы. Первоначальный военный, дружинный характер окружающих царя остался; изменились отношения дружины к вождю ее: члены прежде вольной дружины, могшие отъезжать от одного князя к другому, потом прикрепились к одному великому государю царюсамодержцу, стали его холопами. Вся эта служня обязана быть

постоянно налицо при великом государе. С раннего утра собирается она ко двору; старики едут в каретах, зимою в санях, молодые верхом; не доезжая до двора царского, вдалеке от крыльца, выходят из карет, слезают с лошадей, идут пешком к крыльцу. Пойдем за ними во дворец, там обнаружится различие между ними по степеням знатности и приближения к царю. Толпа не идет далеко, останавливается на постельном крыльце и здесь, на обширной площади его, дожидается, не будет ли какого приказания; это молодые, т. е. менее знатные, люди. Здесь видим стольников: это дети отцов, которые в знатных чинах, но не из первостепенной знати по происхождению; их будет человек 500; главная служба их во дворце, от которой и получили название, – носить кушанье к царскому столу при торжественных обедах; их же отправляют посланниками к иностранным дворам, воеводами по городам, в приказы. Стольники, стоявшие здесь, на крылечной площади, назывались *площадными* в отличие от *комнатных*, детей более знатных, более приближенных к царю отцов. Вместе с стольниками дожидаются на крыльце стряпчие; мы уже видели их в придворной должности при торжественных царских выходах; и стряпчих, которых будет человек с 800, посылают также в разные посылки, менее значительные: не пошлют стряпчего ни в воеводы на город, ни в послах в иностранное государство. Далее крыльца не идут и дворяне московские, получившие первое место перед дворянами областей, присоединенных к Московскому княжеству; у них нет придворной должности; в военное время это начальные люди в полках, в мирное их посылают и воеводами по городам, и послами, и для производства следствия, и в приказы. Но давно уже опыт показал, что человек, владеющий саблею, неловко владеет пером, давно уже образовался особый класс людей, дельцов по письменной части, разделявшихся на старших и младших, на дьяков и подьячих: без них не мог обойтись боярин, назначенный государем ведать какойнибудь приказ в Москве, не мог обойтись дворянин, когда его посылали воеводою в город, когда его отправляли посланником в чужое государство. И все больше и больше значения приобретает делец, письменный человек подле ратного человека, по старине занимающего гражданскую должность: дьяк, уже не подчиненный ему, не излагатель только его мнений, его приказаний и решений, дьяк его товарищ и в приказе, и в посольстве. Между стольниками, стряпчими и дворянами

на дворцовом крыльце дожидаются и дьяки. Взад и вперед бегают жильцы; это двухтысячный отряд дворянских, дьячьих и подьяческих детей, из которого по сороку человек ночует на царском дворе.

На крыльце, на площади не всегда тихо, не всегда слышны только одни мирные разговоры; иногда вдруг раздается шум, громкие голоса; два врага, два соперника по какому-нибудь тяжёлому делу встретились и не выдержали, сцепились браниться; стоит только вымолвить первое бранное слово, и язык расходится, удержу ему нет: от лица сейчас же переход к его отцу, матери, сестрам и другим ближним и дальним родственникам, никому нет пощады, все старые и недавние истории, сплетни, слухи – все тут будет повторено с прибавками, какие продиктует расхолодившееся сердце. Побранится стольник с другим стольником за холопа, которого оттягивают друг у друга, – и приплетет к холопу сестердевиц и мать своего соперника. Дело не ограничивалось одними крупными словами, *шумом*: иной расходится от крупных слов и шума и начнет гонять по крыльцу за врагом, гоньба иногда оканчивалась тем, что у одного из соперников была прошиблена кирпичом голова.

Толпа молодых, ожидающая на крыльце, беспрестанно расступается, дает дорогу старым боярам, окольничим и думным людям, которые не останавливаются на крыльце и проходят далее, в *переднюю*. Передняя имеет важное значение перед крыльцом: один жилец, исчисляя службы свои, бьет челом государю: «Пожалуй меня, холопа своего, для великого чудотворца Алексея митрополита и для многолетнего здоровья сына своего царевича, за мое службишко и терпенье вели, государь, мне быть при своей царской светлости в передней, а родители мои (родственники) пожалованы в переднюю». Здесь, в передней, останавливаются бояре, окольничие и думные люди, люди трех первых высших степеней старинной русской службы. Боярин – имя, которое встречается уже на первых страницах старой летописи в значении старшего члена дружины и необходимого советника, думца княжеского, и эта тесная связь между понятием боярина и советника княжеского выражалась в эпитете: *боярин думающий*. Окольничие во время усиления значения власти княжеской являются преимущественно в значении царедворцев; они распоряжаются при дворцовых церемониях, при приеме послов, во время путешествия государя едут впереди его, готовят все на

станах; в последнее время околичество потеряло значение должности и приняло только значение чина, означая вторую степень после боярства. Наконец, издавна между дружинниками люди, не достигшие еще ни боярства, ни околичества, но *жившие в думе*, участвовавшие в совете великокняжеском; отсюда третий чин — думные дворяне. К этим трем чинам, участвовавшим в думе, совете царском, примыкают думные дьяки, высшее звание, которого мог достигнуть не военный человек, а человек пера. Думных дьяков не больше четырех; как первые дельцы, находившиеся на глазах государя, который непосредственно пользовался их ловким пером, их знанием дела и опытностью, думные дьяки приобретают важное значение; особенно сильны становятся они со времен Грозного, который, подозревая знатных людей во враждебных замыслах, преимущественно доверял дьякам, людям новым, незнатным. До какой степени влияния могли достигать думные дьяки, показывают нам примеры Щелкаловых, Грамотина. Как люди формы и рутины, из мелочного знания существующего извлекавшие свои выгоды, думные дьяки, разумеется, не могли быть расположены к преобразованиям; они считались знатоками дела, пользовались в этом отношении большим уважением, большим влиянием, к ним обращались как к оракулам: понятно, как оскорбились, ожесточились они, когда им стали говорить, что они не умеют дело делать, не умеют прилично вести себя. Отсюда понятна вражда, которую питали думные дьяки к дерзкому нововводителю, Ордину-Нащокину, осмелившемуся учить, указывать, кому же? Думным дьякам! Как будто первые дельцы дела не знают! Вздумал переучивать их на чужой лад, только и слов от него, что в чужестранных государствах не так делается.

Бояре, околичие, думные дворяне, думные дьяки толпятся в передней. О чем же они говорят между собою в ожидании выхода царского, что́ их особенно занимает? В последнее время было о чем поговорить: войны тяжкие, походы непрерывные, победы сменялись поражениями, не раз были речи о том, что царь покинет столицу, к которой приближается враг, казаки изменяют в Малороссии; безбожный Стенька Разин поднимает казачество и крестьянство против бояр; патриарх хочет владеть всем: рассердился, что ему не дали владеть, уехал, а от патриаршества не отказывается; такого дела еще никогда не бывало, подняли святейших патриархов восточных,

чтоб покончили с Никоном. Думные дьяки внушают, что с Афанасием Лаврентьевичем ОрдинымНащокиным житья нет, все бранится, всех укоряет, все по его, делается нехорошо, толкует о новых порядках, что в чужих землях, а какие это порядки? Что он завел во Пскове? Придет воевода в город, а ему там и делать нечего: всем владеют мужики! Но что же будешь делать! Великий государь его жалует, грамоты посылает прямо из Приказа тайных дел, и Афанасий пишет туда же; если уже заведен Приказ тайных дел, то всякому можно писать великому государю, что́ хочет, обносить кого хочет, – никто не сведает. И чему дивиться! был бы из честного старого рода, а то откуда взят? Умный человек! никто у него ума не отнимает, да как будто все другие глупы? Вот и Матвеев метит туда же, в бояре, – и попадет; у государя в приближении; но этот по крайней мере тих, честных людей почитает, тоже любит новые порядки, да не кричит, как Афанасий.

Но более всего, разумеется, занимали людей, собиравшихся в передней, дела местнические. Много остатков старины сберегла Московская Русь, и между ними крепкий родовой союз, который тем был крепче, чем слабее были все другие союзы. Понятие об единстве рода, как бы он ни был велик и разветвлен, сохранялось. Должен один из членов рода заплатить большую сумму денег, остальные члены рода обязаны складываться для этой уплаты. Старшие члены рода, которых величали господами, обязаны наблюдать за поведением младшего, хотя и совершеннолетнего, уже находящегося в службе, наказывать его за нравственные беспорядки, и правительство, разделявшее общий взгляд относительно крепости родového союза, взыскивало на старших членах рода за поведение младшего. Понятно, что при такой крепости родového союза, при такой ответственности всех членов рода один за другого значение отдельного лица необходимо исчезало пред значением рода; одно лицо было немислимо без рода: известный Иван Петров не был мыслим как один Иван Петров, а был мыслим только как Иван Петров с братьями и племянниками. При таком слиянии лица с родом возвышалось на службе одно лицо – возвышался целый род, с понижением одного члена рода понижался целый род. Для нас теперь очень понятно, почему человек, имеющий известный высший чин, занимавший высшую должность, не захочет служить под начальством или в товарищах человека, который моложе его по чину или прежней должности; но представим себе, что целый род составляет одно, что

каждый член слит со всеми остальными членами, и мы поймем, почему известный Иван Петров не хочет служить в товарищах с Васильем Федоровым, если член одного рода с Иваном Петровым был выше члена рода Василья Федорова; не забудем, что лицо независимое, самостоятельное, как теперь у нас, может по высшим нравственным или по каким бы то ни было побуждениям преодолеть побуждения честолюбия; но старинному русскому человеку преодолевать эти побуждения было невозможно, потому что он не имел никакого права располагать честью целого рода, имел священную обязанность беречь ее во что бы то ни стало, поэтому неудивительно, что старинный русский человек, столько послушный великому государю, которого назывался холопом с уничижительным именем, в местнических случаях ослушивался, за обедом, в присутствии царском, спускался под стол, если его принуждали сидеть ниже человека, которому он не мог по родовым счетам уступить, шел в тюрьму, подвергался батогам, кнуту, отобранию поместий и вотчин, но не исполнял воли царской, ибо в противном случае что была бы его за жизнь, как бы он показался на глаза родичам да и всем порядочным людям, ибо в глазах всех их поруха родовой чести была непростительным преступлением; теперь всякий будет каждого родственника такого преступника *утягивать*, говорить: ты можешь быть ниже меня, потому что родственник твой Иван Петров был ниже Василья Федорова, а я равен Василью Федорову или еще и выше его; мой младший брат в такомто походе был равен или даже выше старшего брата Василья Федорова и т. д.

Члены шестнадцати знатных родов имели право, обойдя низшие чины, поступать прямо в бояре: Черкасские, Воротынские, Трубецкие, Голицыны, Хованские, Морозовы, Шереметевы, Одоевские, Пронские, Шейны, Солтыковы, Репнины, Прозоровские, Буйносовы, Хилковы, Урусовы. Члены пятнадцати родов поступали сначала в окольнічие и потом в бояре: Куракины, Долгорукие, Бутурлины, Ромодановские, Пожарские, Волконские, Лобановы, Стрешневы, Бярятинские, Милославские, Сукины, Пушкины, Измайловы, Плещеевы, Львовы. Из тридцати одной фамилии 20 княжеских. Некоторые из князей присоединили к своим фамильным прозваниям прозвания от старых своих уделов, например РомодановскиеСтародубские. В конце царствования Алексея Михайловича показалось это неприличным, и

Ромодановским запрещено было писаться Стародубскими. Но знаменитый воевода князь Григорий Григорьевич Ромодановский подал челобитную: «Прислана твоя, великого государя, грамота, написано, чтоб мне впредь Стародубским не писаться. До твоего указа я писаться не стану, а прежде писался я для того: тебе, великому государю, известно, князишки мы Стародубские, а предки мои и отец мой и дядя писались СтародубскиеРомодановские, да дядя мой князь Иван Петрович, как в Астрахани за вас, великих государей, пострадал от вора лжеименитого Августа, по вашей государской милости написан в книгу, и, страдания его объявляя, на сборное воскресенье поминают СтародубскимРомодановским. Умилосердись, не вели у меня старой нашей честишки отнять». Государь умилосердился, не велел честишки отнимать. Молодого человека знатной фамилии царь обыкновенно брал во дворец в спальники. Должность спальников состояла в том, что они спали у государя в комнате, человека по четыре, переменяясь посуточно, раздевали и разували государя. Из спальников члены первостепенных родов жаловались прямо в бояре, второстепенных в окольников и назывались комнатными или ближними боярами и окольниковыми. Понятно, что войти в первый ряд знати, доставить себе и всем членам своего рода право, минуя окольникового, получать прямо боярство было заветною целию и были честолюбцы, которые покушались достигнуть ее без признанных прав: так, например, Головин, пожалованный из дворян в окольниковые, бил челом, что окольниковых в его пору нет и отец его при царе Михаиле был в боярах; за это челобитье он послан в тюрьму и окольниковство ему не сказано, сказано другое: «Тебе, страднику, ни в какой чести не бывать, бояре приговорили тебе бить кнутом и в Сибирь сослать, да государь на милость положил». Родовая честь была такое больное место у старинной русской знати, что, несмотря на очевидное первенство одного рода перед другим, члены рода, которые должны были уступить, придумывали отчаянные средства, чтоб какнибудь избавиться от этой тяжелой уступки. В этом отношении замечательно местническое дело между двумя первостепенными родами: в 1663 году, за торжественным обедом у государя, князь Юрий Трубецкой получил назначение выше, чем Никита Шереметев; Шереметевы знали хорошо, что Трубецкие выше их, но уступить было тяжело, вспомнили, что они, Шереметевы, старинный московский знатный род, а

Трубецкие хотя и знатны, но князя пришлые, Гедеминовичи литовские; вследствие этого старший между Шереметевыми, боярин Петр Васильевич, подал челобитную: «Я и брат мой с князем Юрием был и вперед по отечеству родителей его быть с Трубецкими готовы: только князь Юрий иноземец и в нашу пору и хуже нас с ним никто не бывал; так если ктонибудь, не зная меры своей, станет меня бесчестить, то нам и отечеству нашему не было бы порухи». Государь сильно осердился за эту новость, когда и с старыми основаниями местнические споры были невыносимы; он велел сказать Шереметеву: «Ты князя Юрия обесчестил, что назвал его иноземцем: Трубецкие не иноземцы, старый род честный». На Шереметевых князю Юрию Трубецкому доправлено бесчестье: половинный оклад дяди его, боярина князя Алексея Никитича Трубецкого.

Шереметевы имели право опасаться, что ктонибудь, не зная меры своей, будет их бесчестить вследствие уступки их Трубецким; несколько раз Шереметевых обороняли то от Долгоруких, то от Плещеевых, то от Бутурлиных, то от Годуновых. Но если правительство беспрестанно должно было оборонять и старинные роды, то понятно, как ему трудно было оборонять новых людей, родственников царских, поднявшихся до боярства из незначительных людей и выскочек вроде ОрдинаНащокина. Тут надобно было изворачиваться разными средствами. Князь Львов бил челом на тестя царского, боярина Илью Милославского; челобитчику отвечали, что ему можно быть с Милославским, во-первых, потому, что он третий брат; во-вторых, потому, что прежде не бивали челом на царских свойственников. Еще труднее было оборонять ОрдинаНащокина: стольник Матвей Пушкин бил челом, что велено ему ехать за польскими послами и с ними ехать к ответу (переговорам), а вести переговоры, в ответе быть боярину ОрдинуНащокину и ему, Пушкину, меньше Афанасья быть неместно. Нащокин, в свою очередь, бил челом, что Пушкин бьет челом не делом. Государь сказал Пушкину, что прежде мест тут не бывало и теперь нет. Но Пушкин отвечал, что прежде с послами в ответе бывали *честные* люди, а не в Афанасьеву версту, потому в то время и челобиться не бывало, а его отечество с Афанасьем известно великому государю. Государь повторил, что тут мест не бывало и теперь нет, и Пушкин уступил на первый раз, поехал за послами; но потом раскаялся в своей слабости и перестал ездить к

послам; государь послал его в тюрьму и велел сказать, что ему с Нащокиным быть можно и если не будет, то вотчины и поместья отпишут; Пушкин отвечал: «Отнюдь не бывать, хотя вели, государь, казнить смертью, Нащокин передо мною человек молодой и не родословный». И поставил на своем, не был у послов приставом, сказался больным.

Подле местничества отдельных родов друг с другом шло местничество между членами одного и того же рода, споры о родовом старшинстве, которые имели такое значение в древней русской истории, происходя в роде княжеском. Мы знаем, что в древней Киевской Руси физическое старшинство брало верх и племянники, несмотря на разные благоприятные обстоятельства, обыкновенно должны были преклоняться пред правами дядей, покушения племянников восстать против прав дядей считались греховными. В Руси Северной, Владимирской и потом Московской дело пошло быстро обратным путем: родовые отношения между князьями рушились, племянник от старшего брата стал наследовать старшинство, за исключением всех дядей. Этот переворот в отношениях членов владельческого рода не мог остаться без влияния и на отношения в других родах, и если здесь не могло произойти такого же переворота вполне, то по крайней мере мы вправе ожидать, что произойдут уступки, сделки, ограничения прав младших дядей пред старшими племянниками, особенно при влиянии великого государя на решения местнических дел, при определении случаев: великий государь, господствуя сам вследствие нового представления о праве сына от старшего брата над дядьми, не мог не благоприятствовать ограничению дядей в пользу племянников, и потому нам неудивительно встречать в местнических делах, что эти ограничения произошли по новому, государеву, уложению. Из описываемого времени приведем один любопытный случай такой родовой усобицы: в 1652 году князь Григорий Григорьевич Ромодановский бил челом на племянника своего, князя Юрия, что ему с ним быть невместно: «Он мне в роду в равенстве». Князь Юрий бил челом на дядю: «Хотя он мне по родству дядя, но можно ему со мною быть, потому что у отца своего он осьмой сын, а я у своего отца первый сын, и дед мой отцу его большой брат». Государь сказал: «После велю вас счесть старым родителям (родственникам) вашим». Но князь Григорий государя не

послушал, и за то посажен в оковы. Дьяки точно так же местничались по своим приказным назначениям: дьяк Елизаров, пожалованный в думные дьяки и оставленный в Поместном приказе, бил челом, что ему неместно быть меньше думного дьяка Гавренева, сидевшего в Разрядном приказе, потому что этот приказ считался выше Поместного.

С такимито интересами и стремлениями толпилась знать в передней. Но не все остаются в передней; ближние бояре, люди вхожие, проходят поближе к дверям *комнаты*, соображают и, *улуча время*, входят в комнату, место заветное для других, которые должны дожидаться в передней. Как важно было входить в комнату, показывает следующий случай: царь Михаил приказал на границе встретить королевича Вальдемара боярину князю Юрию Сицкому, а за Москвою встретить боярину Михайле Солтыкову, и сказано быть без мест; но князь Сицкий, утаясь от Солтыкова, бил челом в *комнате* без людей царю, и государь велел дать ему неместную грамоту, что ему можно быть больше Солтыкова и родичей его. Солтыковы успели поправить дело уже при царе Алексее.

Наконец двери отворяются; входит великий государь, и все, увидев его, кланяются в землю. Государь садится в большое кресло в переднем углу и подзывает к себе тех, до которых есть дело; если царь кликнет боярина, а его нет, тотчас посылает за опоздавшим, которого ждет грозный выговор, зачем опоздал? Расправа с теми, которые оплошали, не исполнили или не так исполнили царское приказание, коротка: государь сейчас же велит выслать их вон из палаты или посылает в тюрьму. Иногда государь разговаривает долго с разными боярами; все другие стоят, устанут, выходят на двор посидеть и опять возвращаются наверх. Но вот иногда ктонибудь из присутствующих сам подходит к государю и кланяется в землю: у него челобитье – отпустить в деревню; приступают другие, отпрашиваются в гости, на свадьбу, на крестины или на именины: отпроситься необходимо, потому что в вечерни все опять должны быть во дворце. Между челобитчиками некоторые подносят калачи государю: это именинники, государь спрашивает их о здоровье и поздравляет, потом они пойдут с калачами к царице, царевичам и царевнам.

После приема бояр государь шел обыкновенно к обедне со всем двором, а после обедни в передней или комнате государь принимался

за дела. Для доклада дел каждому ведомству назначены были особые дни: в понедельник докладывались дела из Разряда и Посольского приказа; во вторник из Приказов большой казны и большого прихода; в среду из Казанского дворца и Поместного приказа; в четверг из Приказа большого дворца и из Сибирского; в пятницу из судебных приказов Владимирского и Московского. С докладами подходили начальники приказов и сами их читали перед государем. Есть у государя важное дело, он призывает на думу или одних ближних, комнатных бояр и окольных, или всех бояр, окольных, дворян, и это называется *сиденьем великого государя с боярами о делах*. Бояре, окольные и думные дворяне садятся по чинам, от царя поодаль, на лавках, бояре под боярами, кто кого породою ниже, окольные под боярами, думные дворяне под окольными, также по породе, а не по службе; думные дьяки стоят, но иногда государь прикажет и им сесть. И тут иногда дело не обходилось без смуты: Пушкины пошли в тюрьму, побранившись с Долгорукими в то время, как государь *сидел* с боярами. Когда все усядутся, государь объявляет свою мысль и приказывает, чтоб бояре и думные люди, помысля, к тому делу дали способ. Тут всякий, кто имеет способ в голове, объявляет свою мысль, а иные, «брады свои уставя, ничего не отвечают, потому что царь жалует многих в бояре не по разуму их, но по великой породе и многие грамоте не учены». Состоится приговор, и государь и бояре приказывают думным дьякам пометить и приговор записать. В известном выражении «государь указал и бояре приговорили» указывается на означенный ход совещания: царь приказывает своим советникам, «помысля, дать к делу способ»; советники дают способ и составляется приговор. Если придавать этому выражению важное какою-нибудь значение, то надобно будет придать важное значение и другому употреблявшемуся в старину выражению: «По указу в. государя и по приказу дьяков сделано то». Если вследствие совещания нужно написать грамоту в иностранное государство, то это поручается посольскому думному дьяку: дьяк велит писать подьячему, а сам вычеркивает или прибавляет; когда грамота изготовлена, то ее слушают сперва одни бояре, а потом вместе с царем; то же соблюдается и относительно всех других приговоров. Если дела не так важны или по каким-нибудь обстоятельствам государь не может сам присутствовать при совещании о них, то приказывает решить их

боярам без себя, приказывает им *сидеть* о какомнибудь деле. Бояре сидят во дворце, и отсюда выражение: взносить дела к боярам *вверх*.

Кроме обычных *сидений* великого государя с боярами, бывали еще чрезвычайные совещания, на которые приглашались высшее духовенство и выборные из других сословий. Эти чрезвычайные совещания, или *соборы*, бывали обыкновенно по вопросу: начинать или не начинать опасную, тяжелую войну, причем потребуются долгая и тяжкая служба ратных людей, с другой стороны, потребуются денежные пожертвования с тяглых людей; нужно призвать выборных или советных людей из тех и других, из всех чинов, чтоб сказали свою мысль, и если скажут, что надобно начинать войну, то чтоб после не жаловались, сами наложили на себя тягость. Царь Алексей, отпуская ратных людей в литовский поход, говорил им: «В прошлом году были соборы не раз, на которых были и от вас выборные, на соборах этих мы говорили о неправдах польских королей, вы слышали это от своих выборных: так вам бы за злое гонение на православную веру и за всякую обиду к Московскому государству стоять». Выборные, или *советные люди*, являлись на собор из Москвы и областей, из разных чинов людей, например, из стольников, стряпчих, из дворян московских и жильцов, из чина по два человека; из дворян и детей боярских больших городов по два человека, из меньших по человеку, из гостей по три человека, из гостиной и суконной сотен по два, из черных сотен и слобод и из городов, из посадов по человеку. Из крестьян выборных не было; иногда не вызывались и горожане из областей, призывались только московские гости, из гостиной и суконной сотни старосты, из черных сотен сотские. Голос советные люди имели совещательный, у них отбирались мнения, или сказки, для соображений: сказки подавались или соединенно, целыми чинами, или по местностям; но каждый советный человек мог подать отдельно свое мнение.

Советные люди единогласно сказали, что войну начать необходимо, ратные люди объявили готовность проливать кровь за пресветлое царское величество, торговые люди обязались платить пятаю или десятую деньгу с своих животов и промыслишков; великий государь решил, что откладывать войну нельзя, поход сказан придворным ратным людям, гонцы скачут в области к воеводам, чтоб выслали служилых людей, дворян и детей боярских из их вотчин и

поместий. Теперь мы должны познакомиться с этим многочисленным классом служилых людей, рассеянных по центральным, западным и южным областям государства. Прежде всего обратим внимание на их название, которое всегда скажет много, особенно когда будем следить за его изменениями. В древнейшие времена мы видим в России первоначальное деление народа на военных и невоенных, мужей и мужиков; военные люди по отношению к вождю своему, князю, носят название дружины. Это название, от какого бы корня его ни производили, включает в себе понятие товарищества, компании. В Московском государстве название дружины исчезает, ибо исчезает понятие. Чем же оно постепенно заменяется? Изза дружины сначала выступает двор и производное от него дворянин и приобретает все более и более силы. Сначала бояре и дети боярские сохраняют относительно дворян свое самостоятельное первенствующее положение, положение дружинников; но потом, с возвышением значения государя и его двора, название *дворянин* берет верх над названием *сын боярский*, и последним означает низший класс военных людей; с исчезновением понятия о товариществе вождю выступает во всей силе понятие службы государю, и является для военных людей название *служилые люди* в противоположность всему остальному народонаселению, которое не поднимается, сохраняет попрежнему относительно военных людей значение мужиков; но и военные люди уже более не мужи, а служилые люди, холопы государя; название *служилый*, *служащий* живет до сих пор, до сих пор в народе говорят: это *служащий*, в противоположность купцу, мещанину. Но было еще другое название, которое обозначало вознаграждение за службу, название *помещик*. Если название *служилый человек* определяло отношение к государю, то название *помещик* определяло отношение к земле, к народонаселению, которое должно было содержать военного человека. Если в древности переходной дружине соответствовало содержание, получаемое прямо от князя в виде денег, то образованию из дружины служилого сословия на севере, в Московском государстве, соответствовала система испомещения на земельных участках, зависевшая от того, что великий князь стал государем, уселся и определил точно свои отношения к земле, сделался ее хозяином, распорядителем. Легко понять, какое впечатление в стране произвело испомещение военных людей на

землях, впечатление, подобное тому, какое произвело испомещение германцев в областях Римской империи: в стране подле немногочисленных вотчинников явился многочисленный класс людей, пользующихся землею, полновластных хозяев ее во время этого пользования; вотчинники стали также брать поместья, земля явилась предназначенною для испомещения военных людей, помещики явились главными землевладельцами, служилый человек для остального народонаселения стал немыслим без поместья, и название *помещик* для землевладельца укоренилось в народе крепко, осталось и тогда, когда поместья исчезли.

Превращение дружинников в помещиков необходимо должно было иметь сильное влияние на перемену в характере военного русского сословия, независимо уже от различия в характере южного и северного народонаселения, в характере князей и деятельности их. В членах подвижной дружины, перебегавшей с князем своим из одной области в другую, беспрестанно готовой переведаться с дружинами враждебных князей, необходимо сохранялась отвага, храбрость. Это были люди, не покидавшие оружия в постоянной борьбе с степными варварами, в постоянных усобицах княжеских; в немногочисленных, находившихся постоянно на виду дружинах преимущественно в мелких схватках храбрость каждого члена была явна и возбуждалось соревнование; война была главным и постоянным занятием, одним словом, военный характер сохранялся вполне. Кроме побуждения повсюду, у себя на Руси и в чужих странах, честь свою взять, присоединялись и другие побуждения к оказанию храбрости: материальное благосостояние дружины зависело от богатства князя, а это богатство мог доставить или поддержать только меч дружинника. «С дружиною приобрету серебро и золото», – говорил св. Владимир и приказывал подавать серебряные ложки дружине, которая роптала, что князь кормит ее с деревянных ложек. Но характер должен был необходимо измениться, когда военному человеку дано было поместье, куда он уезжал на все мирное время до первого призыва. Он становился землевладельцем, хозяином, терял военное значение, входил в мир иных отношений и интересов и привыкал к своему мирному положению, которое становилось для него естественным, постоянным, а военное время случайным, чрезвычайным, нарушающим обычное течение жизни; это нарушение не могло

нравиться. Если бы еще можно было сейчас же встретить неприятеля, побиться и назад, домой; а то надобно собираться в долгий путь, покидать семью, хозяйство на неопределенное время, в отсутствие хозяина семье может быть очень плохо, все пойдет не так; живется обыкновенно в поместье со дня на день, на черный день не припасено, а для похода надобно делать чрезвычайные издержки, занимать деньги – разоренье! Хорошо, если кто от природы храбр, любит подраться; но с течением времени служилое сословие превратилось в касту; сыновья служилого человека, храбры они или нет, чтоб не потерять своего значения и средств пропитания, получивши поместья, должны являться по первому призыву на службу. Таким образом, испомещение служилых людей уничтожило характер древней дружины: вместо постоянного войска, каким была дружина, с военным духом, с сознанием военных обязанностей, с побуждениями воинской чести оно создало класс мирных граждан, хозяев, которые только случайно на время войны несли уже тяжкую для них службу. С каждым позывом в поход в семействах помещиков должны были повторяться сцены, подобные тем, какие теперь происходят в семействах перед отпуском рекрут: сколько нужд и лишений должен претерпеть! Был *сам*, жил хозяином полновластным, окруженный покорною семьею, холопами и крестьянами, а теперь надобно идти под начальство; какойто попадетя воевода? Попадались притеснители страшные! Хорошо, если есть связи, родственники побьют челом и воевода возьмет к себе в *завоеводчики* (в свиту), а то беда! И возвратится ли? Возвратится ли невредим? А попадетя в плен к татарам, в литву или к немцамлюторам безбожным! Вспомним также, что войны XVII века, неуспех которых зависел от дурного устройства русского войска, в свою очередь, не могли содействовать возвышению духа в служилых людях, внушению уверенности. Вспомним о совершенной неприготовленности русского служилого человека к ратному делу, о неумении владеть оружием, которое к тому же было очень плохо, – и не удивимся свидетельству современника, русского же человека, который сравнивает полк служилых людей с стадом: «У пехоты ружье было плохо и владеть им не умели, только боронились ручным боем, копьями и бердышами, и то тупыми, и на боях меняли своих голов по три, по четыре и больше на одну неприятельскую голову. На конницу смотреть стыдно: лошади негодные, сабли тупые, сами скудны,

безодежны, ружьем владеть не умеют; иной дворянин и зарядить пищали не умеет, не только что выстрелить в цель; убьют двоих или троих татар и дивятся, ставят большим успехом, а своих хотя сотню положили – ничего! Нет попечения о том, чтоб неприятеля убить, одна забота – как бы домой поскорей. Молятся: дай, боже, рану нажать легкую, чтоб немного от нее поболеть и от великого государя получить за нее пожалование. Во время бою того и смотрят, где бы за кустом спрятаться; иные целыми ротами прячутся в лесу или в долине, выжидают, как пойдут ратные люди с бою, и они с ними, будто также с бою едут в стан. Многие говорили: дай, бог, великому государю служить, а саблю из ножен не вынимать!» Отсюда понятно, почему мы видим в служилых русских людях XVII века стремление отбывать от службы, отговариваться от выступления в поход болезнью, приписываться какнибудь к гражданским делам, задаривать воевод и сыщиков, чтоб только оставили в покое, прятаться от них; во время службы опять задаривать воевод и сотенных голов, чтоб отпустили домой, наконец, побег из полков. Уложение грозит за первый побег кнутом, за второй – кнутом, убавкою поместного и денежного окладов, за третий – кнутом и отнятием поместья; за побег домой с бою – кнутом нещадным и отнятием половины поместных денежных окладов; сотенному голове, отпустившему служилого человека без государева указа и воеводского ведома, батогами и тюрьмою; воеводе жестоким наказанием – «что государь укажет». Но угрозы Уложения не помогли: донесения воевод наполнены жалобами на побег служилых людей.

Поместная система ослабила в служилых людях воинский характер; но при этом они не выигрывали в других отношениях: им за службу давали землю, на которой они жили и с которой кормились; жизнь покойная и праздная в поместье отучала их от военной службы, главного их назначения, вследствие чего служба, когда приходило ей время, являлась тяжким, для некоторых невыносимым бременем. Ничего не могло быть вреднее этих длинных отдыхов в поместьях после походов, ибо вообще ничего не может быть вреднее для человека деятельности временной, за которую наступает продолжительное бездействие; ничто так не отучает от деятельности, от труда, особенно когда человек считает себя вправе предаваться бездействию, когда он знает, что имеет важное значение, всеми

признаваемое, имеет обязанность, которую и исполнит, когда призовут, а нет призыва – имеет право ничего не делать. Но хозяйственная деятельность в деревне? Хозяйственная деятельность была слишком проста при тогдашнем застое, остановке на первоначальных формах. Главная задача состояла в том, чтоб иметь как можно более человеческих рабочих сил в своем распоряжении, а если этих сил немного, то малое число работников заставлять производить как можно больше, издерживая на них как можно меньше. Мы знаем, что недостаток рабочих рук, переманка богатыми землевладельцами крестьян у беднейших и необходимость, какую чувствовало правительство, дать корм последним, т. е. снабдить их земли работниками, привели к прикреплению крестьян. Но и после прикрепления крестьяне продолжали переманиваться и уходить: отсюда тяжбы за переманку крестьян, гоньба за беглыми составляет самый важный предмет занятия для помещика. Мы видели, как правительство запрещало отпуск служилых людей из полков; но делалось исключение: воеводы могли отпускать их домой в случае домовного разоренья и *людского побега*. Архивы наполнены делами о беглых крестьянах, в Уложении целая глава из 34 статей посвящена этому предмету. С другой стороны, у помещика не было побуждений к усилению хозяйственной деятельности и потому, что это был слуга, обеспечиваемый своим господарем. Господарь давал ему землю, слуга был сыт; господарь дал ему постоянных работников и покровительствовал ему при их отыскании, когда они бегали от работы; относительно будущности семейства слуга также обеспечен: жене, дочерям дадут земли на прожиток, сыновья, когда вырастут, поступят на службу государеву, будет придача к отцовскому поместью. Отсюда необходимая привычка жить беззаботно день за день, и если у кого было желание усилить свои материальные средства, то к этому считался приличным один способ – *быть у дел и кормиться*, обогащаться за счет тех, которым эти дела были надобны.

Несостоятельность русских служилых людей – помещиков при встрече с неприятелем уже давно стала заметна и необходимо повела к мысли о преобразованиях. Везде в Европе эти преобразования шли одинаким путем. И на Западе, когда члены первоначального войска, дружины испоместились на земельных участках, зажили своими домами, своими землями, то, несмотря на большую самостоятельность

их положения, чем у нас, в России, несмотря на то что отсутствие государственного порядка, отсутствие безопасности заставляло каждого землевладельца, каждого *благородного* быть постоянно вооруженным, постоянно стоять настороже, что, разумеется, сильно поддерживало воинский дух, вело к явлению рыцарства, как учреждения, вызванного первоначально необходимостью защиты слабого от сильного, – несмотря на все это, однако, войны феодального периода отличаются своею мелкостю и непродолжительностью; вассалы такие же неохотники надолго отлучаться от своих домов, как и наши помещики; при большей самостоятельности их положения у них выговорен срок, и далее этого срока они не останутся в походе. Западноевропейским правительствам с феодальными войсками нельзя было далеко уйти, и они должны были обратиться опять к дружине! Дружины в разных странах не переставали выделяться, как у нас казаки; но там, на Западе, не было степей, поля, где бы богатыри могли свободно *казаковать, поляковать*; там, на Западе, дружины составляют наемные войска. Таковы арминаки во Франции, ландскнехты в Германии, брабантцы в Нидерландах, таковы швейцарские компании, италийские кондотьеры. В некоторых странах, наиболее слабых государственным единством, дружины вели к тем же явлениям, какие мы видели в начале средних веков, во время самого сильного движения дружин: вожди италийских кондотьеры основывают государства. Правительства других стран более сильные употребляют дружины как наемные войска, как наемную стражу, именно как употребляли их некогда западные и восточные римские императоры. От наемных дружин сделан был уже переход к национальному постоянному войску. Но от сбродных дружин, искавших службы у разных государей и менявших эту службу при первом случае, не скоро очистилась Европа. В России они появились в начале XVII века, с царствования Годунова, особенно стало их много при царе Михаиле, когда вследствие тяжелых опытов ясно была признана несостоятельность русского военного строя. Но тут же начинается с помощью иностранных офицеров и обучение русских ратных людей иноземному строю, появление разных видов войска с иностранными названиями, что было переходом к постоянному войску. Устроили рейтарские полки, выбирали в них из жильцов, дворян городских, из дворянских детей недорослей, из детей боярских

малопоместных и беспоместных и из вольных людей, давали им жалованья по 30 рублей в год, оружие (карабины и пистолеты), порох, свинец, но лошадей и платье должны были покупать сами. Также брали и рейтары со 100 крестьянских дворов по человеку, из имений церковных и из имений тех светских землевладельцев, которые не могли сами служить за старостою, по болезни, равно как с имений, принадлежащих вдовам и девицам. Составленные таким образом рейтарские полки учились новому воинскому строю у своих полковников, полуполковников, майоров и ротмистров, которые были или из иноземцев, или из русских (стольников и дворян), которые уже прежде выучились новому строю. На северозападе, вблизи шведской границы, были устроены военные солдатские (пехотные) поселения: жили крестьяне на прежних своих участках, пашню пахали, угодыями владели, данных и оброчных денег не платили, но учились солдатскому строю у иноземцев. Сначала велено было их учить военной службе ежедневно; но в 1650 году государь велел их польготить, учить в неделю день или два, чтоб им от пашни и от промыслов не отбыть. На степной Украине были поселены, «устроены вечным житьем» драгуны, служба которых была конная и пешая.

Но поселенных солдат стало мало во время тяжелых и продолжительных войн царствования Алексея Михайловича: в 1653 году поскакали по городам посланцы государевы; приедет в город, собирает дворян и детей боярских на съезжий двор, говорит им государево милостивое слово и их тем обнадеживает, чтоб дети их, братья и племянники, которые не в службе и поместьями не наделены, писались в солдатский строй, будет им непременно государское жалованье и милость, велит государь их написать по московскому и по жилецкому списку, будет им и корм, и денег дадут на платье; а если в солдатский строй писаться не станут, то вперед им служилыми людьми не называться и в государевой службе отнюдь не бывать, а быть в землепашцах. Тогда же было велено на посадах и в слободах переписать у стрельцов племянников, зятьев, приемышей, половинщиков и всяких захребетников, также дворников, которые не крепостные холопы и не пашенные крестьяне, велено у них детей, братьев и племянников в солдатскую службу взять половину, а другую половину оставить у них дома.

Таким образом, составлялись полки солдат, или *желдаков*; каждый полк назывался по имени своего начальника, например, полк Агея Шепелева. Мы видели, что каждому, кто записывался в солдаты, обещаны были корм и деньги на платье: сержанту давали корму по 9 денег на день, каптенармусам и подпрапорщикам – по 8, капитанам – по 7 рублей на месяц, поручику – по 5, подъемных денег давали по полтине да за шубу по полтине. Была еще льгота: солдатским женам и матерям выдавалась соль безденежно. Но если старинным служилым людям приходилось плохо от иных воевод, то солдатские полковники еще менее могли церемониться с своими подчиненными, очень незначительными людьми по происхождению: солдаты полку Агея Шепелева жаловались на своего полковника, что он бьет их, и увечит, и в тюрьму сажает без государева указа и сыска для своей бездельной корысти, и берет с них поминки большие. Солдаты вымещали свои обиды и убытки на мирных гражданах.

Подле этих служилых людей с новыми, иноземными названиями – солдат, рейтар, драгун – сохранялись старые – *городовые казаки*, которым в мирное время правительство давало дворы и землю пахотную, не брало с них оброка и никаких податей, а во время службы давало им жалованье. Не тронуты были и *стрельцы*, войско, отправлявшееся в походы в военное время, составлявшее гарнизоны, также полицейскую и пожарную команду в городах. Стрельцы жили отдельными слободами в городах, каждый своим домом, промышляли и торговали и вместе служили государеву службу. В одной Москве их было больше 20 приказов, в приказе от 800 до 1000 человек. Один из них был приказвыборный, *стременный*, потому что бывал всегда у царского стремени, оберегал государя и государыню во всех походах. Начальные люди у стрельцов – головы (полковники), полуголовы, сотники, пятидесятники и десятники; в головы, полуголовы и сотники берут из дворян и детей боярских, в пятидесятники и десятники – из стрельцов. Стрельцам давалось постоянное денежное жалованье, сукно на платье и соль.

Таковы были военные силы Московского государства пред эпохою преобразования. Эта эпоха приготавлилась тем, что, не трогая старого, приставляли к нему новое. Необходимость нового, несостоятельность старого были признаны; но, как обыкновенно бывает, первые шаги были нерешительны; на первых порах новое являлось еще робко, без

официального признания его преимущества. Старая дворянская конница сохраняла свое первенствующее положение; никто из значительных дворян не хотел служить в рейтарах или солдатах; потомки старых дружинников с презрением смотрели на войска нового строя, точно так как и на стрельцов. Попрежнему единственным постоянным войском остаются стрельцы. Как только оканчивалась война, все ратные люди разъезжались по домам; распускались по домам и служилые люди нового строя, рейтары, солдаты.

В разных видах земля должна была доставлять содержание, корм ратным людям. В мирное время ратный человек кормился от поместья, иной также от вотчины; это кормление лежало на крестьянстве, прикрепленном к поместьям и вотчинам. Наступит война, ратному человеку нужно дать вспоможение, денежное жалованье; это берут на себя, кроме крестьян, городские промышленные люди; смотря по тяжести войны, все они платили то двадцатую, то десятую, то пятую деньгу от своих промыслов и животов. Отсюда ясно видно, что бедность государства и отсутствие постоянного войска условливали главным образом соборы, которые обыкновенно созываются по случаю войны: нужно удостовериться в готовности ратных людей выступить в поход и в готовности торговых и промышленных людей давать им для этого деньги; когда явилось постоянное войско и постоянные источники доходов, то соборы прекращаются. Наконец, третий вид кормления для ратных людей было кормление *от дел*.

От дел кормились ратные люди разных чинов, начиная от боярина до самого мелкого служилого человека. Бояре, окольничие и думные люди заседали в приказах. Приказ есть одно из самых выпуклых, самых характеристических явлений древней России, Московского государства. Времени происхождения этого учреждения нельзя определить вследствие самой простоты его. Государь одному из своих приближенных *приказывает* ведать постоянно одно какоенибудь дело или несколько дел, однородных или совершенно разнородных, придает ему в помощь другого или двух; для письмоводства необходимо являлись дьяки, подьячие, и образовывался приказ. Так как приказ имел свои расходы, то для покрытия их приписывались к нему в *ведение* города или известные разряды податных людей, с которых он собирал подати. С развитием государственной деятельности каждое

новое дело вело к учреждению нового приказа, и число приказов увеличивалось все более и более.

Мы не пойдем по всем этим приказам: их слишком много; остановимся только на тех, которые лучше других покажут нам особенности древнерусского строя.

Вот приказы, в которых сосредоточивается хозяйство великого государя, дворы царские: казенный, сытенный, кормовой, хлебный, житный, конюшенный. Характер великого государя, хозяина, господаря, и отношение его к службе своей здесь резко высказываются. В Приказе казенного двора сидит казначей с двумя дьяками; тут сложена казна царская, сосуды золотые и серебряные и множество всякого рода дорогих и недорогих материй, всякая домовая казна, из которой берут на разные надобности особам царского дома и потом на жалованье всякого чина людям; государь жалует платьем приближенных к себе людей и вообще непосредственно ему служащих, дарит знатных людей шубами бархатными, золотными и атласными на соболях. Если жаловал великий государь боярина какимнибудь платьем, то приказывал выдать не только материю, но и весь приклад, например: «Велел государь на однорядку нарядную, купя в ряду, дать сукно самое доброе вишневое и приклад: пять аршин сукна куплено по 2 рубля 16 алтын 4 деньги за аршин; 15 аршин галуну золотного по 10 алтын за аршин; 14 аршин тафтяного торочку на нашивку по три деньги за аршин; 14 пуговиц с финифтом и яхонтовыми искрами по гривне за пуговицу; на подпушку 1 ½ аршина атласу, итого рубль 16 алтын 4 деньги да два золотника шелку 2 алтына, всего 20 рублей 5 алтын 4 деньги». Все было дано, только шили однорядку у боярина на дому, потому что у боярина во дворе были свои портные, точно так же и у великого государя на казенном дворе были свои портные и скорняки, человек 100; шили платье дома, но чулки и рукавицы на государя и царевичей работали в НовоДевичьем монастыре, которого монахини отличались этим мастерством; прикажет боярин Артамон Сергеевич Матвеев купить в ряду золота, серебра, кружева золотого с серебром и отдать старице Антониде на чулочное дело и рукавичное. Зачем же боярин Матвеев этим распоряжается? Разве он казначей или вообще заведует двором государевым? Нет, он ведает дела посольские и приказ Малороссийский; но он очень близкий человек к государю и его

семейству и потому заказывает чулки и рукавицы. Кроме знатных людей с казенного же двора выдаются ежегодно сукна, камки и тафты по портищу дворянам, жильцам, конюхам, сокольникам, певчим, истопникам, царицыным мастерицам, швеям, выдаются бархатные вершки и соболи на шапки, киндяки на подкладку, сафьян на сапоги, с казенного же двора отпускаются ежегодно сукна стрельцам, отпускаются сукна, соболи и шелковые материи донским казакам. Но великий государь благочестив, не может он забыть духовенство; и действительно, на казенный двор беспрестанно являются священники, дьяконы, дьячки и пономари московских и городских соборных и простых царских церквей за государевым жалованьем, за сукнами: иным давали ежегодно, другим раз в несколько лет, как повелось. Больше 18 000 духовенства перебивает на казенном дворе за сукнами. Дачи с казенного двора не ограничивались одним русским духовенством: в Москве всегда можно было встретить греческих монахов, архиереев, архимандритов и простых чернецов, которые приехали за милостынею; у них царские жалованные грамоты, в которых означено, в какой срок имеют они право приезжать в Москву за сбором на церковное строенье: казенный двор снабжает их сосудами, парчами, бархатами.

Откуда же берутся деньги на все это? Про то знает Приказ большого дворца. В нем сидит боярин и дворецкий, да окольничий, да думный дворянин, да два или три дьяка: ведомы в нем больше 40 городов, собираются подати с посадских людей, с таможен, откупов и со всяких угодий; кроме 40 городов, ведомы еще 8 слобод московских: котельники, оловянишники, кузнецы, плотники, рыбники, шатерники, горшечники, печники, кирпичники. Собирает приказ всех денег по 120 000 рублей в год, и идут эти деньги на всякие дворцовые расходы. В Приказе большого дворца ведомы дворы: сытенный, кормовый, хлебный, житный, которые представляют такие же любопытные особенности, как и казенный двор. Из 30 погребов сытенного двора выходило ежедневно по 100 ведер вина, пива и меду по 400 и 500 ведер. Приезжают из разных стран послы с многочисленными свитами, и сколько бы ни прожили в Москве, поят и кормят их на царский счет: это гости, нельзя хозяину заставить их кормиться на свой счет. Кроме иностранцев, и русским людям в числе пожалований, исходящих от великого государя, было пожалованье погребом. На

кормовом дворе ежедневно готовятся многочисленные кушанья для государя и в раздачу. От каждого обеда и ужина царского посылаются с истопниками блюда, *подачи* к боярам, думным людям и спальникам. Не получит ктонибудь из них подачи, является на другой день во дворец с запросом к дворецкому, с бранью ключникам: что это значит, что мне не прислано? Царского гнева на мне нет: за что такое бесчестье? Челобитье самому царю: «Вины на себе не ведаю никакой, а в подаче перед своею братьею обещен». Начинается сыск; все записано, все можно найти в книгах, кому послано и кому нет, и с кем послано. Нет в книгах – забыли послать: рассыльщики добивают челом у обиженного, царь гневается на дворецкого, окольного, а ключникам тюрьма на целый день. Сыщут в книгах, что послано с такимто истопником: истопника к допросу, куда девал? Или сам съел, или в грязь уронил, или пролил: истопника перед дворцом бьют батогами. Каждый день на государев стол и подачи расходуется больше 3000 блюд. Одних рыбных запасов изойдет в год больше чем на 100 000 рублей. Большое количество запасов доставляют дворцовые волости: они шлют рожь, овес, пшеницу, просо, конопля, живых баранов, свиные мяса, кур, яйца, сыры, коровье масло, хмель; обязаны доставлять также известное число вожжей посконных, лык, кулей рогожных, хомутов с гужами, супонями и шлеями, оглобли санные и тележные, дуги, дрова, сено. На житном дворе 300 житниц: свозят в них хлеб всякого рода из дворцовых сел, из понизовых городов с полей, что сеется на царя; и хлеб этот не для одного царского обихода, его раздают в жалованье духовенству, дворовым и других чинов людям, стрельцам. Берут хлеб с житного двора, отдают молоть по царским мельницам в Москве и по селам, везут на хлебный двор, и здесь, кроме того, что идет на дворец, пекут хлеба и калачи опять в раздачу всяким людям. Для сметаны, молока и сыров устроен под Москвою коровий двор, на котором 200 коров, в ближних селах также коровьи дворы; коровы покупались у Архангельска, на Холмогорах и в уездах, платили от двух рублей с алтыном до 6 рублей. Свежие плоды для дворцового обихода шли из государевых садов, которых было с лишком 50 в Москве, окрестностях и по городам. В одних только московских садах было: 14 545 дерев яблонных; 494 груши; 2994 дерева вишен; 72 гряды малины; 14 кустов винограду; 192 сливы; 260 гряд да 252 куста смородины красной; 74 гряды черной. Если запасов,

привозимых из дворцовых волостей, не станет, уговариваются ставить их уговорщики (подрядчики). Но иногда покупают их по разным местам прямо из дворца. Понадобятся орехи, четвертей 200, отправляются закупать их трое стряпчих хлебного двора, едут в Тулу, Калугу, Кашин, Юрьев Польский, Переяславль Залесский, в уезды этих городов по торгам и малым торжкам, к воеводам посылаются грамоты, чтоб готовы были целовальники для выбора орехов и отвозки их в Москву, дьячки для письма, стрельцы, пушкари и рассыльщики для рассылки, чтобы готовы были амбары, куда ссыпать орехи до отвоза в Москву, сторожа для береженья. С такими же церемониями покупалось конопляное масло в Калуге и в уезде. В Можайске и Вязьме у посадских и всяких чинов людей, также в уездах, в помещичьих и крестьянских садах покупались яблоки, груши, дули, сливы и вишни, устраивались в бочки, наливались патокою, сливы солились и отпускались в Москву. Виноград привозили из Астрахани, просто и в патоке; у государя в Астрахани были свои виноградные сады: старый сад, который строили русские люди в 1647 году; два сада, которые завел голштинiec Яков Давыдов; сад, заведенный французом Посказаюсом (!) Подовиным (Poitevin?); сад, купленный у Ушакова, 9 садов, взятых на государя. Астраханцы не смели продавать винограду из садов своих до государева указа, и торговые люди не смели у них покупать под страхом жестокого наказания. Были большие хлопоты, чтоб в Астрахани и по Тереку выделывать вино на царский обиход. Выписаны были иностранцы, и между ними Посказаюс Подовин, и учили виноделию русских людей. В 1658 году было прислано из Астрахани в Москву на обиход великого государя 1206 ведер; в 1659 году из винограда царских садов прислано было вина 25 бочек. Для казенного двора надобился другой дорогой товар, который можно было добывать на юге, шелк: в 1658 году прислано было 39 гривенов шелкусырцу, который сделали в Астрахани шелковые мастера, иноземцы и армяне. Обратили внимание и на марену: приказано было, чтоб русские люди продавали ее в казну, а казна будет продавать ее в Персию. В 1673 году гетман Самойлович по царскому требованию присылал в Москву малороссиян, чтоб указали, на какой земле и в какое время сеять анис; малороссияне были отправлены в нижнеломовские и шацкие места.

Конюшенный приказ прежде ведал боярин конюший, первый боярин по чину и чести; в XVII веке это звание уничтожили, и стал веждать Конюшенный приказ ясельничий, да дворянин, да дьяки; в конюшенном ведомстве считалось больше 40 000 лошадей.

Понятно, что не могло сидеть никакого боярина в Приказе тайных дел; этот приказ устроил себе царь Алексей Михайлович для переписки, о которой он не хотел, чтобы все знали, был тут дьяк да несколько подьячих; но в этом приказе ведались также дела, которые особенно занимали царя: ведалось гранатное дело и мастера этого дела, ведалась любимая царская потеха – птицы, кречеты, ястребы. На корм этим хищникам шли голуби, для голубей был устроен особый двор, на котором было голубиных гнезд больше 100 000. И эти невинные птицы также ведались в Приказе тайных дел, который по имени долго считали чемто очень страшным, в котором думали видеть чтото вроде тайной канцелярии.

Посольский приказ, который «ведал дела всех окрестных государств», долго не имел большой важности, потому что дела по сношениям с иностранными державами решались у государя наверху с боярами и думными людьми; для переговоров с иностранными послами назначались также из бояр и думных людей, следовательно, Посольский приказ был только канцелярией боярской думы по иностранным сношениям, и в нем сидел думный дьяк. Только со времен Андрусовского перемирия иностранные сношения были поручены одному боярину, именно ОрдинуНащокину, который получил пышный титул «великих государственных посольских дел и государственной печати оберегателя», т. е. канцлера. Афанасий Лаврентьевич по своему западному взгляду имел высокое понятие о Посольском приказе, называл его оком России в том значении, что иностранцы по нем судят о целом государстве и народе, и требовал от служащих в нем, от дьяков, соответственного этому значению поведения; требовал, чтоб дьяки не мешали кабацких дел с посольскими и были воздержаннее в своих речах с иностранцами. Но как же им было исполнить первое требование, когда с Посольским приказом, под ведением посольского думного дьяка, был соединен приказ – Новгородская четверть, в котором ведались города: Великий Новгород, Псков, Нижний Новгород, Архангельск, Вологда и другие поморские и пограничные города, сбор с них всяких доходов, а с 1667

года с Посольским приказом был соединен не только приказ Малороссийский – это было прилично, но также приказы или чети (четверти) Владимирская и Галицкая.

Дела, подлежащие ведению Поместного приказа, ясны из самого его названия. Служебными назначениями, военными и гражданскими, заведовал Разрядный приказ, потому что различия между обеими службами не было: те же самые лица назначались одинаково в ту и другую. Но так как впоследствии появились особые разряды войска, то для их ведения явились и приказы: *Стрелецкий*, *Рейтарский*, *Пушкарский*, *Иноземный*, ведавший иноземных служилых людей. Приказ большой казны ведал гостей, гостиной и суконной сотен торговых людей, серебряного дела мастеров и *многих* городов торговых людей, также денежный двор. *Большой приход* собирал доходы в Москве и *других* городах с лавок, гостиных дворов, с погребов, с меры, таможенные пошлины. *Счетный* приказ ведал приход и расход всего Московского государства. *Разбойный* приказ ведал уголовные дела всего Московского государства. Для гражданского суда в делах служилого сословия два судебных приказа – Московский и Владимирский. Приказы, ведавшие известные области, были: Приказ Казанского дворца, Сибирский приказ, Приказ княжества Смоленского, Новгородская четверть, Владимирская четверть, Устюжская четверть, Костромская четверть, Галицкая четверть. Всех приказов было больше сорока. Доходу в них приходило со всего государства 1 300 000, кроме Сибирской казны. Подле обширных приказов, в которые стекались разнородные дела, видим приказ *Панафидный*, в котором ведомо было поминовение по усопшим царях; Аптекарский, в котором ведомы были аптека и медики иностранные 30 человек и русские ученики их – человек с 20. Приход сбора стрелецкого хлеба – особый приказ; кроме Приказа каменных дел, был еще особый Приказ каменных житниц.

Приказы были наполнены подьячими, которые делились на старых, средней статьи и молодых; разница в жалованьи была в ином приказе от 40 рублей до 2, в другом – от 65 до 4, в третьем – от 50 до 5, в ином – от 20 до 1. Некоторые подьячие получали поместный оклад по 350 и 250 четвертей. Кроме подьячих, получавших жалованьи, верстаных, были еще служившие без жалованья, из одних доходов, неверстаные, которые разделялись на старых и молодых. Неверстаных

в ином приказе было не мало – доказательство, что можно было быть сытыми и без государева жалованья из одной *писчей деньги*: так, например, в Разрядном приказе было 74 подьячих верстаных и 33 неверстаных.

Бояре, окольные, думные дворяне и дьяки засели по приказам; но много еще остается служилых людей не так знатных, которым нет места в приказах, а *покормиться* надобно, бьют челом в воеводы покормиться, челобитная исполнена. Рад дворянин собираться в город на воеводство – и честь большая, и корм сытный. Радуетя жена: ей тоже будут приносы; радуются дети и племянники: после батюшки и матушки, дядюшки и тетушки земский староста на праздниках зайдет и к ним с поклоном; радуетя вся дворня – ключники, подклетные: будут сыты; прыгают малые ребята: и их не забудут; пуще прежнего от радости несет вздорные речи юродивый (блаженный), живущий во дворе: ему также будут подачи. Все поднимается, едет на верную добычу. Вот вдали уже видна соборная церковь города.

Все русские города с первого взгляда были похожи друг на друга. В середине самый город, т. е. крепость, очень редко каменная, обыкновенно деревянная; в ином городе городской мастер, голландец, сделал земляной вал. В городе соборная церковь, съезжая или приказная изба, где сидит воевода, судит и рядит, перед которой бьют на правеже неисправных плательщиков; губная изба для уголовных дел; казенный погреб или амбар, где хранилась пороховая и пушечная казна, тюрьма, одна или несколько, святительский двор, воеводский двор; осадные дворы соседних помещиков и вотчинников, в которые они переезжают во время неприятельского нашествия. За стеною посад, здесь большая площадь, где в торговые дни ставятся с хлебом и со всяким товаром. На площади земская изба, средоточие мирского управления, где сидят земские старосты с посадскими людьми, гостиный двор, таможня, кружечный двор, конская изба; далее идут дворы тяглых людей: «на дворе изба (теплое жилье), да баня с передбанником, да клеть с подклетом, да подпогребница», все это нехитрое строение стоит иногда три рубля. Зимой в избе тепло, но летом в иных городах бывало очень холодно. Наступит весна, проглянет несколько теплых дней, по городу и посаду уже ходят бирючи и кричат: «Заказано накрепко, чтобы изб и мылен никто не топил, вечером поздно с огнем никто не ходил и не сидел; а для

хлебного печенья и где есть варить, поделайте печи в огородах и на полых местах в земле, подалше от хором, от ветру печи огородите и лубьями ущитите гораздо». По воеводскому приказу запечатают избу и баню, надобно жить в клетки; завернут холода, а во многих местах они завертывали часто, люди трясутся от холода, иному и горячим согреться нельзя, печь в огороде развалилась, а новой скласть нельзя, нет ни одного каменщика и кирпичника, все выгнаны в Москву на работы городовые и царские. Ни шей сварить, ни хлеба испечь негде, и от той стужи и от хлебной нужи расходятся люди от своих домов, живут по волостям и деревням.

Среди дворов с нехитрым строением, избами, клетями виднеются церкви, вообще тоже нехитрого строения, иные каменные, но больше деревянные; подле церквей дома священников и причта; прихожане выбирают священника, выберут и возьмут с него запись: «Призвали они меня, попа (такогого), полюбовно и челобитную за руками (архиерею) о мне подали, и мне, попу, служить из церковного дохода мирского подания да мне ж, попу, быть послушну к болям, и к роженицам, и ко всякой духовной потребе и в церковь Божию; я за церковное место никаких денег не дал и церковного места не купил, и, служа мне в той церкви, строения церковного и всякой утвари своим не называть, и до церковных свеч и до огарков и до денежного церковного сбора дела нет, и того церковного места мне, попу, не продать, и не заложить, и на свое имя не справить, и ни в какие крепости не укрепить, и по умертвии моем жене моей и детям и роду моему и племени до того церковного места дела нет, а церковников мне без мирского ведома одному не принимать и не отказывать; а буде я против сей записи в чемнибудь не устою, и им, прихожанам, с докладу (архиерея) мне от церкви и от церковного места отказать». Подобные записи объясняются жалобами, что священники подбирали церковников под свою руку и церковную казну называли своею. При церквях же находились богадельни, или дома нищей братии. Около каждой церкви кладбище; в конце города *убогий дом*, где хоронили тела казненных смертию преступников, людей, умерших в государевой опале, также опившихся, самоубийц, утопленников.

Воевода въезжает в город; старый воевода сдает ему крепостное строение, здания, оружие, запасы, деньги, бумаги. Новый воевода пересматривает все по описям, считает по приходным и расходным

книгам, проверяет списки служилых, посадских и жилецких людей, их детей и братья и племянников, которые в возрасте, соседей и захребетников. Воевода привез с собою длинный царский наказ, где исчислены все его обязанности, как он должен промышлять государевым делом, смотреть, чтоб все государево было цело, чтоб везде были сторожа; беречь накрепко, чтоб в городе и уезде не было разбоя, воровства, убийства, бою, грабежа, корчемства, распутства; кто объявится в этих преступлениях, того брать и по сыску наказывать. Воевода судит и во всех гражданских делах. Воевода смотрит, чтоб все доходы государевы доставлялись сполна с города, из уезда. Вторым лицом после воеводы был губный староста, ведавший дела уголовные: его выбирали всех чинов люди из дворян или детей боярских. Иногда, впрочем, губный староста без выборов назначался правительством. Но были лица, выбиравшиеся одними земскими людьми на мирскую службу. Главное между ними лицо – это земский городской и всеуездный головной староста. Староста один для города и уезда, потому что уездные крестьяне связаны с посадскими людьми общими хозяйственными распоряжениями, сообща раскладывают подати, сообща кормят воеводу, который управляет городом и уездом вместе. Вследствие этой связи между посадскими людьми и уездными крестьянами последние посылали в земскую избу выборных людей к *совету* (волостных третчиков). Как только выберут земского старосту, подьячий пишет запись и все избиратели прикладывают руки; в записи говорится: «Все посадские люди выбрали и излюбили в мирскую службу в головные старосты такогото: ведать ему в мире всякие дела и в них радеть, а нам, мирским людям, его слушать; а не станем его слушать, и ему нас вольно и неволею к мирскому делу нудить, а ему миру никакой грубости не учинить, а что миру от его грубости учинится, и ему собою поднимать». Кроме *головного* старосты, в некоторых городах ему в товарищи выбиралось еще несколько земских старост. Главным предметом совещаний земских старост с посадскими и советными от крестьян людьми в земской избе была раскладка податей, выбор *окладчиков* из лучших, средних и младших людей, «добрых и знающих людей, досужих, ведая чью от жития к богу душевную добродетель и правду, и которым бы такое окладное дело было в обычай». В земской же избе посадские люди выбирают целовальников к государеву делу. Воеводе запрещено вступаться в

денежные сборы и в мирские дела, отнимать волю в мирском окладе и в иных делах, запрещено складывать данный оклад с посадских и уездных людей без сыску и приговору мирских людей; запрещено вмешиваться в выборы; воевода только берет выборы по выборных целовальниках за руками выборных людей и отцов их духовных и после не может выборного целовальника переменить или посадить в тюрьму без вины, для своей корысти. Но по вине может и переменить, и посадить в тюрьму, потому что воевода обязан наблюдать, чтоб земские старосты, целовальники и денежные сборщики, мужики богатые и *горланы* мелких людей не обижали, лишних денег с мирских людей не сбирали. Второй предмет совещаний на сходках в земской избе – городское хозяйство; так, здесь приговаривали разделить пахотную землю во всех городских трех полях на известное число лет впредь до мирского же раздела; при этом посадские люди приговаривали, что никто не смеет отдать своего участка постороннему человеку ни на один год, ни на одно лето; если же отдаст, то теряет свой участок, который отбирается в мир. Наконец, в земской избе толкуют обо всех нуждах посадских и уездных людей, обо всех случаях, о которых нужно довести до сведения или местного начальства, или дать знать в Москву: земский староста здесь впереди, он представитель посадских и уездных людей, он бьет челом «во всех посадских и уездных людей место».

Тяжела была мирская служба головному старосте, потому что мир составляли тяглые люди, а трудно было тянуть тягло в России XVII века. Тяглый человек был прикреплен к своему городу, потому что уйдет – платить перестанет, и мир должен будет за него *поднимать*. В Смутное время тяглецы разбежались, и при царе Михайле правительство хлопотало о том, чтобы возвратить их на прежнее место жительства, ибо опустелые посады не могли ничего платить, а в казне не было денег. Уложение позволило ожившимся переселенцам не возвращаться на старые места; но, разумеется, никак не могло позволить снова переходить из города в город и избывать податей. Но если в посаде, в тягле было тяжело, то понятно, что много было охотников уйти: в 1658 году объявлена была смертная казнь за переход из посада в посад, также за женитьбу и выдачу замуж за посад без отпускной. «Бегут! – вопят мирские челобитные царю, – дворы брошены, пусты, нам платить нельзя, помираем на правеже!»

Правительство велит ловить, но где же было поймать беглеца в стране, в которой господствовали лес и степь? Постановление смертной казни за побег всего лучше показывает бессилие мер правительственных.

Бегут, бросают дворы – одна беда для мира. Но была еще другая. Приходят, селятся, строят дома, возникают целые слободы около посадов. Но это не тяглецы, не плательщики, это разорители, закладчики, заложились за архиереев и бояр, торгуют, промышляют, а тягла не тянут и податей не платят. Опять пошли мирские челобитные, сначала оставались без ответа, потому что сильным людям не хотелось терять закладчиков; и только после московского бунта, когда были поданы снова на соборе, Уложение постановило: «Архиерейские, боярские и всяких чинов людей слободы, устроенные в городах на посадских землях, взять в посад бесповоротно: не строй на государевой земле слобод и не покупай посадской земли. Вотчины и поместья, которые на посадах и около посадов, взять за государя и устроить к посадам податями и службами, а вотчинникам и помещикам дать взамен из государевых сел. Кто посмеет закладываться за частных людей, тем кнут и ссылка в Сибирь, на Лену; кто примет закладчика, тому быть в великой опале; земли, где будут жить закладчики, брать на государя». Предвидели лазейку и постарались ее закрыть: «У кого в городах загородные дворы и огороды, тому держать на них только одного дворника, а станет держать много крестьян и бобылей – брать за государя в тягло». Бунт закладчиков не состоялся. Но правительство было бессильно вполне покончить борьбу за свои и мирские интересы с интересами частных людей; оно закладчику грозило кнутом и Сибирью, а принимавшему закладчика неопределенною великою опалою. В 1667 году правительство принуждено было высказаться более определенно, грозить отобранием поместий и вотчин тем, которые снова принимают к себе отписанных в тягло закладчиков и крестьян. Иногда городские тяглецы платились за свое торжество, что по их челобитью возвращали к ним их беглых собратий с земель богатых соседних вотчинников. Из города Луха беглые тяглецы принимались в селе Мыту, принадлежавшем князю Репнину. По Уложению их вывезли опять в Лух. Приказчик Репнинский в Мыту, Шибаев да из крестьян тамошних двое братьев Стреловых не упустили случая мстить на лушанах за это правительственное распоряжение. В Тихоновой пустыне на ярмарке

сидело трое лушан за пряниками, мылом и ягодами; откуда ни возьмись Шибает с своими крестьянами; пряники, мыло и ягоды полетели на землю, а продавцы едва успели убежать поздорову, потому что мытовские крестьяне гнались за ними с ножами. В другой раз Шибает явился на ту же Тихоновскую ярмарку с большою вооруженною толпою, велел хватать луховских посадских людей и приводить к себе; те, заслышав приказ, побросали товары и бежать, но двоих покололи ножами, товары пропали. В третий раз, во время Тихоновской же ярмарки, когда все лушане были здесь и в городе оставались только старый да малый, Шибает с семидесятью вооруженными крестьянами приезжает в Лух и прямо к съезжей избе, кричит, что убьет воеводу; от съезжей избы поехал на кабак, разбил здесь чуланы, требуя даром вина; потом стал ездить по посаду, крича: «Бейте, режьте посадских людей до смерти!» Женщины от страху бросались бежать в леса, беременные выкинули. Мимо села Мыта лушанин не смел проехать, а тут шла большая Нижегородская и Балахонская дорога, следовательно, Лух заперт, жителям его некуда было ездить торговать.

Беда приходила иногда на городских тяглецов и от своей братии, богатых торговых людей московских: при царе Михаиле гостиная сотня обратилась к правительству с просьбою о пополнении, и государь велел пополнить ее лучшими людьми из слобод. В начале царствования Алексея Михайловича, в 1647 году, гостиная сотня опять была челом, что в ней многие люди померли, а другие обеднели от государевых служб, служить стало некому, и государь велел пополнить гостиную сотню лучшими людьми из московских черных сотен и из городов. Но в 1648 году, воспользовавшись бунтом и уступчивостью правительства, земские люди из городов били челом, чтоб им отдать назад их братью, взятую в гостиную сотню, государь согласился, а гостиная сотня, как сама призналась, бить челом не посмела в то Смутное время за боязнь. Но в следующем году, когда все утихло, страх прошел, гостиная сотня подала снова челобитную о прибавочных людях. По окладным спискам оказалось, что гостей было в это время только 13 человек, гостиной сотни лучших, средних и худых 158, тогда как до московского разоренья было 350 семей, в суконной сотне оказалось 116 человек. Из этого известия всего лучше можно видеть, какие следствия для торгового русского сословия имело

Смутное время, московское разоренье, после которого торговые люди в продолжение XVII века уже не могли поправиться. Вследствие войны с Польшею в Москве оказалось много пленных белорусов, *мещан* – имя, до сих пор неизвестное в Великой России; по Андрусовскому перемирию они получили свободу, но пожелали остаться в Москве. Сперва их роздали в тягло по черным сотням и слободам, но в 1671 году велено за Сретенскими воротами построить для них новую слободу, которая получила название *Мещанской*, и мещане взяты в ведомство Малороссийского приказа.

Трудно было выйти из посаду, из тягла на волю, в нетяглые люди. Быть может, оставалась возможность выхода в служилые люди, в которых также нуждалось правительство. Но еще в самом начале Московского государства надобность в тяглых людях, в плательщиках, была, как видно, так же велика, как и в служилых; еще тогда князья в своих договорах повторяют постоянно условие ведать тяглых людей сообща и в службу к себе не принимать. В XVII веке, после разоренья, нужда в тяглых людях не могла уменьшиться, и правительство не позволяет выхода из тяглых в служилые, велит набирать в последние вольных, охочих, людей, а не тяглых. Если тяглый человек пойдет охотою в стрельцы, то велено возвращать его назад, в тягло, с двумя сыновьями, и только третий сын оставался в стрельцах. Исключение было сделано только для тех людей, которые пошли в казаки до смоленского похода, т. е. до начала польской войны при царе Алексее Михайловиче.

Если правительство не позволяло тяглецам вступать в военную службу, то тем менее могло позволить им выходить в подьячие; оно готово было позволить им *кормиться пером*, но с условием не выходить из тягла. В 1668 году двое посадских из Вологды били челом: «Мы оскудели от пожаров и от медной деньги, торговать, промыслять и кормиться стало нечем, а кормятся на Вологде в писчей избушке площадным письмом посадские оскудалые люди; вели, государь, нам кормиться площадным письмом с площадными подьячими вместе и выписные деньги с ними делить поровну, чтоб нам впредь твоих податей и служб не отбыть и вконец не погибнуть». Позволено, «если прежде оскудалые люди на площади писывали, а тягло тянуть с посадскими людьми». Эти площадные подьячие писали в своей писчей избушке всякие крепости и посторонние письма. Над

площадными подьячими был староста, который должен был смотреть, чтоб всякие крепости и посторонние письма писали с его ведома, и работных людей помечали имена и вершили на площади, и по пометкам без записей задаточных денег торговые люди не давали, давали б в то время, как записи совершены и поданы будут в приказной палате (съезжей избе). Староста должен был смотреть за площадными подьячими, чтоб кто воровски не написал каких подставных заочных крепостей; также чтоб вместо записей торговым людям книг наемных с поруками не писали, чтоб в том пошлина не пропадала; на ослушников староста должен подавать докладные письма за руками в приказной палате, и тем людям от площади будет отказано. Назначались эти старосты таким образом: площадные подьячие подадут челобитную, что староста их устарел и чтоб великий государь пожаловал, велел быть у них старостою такомуто, и великий государь указывал быть такомуто старостою. В малых местах, в слободах, площадное письмо отдавалось на откуп одному какомунибудь человеку.

Те самые крепостные отношения, которые существовали у нас до последнего времени относительно крестьян и дворовых людей, в старину существовали относительно посадских, или тяглых, людей, крепких своему городу: так, женится вольный человек на тяглой вдове и пойдет к ней в дом; женится вольный человек на посадской девице и пойдет к тестю в дом – тот и другой прикрепляются к городу в тяглые люди.

Служилый человек должен был служить, посадский тяглый платить на содержание, на жалованье ратным людям; такое первоначальное отношение между двумя частями народонаселения длилось века и условило основной взгляд друг на друга: военный смотрел на посадского или на крестьянина как на человека, которого труд и сбережения этого труда имели непосредственное назначение кормить его, ратного человека. Седьмая глава Уложения о службе всяких ратных людей Московского государства начинается так: «С польским, и с литовским, и с немецким, иными окрестными государствами, у государя царя и вел. князя Алексея Михайловича всея России вечный мир и докончание. А будет которыми мерами с которым государством у Московского государства война зачнется или в которое время изволит государь кому своему государеву недругу мстити

недружбу и укажет послать на них своих государевых бояр и воевод, и с ними всяких чинов ратных людей, и для той службы велит государь своим государевым ратным людям всего Московского государства дати свое государево жалованье, и на то государево жалованье ратным людям деньги сбирати со всего Московского государства».

Через пять лет по издании этого постановления, в котором высказывался только извечный обычай, началась война, и продолжалась до конца царствования Алексея Михайловича, и перешла в царствование его преемника; пошли войны и с Польским, и с Немецким (Шведским) государствами, и с черкасами, и с татарами, и с турками, и с Разиным, и с соловецкими бунтовщиками. Легко понять положение тяглых людей.

Приехали в города выборные, бывшие в Москве на соборе, и привезли известие: решено быть войне. В Уложении уже определено, какое непосредственное следствие этого решения: сбор денег. Указ не замедлит прийти – собирать пятую, или десятую, или двадцатую деньгу; идут тяглые люди и «по святой непорочной евангельской заповеди Христове» говорят правду, что каждому доведется заплатить от животов и промыслов. Утаить нельзя: товарищи торговые люди знают торговлю и промыслы каждого, скажут и положат, что доведется взять. С начала польской войны при царе Алексее собирали сперва двадцатую деньгу, потом десятую в продолжение нескольких лет, а в 1662 и 1663 годах собирали пятую деньгу. Кроме денег, брали натурою на корм ратным людям муку ржаную, сухари, крупы, толокно; брали подводы под военные снаряды, брали с 60 дворов по лошади с проводником, телегою и со всею упряжью, со всеми путевыми припасами. Это были платежи чрезвычайные, на случай войны; постоянно тяглые люди платили: дани и оброки; деньги на выкуп пленных (с двора по 8 денег, с дворов служилых людей по 2 деньги); стрелецкие деньги; ямские деньги; деньги на корм воеводам; в подмогу подьячим, сторожам, палачам, тюремным и губным целовальникам; на строение воеводских дворов, губных изб и тюрем; в приказную избу на свечи, бумагу, чернила и дрова; прорубные деньги – за позволение зимою в прорубях воду черпать, платье мыть и скот поить. Тяглые люди обязаны были строить и чинить крепости в городах; обязаны были строить мосты. В 1658 году, когда война усилилась, начали искать повсюду средств, как бы увеличить доходы,

как бы заставить платить тех, которые еще не платили. Пошли грамоты по городам: переписать бобылей, пешков и захребетников, которые служб никаких не служат, податей не платят, живут в белых. Поднялся вопль между бобылями, пошла челобитная: «Разве мы, сироты твои, безданны! С 1624 года каждый год платим в казну окладного оброка с дворов и с пустых мест по 2 рубля по 10 алтын; в смоленскую службу платили мы по 2 рубля с двора да платим по 8 алтын по 2 деньги с двора за хлебные запасы; да с тех же дворов платим по 6 алтын по 4 деньги с ворот; да по 8 денег с двора пленникам на выкуп, да за подводы даточным на год по рублю с двора; да в прошлых же годах платили мы с посадскими людьми в ряд с прожитков своих и животов десятую деньгу».

Для примера, сколько сходило в казну денег с города, возьмем средний по богатству город, именно Устюг Великий: с него в 1670 году «оброку и пошлин, за намесничий корм, за присуд, за пошлинных людей доход, с сох дани, за поминочные черные соболи, ямских и приметных денег, за городовое, засечное и ямчужное (селитряное) дело, за поплужную пошлину, соколя оброку, казначеевых, дьячьих и подьячих пошлин, за праветчикову поворотную пошлину, с посаду, с 11 сох и с полполтрети сохи по окладу 321 рубль 13 алтын 5 денег. Да с лавок и амбаров, с лавочных и амбарных мест, с хлебных полков, с харчевых изб, кузниц, островков, нарей, присад, полянок, дворовых пустых мест, с Пятницкого сельца, с новораспашных деревень за посопный хлеб оброку 81 рубль 12 алтын 5 денег. Таможенной пошлины 4910 рублей; с бани 44 рубля; с кружечных дворов 4530 рублей».

Часть этих доходов истрачивалась тут же на постоянные городские надобности или на какиенибудь чрезвычайные издержки по приказу из Москвы. В иных городах доходов не ставало на городские нужды. Из Великого Новгорода прислали ведомость: «С Новгорода и новгородских пригородов, с посадов и уезду, данных и оброчных, таможенных и кабацких денег соберется по окладу 11 318 рублей, а в расход в Вел. Новгороде жалованье денежного стрельцам, казакам и иным оброчникам и на неокладные всякие расходы придется дать 7656 рублей да хлебного жалованья стрельцам, казакам и всяким оброчникам по окладу 9526 четвертей ржи, 7224 четверти овса, 306 четвертей ячменя, а деньгами за хлеб против торговой меньшей цены

придется дать 4705 рублей; всего на окладные и неокладные расходы и за хлеб придется дать 12 362 рубля, кроме прибылых расходов». Надобно было урезать расходы: отняли жалованье у голов и сотников стрелецких и у городского приказчика (потому что все это помещики); у пятидесятников и десятников стрелецких убавлено жалованье; у подьячих убавлено жалованье и убавленное велено давать только тем, у которых нет поместий; пушкарям за денежное и хлебное жалованье велено ходить в съезжих избах в приставах, их же и в уезды посылать, а приставов уничтожить; казенным кузнецам и плотникам денежного и хлебного жалованья не давать, а как будет государево дело, и им тогда давать поденный корм, у сторожей съезжей избы и воротников отнято хлебное жалованье; но и за эту убавку всё доходов в расход не достало на 1044 рубля. Со Пскова и псковских пригородов собиралось 13 329 рублей, а жалованья должно было дать 15 387 рублей, недоставало 2058 рублей. Вследствие этого донесения указ: новгородских и ладожских казаков за жалованье можно устроить землями, в Новгородском уезде порожних земель много; уменьшить жалованье подьячему в Ладоге наполовину и т. д.

Составлена смета, что доходов соберется «имеется собрати» столько; а если не соберется? Если некоторые посадские люди объявят, что не в состоянии заплатить? Тогда правеж; но иные крепки, перенесут удары и не заплатят; на этот случай у праветчиков наказ: «Если посадские люди на правежу начнут *отстаиваться* и денежных доходов платить не станут, у таких двory их, лавки и имение отписать на великого государя».

Но не одни подати и чрезвычайные сборы тяжело лежали на посадских людях; у них были еще службы, которые, кроме того что отнимали время от промыслов, часто также обещали правеж в награду. Самая тяжкая по ответственности служба для посадских людей была служба в *верных* (присяжных) головах и верных целовальниках при продаже вина от казны. В 1652 году государь по совету с духовенством и думными людьми указал: «Во всех городах, где были прежде кабаки, быть по одному кружечному двору, продавать вино в ведра и кружки, чарку сделать в три чарки и продавать по одной чарке человеку, а больше чарки одному человеку не продавать; питухам на самом кружечном дворе и близ двора сидеть и пить не позволять, ярыжкам, бражникам и зершикам (игрокам в зернь) на кружечных дворах не

быть. В Великий пост, Успенский, даже и по воскресеньям вина не продавать, в Рождественский и Петров посты не продавать по средам и пятницам. Духовенство белое и черное не пускать и вина им не продавать. В селах быть кружечным дворам только в больших. Быть кружечным дворам на вере, выбирать на них лучших людей за крестным целованьем». Какую выгоду получала казна от продажи вина, видно из того, что ведро вина в 1674 году казне стоило 20 алтын, а продавалось по рублю; по кружкам ведро вина на кружечном дворе стоило рубль 16 алтын 4 деньги, по чаркам – 2 рубля. Пиво в варенье стоило по семи денег ведро, а продавалось по два алтына ведро. Пуд меду покупали по рублю, выходило из пуда 7 ведер, каждое продавали по 6 алтын по 4 деньги. Винокуры иногда выписывались из Малороссии. Лучшим посадским людям позволялось курить у себя на дому вино в небольшом количестве, ведра по два, по случаю больших праздников и особенных семейных торжеств – свадьбы, родин, крестин, поминок; средним и младшим людям вина курить не позволялось, могли они к торжественным случаям сварить немного пива и меду, давши знать об этом на кружечном дворе, что называлось *явкою*, и заплатив явочные пошлины.

Но явят немного, а выкурят или сварят гораздо больше в ущерб казне, даже станут продавать тайком; узнают об этом на кружечном дворе – надобно накрыть врасплох и *вынуть* запрещенный товар: хлопоты большие, а делать нечего, надобно смотреть зорким глазом, потому что, если к концу года мало сбора, сейчас грозный запрос, почему против прежних лет мало собрано? Верный голова и целовальники должны отвечать своими деньгами, иначе правож. Потом нельзя всем отпускать на наличные деньги, у многих часто денег нет, надобно верить в долг, к концу года долги эти нужно собрать, ибо казна ждать не станет. Для сбора долгов, для выимки питья нужно жить в больших ладах с воеводою, не щадить ему подарков в царские дни, что называлось «в почесть для царского величества», не щадить подарков за обеды, которые давал воевода и за которые нужно было приглашенным дарить хозяина; потом отвозить деньги в Москву нельзя с пустыми руками, дьяки и подьячие привяжутся. Один целовальник рассказывал: «Будучи у сбора на кружечном дворе, воеводам в почесть для царского величества, и для высылки с казною к Москве, и для долговой выборки, и за обеды харчем и деньгами

носили не по одно время; а как к Москве приехали, дьяку в почесть для царского величества харчем и деньгами носили не по одно время, да подьячему также носили, да молодым подьячим от письма давали же, а у отдачи денежной казны для отписки, для отпуску дьяку да подьячему харчем и деньгами носили же не по одно время, а носили в почесть из своих пожитков, да что брали с товарищей своих целовальников в подмогу, а не из государевых сборных денег, и носили по воле, а не от каких нападков».

Кроме воевод и московских посылок, тяжелы были кружечным головам солдаты, которые безнаказанно буйствовали при отсутствии дисциплины, при потачке своих начальных людей, при том состоянии общества, когда всякий сильный, вооруженный мог позволять себе все с слабым, невооруженным. Мы видели, что мог позволять себе в городе какойнибудь приказчик соседнего села, тем более солдаты. В постные дни, когда запрещено было продавать вино на кружечном дворе, солдаты являлись туда и начинали сами продавать свое вино из фляг в чарки людям, не желающим поститься; на дворах своих, где стояли постоем, продавали всякие пьяные браги; на выимку к ним ходить голова не смел: хвалились убить его до смерти; несмотря на запрещение, собирались на кружечный двор играть в зернь и карты; питухов на кружечный двор не пускали, продавали им вино сами, целовальников били до полусмерти. Подрыв питейному сбору страшный, а за все отвечают голова и целовальники.

Другие службы посадским людям были: в головах и целовальниках при сборе таможенных доходов; при сборе стрелецкого хлеба; в подсудных целовальниках к пошлинным и ко всем денежным сборам в съезжей избе; на конную площадь при сборе денег с пятнания лошадей; в головах банного, перевозного мостового сбора; в соцких, пятидесяцких и десяцких для полиции и для извета всяких воровских дел. Земский староста сзывает посадских людей в земскую избу; пришел царский указ, велено выбрать голову и целовальников к таможенному сбору; но кого выбрать? Надобно выбрать людей с состоянием, которые могли бы отвечать за недобор; но таких нет, кто был побогаче, те выбраны на кружечный двор. Мир решил – слать челобитную к царю, что выбрать некого, велел бы великий государь прислать голову из Москвы. Но из Москвы прислать некого, здесь свои службы, и в город шлется другой указ: выбрать к таможенному сбору

того же голову и целовальников, которые выбраны к кабацкому сбору; таким образом одни и те же посадские люди должны нести две тяжелые службы.

Мы видели, что посадские и уездные люди дают деньги на кормление воевод и подьячих. Земский староста расходует этими мирскими деньгами, каждый день вносит в книгу, что издержано. 1 сентября несено воеводе: пирог в 5 алтын, налимов на 26 алтын; подьячему пирог в 4 алтына 2 деньги, другому подьячему пирог в 3 алтына 4 деньги, третьему пирог в 3 алтына 2 деньги. Воевода для Нового года позвал обедать, за эту честь надобно заплатить, и староста несет ему в бумажке 4 алтына, боярыне его 3 алтына 2 деньги, сыну его 8 денег, боярским боярыням 8 денег, жильцам верховым 6 денег. На другой день, 2 сентября, опять староста идет к воеводе, несет четверть говяжью в 12 алтын 4 деньги да щуку в 6 алтын. Подьячему четверть говяжью в 9 алтын 4 деньги. 3 сентября староста несет воеводе щук на 19 алтын да на воеводский двор купил лопату в 2 деньги, 100 свеч сальных – дал 8 алтын 2 деньги, купил в съезжую избу бумаги 5 дестей, заплатил 11 алтын 4 деньги. 5 сентября воеводе четверть говяжью на 12 алтын 4 деньги; подьячему четверть говяжью в 9 алтын 4 деньги; другому подьячему то же. 6 сентября воеводе четверть говяжью. 7 сентября староста и мирские посыльщики ходили обедать к подьячему, отнесли в бумажке 16 алтын 4 деньги, жене его 8 алтын 2 деньги, матери его 3 алтына 2 деньги. 8 сентября воеводе отнесено щук по 12 алтын. 9го – воеводе четверть говяжья и подьячему столько же. 10го – воеводе щуки. 11го – опять обед у подьячего: отнесено ему в бумажке 13 алтын 2 деньги, жене 6 алтын, матери 3 алтына, дочери 10 денег; на другой день, 12го числа, ходили к нему на похмелье, отнесли в бумажке 20 алтын. 12го числа воеводе четверть говяжья. 14го – воеводе репы четверик на 3 алтына 4 деньги. 16го – воеводе рыбы, щук и налимов на 11 алтын; подьячему рыбы на 3 алтына да поставили почесть подьячим съезжей избы – вина и пива на 6 алтын 4 деньги. 17го – на именины царевны Софьи воеводе пирог в 5 алтын и подьячим пироги; да воеводе и подьячему рыба. 19го – воеводе четверть говяжья и т. д.

Мы видели расходные книги земского старосты; теперь заглянем в росписи, что издерживали мирские посыльщики, присылаемые в город из волостей для платежа денег: «Ходил к воеводе, нес хлеба и калачей

на 2 алтына, в бумажке денег 3 алтына, людям его дал 2 деньги. Ходил к воеводе, нес хлеб, да калач в 2 алтына, да мяса задь говяжью 26 алтын 4 деньги, да свиную тушу в рубль, да баранью тушу 13 алтын; деньгами 3 рубля; племяннику его рубль, другому племяннику 10 алтын, боярыне рубль, дворецкому 21 алтын, людям на весь двор 21 алтын, ключнику 10 денег, малым ребятам 2 алтына, денщику 2 алтына, подклетным 3 алтына. Подьячему хлеб да калач, деньгами 2 рубля с полтиною, жене его 16 алтын, двоим племянникам рубль, людям на весь двор 10 алтын, ключнику 3 алтына, денщику 2 алтына, приворотнику алтын, малым ребятам 8 денег, блаженному 4 деньги. Приставам дал всем в братью 6 денег да, стояв на правеже, дал приставу 2 деньги, да, когда платил деньги, дал сторожу в мешок 2 деньги, да что писал книгу целовальник взял 2 деньги, да староста взял за сено, что миром сулено воеводе, 4 гривны».

Эти мирские расходы на воеводу и подьячих были делом обыкновенным, не возбуждали ропота и жалоб; но иной воевода хотел кормиться уже слишком сытно; в земской избе слышались громкие жалобы, и, наконец, подьячий земской избы садился писать челобитную, бил челом посадский и всеуездный земский старостишка во всех посадских и уездных людей место: «Приехал воевода и взял с нас по приезде 120 рублей денег, брал с нас всякий месяц на хлеб по 12 рублей да хлеба по четверти ржи, по четверти овса, по четверти ячменя с сошки, итого по 99 четвертей на год да по пяти и по шести пив, а всякое пиво становится по три четверти хлеба; к Рождеству Христову и к Великому дни по полти мяса, итого по 126 полтей на год, да к Петрову дни по барану с сошки, да по 2000 яиц, да на всякий день мелкими припасами, мясом, рыбою и калачами, с ямщиков по 30 рублей на год, да на всякие сутки сальных свеч по полуполтине, да лошадям сена по 50 рублей на год; а земских старост к мирским сборам и целовальников и приставов и иных ружников нам, мирским людям, выбирать не давал, выбирал сам собою тех, кто ему больше даст».

Такую челобитную писал подьячий в земской избе; а в съезжей избе подьячий писал другую от воеводы на мир: «Волостные посольщики денежные доходы платят оплошно, а с правежу мне говорят большим невежеством, чтоб на них не правил; однажды на правеже закричали на меня с большим невежеством, забунтовались и с

правежу от съезжей избы сошли, от приставов отбились, приставов побили, на двор ко мне приходили с большим невежеством и похвалялись на меня всякими недобрыми делами, а посадский и всеуездный староста лаял меня... и называл вором при многих людях, и государевых доходов править не велит».

В городах, ближайших к Москве, воеводы и подьячие кормились умереннее: челобитные мирских людей были доходнее до царя. Но в городах дальних, где именно было до бога высоко, до царя далеко, кормленщики разнуздывались и этою разнузданностью вызывали самоуправство мирских людей, которым также представлялось, что до бога высоко, до царя далеко. Не повторяем рассказа о восстаниях мирских людей отдаленных городов в царствование Михаила Федоровича и в начале царствования Алексея Михайловича; в конце царствования Алексея, в 1673 году, жители Кайгородка под предводительством Аничка Ташкинова и Митьки Беркутова воеводе Волкову в денежных доходах царских отказали, приходили на воеводу бунтом и хотели убить, от воеводства отказали, приставов и целовальников с города свели. Правительство послало сотню стрельцов для утешения бунта, и дело кончилось пытками и виселицами. Не от одних, впрочем, посадских людей доставалось иногда воеводе; иногда посадские должны были выручать воеводу. Однажды в Шуе на посаде раздался сполошный колокол; посадские сбежались и видят, что их воевода Барков лежит чуть живой; ехал он из гостей вместе с соседним помещиком стряпчим Кашинцевым, человеком страшно задорным, поссорились, подрались, и Кашинцев выдрал у воеводы всю бороду без остатка.

Представителем мира пред правительством был земский посадский и всеуездный староста, выбранный миром. Тяжело от воеводы или от кого и от чего бы то ни было, староста бьет челом во всех посадских и уездных людей место. Он кормит воеводу и подьячих; но, когда кормить становится тяжело, когда мир начинает волноваться, староста с своими, за своих, староста *лает* воеводу. Но не всегда бывали такие бойкие старосты; иногда староста соединялся с воеводою и действовал против мира, против выгод своих избирателей, и мирские люди обращались к правительству, били челом на своего старосту: «В наших мирских делах учинил большое дурно, в денежных приходах и расходах большую хитрость, а себе корысть;

подговаривался к воеводе и к таможенному откупщику, пьет и ест с ними беспрестанно и ночи просиживает, на нас воеводе и откупщику наговаривает, и нас продают и убытчат: вели, государь, от нас его вывести». Против дурного старосты, избранного, у избирателей нет другого средства, как просить правительство *вывести* его из города, потому что, если смененный староста останется у них, им будет плохо, потому что это обыкновенно человек богатый, сильный. Слабость общества, мира пред отдельным лицом высказывалась и в другом случае: ктонибудь из мирских людей начинает дурно вести себя, мир предвидит, какие беды могут произойти от этого; напьется пьян, сделает какоенибудь дурно, подерется, убьет когонибудь до смерти, мир будет отвечать, подле воевода, подьячие, которые ждут только того случая, как бы понажитья на счет мира, постараются припутать к делу как можно большее число людей, и мир бьет челом: «Жалоба нам на посадского человека Короба: пьет и бражничает безобразно, в зернь и карты играет, жену свою бьет и мучит не по закону! вели его с женою и детьми с посаду выслать вон, чтоб нам в пене и опале не быть». Члены рода поступали точно таким же образом: били челом государю, что один из родственников ведет себя очень дурно и не унимается, несмотря на наказания от старших членов рода; род дает знать государю, чтоб после в опале не быть. Слабость мира особенно выражалась в розни, усобице между богатыми и бедными посадскими людьми – явление, которое встречалось не в одном Пскове, не из одного Пскова получались такие челобитные: «Бьют челом посадские средние и молодчие бедные людишки всех *сороков*. Жалоба нам на посадских людей, на прежних земских старост и нынешнего и на всех лучших богатых людей: лучшие и богатые люди нас окладом и тяглом не по силам загнели, а себя в окладе облегчили, и с тех своих легких окладов на многие годы тягла не доплачивают, оставляют за собою залого большие и для того земских старост по книгам, друг другу нороя, не считают, а нам, средним и молодчим людишкам, на счет не дают».

Все со всем относилось к правительству, било челом великому государю. Правительство не оставалось глухо к челобитьям; просил какойнибудь мир выборного чиновника вместо коронного, правительство охотно соглашалось. Бьют челом, чтоб городничего или городского приказчика (понашему, коменданта) отставить и выбрать

нового миром, государь велит выбирать. Бьет челом посадский и всеуездный земский староста во всех место посадских людей и волостных крестьян, что прежде в земской избе у всех дел был один подьячий, а теперь явился к ним из Москвы какойто господин с грамотою, в которой велено ему быть в подьячих у земского старосты, а прежнему подьячему быть у одного ямского дела; но прежний подьячий, пишет староста, человек хороший, налогов и убытков от него не бывало, а этот новый, который напросился на его место, у земских дел не бывал и к ним негоден – великий государь приказывал выпроводить приехавшего из Москвы подьячего, несмотря на его грамоту. Бьют челом волостные старосты и крестьяне, что у них в съезжей избе искони подьячий по их выбору, а теперь один хочет сесть в подьячих без их выбора: государь не позволяет подьячему садиться без выбора. Против воеводских злоупотреблений на суде были приняты меры: не велено судить воеводам и приказным людям дела тех лиц, от которых подано будет на них подозрение, судить их велено воеводам ближайших городов, не дальше 150 верст. Потом не велено определять воеводами дворян в те города, около которых у них находятся поместья и вотчины. В конце царствования Алексея Михайловича велено было отставить въезжие, и месячные, и праздничные, и иные денежные всякие и хлебные поборы воеводам, и что на воеводские расходы земские старосты на мирские деньги покупали на воевод. Понятно, что воеводы не могли вдруг отказаться от этих поборов и приносов и земские старосты носили пироги и рыбу по старой привычке; доказательством служит то, что царь Федор Алексеевич должен был подтвердить указ отцовский. Сделана была и более важная попытка к преобразованию отношений горожан к воеводе, но не удалась.

В 1665 году воеводою во Пскове был знаменитый любимец царя Алексея Афанасий Лаврентьевич ОрдинНащокин. Воевода нашел дела вверенного ему края в очень неудовлетворительном состоянии: заграничная торговля, которою богател Псков, находившийся на двух рубежах, упала вследствие войн польской и шведской; зло, общее всем городам древней России, господство так называемых *мужиковгорланов*, богатых торговых людей, которые, забравши всю власть в свои руки, хлопотали только о своих выгодах, забывая выгоды большинства сограждан, – это зло было в самой сильной степени во

Пскове, где была свежа еще память о кровавой борьбе между лучшими и меньшими людьми в Смутное время, а недавняя псковская смута подновила раздражение. Афанасий Лаврентьевич не хотел только *кормиться* на псковском воеводстве; он стал думать, как бы поднять благосостояние города, который был ему родной. Как везде, так и тут он смотрел на Запад, делал «с примеру сторонних чужих земель» и предложил земским старостам и всенародному совету следующую меру: быть во Пскове беспошлинному торгу с иностранцами – одному с 6 января на две недели, а другому с 9 мая на две недели, причем мимо посадских людей псковичей иных чинов людям с иностранцами не торговать. «Во всех государствах славны те торги, которые без пошлин учинены», – твердил воевода.

Уже давно по всей России, особенно же в значительнейших городах, слышались горькие жалобы русских торговых людей на купцов иностранных, которые, действуя сообща и располагая большими капиталами, захватывали торговлю в свои руки. Чтобы относительно цен на товары не быть в зависимости от русских значительнейших торговцев, иностранцы обыкновенно входили в сношения с небогатыми людьми, давали им вперед деньги, на которые те скупали для них товары низкой ценою, довольствуясь небольшим вознаграждением: «От такого неудержания русские люди на иноземцев торговали из малого прокормления и в последнюю скудость пришли, а которые псковичи и свои животы имели, от сговорщиков с немцами, для низкой цены товаров, также оскудели». Чтоб не было такого тайного подряда с иноземцами, чтоб маломочные русские люди не брали у них в подряд денег и таким образом не понижали бы цены русским товарам, Нащокин предложил псковским лучшим людям торговым расписать по свойству и по знакомству, во Пскове и в пригородах маломочных людей по себе, ведать их торговлю и промыслы и, вместо того что прежде брали они деньги у иностранцев и на них работали, давать им ссуду из земской избы (т. е. из городских сумм); накупивши на эти деньги товару, маломочные люди должны привозить его в Псков в декабре месяце; товар должен быть записан в земской избе, лучшие люди должны принимать эти товары, каждый у своего, кто за кем записан, давать им цену с наддачею для прокормления и чтоб к маю месяцу накупили новых товаров; после же

ярмарки лучшие люди, продавши товары свалом иностранцам, должны заплатить маломочным людям ту цену, по какой сами продали.

Потом воевода обратил внимание на винную продажу, предмет важный, ибо эта продажа составляла один из главнейших источников дохода для казны. Псков был город порубежный, иностранцы привозили тайком множество горелого вина и *немецких питей*, отчего псковичи не брали напитков с казенных кружечных дворов; у голов и целовальников, приставленных к продаже вина, большие недоборы, с них взыски, они стараются взыскать, *вынуть* запрещенный товар у жителей, от этих *выимок* людям разоренье, а казне прибыли нет. Вследствие этого Нащокин предложил установить вольную продажу вина с платою в казну с рубля по две деньги, если же кто станет торговать напитками больше, чем другими товарами, на тех брать с рубля по гривне. Наконец, воевода предложил новое устройство городского управления: предложил выбрать пятнадцать человек на три года, чтоб из них каждый год сидело в земской избе по пяти человек; эти пятеро выборных должны судить посадских людей во всех торговых и обидных делах и отводить к воеводам только в измене, разбое и душегубстве. Случится тяжба между дворянином и посадским, то судить дворянину (кто будет у судных дел) с выборными посадскими людьми. Пошлины с судных дел, решенных пятью выборными, держать в земской избе для градских расходов. Такое же устройство должно быть и в пригородах.

Предложения Нащокина произвели сильное волнение между псковичами; разделились: одним нравились предложения, другим нет; меньшие люди были за новое, лучшие отстаивали старину. За этими ссорами дело протянулось от апреля до августа; только 13 августа посадские люди написали наконец свои челобитные по мысли воеводы, принесли в Троицкий собор и приняли благословение архиепископа Арсения; челобитные отправлены в Москву, и новое устройство введено.

Но Афанасий Лаврентьевич не мог долго оставаться во Пскове; он был отозван для важного дела, для ведения мирных переговоров с польскими уполномоченными. Воеводою в Пскове явился князь Иван Андреевич Хованский. Князь Иван Андреевич был неохотник до новизн, особенно был неохотник до новых людей. Он уже и прежде, как мы видели в своем месте, имел столкновение с Нащокиным, на

которого смотрел как на временщика, выдвинутого царем в ущерб чести старых родов. Приехавши во Псков, Хованский увидал, что Нащокин и здесь что-то такое намудрил бесполезное, посадил мужиков судить и распоряжаться, отнявши суд у воеводы, завел вольные шинки вместо казенных питейных домов. Но мы видели, что и между *мужиками* некоторые и лучшие, самые богатые не были довольны новым устройством. Они стали говорить Хованскому, что все эти новые порядки Нащокин завел самовольно, насильно навязал посадским людям, писали челобитную в земской избе ночью, *вычерненную* (поправленную), и руки велели в ту же ночь приложить. Хованский шлет грамоту в Москву к царю: «Во Пскове заведены вновь шинки, в них пьют безвременно, и оттого всякому дурно. Учинены выборные люди и посадских людей судят, и в съезжую избу; т. е. к воеводе, не ходят да в земскую же избу в делах берут дворян с приставами, и оттого дворяне плачут; да они же, выборные люди, подорожные от себя дают за рубеж, и те новые проезжие, что мужики дают от себя, не знаячи и не остерегаясь в письме, от иноземцев будут в подивление. Сказали мне старосты земские и посадские лучшие люди, что писали ночью челобитную вычернену и руки велели в ту же ночь приложить, а кто чернил челобитную и складывал, тому то дело надобно; приложили только рук с пятьдесят, и то немного лучших людей; в челобитной писано слагательно, писал кто-то умный человек, а мужикам так было не сложить». На грамоту пришел ответ: «Вы бы всяких чинов людей ведали во всем судом и расправою, а новый суд отставили. Шинки отставить, а быть попрежнему кабакам по старым местам и отдать на откуп, а если откупщиков не будет, то собирать на веру (по присяге) лучшим людям».

Но и Хованский недолго оставался в Пскове; преемником его был князь Данила Степанович Великогогагин, человек, не имевший ни в Пскове, ни в Москве того влияния, какое имели его предшественники; при нем, следовательно, дело опять могло свободно подняться и решиться без воеводского вмешательства. ОрдинНащокин был в это время в Москве, управлял Посольским приказом, а Псков был подведомствен этому приказу. Разумеется, Нащокин не мог спокойно видеть, как его устройство было разрушено враждебным Хованским. У Нащокина был в Пскове преданный ему дьяк, Мина Гробов, который по отъезде Хованского и начал поднимать опять приверженцев

нащокинского устройства. Мы видели, что по представлению Хованского вольная продажа вина была уничтожена и велено было отдать ее на откуп, если найдется откупщик. Откупщик нашелся, Кузьма Андреев, и заплатил на месяц более чем вдвое против той прибыли, какую получала казна от вольной продажи. Но при Великого Гагине вольные питейные промышленники Давыд Бахарев с товарищами прислали в Москву челобитную: «Выборные люди, Семен Меншиков с товарищами, видя наш промысл и раденье, что будет великого государя казне сбор большой, и дружа друг другу, питейную прибыль отдали на откуп товарищу своему, выборному человеку Кузьме Андрееву заводом, забыв страх божий и крестное целованье, назвали наши оброчные питейные дома шинками». Пришла и другая челобитная не от одних питейных промышленников: «Жалоба нам, бедным сиротам твоим, середним и мелким людишкам, на псковичей же посадских прожиточных людей, Сергея Поганкина, Никиту Иевлева, Мокея Сигова с товарищами: те прожиточные люди всякие дела городовые и мирские делают и челобитчиков выбирают к тебе, великому государю, в Москву без городского и мирского ведома средних и мелких людишек и без заручных приговоров; оттого нам чинится великое разоренье и всякие подати большие и частые».

На откупщика Кузьму Андреева и на его приятелей, которые устроили ему откуп, было донесено в Москву, что откупная сумма очень мала и что, несмотря на то, откупщик и товарищи его, лучшие люди, притесняют маломочных людей, не дают им приготавливать у себя хмельных напитков в известных, определенных законом случаях, корыстуются с кабаков, провозят товары, прокрадывая. Вследствие этого из Москвы пришел указ: так как псковичи Семен Меншиков и Кузьма Андреев с товарищами маломочным людям не помогали, то платить им в год за кабаки по 9366 рублей; быть с ними вместе в платеже Никите Иевлеву и Сергею Поганкину, потому что они от градского совета бегали и к присяге не ходили.

Наконец, осенью 1668 года пришла в Москву челобитная от земского старосты Степана Котятникова и всех псковичей, чтоб государь приказал восстановить все учрежденное при Нащокине и разрушенное при Хованском, чтоб от кабацких продаж была учинена свобода, как в Смоленске. Но к челобитной не приложили рук Семен Меншиков, Сергей Поганкин, Кузьма Солодовник, Иван Чирьев,

Никита Михалев, Петр Зарубин, Юрий Белобородов, Мокей Сигов, Афанасий Самойлов, всего девять человек.

У этих девяти человек были в Москве также сильные покровители – дьяки Посольского приказа Герасим Дохтуров и Лукьян Голосов; с нимито постоянно боролся Нащокин, упрекая их, что они грязнят Посольский приказ, по которому иностранцы судят обо всей России и который должен быть чище всех других приказов, а дьяки его мешают кабацкие дела с дипломатическими. Дьяки мстили Нащокину, действуя постоянно наперекор ему; и тут о псковском челобитье они составили такую докладную записку, что челобитчикам было отказано. Понятно, что Афанасий Лаврентьевич не мог спокойно перенести этого. Государь находился в затруднительном положении: с одной стороны, представляют ему, что Псков волнуется, что меньшинство притесняет большинство, которое может ожесточиться; с другой, представляют, какой ущерб потерпит казна, если ввести в Псков вольную продажу вина, а деньги нужны, государство разорено тяжкою войною. Алексей Михайлович обратился сначала к Ордину-Нащокину, чтоб тот изложил свое мнение, «как тому кабацкому сбору пристойно быть и доимочные деньги на ком взять, чтоб кабацкая прибыль напрасно не пропала, а людей бы не ожесточить». Афанасий Лаврентьевич отвечал: «В 1666 году устроил я Псковское государство с примера сторонних чужих земель к великой прибыли твоей государевой казне и Псковскому государству к полноте и расширению; я сделал это, ни на что не прельщаясь, только видя вашу государскую премногую милость, исполняя свой долг и надеясь получить отпущение грехов в будущем веке. Но мое дело, государь, возненавижено немилосердыми людьми, приказною мздою. Отказали Стеньке Котятникову в питейных сборах; но думные дьяки зачем забыли мою вину: я и в Смоленске то же самое сделал, а Псков важнее Смоленска, лежит на рубеже двух чужих земель; жители в городе и в уездах пришли в последнюю нищету, и без такого устава помочь им нечем. Всячески приводя в согласие людей божних и ваших, государевых, я наговаривал и писал во Псков, и ко мне из Пскова писал дьяк Мина Гробов, что усердно радеет, как бы прекратить разделение между псковичами, и на ком довелось кабацкую недоимку доправить, то у них уже решено, решено и то, чему в Пскове быть прочнее. Надеюсь на твою государскую милость, я в Смоленске твоим указом пример учинил, товарищи мои, думные

дьяки, это знали; и если, государь, в Смоленске в питейном сборе зла не сделалось и как теперь там дело идет, в Посольском приказе известно, то в Пскове было бы гораздо больше прибыли, чем в Смоленске».

Нащокин прямо объявил, что он чрез дьяка Грובה хлопотал в Пскове о соединении людей; из его собственных слов было видно, что последняя челобитная, пришедшая из Пскова, была следствием этого соединения, т. е. этих хлопот. Противникам Нащокина легко было намекнуть, что мнимое соединение произведено насильственным образом, что лучшие люди не подписались под челобитной, в которой просили о восстановлении нащокинского устройства. Оставалось одно средство разъяснить дело – спросить всех жителей Пскова и области прямо от верховного правительства, чего они хотят?

11 марта 1669 года воевода князь Великого Гагин получил царскую грамоту: «Вы бы всяких чинов людям наш, великого государя, указ сказали: если в Пскове питейной прибыли быть попрежнему у всех псковских жителей, то нашей казне прибыль будет ли и псковичам, и уездным, и всякого чина людям какой тягости в том не будет ли?» Воевода прислал в Москву ответы.

Архиепископ Арсений, как св. панагию носит, во всякой правде сказал, что от питейных домов городские жители и уездные не будут обогащены, а если кабацкий недобор в 9000 рублей с лишком им доплачивать, то разорятся окончательно.

Архимандриты, игумены, строители, игуменья и строительницы, Троицкого дома (собора) протопоп, псковских ружных и приходских церквей поповские старосты и весь освященный чин, церковные приказчики за крестьян монастырских церковных вотчин, всего сто один человек, сказали: питейным дворам быть отнюдь нельзя, потому что домам псковичей и священного чина и уездных крестьян слабых людей быть в лишних скудостях и бесчестиях за пьянственным невоздержанием и за иными в пьянстве слабостями.

Дворяне и дети боярские, 60 человек, объявили, что не могут дать ответа по незнанию дела; 89 человек не приехало.

Посадские люди, 238 человек, пожиточные, средние и маломочные, сказали: питейным дворам быть невозможно, в сборе казны умаление будет большое, потому что посадским людям конечное

разоренье за слабостию и пьянственным невоздержанием; вперед кабакам попрежнему пристойно быть на вере (на присяге).

Казаки, стрельцы, пушкарки и воротники, всего 2115 человек, подобно дворянам, сказали, что не знают.

Крестьяне Псковского уезда, 241 человек, сказали: в Пскове питейной прибыли можно быть попрежнему у всех псковских жителей, с бережением и со всякою крепостию, за верою и за поруками, казне прибыль будет; в городе и уездах кабакам быть непристойно, а случится недобор, то они, волостные крестьяне, готовы принять его на себя, 670 человек крестьян сказали, что не знают.

В Москве последовало окончательное решение: отдать кабаки на откуп, и если никто не возьмет, то продавать на вере выборным людям. Откупщиков не нашлось.

Эти нововведения Афанасия Лаврентьевича не принялись; но в 1667 году ему удалось высказать свои любимые мысли в торговом уставе. И здесь встречаем обычное указание на Запад, на пример иностранных государств: «Во всех окрестных государствах свободные и прибыльные торги считаются между первыми государственными делами; остерегают торги с великим береженьем и в вольности держат для сбора пошлин и для всенародных пожитков мирских». Устав определяет, что люди недостаточные получают помощь из московской таможни и из городских земских изб; требует, чтоб мимо торговых людей белых чинов люди с иноземцами торга и подрядов не чинили, а свои товары прикладывали к русским торговым людям; требует, чтоб лучшие торговые люди берегли маломочных торговых людей, давали бы им завестись торгами между русскими людьми складом к большим товарам, чтоб в продаже иноземцам цены не портили и в подряд деньги у них не брали. В Архангельск на время приезда туда купцов иностранных исстари назначался из Москвы гость с товарищами для наблюдения за ходом ярмарки и для сбора таможенных пошлин; устав требует, чтоб этот гость и товарищи его выбирались по рассмотренью, а не по дружбе или недружбе, выбирались из досужих и богоугодных людей не по богатству, а по добродетели. Этого гостя и товарищей его воевода ни в каких таможенных торговых делах не ведает; всякую расправу в торговых делах русским и иноземцам чинит в таможне гость с товарищами. Устав увеличил подать с иностранных вин, потому что от большого привоза их на государевых кружечных дворах

чинятся убытки и недоборы большие. Иноземцы должны торговать только с купецкими людьми того города, куда приедут для торговли, с приезжими же не должны ни торговать, ни подрядов, ни записей совершать; но московским купецким людям во всех порубежных городах и на ярмарках торговать с иноземцами всякими товарами вольно. Иноземец с иноземцем не должен торговать под страхом отобрания товаров на государя. Пошлина с продажи и мены иностранных товаров 2 алтына с рубля; с русских товаров, отпускаемых иноземцами в свои государства, по гривне с рубля; но если иноземец привезет изза моря золотые и ефимки, то ему пошлин с них не платить, и что купит на золотые и на ефимки, то везет в свою землю беспошлинно. Все эти золотые и ефимки в порубежных городах иноземцы должны отдавать в казну, из которой получают за них русские мелкие деньги: за золотой по рублю, за ефимок любский по полтине. Если восточные купцы – персияне, индейцы, бухарцы, армяне, кумыки, черкесы и астраханские жильцы иноземцы – поедут для торговли в Москву и другие города, то брать с их продажных товаров в Астрахани проезжей пошлины по гривне с рубля; если же станут торговать в Астрахани, то брать по 10 денег с рубля; с русских товаров, которые они повезут к себе, брать по гривне с рубля. То же наблюдать и относительно греков, молдаван и валахов – брать по гривне с рубля; если же станут торговать в Путивле, то по 10 денег. Ни один иноземец не может продавать своих товаров в розницу и ездить с ними по ярмаркам. В Москву и другие внутренние города пропускаются только те иноземцы, у которых будут государевы жалованные грамоты за красною печатью. Жиды в царствование Алексея Михайловича умели добыть себе такие грамоты за красною печатью; они приезжали в Москву с сукнами, жемчугом и другими товарами и получали комиссии от двора; так, в 1672 году шкловские евреи Самуил Яковлев с товарищами отпущены были из Москвы за рубеж для покупки венгерского вина. Греков в царствование Михаила и в начале царствования Алексея пропускали свободно по единоверию; но с 1647 года им назначен был для торговли только один пограничный город Путивль.

И новый устав, исполняя желание русских торговых людей, не пустил иностранцев во внутренние города. В 1669 году поселившийся в России иностранец Петр Марселис подал в Посольский приказ

статьи, клонившиеся к изменению торгового устава: он представлял: 1) какой вред происходит от того, что торговля у Архангельска бывает после 1 сентября; многие корабли за поздним временем подвергаются опасностям и погибают, да и русские суда, возвращаясь от Архангельска вверх по Двине, не успевают доходить до Вологды. 2) Пусть иноземцы платят пошлины ефимками, а не золотыми; надобно позволить иноземцам привозить золотые в Московское государство, продавать их или в уплату отдавать, кому угодно: это заставит их привозить много золотых и ефимков. 3) Теперь для получения золотых и ефимков иноземцам сбавляется пошлина; но если позволить им покупать товары в Москве и в других городах, то я обнадеживаю, что соберется огромное количество ефимков и золотых, больше пошлинного сбора, потому что все те ефимки будут на денежном дворе переделаны и на всякий ефимок будет прибыли по 14 копеек. Позволение покупать товары в Москве и других городах надобно давать только тем иностранцам, которые станут привозить ефимки, а не золотые. 4) Прежде давали в Москве и на Архангельской ярмарке разным людям много мелких денег, чтоб в Новый год на эти мелкие деньги ставили в казну ефимки, и этим средством много было привозимо в Москву ефимков: если приказать иноземцам раздавать мелкие деньги для поставки ефимков, чтоб ставили по 16 алтын, то попрежнему будет привозиться много ефимков.

По обычаю были призваны в Посольский приказ гости и другие торговые люди и прочтены им статьи Марселиса. Гости смекнули, что хитрый иноземец, которого они очень не жаловали, хочет опять ввести свою братью во внутренние города, прельщая правительство обильным привозом ефимков, и потому подали сказку: «Первую статью иноземцы нарушили: в прошлом году много их кораблей пришло в Архангельск после Семена дня (1 сентября); которые пришли и до этого времени, и те торговали до Семена дня малыми торгами, а большими торгами всегда они торгуют на последних днях нарочно, чтоб у русских взять товары дешево, а свои поставить дорого и чтоб в позднем и скором времени русским людям заморских плохих товаров высмотреть было некогда». На вторую статью: «Теперь золотых в Московском государстве еще не умножилось; а что Марселис написал, чтоб иноземцам привозить всюду золотые и ефимки, то этим он хочет с иноземцами у всех русских людей торгами

завладеть. Ефимки и золотые у них будут проданы персиянам, армянам, кумыкам и татарам дорогою ценою и вывезены из Московского государства. А если русские люди в Москве и в городах и возьмут у иноземцев за свои товары небольшое число золотых и ефимков, то этих денег в розни в государеву казну не собрать. Иноземцы станут продавать иноземцам же золотые по 40 алтын, а ефимки по 20 алтын и на те деньги станут покупать русские товары дешевою ценою, вполвину против архангельской цены: продаст иноземец 4 золотых по 40 алтын, итого возьмет 4 рубля 26 алтын 4 деньги; на эти деньги купит поташу берковец, даст 5 рублей, а в Архангельске русские люди продают поташ по 9 и по 10 рублей, а на Москве станет приходить поташ иноземцам по 4 золотых берковец. Так и прочие всякие товары переведут у русских людей полуценою перед Архангельском».

Торговый устав отменил множество мелких пошлин: подужное, мыты, сотое, тридцатое, десятое, свальное, складки, повороты, статейные, мостовое, гостиное и другие – и положил их в рублевую пошлину.

В начале устава сочинитель его указал на пример иностранных государств, где торговля считается в числе важнейших государственных дел; в конце по образцу иностранных же государств он принимает меры против роскоши: «В порубежных городах головам и целовальникам у иноземцев расспрашивать и пересматривать в сундуках, ларцах и ящиках жемчугу и камня неоплошно, чтоб узорочные вещи в утайке не были; от покупки таких вещей надобно беречься, как и в других государствах берегут серебро, а излишние такие вещи покупать запрещают, не позволяют носить их простым не чиновным людям, чтобы оттого не беднели; также низких чинов люди чтоб не носили шелку и сукна. Надобно удерживать простых людей от покупки таких вещей накладною пошлиною большою и заповедью без пощады: берегут того во всех государствах и от напрасного убожества своих людей охраняют».

Постановив, что воевода архангельский не ведает гостя, который чинит расправу торговым людям, ОрдинНащокин в конце устава предлагает важную меру, которая приготавлила меры Петра Великого для «собрания рассыпанной хранины», именно предлагает учреждение особого приказа для купцов: «Для многих волокит во всех приказах

купецких людей пристойно ведать в одном пристойном приказе, где великий государь укажет своему боярину; этот бы приказ был купецким людям во всех порубежных городах от иных государств обороною и во всех городах от воеводских налог был им защитою и управою. В том же одном приказе давать суд и управу, если купецкие люди будут бить челом на других чинов людей». Явился Приказ *купецких дел*.

Таким образом, городская жизнь, или, лучше сказать, посадская жизнь, жизнь посадских людей перед эпохою преобразования представляет нам борьбу и с чужими, и с своими. Борьба с иностранными купцами кончилась торжеством русских; но важнее была борьба с своими. Борьба эта, как мы видели, проистекала из господствующего в первобытных, неразвитых обществах непосредственного отношения вооруженной части народонаселения к невооруженной, служащей к рабочей, причем первая кормится непосредственно на счет последней. Здесь признаком роста, возмужалости служит то, что промышленная часть народонаселения хочет высвободиться от этой обязанности непосредственного кормления, обособиться, хочет добыть самоуправление. В Западной Европе это движение обозначилось образованием городских общин, их борьбою с владельцами, потом освобождением сельского народонаселения. Но для того и другого явления необходимо было сильное движение промышленное и торговое, обогащение, соперничество движимого, денег, с недвижимым, землею. В России в описываемое время видим застой в промышленности и торговле, бедность; в XVII веке видим условия, еще более неблагоприятные для увеличения народного богатства, чем прежде: города и торговые сотни не могут справиться после разгрома Смутного времени, а новые тяжелые войны не перестают истощать их. Из городов, и самых богатых, приходили вести, что денежных доходов недостает на покрытие издержек, на жалованье служащим людям военным и подьячим. Не давать денежного жалованья, уменьшить его, пишат из Москвы, земли много, землю раздавать.

В государстве, где вместо денежного жалованья раздают землю, где земли больше, чем денег, в таком государстве не думают об освобождении крестьян, напротив, думают об их закреплении, ибо, давши землю, надобно и дать постоянного работника, иначе жалованье

не в жалованье. Одно явление объясняет другое; в то время когда закрепляются крестьяне в селе, в то время нечего ждать много от города, потому что в селе прикрепляют крестьянина по бедности города. В городе посадские также прикреплены, не смеют уйти под смертною казнию, должны сидеть, работать и платить ратным людям на жалованье, кормить воеводу. Их интересы постоянно в столкновении с интересами вооруженной части народонаселения. Они бьют челом на закладчиков, на крестьян, которые промышляют наравне с ними, но не помогают им в несении тягостей; но, восставая против закладчиков и крестьян, требуя возвращения своей братьи, ушедших в села, они восстают против интересов тех людей, за которых заложились закладчики, которым принадлежат крестьяне, к которым ушли их братья, посадские люди, отбывая от тягостей; известно, чьи интересы были затронуты, когда велено было слободы и села в городах, принадлежавшие частным людям, завести за государя, написав жителей их в тягло; известно, как мстили посадским людям за это. Понятно, что при таких отношениях, при таком столкновении интересов первым шагом вперед было выделение посадских людей, чтоб они судились и управлялись сами собою, нужно было изъять их изпод власти и суда воевод, нужно было возвести их с служилыми людьми, ибо при таком столкновении интересов, при таком утвержденном веками господствующем взгляде, когда служилые люди смотрели на промышленных людей как на прирожденных своих работников, обязанных кормить их своим трудом, при таких отношениях и взглядах нечего было думать о союзе, об общей деятельности. Когда два человека враждебно сцепились друг с другом, то прежде всего нужно их развести, а потом уже, когда с постепенною переменою отношений вражда утихнет, настает время думать о примирении, союзе, общей деятельности. Выборы не могли тут помочь, если посадские люди должны были выбирать правителя городу из служилых людей. Таким образом, выделение промышленных людей, высвобождение их изпод влияния служилых людей, совершенное в эпоху преобразования, было делом естественным и необходимым. Но мы видим, что первая попытка принадлежит времени до преобразования, принадлежит предтече преобразователя, ибо как скоро русские люди с головою ОрдинаНащокина стали взглядывать на Запад, так сейчас же увидали, откуда там то, чего

недоставало в России, именно богатство, увидели, что оно происходит от сильно развитой торговой и промышленной деятельности, от развития города, и Ордин-Нащокин провозглашает, что торговля есть одно из важнейших государственных дел. В эпоху преобразования мысль эта была вполне усвоена правительством и лучшими людьми, и потому является ряд мер для поднятия торговли и промышленности, и прежде всего торговые и промышленные люди выделяются, рассыпанная хранина собирается.

Состояние города служит нам поверкою состояния сел, и наоборот: если город беден – знак, что село находится в очень неудовлетворительном положении, если земледельческое народонаселение прикрепляется к земле – знак, что город беден. Прикрепление крестьян было результатом древней русской истории: в нем самым осязательным, самым страшным образом высказалось банкротство бедной страны, не могшей своими средствами удовлетворить потребностям своего государственного положения. Такое банкротство в историческом, живом, молодом народе необходимо условливало поворот народной жизни, искание выхода из отчаянного положения, стремление избавиться от губительной односторонности, в страну сел внести город и этим улучшить экономическое состояние страны. Этот поворот и знаменуется преобразовательною деятельностью, с этого поворота и начинается новая русская история. При несостоятельности собственных средств нужно было сделать заем, и заем был сделан. Как ни велик, как ни тяжел был он для народа, но необходимость и благодетельность его очевидны. Если прикрепление крестьян было естественным результатом древней русской истории, то освобождение их было результатом полуторавекового хода нашей истории по новому пути. Спор между древнею и новою Россиею кончен, проверка налицо.

Прикрепление крестьян с его следствиями было самым крупным, основным явлением в жизни села в описываемое время. Относительно частностей быта село представляет нам всюду три разряда своих обитателей: крестьянина, бобыля и захребетника, отличающихся друг от друга величиною своих хозяйственных средств. Условия быта, разумеется, могли изменяться вследствие разных отношений, смотря по тому, какое было село – черное, дворцовое, монастырское, принадлежавшее богатому вотчиннику или мелкому помещику. Мы

видели отношения черных крестьян к городу, в уезде которого они жили, связь их с посадскими людьми, с которыми вместе они поднимали тяжести рабочего, тяглого народонаселения. Но если между самими посадскими людьми, богатыми и бедными, была рознь, бедные жаловались в Москву на притеснения от богатых, то нечему удивляться, что такая же рознь вставала между посадскими людьми и уездными крестьянами и принуждала последних порывать связь с посадскими людьми, выделяться в особый мир. В конце царствования Алексея Михайловича устюжские уездные крестьяне начали жаловаться на посадских людей: «Собираются в посадскую земскую избу посадские люди для своих посадских советов часто, да они же собирают с Устюга с посаду всякие четвертные доходы и на ямские отпуски деньги, да они же выбирают в земские старосты меж себя посадских людей, и они, посадские земские старосты, о уездных крестьянах ни в чем не пекутся и ни о каких все уездных делах не радуют, а уездным крестьянам в ту посадскую избу для волостных советов собираться нельзя, да устюжские старосты и не пускают, и в том волостным крестьянам чинятся великие волокиты, и убытки, и бессоветица, а в том бессоветии всякая неисправа, и крестьяне у посадских людей во всем порабощены, и гордостью своею посадские земские старосты нас, крестьян, теснят и вменяют себе вместо рабов своих и мочью своею и великими пожитками у нашей братьи, у скудных крестьян, купили себе лучшие деревни в уезде и начали быть во многих волостях владельцами. А как стали владеть деревнями, и они всякими притеснениями подати с себя сметали на нас, худых крестьянишек, и мы от их изгони оскудели и обнищали и последние деревнишки им иззакладывали на малые сроки, а в закладные писали от скудости двойные и тройные цены, и они такими большими закладными с приписными деньгами, деревнями нашими завладели и многих крестьянишек у себя в *полове* (половниках) удержали, а иных и в *полове* у себя не держат, и они от таких их налогов врознь разбрелись безвестно. Да устюжские посадские старосты выбирали для солдатского выбора своих посадских людей, а уездных людей не выбирали, чтоб с их деревень в солдаты никого не выбирать, а брать с крестьян только, и крестьяне врознь разбрелись».

В 1675 году собрались в Устюге из уезда всех волостей выборные люди и написали челобитную, чтоб быть всеуездной земской избе и

всеуездному земскому старосте особо от посадских людей. Государь согласился, и крестьяне вывели своих выборных или волостных третчиков с приходными и расходными книгами и с деньгами из старинной земской избы в становую волостную избы. Но столкновения этим не прекратились: мы видели, что посадские люди владели крестьянскими деревнями в уезде, и крестьяне послали новое челобитье, что посадские по своим деревням волостных и солдатских служб не служат и хотят деревнями своими отписаться от крестьян, о чем уже и послали челобитную. В Москве не умели распутать этого дела и по обычаю велели подать о нем сказки на месте по сословиям. Духовенство объявило: «Воевода Матвей Нарышкин Устюжский уезд расписал по челобитью прежнего головы таможенного и кружечного дворов Григорья Мыльников и советников его волостных крестьян Петрушки Хомякова с товарищами, которые в то время собраны были на Устюге на посад по его, Григорьеву, челобитью будто для ямского совета и отпусков. Изветов волостных крестьян на посадских людей мы не слышали, и впредь нам с посадскими людьми земская изба старинная попрежнему одна надобна, потому что в новоучиненной волостной избе начали они, волостные крестьяне, разрубать и собирать многие лишние деньги будто на всеземские расходы, а на какие – нам про то неведомо, брано сверх 2 рублей еще в прибавку по 7 рублей на малую сошку, а теперь у них же в волостной избе их староста разрубил и берет по 5 рублей на сошку преж государевых доходов и тем нас и посадских людей убытчат, а книг расходных не кажут и отчету в таких великих деньгах не дают». Новый всеуездный земский староста Копылов с товарищами, волостными выборными людьми, объявил, что отделение крестьян от посадских произошло вследствие притеснения от посадских. Крестьяне подали сказку, что, пожалуй, пусть будет одна земская изба попрежнему, только бы быть всеуездному волостному выборному старосте, с устюжскими земскими старостами у *всеземской коробки* вместе для того, чтоб устюжские земские старосты всеуездных сборных денег на свою посадскую издержку не держали.

Кроме общих дел с посадскими людьми, у крестьян уездных были еще свои мирские дела, свои интересы, они выбирали старост, выберут и напишут: «Выбрали меж себя человека доброго: быти ему за нашим выбором от крестьян в старостах, всякие сделья и поделки делать, нанимая на наши мирские сборные деньги. А воровством ему никаким

не воровать, а станет воровать, и на нас на всех пеня великого государя». Выбирали мирских посыльщиков, должность тяжелая, потому что они должны были становиться лицом к лицу с взыскательною властью, с воеводою и подьячим, которых нужно было покормить прежде всякого дела; выбирали земского пристава, причем писали: «Все крестьяне выбрали земского пристава такогото; весть ему держать в нашей волости для государева дела и денежных сборов; впервые весть ему сказать по всей волости без хоженного (без платы за ходьбу), в другой раз ему весть подержать для ради *огурников* (ослушников) и ему брать хоженного на них по 2 деньги; на извет ему ходить, кто позовет на землю, и на то хоженного по 2 деньги; быть ему у земского судьи для государевых дел, на суду перед судьей поручать, кто на кого побьет челом государю перед судьей, а с суда перепоручивать; с тяглых крестьян брать ему по деньге, а с бобылей и безземельных хоженного по копейке; руга ему с крестьян по изможенью, ржи и овса кто сколько даст». Выбирали священника; выберут и напишут: «Мы, крестьяне, выбрали и излюбили отца своего духовного такогото к себе в приход. И как его бог благоволит и св. владыка его в попы посвятит, и будучи ему у нас в приходе, служить и к церкви божией быть подвижну, к болям (больным) и роженицам с причастием и с молитвами быть подвижну и со всякими потребами. А он человек добрый, не бражник, не пропойца, ни за каким хмельным питьем не ходит, человек он добрый; в том мы, старосты и мирские люди, ему и выбор дали». Все это надобно было писать, но кто же писал? И для этого выберут и напишут: «Быть такомуто церковным дьячком, к церкви быть подвижну, у начальников послушну и покорну и у наших всяких мирских дел у письма быть всегда готову, а руга ему с нас собирать луковая рожь, по полуосмирице с лука петровское и осеннее». Были волости, еще со времен Грозного получившие грамоты на выборы своих земских судей и земских целовальников. При этих выборах крестьяне давали такие записи: «Выбрали мы и полюбили к государеву делу в выборные земские судьи такогото, выбрали и полюбили в выборные земские целовальники к нему, судье, такогото, да в земские соцкие к нему, судье, такогото, с такогото срока до такогото. Судить ему, судье, нас, крестьян, по челобитиям, и по кабалам, и по духовным, по всяким письменным крепостям, про татинные, разбойные и душегубные дела сыскивать. А целовальнику и

соцкому у земских у всяких дел и у поимки воров, татей и разбойников и душегубцев с выборным судьбою у расспроса и поимки быть за один человек; а нам, крестьянам, с ним, судьбою, за всякими воровскими людьми ходить в погоню и ловить вместе. Ему, судье, судить и указ чинить безволокитно, посулов и поминков не брать, другу не дружить, недругу не мстить».

Все эти выборы, на которые у нас теперь готовы смотреть как на признак крепости общественного союза, как на признак сильного развития общественной деятельности, общественного духа, как на важные права, на деле не давали крестьянам возможности усилить свои промыслы, увеличить результаты своего труда и чрез то без тягости удовлетворять требованиям казны; права эти не спасали крестьянина от воеводы, подьячего, от посадских людей и своего брата крестьянина, пропившегося и занявшегося легким промыслом разбойника. Тяжкая подать, воевода, подьячий, земский староста, разбойник выживали крестьянина, заставляли его уходить дальше за Камень, в Сибирь. В Москву пришла весть, что Устюжский уезд пустеет, и, когда приехали оттуда мирские челобитчики, их стали расспрашивать, отчего у них крестьяне бегут? «Крестьяне бегут, – был ответ, – от больших податей, от воеводских налогов и посулов и от солдатских *выборов* (наборов), потому что сверх всяких податей воеводы князь Гаврила Мышецкий и Яков Змеев брали с нас с 240 сошек деньгами на год с лишком по 2 рубли, да хлеба по осьмине ржи, да по осьмине овса; у Якова Змеева было два племянника, которым с сошки давали по 2 гривны, да дворецким их по гривне с сошки; да платили мы в земскую избу с сошки по три рубли, а в иные годы по три рубли с полтиною на воеводские кормы, пива и поносы, а брали воеводы свои сошные деньги, и хлеба, и кормы прежде государевых доходов. Те же воеводы с денежных доходов, которые, собирая с нас, посылают в Москву, с 30 000 рублей, с отписей (расписок), которые нам в тех деньгах давали, брали от печати по две деньги с рубля да с сибирского запаса с 2270 четвертей от всякой проезжей памяти по гривне с четверти; да сверх того с тех же сошек носили мы воеводам на праздники, на Велик день, и на Рождество Христово, и на Петров день столовые запасы. Князь Гаврила Мышецкий прислан был к нам для выбору и высылки солдат, и он наемных солдат, которые нанимались служить вечно и брали у крестьян наймы большие, а по

себе давали поручные записи, в солдаты не принимал, а писал в солдаты тех, которые нанимали в службу, самих хозяев, и поручные записи у многих поотнимал, и для своей корысти отдавал тем их наемщикам, и те наемщики у хозяев завладели многими деньгами, а те хозяева оттого вконец разорились и дворы у многих запустили. Яков Змеев устюжских стрельцов и приставов, которые у него подкупятся, присылал для правезу к нам в волости, и те стрельцы и приставы изза смертного правезу вымучили себе с целовальников и с денежных сборщиков 1732 рубля; да и князь Мышецкий таких же подкупщиков, которые с ним делились, присылал. Змеев ездил в Черевковскую волость, больше 100 верст, с собаками, с ним было всяких людей больше 50 человек, брал под себя, под людей и под собак водяным путем суда, горним (сухим) подводы, едучи, в волостях брал поминки большие, обедал и всякими харчами проторил. На все это исходит у нас, устюжан, посадских и уездных людей на год тысяч по пяти и больше».

Но не от одних воевод, подьячих и казенных взысков брели розно мирские люди и пустел уезд; не одних воевод и подьячих должны были кормить мирские люди, не от одних правецчиков откупаться; они должны были кормить, откупаться от своей братьи мирских людей, которым нравилось легкое разбойничье ремесло: малая населенность, темные леса, непривычка у самих мирских людей к общему делу, к общей защите и отсутствие хорошо устроенной полиции делали разбойничье ремесло легким, безопасным. Те же устюжские мирские челобитчики показывали: «По волостям построено много кружечных дворов, здесь многие крестьяне пропиваются и, собравшись человек по 20 и больше, приходят в летнее время разбоем, многих крестьян мучат, огнем жгут и вымучивают рублей по сту; крестьяне, заложив свои животишки и деревнишки, от разбойников откупались и бредут врознь». Призовут на защиту вооруженную силу правительственную – новое разоренье: «За разбойниками посылают посылки подьячих и стрельцов, а подьячие берут с нас за подводы по рублю, а стрельцы по полтине, да в провожатые берут крестьян человек по тридцати в деловую пору». В 1670 году ехало мимо Верхотурья с Тотьмы, Устюга, Ваги, Мезени, Сольвычегодска, Яренска, Сысолы, Кайгородка тяглых людей с женами и детьми 2051 человек. Правительство велело поставить заставы крепкие. Правительство охотно смотрело на

заселения пустынных стран около Камня и в Сибири, на образование крестьянских слобод, но требовало, чтоб в крестьяне на пашню призывали и прибирали из вольных гулящих, а не из тяглых людей, из крестьянских детей от семей, бобылей и захребетников. Ссылные преступники в Сибири сажались также на пашню, и, что было очень тяжело старым пашенным крестьянам, правительство приказывало им выдавать дочерей своих и племянниц за холостых ссылных, чтоб тем их от бегу унять и укрепить.

На севере и северовостоке черные крестьяне бежали за Камень; на юге помещичьи крестьяне бежали за рубеж Великой России, и шла здесь своего рода усобица. Вот какую челобитную получил царь в 1672 году: «Бьют челом холопи твои, заоцкие помещики и вотчинники: люди наши и крестьяне, заворовав, многие побив помещиков своих, а иные пожегши, бегают от нас за рубеж в малороссийские города и живут за епископами и за козаками в городах и на посадах, в селах и деревнях; мы с твоим указом, с грамотами и отпусками от воевод к ним в малороссийские города для тех своих беглых людей и крестьян ездим, и они, епископы, старшина и козаки, беглых людей и крестьян нам не выдают, нас бьют и грабят, многих побивают до смерти, иных в воду сажают; и те воры, беглые люди наши и крестьяне, надеясь на них, что они их нам не выдают, приходят к нам в села наши и деревни вьявь, нас до конца разоряют, последних людей и крестьян наших подговаривают, лошадей и всякую животину крадут, дворы и гумна с хлебом жгут, нас многих добивают до смерти и иных, заперши в хоромах, пожигают с женами и детьми. В НовгородСеверском и Черниговском уездах за епископом Лазарем поселилось беглых драгун и наших беглых людей и крестьян и иных прихожих людей больше 5000, а выдачи никому нет, хотя с виселицы придет». Разумеется, вообще крестьянам легче было у богатых вотчинников, чем у мелких помещиков; но богатые вотчинники жили постоянно в Москве, в деревнях были управляющие, от жестокости которых крестьяне также бежали к казакам. Вот наивное письмо Богдана Хитрова к князю Вас. Вас. Голицыну: «Жаловал ты ко мне писал, что из курской моей деревни побегало шесть семей крестьян, пожалуй, изволь приказать проведать, не от жесточи ли человека моего Савки Танчеева; а он у меня в епифанской моей деревнишке жесточью своей многих разогнал; а то ведаю, что не пьянством и не для корысти, разве

безмерною жесточью». Управляющий жесточью разогнал крестьян в епифанской деревнишке, так надобно было его послать в курскую! Зато не пьяница и не вор. Лучше всего могло быть крестьянам в монастырских имениях; но и тут бывали сильные причины к неудовольствиям: в 1678 году крестьяне Толвуйской волости взбунтовались, не желая быть за Вяжицким монастырем, заводчики мятежа были жестоко наказаны.

Сознание экономической несостоятельности, ведшее необходимо к повороту в истории, было тесно соединено с сознанием нравственной несостоятельности. Русский народ не мог оставаться в китайском созерцании собственных совершенств, в китайской уверенности, что он выше всех народов на свете уже по самому географическому положению своей страны: океаны не отделяли его от западных европейских народов. Побуждаемый силою обстоятельств, он должен был сначала уходить с запада на восток; но как скоро успел здесь усилиться, заложить государство, так должен был необходимо столкнуться с западными соседями, и столкновение это было очень поучительно. В то самое время, в то самое царствование, когда Восток, восточные соседи русского народа оказались совершенно бессильными пред Москвою, когда покорены были три татарских царства и пошли русские люди беспрепятственно по северной Азии вплоть до Восточного океана, в то самое царствование на Западе страшные неудачи, на Западе борьба оканчивается тем, что Россия должна уступить и свои земли врагу. Стало очевидно, что, во сколько восточные соседи слабее России, во столько западные сильнее. Это убеждение, подрывая китайский взгляд на собственное превосходство, естественно и необходимо порождало в живом народе стремление сблизиться с теми народами, которые оказали свое превосходство, позаимствовать от них то, чем они явились сильнее; сильнее западные народы оказывались своим знанием, искусством, и потому надобно было у них выучиться. Отсюда с царствования Иоанна IV, именно с того царствования, когда над Востоком было получено окончательное торжество, но когда могущественный царь, покоритель Казани и Астрахани, обратив свое оружие на Запад, потерпел страшные неудачи, — с этого самого царствования мысль о необходимости сближения с Западом, о необходимости добыть моря и учиться у поморских народов становится господствующею мыслию

правительства и лучших русских людей. Как нарочно, новые беды, новые поражения со стороны Запада, несчастный исход борьбы с Польшою и Швециею после Смутного времени еще более укрепили эту мысль. Поворот или переворот стал необходимостью.

Но дело не могло обойтись без борьбы. У кого учиться? У чужих, у иноземцев, а главное, у иноверцев? Пустить чужих, иноземцев, иноверных к себе и дать им высокое значение учителей, так явственно признать их превосходство, так явственно подчиниться им? Что скажут люди, имеющие в своих руках исключительное учительство? Когда Годунов предложил вопрос о необходимости вызвать изза границы новых учителей, то старые учителя, духовенство отвечали, что нельзя, опасно для веры; лучше послать за границу русских молодых людей, чтоб там выучились и возвратились учить своих. Но известна судьба этих русских людей, отправленных при Годунове за границу: ни один из них не возвратился. Продолжительный застой, отсталость не могли дать русскому человеку силы, способности спокойно и твердо встретиться с цивилизациею и овладеть ею; застой, отсталость усложняли духовную слабость, которая обнаруживалась в двух видах: или человек с страшным упорством отвращал взоры от чужого, нового, именно потому, что не имел силы, мужества взглянуть на него прямо, помериться с ним, трепетал в суеверном страхе, как ребенок, которого ни лакомства, ни розги не заставят пойти к новой няньке, или когда преодолевал страх, то вполне подчинялся чужому, новому, не мог устоять пред чарами волшебницы цивилизации; второе явление поверяло первое. После несчастной попытки Годунова новой уже не делали, а между тем потребность учиться чувствовалась все сильнее и сильнее. Представилось средство удовлетворить этой потребности без страха пред иноверством. Подле Великой России была Малая, и обе силою известных обстоятельств влеклись к соединению в одно политическое тело; Малая Россия благодаря борьбе с латинством раньше почувствовала потребность просвещения и владела уже средствами школьного образования. Стало быть, великороссиянину можно было учиться безопасно у малороссиянина, который приходил в рясе православного монаха; можно было также учиться безопасно у грека православного. Отсюда в XVII веке, пред эпохою преобразования, мы встречаем непродолжительное время,

когда за наукою обращаются к малороссиянам или вообще западнорусским ученым и к грекам.

Но и это примиряющее средство не вполне могло помочь делу. Новые учителя, откуда бы они ни пришли, хоть бы из православной Греции, из православной Малороссии, необходимо сталкивались с старыми учителями, и отсюда борьба, которая вела к чрезвычайно важным последствиям. Молодой великороссиянин, поучившийся у малороссийского монаха по латыни и погречески, стал учение своего старого учителя, своего отца духовного, говорит, что и то не так, и другое не так, и что отец духовный многое неправильно толкует. Легко понять, как должны были смотреть на это отцы духовные. Светопреставление! Яйца курицу учат! Чего ждать доброго после этого? Ясное дело, что киевские монахи вместе с латынью учат разным ересям. Но мало того, что русские люди учатся бог знает чему в Москве у малороссийских монахов, хотят еще ехать в Киев, там учиться, в самом гнезде этой латыни; хороши оттуда воротятся! Так толковали в Москве в начале царствования Алексея Михайловича.

Раскол был уже тут, родился, родился из неминуемого столкновения старых учителей с новыми. Понадобилось исправить книги церковные для печати; поручили дело самым разумным, знающим из старых учителей, самым видным протопопам: книги исправили, напечатали, а новые учителя, греческие и малороссийские монахи, говорят, что дело сделано не так, что вместо исправления книги испорчены, и патриарх поручает снова исправлять книги новым учителям. Каково же старым? До сих пор они имели авторитет неприкосновенный, слыли знатоками, а теперь объявлены невеждами, опозорены на весь мир, и кем? Пришлыми киевскими и греческими монахами; да самито эти монахи что́ знают, чему учат! самито православны ли! Народившийся уже прежде раскол вырос. Легко понять впечатление, произведенное на многих объявлением старых учителей, не потерявших своего авторитета, что новые учителя, греческие и киевские монахи, принесли новизны, ереси латинские: западные русские люди давно уже связались с латинянами, да и греки отступили от православной веры и книги свои печатают в латинских типографиях. Большинство удержалось при авторитете церковного и гражданского правительства, принявшего сторону новых учителей; но известная часть народонаселения объявила себя на стороне старых

учителей, вследствие чего должна была отвергнуть авторитет церковного, а вместе с тем и гражданского правительства, «раскольщики, церковные мятежники» явились и мятежниками гражданскими, не признававшими власти, которая в их глазах гнала правую веру, власти антихристовой. То, что по известному закону бывает всегда и везде следствием внезапного освобождения от какого бы то ни было авторитета, произошло теперь и в России в области раскола. Отвергнувши раз авторитет церковного правительства, единое для всех обязательное учение и правило, раскол, не имея возможности составить из себя церкви с единым правительством, должен был распрыснуться на множество толков по множеству толковников, не сдерживаемых в своих толкованиях никакой властью, никаким авторитетом. После того как раз известный авторитет, власть отвергнута, является сильное стремление высвободиться от всякого авторитета, от всякой власти, от всяких общественных и нравственных уз. Гуситское освобождение в Чехии от авторитета римской церкви быстро повело к таборитству, к коммунизму, лютерово освобождение в Германии от авторитета той же церкви повело к такому же явлению в анабаптизме. Подобное же стремление к крайностям свободы явилось и у нас в некоторых раскольничьих толках.

Здесь, разумеется, может родиться вопрос: зачем было доводить раскольников до этих крайностей? Зачем было преследовать их за различие в обрядах, за буквы, за вещи несущественные? Отчего было не позволить им употреблять старые книги, оставаться при старых обрядах? Подобные вопросы, обличающие неумение отрешиться от настоящего времени и привычку переносить его требования в века минувшие, сильно вредят изучению истории, правильному пониманию прошедшего, а следовательно, и настоящего, связи между ними. Впервые, если православный говорил раскольнику, что может креститься, как хочет, то раскольник от этого не переставал называть православного слугою антихристовым за трехперстное сложение. Во вторых, одно явление поверяется другим. Если в XVII веке явились люди, которые, смешивая существенное с несущественным, готовы были умереть за двуперстный крест и т. п., то какое право получаем мы предполагать, что другие, употреблявшие трехперстное сложение, все вдруг поднялись на такую высоту, что могли отличать существенное от несущественного и снисходительно смотреть на

заблуждения меньшей братии? Люди, которых авторитету они подчинялись, сказали им, что трехперстное сложение правильное, они приняли это более правильное употребление и этим порознились от людей, оставшихся при двуперстном сложении; но во взгляде на важность дела они нисколько не рознились; как последователи двуперстного сложения были убеждены, что это необходимое условие для спасения, и считали крестившихся тремя пальцами врагами Божиими, слугами антихристовыми, с которыми нельзя иметь никакого сношения, точно так же должны были смотреть на них и противники их, ибо вовсе не было условий, по которым бы они могли смотреть иначе. Церковный мятежник! Мятежник против самого бога! Что могло быть хуже этого? Какое снисхождение можно было оказать такому человеку? Люди, которые преследовали раскольников за двуперстное сложение, эти же самые люди провозглашали, что брить бороду значило исказить в себе образ Божий и уподобляться псам или котам – ясный знак, что взгляд был везде один и тот же, вследствие чего могла быть только ожесточенная борьба без уступок и сделок. Перемена взгляда, умение отличать существенное от несущественного могли явиться при влиянии новых условий не ранее как с лишком через столетие, тут только явилась и возможность снисхождения, возможность уступок и сделок. Архиерей вроде московского митрополита Платона мог явиться только во второй половине XVIII, а не во второй половине XVII века, когда происходило, например, следующее: в 1655 году прислали белорусов в Вологду, и священники обратились к архиеерею с вопросом, пускать ли их в церковь и ходить ли к ним с требами? Архиерей к патриарху, и тот отвечал: «Если кто не истинно крещен, обливан, тех крестить снова, а умерших погребать».

Столкновение между старыми и новыми учителями повело к расколу, к церковному мятежу. С этим мятежом против своей власти и учения духовенство не могло так скоро сладить, как, например, светское правительство сладило с мятежом Стеньки Разина. Церковный мятеж сделался постоянным, духовенство приобрело постоянных внутренних злых врагов, которые нисколько его не щадили в своих жалобах и обличениях. Но обличения слышались не от одних раскольников. Общество, видимо, тронулось; началось колебание, тряска, которые не позволяли пребывать в покое. Тяжелое чувство собственных недостатков, сознание, что отстали, что у других

лучше и надобно перенимать это лучшее, учиться, не покидали лучших русских людей, отсюда стремление прислушиваться к чужим речам, обращать внимание на указания с разных сторон, что и то и другое не так. Такое время обыкновенно бывает богато обличениями, богато распоряжениями, хлопотами о прекращении сознанного, обличенного зла, о прекращении внешними средствами и потому бьющими обыкновенно мимо.

Вопиющее, кидавшееся в глаза и чужим, и своим зло было страшное пьянство. Иностранцы повторяли: «Нет страны в мире, где бы пьянство было таким общим пороком, как в Московии. Все, какого бы звания, пола и возраста ни были, духовные и светские, мужчины и женщины, молодые и старые, пьют водку во всякий час, прежде, после и во время обеда». Архиерей пишет окружное послание духовенству своей епархии: «Учили бы вы людей божиих каждый день с прилежанием. А как случится вам читать поучение от божественного писания, тогда б один читал, а другой за ним толковал, а хорошо, если б кто и читал и толковал сам, чтоб простым людям было что́ принять от вас. Видим, что в простых людях, особенно же и духовных чинах, укоренилась злоба сатанинская безмерного хмельного упивания, а такое сатанинское ухищрение многих людей отлучает от бога». Легко было написать: читайте и толкуйте, когда было тяжело, не было уменья к этому делу, да и нигде не водилось. Давно уже, в продолжение веков, повторялось о хмельном упивании как о сатанинском ухищрении, и все понапрасну. В обществах, подобных русскому XVII века, в обществах, слабых внутренно, всего крепче вера во внешнюю силу. Правительство распоряжается всем, может все сделать. Игумен бьет челом великому государю, что без царского указа ему нельзя справиться с братиею: «От пьянства бывает многая вражда и мятежи; иные священники, клирошане и простая братия в том обычае закоснели, и от такого нестроения игуменам бывают перемены частые, «без игуменов в монастыре проходило многое время и привыкли жить по своей воле». Царь шлет грамоты, чтоб в монастырях не держали хмельного питья, потому что усиление пьянства грозило иноческому чину совершенным разрушением. Но через несколько лет опять шлются царские грамоты по монастырям с новыми обличениями, следовательно, с признанием, что прежние указы остались без действия: «В московских, в ближних и дальних,

степенных и нестепенных монастырях архимандриты, игумены, келари и строители, казначеи и священники, и братья на монастырских погребах и по кельям у себя держат хмельное питье, вино, пиво и мед, и от того хмельного питья церкви божии бывают без пения. Архимандриты, игумены, келари, казначеи и соборные старцы во всех монастырях держат у себя детей, братью и племянников и внучат и дают им монастырский хлеб и всякий запас и из монастырской казны деньги; да они ж власти отпускают монастырских слуг в монастырские вотчины на жалованье, и как эти слуги с жалованья в монастырь приезжают, и с них берут власти, и дети их и племянники и внучата посулы и поминки, деньгами, вином и медом, куницами и всякими гостинцами; а кто их не почитит, тем, приметываясь для мзды, чинят побои и изгони большие; также и с монастырских вотчинных крестьян, от дел и не от дел, посулы и поминки берут. Да власти же ездят к мирским людям в дома на пиры и бражничают, и за то ссужают их монастырским хлебом и денежною казною». Прошло двадцать лет, и новгородский митрополит в своей грамоте повторяет: «Игумены, черные и белые попы и дьяконы хмельным питьем до пьянства упиваются, о церкви божией и о детях своих духовных не радеют, и всякое бесчиние во всяких людях чинится: сделать заказ крепкий, чтоб игумены, черные и белые попы и дьяконы и старцы и черницы на кабак пить не ходили, и в мире до великого пьянства не упивались, и пьяные по улицам не валялись бы».

Церковные соборы также не щадили обличительных резких слов. Собор 1667 года постановляет, чтоб священники учили детей своих и приготавливали их таким образом на свои места, а не оставляли детей своих наследниками мамоне, не торговали христовою церковию, не допускали ставить в священство сельских невежд, из которых иные и скота пасти не умеют, не только людей: отсюда в церкви божией мятежи и расколы.

В обличениях не было недостатка в XVII веке. Явление естественное и необходимое в переходное время. Негодование и сильные выражения насчет пьянства, невежества пошли в ход. Но кто обличал? Очень незначительное меньшинство, или, что еще важнее, обличали иностранцы, пришельцы, и русские обличали под их влиянием, по их указаниям. Обличения не помогают, не исправляют, когда нет внутренней, давней подготовки к исправлению, когда нет

условий, благоприятствующих этому исправлению; обличение может только заставить искать этих условий, и если общество юно и крепко, умеет жить, то эти условия и начнут производить свое действие, готовить общество к исправлению; но сколько для этого нужно времени? А между тем обличения, явившиеся вдруг, извне, без внутреннего приготовления, могут вести к печальным явлениям. Известно, что до указаний, сделанных во второй половине XVII века греческими и западнорусскими духовными лицами, правила, установленные Стоглавом, имели для всех авторитет непререкаемый. Но вдруг собор 1666 года постановляет: «Писано нерассудно, простотою и невежеством в книге Стоглаве, и клятва без рассуждения и несправедливо положена: мы, православные патриархи и весь освященный собор, ту несправедливую и безрассудную клятву разрешаем и разрушаем, и тот собор не в собор и клятву не в клятву и ни во что вменяем, как бы ее вовсе и не было, потому что Макарий митрополит и бывшие с ним мудрствовали невежеством своим безрассудно, восхотели сами собой, не согласясь с греческими и с древними харатейными словенскими книгами, со вселенскими св. патриархами не посоветовались и не спросили их». Действие было сильное, ошеломляющее. Невежи постановили, и целое общество опять по невежеству последовало безрассудным постановлениям. Тут, с одной стороны, сильный упор вследствие оскорбления разных чувств: «Все мы были невежды, отцы наши были невежды!» Сильное оскорбление вызывает вопрос: так ли? И заставляет решать его отрицательно. С другой стороны, и те, которые подчинились авторитету обличителей, признали свое невежество и невежество отцов своих, чрез это признание не получили вдруг средств освободиться от своего невежества и, кроме указанного греческими патриархами, на другие постановления того же Стоглава продолжали смотреть попрежнему, продолжали смотреть на несущественное как на существенное, продолжали освящать то, что вовсе не требовало освящения; преследуя одних за двуперстное сложение, преследовали других за брадобритие, за подстригание волос, за такие «еллинские, блуднические, гнусные обычаи» отлучали от церкви, отлучали и тех, которые имели общение с брадобрийцами.

Мы видели, что в 1655 году патриарх Никон отвечал вологодскому духовенству на вопрос о православных белорусах, что если они

обливаны, то надобно их крестить снова. В одиннадцать лет взгляд не мог перемениться; но вопрос поднялся извне: на соборе 1667 года два патриарха, александрийский и антиохийский, решили, что и латин перекрещивать не следует. Им представили на вид противоположное решение собора при патриархе Филарете 1621 года; патриархи не могли отозваться о царском деле, как отозвались о митрополите Макарии, и оговорились: «Если кто станет негодовать, зачем уничтожено постановление собора, бывшего при св. патриархе Филарете, то пусть не соблазняется и ведает, что и в древние времена один собор исправлял решения другого».

Но для некоторых соблазн был страшный: в короткое время разрушены были постановления прежних соборов, и один из них, древнейший, обвинен в невежестве и неразумии. Авторитету нанесен был сильный удар, почва заколебалась под ногами: думая удержаться от падения, одни обеими руками схватились за старое, за старые авторитеты; другие, допустивши движение, остановились на опасной полудороге, между двух огней, соединивши православие с бородою и длинными волосами. Правительство гражданское, думая ратовать за древнее благочестие, подало им руку. Патриарх Иоаким говорил впоследствии, что гнусный обычай брадобрития во дни царя Алексея Михайловича был совершенно искоренен. Действительно, мы знаем, например, что князь Кольцов Мосальский написан был из стряпчих по жилецкому списку за то, что у себя волосы подрезал. Но эти внешние средства могли ли помочь, в то время, когда новые учителя, новые авторитеты, требующие признания и подчинения, являлись не в виде только православных греческих и западнорусских монахов? Нудящие потребности государства были в таких науках, искусствах и ремеслах, которым не могли научить монахи. Волеюневолею нужно было обратиться к иноземным и иноверным учителям, которые и нахлынули и, разумеется, с требованиями признания своего превосходства. Превосходство было признано; важные лица наверху постоянно толковали, что в чужих землях не так делается, как у нас, и лучше нашего. Но как скоро превосходство иностранца было признано, как скоро явилось ученическое отношение русского человека к иностранцу, то необходимо начиналось подражание, а подражание это, по естественному ходу дел, начиналось с внешнего. Русский человек брил бороду, подстригал волосы, за это

его писали из стряпчих по жилецкому списку. Он преклонялся пред силою, но действие силы не могло уже получить оправдания в его глазах и потому сильно раздражало. Он хорошо знал, вследствие подчинения чьему авторитету правительство гражданское писало его из стряпчих в жильцы; но разве этот авторитет не был поколеблен? Разве обличения не произвели своего действия, не осветили того, что прежде в темноте было не видно? А тут целая толпа новых обличителей, разумеется, с сильно пущенным в ход словом *невежество*, с могущественными побуждениями к обличению, потому что столкновение между старыми и новыми учителями последовало, взаимная ненависть разгорелась: не молчал иностранец пред человеком, который не признавал в нем образа и подобия божия, который внушал, что надобно выжить вредного пришельца. И пришелец позволял себе не одни обличения и насмешки. До нас дошла любопытная челобитная коломничей на майора Цея с товарищами, которые «чинили им обиды и налоги великие, в торгах всякий товар грабили, людей по улицам били и грабили. Ночью, после барабанного боя, с солдатами по улицам ходили, попов хватали, били и увечили, отводили к майору на двор, запирали в подклеть и мучили для своей бездельной корысти; посадским людям в воскресенье в церковь ходить нельзя было».

При таком трудном положении русского духовенства во второй половине XVII века, в эпоху народного поворота на новый исторический путь, вместо поддержки с разных сторон – удары. Так, сильный удар нанесло ему Никоново дело. Повидимому, перед началом трудного времени история хотела дать духовенству могущественного вождя, который бы помог ему сдержать напор неблагоприятных обстоятельств и выйти с победою из борьбы. В самом деле, со времен митрополита Алексия русская церковь никогда еще не была в таком выгодном положении касательно значения своего верховного пастыря, как во времена Никона. Молодой, мягкий по природе благочестивейший не по одному титулу царь вполне подчиняется энергическому патриарху. Но это самое положение, это обилие материальных мирских средств и заключает в себе причину падения Никона, который, как человек плоти и крови, не выдержал искушения, прельстился предложением царств и пал. Никон позволил себе принять роковой титул «великого государя», т. е. главного

хозяина, главного правителя страны, титул, не могший иметь никакого отношения к значению патриарха; титул, прямо указывавший на двоевластие, на то, что два хозяина в доме, и влекший необходимо к столкновению между ними, тем более что Никон по природе своей не мог быть только титулярным великим государем. Патриаршество, высокое духовное значение стало для Никона на втором плане, он бросился на мирскую власть, захотел быть настоящим великим государем, столкнулся необходимо с другим великим государем, настоящим, законным, и проиграл свое дело, потому что стал в видимо для каждого незаконное положение. Поведение Никона с минуты отречения представило ряд скандалов, ронявших все более и более бывшего патриарха, который совершенно потерял из виду церковь, патриаршество и хлопотал только о том, чтоб ему, Никону, если нельзя возвратить вполне все прежнее, то по крайней мере удержать как можно больше из своего прежнего значения, из прежних материальных выгод; но в каком бы печальном состоянии ни находилось общество, все же оно не могло не оттолкнуться от человека, который великое общественное дело совершенно превратил в личное. Никон проигрывал свое дело тем, что вел борьбу с Алексеем Михайловичем, которого благочестие и благоговейное уважение к церковным властям было хорошо всем известно, и тем сильнее бросалась в глаза печальная противоположность между мягкостью представителя светской власти и жестокостью представителя власти духовной, архиерея, монаха, который скорее всякого воеводы готов был давать чувствовать свою власть и силу.

Таким образом, вторая половина XVII века представила явление совершенно обратное тому явлению, какое мы видели во второй половине XVI века. Тогда произошло также столкновение между представителями светской и духовной власти и, повидимому, победа осталась на стороне первого; но это было только повидимому. Поведение св. Филиппа, его мученичество за самое святое право пастыря церкви, право сдерживать силу, не допускать ее до насилий были великим торжеством для русской церкви и ее верховного пастыря, ибо высшая степень могущества, до которого может достигать духовная власть по своей природе, – это святость, это мученичество вследствие исполнения своей обязанности полагать душу за овцы, а низшая ступень, до которой может ниспасть

представитель светской власти, – это мучительство, мучительство над праведником. Никон по своей природе не умел понять этого великого явления, смотрел на него не духовными глазами: его поражало и раздражало видимое низложение представителя духовной власти представителем светской, он не понимал, что победил здесь тот, кто спас свою душу, погубивши ее. При таком непонимании сущности дела Никону хотелось, как он думал, поправить его и заставить царя Алексея Михайловича послать к гробу св. Филиппа умиловительную грамоту, просить прощение за Иоанна Грозного. Перенося мощи св. Филиппа из Соловков в Москву, Никон хотел их сделать щитом для себя, но в какой борьбе и с кем? Он не понимал, что по характеру своему был более похож на Иоанна Грозного, чем на Филиппа, был более похож на мучителя, чем на жертву, и что тишайший Алексей Михайлович не был вовсе похож на Грозного.

Недуховные стремления Никона были особенно вредны в то время, когда ввиду страшного переворота нужно было собрать нравственные силы духовенства и дать ему достойное вооружение для разного рода опасных встреч. Чтобы поддержать значение духовенства, нужно было стать в челе движения, совершавшегося без спросу с кем бы то ни было, нужно было начать преобразования в церкви; но эти преобразования нельзя было ограничить требованиями большего порядка во внешнем богослужении, рассылкою нескольких благонамеренных указов, причем посылались указы и о том, чтоб перекрещивать православных белорусов; церковь требовала преобразований другого рода. Нужно было соединять духовенство, разделявшееся на черное, властвующее, и белое, подчиненное, соединять любовными, благодушными отношениями властвующего к подчиненному; нужно было всеми силами противодействовать утверждению в духовном управлении системы кормления, чтобы на подчиненное духовенство не смотрели как только на тяглое, обязанное кормить начальствующих, чтоб эти начальствующие не заражались властелинским, воеводским духом и чтоб подьячие их не были похожи на воеводских подьячих. К несчастью, не только мелочной Иосиф, но и преемник его Никон по характеру своему не был способен мягко и благодушно относиться к подчиненным, уважать в них высоту пастырского сана и поднимать их этим самым уважением. Послышались сильные жалобы на Иосифа и Никона, что они

переменяли прежнее благодушное обращение патриархов с священниками, перестали обращать внимание на их положение, отдали их на жертву своему ненасытному дьяку, этому Кокошилову, приобретшему такую печальную известность в Москве: священник должен был дарить не только Кокошилова и жену его, но и слуг, иначе просителя и на двор не пускали.

В областях то же самое: в большие праздники подчиненным нужно было обдарить более сорока лиц, приближенных к архиерею: казначея, приказного, двух дьяков, шестерых подьячих, стряпчего, дворецкого, житника, ключника, ризничего, чашника, гвоздаря, придельного попа и дьякона, архиерейских келейников, казначейского келейника, пономарей и звонарей, приказного сторожа, воротного сторожа, протопопа с братиею, подьяконов, иеромонахов, иеродьяконов. Мы теперь не можем объяснить, каким образом в этот список даримых попали две женщины, и одна с двумя сыновьями, из которых каждого должно было дарить; про то знали современники. Для священника двери патриаршего дома были заперты, не смел он прийти к патриарху, поговорить о важных делах, касавшихся его служения, испросить разрешения недоумений, а для мирян, для женщин двери были отворены. Мы не можем отвергать этих жалоб на том основании, что они шли от защитников иосифовского исправления книг, ибо жалобщики соединяют Никона с Иосифом, упрекают Никона за то, что он подражал Иосифу. По удалении Никона наступило в церкви продолжительное междупатриаршие, которое также должно было иметь вредные последствия для духовенства в такое важное для него время. Знаменитый Кокошилов остался с прежним значением, и жалобы на него не прекратились. В 1661 году били челом на него патриаршие дети боярские: «Обогатясь многою домовою казною, начал ныне принимать в патриарший дом племянников своих и богатить их, а нас изгоняет и губит; принял он в патриарший дом племянника своего и отпустил его на две десятины лучшие, а прежде на те десятины посылаваны мы на жалованье, человека по два и по три, а иные десятины, на которых десятильничья доходу собирается побольше, Кокошилов берет за себя. Покупил себе многие вотчины и на Москве большие дворы. Делает это, надеясь на свою мочь, что сидит в патриарших приказах, *обрався* зятьями своими и друзьями». Наконец, соблазн Никонова дела был вреден православной церкви в

борьбе ее с расколом; раскольники получили возможность говорить: «Аще Никон, наставник ваш, правый путь вам обрете, то почто его изгнасте? Когда ученицы на учителя своего ратуют? Аще ли Никон враг богу и богородице и святым его и вам, то почто его пестрые законы держите?»

Кончилось Никоново дело; но печальное впечатление, какое оно должно было произвести, подновилось делом коломенского архиепископа Иосифа. Этот архиерей позволял себе сердиться на то, что при общей земской тяжести от продолжительных войн подати падали и на церковные имущества. Станет Иосиф *прохладен* (навеселе) и не щадит никого: ни царя, ни патриарха, ни бояр, говорит про великого государя, что «не умеет в царстве никакой расправы сам собою чинить, люди им владеют; прежние государи святыя места снабжали, а теперь разоряют, берут всякие подати лишние большие; а бояре, Хамов род, государь того и не знает, что они делают; а патриарх Иоаким мало и грамоте умеет; на соборе только и говорит нижегородский митрополит да я, а патриарх только бороду уставя сидит, ничего не знает, непостоянен, трус, прикажет благовестить то так, то иначе, а поучение станет читать, только гноит, и слушать нечего». Иосиф тронулся новым временем: позорит патриарха за невежество, за неуменье говорить на соборе, читать поучение. Но требовательный мудрец не понимал одного, что высшая мудрость для архиерея состояла в уменье самому привыкнуть и других приучить к христианскому обращению с ближними, заставляя дурного воеводу переменять свое обращение с подчиненными, а не самому превосходить жестокостями самого дурного воеводу; кого начнет смирять Иосиф, кричит: «Кто вас у меня отнимет? Не боюсь я никого, ни царь, ни патриарх вас у меня не отнимет». Виноватым наказанья были жестокие: били шелепами и плетьюми, сажали на цепи, дня по три есть не давали; холодною водою со снегом за заутренею соборных попов и певчих знобили, водою поливали, снег за пазуху клали, какогото Петрушу Кириллова сам архиерей на молебне в соборной церкви зашиб до крови; Попов бил плетьюми нагих и приговаривал: «Бей гораздо, мертвые наши!» Иосиф на соборе во всем заперся, на очных ставках против свидетельств никакого ответа не дал. Собор произнес низвержение; патриаршая грамота, перечисляя вины Иосифа, между прочим, говорит: «Зверским весьма образом и стремлением

уловляше овцы во снесь своего зверообразного глоснения, сиречь безмерного мздоимания и неправды. Ему же никоего же оправдания во своих винах нам изнесшу и от обличник своих во всем обличену и укорену бывшу и весьма яко нему и безгласну стояшу». Иосиф был сослан в один из новгородских монастырей, но с правом управлять им.

В ноябре 1674 года государь жил в Преображенском, вдруг приезжает к нему стольник Посников, сын его духовника, с челобитьем от отца; духовник писал, что патриарх Иоаким велел посадить его в смиренье на цепь безвинно, так чтоб великий государь изволил прийти в Москву и его из смиренья освободить. Можно догадываться, что весть о Конотопском или Чудновском поражении производила не более сильное впечатление на благочестивого царя. Он велел сказать духовнику, что будет в Москве завтра рано поутру нарочно; приехал, позвал самых близких к себе людей – Долгорукого, Хитрова, Матвеева, послал за патриархом; тот явился и «протопопово неистовство, невежество и мздоимство многое извещал: держит у себя жонку многое время, духовника патриаршего к себе не пустил и его, патриарха, бесчестил». Патриарх сердит, улики явные – жонка, от которой Иоаким уже успел отобрать показание. Царь с просьбами к патриарху, и тот умилился, оставил протопопа под запрещением до собора. Но скоро подошел патриарший праздник Петра митрополита (21 декабря); Иоаким по обычаю пришел во дворец звать государя к себе обедать; Алексей Михайлович воспользовался этим случаем и упросил патриарха простить духовника и не поднимать дела на соборе.

Такие явления происходили в Москве, в Коломне; но что могло происходить подальше, там, где было до бога высоко, до царя далеко? Из Тотемского уезда, например, дали знать, что там появились разбойники; в разбоях участвовал и грабежную рухлядь укрывал строитель Тафтенской пустыни старец Ферапонт.

Никон, Иосиф коломенский жаловались на разоренье, но общество не могло сочувствовать их жалобе, во-первых, потому что терпели все за общее народное дело, терпели все от войны, начатой за православие; во-вторых, все знали, что архиереи не разорены. В 1653 году посланы были государевы дворяне в патриаршую область описывать в городах и уездах приходские церкви и во дворах церковников, церковную землю, и всякие усадьбы, и прихожан по

именам и, описавши, окладывали данью: с попова двора по 4 деньги, с дьяконова по 2, дьячкова, пономарева, просвирницына и бобыльских по деньге; с боярских, княженецких, дворянских, детей боярских и государевых дворцовых или с приказчиковых по 6 денег с двора, с посадских и крестьянских по 4, с казачьих, стрелецких и пушкарских по 2, с бобыльских и боярских деловых людей по деньге; с бортных ухожаев, с рыбных ловель и бобровых гонов с знамени по 3 алтына с деньгою; с церковной земли с пашни с четверти по 3 деньги, с сенных покосов по две деньги с копны; да сверх этого окладу десятильничьих и за езду по 3 алтына по 2 деньги с церкви, да казенных платежных пошлин по 3 алтына по 3 деньги с церкви. И другие архиереи также окладывали для себя свои епархии. В пользу архиереев собирались также венечные и похоронные пошлины. Наконец, были и другие вспоможения. Ростовский митрополит Иона писал одному ярославскому священнику: «Помози тебе бог, что ты нас кормишь волгоскою свежеею рыбою; богатеи ты всех своих братья ярославских попов». Во второй половине XVI века, при Иоанне Грозном, на соборе было постановлено прекратить дальнейшее увеличение монастырской земельной собственности. Но постановление не соблюдалось. При составлении Уложения все светские чины били челом, чтоб государь указал вотчинные земли, которые даны духовенству после 1580 года вопреки Уложению царя Иоанна, взять на себя и велеть раздать их служилым людям. Велено эти земли переписать, но на этом дело и остановилось: царь Алексей Михайлович, особенно в патриаршество Никона, не был способен провести такую меру, а был способен продолжать нарушение постановления царя Иоанна; так, в 1654 году он дал Иверскому монастырю, который строил Никон, целый пригород Холм.

Алексей Михайлович отступился также от меры относительно детей белого духовенства. Не все сыновья духовных лиц и церковных причетников могли получить места при церквях: кроме того, что их было больше, чем мест, для занятия этих мест требовалось необходимое условие – грамотность, которому не все могли удовлетворить; безграмотный не мог поступить и в подьячие; что же ему оставалось делать? Правительству давали знать, что эти безграмотные дети белого духовенства «живут в гуляках, ходят за неподобными промыслами и воровством». Чтобы найти им лучшее

занятие в конце 1660 года, когда затянувшаяся война потребовала увеличения числа ратных людей, издан был указ о взятии на службу лишних людей священно и церковнослужительских: брать от двоих третьего, от четырех двоих, смотря по людям, а у церквей с отцами оставлять тех, которые умеют грамоте, чтоб у церквей без пения не было. Но указ, как видно, произвел сильные жалобы, а жалобы духовенства производили на Алексея Михайловича сильное впечатление, и в начале следующего года новый указ: «Мы, великий государь, протопопов, попов, дьяконов и всяких церковных причетников пожаловали, детей их в службу писать не велели, а велели им быть у церквей божиих в церковных причетниках, а иным в добрых и законных промыслах. Чтобы они детей своих, братью и племянников от всяких неподобных и воровских промыслов унимали, всякому доброму делу учили, чтоб они за воровством вперед не ходили, а которые захотят добровольно записываться в нашу службу, тем бы не запрещали».

Только Никон, Иосиф коломенский и подобные им могли жаловаться на разорение церковного имущества: его не разорили; но понятно, что в тяжелое время, а таким было почти все время царствования Алексея Михайловича, монастырям и архиерейским домам, как всем и мирским владельцам движимого и недвижимого имущества, было тяжело. У монастырей не тронули недвижимого имущества, не ограничили его распространения, но уничтожены были тарханы, жалованные грамоты архиереям и монастырям на *беспошлинные* промыслы; у монастырей брали деньги на жалованье ратным людям. Так, в 1655 году царь писал в Тихвин монастырь: «Ведомо нам учинилось, что у вас в монастыре есть деньги многие, и мы указали взять у вас на жалованье ратным людям 10 000 рублей; а в оскорбленье себе вы б того не ставили: как служба минется, мы те деньги велим вам отдать». Кроме того, правительство рассылало по монастырям тяжело раненных ратных людей; монастыри их кормили и одевали. Наконец, престарелые служилые люди по царскому указу постригались без вклада, тогда как все другие должны были вносить вклад. Мирские люди заключали иногда с монастырями следующие любопытные записи: «Вложися в Тихвинский монастырь N. N., а вкладу дал мерин рыж за 10 рублей да денег два рубли. И как он придет в монастырь к своему вкладу жить, и нам, игумену с братьею,

его принять и покоить, как и прочую братию, а не случится ему у своего вклада жити, пошлет бог по душу его, и нам его написать в литию и в синодик, в вечное поминовение».

Мы уже сказали, что обличения нравственной несостоятельности не могли произвести непосредственного доброго влияния, ибо не могли вдруг отстраниться те условия, которые ее производили. Главные условия были: застой, коснение, узкость горизонта, малочисленность интересов, которые поднимают человека над мелочами ежедневной жизни, очищают нравственную атмосферу, дают человеку необходимый отдых, необходимый праздник, уравнивают его силы, восстанавливают их, одним словом – недостаток просвещения. Отсутствие пищи для духа усложняло необходимо господство материальных стремлений, материальных взглядов. Церковь обличала эти стремления и взгляды, требовала их изменения. Но обличения и требования оказывались недействительными; церковь старалась внушить, что брак есть таинство, к которому должно приступать с благоговением, но общество смотрело на него другим взглядом и выражало этот взгляд в «нелепых козлогласованиях и бесстыдных словесах», с которыми провожали жениха и невесту в церковь. Иностранцы с изумлением описывают обычай мужчинам и женщинам мыться вместе в общественных банях; церковь вооружалась и против него, но обычай оставался надолго; он всего лучше объясняет нам реакцию, которая высказалась в заключении женщины в терем у людей знатных и богатых; одно явление необходимо вызывало другое. По свидетельствам, достойным полной веры, нигде, ни на Востоке, ни на Западе, не смотрели так легко, как в России, на гнусный, противоестественный грех. Иногда следствия были ужасны.

Благочестивый Алексей Михайлович считал своею обязанностию заботиться и о душевном спасении подданных: он требовал от воевод, чтоб они в походах силою заставляли ратных людей исповедоваться, понятно, что он должен был требовать этого от мирных граждан. В 1659 году было разослано по приказам повеление: дьякам, подьячим и детям боярским и всякого чина людям говеть на Страстной неделе. В следующем году указ: списки людей неговевших присылать в Монастырский приказ, и таким ослушникам указ будет с опалою, безо всякой пощады. В том же году приказано было в Филиппов пост всем

поститься и в церковь ходить каждый день. Еще в начале царствования издан был указ: в воскресный день и господские праздники не работать никому, в субботу прекращать работу, как заблаговестят к вечерне. Не работать: но что же делать? Правительство, которое брало на себя родительские обязанности в отношении к подданным – детям, запретило целый ряд увеселений и повсеместных суеверных обычаев: «В воскресные, господские праздники и великих святых приходить в церковь и стоять смиренно, скоморохов и ворожей в дома к себе не призывать, в первый день луны не смотреть, в гром на реках и озерах не купаться, с серебра не умываться, олову и воску не лить, зернью, картами, шахматами и лодыгами не играть, медведей не водить и с сучками не плясать, на браках песен бесовских не петь и никаких срамных слов не говорить, кулачных боев не делать, на качелях не качаться, на досках не скакать, личин на себя не надевать, кобылок бесовских не наряжать. Если не послушаются, бить батогами; домры, сурны, гудки, гусли и хари искать и жечь».

Таким образом, в обществе, в котором по известным причинам господствовало открыто стремление к чувственным удовольствиям, правительство предписывало монастырское препровождение праздников, дней отдыха. Батоги грозили одинаково и тому, кто пел на свадьбе непристойные песни, и тому, кто водил медведей, которых поводчики позволяли себе перед детьми самые безнравственные представления, и тому, кто качался на качелях и играл в шахматы! Угрозы были не на бумаге только: в 1669 году великий государь указал стольника князя Григорья Оболенского послать в тюрьму за то, что у него в воскресенье на дворе его люди и крестьяне работали черную работу, да он же, князь Григорий, говорил скверные слова. Но мы, к несчастью, знаем, как батоги и тюрьмы мало содействовали истреблению привычки, позорящей народ наш, и надеемся, что она истребится другими средствами.

Вместе с непристойными запрещены были самые невинные удовольствия. Но батоги и тюрьмы не грозили за порок, против которого слышались сильные вопли, которому все предавались, – наказания не было за пьянство. Пьянство, господствовавшее в Древней Руси, всего лучше показывает нам, с каким обществом имеем дело; человеку для восстановления, уравновешения сил своих необходимо покидать иногда будничные, ежедневные занятия и переноситься в

иной мир, переменять занятия и состояние духа: для человека образованного, для которого открыто широкое многообразие божьего мира и человеческой деятельности, эти переходы легки и естественны; но для человека, замкнутого постоянно среди немногих явлений бедной жизни, обыкновенно является стремление искусственными средствами, вином и опиумом или чемнибудь другим переходить в иное, возбужденное состояние, производить искусственно веселое, праздничное состояние духа, переноситься в другой, фантастический мир, *забываться*. Сам благочестивый и нравственный Алексей Михайлович любил иногда забываться таким образом. В 1674 году 21 октября было у государя вечернее кушанье в потешных хоробах, ели бояре все без мест, думные дьяки и духовник. После кушанья изволил себя тешить всякими играми, играл в органы немчин, и в сурну, и в трубы трубили, и в сурепки играли, и по накрам, и по литаврам били; жаловал духовника, бояр и дьяков думных, напоил их всех пьяных, поехали в двенадцатом часу ночи.

Главное зло для подобного общества заключалось в том, что человек входил в него нравственным недоноском. Для старинного русского человека не было того необходимого переходного времени между детскою и обществом, которое у нас теперь наполняется учением или тем, что превосходно выражает слово *образование*. В Древней Руси человек вступал в общество прямо из детскою, развитие физическое несколько не соответствовало духовному, и что же удивительного, что он является пред обществом преимущественно своим физическим существом. Быть может, скажут, что и в старину, до эпохи преобразования, русские люди учили детей своих и между старинными русскими людьми были люди грамотные, начитанные. Бесспорно, что некоторые учились, что были люди грамотные и между крестьянами, зато были неграмотные между знатью, и это всего яснее указывает на случайность явления. Дело не в том, что учились, но многие ли и чему, и как учились? Давно начались толки о необходимости завести училище, где бы учили не читать и писать только, но не ранее конца XVII века собрались учредить такое училище; главным препятствием делу был недостаток учителей, опасение, чтоб не взять учителей неправославных. До учреждения академии русский человек, хотевший учить детей своих, брал в дом учителя, какогонибудь западнорусского шляхтича; но многие ли

богачивельможи это делали? Да и примеры эти относятся ко времени перед самым преобразованием; люди, воспитанные таким образом, действуют уже в Петровскую эпоху, людям небогатым и незнатным, но хотевшим выучить детей своих грамоте, оставалось посылать их в школу, содержащую каким-нибудь учителем. Здесь учили читать и писать, кроме того, добросовестный учитель прочитывал перед учениками так называемые *азбуковники*, сборники, содержащие наставления, как ученики должны держать себя в школе, также высокопарные определения разных наук или мудростей, иногда и самое содержание наук, грамматики, риторики. Школу азбуковники называют *храмом учителей*, и этим всего лучше определяют старинную школу; хорошо также уясняет дело наставление азбуковников, чтоб ученики, уходя домой, не оставляли указки в книге и не бросали книг на скамейках, а отдавали бы их старосте или старшему, который должен прибирать их на место. Ученики обязаны были, по азбуковникам, носить воду в школу, к учителю в день недельный на поклон приходиться и от снадных брашен и пития ему приносить. Азбуковник, дававший несколько сведений, был роскошью, дополнением к обычному курсу, т. е. Часослову и Псалтырю, добрый учитель прочитывал ежедневно статьи его пред учениками; но и эти поверхностные учебники, заключавшие в себе всю школьную мудрость, являются поздно. Главное и постоянное было выучиться читать и писать, чтоб иметь возможность *заниматься делами*. Авторы азбуковников знали очень хорошо эту цель учащихся, т. е. родителей их, и привлекают к изучению азбуки, Часослова и Псалтыря обещанием, что после этого изучения ученику откроются все книги печатные и письменные «и всякие дела и крепости, откуда вразумляются и вчиневаются и чем устроятся». Как рано относительно образования молодые люди в старину вступали в жизнь и на службу, видно из того, что сын одного из самых образованных тогдашних вельмож, князя Василья Васильевича Голицына, Алексей, уже ездил в походы за государем, подавал челобитные о землях, и в то же самое время только начинал складывать писать. С одной стороны, древний русский человек начинал очень рано общественную деятельность недоноском относительно приготовления, образования, с неокрепшими духовными силами; с другой стороны, он делался самостоятельным очень поздно, потому что вместо широкой

нравственной опеки общества он очень долго находился под узкою опекою рода, *старых родителей* (старших родственников); но легко понять, как должна была действовать эта долгая опека на человека возмужалого, который сам был отцом семейства. Таким образом, два обстоятельства вредно действовали на гражданское развитие древнего русского человека: отсутствие образования, выпускавшее его ребенком к общественной деятельности, и продолжительная родовая опека, державшая его в положении несовершеннолетнего, опека, необходимая, впрочем, потому что, во-первых, он был действительно несовершеннолетен, а, во-вторых, общество не могло дать ему нравственной опеки. Но легко понять, что продолжительная опека делала его прежде всего робким перед всякою силою, что, впрочем, нисколько не исключало детского своеволия и самодурства.

Замечено, что особенно дают чувствовать свою силу низшим, слабым те, которые сами находятся или долго находились под гнетом чужой силы. Дети бывают безжалостны в отношении к пойманной стрекозе, к собаке, кошке; раб безжалостен к подчиненному ему рабу или животному. Естественное влечение упражнять свою силу над слабым господствует, если не сдерживается нравственными сдержками и если виден ежедневный пример несдержанности. Отсюда понятно, почему отношения мужа к жене и родителей к детям в древнем русском обществе не отличались особенною мягкостью. Человек, не вышедший из родовой опеки, становился мужем, т. е. с ним соединяли существо, незнакомое ему прежде, с которым он прежде не привык встречаться как с существом свободным. Молодой человек после венца впервые встречался с существом слабым, робким, безмолвным, которое отдавали ему в полную власть, которое он был обязан учить, т. е. бить, хотя бы и *вежливенько*, по правилу Домостроя. Легко предвидеть следствия, особенно когда еще обманули, показали красивую, а выдали безобразную, потому что «во всем свете нигде такого на девки обманства нет, яко в Московском государстве», — говорит Котошихин. Хлопотали, нельзя ли как обмануть и на царских смотринах; в 1670 году боярин Богдан Матвеевич Хитрово объявил: «Приходил ко мне доктор Стефан и сказывал: тому нынче дня с три съехался с ним на Тверской улице Иван Шихарев и говорил, что взята вверх племянница его Беляева для выбору, возили ее к боярину Хитрово, боярин смотрел у нее рук и сказал, что руки худы; смотришь

ты их, доктор Стефан, а племянница моя человек беззаступный, как станешь смотреть руку, и ты выступи». Доктор отвечал, что его к такому делу не призывают, да и племянницы его он не знает; на это Шихарев сказал: «Как рук у нее станешь смотреть, и она перстом за руку придавит, по тому ее и узнаешь», Шихарев повинился.

Неправильные отношения нравственно несовершеннолетнего мужа к еще менее совершеннолетней жене иногда вели к тому, что муж старался избыть жены, а жена мужа. Говорят, что часто употреблялось для этого крайнее средство, отравы. Мы не считаем себя вправе утверждать, что действительно это средство употреблялось часто, и остановимся на другом средстве, пострижении мужа от живой жены, и наоборот. Жена, постригаемая от живого мужа, называлась в отношении к нему *посестрией*, муж – *побратимом*. Одна такая посестрия подала жалобу, что побратим, избываяючи ее, бивал и мучивал, в подполы и в коник, крапивы настлавши, сажал и в соху впрягал. Оказалось, что она пострижена была неволею, в пустой избе, а не в монастыре, родственников ее при пострижении и у записи никого не было.

В случае убийства мужа женою Уложение постановило: казнить преступницу, живую окопать в землю и казнить ее такою казнию безо всякой пощады, хотя бы дети убитого и ближние его родственники и не захотели, чтобы ее казнили, не давать ей отнюдь милости, держать в земле до тех пор, пока умрет. О наказании мужа за убийство жены Уложение промолчало, но случаи представились: в 1664 году Иван Долгов убил жену за неверность; его наказали кнутом и отпустили на поруки. Но в Уложении ничего нет; воеводы поэтому не смели приговаривать к наказанию, отсылали в Москву; здесь руководствовались прежними примерами, сравнивая, соображая обстоятельства, при которых совершено было преступление. В 1674 году Тотемского уезда крестьянин Баженов повинился: убил свою жену за то, что утаила она у него два аршина сукна сермяжного, а больше вины ее не было, жил он с нею в совете; с пытки говорил то же. Воевода послал за указом в Москву. Здесь велели выписать случаи: стрельца Еремеева за убийство жены казнили смертью, убил ее в пьяном виде; другой стрелец, тоже пьяный, зарезал жену за невежливые слова; здесь уже была причина гнева, и потому убийце отсекали левую руку да правую ногу; то же самое велено сделать и с

Баженовым и потом освободить без поруки, «потому что убил жену не за великое дело».

Кроме неправильности и грубости семейных отношений, вредное влияние на народную нравственность оказывали дела насилия, совершавшиеся в обширных размерах: человек привыкал к случаям насилий, грабежа, смертоубийства – привычка пагубная, ибо ужасное становилось для него более неужасным, и при этом относительно своей безопасности он привыкал полагаться или на собственную силу, или на случай, а не на силу общественную, правительственную, и легко понять, как вследствие этого ослаблялось в нем сознание общественной связи, он привыкал жить в лесу, а не в обществе и вести себя сообразно этому. Жизнь в самой столице не представляла безопасности. На Западе в Средние века завидит путник замок, возвышающийся на скале, и трепещет: это разбойничье гнездо; в Москве в XVII веке чем выше и обширнее был дом, тем опаснее он был для прохожего, не потому чтобы сам владелец дома, боярин или окольный напал на прохожего и пограбил его, но у этого знатного боярина и окольного несколько сот дворни, праздно и дурно содержимой, привыкшей кормиться на счет каждого встречного, будь это проситель к боярину или просто прохожий. Люди боярина князя Юрья Ивановича Ромодановского позвали с товарами старосту Серебряного ряда к себе на загородный двор и убили до смерти; они повинились сверх того в убийстве 20 человек и говорили на свою братию дворовых людей. На Дмитровке не было ни проходу, ни проезду от людей Родиона Стрешнева, князей Голицына и Татеева. По Коломенской дороге должны были высылать за разбойниками по 300 стрельцов. В 1675 году велено чистить дороги по причине разбойных пристанищ, чтоб около Москвы разбоев и душегубства большого не было, чистить от Москвы длиннику 50 верст, а по берегу по 100 сажен. Так было в Москве и около Москвы; что же подалее, где пропьются крестьяне, – первое дело разбой, где и строитель пустыни участвовал в разбоях, скрывал пограбленную рухлядь. Любопытно колебание в уголовных законах относительно воров и разбойников: в 1663 году велено было наказывать воров и разбойников вместо смертной казни отсечением ноги и левой руки, но в 1666 году членотсечение отменено и опять введена смертная казнь; потом опять введено членотсечение.

Но русский человек XVII века был робок, чувствовал себя небезопасным вследствие не одних разбоев, он окружен был опасностями другого рода, от которых не было возможности защититься никаким оружием. Вот какая, например, беда постигла жителей города Шуи: «Приезжают в Шую к чудотворному образу смоленской богородицы из многих городов и уездов мужской, женский и девичий пол, привозят одержимых нечистыми духами, и страждущие в молебное время мечтаются всякими различными кознодействиями и кличут на уездных людей, что их портят: кликала Ирина Маурина на Федьку Якимова, и по царскому указу Якимов взят в Суздаль и кончился злою смертию». Принимались меры против порчи, для отпуска свадьбы приглашался знающий человек, который умел отворотить всякое лихо, но и это не помогало. В шуйскую земскую избу пришел посадский человек и извещал: «Была у нас свадьба, женился брат мой, и на свадьбе приключилась над матерью нашею и снохою скорбь, стали кликать в порче, а отпускал свадьбу от всякого лиха шуянин посадский человек Гришка Панин; а на другой день после свадьбы пришел к нам в дом тюремный сторож Палатов, взял с нас посулу денег 10 алтын 4 деньги, да шапку, да два перстня, да ширинку, да платок миткалевый и взялся мать и сноху от скорби отходить, но он их в целом уме не поставил». Однажды тот же город Шуя был встревожен, собрали всех жителей и спросили по указу суздальского архиепископа: «Не видел ли кто и не слыхал ли, как соборный поп Иван ездил на медведе?» Все отвечали, что от слуху не слыхали и виденьем не видали. В 1674 году в Тотьме сожжена была в срубе при многих людях женщина Федосья по оговору в порче; при казни она объявила, что никого не портила, но что перед воеводою поклепала себя, не перетерпя пыток. Для характеристики времени приведем еще два любопытных случая дьявольского навета. В 1671 году на дороге в Польшу пойман был подозрительный человек Ивашка Клеопин, который при допросе в Торопце показал: «Называет он новгородца Алексея Кириллова сына Клеопина отцом себе, а жену его Марью матерью и жил у них, а кто у него родной отец был, и про то ведает Алексей Клеопин, а принес его Ивашка с Москвы в младенчестве Новгородского уезда, Бежецкой пятины, Телбовского погоста, церкви Николая Чудотворца бобыль Гришка Абакумов и отдал ему, Алексею, и крещен у него, Алексея, в дому, и называл он, Алексей, его, Ивашка,

царевичем. 6 августа на Телбовском погосте, на церковном крыльце, говорил он шестерым дворянам, что он, Ивашка, пойдет в Польшу, и чтобде за него в Польше стали, а называться было ему в Польше царевичем Алексеем Алексеевичем и наговаривать поляков, чтоб шли на Луки войною, и дворяне сказали ему: «Куды себе хошь, туды и поди». Слышал он от жены Федора Клеопина Анисьи, сказывал ей Телбовского погоста поп Кузьма про него, Ивашку: такойде он великий человек, а не сумеет за себя стать, а тот поп – еретик и еретические книги знает и у себя держит, а грамоте и писанью учился он, Ивашка, у него, попа Кузьмы Григорьева, а про еретичество слышал от 18 дворян. На Мошенском погосте Петр Лупандин называл его царем, а слышал то Данила Чоглоков, и он, Ивашка, его, Петра, за такое слово и за бороду драл». Все оговоренные лица отреклись, что ничего не слышали и не говорили. Поп Кузьма и 16 человек дворян сказали, что Ивашка Клеопин умврежен, а умвредство ему учинилось тому шестой год, и почал забываться в то время, как он был на государевой службе, отца своего родного и мать хотел саблею сечь, а брата своего посек саблею, иконы божественные и книги словами бесчестил, и за людьми гонялся, и в лес бегивал, и говаривал, что он, Ивашка, прощал и исцелял многих людей, и над матерью своею родной хотел неистовственное дело учинить, и сам ножом резался, и в огонь бросался, и платье на себе драл. Отец Ивашки, Алексей Клеопин, объявил, что Ивашка 20 лет с лишком от него из деревни бежал в лес, потому что умврежен, и говорил всякие многие непристойные слова, и называл себя великим человеком царевичем, и бил он, Алексей, на него челом новгородскому воеводе, и хотел его везти в Новгород к расспросу. С пытки Ивашка говорил: отец его родной Алексей Клеопин, а царевичем стал называться собою, потому что умврежен наветом дьявольским, и в Польшу было пошел собою наговорить поляков, чтоб шли войною на Луки Великие, а в прежних своих речах всех поклепал, потому что умврежен наветом дьявольским. Ивашку повесили.

Другой случай был в Москве. В 1651 году Федор Шиловцов в допросе объявил: «Отдан он в Чудов монастырь под начал черному попу Илье, да с ним же сидел под началом иноземец Кроковский, и он испил у того иноземца квасу, и у него в брюхе почало шуметь, и чаает, что в те поры он испорчен. И после того ходил он по отпуску из монастыря к себе на двор и, пришед в монастырь, учал говорить

псалтырь, и в те поры перед ним зашумело, как бы пролетел ангел или бес; и ангел велел ему богородицы образ со стены снять, для того что непригоже образам кланяться, и он, сняв со стены образ да крест, положил на землю, и крест начал впрядывать, и он на образ и на крест вступал ногами, а то дело божье учинил он, то не просто, по ангелову велению. А начал он помышлять, недель с десять и больше, что иконам кланяться не подобает, потому что бог на небеси, а то образ божий». Когда ему сказали, что бог невидим, мы св. иконы почитаем, а иконная честь на первообразное восходит, то он отвечал: «Всякому человеку можно бога умными очами видеть. Тому недели три или четыре говорил ему Казенного приказа дьяк Захар Онуфриев: худо у нас то учинено: где торгуют хлебами и калачами, тут торгуют и образами, и ему, Федору, с тех пор вместилося в мысль о иконах, что не подобает поклоняться. Не стало Кодашевца Рагозина, а ему, Федьке, был друг большой, и он по нем тужил и плакал долгое время, и от той кручины ходил вне ума, и начал мыслить о св. иконах, достойно ли поклоняться, потому что иконы пишут мужики простые и пьяные небреженьем и продают в торгу просто, и как государь праздновал в соборной церкви Ризе господней, и он, Федька, начал себе мыслить: как он деньги, которые, будучи на денежном дворе, крал, объявит и отдаст, и государь его пожалует, вину его отдаст и начнет его, Федьку, жаловать, и он, надеясь на государеву милость, начнет государю говорить, что бог на небеси, а иконам достойно ли поклоняться? Чтоб государь велел свидетельство учинить, и будет достойно иконам поклоняться, и государь бы указал для икон устроить двор особый и писать те иконы всем иконописцам справчиво, и приставил бы к иконному делу честных людей. И как он был в Чудове монастыре под началом и приведен был в келью, и тут стоял образ Спасов нерукотворенный, и он, Федька, начал на тот образ смотреть, и тот образ начал претворяться разными видами».

Подобные явления имели одинаковую силу и в верхних слоях общества. При царе Михаиле на стольника Илью Даниловича Милославского (будущего тестя царя Алексея) подкинули письмо, будто у него хранится волшебный перстень знаменитого дьяка Грамотина; Милославского долго держали за приставом, пересматривали все пожитки. При царе Алексее обвинен был в волшебстве родственник царский, боярин Семен Стрешнев, и это

обвинение не прошло ему даром: у него отняли боярство и сослали в Вологду. Подкинута была письма и на Матвеева с обвинениями в волшебстве из желания помешать браку царя Алексея на воспитаннице Матвеева Нарышкиной.

Экономическая и нравственная несостоятельность общества были признаны; народ живой и крепкий рвался из пеленок, в которых судьба держала его долее чем следовало. Вопрос о необходимости поворота на новый путь решен; новости являлись необходимо. Сравнение и тяжелый опыт произвели свое действие, раздались страшные слова: «У других лучше», и не перестанут повторяться слова страшные, потому что они необходимо указывали на приближающееся время заимствований, учения, время духовного ига, хотя и облегченного политическою независимостью и могуществом, но все же тяжелого. Дело необходимое, но тяжелое не могло сделаться легко, спокойно, без сопротивления, которое вызывало борьбу, вело к перевороту, т. е. к действию насильственному. Церковные преобразования пошли и от своих, от православных, но мы видели, как они были встречены, и свои православные, показались неправославными. Относительно собственно науки, учения, здесь остановились: не хотели принимать учителей неправославных, учителями могли быть только греки и западнорусские ученые. Но иноверцы заходили толпами с другой стороны, в виде наемных офицеров, мастеровых всякого рода, заводчиков, лекарей. По естественному ходу дела новое должно было явиться в виде вещей непосредственно полезных, должно было начаться с мастерства. Кроме того, цивилизация закинула уже свои сети на русских людей, приманивая их к себе новыми для них удовольствиями и удобствами жизни. Часы, картина, покойная карета, музыкальный инструмент, сценическое представление – вот чем сначала малопомалу подготавливались русские люди к преобразованиям, как дети приманивались игрушками к учению. Все это уже мы видим в Москве в описываемое время, в царствование Алексея Михайловича.

Понятно, что заморские штуки должны были появляться сперва наверху, во дворце и в домах знатных людей, где было больше знакомства с заморским и больше средства приобретать заморские диковинки. Простым людям запрещалось забавляться музыкою, велено было искать и жечь музыкальные инструменты, потому что, как явится музыка, так непременно примешается тут какоенибудь суеверие и

бесчинство; но на пиру у царя «играл в органы немчин, и в сурну, и в трубы трубили, и в суренки играли, и по накрам и по литаврам били». Не надобно забывать, что воспитателем царя Алексея Михайловича был западник Морозов, который еще при царе Михаиле шил немецкое платье своим воспитанникам царевичам и всем детям, воспитывавшимся с ними вместе. В царствование Алексея подражатели Морозова размножились, самые близкие к царю люди были самые большие охотники до заморского и дарили государя иностранными вещами: Богдан Матвеевич Хитрово подарил ему полукарету; Матвеев подарил царю карету черную немецкую на дуге, стекла хрустальные, а верх раскрывается надвое; царевичу Федору подарил карету бархатную, около кареты письмо живописное. Во всей христианской Европе начатки драматических представлений, или так называемые мистерии, находились в тесной связи с богослужением, содержанием их служили события священной истории. И у нас было подобное в *Пещном действии* (ввержение трех отроков в пещь в Вавилоне), в шествии патриарха на осле в Вербное воскресенье. Еще при царе Михаиле русские послы, возвращавшиеся из Варшавы, рассказывали о театральных представлениях, которыми потешался король во дворце своем; при сыне Михаила подобные представления происходят и в Москве для великого государя. Содержание пьес бралось из св. писания, сочинял их обыкновенно монах Симеон Полоцкий, из комедий светского содержания упоминается ТемирАксаково действо; книга эта была наверху, у великого государя, но игралась ли пьеса – неизвестно. Разыгрывали комедии немцы и дворовые люди Матвеева. В 1674 году была в селе Преображенском комедия, тешили иноземцы, как Алафернуцарю царица голову отсекала, и на органах играли немцы да люди дворовые А. С. Матвеева. Другая комедия была дана в присутствии царицы, царевичей и царевен, тешили немцы и люди Матвеева, как Артаксеркс велел повесить Амана. Дело дошло и до балета: на заговенье была потеха – немцы и люди Матвеева играли на органах, на фиолях и на страментах и танцевали. При описании этих новостей нас останавливает одно обстоятельство, что на представлении были царица и царевны; важно также известие, что царица сопровождала царя и на охоту. Начальником немцев, потешавших великого государя, был Иоган Годфрид, при нем «перспективаго письма мастер» Петр Инглес. Но

одних приезжих немцев и дворовых людей Матвеева оказалось недостаточно для «комедийных действий»: в 1673 году Матвеев приказал в Новомещанской слободе из мещанских детей выбрать 26 человек в *комидианты* и отвести в Немецкую слободу к магистру Годфриду. Так основалось в Москве театральное училище прежде Славяногреколатинской академии! Но и этих учеников не хватало, брали подьячих и отсылали к магистру Иогану Годфриду для научения комедийного дела.

Прежде других школ устроена была театральная школа для потехи великого государя, но по всему было видно, что и другие школы не замедлят; сильно чувствовалось, что отстали, сильно чувствовалось и громко говорилось, что надобно учиться. В литературе, как и во всем быте, явственны признаки приближения нового времени. Быт русского народа до эпохи преобразования вполне выражается в его поэзии; одних ее памятников достаточно для верной общей оценки этого быта. Поэтому нам необходимо остановиться на памятниках древней народной поэзии, тем более что если памятники народного творчества обуславливаются бытом народа, то, как обыкновенно бывает в истории, в свою очередь оказывают могущественное влияние на быт.

Вслушавшись внимательно в эту длинную и однообразную песню русского народа, которую он заводит от Киева и Царягорода и ведет через Волынь, Галич, Чернигов, Новгород, Москву к Казани, Астрахани и Сибири, мы видим ясно, что это народ, проживший восемь веков в одинаковых исторических условиях. Любимый образ фантазии певцов – это богатырьказак, названия однозначные. Как в X, так и в XVII веке русский мир был на Украине; как в X, так и в XVII веке человек, которому было тесно в избе отцовской, у которого «сила по жилочкам живчиком переливалась, которому было грузно от силушки, как от тяжелого беремени», отправлялся в степьполе, где ему легко найти, на ком попробовать свою силу молодецкую. Многие переменились в государственном строю России с X до XVII век, от времен ласкового киевского князя Владимира до времен великого государя царя Алексея Михайловича, всея Великие и Малые и Белые России самодержца, но удалыцы попрежнему шли в степь *поляковать* (от *поле*), на Дону образовалось большое военное братство удалых *полениц* (опять от *поле*), где каждому богатырю можно было набрать себе дружину и идти на подвиг. Таким образом, для народа была

возможность через целый ряд веков петь свою песню на один лад, потому что содержание ее было живо перед его глазами; богатырь не умирал в казаке, и наши древние богатырские песни в том виде, в каком они дошли до нас, суть песни казацкие о казаках. Знакомый с этими песнями знает, что самое видное место между богатырями занимает Илья Муромец; он обыкновенно называется старым казаком и прямо донским казаком, атаманом донских казаков: «Помутился весь тихий Дон, помешался весь казацкий круг; что не стало у них атамана, что старого казака Ильи Муромца». Разбойники, испуганные его силою, просят его, чтоб взял их к себе в товарищи, в донские казачонки.

Молодой человек чувствует тяжкий груз силы, чувствует тоску по степи и говорит матери: «Ай же ты, государыня моя матушка! давай же прощеньицеблагословеньице: поеду я во далечедалече чисто поле, хочу разгонять бурушка косматого, хочу поразмять своего плеча богатырского, спробовать силыудали молодецкие. Долго ли мне жить во глупом во малом во ребячестве, ходить мне дома по улице широкие, с ребятами тешиться?» Пока молодой человек не вырвется в чисто поле, все он будет жить в глупом, малом ребячестве: от глупого ребячества до возмужалости нет переходного времени образования! Страшен бывал сильный человек, вырвавшийся прямо из глупого, малого ребячества на полную волю, в чистое поле, и начавший разминать свое плечо богатырское. Песни превосходно изображают нам эту расходившуюся силу, которая не сдерживается ничем; эти поэтические изображения объяснят нам не одно явление не только в древней, но и в новой нашей истории, которая не могла разом отрешиться от старых условий. Илья Муромец, рассердившись, что его не позвали на пир, стреляет по божьим церквам, по чудным крестам и отдает золоченые маковки кабацкой голи на пропив, хочет застрелить князя Владимира с княгиней. Когда Василий Буслаев расходился в бою с новгородцами, то не пощадил крестного отца; мать, чтоб унять расходившегося богатыря, заходит сзади и падает на плеча могучие; богатырь говорит ей: «Ты, старушка лукавая, толковая! умела унять мою силу великую, зайти догадалась позади меня. А ежели б ты зашла впереди меня, то не спустил бы тебе, государынематушке, убил бы заместо мужика новгородского».

Богатырь в поле, в степи; первое его дело набрать себе дружину таких же богатырей, таких же полениц удалых. Чем же занимается атаман с дружиною? Ловят зверей и птиц, рубят суденышко дубовое и выезжают в море ловить рыбу – таковы были казацкие занятия в степи. Богатырьказак не охотник до женитьбы и не очень высокого мнения о женщине: «Хороша жена – чужая корысть, а худато мнека ненадобна». Песня знает два рода женщин: богатырок, которые обыкновенно и чародейки, и женщин – теремных затворниц. Первые, понятно, не могут отличаться женственностью, но некоторые из них с силою физическою соединяют и нравственную, как, например, *грозная* Настасья Никулишна, которая не хочет пережить смерти мужа, не хочет выходить за его убийцу; вторые изображаются с характером, соответствующим их теремному воспитанию, т. е. совершенно без характера. Девушка – дорогая вещь, и потому ее запрятали в терем, чтоб не подвергнуть никакому враждебному влиянию, и тем больше в ней достоинства, чем она больше отстранена от всяких влияний, в этом полагается вся похвала; она красавица и отлично убережена: «Сидит она в тереме в златом верху, за тридесатью замками булатными, на ню красное солнышко не оппекет, буйные ветрушки не оввеют, многие люди не обгальтятся (не глазеют)». Братья хвастаются сестрою: «Что есть у нас сестрица, из терема не ходит, белил с лица не ронит, бела лица не кажет». Ее просватывают, но приезжает богатырь, врывается к ней в терем, она отдается без сопротивления; потом встречается прежний жених, прельщает ее обещанием лучшей доли, и она передается ему; новый муж скоро гибнет, и несчастная женщина в самом печальном положении: «От бережку я откачнулась, к другому бережку не прикачнулась». Богатырь жестоко мстит ей за неверность.

Богатырьказак выделился из толпы, ушел из общества в степь в сознании своей силы, своего преимущества или изгнанный из общества, которое не могло позволить ему среди себя расправлять плечо богатырское; дело неестественное, чтоб он стал уважать толпу, щадить *мужиков*: «Как начали они (богатыри) мужиков чествовать, чествовать мужиков, жаловать, оплетьми они нахлыстывать; тут клянутся мужики, проклинаятся: а будет трое проклят на веку тот бы, кто с вами, с молодцами, свяжется да заведет драку великую. Нахлыстали мужиков они долюбви». Василий Буслаев, образец новгородских казаковушкуйников, позвал новгородских мужичков на

пир, но кормилпоил только свою дружинушку храбрую, а мужиков посылал взащей да всутычь.

Богатырьказак представлял противоположность оседлому земскому человеку, занимающемуся мирным промыслом. Богатырьказак, которому было грузно от силушки, как от тяжелого беремени, не мог по этому самому успокоиться, должен был находиться в беспрестанном движении, *подвигах*, он гуляет из земли в землю. Богатырьказак может жить только в широкой степи, в городе он жить не может: «Отправлялись тут могучие богатыри что на поле, на Куликово. Ведь в Киевето нельзя им жить; разгуляются, распотешатся, станут всех толкать; а такие потехи богатырские народу было не вытерпеть, которого толкнут – тому смерть да смерть». Богатырьказак не мог быть в городе и воеводою: «Не дай, господи, делати с барина холопа, с холопа дворянина, из попа палача, из богатыря воеводу».

Земский человек работает, богатырьказак *гуляет* по широкому полю, *полякует*; но с понятием о гулянье было необходимо связано понятие о зеленом вине, о царева кабаке, и степной богатырьказак был очень хорошо известен древнему русскому человеку, известен как записной гуляка, охотник до зелена вина. Илья Муромец, самый почтенный из богатырей, пьет в кабаке вместе с голями кабацкими.

Наконец, сила перестает по жилочкам живчиком переливаться, от нее уже не грузно более, как от тяжелого беремени, богатырьказак стареет. Приближается смерть, суд, надобно будет расплатиться за то, что смолоду было много бито, граблено, надобно душу спасти, средство к тому – монастырь. Молодые смеются над старым богатыремказак: «Пора ти, старому, в монастырь идти!» И беда старому, если пропустит эту пору, встретится в чистом поле с чудовищем, которого не осилит, это чудовище – смерть; он замахнется острой саблею, но рука застоится в плече, не согнется, сабля выпадет из руки; тщетно взмолится богатырь, чтоб смерть дала сроку хоть на три года, хоть на три часа, чтоб имение по церквам разнести, золоту казну по нищей братии; смерть ответит: «Не дам я тебе сроку: твое имение неправедное, золота казна не заработана, и твоей душе не будет помощи». Зашатается богатырь на добром коне и упадет на сыру землю.

Богатырьказак есть герой народной исторической песни в продолжение осьми веков, потому что во все это время

богатырствоказачество налицо и потому что во все это время идет одна и та же борьба в чистом поле с степными кочевниками, с этим *идолищем поганым*, как олицетворяется кочевник в песне; богатыриказаки, как обитатели того же чистого поля, главные участники в этой борьбе; это самая чистая, самая поэтическая сторона их деятельности. Борьба в степи и на Украине идет постоянная, с одним и тем же характером, отсюда и песня тянется через восемь веков с одними и теми же лицами, с одними и теми же действиями этих лиц. Если в народных песнях обыкновенно смешиваются лица, действия и местности, то тем большее смешение должно было господствовать в нашем народном эпосе именно по продолжительности и однообразию восплаемого явления. Одно и то же происходило и при Владимире I, и при Владимире Мономахе, и при Дмитрии Донском, и при Алексее Михайловиче, потому, как раз пропелась песня о Кievo, о ласковом князе Владимире и об известном числе богатырей, так к этим местностям и лицам и начало приставляться все последующее из той же бесконечной борьбы, из того же бесконечного ряда подвигов. Мамай осаждает Киев, тут же и Куликово поле, тут же и Ермак, ставший племянником князя Владимира.

Но, кроме борьбы с степняками, были и другие исторические явления, которые не могли не поразить воображение народа, не могли не отозваться в его песнях, как, например, борьба с Литвою. Поразил воображение народа первый царь Иоанн Грозный, покоривший три царства татарских, страшными казнями выведивший измену из Москвы и Новгорода. Грозный в песне так говорит на пиру: «Повынес я порфиру царскую из Царяграда, и повывел я измену с каменной Москвы, уже я выведу измену из Новагорода». Осталось в народной песне страшное событие в семействе Грозного – убиение сына отцом. Спелась песня и про таинственное лицо самозванца, и про жену его, чародейку Марину, и про любимца народного, князя СкопинаШуйского. Наконец, от царствования Алексея Михайловича в песне осталась память о знаменитой борьбе с Польшею за русские земли. Песня начинается собором: царь Алексей Михайлович выходит из церкви, от долгой обедни, становится на Лобное место и объявляет боярам, купцам и солдатам: «Пособите государю думу думати: надо думать крепка дума, не продумати». Король (шведский?) просит Смоленска, а вместо его дает Химскую (Китайскую) землю.

Соглашаться ли на промен? – спрашивает царь. За бояр отвечает князь астраханский, говорит, что Смоленск – строение не московское, а литовское, что в городе нет ни стрельцов, ни казны и потому надобно согласиться на мену. Государю не понравились эти речи; он обращается к купцам, вместо которых отвечает князь бухарский, говорит то же самое, что и астраханский. Государь обращается к солдатам, вместо них отвечает Данила Милославский, что Смоленск – строение московское, а не литовское, что в нем много стрельцов, много казны, что надобно за него стоять. Обрадованный государь жалует Милославского смоленским воеводою, астраханского князя вешает, бухарскому рубит голову. Любопытно, что правительство допускало на соборах свободу мнений, но народ, верный старым вечевым обычаям, не допускает ее в произведениях своей фантазии и заставляет царя казнить смертью людей, мнения которых не понравились.

Понятно, что появление в XVII веке богатыряказака, какого еще не бывало, Стеньки Разина, сильно отозвалось в песне; сам старматер казак Илья Муромец является при Разине есаулом только. Так, самый видный из богатырей отодвигается уже на второй план. Но в Великой России новое богатырство, или казачество, благодаря существованию крепкого государства никогда не играло главной, исключительной роли; Разины, богатыри, которые в старину, в богатырские эпохи, делались основателями государств, тут гибли от государства, да и не много было Разиных; вот почему в Великой России имена старых богатырей и сохранились. Другое дело в Малой России: здесь казачество разгулялось широко, его деятельность, его борьба с крымцами, турками и поляками явилась на первом плане, исключительно овладела безраздельно народным вниманием и воображением; здесь казак Хмельницкий чутьчуть не сделался основателем нового государства, родоначальником новой династии, здесь поэтому старый казак Илья Муромец не удержался при нем даже и есаулом, здесь старые богатыри совершенно исчезли. Притом же в широкой степи было очень бурноветрено: здесь старина, как и все, плохо держалась, разносясь буйным ветром на все четыре стороны. На севере, в лесу, все удобнее удерживалось, удерживалась и старина.

Кроме своих песен и сказок, русский человек охотно слушал и читал сказки иноземные в переводе, каким бы путем они к нему ни приходили, лишь бы удовлетворяли потребности высвободиться из

узкой среды будничной жизни, перенестись в другую, новую, более широкую сферу, к делам выше обыкновенных. Сначала эти иноземные сказания, византийские, переходили на Русь в южнославянских, сербских и болгарских переводах, потом, в XVII веке, западноевропейские сказания переходят преимущественно при посредстве польской литературы. Так, уже давно любимым чтением русского грамотного человека были сказания о подвигах Александра Македонского. В XVII веке была известна у нас в русском переводе знаменитая в средневековой европейской литературе троянская история Гвидона Мессинского. В западноевропейских литературах XVII век был временем упадка рыцарского романа, который уже становится здесь чтением простонародья; у нас же во второй половине XVII века западный, рыцарский роман в переводе с польского усердно читается в высшем грамотном обществе, что свидетельствует значительное количество списков, является во дворце, между книгами царевичей, под названием «потешных книг». Это явление служит также указанием того возраста, в каком находим народ наш в описываемое время, возраста детского, когда фантазия преобладает и требует чудесного; рыцарский роман – родной брат нашей богатырскоказацкой песне и сказке, а потому должен был найти радушный прием в русском обществе XVII века, и западный богатырь Буовод 'Антон стал таким русским Бовойкоролевичем. Посредством переводов с польского русские люди XVII века познакомились с нравоучительными повестями. В начале XVII века толмач греческого и польского языка Федор Гозвинский перевел басни Эзопа, который, по словам переводчика, «нравоучительная к нам сей беседует и в притчах полезная к житию дарует». Этот перевод не был единственным в XVII веке. В то же время переводились с польского огромные средневековые сборники нравоучительных повестей – *Gesta Romanorum* (дела римские), Зерцала, собрания анекдотов о знаменитых людях, особенно из греческой и римской истории, так называемая «Апофегмата»; наконец, переводились с польского сборники *фацеций*, т. е. смешных и скандальных рассказов и анекдотов, острых слов и шуток (смехотворные повести). Знакомство с иностранными повестями не осталось без влияния, и мы видим в XVII веке попытки к русской повести, где описываются любовные и другие похождения русских людей. Одна из дошедших до нас таких повестей, более древняя, еще

связана теми условиями, в которых в старину обыкновенно являлась в русской литературе повесть, сказание, т. е. условиями религиозными. Любовные и служебные похождения одного купеческого сына в царствование Михаила Феодоровича озаглавливаются так: «Повесть зело предивная града Великого Устюга купца Фомы Грутцына о сыне его Савве, как он даде на себе диаволу рукописание и как избавлен бысть милосердием пресвятой богородицы казанские». Другой дошедший до нас образчик русской повести, «История о Фроле Скобееве», уже свободен от этих древних условий.

Но поворот общества на новую дорогу, столь слышный в XVII веке, обозначался не тем только, что переводились и переписывались западные повести, потешные книги, смехотворные повести. Действительно, Запад сманивал русского человека и комедийным делом, и потешною книгою; но поворот главным образом сказывался в том, что признана была необходимость учиться у Запада, в том, что переводились и переписывались грамматики, арифметики, лечебники, космографии. По русской географии еще с конца XVI века был известен «Большой чертеж земли русской», возобновляемый и дополняемый в XVII веке, вместе с книгою «Большой чертеж», описанием Московского государства по дорогам и рекам. Понятно, что более всего нуждались в книгах люди, часто сталкивавшиеся с западным миром, люди, которые должны были знать, что там делается, в этом мире, которого превосходство так кидалось в глаза. Понятно, что прежде всего нуждались в книгах во дворце и в Посольском приказе, и книги строились в двух экземплярах: один брался наверх, к великому государю, другой отдавался в Посольский приказ. Посол, отправлявшийся за границу, преимущественно в Польшу, привозил с собою большое количество польских и латинских книг. Князь Репнин-Оболенский, будучи послан в Польшу в 1653 году, по государеву указу купил там следующие книги: 1) лексикон славянорусский – дано 4 ½ злотых польских; 2) гранограф Пясецкого – дано 10 злотых; 3) дикционер, или лексикон Гданский, на трех языках: на немецком, латинском и польском – дано 15 злотых; 4) Гвагвин – дано 40 злотых; 5) Библия на польском языке – дано 50 злотых; 6) книга – описание Польши – дано 24 злотых да от переплету 6 злотых; 7) конституция нынешнего 1651 года, дано левок, всего куплено книг на 25 злотых.

Легко представить, что два знаменитых начальника Посольского приказа, два знаменитых западника, Ордин-Нащокин и Матвеев, будут самыми усердными собирателями иностранных книг: в 1669 году Ордину-Нащокину прислано было изза границы 82 латинские книги. Справки непосредственно по русским летописям и хроникам иностранным были тяжелы, явилась необходимость делать из них выборки, а прежде всего составлять наглядные генеалогические таблицы с *парсунами* (портретами) государей и их гербами, причем как для царя, так и для Посольского приказа необходимо было означить, какой российский государь с какими иностранными государями имел сношения. Матвеев в Посольском приказе с товарищами своими, с приказными людьми и переводчиками, сделал «Государственную большую книгу, описание великих князей и царей российских, откуда корень их государский изыде, и которые великие князи и цари с великими ж государи окрестными с христианскими и с мусульманскими были в ссылках, и как великих государей именованья и титулы писаны к ним; да в той же книге писаны великих князей и царей, и вселенских и московских патриархов, и римского папы и окрестных государей всех персоны и гербы». Персоны эти писали иконописцы Иван Максимов и Дмитрий Львов пять месяцев. Великий государь указал этой книге быть в Посольском приказе, а себе и сыну своему царевичу Федору Алексеевичу указал сделать две такие же книги и в прибавку написать персоны детей своих всех и польских королей с Стефана Абатура (Батория).

В этом же роде дьяк Грибоедов построил «Историю, сиречь повесть, или сказание вкратце о благочестнодержавствующих и святопоживших боговенчаных царях и великих князех, иже в Российской земли богоугодно державствующих». Труд Грибоедова представляет генеалогическое перечисление лиц с прибавлением витиеватых похвал; цель – вывести род московских государей и примкнуть к ним новую династию. Перечисление государей начинается с Владимира Святого. О переходе первенствующего значения от южных князей к северным говорится так: «По преставлении же великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха, Российское царство начат разделятися на многие начала и первоначальство же Киевское и с честию начинашеся преходити инамо. Истинный же наследник отечества Российского царствия

великий князь Георгий Долгорукий, иже бысть седьмой сын великого князя Владимира Маномаха, аще и не в Киеве тогда начальствуя, но в Суждале государствуя и в Ростове, честию же преспеяя паче всех братьий своих». Описав изгнание из Киева Игоря Ольговича Изяславом Мстиславичем, автор говорит: «Великий же князь Георгий Владимирович тогда государствуя в богоспасаемом граде Москве, обновляя в нем первоначальственное скиптродержавие благочестивого царствия, идеже ныне благородное их семя царское преславно царствуют». Перечислив сыновей Долгорукого, Грибоедов продолжает: «Из них же учинися Российского царствия наследник истинный коренеплодитель, первоначальствующим российским самодержцем богохранимый великий князь Всеволод. И уже тогда киевские велиции князи подручны бяху владимирским самодержцам, в граде бо Владимире тогда начальство удерживавшеся пришествием чудотворного образа богоматери, с ним же прииде из Вышеграда великий князь Андрей Георгиевич и державствовал. А брат его, сей великий богохранимый князь Всеволод Георгиевич, государствова в Переславли, а оттуда по брате его призваше его во Владимир владимирстии люди и тако над всеми владомыми в Российскойей земли бысть един всем любим самодержец, такожде и сам всех любя и самодержествуя». Ярослав Всеволодович является старшим сыном Всеволода; о нашествии татар ни слова. После Невского автор сейчас же переходит к Даниилу московскому: «Понеже убо тогда честь и слава великого княжения восхождаше на боголюбивый град Москву». За Даниилом непосредственно следует Калита, за Калитою прямо Иоанн II. Симеон Гордый пропущен. Об Иоанне Грозном такой отзыв: «Еще же и житие благочестно имея и ревностию по бозе присно препоясуясь и благонадежные победы мужеством окрестные многонародные царства прият, Казань и Астрахань и Сибирскую землю. И тако Российские земли держава пространством разливашеся, а народи ее веселием ликовашу и победные хвалы богу воссылаху». О первом браке Грозного говорится: «Законному браку сочетася, избра себе он, великий государь, по своему царскому достоинству богомудрую супругу, аки светлый бисер или анфракс камень драгий, всечестную отроковицу и блаженную дочь некоего вельможи Романа Юрьевича Романова». Следует похвала Анастасии. После царя Феодора следует известие о происхождении Романовых: «От матери

его Анастасии Романовны родословие сице: в древних летех в Российское царствие выехал из Прусские земли государя прусского сын Андрей Иоаннович Романов, а прусские государи сродни Августу – кесарю римскому». Книга, оконченная в 1669 году, первоначально состояла из 36 глав и заключалась длинным описанием объявления царевича Алексея Алексеевича наследником. Впоследствии прибавлены известия о смерти царицы, царевичей, самого царя Алексея Михайловича и о восшествии на престол Феодора Алексеевича.

Любопытно сравнить это произведение московского дьяка с современным произведением малороссийского ученого, с знаменитым Синописом Гизеля. Малороссийский ученый начитался польских книг, коротко познакомился с Стрыйковским и высказывает свою ученость тем, что производит русский народ от Мосоха, сына Яфетова, название руссов производит от рассеяния, имя славян от славы, которую предки наши снискали воинскою храбростию, говорит о помощи, поданной славянами Филиппу и Александру Македонским. Основатели Киева, Кий с братьями, происходят от Мосоха; Аскольд и Дир названы потомками Кия; варягов автор называет славянами, а через несколько строк говорит, что князья варяжские пришли от немец; Аскольд и Дир, названные прежде потомками Кия, являются мужами Рюрика, и дело соглашено так: «Беста у Рюрика, князя великоновгородского, некая два нарочита мужа, о них же не бе тамо известно, аще идоша от колена основателя и первого князя киевского Кия». По смерти Ярослава I автор перемешивает князей и события, опуская главное, выставляя незначашее, сопоставляя разноречивые свидетельства об одном и том же событии, как, например, говорит, что Владимир Мономах добыл цепь, пояс и шапку княжую от старосты Кафинского, которого поборол на поединке, и на другой же странице говорит, что все эти вещи были присланы Мономаху из Византии. О Северной России мы не находим ничего в Синописе, и после взятия Киева Батыем автор прямо переходит к длинному описанию Мамаева побоища; потом обращается опять к Батыю, к его походам на запад; перечисляет князей северных и южных, говорит о перенесении митрополичьего престола из Киева прямо в Москву, о взятии Киева Гедимином, о разделении митрополии, об учреждении патриаршества

в Москве, о превращении княжества Киевского в воеводство, о присоединении Киева к Москве – кратко, в общих чертах.

Таковы были первые попытки, первый младенческий несвязный лепет русской историографии у нас на севере и юге. Разумеется, мы не решимся отдавать преимущества одному сочинению перед другим, заметим только, что царский характер истории Северной России резко сказался в сочинении московского дьяка. Записывание современниками важнейших общих или наиболее занимавших их, наиболее к ним близких событий не прекращается ни на севере, ни на юге; но составление летописных сборников в старой форме останавливается, и вследствие новых потребностей являются сочинения вроде «Истории о царях» или Синописа. Наверху у великого государя были уже книги *Василиологион* – персоны ассирийских, перских, греческих, римских царей и великороссийских великих князей и царей; в 1675 году Матвеев приказал построить еще два экземпляра Василиологиона. В Посольском же приказе при Матвееве построены были книги: Мусы, или Седьмь свободных учений в лицах; о Сивиллах; Хрисмологион на откровение сна Даниилом пророком Навуходносору о четырех монархиях; история о мужественнейших в воинских ополчениях ассирийских, перских, еврейских, греческих, римских царях и великороссийских великих князьях и царях. Слагал эти книги и собирал из различных книг Посольского приказа эллиногреческого языка переводчик Николай Спафарий да подьячий Петр Долгов. Старанием Матвеева же построена была книга о важнейшем событии для новой династии, о избрании на царство Михаила Федоровича.

В 1650 году вызваны были в Москву два киевских ученых монаха, известные нам Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский, для перевода с Библии греческой на славянскую речь и для риторского учения, дано им жалованья – поденного корму по 4 алтына, питья с дворца по 2 чарки вина, по 2 кружки меду, по 2 кружки пива. В предисловии к Евангелию, переведенному Славинецким, говорится: «По кончине патриарха Питирима царь указал, а собор благословил переводить Библию всю иеромонаху Епифанию Славинецкому, назирати же дело и трудящихся снабдевати указал государь Павлу митрополиту сарскому. Епифаний выбрал себе в помощники Сергия, бывшего игумена путивльского Молчинского монастыря; Евфимия,

монаха Чудова монастыря; Никифора, иерея справщика книг; Моисея, иеродиакона Чудова монастыря; Михаила Родостамова и Флора Герасимова, книгописцев книг печатного дела, Симеону же Полоцкому не изволи отец Епифаний у дела сего быти того ради, зане аще и учен бе, полатински точию, гречески же ниже малейше чтолибо знаше. Павел митрополит устрой в дому своем, сущем вне града Москвы, именуемом Крутицы, на горах высоких и крутых над рекою Москвою, тихом сущем месте и безмолвном, приличном делу сему, храмины приличные содела и вертоград разных видов древ и цветов и зелий всяких насади, и источник ископа тещи сладководный за утешение и оградю огради яко ин некий рай». Епифаний мог перевести только Новый завет, потому что умер в 1676 году.

Но старцы не могли ограничиться переводом Библии и риторским ученьем; Епифаний перевел «Уставы гражданоправительственные» из первой книги Фукидидовой истории и из конца панегирика Траяну Плинием младшего; с латинского: географии 2 части – Европу и Азию; книгу врачевскую – анатомию Андрея Вессалия Брукселенска; о убиении краля Аггельского (английского короля Карла!), гражданство и обучение нравов детских. Сатановский перевел большой сборник *О граде царском*, или Поучение некоего учителя именем Мефрета, собрано от 120 творцов греческих и латинских, как внешних философов, стихотворцев и историков, врачей, такоже и духовных богословцев и сказателей писания божественного. А писано в той книге имена и свойства, или естественные природы, различных многих зверей четвероногих, птиц, рыб удивительных морских, змиев и всяких пресмыкающихся, камней драгих, бисер, древес всяких, моря, рек, источников, лесов, четырех стихий: воды, земли, воздуха, огня. Обретаются же еще повести на всякую вещь, философов, царей, врачевание на многовидные болезни, обычаи различных языков, положение стран, высбрь гор, различные семена, злаки травные, притчи и иная многая собранная и в едином месте совокупленная. А сложено то все разумом и прикладом в троице св. единому, ко ангелам, к человеку и его добродетелем и злобам, такожде и к коварству демонов и к похвалению святых божиих, к хулению же еретиков удивительным прировнянием и свидетельством Ветхого и Нового завета писанные и с толкованием учителей церковных приводятся. И таковыми приводе и чудным остроумием сочинены поучения на

целый год, на все недели и на праздники господские и богородичны и на святых и на всю четырехдесятницу по две и по три, всякое же поучение таково есть пространно, что от всякого мочно два и три и четыре и пять поучений соделати». Сатановскому за перевод этой книги велено было давать по гривне на день вместо прежних четырех алтын.

Из обзора этих книг, переводившихся и *строившихся* преимущественно для дворца и Посольского приказа, мы видим, что вследствие пробудившейся потребности знания особенно нуждались в таких книгах, из которых бы можно было поскорее узнать как можно более необходимых вещей. Для взрослых людей, хотевших быть и слыть образованными, всего нужнее были краткие учебники и энциклопедии, чтоб из немногих книг узнать как можно больше. Но если старик Морозов в разговоре с учеными иностранцами горько жаловался, что в молодости не получил образования, то люди, подобные Морозову, которых становилось все больше и больше, необходимо должны были прийти к мысли дать образование своим детям, чтоб они после не жаловались, будучи принуждены сами, без руководств и опытности, узнавать коечто из коекаких переводных книжек. Поэтому неудивительно, что сперва во дворце, а потом и в домах вельможеских мы видим при детях наставников, людей, способных из многих книг собрать разного рода знания и живым, легким способом передать их молодым людям и при этом, главное, сообщить им средство самим потом продолжать учение, т. е. сообщить им знание иностранных языков.

Первыми и сначала исключительными наставниками царевичей были подьячие, которые учили их грамоте, читать и писать. Разумеется, из подьячих выбирались для этого безупречные чтецы и краснописцы и также люди нравственные, приятной наружности и с хорошими манерами, т. е. чтоб умел «крест сполна класть пописаному и поклон вести поученому». Учителем царевича Феодора Алексеевича был подьячий Посольского приказа Памфил Белянинов. Но одним подьячим в царствование Алексея Михайловича уже нельзя было довольствоваться и вызван был наставник другого рода. Здесь, разумеется, употреблена была та же сделка, которая вообще употреблялась у нас в XVII веке для введения образования: иностранцаиноверца призвать не хотели, призвали ученого

западнорусского монаха, Симеона Петровского Ситиановича, известного более под именем Полоцкого – по месту происхождения.

Симеон Полоцкий был образцом домашнего учителя, какой требовался у нас в XVII, XVIII и даже в XIX веках: выучить детей всему, но без принуждения, уметь подсластить науку, приохотить к ней; но, кроме учения детей, домашний учитель должен быть годен и на другие послушания в доме; именины господина или госпожи: домашний учитель пишет поздравительные стихи и речи; пишет театральные пьесы; умрет ктонибудь в семействе – у домашнего наставника готовы и жалобные стихи. Таков был и Симеон Полоцкий, ходячая энциклопедия, неутомимый борзописец, умевший писать обо всем, ловкий собиратель отовсюду чужих мнений и старающийся представить их занятно, заставить выучить их шутя; разумеется, от такого человека нельзя требовать оригинальности, самостоятельности. Мы видели переводы энциклопедий вроде «Града царского», сборников с анекдотами о знаменитых людях, замечательных изречений: Полоцкий, зная языки латинский и польский, собирает отовсюду анекдоты, изречения, определения и все это переводит стихами, виршами, в виршах излагает главные события Ветхого и Нового завета, историю римских императоров, «того ради да присвойственную себе сладостию сердцам читателей приятнейши суще, аки нуждею влекут я ко читанью частейшему и удобнее памятию содержаться могут». Войдем же в учебную комнату царевича и посмотрим, что Полоцкий предлагает в виршах своему ученику. Он говорит ему о *гражданстве* и предлагает определения семи греческих мудрецов, внушая, что все они хороши:

Како гражданство преблаго бывает
Гражданствующим знати подобает.
Разная седми мудрых суть мнения,
Но вся виновна граждан спасения:
Премудрый Виас даде слово свое
Гражданство быти преизрядно тое
В нем же закона, яко царя, боятся
И царя, яко закона, страшатся.
Хилон то блажит, где законов слушают,
Велесловных же ритор не глашают.

Клеовул паки той град похваляет,
Где бесчестия всяк ся устрашает
Гражданин, паче закона самого
На преступника в книгах писаного...

и т. д.

В виршах Полоцкий представляет своему ученику образец доброго начальника:

Пастырь с овцами образ предлагает,
Како нам жити в мире подобает;
Пастырь начальны знаменует люди,
Стадо подданных в образ нам буди,
Едаже пастырь стадо присещает,
Овца на пути не лежит, но встает,
Аки честь ему хотяще творити.
Взаим же пастырь овцы соблюдает,
И на рамах си блудные ношает.
Тако начальник должен есть творити
Бремя подданных крепостно носити
Не презирати, ни за псы имети,
Паче любите яко своя дети.
И то в памяти выну содержати,
Яко земля тех и его есть мати.
Пастырь жезлом укрощает стада,
Женет на паству, женет и вную града:
Тако начальник жезлом да управит,
Винна накажет, невежду наставит,
Обаче косен да будет язвити,
Идежде довле есть, токмо страшити.

В виршах описывает добродетели, приличные державным, прежде всего благочестие, потом:

Вторая сану начальных прилична
Есть добродетель в мире необычна:
Та смирение есть божественное
Христом господом вконец храненное.
Имать начальник в памяти держати,
Яко не в веки будет обладати:
Смерть бо, пришедши, хочет власть отъяти.
С прочими людьми в персти сравняти.
Третье властей добротворение
Еже хранить им рассуждение
Во всяких делах, а не уповати
На един свой ум, выну вопрошати
Умных совета, тако бо вершити
Благо вся мощно, а не погрешите.
Очеса лучше видят, неже око,
Никто о себе да держит высоко;
В мнозе совете есть спасение,
В едином уме поползновение.
Четвертая есть добродетель властей
Правду хранить. Блюсти от напастей
Подчиненные, и чести давши
Достойным, а не на злато смотрети,
Равно судити мала и велика
На лице зрети прещает владыка.
Не яко сеть им закон да бывает
Юже не крепку паук соплетает:
Та бо животно мало уловляет
Большее сети самые терзает.
Не буди тако, но един суд буди
Всем иже в единой области суть люди.

В виршах высказал Полоцкий господствовавшее правило тогдашнего воспитания детей:

Плевелы от пшеницы жезл тверд отбивает,
Розга буйство из сердец детских прогоняет.

Родителям деревянный жезл буди на чада,
Да не страждут железна от судии града:
Уне в дому деревяным в детстве оны бити
Неже возросших градским железом казнити.
Моисий донележе жезл в руце си держаще,
Не что ино, точию жезл деревяный бяше;
Егда же поверже, в змия превратися,
Даже и Моисий его зело устрашися:
Тако аще на чада жезл в руках бывает
Отчих, наказания жезл он пребывает,
Не могущ умертвити. Аще же пустится
Из руку, тогда в змия люта претворится,
Абие бо ко грехом чада ее склоняют
И, теми уязвлени, бывше умирают.

Пришлец, достигший важного значения при дворе, явившийся в Москве с опасными преимуществами учителя, оскорблявшими самолюбие старых учителей, Симеон Полоцкий не мог не столкнуться с последними, имевшими за собою толпу; он столкнулся с архиереями, которые опирались на свое важное архипастырское значение, а Симеон Полоцкий опирался на свое образование, дававшее ему сильный голос при решении важных вопросов, опирался на свое положение, на свой вход наверх; Симеон Полоцкий столкнулся с самим патриархом Иоакимом, тем более что не отличался смирением Епифания Славинецкого, скромного келейного труженика, а патриарх Иоаким, как мы видели из дела духовника царского, не любил, чтоб кто-нибудь из духовенства, опираясь на свое положение наверху, забывал о своем непосредственном подчинении святейшему. О Полоцком пошли толки, что его учение не совсем правильно; обвинение страшное при тогдашней подозрительности относительно новых учителей. Полоцкий благодаря своей ловкости, недоступности таким обвинениям, каким был доступен, например, духовник Савинов, удержался, но не мог не выразить своего негодования на пустые толки толпы, на которые не следует власти обращать внимание, не мог удержаться, чтоб не задеть и архиереев.

Не веруй убо гласу общему народа,
Ищи в деле правды чловеча рода,
Слово ветр развеваает, а кто тому верит
Безрассудно, срамоты мзду себе возмери

Об архиереях Полоцкий сложил вирши:

Архиереем к тому сущим в благодати
Желал бым речение *образ* приписати,
Ежебы не точию истину учити,
Но и житием святым образы всем быти.

Понятно, что Полоцкий должен был усердно проповедовать в пользу нового порядка вещей, наступление которого и дало ему важное значение в Москве, наверху у великого государя. Между виршами его находится любопытное указание на то, как пример сверху должен способствовать распространению просвещения:

Франтиск именем первый краль францийский бяше
Сей яко писание и мудрость любяше
(Ея же родители его не любяху,
Но подобием варвар в простоте живяху)
Абие честных дети писаний взискаша —
Кролевску люблению тако угождаша.
И бысть в мале времени мудрость расширена,
Образом краля во все земли умножена:
Обычай бо есть в людях царю подражати,
Еже ему любезно – всем то возлюбляти.
Благо убо есть царству, егда благи нравы
Царствуяй восприемлет, ради всех исправы.

Полоцкий провозглашает о необходимости научного образования и в проповедях своих. Так, в слове на день Рождества Христова проповедник от лица патриархов александрийского и антиохийского, именем божией премудрости, рожденной в Вифлееме, умоляет русских

людей взыскать науку, потому что она свет умственных очей и правило всему житию человеческому. Обращаясь от лица патриархов к царю, он убеждает его основывать школы, умножить спудеов (студентов) своею милостию и вниманием, сыскать хороших учителей и всех почестями поощрять к трудолюбию.

Ревнитель просвещения, призванный в Москву для его распространения, Симеон Полоцкий в проповедях своих напал на старых учителей, священников, за их невежество: «Великим нерадением их и всеконечным небрежением о духовных детях, премногие несмысленны люди, как бессловесные овцы, от пути правого жития заблудились и в пропасть погибельной жизни уклонились... Многие невежды, не бывшие никогда и нигде учениками, смеют называться учителями... по правде это не учителя, но мучители. Оттого умножилась в людях злоба, преуспело лукавство, волхование, чародейство, разбой, воровство, убийства, пьянство и нелепые игрища, грабежи, хищения и тому подобное, наконец и восстание против власти. Виною всего этого преимущественно неуменье и нерадение духовных отцов: не учат и не наставляют детей своих духовных».

Одними обличениями в невежестве нельзя было вдруг сделать всех священников сведущими и искусными проповедниками, и потому в числе проповедей Полоцкого находим слово, написанное им для того, чтоб священники читали его проповеди своим прихожанам. Но любопытно взглянуть на деятельность одного достойного священника, который явился подражателем Полоцкого в отдаленном углу России. Именитый человек, Григорий Дмитриевич Строганов, «истинное всем российским вельможам и богачам ясное светило по благочестию», отличался в Пермской стране своею щедростию, гостеприимством и любовью к церковному благолепию. В своем отчинном городке Орле он построил церковь похвалы Богородицы, завел при ней отличный хор певчих и стал искать отличного священника; ему сказали, что есть такой в Соликамске, и Строганов поспешил перезвать его к себе в Орел, принял с большою ласкою и почетом и стал уговаривать ко введению новизны, говорению проповедей. Священник, слыша, что в России (так в Пермском краю называли центральные московские области) по многим городам говорят устно поучения, согласился подражать проповедникам, но как это сделать? Взять проповеди

Симеона Полоцкого – слог неудобен: простейшим людям «за высоту словес» тяжело слышать; взять переводы проповедей Златоуста – их не понимают не только слушающие, но и читающие, не только миряне, но и священники, прямо говорят, что писаны иностранным языком. Священник взял беседы Златоуста, но стал излагать их простейшим языком, иногда наизусть, иногда по тетради. Но эта попытка не прошла даром нововводителю: начали его бранить, смеяться над ним, не щадили укорительных слов, подучали друг друга не слушать его проповедей, кричали: «Прежде здесь были священники добрые и честные да так не делали, жили попросту, и мы жили в изобилии; а этот с чего взял вводить новизны?» Неудовольствие происходило оттого, что прежние священники жили слишком попросту, не имея уважения к самим себе, к своему званию, не умели внушать прихожанам уважения к себе и потворствовали мирянам, которые привыкли смотреть на священника как «на последнего раба», привыкли распоряжаться церковным уставом, порядком службы, как им хотелось: священники не прекословили. Священники в восстании на орловского нововводителя приняли сторону недовольных мирян. Но нововводитель не остался у них за это в долгу и громил их в проповедях своих. «Пастыри наши не о стаде Христове прилежат, но о злате и серебре, о рабах предходящих, о колесницах и конях, о зданиях и селах, о вина множестве, о риз украшении. Обретаются в роде моем такие слепые вожди, думают, что мудры, а на деле грубейшие невежды, говорят: что нам в книгах учительных? Достаточно Часослова и Псалтыря. Правду говоришь, достаточно, если кто знает силу в них написанного, но это знание далеко от тебя и от разума твоего. Безумец! сидя за полными чашами в корчемнице, ты рассуждаешь, в корчемнице ты велеречив, а в церкви связан безгласием, пленен неразумием. Говорят, что довольно, если священник книгу читает пред народом в церкви, а устное учение укоряют и еретическим называют. Безумец! кого к еретикам причисляешь? патриархов, пророков, апостолов! Теперь святители и священники пьянства ради и человекоугодия, желая власти и виноград Христов презирая, высокую честь и достоинство свели в бесчестие, укоризну и посмеяние: сего ради не от царей и князей, но от худых людей, как от шелудивой овцы и от смрадного козла, пастырь бедный срамоту, хуление, злоречие, досаждение и биение, узы и смерть

принимает. О прочем помолчу и слезами утолю, по какой причине явилось это дело лукавого демона». Проповедник собрал все свои беседы в одну книгу, которую назвал *Статир*.

Подле двух пришельцев в Москве, грека Паисия Лигарида и белорусца Симеона Полоцкого, громко провозглашавших необходимость науки, мы должны поставить третьего, серба Юрия Крижанича. В то время когда русское общество тронулось, сознавши необходимость нового пути, но сильно колебалось при этом, далеко не сознавая, как идти безопаснее и скорее по этому новому пути, является ученый серб, горячий славянский патриот, который смолodu удручен скорбью о печальной участи славянских народов и в русском царе видит единственного славянского государя, могущего подать руку помощи всем остальным соплеменным народам: «Тебе, пречестной царь, выпал жребий промышлять обо всем народе славянском; ты, как отец, должен заботиться о собрании рассыпанных детей. Ты один, о царь, дан нам от бога, да пособишь задунайцам, ляхам и чехам: да познают свое притеснение от чужих, свой позор и начнут промышлять о просвещении народа и сбрасывать с шеи немецкое ярмо. Задунайские славяне (болгары, сербы и хорваты) уже давно сгубили и государство свое, и всю силу, и язык, и весь разум: не разумеют, что такое честь народная, не думают о ней и сами себе никак не могут помочь; внешняя сила им надобна, чтоб поставить их опять на ноги и включить в число народов. Если ты, царь, не можешь в настоящее трудное время пособить им, государство их привести в прежнее состояние и устроить, то по крайней мере можешь язык славянский в книгах исправить и пригодными разумными книгами этим людям умные очи открыть, да начнут познавать честь народную и думать о своем восстановлении. Чехи, а недавно и ляхи впали в одинаковое с задунайцами окаянство. Ибо хотя ляхи и хвастают обманчивую тенью государства и своим своевољством, однако дело известное, что сами они не могут избавиться от своих бед и позора. Помочь им и дать им народное просвещение ты, царь, можешь легко». Крижанич, по его словам, пришел в Россию, чтоб совершить три работы: во-первых, поднять славянский язык, написавши для него грамматику и лексикон, чтоб могли мы правильно говорить и писать, чтоб было у нас обилие речений, сколько нужно для выражения человеческих мыслей при общих народных делах. Во-вторых, написать историю славян, в которой

опровергнуть немецкие лжи и клеветы. Втретьих, обнаружить хитрости и обольщения, которыми чужие народы обманывают нас, славян. Крижанич исполнил первое (относительно грамматики) и последнее намерение. Нас, разумеется, должны занять его *«Политичные думы»*, обширное сочинение, в котором он начертывает печальную картину состояния России, требует важных преобразований, требует науки и вместе с тем старается возбудить самую сильную недоверчивость, ненависть к людям, от которых можно было заимствовать науку, средства к выводу России из ее печального состояния, к иностранцам, к немцам, как прирожденным врагам славян. Понятно, что по этому самому преобразовательный план Крижанича в основной мысли своей был неудобоисполним – общая участь планов, проектов, конституций, составляемых теоретиками в кабинетах, без соображения с историческими законами жизни народов. Несмотря на то, сочинение Крижанича для нас очень важно: оно дополняет и подтверждает наши сведения о России перед эпохою преобразования и во многих случаях объясняет нам те пути, по которым действительно пошла преобразовательная деятельность. Книга Крижанича была наверху у великого государя, следовательно, есть основание предполагать, что она не оставалась без влияния.

Если книга Крижанича имела влияние, то прежде всего должна была в читавших ее окончательно уничтожить китаизм, высокое мнение о самих себе и презрение к другим народам, прояснить сознание о собственных недостатках, о преимуществах других народов и этим самым подвинуть к переменам, которые, естественно, должны были прежде всего высказаться в подражении. «Главный вред для общего блага проистекает от незнания самого себя, когда люди сами себя, свои обычаи излишне любят, когда считают себя сильными, богатыми, мудрыми, не будучи на самом деле таковыми». Русских людей тяготила страшная бедность: Крижанич указывает на богатейшие западные государства, указывает и на то, почему они так богаты: Англия и Нидерланды потому богаты, что там разум у народа хитры, морские пристанища и торги отличные, цветет всякое ремесло, земледелие и обширная морская торговля; еще славнее и счастливее бывает государство, когда в нем при этом и законы хороши, как, например, во Франции. А Россия? При всей своей неизмеримой широте и длине она со всех сторон заперта для торговли; мало в ней

торговых городов, нет дорогих произведений; умы народа тупы и косны, нет никакого умения ни в торговле, ни в земледелии, ни в домашнем хозяйстве; русские, поляки и все славяне не умеют вести дальнюю торговлю ни сухим путем, ни по морю; купцы русские не учатся даже арифметике, оттого иностранным купцам ничего не стоит их обмануть. Русский человек сам ничего не выдумает, если ему не укажут; книг у него никаких нет ни о земледелии, ни о других промыслах; он ленив, не промышлен, сам себе не хочет добра сделать, если силою не будет принужден; язык его беден, беднее всех главных европейских языков, потому неудивительно, что и разумы наши тупы и косны; чего не можем словом сказать, того не можем и душою замыслить; истории русский человек не знает, никаких политических разговоров вести не может и потому иностранцы его презирают. В покрое платья высказывается разум народа: русское платье некрасиво и неудобно, за него иностранцы зовут нас варварами, особенно нерасчесанные волосы и борода, остриженная голова делают нас мерзкими, смешными, какимито лесовиками. Едим мы нечисто, деньги прячем в рот; мужик держит полную братину и пальцы в ней окунуты, так и гостю подает; квас продается поганю, посуда не моется. Датский король сказал о наших посланцах: «Если эти люди еще ко мне придут, то должен буду построить им свиной хлев: потому что, где они постанут, там полгода никто не может жить от смрада». Неумение изъясняться, лень, пьянство и расточительность – главные наши природные свойства; от расточительности происходит жестокость относительно подчиненных. У нас нет природной бодрости, благородной гордости, одушевления, не умеем держать себя с достоинством. Турки и татары, хотя и побегут, не дадут себя даром убить, но обороняются до последнего издыхания. А наши ратные люди, когда побегут, то уже не оборотятся, но дают себя сечь, как мертвые. Великое наше народное несчастье – эта неумеренность во власти; не умеют наши люди ни в чем меры держать, не могут средним путем ходить, но все по окраинам и пропастям блуждают. То у нас правительство вконец распущено, господствует своеволие, беззаконие, то уже чересчур твердо, строго и свирепо. Во всем свете нет такого беззаконного и распутного государства, как Польское, и нет такого крутого правительства, как в России. Расплодились в русском народе премежные нравы, так что пред другими народами русские являются обманчивыми, неверными,

склонными к воровству, убийству, неучтивыми в беседе, нечистоплотными. А отчего все это происходит? Оттого что всякое место наполнено кабаками, заставами, откупщиками, целовальниками, выемщиками, тайными доносчиками: люди отовсюду и везде связаны, ничего не могут свободно делать, трудом рук своих не могут свободно пользоваться. Все должны делать и торговать тайком, в молчанку, со страхом и трепетом, укрываться от такой огромной толпы правителей или палачей. А сами эти целовальники и притеснители народа, не получая достаточного жалованья, не могут как должно исполнять своих обязанностей, нужда заставляет их искать корысти и брать подарки от воров. Таким образом, люди, привыкши все делать тайком, как воры, со страхом, с обманом забывают всякую честь, становятся трусливы на войне, делаются склонны ко всякой нелюдскости, нескромности и нечистоте; не умеют они ценить чести, не умеют делать различия между людьми. Первый вопрос, с которым обращаются к незнакомому человеку: «Есть ли у тебя жена?» Второй: «Сколько получаешь царского жалованья? Сколько у тебя имения?» Не стыдятся купаться перед всем народом. Если они в комнибудь нуждаются, то не знают меры унижению. Итальянцы, испанцы, турки бережливы и трезвы; немцы бережливы, но большие пьяницы; все славяне расточительны и любят попировать; однако ни у немцев, ни у остальных славян, нигде на свете, кроме одной русской державы, не видно такого гнусного пьянства: по улицам в грязи валяются мужчины и женщины, миряне и духовные, и многие от пьянства умирают. У турок нам должно учиться трезвости, стыдливости и правосудию. Эти неверные не менее нас грешат противуестественным грехом; но они соблюдают стыдливость: никто у них не промолвится об этом грехе, не станет им хвастаться, ни упрекать другого. Если кто проговорится, то не останется без наказания, а у западных народов сожигают таких преступников. В России же этот гнусный грех считают шуткою. Публично, в шуточных разговорах, один хвастает грехом, иной упрекает другого, третий приглашает к греху, недостает только, чтоб при всем народе совершали преступление. Необходимо в этом государстве употребить какиенибудь средства, чтоб поднять стыдливость против содомии, общественную трезвость против гнусного пьянства, правосудие против чиновников, о которых говорит Исаия: «Начальники твои – сообщники воров».

Таковую печальную картину народного банкротства в экономическом и нравственном отношении начертывает нам славянский патриот, которого нельзя заподозрить в равнодушии или злорадстве относительно язв Древней России, как можно заподозрить какого-нибудь немецкого путешественника; читая описание этих язв у нашего серба, чувствуешь, как сердце автора обливалось кровию при исполнении печального долга обличения. Он писал не для того только, чтоб обличать: при обличении он предлагает средства к исправлению зла.

Первое, главное средство – это наука, окружение себя мертвыми советниками, книгами, ибо между живыми людьми мало добрых советников: «Книги не увлекаются ни алчностью, ни враждою, ни любовью, книги не ласкательствуют, не боятся поведать истины. Всяким другим людям хорошо учиться мудрости из практического опыта, не полезно это одним верховным владетелям: частный человек учится ошибками, но ошибки государей влекут за собою неисправимые бедствия народные. Итак, государям необходимо учиться мудрости от добрых учителей, книг и советников, а не из опыта. Да не скажет кто-либо, что нам, славянам, путь к знанию закрыт решением небес, как будто бы мы не могли и не должны были усваивать себе науки: и остальные народы не в один день и год, но малопомалу учились от других; так и мы можем научиться, если захотим и постараемся. И теперь именно время учиться, потому что бог возвысил на Руси государство славянское, какого прежде никогда не бывало в нашем племени, а известно, что у народов науки начинают цвести в период наибольшей силы политической. Скажут: между мудрыми рождаются ереси, и потому не надобно учиться мудрости. Отвечаю: ереси начинаются и между неучеными людьми. Магомет был не мудрец, крайнюю глупость написал в своих книгах, а между тем наплодил ересь, самую распространенную на свете. А на Руси ересь встала разве не от глупых, некнижных мужиков? Мудростию ереси искореняются, вследствие невежества пребывают во веки. От огня, воды, железа умирают многие люди, но без них и жить нельзя; точно так же и мудрость потребна людям».

Но Крижанич не довольствуется распространением просвещения как единственным средством излечения язв России. Он предлагает и другие средства и в них указывает тот путь, каким действительно

пошло преобразование. «В России полное самодержавие, – говорит он, – повелением царским можно все исправить и завести все полезное. Таким образом, преобразование должно идти сверху, от самодержавной власти; русские сами себе не захотят добра сделать, если не будут принуждены к тому силою». Как же самодержавный государь начнет преобразования? Для поднятия торговли он должен запретить иметь лавку с товарами тому купцу, который не знает грамоте и цифири. Торговые люди должны иметь своих выборных старост и лавников и судиться между собою в некоторых наименьших делах; должно быть им облегчено средство бить челом великому государю и защищаться от воеводских притеснений. Для введения и процветания ремесел нужен особый приказ, который бы их ведал исключительно; нужно перевести на русский язык сочинения о ремеслах, перевести книги о земледелии; нужно вызвать отличных ремесленников изза границы с правом свободного возвращения домой, но не прежде, как выучат русских молодых людей своему ремеслу; нужно ввести цеховое устройство. Надобно промышлять, чтоб из чужих стран привозился в Россию сырой материал и чтоб здешние ремесленники обрабатывали его, и заповедать накрепко, под страхом казни, вывозить за границу сырье. Царь должен взять в свои руки всю заграничную торговлю; только таким способом можно будет знать смету товарам, чтобы не вывозить слишком много наших товаров, в которых нет избытка, и не привозить чужих ненужных. Русь редко населена и не так людна, как бы могла быть, по следующим причинам: 1) крымцы пустошат землю беспрестанными наездами: на всех военных кораблях турецких не видно почти никаких других гребцов, кроме русских людей; по всем городам и местечкам Турецкой империи такое множество русских пленных, что турки обыкновенно спрашивают у наших: остались ли еще на Руси какиенибудь люди? 2) Немцы своими промыслами земли убожат, хлеб вывозят, торговлею всею завладели, в военной службе высшие места взяли. Третья причина малолюдства – жестокое правление. Четвертая причина – недостаток камня, из которого бы можно было строить прочные здания. Пятая – выселение людей в Сибирь и на Украйну. Для увеличения народонаселения правительство должно способствовать увеличению числа браков, должно определить, сколько священник должен брать за венчание, чтоб бедным людям было неубыточно;

правительство должно озаботиться, чтоб по городам и селам для новобрачных были готовые дворы, чтоб бедность, неимение где жить не останавливали браков, должно запретить бедным людям истрачиваться на свадебные пиры; девицам из черни запретить носить богатое платье и украшения. Автор щедр на сильные выходки против русского платья и бороды, упрекать русских, что они в одежде своей лучше хотят подражать азиатским варварам, чем образованным европейцам.

Такова преобразовательная программа ученого серба. Всякому легко может показаться, что Петр Великий в своей преобразовательной деятельности находился под влиянием этой программы. Мы далеки от мысли предполагать здесь непосредственное влияние; но сравнение программы Крижанича с деятельностью Петра очень важно: оно ясно показывает, что пути преобразования, избранные Петром, не были следствием его личного произвола, его личных взглядов, а были следствием общих взглядов тогдашних лучших людей, тогдашних авторитетов.

Но понятно, что в одном программа Крижанича никак не могла быть выполнена: на деле русские люди в эпоху преобразования никак не могли разрешить того противоречия, которое в теории, повидимому, разрешалось; мы видели, что Крижанич старался внушить русским людям сознание своих недостатков, указывал, как западные европейцы далеко опередили их, требовал, чтоб русские люди учились у них, учились не только наукам, но и нравственности, переводили их книги, вызывали их ремесленников и в то же самое время отвращались от них, как от самых злых врагов. Автор видел противоречие и, чтоб выпутаться из него, потребовал от русских людей уменья положить границы между подражанием и подчинением влиянию того, кому подражаем, потребовал уменья при заимствовании цивилизации у иностранцев отличать добро от зла, т. е. потребовал, чтоб русские люди перескочили вдруг несколько веков, от низшей степени образованности к самой высшей, из детства к полной возмужалости; но народы скачут таким образом только под перьями теоретиков, не желающих знать истории, действительности. По мысли Крижанича, иностранным купцам никак не должно позволять иметь в России дома, лавки, склады, погреба, никак не должно пускать к себе иностранных купеческих агентов, консулов, резидентов: «Наш славянский народ

весь подвержен такому окаянству: везде на плечах у нас сидят немцы, жидаы, шотландцы, цыгане, армяне и греки, которые кровь из нас высасывают. Презрению, с каким обращаются с нами иностранцы, укорам, которыми они нас осыпают, первая причина есть наше незнание и наше нерадение о науках, а вторая причина есть наше *чужебесие*, или глупость, вследствие которой иностранцы над нами господствуют, обманывают нас всячески и делают из нас все, что хотят, потому и зовут нас варварами». Не постигая исторического закона, по которому народ менее образованный необходимо подвергается влиянию и даже господству народа более образованного, Крижанич смешал следствие с причиною и опозорил славян, приписав им как врожденный недостаток это чужебесие, которое было только необходимым следствием первой и единственной причины – незнания. Требуя недопущения купцов иностранных во внутренние области, Крижанич требует, чтоб не принимать в службу ни одного иностранца, ни одному не давать права гражданства, потому что немцы, принятые в службу, могут причинять только одно зло: немец был и Басманов, любимец Расстриги, немец был и Шейн, погубивший русское войско под Смоленском!

Но Крижанич вооружается не против одних немцев: одинаково сильно, если еще не сильнее, вооружается он и против греков. Ложность положения, в каком нашелся наш ученый серб в Москве, заключалась в том, что, будучи единоплеменником, своим, славянином, он в то же время был чужой, был латинец, католический священник. До Крижанича в России сознали необходимость учиться у иностранцев, но главное затруднение, главное возражение здесь состояло в том, что эти иностранные учителя – иностранцы, неправославные. Чтоб избежать опасности для веры, обратились за наукою к своим не в смысле единоплеменности, но в смысле единоверия, обратились к малороссиянам и грекам. И вот в то время, когда авторитет греков был наивысшим, когда хотели учиться, но вместе с этим и прежде всего хотели сохранить чистоту греческой веры, является в Москву ученый славянин, предлагает свои учительские услуги, но не может удовлетворить главному условию, при котором мог быть допущен учитель, – быть православной, греческой веры; Крижанич не мог скрыть, что он латинец и даже латинский поп. Ученый серб пришел не вовремя: незваного учителя

сослали в Сибирь. Разумеется, можно предположить, что злые выходки Крижанича против греков могли быть следствием его несчастья, которое, как видно, он приписывал грекам; но еще с большим основанием можно предположить и то, что латинский поп, когда еще находился в Москве, не мог удержаться от выходок против греков, как схизматиков, не мог удержаться и от других выходок, которые сильно должны были оскорбить тогдашних русских людей.

Крижанич противопоставляет греков немцам в том отношении, что эти прирожденные враги славян влекут их к противоположным крайностям. «Немцы приносят нам ядовитые новизны – греки, безрассудно осуждая всякую новизну, предлагают свои глупости под важным именем древности. Немцы сеют ереси – греки хотя научили нас истинной вере, однако приплели к ней схизму. Немцы преподают нам и добрые и вместе дьявольские науки – греки восхваляют невежество и всякую науку считают еретической. Немцы думают получить спасение одною проповедью – греки пренебрегают проповедью и считают полезнейшим молчание. Немцы кричат, что не позволено никого судить, – греки, наоборот, утверждают, что надобно осуждать людей, не выслушав их» (здесь можно видеть намек на судьбу самого автора). Подробно исчисляет Крижанич случаи злоупотреблений, какие позволяли себе греческие духовные, приходившие за милостынею в Россию и не разбиравшие иногда средств для увеличения этой милостыни; между прочим, Крижанич рассказывает любопытный случай, бывший с ним самим: «Некто Софроний, называвший себя митрополитом Филиппополя и Драмы, а в народе известный под именем Македонского, принуждал меня сочинить ему подложные грамоты от имени патриарха Иоанникия, как будто бы он был отправлен им по общим нуждам церковным. Когда я не соглашался на это, то он вместе с другим какимто митрополитом хотели меня высечь, но я вырвался и убежал к городскому писарю. Но признаюсь, что после я сочинил ему грамоты, опасаясь за свою жизнь».

В России знали о подобных злоупотреблениях и принимали против них средства, с большими предосторожностями допуская собирателей милостыни; но в России знали также очень хорошо, что самые видные из греков, являвшихся в Москве, вовсе не были проповедниками невежества, считавшими полезнее молчать, чем

проповедовать. Как уже было замечено, Крижанич в своей католической ревности задел не одних греков, задел и русских, вооружаясь против тех священных для народа сочинений, в которых были неблагосклонные отзывы о католицизме, например, против жития св. Сергия, или выставяя, что русские грешнее поляков и потому терпят от них поражения. Наконец, Крижанич позволяет себе прямо вооружаться против православия, «разрушающего в церкви монархию, установленную Христом как лучшее правление, и вводящего в церковь многих вселенских первосвященников».

Ученый серб приехал в Россию проповедником просвещения, которое должно было открыть умные очи всем славянам; но Россия, стремившаяся к просвещению, прежде всего хотела остаться православною. Ученый серб, хотевший посредством просвещения открыть умные очи своим соплеменникам, не мог этого сделать относительно самого себя, не мог уразуметь противоречия, какое носил в собственном нравственном существе, будучи славянским патриотом и католиком.

Сосланный в Сибирь за неправославие, Крижанич написал там сочинение, драгоценное по изображенному в нем состоянию Московского государства, объяснявшему так хорошо необходимость приближающегося переворота. В то же самое время московский подьячий бежит за границу и там начертывает столь же важное для нас изображение Московского государства; то был известный Котошихин (Кошихин). Оба эти явления одинаково служат знаменами времени.

Но в то время когда в Москве с разных сторон раздавались все громче и громче крики о необходимости перемен, о необходимости заимствования науки, искусства и ремесла у других образованнейших народов, не оставались в молчании люди, которые уперлись против новшеств, уперлись против движения народа на новый путь и в этом движении видели движение к царству антихристову, – не молчали раскольники. Они пропели и свою историческую песню про осаду Соловецкого монастыря, как царь Алексей Михайлович говорил воеводе своему Солтыкову: «Ты ступайко ко морю ко синему, ко тому острову ко большому, ко тому к монастырю ко честному к Соловецкому; ты порушь веру старую, правую, поставь веру новую, неправую».

Но из памятников раскольнической литературы, о которых еще не было упомянуто прежде, для нас особенно важен один – это похождения знаменитого протопопа Аввакума, описанные им самим. Важность памятника заключается в том, что он лучше других памятников переносит нас в Россию XVII века, от которой мы отошли так далеко и явления которой мы с таким трудом понимаем, придавая историческим лицам XVII века черты нашего времени, наши воззрения и стремления. Мы имели возможность узнать, что такое был сильный человек в древней России, как силы богатыря мало сдерживались, как они не были устроены и направлены воспитанием, образованием, ибо плеть и палка одни не могут содействовать этому устроению и направлению, как богатырь вырывался из отцовского дома, изпод отцовской плети и палки размять плечо богатырское, и что могло тут сдержать его? Сама мать должна была заходить сзади, чтоб унять расхолодившуюся силу. Подробности жизни Никона много уясняют нам явления этих богатырей среди общества, не выработавшего нравственных сдержек для хаотических богатырских сил. До тех пор пока мы не перенесемся в XVII век и не взглянем на Никона как на богатыря в патриаршеской митре и саккосе, до тех пор это явление останется для нас загадочным и Никон не перестанет изумлять нас своею силою... и бессилием. В соответствии богатырю патриарху XVII век выставляет нам богатыря-протопопа, вследствие несдержанной силы ставшего заклятым врагом Никона и расколоучителем. Аввакум в драгоценном житии своем является не один, но окруженный целою дружиною подобных ему богатырей, которые расходились в защиту двуперстного сложения и двойной аллилуия и не могли найти себе удержу; тут же близко знакомимся с особого рода богатырями – юродивыми, которым так же грузно от силушки, как от тяжелого бремени, и которые освобождаются от этого бремени тем, что ходят в лютые морозы босиком в одной рубашке: толпа, видя, проявление такой силы, вполне верит и подвигам Ильи Муромца и Добрыни Никитича, как рассказываются они в сказке и поются в песне. В житии Аввакума встречаем мы и старых своих знакомых воевод, таких охотников давать чувствовать свою силу, встречаем и сибирских воевод, этих русских Кортесов и Пизарро, которые ходят на прииски новых земель и которые совершенно разнуздались в далекой стране среди диких зверей и диких людей.

Наконец, встречаемся и с дикою силой толпы, которая так легко выражается в насилии.

«Рождение мое, – говорит Аввакум, – в нижегородских пределах (там же, где и Никоново), за Кудмою рекою, в селе Григорове. Отец мой (священник) прилежаще пития хмельного, матери же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху божию». Живая, впечатлительная натура Аввакума высказалась рано; в детстве увидел он у соседа мертвую скотину; это так его поразило, что ночью он не мог спать, встал и начал молиться: «поминая смерть, яко и мне умереть». Беда в детстве, изгнание от родственников после смерти отца развили силы молодого богатыря. 21 года Аввакум поставлен был в дьяконы, чрез два года во священники. Сила не замедлила обнаружиться: Аввакум начал отличиться деятельностью, усердием в исполнении своих обязанностей; это привлекло к нему много духовных детей; но эта же сила повлекла его к столкновению с другими силами: Аввакум начал ссориться с начальными людьми, а известно, что такое были начальные люди в XVII веке: один, рассердившись на Аввакума за ходатайство о девице, отнятой им у матери, пришел в церковь с толпою и задавил священника до полусмерти. В другой раз тот же начальный человек бил Аввакума в церкви, волочил за ноги по земле в ризах. Другой начальный человек, рассердившись, прибежал в дом к Аввакуму, бил его и зубами отгрыз пальцы у руки; потом настиг Аввакума на дороге в церковь, стрелял в него из двух пищалей, но, к счастью, обе осеклись. Кончил этот начальник тем, что отнял у Аввакума двор, всего ограбил и даже не дал хлеба на дорогу. В это самое время у Аввакума родился ребенок; отец взял клюку, мать – некрещеного младенца, и побрели в Москву. Здесь Аввакум сблизился с самыми видными лицами из белого духовенства, духовником Стефаном Вонифатьевым и протопопом Иваном Нероновым; они заметили в Аввакуме сильного человека и объявили о нем государю, который так любил, так искал сильных людей между духовенством. Вонифатьев и Неронов отправили Аввакума опять на старое место; здесь он нашел и стены старых хором своих разоренными, обзавелся снова, но не мог долго нажить в покое. «Пришли в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и хари и бубны изломал на поле един у многих и, медведей двух великих отняв, одного ушиб и паки

ожил, а другого отпустил в поле». На беду в это время плыл Волгою в Казань на воеводство Василий Петрович Шереметев; ему пожаловались на ревнителя; боярин призвал Аввакума к себе на судно и много бранил; но этим беда не кончилась: с Шереметевым ехал сын его Матвей; у Шереметевых была сильная склонность к иноземщине, и Матвей брил бороду; когда старый Шереметев, разбранивши Аввакума за медведей, велел, однако, ему благословить сына своего, то ревнитель, увидав блудоносный образ, объявил, что ни за что не благословит, и начал порицать от писания; боярин сильно рассердился и велел бросить обличителя в Волгу; грозный приказ, впрочем, не был исполнен: Аввакум отделался тем, что его, много томя, протолкали.

Аввакум не мог ужиться в селе; его выгнали в другой раз; в другой раз *сволокся* он к Москве, и государь велел его поставить в протопопы в Юрьевец Поволжский. Но здесь Аввакум столкнулся не с воеводою, а с другою силою, с миром. В 8 недель новый протопоп успел вооружить против себя духовенство и мирских людей, мужчин и женщин. Огромная толпа собралась к патриаршему приказу, где сидел Аввакум за духовными делами, протопопа вытащили из приказа, среди улицы били батогами и топтали, прибили до полусмерти и бросили под избной угол. Воевода прибежал с пушкарями на выручку, схватил Аввакума, посадил на лошадь, привез домой и около дома расставил пушкарей. Предосторожность была далеко не лишняя, толпа приступила к Протопопову дому, особенно кричат попы и бабы: «Убить вора, б..... сына, да и тело собакам в ров кинем». Аввакум ночью, покинув жену и детей, ушел по Волге самтретей; прибежал в Кострому, а здесь та же история: костромичи выгнали своего протопопа Даниила. Для объяснения этих явлений вспомним, что в описываемое время Вонифатьев, Неронов, Аввакум, Даниил были передовыми людьми, нововводителями и своими нововведениями возбуждали против себя сильное негодование.

В Москве духовник и сам царь встретили Аввакума упреком, зачем покинул соборную церковь. Однако его не возвратили в Юрьев, оставили в Москве, где вместе с другими передовыми людьми поручили исправление книг. Мы знаем, чем кончилось дело, как Аввакум с товарищами из передовых людей стали главами старообрядства, а Аввакум всею своею силою зашумел против новшеств. Тут он столкнулся с Никоном. Пусть он сам расскажет

следствия этого столкновения: «Меня взяли от всенощного со стрельцами на патриархове дворе, на цепь посадили ночью. Егда же рассветало в день недельный, посадили меня на телегу и растянули руки и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря и тут на цепи кинули в темную палатку, – ушла в землю, – и сидел три дня, не ел, не пил, во тьме сидя, кланяясь на цепи, не знаю на восток, не знаю на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. На утро архимандрит с братьею пришли и вывели меня; журят мне, что патриарху не покорился, а я от писания его браню да лаю. В то время после меня взяли Логина, протопопа муромского. В соборной церкви при царе остриг (его Никон) в обедню. Остригши, содрали с него однорядку и кафтан. Логин же ражжегся ревностию божественного огня. Никона порицая, и через порог в алтарь в глаза Никону плевал; распоясався, схвати с себя рубашку, в алтарь в глаза Никону бросил; и чудно: растопорясь рубашка и покрыла на престоле дискос, будто воздух. И меня привезли к соборной церкви стричь. Государь с места сошел и, приступя к патриарху, упросил не стричь. Послали меня в Сибирь с женою и детьми». Аввакума вообще очень щадили в сравнении с другими расколоучителями и после, как увидим, сильно ухаживали за ним, уговаривая отстать от раскола или по крайней мере не кричать за него. Причиною было то, что Аввакум имел славу отлично благочестивой жизни, и понятно, как благочестивейшему Алексею Михайловичу было тяжело преследовать такого человека.

В Тобольске Аввакума приняли хорошо: архиепископ дал ему место при одной церкви, воевода князь Хилков принимал ревнителя с уважением. Но в отсутствии архиепископа произошел случай, в котором богатырь показал свою силу и опять возбудил против себя другую силу. Архиепископский дьяк Струна, которому без владыки была своя воля, захотел мучить напрасно дьякона той церкви, где Аввакум был священником. Дьякон ушел от него в церковь под покровительство священника, но Струна не хотел отстать от дьякона: во время вечерни с толпою человек в 20 вскочил он в церковь и схватил дьякона на клиросе за бороду. Аввакум покинул вечерню, прибежал на помощь к дьякону, вместе с ним схватил Струну, посадил его на полу среди церкви и «за церковный мятеж постегал его ремнем нарочито таки»; товарищи Струны разбежались, и дьяк под ремнем

протопопа принес покаяние. Но этим дело не кончилось: родственники Струны, попы и чернецы, подняли весь город на Аввакума; в полночь подвезли сани к его двору, ломились в избу, хотели схватить протопопа и свезти в воду. «Мучился я с месяц от них, бегаючи втай, – говорит Аввакум, – иное в церкви ночую, иное к воеводе уйду, иное в тюрьму просился – ино не пустят».

Ревность по старым книгам начала было утихать в Аввакуме в Тобольске: «Был я у заутрени в соборной церкви, шаловал с ними в церкви той при воеводах да с приезду смотрел у них просфиромисания дважды или трижды, в алтаре у жертвенника стоя, а сам им ругался; а как привык ходить, так и ругаться не стал, что жалом духом антихристовым и ужалило было». На беду кто-то во сне сказал Аввакуму: «Блюдися от мене, да не полма расстесан будеши». Аввакум подумал, что это сам Христос грозитя наказать его за уступку антихристову духу; он не пошел к обедне, но пошел обедать к воеводе, князю Хилкову, и рассказал ему сон; боярин расплакался. Аввакум, разумеется, спешил загладить грех своей слабости. Вследствие этого пришел указ – везти его из Тобольска на Лену; на дороге, в Енисейске, другой указ – везти в Даурию и отдать в полк Афанасью Пашкову, искавшему новых земель и приводившему инородцев под высокую руку великого государя. Пашков не был похож на Хилкова: «На Долгом пороге стал меня из дощеника выбивать; дляде тебя дощеник худо идет; еретикде ты; подиде по горам, а с козаками не ходи. О горе стало! Горы высоки, дебри непроходимые, утес каменный, яко стена стоит, и поглядеть заломя голову; в горах тех обретаются змии великие; в них же витают гуси и утицы – перье красное, вороны черные и галки серые; в тех же горах орлы и соколы; и кречеты, и курята индейские, и бабы, и лебеди, и иные дикие, многие множество, птицы разные. На тех же горах гуляют звери многие: дикие козы, и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие воочию нашу, а взять нельзя. На те горы выбивал меня Пашков со зверьми и птицами витати, и аз ему малое писаньице написал, сице начало: «Человече! убойся бога, его же трепещут небесные силы, един ты презираешь и неудобство показуешь». Там много написано; и послал к нему. А и бегут человек с 50; взяли мой дощеник и помчали к нему. Привели дощеник; взяли меня палачи, привели пред него. Он с шпагою стоит и дрожит, рыкнул яко дикий зверь; и ударил меня по щеке, тоже по

другой и паки в голову и сбил меня с ног и, чепь ухватя, лежачего по спине ударил трижды и, разболокши, по той же спине 72 удара кнутом». Нашелся заступник, сын Пашкова Еремей, стал уговаривать отца не грешить, не бить протопопа. Еремей поступил неосторожно, зашел к отцу с увещаниями спереди, а не сзади: старик расхотелся и погнался за сыном со шпагою, тот едва успел убежать. После этого и с Пашковым случилась беда: дощеник его попал на мель; Еремей воспользовался случаем и начал говорить отцу: «Батюшка! За грех наказывает бог, напрасно протопопа кнутом избил; пора покаяться, государь!» Старик рыкнул на Еремея, как зверь: тот увидал беду, отошел к сосне, сложил руки и говорит: господи помилуй! Старик схватил пицаль, приложился в сына, спустил курок – осеклось; в другой раз – осеклось; в третий – осеклось. Старик в ярости бросил пицаль на землю. Малый взял ее, спустил на сторону – выстрелил. Старик сел на стул, подперся шпагою, задумался, начал плакать и говорить: «Согрешил, окаянный; пролил кровь неповинную, напрасно протопопа бил, за то меня наказывает бог». В это время дощаник сдвинулся с камня; Пашков подозвал к себе сына и сказал ему: «Прости, Еремей; правду ты говоришь!» Тот отвечал с поклоном: «Бог тебя, государь, простит; я пред богом и пред тобою виноват». «Гораздо Еремей разумен и добр человек, – заключает Аввакум, – уж у него и своя седа борода, а гораздо почитает отца и боится его».

Привезли после этого протопопа в Братский острог и в тюрьму кинули, соломки дали: «Что собачка на соломке лежу; коли накормят, коли нет; мышей много было, я их скуфьею бил, – и батожка не дадут дурачки. Хотел на Пашкова кричать: *прости*; но воля божия возбранила, велено терпеть. Перевел меня в теплую избу. На весну паки поехали вперед. Ох времени тому! У меня два сына маленьких умерли в нуждах тех; и с прочими скитающиеся по горам и остроуму камению, наги и босы, травою и кореньем неребивающиеся, коекак мучились. Мне под робят и под рухлядишко дали две клячки, а сам и протопопица брели пешие, убивающиеся о лед. Страна варварская, иноземцы не мирные; отстать от людей не смеем и за лошадьми идти не поспеем. Протопопица бедная бредет, бредет, да и повалится; скользко гораздо; в иную пору бредучи, повалилась, а иной томный же человек на нее набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «Матушка государыня! Прости!» А

протопопица: «Что ты, батя, мене задавил!» Я пришел. На меня бедная пеняет, говоря: «Долго ли мука сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна! До самой смерти». Она, вздохня, отвечала: «Добро, Петрович; ино еще побредем».

Пришел черед и протопопу упасть духом и получить помощь от протопопицы. «Десять лет, – говорит Аввакум, – Пашков меня мучил или я его, не знаю, бог разберет». Наконец пришла грамота – велено Аввакуму ехать на Русь. Протопоп отправился, приплыл в русские города и уразумел о церкви, яко ничто же успевае, но паче молва бывает. Опечалясь, сидя, рассуждаю: что сотворю? Проповедую ли слово божие или скрююся? Жена и дети связали меня. И видя меня печальна, протопопица моя приступи ко мне со опрятством и рече ми: «Что, господине, опечалился еси?» Аз же подробну известих: «Жена! что сотворю? Зима еретическая на дворе, говорить мне или молчать? Связали вы меня!» Она же мне говорит: «Господи, помилуй! Что ты, Петрович, говоришь! Поди, поди в церковь, Петрович! Обличай блудню еретическую!»

Аввакум рассказывает еще одну любопытную семейную сцену: «У меня был в Москве бешеный, Филиппом звали, в избе в углу прикован был к стене, понеже в нем бес был суров и жесток: гораздо бился и дрался, и не могли с ним домочадцы ладить. Егда же за грешный с крестом и с водою прииду, повинен бывает и, яко мертв, падает пред крестом Христовым. По некоем времени пришел я от Федора Ртищева зело печален, понеже в дому у него с еретиками шумел много о вере и о законе; а в моем дому в то время учинилось нестройство: протопопица моя со вдовою домочадицею Фотиниею между собою побранились. И я, пришел, бил их обеих и оскорбил. Та же бес вздывьял в Филиппе: и начал чепь ломать, бесясь, и кричать не удобно, на всех домашних нападе ужас. Аз без исправления приступил к нему, хотел его укротити, но не бысть попрежнему: ухватил меня и учал бить и драть. Потом бросил меня от себя, и сам говорит: «Не боюсь я тебя». Мне в те поры горько стало: «Бес, реку, надо мною волю взял». Полежал маленько с совестью собрался; восстав же, жену свою сыскал и пред нею стал прощаться со слезами, а сам ей, в землю кланясь, говорю: «Согрешил, Настасья Марковна; прости меня грешного!» Она мне также кланяется. По сем и с Фотиньею тем же образом простился; тоже лег среди горницы и велел всякому человеку

бить себя плетью по пяти ударов по окаянной спине; человек было 20; и жена, и дети, и все, плачучи, стегали. Егда же все отбили, и я, восставши, сотворил пред ними прощение. Бес же, видев неминуемую беду, опять вышел вон из Филиппа, и я его крестом благословил, и он постарому хорош стал».

В Москве приняли Аввакума отлично, ласкою хотели отвратить такого сильного человека от раскола; «Яко ангела божия прияша мя, – говорит Аввакум, – государь и бояре все мне рады. К Федору Ртищеву зашел; он сам из палатки выходил ко мне, благословился от меня и учал говорить много; три дня и три ночи домой меня не отпускал и потом царю обо мне известил. Государь меня тотчас к руке поставить велел и слова милостивые говорил: здорово лиде, протопоп, живешь? Ещеде видеться бог велел. И я супротив руку его поцеловал и пожал, а сам говорю: «Жив господь, жива и душа моя, царьгосударь! А впредь что повелит бог». Он же милецькой вздохнул да и пошел, куда надобе ему; и иное коечто было, да что много говорить? Прошло уже то. Велел меня поставить на монастырском подворье в Кремле и, в походы мимо моего двора ходя, кланялся часто со мною, низенькотаки, а сам говорит: благословиде меня и помолися обо мне; и шапку, в иную пору мурманку снимаючи, с головы уронил, едучи верхом. Из кареты бывало высунется ко мне, тоже и все бояре после его челом да челом: «Протопоп! Благослови и молися о нас». Как мне царя того и бояр тех не жалеть? Жаль видеть, каковы были добры, давали мне место, где бы я захотел; и в духовники звали, чтоб я с ними соединился в вере. Аз же, вся сия яко уметы вмених, да Христа приобретаю. Видят они, что я не соединяюся с ними, приказал государь уговаривать мене Родиону Стрешневу, чтоб я молчал. И я потешил его: царь то есть от бога учинен и добренек до мене. Чаял либо помаленьку исправиться, а се посулили мне Симеонова дни сесть на печатном дворе, книги править, и я рад сильно: мне то надобно лучше и духовничества. Пожаловал, ко мне прислал 10 рублей денег, царица 10 рублей, Лука духовник 10 рублей же, Родион Стрешнев 10 рублей же, а дружище наше старое Федор Ртищев тот и 60 рублей казначею своему велел в шапку мне сунуть, а про иных нечего и сказывать! Всяк тащит да несет всячиною. У света моей Федосьи Прокофьевны Морозовы, не выходя, жил во дворе, понеже дочь мне духовная; и сестра ее, княгиня Евдокия Прокофьевна (Уурсова), – дочь же моя. И у Анны Петровны

Милославские всегда же в дому был; и к Федору Ртищеву браниться с отступниками ходил, да такто с полгода жил. Да вижу, яко церковное ничто же успеваает, но паче молва бывает, паки заворчал, написал царю многонокотаки, чтоб он старое благочестие взыскал и мати нашу общую святую церковь от ереси оборонил и на престол бы патриаршеский пастыря православного учинил вместо волка и отступника Никона, злодея и еретика. С тех мест царь на меня кручиновать стал; не любо стало, как опять стал я говорить; любо им, как молчу, да мне так не сошлось. И власти, яко козлы, пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня с Москвы, понеже ради Христа многие приходили ко мне и, уразумевши истину, не стали к прелестной службе их ходить. И мне от царя выговор был: «Властиде на тебя жалуются, церквиде ты запустошил: поедьде в ссылку опять». Да и повезли на Мезень. По городам паки людей божиих учил и их, пестрообразных зверей, обличал. И привезли на Мезень. Полтора года держав, паки к Москве взяли. А привезши к Москве, отвезли под начал в Пафнутьев монастырь; и туда присылка была, то же, да то же говорят: «Долго ли тебе мучить нас? Соединись с нами, Аввакумушка!» Я отрицался что от бесов, а они лезут в глаза; сказку им тут с бранью большою написал. Из Пафнутьева взяли меня паки в Москву и в Крестовой стяжашася власти со мною; ввели меня в соборный храм и стригли (расстригали) по переносе меня и диакона Феодора, потом опроклинали, а я их проклинал сопротив: зело было мне тяжко в обедню ту. И повезли ночью на Угрешу к Николе в монастырь, держали в студеной палатке 17 недель. И царь приходил в монастырь, около темницы моя походил и, постонав, опять пошел из монастыря. Как стригли, в то время великое нестроение вверху у них бысть с царицею с покойницею; она за нас стояла в то время, миленькая, и от казни отпросила меня. По сем свезли меня паки в монастырь Пафнутьев и там, заперши в темную палатку, скованна держали год без мала. Привезли меня из монастыря Пафнутьева к Москве и поставили на подворье и, волоча многажды в Чудов, поставили пред вселенских патриархов, и наши все тут же, что лисы, сидели; от писания с патриархи говорил много. Последнее слово ко мне рекли: чтоде ты упрям; всяде наша Палестина, и серби, и албансы, и волохи, и римляне, и ляхи – вседе тремя персты крестятся; одинде ты стоишь на своем упорстве и крестишься двумя персты; так не

подобает. И я им о Христе отвешал сице: «Вселенские учителя! Рим давно упал и лежит невосклонно, и ляхи с ним же погибли, до конца враги быша христианом; и у вас православие пестро; от насилия турецкого Магмета немощни есте стали; и впредь приезжайте к нам учиться; у нас божиею благодатию самодержество; до Никона отступника в нашей России у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно и церковь не мятежна...» Я отошел к дверям да на бок повалился: «Посидите вы, а я полежу», – говорю им, так они смеются: «Дуракде протопоп и патриархов не почитает»; а я говорю: «Мы уроди Христа ради; вы славни, мы же бесчестии; вы сильны, мы же немощны». Повели маня на чепь, потом на Воробьевы горы, тоже к Николе на Угрешу; тут государь присылал ко мне голову Юрья Лотухина, благословения ради, и кое о чем много говорили. Таже опять ввезли нас в Москву, на Никольское подворье, и взяли у нас о правоверии еще сказки; потом ко мне комнатные люди многожды присланы были: Артемов (Матвеев) и Дементий (Башмаков), и говорили мне царевым глаголом: «Протопоп, ведаюде я твое чистое и непорочное и богоподражательное житие, прошуде твоего благословения и с царицею и с чады, помолись о нас. Пожалуйде, послушай меня, соединишь со вселенскими теми, хотя не большим чем». И я говорю: «Аще и умрети мне бог изволит, со отступниками не соединюся. Ты мой царь, а им до тебя какое дело? Своего царя потеряли, и тебя проглотить сюды приволоклися». Таже, братию казня, а меня не казня, сослали в Пустозорье». Аввакум до конца остался непреклонен; вот его исповедание: «Аще я и не смыслен, гораздо неученый человек, да то знаю, что вся церкви от св. отец преданная свята и непорочна суть; держу до смерти: яко же приях; не прелагаю предел вечных: до нас положено, лежи оно так во веки веков».

Мы видели, что жена поддерживала ревность Аввакума: но это далеко не единственный пример в истории раскола. Боярыня Федосья Прокофьевна Морозова, вдова Глеба Ивановича, брата знаменитого Бориса, пользовалась большим почетом при дворе: «Дома прислуживало ей человек с триста. Крестьян было 8000; другое и сродников множествомного; ездила она в дорогой карете, устроенной мозаикою и серебром, в шесть или двенадцать лошадей с гремющими цепями; за нею шло слуг, рабов и рабынь человек сто, оберегая ее честь и здоровье». И эта богатая и знатная боярыня вместе с сестрою,

княгиней Евдокией Урусовою, стали ревностными последовательницами Аввакума, и целый ряд лишений и страданий не могли поколебать их твердости. Легко понять, какую помощь оказывали обе сестры расколу по своему положению, сосредоточивая около себя самых ревностных его последователей; понятно, как это не нравилось царю, который употреблял все средства для их обращения – увещания, угрозы, наказание, и все понапрасну. «Сумасбродная люта», – отзывался царь Алексей Михайлович о Морозовой, считая сестру ее, Евдокию, смиренною; но эта смиренная, как часто бывает, поддерживала «лютую» своею твердостью. На вопрос крутицкого митрополита Павла, причастится ли она по тем службникам, по которым причащается государь, царица и царевны, Морозова отвечала: «Не причащусь; знаю, что царь причащается по развращенным службникам Никонова издания. Враг божий Никон своими ересями как блевотиною наблевал, а вы ныне то сквернение его полизаете; явно, что и вы подобны ему».

Сестер заточили по разным местам. Патриарх Питирим стал просить за них царя: «Я советую тебе боярыню ту Морозову вдовицу, кабы ты изволил опять дом ей отдать и на потребу ей дворов бы сотницу крестьян дал; а княгиню тоже бы князю отдал, так бы дело то приличнее было. Женское их дело; что они много смыслят!» «Давно бы я так сделал, – отвечал царь, – но не знаешь ты лютости этой женщины. Как поведать тебе, сколь поругалась и ныне ругается Морозова та! Много наделала она мне трудов и неудобств показала. Если не веришь моим словам, изволь сам испытать; начнешь ее истязать и вкусишь приятности ее».

Патриарх вкусил приятности ее и отступился. Сестер пытали наверху, у государя в думе была речь о том, чтоб сжечь Морозову в срубе, «да бояре не потянули; а Долгорукий малыми словами да много у них пересек». Раскольниц сослали в Боровск и заперли в земляную тюрьму. Урусова не вынесла тяжкого заключения и скоро умерла; за нею последовала и Морозова.

Приходили отовсюду новые учителя; во дворце и с церковной кафедры, из монашеской кельи и из сибирского заточенья толковали они о необходимости перемен, о необходимости науки; задетые ими, оскорбленные старые учителя, бывшие прежде сами передовыми людьми, возбуждавшие негодование своими новшествами, восстали

против новшеств, принесенных соперниками, провозгласили, что не должно быть никаких перемен: «До нас положено, лежи оно так во веки веков». Но в то время как старые и новые учителя в священнических и монашеских рясах препираются о двуперстном и треперстном сложении, когда русские разделились в ожесточенной борьбе, когда сделка с наукою, попытка ввести науку чрез православных учителей без вреда православию, далеко не удалась, как бы желалось, когда старые учителя провозгласили и православных греков, и православных малороссиян, и белорусов еретиками, латинцами, – в это время являются новые учителя особого рода, не желанные ни старым учителям, ни новым в рясах, являются иноверцынемеццы, являются вследствие того, что прежде грамматики и риторики нужно было выучиться сражаться, вследствие того, что явно было экономическое банкротство по неумению производить и продавать и по неимению моря, являются вследствие того закона, по которому внешнее предшествует внутреннему. Мы должны обратить внимание и на этих новых учителей, посмотреть, что это за люди и как они живут в своей Немецкой слободе, которая играет такую роль в истории преобразования.

Мы уже имели случай говорить о наемных войсках, о их историческом значении. Мы видели, что они образовались из добровольных и невольных изгнанников из родных стран, одним словом, из казаков Западной Европы. Для наших казаков служила привольным убежищем широкая степь, поле, где они могли поляковать, казаковать на свободе, признавать только по имени власть русского государства, враждебно действовать против него при первом столкновении, но все оставаясь православными русскими людьми. В Западной Европе не было степей, где бы могло образоваться казачество; западноевропейским казакам было два выхода: или плыть за океан для приискания и завоевания новых земель, и эта деятельность западных казаков в новом свете совпадает с деятельностью наших восточных казаков за Камнем. Другой выход – извечное занятие богатырских, казацких дружин – *служить в семи ордах семи королям*, искать хорошего жалованья и добычи в службе разных государей; с XVII века в числе этих государей был и великий государь всея Руси. Из происхождения и занятия этих западных казаков, явившихся в Москве под именем служилых иноземцев,

объясняется уже их характер. Волею или неволею оторвавшиеся от родной страны, меняющие службу, знамена, смотря по тому, где выгоднее, составляя пеструю дружину пришельцев из разных стран и народов, служилые иноземцы были совершеннейшие космополиты, отличавшиеся полным равнодушием к судьбам той страны, где они временно поселились, отличавшиеся легкою нравственностью; побольше жалованья, побольше добычи оставалось всегда главной целью. Трудно было сыскать между ними когонибудь с научным образованием: такие люди не пошли бы в наемные дружины; но это были обыкновенно люди, живые, развитые, много видевшие, много испытывавшие, имевшие много кой о чем порассказать, приятные и веселые собеседники, любившие хорошо, весело пожить, попить за полночь, беззаботные, живущие день за день, привыкшие к крутым поворотам судьбы: нынче хорошо, завтра дурно; нынче победа, богатая добыча, завтра проигранное сражение, добыча отнята, сам в плену.

Таковы были люди, которых постоянно вызывали в Москву в продолжение XVII века; сперва увеличение числа иностранцев в Москве возбудило сильный ропот, жалобы священников; иноземцев выделили, переселили в особую слободу. Казалось, что Русь отгородилась от немцев, но это могло только казаться так. Русь трогалась с востока на запад, и Запад выставил ей на пути как свою представительницу Немецкую слободу. Исторический черед был за Немецкой слободой, и скоро старая Москва преклонится перед этою слободою своею, как некогда старый Ростов преклонился перед пригородом своим Владимиром; скоро Немецкая слобода перетянет царя и двор его из Кремля, обзаведется своими дворцами. Немецкая слобода – ступень к Петербургу, как Владимир был ступенью к Москве.

Служилые иноземцы не прожили молча в Немецкой слободе. Один из самых замечательных людей между ними изо дня в день записал свои похождения, свое жительство и оставил нам любопытные известия о себе самом, о своих собратях, о России пред эпохою преобразования. Я разумею «Дневник» Гордона.

Патрик Гордон был родом шотландец, католик. Последнее обстоятельство затворило ему двери отечественных университетов. На досуге молодой человек влюбился, но не мог жениться на предмете своей страсти. Частию это обстоятельство, частию жажда к свободе

тянули Гордона из родной страны, тем более что на родине ему нечего было терять: он происходил из младшей линии Гордоновской фамилии и сам был младший сын. Молодой Гордон за границу. Сначала он поступил в иезуитский Браунбергский коллегиум, но скоро заметил, что затворническая жизнь ему не по характеру. В 1655 году он вступил в войска шведского короля Карла X, который воевал тогда с поляками. В следующем же году Гордон попался в плен к полякам и освобожден под условием вступления в польскую службу; в том же самом году попался в плен к шведам и вступил опять в шведскую службу. Наемному офицеру жалованья не платили; зато он не упускал удобного случая поживиться добычею, подкарауливал ее в лесу, как разбойник, и записывал в своем «Дневнике», что, например, ему удалось, хотя и не без труда, отнять лошадей у двоих крестьян; Гордон служил в шотландской дружине, которая прославилась своими грабительствами. В 1658 году он опять попался в плен к полякам и вторично вступил в польскую службу. «Ведь главная цель Гордона, – говорит он о себе в третьем лице, – была составить себе счастье, но в шведской службе теперь это трудно было сделать, потому что у шведов на шее были император, короли датские и польский и царь русский. Правда, что честному человеку хорошо у шведов служить: это народ справедливый, ценит каждого по заслугам; но и между поляками можно составить себе счастье; польские генералы гордо обращаются с иностранцами, но остальная шляхта и кто пообразованнее обращаются с ними хорошо». Но и между поляками Гордон не нашел возможности составить себе счастье и в 1661 году вступил в русскую службу в звании майора; в сентябре приехал в Москву, в Немецкую слободу. Здесь сначала Гордону не понравилось. Его позвали к начальнику Иноземного приказа, тестю царскому, боярину Илье Даниловичу Милославскому; тот велел ему взять копьё и мушкет и показать, как он умеет ими действовать. Гордон отвечал, что если б ему прежде сказали об этом, то он бы привел с собою своего денщика, который, вероятно, знает лучше его ружейные приемы, и прибавил, что для офицера эти приемы последнее дело, а главное начальствовать над солдатами. Боярин возразил, что всякий служилый иноземец, приезжающий в Россию, хотя бы был полковник, должен показать, умеет ли действовать копьем и мушкетом. Делать было нечего: Гордон принялся за копьё и мушкет, и боярин остался доволен.

Тут же на первых порах опытный искатель добычи столкнулся с знаменитыми также искателями добычи, московскими дьяками. Назначен был Гордону за его выезд в Россию подарок 25 рублей чистыми деньгами и на 25 рублей соболями. Иностранец не знал обычая, что для получения этого подарка надобно прежде подарить дьяка. Гордон к дьяку за подарком – тот отговаривается пустяками, Гордон бранится – нет успеха; Гордон к боярину с жалобой, боярин велит дьяку выдать подарков, но тот не выдает. Гордон в другой, в третий раз с жалобой к боярину, говорит ему прямо, что не понимает, кто имеет больше силы – он, боярин, или дьяк, потому что дьяк и не думает исполнять его приказаний. Боярин рассердился, велел позвать дьяка, схватил его за бороду, потаскал его добрым порядком и обещал кнут, если Гордон придет еще раз с жалобой. Дьяк приходит к Гордону с ругательствами; тот платит ему такую же монетою и оканчивает угрозою, что потребует увольнения от службы. Действительно, Гордон начал серьезно думать, как бы выбраться из России: жалованье небольшое, и то медными деньгами (4 копейки идут за одну серебряную), и жить нельзя, не только что скопить чтонибудь. В Иноземном приказе проведали, что Гордон хочет просить увольнения у боярина, испугались и выдали ему свидетельство для получения денег и соболей. Гордон заупрямился, не хотел брать подарка; толковал об отпуске; но ему внушили, что просьбою об отпуске он только может погубить себя; он католик, приехал из Польши, с которою идет война, и сейчас же хочет опять уехать – ясно, что приезжал для лазутчества; вместо отпуска познакомится, пожалуй, с Сибирью. Гордон испугался, взял подарок и остался в Москве, в Немецкой слободе, в которой иногда происходили любопытные события.

В Немецкой слободе, как во всякой другой, полицейский надзор был поручен десятским, которым давался наказ: «Ведать тебе и беречь накрепко в своем десятке и приказать полковникам и полуполковникам, и нижним чинам начальным, и торговым, и всяким жилецким людям, и иноземцам, чтоб они русских беглых и новокрещенных, и белорусцев, и гулящих людей в дворах у себя для работы без крепостей не держали, и поединков и никакого смертного убийства и драк не чинили, и корчемных продажным питьем, вином и пивом и табаком не торговали, и воровским людям приходу и приезду и б..., и, не являсь в Приказ Новые Четверти, никакова питья не

держали, а для работы во дворе у себя держали всяких разных вер иноземцев некрещенных». Но мы уже знаем, как солдаты мало обращали внимания на указы относительно вина и как иностранные офицеры их сквозь пальцы смотрели на это. Однажды в Москве узнали, что солдаты держат вино в Немецкой слободе в известном доме. Подьячий с отрядом стрельцов явился на выимку и нашел вино, хотя солдаты успели спрятать его в саду. Стрельцы взяли вино, захватили и несколько солдат; но прибежали другие солдаты, освободили товарищей, отняли вино и протолкали стрельцов до городских ворот. Тут к стрельцам пришла подмога, и солдаты принуждены были бежать в свою очередь; но скоро и они получили подкрепление: солдат набралось 800 человек, стрельцов было 700; завязался бой в узких улицах, и солдаты втиснули стрельцов в ворота Белого города; но на помощь к стрельцам явилось 600 товарищей с главного кремлевского караула, и отрезали путь солдатам, ворвавшимся в Белый город; 22 человека были схвачены, биты кнутом и сосланы в Сибирь.

Игра в карты была также запрещена, и солдаты играли тайком, ночью. Однажды русский капитан Спиридонов накрыл их и по обычаю тогдашнего начальства воспользовался этим случаем для добычи: забрал себе не только те деньги, которые были в игре, но еще взял с солдат 60 рублей, не давши об этом знать по начальству, то есть Гордону. Тот призвал Спиридонова к себе и сделал ему строгий выговор с угрозой, что вперед ему плохо будет. Капитан, не привыкший к таким внушениям, начал было горячиться; тогда Гордон употребил внушение другого рода: схватил Спиридонова за голову, повалил на пол и так отколотил дубинкою, что несчастный едва мог встать. Капитан пожаловался полковнику: но Гордон заперся, потому что свидетелей не было; капитан пожаловался боярину, Гордон и тут заперся.

Хозяин дома, где квартировал Гордон, захотел освободиться от своего постояльца, и челобитье его было исполнено. Два раза присылали Гордону письменные приказания очистить квартиру, но он не обращал на них никакого внимания. Однажды, когда Гордон сидел за обедом, входит к нему в комнату подьячий с указом, чтоб он немедленно перебирался на другую квартиру. С подьячим пришло 20 человек трубников, большая часть которых остались внизу. «Покажи

указ!» – говорит Гордон подьячему. «Не покажу, – отвечает тот, – потому что ты два прежние указа оставил у себя или, быть может, разодрал». «До тех пор не очищу квартиры, пока не покажешь указа», – говорит Гордон. Тогда подьячий велит трубникам взять чемодан и нести вон, а сам берет полковые знамена. Гордон вскакивает изза стола и с помощью денщика и двоих офицеров, которые вместе с ним обедали, выгоняет подьячего вон из комнаты и с лестницы. Но подьячий соединяется с остальными трубниками и снова идет наверх к Гордону; тот с товарищами, пользуясь выгодой своего положения наверху, прогоняет их тем легче, что трубники были вооружены одними палками. На шум прибегают солдаты, нападают на подьячего и трубников, и те бегут, солдаты гонят их до Яузского моста и отнимают у них шапки. Дело кончилось ничем, потому что на счастье Гордона Милославский поссорился с Ртищевым, к приказу которого принадлежал подьячий, а между тем Гордон переменил квартиру.

Остался в Москве – делать нечего, надобно было сообразоваться с обычаями. Гордон позвал всех подьячих Иноземного приказа к себе на пирушку и каждому подарил кому два соболя, кому один. С этих пор он пользовался их полным расположением и уважением; какое бы ни было у него дельце в приказе, все сейчас обделают.

Несмотря на это, Гордону все еще очень не нравилось в Москве; человек привык приобретать добычу с оружием в руках, а тут надобно задаривать людей, которые пером ловят соболей! Нельзя вырваться на запад, то нельзя ли хотя еще дальше на восток. Назначался Федор Андреевич Милославский послом в Персию; Гордон стал проситься в свиту, но, зная, что одни просьбы не принимаются, снес самому Милославскому 100 золотых да его дворецкому подарок в 20 золотых. Но золотые пропали, дело было невозможное; иноземца выписали для ратной службы, а он хочет ехать с послом в Персию, куда могут отправиться и русские – пожалуй, еще оттуда уйдет или передастся шаху!

Хотя десятские Немецкой слободы получали наказ – беречь накрепко, чтоб не было поединков, однако служилые иноземцы мало обращали внимания на это запрещение. Гордон в 1666 году имел поединок с майором Монгомери: поссорился он с ним у себя на пирушке, которую давал придворным в царские именины.

Служилые иноземцы не всегда ссорились друг с другом только на пирушках, под влиянием винных паров. По возвращении из похода 1676 года Гордон, бывший тогда уже полковником, узнал, что некоторые драгуны его полка хотят на него жаловаться и что подбивают их к тому генералмайор Трауернихт. Встретившись с Трауернихтом в доме князя Трубецкого, Гордон в присутствии многих полковников резко выговорил ему, что он связался с негодьями его полка и подучает их подать на него жалобу. Трауернихт смолчал; но на другой же день проводил в Разряд солдат, которые отнесли туда свое челобитье на Гордона. Через несколько дней является к Гордону полковник Шиль, родственник Трауернихта, и предлагает, что если Гордон заплатит Трауернихту 300 фунтов, то он уладит дело между ним и драгунами. Гордон отвечал бранью на это предложение. Когда он узнал, что дело на следующий день будет докладываться царю, то послал думному дьяку подарок в 20 рублей; дьяк обещал быть за Гордона; за него же был и сам воевода, князь Григорий Григорьевич Ромодановский, который при докладе объявил, что все написанное в челобитной ложь, дело в том, что Гордон содержит строгую дисциплину и не позволяет своим подчиненным воровать и бегать. «Я говорю это, – прибавил князь, – не потому что Гордон мне дал чтонибудь или обещал, но зная его усердие к службе царского величества». Крестьяне 20 деревень, в которых стоял Гордонов полк, прислали сказку за руками троих священников, что они не могут ни в чем пожаловаться на Гордона. Жалобщики, увидавши, что дело не может кончиться в их пользу, предложили Гордону мировую, если он даст им пять рублей. Гордон отвечал, что даст пять рублей, если они откроют ему всех сообщников, чтобы ему знать, кто у него в полку друзья и кто враги, без этого не даст ни копейки. Драгуны не согласились.

Русские исповедники просвещения в XVII веке

Было великое и страшное время в начале XVII века: здоровые силы народа должны были находиться в крайнем напряжении для того, чтоб одолеть многочисленные и тяжкие болезни, поразившие общественное тело; лучшие люди должны были обнаружить всю свою деятельность, и деятельность эта требовалась на разных путях, ибо везде общество сильно нуждалось в свете и в правде.

Общество уже начало подозрительно смотреть на тех людей, от которых прежде исходила проповедь о свете и правде, проповедь словом и делом, ибо часто эти люди омрачали себя делами неправедными, которые даже не скрывались в тьме, но являлись без покровов на белый свет. Лучшим представителям этих людей нужно было много труда, много жертв и страданий, чтобы возвратить к себе доверие общества.

Однажды в Москве, на рынок, где продавались книги, пришел молодой монах, высокий, стройный, красивый. Глаза всех обратились на него, и один из присутствовавших, вспомнив поведение некоторых монахов, обратился к нему с неприличными словами. Монах, вместо того чтоб осердиться, глубоко вздохнул, облился слезами и сказал ему: «Да, брат! я в самом деле такой грешник, как ты подумал обо мне. Бог тебе открыл обо мне правду. Если б я был настоящий монах, то не бродил бы по этому рынку, не скитался бы между мирскими людьми, а сидел бы в своей келии; прости меня грешного, бога ради, в моем безумии». Все присутствовавшие, тронутые этими речами, обратились с криком на человека, который осмелился оскорбить достойного инока, называли его дерзким, невеждою. «Нет, братья! говорил им монах, дерзкий и невеждато я, а не он; все слова его обо мне справедливы; он послан от бога на мое утверждение, чтобы мне вперед не скитаться по рынку, а сидеть в келии». С этими словами монах ушел; обидчик бросился за ним просить прощения. Этот монах был из Старицкого богородичного монастыря, именем Дионисий.

Скоро опять увидели Дионисия на площадях московских, в сане архимандрита своего монастыря, и тут уже он не говорил, что

неприлично было ему, как монаху, показываться среди народа, тут он был на своем месте. Увещевая духовенство, патриарх Гермоген ставил ему в пример Дионисия: «Смотрите, говорил он, на старинного архимандрита: никогда он от соборной церкви не отлучается, на царских и всемирных соборах всегда тут». Что же это были за всемирные соборы, на которых присутствовал Дионисий? Было тогда время мятежное; Московское государство волновалось именем царевича Дмитрия; от Москвы за 12 верст, в Тушине, стояли поляки и литовцы с русскими ворами, промышляя над столицей. Не только в простых людях, но и в князьях и боярах была шатость большая, разделялись надвое; брат в Москве с царем Василием в осаде, а другой в Тушине с вором, отец на Москве, а сын в Тушине, и сходились на битвы сын против отца и брат против брата; а в Москве, народ, собравшись, приходил к царю Василию с шумом, требуя, чтоб отказался от престола. Патриарх защищал царя, Дионисий был подле патриарха и увещевал народ, несмотря на всевозможные оскорбления, которым подвергались увещатели от буйной толпы.

В самое смутное время Дионисий был назначен архимандритом в знаменитый Троицкий Сергиев монастырь. Москва была разорена, казаки неслыханно свирепствовали во всех областях; толпы беглецов с разных сторон устремились к Троицкому монастырю, и страшно было смотреть на них: одни были изломаны, обожжены, у других ремни из хребтов вырезаны, волосы с голов содраны, руки и ноги обсечены; многие приходили в монастырь для того только, чтоб исповедоваться, приобщиться и умереть; многие не успевали достигнуть и монастыря, умирали на дороге; монастырь, слободы, окрестные деревни и дороги наполнены были мертвыми и умирающими. Дионисий призвал келаря, казначея, всю братию, слуг и крестьян монастырских, и начал им говорить, что во время такой беды надобно изо всех сил помогать людям, которые ищут приюта у святого Сергия. Ему отвечали единогласно: «Кто, государь архимандрит! в такой беде с разумом сберется? Никому невозможно стало промышлять кроме единого бога». Дионисий заплакал и начал опять говорить им: «Ведь это искушение нам от господа бога; от большой осады нас господь бог избавил; а теперь за леность нашу и за скупость может нас и без осады смирить и оскорбить». – Что же нам делать? спросили келарь, братия и слуги. Дионисий отвечал: «Дом святой Троицы не запустеет, если

станем молиться богу, чтобы дал нам разум: только положим на том, чтобы всякий промышлял, чем может». Слуги и крестьяне посоветовались между собою, и сказали архимандриту с братиею: «Если вы, государи, будете из монастырской казны давать бедным на корм, одежду, лечение, и работникам, кто возьмется стряпать, служить, лечить, собирать и погребать: то мы за головы свои и животы не стоим».

И вот пошел промысел всем бедным, живым и умирающим, в монастыре и кругом монастыря. Прежде всего начали строить дома, больницы для раненых, избы на странноприимство всякого чину людям, прибежавшим из Москвы и других городов, особые избы мужчинам, особые женщинам, в Служней слободе и в селе Клементьеве; люди ездили по лесам и дорогам, подбирали раненых и мертвых; женщины, которым монастырь дал приют и содержание, беспрестанно шили и мыли рубашки живым, саваны мертвым. А внутри монастыря, в келии архимандричьей, сидели писцы борзные, из которых особенно отличался Алексей Тихонов, собирали они учительные слова из божественных писаний, составляли увещательные послания и рассылали по городам и полкам, призывая к очищению землю.

Земля наконец очистилась, страшное Смутное время прошло, но Дионисий не мог успокоиться: его ждали новые подвиги, новые бедствия и новая слава. Чтоб понять положение Дионисия, те препятствия, которые встречала деятельность людей, ему подобных, надобно обратить внимание на некоторые стороны тогдашнего общественного быта. Общества необразованные и полуобразованные страдают обыкновенно такую болезнь: в них всего легче людям, пользующимся какимнибудь преимуществом, обыкновенно чисто внешним, приобрести огромное влияние и захватить в свои руки власть. Это явление происходит от того, что общественного мнения нет, общество не сознает своей силы и не умеет ею пользоваться, большинство в нем не имеет достаточного просвещения для того, чтоб правильно оценить достоинства своих членов, чтоб этим просвещением своим внушить к себе уважение в отдельных членах, внушить им скромность и умеренность, при отсутствии просвещения в большинстве, всякое преимущество, часто только внешнее, имеет обаятельную силу, и человек, им обладающий, может решиться на все

– сопротивления не будет. Так например, если в подобном необразованном или полуобразованном обществе явится человек бойкий, дерзкий, начетчик, говорун, то чего он не может себе позволить? кто в состоянии оценить в меру его достоинства? Если явится ему противник, человек вполне достойный, знающий дело и скромный, уважающий свое дело и общество, то говорун, который считает все средства в борьбе позволенными для одоления противника, начинает кричать, закидывать словами, а для толпы несведущей кто перекричал, тот и прав; дерзость, быстрота, неразборчивость средств дает всегда победу. Древнее наше общество, вследствие отсутствия просвещения, сильно страдало от таких *мужиковгорланов*, как их тогда называли; их присутствие, то есть состояние общества, допускавшее их присутствие, сильно содействовало падению общинных форм быта, уже не говорим о вечниках новгородских; в XVII веке правительство наказывало воеводам защищать городских жителей от мужиковгорланов; после этого нет ничего странного, что жители городов отказывались от выборных властей и просили у правительства воевод; слабость общественного духа, позволявшая среди самой общины являться притеснителям, делала граждан равнодушными к той форме, которая дана была им для защиты от притеснений, и которая однако, по отсутствию духа, не достигала своей цели.

Против такихто *мужиковгорланов* должен был ратовать Дионисий в своем монастырском обществе. Монастырское устройство того времени, в общих чертах, было таково: главное лицо, архимандрит, ведал церкви, в церквях образа и книги, сосуды и всякую церковную казну; келарь ведал монастырь, всякое монастырское строение, вотчины, денежную казну, вкладные деньги, платье и всякую рухлядь, деньги кормовые и кружечные, за свечи и за мед, собирал всякие доходы. В неопределенное время, по согласию братии, в монастырях бывали соборы, на которых происходили выборы в конюшие, чашники, житничные, подкеларники, сушильные, по селам на приказы и во всякие монастырские службы; на этих же соборах определялись раскладки оброков на крестьян. Все приговоры собора записывались в книгу, которая хранилась в монастырской казне. Келарю предоставлено было право суда между братьею, служками, служебниками и крестьянами; большие дела судные и сыскные вершил он с архимандритом, казначеем и соборными старцами вместе; если же

которого судного дела одним им вершить было нельзя, то это дело решалось на всем черном соборе, по совету со всею братьею. Легко понять, какое значение при таком устройстве мог иметь келарь, заведывавший всеми материальными интересами, какую сильную партию он мог себе составить, какие приобрести средства противиться архимандриту, когда тот напоминал о духовных интересах,

Мы видели, как в бедственное время Дионисий умел возбудить духовные интересы и сделать из своего монастыря успокоительную обитель скорбящим; но когда беда прошла, материальные интересы взяли верх, и святая ревность архимандрита встретила сильное сопротивление: *мужикигорланы* никак не хотели дать ему воли на доброе устройство монастыря, и сделали то, что монастырь, приобретший, благодаря Дионисию, такое высокое значение в Смутное время, возбудил к себе вражду многие во время мира: затеяно было множество споров с окольными людьми, землевладельцами, горожанами, крестьянами, искали в судах, поклепавши напрасно в деньгах, землях, крестьянах, искали именем чудотворца Сергия, а брали не в монастырь, но родственникам своим села и деревни устраивали; разгневили и самого государя, потому что брали в городах посадских людей и сажали их в монастырских слободах на житье. Монастырские слуги били и грабили на дорогах, когда ж приезжали в монастырь дети боярские или слуги знатных людей с жалобами, что монастырь вывел изза них крестьян и холопей на свои земли, то им давали управные грамоты, но прежде посылали перевести их холопей и крестьян в другие монастырские вотчины, и когда истцы приедут с управными грамотами, то им показывают пустые двory.

Дионисий умолял со слезами удерживаться от таких поступков, но понапрасну: *мужикигорланы* брали верх. Бесстрашный на площади среди мятущегося народа, Дионисий был необыкновенно кроток и ласков в отношении к управляемым. При тогдашнем состоянии нравов, многие из братии никак не могли понять учтивых форм, которые употреблял Дионисий: так, когда надобно было чтонибудь приказать монаху, то он говорил: «Если хочешь, брат, то сделай то и то». Монах, выслушавши такое приказание, преспокойно отправлялся на свое место и ничего не делал; когда же другие спрашивали его, отчего он не исполняет архимандричьего приказания? то он отвечал: «Ведь архимандрит мне на волю дал: хочу делаю, хочу нет».

Кроме людей, так ревностно заботившихся о материальных выгодах монастыря и своих родственников, в монастыре были два *мужикагорлана*: головщик Логин и уставщик Филарет. Логин приобрел удивление братии и посещавших монастырь голосом необыкновенно приятным, светлым и громким; в чтении и пении ему не было подобного, на один стих сочинял распевов по пяти, по шести и по десяти. Что стих искажался от этих распевов, терял смысл, что например, вместо *сѣмени* слышалось *семені*, до этого Логину не было дела, потому что он «хитрость грамматическую и философию книжное» называл еретичеством. Надменный своими преимуществами, удивлением, которое оказывали к его голосу, этот *мужикгорлан* не знал никакой меры, бранил, бил не только простых монахов, но и священников, обижал в милостыни, и никто не смел ему слова сказать. Дионисий часто обращался к нему с своими тихими поучениями, называл его государем, отцом, братом, величал по имени и по отчеству: «Что тебе, свет мой, пользы в этом, – говорил ему Дионисий, – что все клирики и все церковники жалуются на тебя, ненавидят тебя и проклинают, а мы, начальники, все как в зеркало на тебя смотрим? и какая будет польза, когда мы с тобою брань заведем?» Но увещания не помогали нисколько.

Другой *мужикгорлан*, уставщик Филарет, возбуждал удивление толпы и получил право быть горланом также по внешнему достоинству, которое в то время очень ценилось: *сединами добрыми*; он жил у Троицы больше пятидесяти лет, уставщиком был больше сорока лет – преимущество громадное, по тогдашним понятиям; все остальные, не исключая и архимандрита, были перед ним молодые люди. Логин своими распевами искажал смысл стихов духовных; Филарет пошел дальше: по его мнению, Христос не прежде век от отца родился; божество почитал он человекообразным. Оба, Филарет и Логин, были друзья, оба ненавидели Дионисия за обличения: «Пощадите, не принуждайте меня ко греху, говорил им Дионисий: ведь это дело всей церкви божией, а я с вами по любви наедине беседую, и спрашиваю вас для того, чтоб царское величество и власть патриаршеская не узнали, чтоб нам в смирении и в отлучении от церкви божией не быть». Логин отвечал ему: «Погибли места святые от вас, дураков; везде вас теперь много неученых сельских попов; людей учите, а сами не знаете, чему учите». Больше всего сердился

Логин на Дионисия за то, что архимандрит вмешивался, по его мнению, не в свое дело, то есть заставлял читать поучения святых отцов, и сам часто читал их и пел на клиросе: «Не ваше то дело петь или читать, – говорил ему Логин: знал бы ты одно, архимандрит, чтоб с мотовилом своим на клиросе, как болван, онемев, стоять». Однажды, на заутрени, Дионисий сошел с клироса и хотел читать первую статью; Логин подскочил к нему и вырвал книгу из рук, нагой с книгою полетел на землю, стук, гром, соблазн для всех; Дионисий только перекрестил свое лицо, пошел на клирос и молча сел; Логин, прочтя статью, пришел к архимандриту и, вместо того, чтоб просить прощения, начал плевать на него и браниться. Дионисий махнувши посохом, сказал ему: «Перестань, Логин, не мешай божественному пению, и братию не смущай; можно нам об этом переговорить и после заутрени». Тут Логин выхватил у него из рук посох, изломал на четыре части и бросил к нему на колени. Дионисий взглянул на образ, и сказал: «Ты, господи владыко, вся веси, и прости мя грешного, яко согреших пред тобою, а не он». Сошедши со своего места, он всю заутреню проплакал пред образом богородицы. После заутрени вся братия никак не могла уговорить Логина, чтобы просил прощения у архимандрита.

Напрасно Дионисий старался укрыть поведение Логина и Филарета в стенах монастыря: они писали на него жалобы в Москву, в Кириллов монастырь; наконец имели удовольствие довести Дионисия до беды. В ноябре 1616 года, архимандрит Дионисий, келарь Авраамий Палицын и вся братия Троицкого монастыря получили такую царскую грамоту: «По нашему указу взяты были к нам в Москву, из Троицкого Сергиева монастыря, канонархист старец Арсений, да села Клементьева поп Иван, для исправления книг печатных и Потребника; да к тому же делу велено было прислать вам книгохранителя старца Антония. И вы писали к нам, что старец Антоний болен, а старец Арсений и поп Иван били нам челом и сказали: от времен блаженного великого князя Владимира до сих пор книга Потребник в Москве и по всей Русской земле в переводах разнится и от неразумных писцов во многих местах неисправлена; в пригородах и по крайнам, которые близ иноверных земель, от невежества у священников обычай застарелся и бесчиния вкоренились: и потому им, старцу Арсению и попу Ивану, одним у той книги Потребника для исправления быть

нельзя, надобно ее исправлять, спрашивая многих и справляясь со многими книгами. И мы, – продолжает царь, – указали исправление Потребника поручить тебе, архимандриту Дионисию, а с тобою Арсению и Ивану и другим духовным и разумным старцам, которые подлинно известны книжному учению, и грамматику и риторику умеют».

Дионисий с товарищами принялся за дело: Потребник был исправлен, между прочим вычеркнута и ненужная прибавка: и огнем, в молитве водоосвящения: «Прииди, господи, и освяти воду сию духом твоим святым *и огнем*». И вот Филарет, Логин и ризничий дьякон Маркелл отправили донос в Москву, что Дионисий с товарищами еретичествуют, «духа святого не исповедуют, яко огонь есть». Логин считал себя знатоком дела, потому что в царствование Шуйского он печатал уставы и наполнил их ошибками. В это время патриарха не было в Москве: ростовский митрополит Филарет Никитич, долженствовавший занять это место, находился в польском плену, и первое место между русскими архиереями занимал крутицкий митрополит Иона, человек неспособный понять и оценить дело исправления Потребника. Дионисий с товарищами был потребован к объяснению; четыре дня приводили его на патриарший двор к допросу с бесчестием и позором; потом допрашивали его в Вознесенском монастыре, в келиях матери царя Михаила, инокини Марфы Ивановны: решили, что исправители еретичествуют.

Но при этом решении, кроме невежества, вскрывалась еще другая язва общественная: тут действовала не одна ревность по букве, по старине, на которую наложили руку смелые исправители, тут обрадовались, что попался в руки архимандрит богатейшего монастыря, и потребовали от него за вину пятьсот рублей. Дионисий объявил, что денег у него нет, и что он платить не будет: отсюда страшная ярость, и оковы, и побои, и толчки, и плевки. Дионисий, стоя в оковах, с улыбкою отвечал тем, которые толкали его и плевали на него: «Денег у меня нет, да и дать не за что: плохо чернецу, когда его расстричь велят, а достричьто ему венец и радость. Сибирью и Соловками грозите мне: но я этому и рад, это мне и жизнь». За Дионисием присылали нарочно в праздничные или торговые дни, когда было много народа; приводили его пешком или привозили на самой негодной лошади, без седла, в цепях, в рубище, на позор толпе,

из которой кидали в него грязью и песком; но он все это терпел с веселым видом, смеялся, встречаясь с знакомыми. Приведут его, иногда до обедни, иногда после обедни, и поставят скованного в подсенки на дворе митрополичьем, стоит он тут с утра до вечера и не дадут ему воды чашки, а время было июнь, июль месяцы, дни жаркие; митрополит Иона после обедни сядет с собором за стол, а Дионисий с учениками своими празднует под окнами его келий в кулаках да в пинках, а иногда достанется и батогом. Словом, ересь напугала старицу Марфу Ивановну, мать царя Михаила Федоровича: вооружили ее против мнимых еретиков, а в народе распустили слух, что явились такие еретики, которые огонь хотят в мире вывести – и вот страх и злоба напали на простых людей, особенно на ремесленников, которым без огня ничего нельзя сделать; они начали выходить с дрекольем и камнями на Дионисия.

Мужественно вынося испытание, не позволяя себе унизиться до забот о самом себе, Дионисий заботился о товарищах своей беды, хлопотал, чтоб они поскорее от нее избавились. Один из них, старец Арсений Глухой, не одаренный твердостью духа, не мог выдержать испытания; любопытно видеть в этом человеке, подле сознания в правоте своего дела, подле негодования на невежественных обвинителей, упадок духа, выражающийся обыкновенно в желании обвинить других в своей беде. Он подал боярину Борису Михайловичу такую челобитную: «24 октября 1615 года писал из Москвы государевым словом Троицкого Сергиева монастыря келарь Авраамий Палицын к архимандриту Дионисию, велел прислать в Москву меня, нищего чернеца для государева дела, чтоб исправлять книгу Потребник на Москве в печатное дело; а поп Иван клементьевский приехал в Москву сам собою, а не по грамоте, и как мы стали перед тобою, то я сказал про себя, что меня не будет на столько, что я ни поп, ни дьякон, а в той книге все потребности поповские; а Иван поп сам на государево дело набился и бил челом тебе для себя, потому что у него там у Троицы жена да дети, чтоб государь приказал править книгу Троицкому архимандриту Дионисию, а нам бы, попу Ивану, да мне чернецу Арсеньишку, да старцу Антонию с архимандритом же у дела быть: и ты, государь, по Иванову челобитью, и по докуке, велел ему дать с дворца государеву грамоту на архимандричье имя». Оправдав сделанные в Потребнике поправки, Арсений продолжает: «Есть,

государь, иные и таковы, которые на нас ересь взвели, а сами едва и азбуку знают, не знают, которые в азбуке буквы гласные, согласные и доегласные, а что восемь частей слова разуметь, роды, числа, времена и лица, звания и залого, то им и на разум не всхаживало, священная философия и в руках не бывала; не зная чего, легко можно погрешить не только в божественных писаниях, но и в земских делах, если кто даже естеством и остроумен будет... Наше дело в мир не пошло и царской казне никакой протори не сделало; если бы мы что и не доброе сделали, то дело на сторону, а трудивыйся неразумно и неугодно мзды лишен бывает: а не малая, беда мне нищему чернецу, поднявши такой труд, сидя за государевым делом полтора года день и ночь, мзды лишасяму быть; всего нам бедным клирошанам идет у Троицы на год зажилого денег по тридцати алтын на платье, одеваемся и обуваемся рукодельем... Не довольно стало, чтобы наши труды уничтожить, но и государыни благоверные и великие старицы, инокини Марфы Ивановны, кроткое и незлобивое сердце на ярость подвигнули. Если бы наше морокование было делано на Москве, то все было бы хорошо и стройно, государю приятно и всем православным в пользу, и великий святитель митрополит Иона по нас был бы великий поборник. Я говорил архимандриту Дионисию всякий день: архимандрит государь! откажи дело государю, не сделать нам того дела в монастыре без митрополичья совета, а привезешь книгу исчерня в Москву, то и простым людям станет смутно. Но архимандрит меня не слушал ни в чем и ни во что меня ставил, во всем попа Ивана слушал, а тот и довел его до бесчестия и срамоты. Иван поп на соборе слюнями глаза запрыскал тем, с которыми спорил, и что честным людям стало в досаду; и мне думается, что я, нищий чернец, страдаю от попа Ивана да от архимандрита, потому что архимандрит меня не послушал, дела не отказал, а поп Иван сам на государево дело набился, у дела был большой, нас в беду ввел, а сам вывернулся, как лукавая лисица козла бедного великобородого завела в пропасть неисходную, а сама по нем же выскочила».

Наконец, порешили дело, осудили Дионисия на заточение в Кириллов Белозерский монастырь; но трудно было тогда провести его туда по причине польских отрядов, загораживавших дорогу на север, и потому велели содержать его в Новоспасском монастыре, наложили на

него епитемью – тысячу поклонов, били и мучили его сорок дней, ставя в дыму на полатах.

Но заточение Дионисия было непродолжительно: приехал в Москву иерусалимский патриарх Феофан, заметил искажение в церковных книгах, узнал, что исправители подверглись гонению, и когда возвратился из польского плена отец государя, ростовский митрополит Филарет Никитич, и был поставлен в патриархи, то Феофан предложил ему рассмотреть вновь дело Дионисия.

Созван был собор, опять был сильный и долгий спор, Дионисий стоял в ответе больше восьми часов, успел обличить всех своих клеветников, и с торжеством возвратился в свой монастырь, где продолжал искать красоты церковные и благочиния братского; о знаменитом же Логине сделан был достойный отзыв в грамоте патриарха Филарета, в которой приказывалось отбирать уставы, напечатанные при Шуйском, «потому что те уставы печатал вор, бражник, Троицкого Сергиева монастыря крылошанин чернец Логин, и многие в них статьи напечатал не по апостольскому и не по отеческому преданию, а своим самовольством».

Публичные чтения о Петре Великом

Чтение первое

Милостивые государи!

Проходит 200 лет с того дня, как родился великий человек. Отовсюду слышатся слова: надобно праздновать двухсотлетний юбилей великого человека; это наша обязанность священная, патриотическая обязанность, потому что этот великий человек наш, русский человек. Наука, ученое общество при университете хлопочет о воздвигнутии памятника небывалого, достойного деятельности великого человека. Священная патриотическая обязанность! Сильные слова, способные возбудить сильное чувство; но чем сильнее чувство, чем священнее предмет, на который оно направлено, тем более предосторожностей должно быть употреблено для его разумного направления. Что праздновать и как? Первый вопрос, который здесь задает человек, способный разумно относиться к каждому явлению, способный допрашивать это явление о его смысле, а не подчиняться ему безотчетно. Таким образом, первая обязанность общества образованного: разъяснить для себя значение деятельности великого человека; сознать свое отношение к этой деятельности, к ее результатам; узнать, во сколько эти результаты вошли в нашу жизнь, что они произвели в ней, какое их значение для настоящего, для будущего; иначе праздник будет праздным. И мы собрались здесь накануне праздника, чтобы приготовиться к нему; накануне праздника усиливается работа для человека, который хочет светло, достойно праздновать; во имя величайшего из тружеников Русской земли приглашаю вас, господа, к труду – обозреть труд его, подумать над ним.

Двухсотлетний юбилей великого человека – это значит, что мы обладаем материалами, средствами оценивать его величие, накопившимися в продолжение 200 лет. Каждое историческое явление объясняется рядом предшествовавших явлений и потом всем последующим. 200 лет думал русский человек о Петре, и, говоря это, мы не подвергаемся обвинению в большой неточности, потому что великий человек, о котором идет речь, является в истории очень рано, 10 лет – и является на самом видном месте; следовательно, вычет не

велик. 200 лет без чего-нибудь русский человек думал о Петре, думал постоянно: что же он надумал?

Думая о Петре, думая о том, за что называют его великим человеком, разумеется, русский человек должен был думать и о том, что такое великий человек вообще. Бывают в жизни народов времена, повидимому, относительно тихие, спокойные: живется, как жилось издавна, и вдруг обнаруживается необыкновенное движение, и дело не ограничивается движением внутри известного народа, оно обхватывает и другие народы, которые претерпевают на себе следствия движения известного народа. Человека, начавшего это движение, совершившего его; человека, по имени которого знают его время потомки, такого человека называют великим. В то время, когда народы живут в первый возраст своего бытия, – возраст юный, для большинства народного очень продолжительный, когда люди поддаются господству чувства и воображения, тогда великие люди являются существами сверхъестественными, полубогами. Понятно, что при таком представлении великий человек является силою, не имеющею никакого отношения к своему веку и своему народу, силою, действующей с полным произволом; народ относится к ней совершенно страдательно, бессознательно, безусловно подчиняется ей, страдательно носит на себе все следствия ее деятельности; великому человеку принадлежит почин во всем, он создает, творит все средствами своей сверхъестественной природы.

Христианство и наука дают нам возможность освободиться от такого представления о великих людях. Христианство запрещает нам верить в богов и полубогов, наука указывает нам, что народы живут, развиваются по известным законам, проходят известные возрасты, как отдельные люди, как все живое, все органическое; что в известные времена они требуют известных движений, перемен, более или менее сильных, иногда отзывающихся болезненно на организме, смотря по ходу развития, по причинам, коренящимся во всей предшествовавшей истории народа. При таких движениях и переменах, при таком переходе народа от одного порядка жизни своей к другому, из одного возраста в другой люди, одаренные наибольшими способностями, оказывают народу наибольшую помощь, наибольшую услугу: они яснее других сознают потребность времени, необходимость известных перемен, движения, перехода и силою своей воли, своей неутомимой

деятельности, побуждают и влекут меньшую братию, тяжелое на подъем большинство, робкое перед новым и трудным делом. Как люди, они должны и ошибаться в своей деятельности, и ошибки эти тем виднее, чем виднее эта деятельность; иногда по силе природы своей и силе движения, в котором они участвуют на первом плане, они ведут движение за пределы, назначенные народною потребностью и народными средствами. Это производит известную неправильность, остановку в движении, часто заставляет делать шаг назад, что мы называем реакцией, но эта неправильность временная, а заслуга вечная, и признательные народы величают таких людей великими и благодетелями своими.

Таким образом, великий человек является сыном своего времени, своего народа, он теряет свое сверхъестественное значение, его деятельность теряет характер случайности, произвола; он высоко поднимается как представитель своего народа в известное время, носитель и выразитель народной мысли; деятельность его получает великое значение, как удовлетворяющая сильной потребности народной, выводящая народ на новую дорогу, необходимую для продолжения его исторической жизни. При таком взгляде на значение великого человека и его деятельности высоко понимается народ; его жизнь, история является цельною, органическою, неподверженною произволу, капризу одного сильного средствами человека, который может остановить известный ход развития и толкнуть народ на другую дорогу вопреки воле народной. История народа становится достойной изучения, представляет уже не отрывочный ряд биографий, занимательных для воображения людей, остановившихся на детском возрасте, но дает связное и стройное представление народной жизни, питающее мысль зрелого человека, который углубляется в историю как науку народного самопознания.

В двести без чегонибудь лет, пережитых Россией со дня рождения Петра, русская мысль относилась различно к этому великому человеку и его деятельности. Различие взглядов происходило, во-первых, от громадности дела, совершенного Петром, и продолжительности влияния этого дела; — чем значительнее какоенибудь явление, тем более разноречивых взглядов и мнений порождает оно, и тем долее толкуют о нем, чем долее ощущают на себе его влияние; во-вторых, оттого, что русская жизнь не остановилась после Петра, и при каждой

новой обстановке ее мыслящий русский человек должен был обращаться к деятельности Петра, результаты которой оставались присущими при дальнейшем движении, и обсуждать ее, применять к новым условиям, новой обстановке жизни; в-третьих, разность взглядов на деятельность Петра зависела от незрелости у нас исторической науки, от неустановленности основных начал при изучении жизни народов: то применяли к русской истории неподходящую мерку истории чужих народов, отчего происходили странные выводы; то, наоборот, изучали русскую историю совершенно особняком, не подозревая, что при всем различии своем она подчиняется общим основным законам, действующим в жизни каждого исторического народа. Я говорю о разноречиях серьезных, высказывавшихся людьми серьезными, – людьми, честно относившимися к вопросам настоящего, и, по их связи с прошедшим, затрагивавшими и последнее. Но нельзя не упомянуть о печальном явлении, о выходках против Петра, происходивших от детской привычки увлекаться какимнибудь движением до такой степени, что, не разбирая, начинают считать враждебным этому движению то, что вовсе ему не враждебно, от детской привычки говорить не подумавши, не изучивши, от дурного детского поползновения бросить в когонибудь камнем, грязью, не посмотревши внимательно, можно ли с этим кемнибудь так обращаться безнаказанно, т. е. без умаления собственного человеческого и народного достоинства.

Долго относились у нас к делу Петра неисторически: как в благоговейном уважении к этому делу, так и в порицании его. Поэты позволяли себе воспевать: «Он бог твой, бог твой был, Россия». Но и в речи более спокойной, не поэтической, подобный взгляд господствовал; приведение Петром России от небытия к бытию было общеупотребительным выражением. Я назвал такой взгляд неисторическим потому, что здесь деятельность одного исторического лица отрывалась от исторической деятельности целого народа; в жизнь народа вводилась сверхъестественная сила, действовавшая по своему произволу, причем народ был осужден на совершенно страдательное отношение к ней. Многовековая жизнь и деятельность народа до Петра объявлялась несуществующей; России, народа русского не было до Петра: он сотворил Россию, он привел ее из небытия в бытие. Люди, которые обнаружили несочувствие к делу Петра, вместо

противодействия крайности приведенного взгляда, перегнули дугу в противоположную сторону; крайности сошлись, и опять надобно было проститься с историей. Россия по новому взгляду не только не находилась в небытии до Петра, но наслаждалась бытием правильным и высоким; все было хорошо, нравственно, чисто и свято; но вот явился Петр, который нарушил правильное течение русской жизни, уничтожил ее народный свободный строй, поправил народные нравы и обычаи, произвел рознь между высшими и низшими слоями народонаселения, заразил общество иноземными обычаями, устроил государство по чуждому образу и подобию, заставил русских людей потерять сознание о своем, о своей народности. Опять божество, опять сверхъестественная сила; опять исчезает история народа, развивающаяся сама из себя по известным законам, при влиянии особенных условий, которые и отличают жизнь одного народа от жизни другого.

Понятно, что оба взгляда, повидимому, противоположные, но в сущности одинаково неисторические, не могут держаться при возмужалости науки, когда более внимательные наблюдения над исторической жизнью народов должны были повести к отрицанию таких сверхъестественных явлений в этой жизни, когда убедились, что всякое явление, как бы оно ни было громко, как бы ни изменяло, повидимому, народный строй и образ, есть необходимо результат предшествовавшего развития народной жизни. Действительно, возьмем народ, находящийся на первоначальной ступени развития, какойнибудь кочевой народ в Средней Азии, какихнибудь монголов. Такие народы, по простоте своего быта, особенно бывают подвержены сильному влиянию внешних случайных явлений, произволу отдельных лиц. Мы видим, что среди этих народов являются иногда владельцы, ханы, одаренные необыкновенною энергиею, честолюбием, которые в более или менее продолжительное время успевают одолеть, уничтожить других ханов, сплотить мелкие, до тех пор разделенные орды в одну огромную массу и двинуть ее на опустошение, завоевание отдельных стран, вследствие чего образуются обширные владения. Здесь действительно мы видим, что народы страдательно подчиняются влиянию своих великих людей, своих Чингисханов и Тамерланов. О народе не слышно до появления этого Чингисхана или Тамерлана: он ничто для истории, находится в небытии; одною волею знаменитого

хана он приводится в бытие, делается известным, сильным, господствующим. Но и здесь мы видим, что эти великие люди степей, Чингисханы и Тамерланы, суть дети своего народа, не делают ничего, что бы выходило из границ его быта, его потребностей, не изменяют ничего в этом быте. Народ и до них был хищный, и до них обнаруживал свое существование чисто физическими движениями, грабежами, опустошениями, только в малых размерах; благодаря способностям, сильной воле одного человека, они это делают теперь в больших размерах, и в этом заключается вся разница. Умирает великий человек – и основанное им громадное владение начинает распадаться, и народ, всколыханный им, приходит в прежнее состояние, к прежнему историческому небытию. Что же делает здесь великий человек? Только то, на что способен его народ, на что дает ему средства; народ может внешним механическим образом соединиться волею, силою одного лица; при отсутствии этой воли и силы распадается: только то мы и видим в степной истории; внутренних перемен, перемен в быте великий человек произвести не может; если бы захотел, то ничего бы не сделал, погиб бы в бесплодных попытках. Но в томто и дело, что он и не хочет этого, не чувствует и не сознает потребности в этом, ибо он, сын своего народа, не может чувствовать и сознавать того, чего не чувствует и не сознает сам народ, к чему не подготовлен предшествовавшим развитием, предшествовавшей историей. Великий человек дает свой труд, но величина, успех труда зависит от народного капитала, от того, что скопил народ от своей предшествовавшей жизни, предшествовавшей работы, от соединения труда и способностей знаменитых деятелей с этим народным капиталом идет великое производство народной исторической жизни.

Но если произвол одного лица, как бы сильно это лицо ни было, не может переменить течение народной жизни, выбить народ из его колеи при самых простых, первоначальных формах быта, не может сделать этого с народом-младенцем, народом неисторическим, то тем менее это возможно в народе, который уже прожил много веков исторической жизнью, который развил свои силы в многотрудной деятельности внутренней, и каким был русский народ до Петра. Допустить в великом движении этого народа перерыв, уклонение, допустить в перемене бытовых форм измену началам народной жизни, и все это по воле одного человека, – значит низвести великий,

исторический народ, ниже кочевых народов Средней Азии. Наука не позволяет этого, господа! Не спрашиваю, может ли позволить это ваше чувство, ваш патриотизм? Народ, живший долгой и славной исторической жизнью и чувствующий в себе способность к продолжению этой жизни, радуется великой радостью, вспоминая о великом человеке и его деле, наполняется праведным самодовольством, ибо в великом человеке видит «плоть от плоти своя и кость от костей своих». Народ не отречется от своего великого человека, ибо такое отречение для народа есть самоотречение.

Если великий человек есть сын своего времени и своего народа; если его деятельность есть результат всей предшествовавшей истории народа; если эта деятельность дает уразумевать прошедшее, – а изучение всего прошедшего необходимо для ее уяснения; – если великие люди суть светила, поставленные в известном расстоянии друг от друга, чтоб освещать народу исторический путь, им пройденный, уяснять связь, непрерывную, тесно сомкнутую цепь явлений, а не разрывать эту связь, не спутывать кольца цепи, не вносить смуту в сознание народа о самом себе, – то из этого ясно, как трудна становится биографическая задача изображения деятельности одного исторического лица. Успех выполнения этой задачи, удовлетворительное представление характера и деятельности великого человека зависит от того, как ясно представляется для биографа целостный образ народа, возникший перед ним из внимательного рассмотрения всего исторического пути, совершенного народом. Отсюда понятно, почему у нас так долго не было истории Петра Великого, несмотря на попытки писать или заставлять писать эту историю. Были похвальные слова Петру, сборники материалов, расположенных по годам и перемешанных восторженными восклицаниями; были стихи в честь ему и хульные выходки в стихах и прозе, но не было истории: нельзя было воздвигать здание, когда не было почвы для него; почва для истории великого человека есть история народа.

Из сказанного ясно, что для уяснения значения Петра Великого мы должны обратиться к предшествовавшей ему истории русского народа, допроситься у нее, что это был за переворот, с которым мы привыкли соединять имя Петра, откуда произошел этот переворот, для чего понадобился. Для получения удовлетворительного ответа не

должно мудрствовать, надобно смотреть как можно проще. Все органическое подлежит развитию, подлежит ему отдельный человек, подлежат ему и живые тела, составленные из людей, народы: развитие происходит более или менее правильно, быстро или медленно, достигает высоких степеней, или останавливается на низших, все это зависит от причин внутренних, коренящихся в самом организме, или от влияний внешних. Органическое тело, народ, растет, растет внутри себя, обнаруживая скрытые в нем изначально условия здоровья или болезни, силы или слабости и в то же время подчиняясь благоприятным или неблагоприятным внешним условиям, из которых главное как для отдельного человека, так и для целого народа – это условие живого окружения, общества, ибо могущественные побуждения к развитию и формы этого развития даются обществом для отдельного человека, для народа – другими народами, с которыми он находится в постоянной связи, в постоянном общении. Органическое тело, народное тело, растет, значит, проходит известные возрасты, разнящиеся друг от друга, легко отличаемые.

Легко отличаются два возраста народной жизни: в первом возрасте народ живет преимущественно под влиянием чувства; это время его юности, время сильных страстей, сильного движения, обыкновенно имеющего следствием зиждительность, творчество политических форм. Здесь, благодаря сильному огню, куются памятники народной жизни в разных ее сферах или закладываются основания этих памятников. Наступает вторая половина народной жизни: народ мужает, и господствовавшее до сих пор чувство уступает малопомалу свое господство мысли. Сомнение, стремление проверить то, во что прежде верилось, задать вопрос – разумно или неразумно существующее, потрясти, пошатать то, что считалось до сих пор непоколебимым, знаменует вступление народа во второй возраст, или период, период господства мысли.

Историк не должен отдавать преимущества одному из этих возрастов перед другим, пристрастно относиться к тому или другому. О вкусах не спорят; пусть один говорит, что ему нравится растение особенно тогда, когда оно одевается первою свежею зеленью; другой приходит в восторг от цветка; третий скажет: «Что цвет? Поскорее бы он увядал, поскорее бы завязывался и созревал плод!» Но все это ненаучное дело. Историк знает, что при этом движении, которое

называется развитием, с приобретением или усилением одного начала, одних способностей, утрачиваются или ослабляются другие. Человек возмужал, окреп чрез упражнение мысли, чрез науку и опыт жизни приобрел бесспорные преимущества, и между тем горько жалеет о невозвратно минувшей юности, о ее порывах и страстях; мудрец жалеет о заблуждениях: значит, в этом пережитом возрасте было что-то очень хорошее, что утратилось при переходе в другой возраст. В тот возраст народной жизни, когда господствует чувство, возраст сильных и страстных движений, возраст подвигов, народ страстно относится к предметам своих привязанностей; он сильно любит и сильно ненавидит, не давая себе отчета о причинах своей привязанности и вражды. Стоит только сказать ему, что предмет его привязанности в опасности; стоит подняться священному для него знамени, он собирается, несмотря на все препятствия; он жертвует всем: чувство дает ему силу, способность совершать громадные работы, воздвигать здания не материальные только, но и политические. Сильные государства, крепкие народности, твердые конституции выковываются в этот возраст, в этот период господства чувства. Но этот же период знаменуется явлениями вовсе не привлекательными: чувство не сдерживается мыслию, знание слишком слабо, суеверие и фанатизм ведут к самым печальным явлениям, неопределенность отношений очищает произволу, силе сильного обширное поле, и что кажется так прекрасно, так поэтично издали на картине или на театральной сцене, то, приближенное к нашим глазам научными средствами, изученное подробно, является в отталкивающей обстановке.

Но точно так же односторонне признать за вторым периодом безусловное превосходство над первым. Период господства мысли, который красится процветанием науки, просвещением, имеет свои темные стороны. Усиленная умственная деятельность может скоро обнаружить свое разлагающее действие и свою слабость в деле созидания. Чувство считает известные предметы священными, неприкосновенными; оно раз определило к ним отношения человека, общества, народа и требует постоянного сохранения этих отношений. Мысль начинает считать такие постоянные отношения суеверием, предрассудком; она свободно относится ко всем предметам, одинаково все подчиняет себе, делает предметом исследования, допрашивает каждое явление о причине и праве его бытия, причем необходимо

ставит человека в холодное отношение к каждому явлению. Чувство, например, определяет отношение к своему и чужому таким образом, что свое имеет право на постоянное предпочтение пред чужим; народы, живущие в период господства чувства, остаются верны этому определению; но постоянная верность ему ведет к неподвижности. Если народ способен к развитию, способен вступить во второй период или второй возраст своей жизни, то движение обыкновенно начинается знакомством с чужим; мысль начинает свободно относиться к своему и чужому, отдавать преимущество жизни народов чужих, опередивших в развитии, находящихся уже во втором периоде. Выведши народ в широкую сферу наблюдений над множеством явлений в разных странах, у разных народов, в широкую сферу сравнений, соображений и выводов, покинув вопрос о своем и чужом, мысль стремится переставить отношения на новых общих началах; но ее определение отношений не имеет уже той прочности, ибо каждое определение подлежит, в свою очередь, критике, подкапывается, является новое определение, повидимому, более разумное, но и то, в свою очередь, подвергается той же участи. Старые верования, старые отношения разрушены; в новое, беспрестанно изменяющееся, в многообразные, борющиеся друг с другом противоречивые толки и системы верить нельзя. Раздаются скорбные вопли: где же истина? Что есть истина? Древо познания не есть древо жизни! Червь сомнения подтачивает все! Общество погибает, потому что чувство иссякает, не умеряет мысли! Ставится страшный вопрос, что выиграл человек, перешедши из одной крайности в другую, променявши суеверие на неверие?

Таковы опасности, могущие грозить отдельным людям и целым народам при переходе из одного возраста в другой. Заботливые и опытные отцы и матери хорошо знают эти опасности. Сколько с их стороны бессонных ночей и горячих слезных молитв, чтоб бог сохранил молодого человека от увлечений того широкого пути, на который он вступает; чтоб предавшись новому, не забыл он всего старого, не отрекся от тех начал, на которых был воспитан, не обратился к ним с враждой. Сколько примеров, что, не могли победить страха пред опасностями, грозящими молодому человеку при переходе через порог семьи, родители решались отказать ему в средствах высшего образования, не пуская в высшее учебное заведение. Предосторожность напрасная! Ранее или позднее человек

должен исполнить закон своего развития, должен исполнить его и целый народ.

Нам не нужно долго останавливаться на примерах, укажем только на самые знакомые и близкие к нам, причем окажутся и те побуждения, те средства, благодаря которым народ переходит из одного возраста в другой. Мы беспрестанно употребляем выражение: человек развитый и неразвитый, образованный и необразованный, и знаем, что средством для приобретения этой развитости прежде всего служит переход из узкого замкнутого круга, из узкого замкнутого общества в более широкий круг, в более многочисленное общество. Сельский житель отличается меньшею развитостью, потому что живет в тесном уединенном кругу, где видит все одни и те же предметы и явления; где господствует простота быта, простота отношений – и отсюда детская простота взглядов на все окружающее, привычка останавливаться на внешности, не углубляться в сущность явлений. Горожанин развитее сельского жителя потому, что круг, в котором обращается горожанин, шире, общество людей многочисленнее; одиночество останавливает развитие; общение с другими людьми, уясняя мысль, условливает развитие; но чтоб плодотворно меняться мыслями, надобно о чемнибудь думать; надобно, чтоб мысль возбуждалась широтою круга и разнообразием предметов; город дает именно эту широту и разнообразие, и потому горожанин развитее сельчанина. Другое могущественное средство развития дает школа, наука, посредством которых человеку делается доступен весь мир, и не только настоящее этого мира, но и его прошедшее. Этими двумя средствами развивается каждый отдельный человек, ими развиваются и целые народы.

Народы, живущие особняком, не любящие сближаться с другими народами, жить с ними общею жизнью, – это народы наименее развитые; они живут, так сказать, еще в сельском, деревенском быту. Самым сильным развитием отличаются народы, которые находятся друг с другом в постоянном общении; таковы народы европейскохристианские. Но понятно, что для плодотворности этого общения необходимо, чтоб народ встречался, общался с таким другим народом или народами, с которыми могла бы установиться мена мыслей, знания, опытности, от которых можно было бы чтонибудь занять, чемунибудь научиться. Переход народа из одного

возраста в другой, т. е. сильное умственное движение в нем начинается, когда народ встречается с другим народом более развитым, образованным, и если различие в степени развития, в степени образованности между ними очень сильно, то между ними естественно образуется отношение учителя к ученику: закон, которого обойти нельзя. Так, римляне, народ, стремившийся к завоеванию всего известного тогда мира, встретившись с греками, народом, обжившим свой исторический век, преклонились пред ними, и отдали им себя в науку, и чрез эту греческую науку перешли во второй возраст своего исторического бытия.

Но еще ближе к нам пример народов, наших ровесников, новых европейскохристианских народов, народов Западной Европы. Они совершили свой переход из одного возраста в другой в XV и XVI веках также посредством науки, чужой науки, чрез открытие и изучение памятников древней грекоримской мысли. По общему закону они пошли в науку к грекам и римлянам. В ревностном служении своему новому началу они отнеслись враждебно к прожитому ими возрасту, к своей древней истории, к господствовавшему там началу, к чувству и последствиям этого господства. Свою новую жизнь, красившуюся для них развитием мысли под влиянием древней, чуждой науки, они противопоставили своей прежней жизни, как бытие небытию. Отуманенные новыми могущественными влияниями, относясь враждебно к прожитому ими возрасту, они до того потеряли смысл к явлениям этого возраста, что не видели в нем своей древней истории, результаты которой имели жить в них, в их новой истории, как бы они ни старались отчураться от них именами Платонов, Аристотелей и Цицеронов. Для них древняя история была преимущественно история греков и римлян, к которым, как своим учителям, духовным отцам, возродившим их к новой жизни, они непосредственно примыкали свою новую историю, а свою собственную древнюю историю они вставили, как нечто странное, плохо понимаемое, межеумочное, ни то ни се, среднее, откуда и название средней истории – истории средних веков.

Так совершился переход из одного возраста в другой, из древней истории в новую, для народов Западной Европы, народов романского и германского племени. Но дошел черед и до нас, народа Восточной Европы, народа славянского. Наш переход из древней истории в

новую, из возраста, в котором господствует чувство, в возраст, когда господствует мысль, совершился в конце XVII и начале XVIII века. Относительно этого перехода мы видим разницу между нами и нашими европейскими братьями, разницу на два века.

Мы должны уяснить себе причины этого явления, чтоб понять условия, в которых совершился самый переход, или так называемое преобразование. Общий смысл его, надеюсь, теперь совершенно ясен, ясна его необходимость для каждого исторического, развивающегося народа, его характер и независимость от произвола исторического лица, которое может быть видным, главным деятелем, но не творцом явления, истекающего из общих законов народной жизни. В такое отношение наука ставит народ к великому историческому деятелю. Только великий народ способен иметь великого человека, сознавая значение деятельности великого человека, мы сознаем значение народа. Великий человек своею деятельностью воздвигает памятник своему народу; какой же народ откажет в памятнике своему великому человеку?

Чтение второе

В прошедший раз я старался уяснить смысл так называемого в нашей истории петровского преобразования: мы видели, что это было не что иное, как естественное и необходимое явление в народной жизни, в жизни исторического, развивающегося народа, именно переход из одного возраста в другой – из возраста, в котором преобладает чувство, в возраст, в котором господствует мысль. Я указал на тождественное явление в жизни западных европейских народов, которые совершили этот переход в XV и XVI веках; Россия совершила его двумя веками позже. Быть может, некоторые ждали другого выражения, именно, что мы отстали от западноевропейских народов на два века; но это последнее выражение не может быть употребляемо по своей неточности. Два живых существа начали движение вместе по одной дороге, при равных условиях, и одно очутилось назади, отстало: первая мысль здесь, что, при равенстве внешних условий, различие необходимо заключается во внутренних условиях, в том, что отставший слабее того, кто ушел вперед. Но движение народов по историческому пути нельзя сравнивать вообще с беганьем детей взапуски или конскими бегами, к которым прилагается слово: отстать. В историческом движении может быть совершенно другое: здесь внутренние силы, средства могут быть равные или даже их может быть больше у того, кто движется медленнее, но внешние условия разные, и они заставляют двигаться медленнее, задерживают, и потому надобно внимательно отличать отсталость, происходящую от внутренней слабости при равенстве внешних условий, и задержку, происходящую от различия, неблагоприятности внешних условий при равенстве внутренних. В данном случае мы должны именно употреблять второе выражение, ибо русский народ как народ славянский принадлежит к тому же великому арийскому племени, племени – любимцу истории, как и другие европейские народы, древние и новые, и подобно им имеет наследственную способность к сильному историческому развитию; одинаково у него с новыми европейскими народами и другое могущественное внутреннее условие, определяющее его духовный образ – христианство.

Следовательно, внутренние условия и средства равны, и внутренней слабости и потому отсталости мы предполагать не можем; но когда обратимся к условиям внешним, то видим чрезвычайную разницу, бросающуюся в глаза неблагоприятность условий на нашей стороне, что вполне объясняет задержку развития.

Известны выгодные условия для исторического развития, которые европейские народы находят в географических формах своей части света: выгодные для промышленного и торгового развития отношения моря к суше; выгодное для быстроты исторического развития разделение на многие небольшие, хорошо защищенные государственные области, разделение, а не отчуждение, производимое в других частях света степями и слишком высокими горами, умеренность климата и т. д. Но все эти благоприятные условия сосредоточены в западной части Европы, а нет их у нас на восточной, представляющей громадную равнину, страдающую отсутствием моря и близостью степей. Причины задержки развития в неблагоприятных внешних условиях ясны, следовательно, для нас с первого взгляда. При первом же взгляде на карту нас поражает громадность русской государственной области; но обширность государственной области имеет важное значение при известных условиях, при единстве народонаселения, при достаточном его количестве сравнительно с обширностью и при образованности народа. Понятно, что при равенстве этих условий из двух государств сильнее то, которое больше другого; но при отсутствии этих условий обширность государства не только не дает ему силы сравнительно с небольшим государством, обладающим этими условиями, но и служит главным препятствием народному развитию. В истории нашего народа это тем более чувствительно, что Россия родилась с обширной государственной областью и с ничтожным относительно народонаселением. Понятно, что общая жизнь, общая деятельность в народе может быть только тогда сильна, когда народонаселение сосредоточено на таких пространствах, которые не препятствуют частому сообщению; когда существует в небольшом расстоянии друг от друга много таких мест, где сосредоточивается большое народонаселение, – мест, называемых городами, в которых, как мы уже видели, развитие происходит быстрее, чем среди сельского народонаселения, живущего небольшими группами на далеком друг от друга расстоянии.

Россия и в XVII веке, перед эпохой преобразования, представляет нам на огромном пространстве небольшое число городов с поразительно ничтожным количеством промышленного народонаселения: эти города не что иное, как большие огороженные села, крепости, имеющие более военное значение, чем промышленное и торговое; они удалены друг от друга обширностью расстояний и чрезвычайной трудностью сообщения, особенно весной и осенью. Таким образом, Россия в своей древней истории представляла страну преимущественно сельскую, земледельческую, а такие страны необходимо бывают бедны и развиваются чрезвычайно медленно. Но подле этого главного неблагоприятного условия видим еще другие: Россия есть громадное континентальное государство, не защищенное природными границами, открытое с востока, юга и запада. Русское государство основалось в той стране, которая до него не знала истории, – в стране, где господствовали дикие, кочевые орды; в стране, которая служила широкой открытой дорогой для бичей божиих, для диких народов Средней Азии, стремившихся на опустошение Европы. Основанное в такой стране, Русское государство изначала осуждалось на постоянную черную работу, на постоянную тяжкую изнурительную борьбу с жителями степей. Вскоре после основания государства четвертый русский князь, самый храбрый, погибает от кочевых хищников, – из черепа Святослава пьет вино печенежский князь, и только в конце XVII века, в конце нашей древней истории, Русское государство успело выговорить освобождение от посылки постоянных обязательных даров крымскому хану, т. е. попросту дани. Но едва только Россия начала справляться с Востоком, как на Западе явились враги более опасные по своим средствам. Наша многострадальная Москва, основанная в середине земли русской и собравшая землю, должна была защищать ее с двух сторон, с запада и востока, бороться от латинства и бесерменства, по старинному выражению, и должна была принимать беды с двух сторон: горела от татарина, горела от поляка. Таким образом, бедный, разбросанный на огромных пространствах народ должен был постоянно с неимоверным трудом собирать свои силы, отдавать последнюю тяжело добытую копейку, чтобы избавиться от врагов, грозивших со всех сторон, чтобы сохранить главное благо: народную независимость; бедная средствами

сельская, земледельческая страна должна была постоянно содержать большое войско.

Кому неизвестно, что образование и содержание войска составляет важный, жизненный вопрос для каждого, а особенно континентального государства. При самом зарождении государства этот вопрос уже является с своим важным определяющим другие отношения значением. Основывается ли государство, начинается ли историческая жизнь в народе посредством завоевания или посредством внутреннего движения – все равно – мы видим здесь разделение народа на две части, вооруженную и невооруженную, и определение отношений между ними составляет одну из главных забот народной жизни. В государствах первобытных, сельских, земледельческих отношения определяются просто и тяжело для невооруженной части народонаселения; оно должно непосредственно содержать, кормить вооруженную часть; земля находится во владении вооруженного класса и обрабатывается рабствующим, прикрепленным к земле сельским народонаселением.

При благоприятных условиях географических и других государство начинает малопомалу терять земледельческий характер, начинается торговое и промышленное движение; деньги, недвижимая собственность начинает получать все более и более значение; город богатеет, богатеет вообще народ, народонаселение увеличивается, и естественно готовится переход от крепостного труда к вольнонаемному. В то же время богатеет и правительство, увеличиваются его средства, денежные средства: прежде оно должно было довольствоваться помощью вооруженного сословия, бывшего вместе и высшим землевладельческим сословием, которое затрудняло правительство известными условиями, например воин на Западе имел право не оставаться в походе долее известного срока. Теперь у правительства есть деньги, есть средства нанять войско для достижения своих целей, и являются наемные войска; наконец, дальнейшее усиление финансовых средств правительства дает ему возможность избегать невыгод и наемных войск и завести свое постоянное войско, которое бы всегда находилось в его распоряжении и которое бы народ содержал, кормил не непосредственно своими трудами, но посредством денег, уплачиваемых правительству в виде податей. Таким образом, появление постоянного войска есть ясный

признак экономического переворота в народной жизни, промышленного и торгового развития, появления имущества движимого, денег подле недвижимого, земли – признак, который естественно и необходимо совпадает с другим признаком – освобождением земледельческого сословия, появлением вольнонаемного труда вместо обязательного, крепостного. Город, разбогатеет, освобождает село, ибо в организме народном все органы находятся в тесной связи, усиление или упадок одного отзывается на усилении или упадке другого.

Так было на Западе. Обратимся на Восток. Законы развития одни и те же и здесь и там, разница происходит от более или менее благоприятных условий, ускоряющих или замедляющих развитие. На востоке в нашей России мы имеем дело с государством бедным, земледельческим, без развития города, без сильного промышленного и торгового движения, государством громадным, но с малым народонаселением – государством, которое постоянно должно было вести тяжелую борьбу с соседями – борьбу не наступательную, но оборонительную, причем отстаивалось не материальное благосостояние (не избалованы были им наши предки), но независимость страны, свобода жителей, потому что как скоро не успеет русское войско выйти к берегам Оки сторожить татар, даст им где-нибудь прорваться, то восточные магометанские рынки наполняются русскими рабами. Государство бедное, малонаселенное и должно содержать большое войско для защиты растянутых на длиннейшем протяжении и открытых границ. Понятно, что мы должны здесь встретиться с обычным в земледельческих государствах явлением: вооруженное сословие, войско, непосредственно кормится на счет невооруженного. Бедное государство, но обязанное содержать большое войско, не имея денег вследствие промышленной и торговой неразвитости, раздаст военным служилым людям земли. Но земля для землевладельца не имеет значения без земледельца, без работника, а его и недостает; рабочие руки дороги, за них идет борьба между землевладельцами: работников переманивают землевладельцы, которые побогаче, вотчинники, монастыри большими выгодами переманивают к себе работников от землевладельцев, которые победнее, от мелких помещиков, которые не могут дать выгодных условий, и бедный землевладелец, не имея работника, лишается

возможности кормиться с земли своей, лишается возможности служить, являться по первому требованию государства в должном виде, на коне, с известным числом людей и в достаточном вооружении, конен, люден и оружен. Что тут делать? Главная потребность государства – иметь наготове войско; но воин отказывается служить, не выходит в поход, потому что ему нечем жить, нечем вооружиться, у него есть земля, но нет работников. И вот единственным средством удовлетворения этой главной потребности страны найдено прикрепление крестьян, чтоб они не уходили с земель бедных помещиков, не переманивались богатыми; чтоб служилый человек имел всегда работника на своей земле, всегда имел средство быть готовым к выступлению в поход.

Долго иностранцы, а за ними и русские изумлялись и глумились над этим явлением: как это случилось, что в то самое время, как в Западной Европе крепостное право исчезло, в России оно вводилось. Теперь наука показывает нам ясно, как это случилось: в Западной Европе благодаря ее выгодному положению усилилась промышленная и торговая деятельность, односторонность в экономической жизни, господство недвижимой собственности, земли, исчезло; подле нее явилась собственность движимая, деньги, увеличилось народонаселение, разбогател город и освободил село. А на востоке образовалось государство при самых невыгодных условиях, с громадною областью и малым народонаселением, нуждающееся в большом войске, заставляемое быть военным, хотя вовсе не воинственное, вовсе без завоевательных стремлений, имеющее в виду только постоянную защиту своей независимости и свободы своего народонаселения, – государство бедное, земледельческое, и как только отношения в нем между частями народонаселения начали определяться по главным потребностям народной и государственной жизни, то оно и представило известное в подобных государствах явление: вооруженная часть народонаселения кормится непосредственно на счет невооруженной, владеет землею, на которой невооруженный человек является крепостным работником. И разве во всех государствах Европы крепостная зависимость сельского народонаселения исчезла вдруг и давно? В государствах средней Европы она продолжалась до настоящего века, и причина тому заключалась в медленности экономического развития. Но для уяснения

явления посредством сравнения нам не нужно ограничиваться одной Европой; к Европе примыкает другая часть света, открытая европейскохристианскими народами, занятая ими, введенная вследствие этого в общую жизнь с Европою, – Америка. В XVI веке эта страна представляла главные экономические условия, одинаковые с Востоком Европы, с Россией: обширная страна, страшно нуждающаяся в рабочих руках. И что же делают в ней эти западные европейцы, так хвастающие ранним освобождением у себя сельского народонаселения? Они организуют здесь рабство сельского народонаселения в самых обширных и отвратительных размерах посредством вывоза из Африки черных невольников, успокаивая свою цивилизованную совесть лукавым мудрствованием, что негры вовсе не такие люди, как белые, не от одного Адама произошли.

Прикрепление крестьян – это вопль отчаяния, испущенный государством, находящимся в безвыходном экономическом положении. Но дело не могло ограничиться одним прикреплением сельского народонаселения к обрабатываемой им земле: в городах живут так называемые посадские, тяглые люди, промышленники, торговые люди. Промышляют и торгуют они в очень небольших размерах, но платят подати, несут повинности в очень больших размерах: государство, постоянно и страшно нуждающееся в деньгах, требует от них исправного платежа податей и в то же время требует от них тяжелой и разорительной службы при собирании этих доходов. А тут еще новая для них тягость – воевода и приказный человек. Развитие состоит в разделении занятий; мы называем наиболее развитым то тело, которое имеет наиболее отдельных органов, служащие каждый известному отпращиванию жизни и находящиеся в тесной друг с другом связи и зависимости. Мы называем и человеческое общество наименее развитым, варварским, где разделение занятий слабо, где каждый делает все для себя нужное, не имея нужды в других, не общается, не меняется с ними, живет особняком. Обществом развитым, цивилизованным, наоборот, мы называем такое, где господствует разделение занятий и потому господствует и соединение сил, общая жизнь, ибо все находятся во взаимной связи и зависимости. В древней России, принадлежащей к государствам первобытным, неразвитым, мы не можем надеяться встретить значительное разделение занятий ни в каких сферах. В таких государствах один орган обыкновенно служит

нескольким отправлениям, которые, при дальнейшем развитии, распределяются по отдельным органам. В древней России военный или ратный человек в мирное время должен был занимать правительственные должности, которые, опять по той же неразвитости, соединялись с судебными должностями. В финансовом отношении назначение на такие места служило дополнительным содержанием к поместью для служилого или военного человека; и так как бедное государство не могло дать ему жалованья, то предоставляло ему содержаться доходами с управляемой им местности, кормиться на ее счет. Таким образом, вследствие указанной уже неразвитости земледельческого государства, и город, подобно селу, должен был непосредственно содержать, кормить военного человека, который естественно и необходимо привыкал к мысли, что он имеет право непосредственно кормиться на счет невооруженного человека, а тот имеет обязанность непосредственно кормить его, непосредственно служить ему.

Вследствие такого представления и образуется бездна между двумя частями народонаселения, вооруженного и невооруженного; одни считают себя полными людьми, мужами, и всех других называют неполными людьми, человечками, мужиками. Муж, приезжая управлять мужиками и смотря на эту должность как на дополнительное содержание, как на кормление, разумеется, хотел кормиться как можно сытнее. Муж, воевода, часто был безграмотный, не знал порядков управления и суда, и при нем являлся приказный человек, грамотный, умеющий вести дела и умеющий кормиться. Тяжелое положение тяглового человека, обремененного податями, увеличивалось еще таким отношением к областным правителям, как кормленщикам, и часто тяглый человек бежал от невыносимой тягости, укрывался, вступал в зависимость от частных сильных и богатых людей, чтоб найти в ней льготу и покровительство. Это последнее явление составляет также характеристическую черту первобытных, неразвитых государств, которые не могут дать каждому подданному свободно и безопасно трудиться, – государств, где правительственные требования находятся в несоразмерности с средствами подданных удовлетворять им. Здесь естественное стремление бедного, слабого входить в зависимость от богатого, сильного, чтоб найти у них помощь и покровительство, найти защиту

как от насилия других сильных, какой не может дать государство еще слабое, так и от требований самого государства. Известно, что так называемая феодальная система на Западе, господствовавшая в то время, когда тамошние государства находились в первобытном, неразвитом состоянии, основывалась на этом стремлении слабых войти в зависимость от ближайших сильных с целью найти в них защиту и покровительство.

Вот почему и в древней России мы видим сильное стремление добровольно входить в частную зависимость. Человек отдавался или продавался добровольно в холопы, давал на себя кабалу. Отпущенный на волю по завещанию умершего господина, холоп спешил закабалить себя наследнику покойного господина или другому комунибудь. Но, кроме этого добровольного закабаления себя в личное услужение, видим стремление людей, имеющих свое независимое хозяйство и промыслы, закладываться за людей сильных для приобретения защиты и освобождения от тяжелых государственных повинностей – стремление, по тогдашнему выражению, жить за чужим хребтом, быть в захребетниках, в соседях и подсоседниках. Государство, разумеется, не может равнодушно смотреть на все эти явления. Накопляется огромное количество жалоб мелких землевладельцев, что крестьяне бегут с их земель, и тем лишают их средств кормиться, следовательно, лишают средств служить. Несмотря на закон о прикреплении крестьян, богатые и сильные землевладельцы продолжали переманивать крестьян у недостаточных собратий своих, – переманит и сейчас же отправит в отдаленную вотчину, где прежний господин его не сыщет. Пустеют целые волости от тяжелых податей и воеводских притеснений; бегут или закладываются посадские люди. Но уход крестьянина от помещика лишает государство возможности иметь в сборе достаточное число войск; уход, укрывательство, закладничество тяглого человека лишает бедное государство последних финансовых средств, – и вот одною из главных постоянных забот государства становится ловля человека. Помещик жалуется, что ушел работник, земля пуста, дохода не дает, а нанять работника нечем, да и некого; посадские люди жалуются, что товарищи их ушли или заложились за бояр, за монастыри, тягла не тянут, вся тяжесть обрушивается на оставшихся, которым, разумеется, нельзя справиться и приходится самим брести розно, – и государство должно удовлетворять всем этим жалобам,

должно ловить работника, тяглого человека, усаживать на одно постоянное место, стеречь, чтоб не ушел. Государство из финансовых видов должно вооружиться против закладничества, должно освободить людей от частной зависимости, освободить силою, против их воли, и освобожденные составляют заговор, чтобы произвести кровавый бунт против освободившего их правительства: зачем освободило. Вот явление, которое заставляет нас быть очень осторожными и не судить по настоящему о прошедшем.

Понятно, что меры государства относительно ловли и усаживания людей не могли быть очень действительны. Уйти и скрыться в громадной, малонаселенной стране было легко; открытость границ, условие столь затруднительное относительно государственной обороны, облегчавшее врагам доступ в Россию, облегчало и русскому народонаселению возможность выхода, возможность разбрасываться все более и более на неизмеримых пространствах, пустых или почти пустых по ничтожности их туземного народонаселения. Понятно, что такая колонизация, такое постоянное расширение государственной области, не имеющей изначала резко очерченных границ, – расширение, которое беспрепятственно шло через пустыни северной Азии и могло остановиться только на берегах Восточного океана, такое постоянное расширение государственной области, и без того громадной, такой отплыв народонаселения, и без того незначительного, только усиливало затруднения государства в его отправлениях. К тому же подле выселения людей с земским характером – людей, переносивших на новые места свой труд – мы видим выход людей с другим характером, – людей, которые, ушедши от тяжкого труда, от надзора правительственного и общественного, начинают заниматься дурным промыслом, жить на чужой счет; в густых лесах малонаселенной страны так легко было образовываться и укрываться от преследований разбойничьим шайкам, от которых мирное сельское народонаселение терпело более, чем от внешних врагов; от последних терпели окраины, разбойники свирепствовали повсюду.

Но не один лес служил убежищем для людей, которые хотели жить на чужой счет – на счет трудящихся в поте лица братьев; широкие степи, которыми граничила древняя Россия на юге и юговостоке, переставши быть привольем хищных, кочевых орд, стали привольем

казаков – людей, не хотевших в поте лица есть хлеб свой, – людей, которым по их природе, по обилию физических сил было тесно на городской и сельской улице, которые, по старинному представлению, не могли пройти по ней, чтоб не задеть другого, не сшибить его с ног, на что, разумеется, эти задавленные и сшибленные с ног не могли смотреть равнодушно и быть благодарными: поэтому люди, чувствовавшие такую тесноту в обществе и не желавшие работать, спешили на простор, в широкую степь, где могли гулять, живя на чужой счет, т. е. грабя своих и чужих. Так образовалась противоположность между земским человеком, который трудился, и казаком, который гулял, противоположность, которая необходимо должна была вызвать столкновение, борьбу. Эта борьба разыгралась в высшей степени в начале XVII века в так называемое Смутное время, когда казаки из степей своих под знаменами самозванцев явились в государственной области и страшно опустошили ее, – явились для земских людей свирепее поляков и немцев (грубнее литвы и немец, по выражению летописца). Понятно, что это опустошение не могло улучшить экономического положения страны, которое в продолжение нескольких лет сряду терпело от разбоя, производившегося в самых ужасающих размерах, с неслыханной ненавистью к мирному труду, к гражданину-труженику, к земскому человеку.

В последнее время, когда русская мысль, недостаточно установленная правильным научным трудом, произвела несколько странных явлений в нашей литературе, в некоторых так называемых исторических сочинениях высказалось стремление выставить этих героев леса и степи, разбойников и казаков с выгодной стороны, выставить их народными героями, в их деятельности видеть протест во имя народа против тягостей и неправды тогдашнего строя государственной жизни. Протест! Мы привыкли к этому слову, оно легко для нас, как легко самое дело. Но в сущности это дело не так легко, а потому и слово не должно употребляться легкомысленно; в сущности в самой тесной связи с ним находятся слова: подвиг, пророчество, мученичество, и, конечно, это слово вовсе нейдет к людям, которые покидали своих собратий в их подвиге, в их тяжелом труде, и уходили, чтоб гулять и жить на чужой счет, на счет тяжкого труда своих собратий. Хорош протест во имя народа, во имя народных интересов – протест, состоящий в том, чтоб мешать народному труду,

мешать труженикам трудиться и посредством труда улучшать свое положение! Хорош протест против неправды под знаменем лжи, под знаменем самозванства!

Нет, все наше сочувствие принадлежит не тем, которые ушли, но тем, которые остались; все наше сочувствие принадлежит тем земским русским людям, которые разработали нашу землю своим трудом великим, подвигом необычайным, потому что были поставлены в самые неблагоприятные обстоятельства, должны были преодолевать страшные трудности, должны были бороться с природоюмачехою, при ничтожных средствах защищать обширную страну от врагов, нападавших на нее со всех сторон, и, несмотря на все препятствия, создали крепкую народность, крепкое государство. Все наше сочувствие принадлежит этим людям, которые в продолжение столетий веков работали самую черную работу, и посмеем ли мы задать им детский и дерзкий вопрос: зачем они при этой черной работе не носили светлого, богатого платья? Наше сочувствие принадлежит не тем, которые, как бичи божьи, приходили из степей, чтоб вносить смуту и опустошения в родную землю, которые умели только разрушать и не умели ничего создать; наше сочувствие принадлежит тем, которые своим честным, гражданским трудом созидали, охраняли и спасали; тем, которые в восточной, Московской России, несмотря на разбросанность свою по обширным, малопроезжим пространствам, умели собраться и стать как один человек, когда беда начала грозить родной стране; которые совершили не один физический подвиг, но умели очиститься нравственно, избавиться от привычки нравственного обособления, от привычки нравственного колебания, шатания, как они выражались. Наше сочувствие принадлежит тем, которые в западной России, почуя ту же беду, нехитрыми средствами приходского складчинного мира умели создать крепкие общества, в короткое время создать школу, науку, литературу, все нравственные средства к борьбе с врагом сильным для спасения своей народности. Наше сочувствие принадлежит тем, которые великим трудом развили свои нравственные силы, окруженные варварами, сохранили свой европейскохристианский образ и стали способны под предводительством величайшего из тружеников приступить к новому великому труду – труду созидания новой России. Этим людям принадлежит все наше сочувствие, наша память, наша история.

Прошедшее, настоящее и будущее принадлежит не тем, которые уходят, но тем, которые остаются, остаются на своей земле, при своих братьях, под своим народным знаменем.

Чтение третье

Из предложенного очерка экономического быта древней России легко догадаться, с чего должно было начаться движение при переходе из одного возраста народной жизни в другой. Прежде всего должно было пробудиться сознание о недостатках этого быта, о их вредных следствиях в деле народной безопасности, народной силы, народной чести. Каким же способом могло пробудиться это сознание? Тем же, каким оно пробуждается и в отдельном человеке, способом сравнения и противопоставления; а способ этот, разумеется, усиливается вследствие выхода в более широкую сферу, вследствие приобретения большого количества предметов, явлений для сравнения и противопоставления. Долгое время все внимание русского человека было обращено на Восток, к миру степных, хищных варваров, народов кочевых, нехристианских, стоявших на низшей ступени развития, чем народ русский. Русский человек сознал свое резкое различие от этих народов и, находясь в том возрасте, когда преобладает чувство, сознал свое резкое различие от степного варвара в религии; не русский и татарин, но христианин и басурманин, или поганый, – вот какие представления были наперед; здесь прошла резкая нравственная граница между русской народностью и азиатским миром. Но на Западе другие соседи, народы с другим характером. И здесь прежде всего было подмечено и стало на первом плане религиозное, т. е. вероисповедное различие, православный христианин или просто христианин, христианин по преимуществу, и латыней (римлянин), лутор, кальвин; и здесь, на Западе, вероисповедное различие провело резкую нравственную границу русской народности, вот почему и говорим мы, что православие легло в основу русской народности, охранило ее духовную и политическую самостоятельность; под его знаменем поднялась и собралась восточная Россия, чтоб не пустить на московский престол латынца, польского короля или сына его; под его знаменем отстаивала свою народную самостоятельность западная Россия в борьбе с Польшей.

Мы говорили, что Россия дурно защищена природою, открыта с востока, юга и запада, легко доступна вражьи нападениям; но

отсутствие резких физических границ заменено было для русского народа духовными границами, религиозным различием на востоке и юге, вероисповедным на западе; в этих границах крепко держалась русская народность и сохранила свою особность и самостоятельность. Затем русский человек, разумеется, обратил внимание и на другие черты сходства и различия между своими соседями, между народами, с которыми имел дело, и по этим чертам также начал определять свои отношения к ним. Он заметил, например, племенное сходство и различия, и поставил поляков – литву особо, немцев, т. е. всех западноевропейских народов не славянского происхождения, – особо. Заметил и резкое различие между восточным и западным человеком, азиатским и западноевропейским, грубость первого, умелость, образование второго. Особенно поразило русского человека, в противоположность с его собственной бедностью, богатство заморского немца, англичанина, голландца, гамбурца, любчанина – богатство и искусство (досужество). Заморский немец привозит товары необходимые, но которых русский человек не умеет делать; у заморских немцев много денег и, кроме того, они умеют вести свои дела, умеют вести их сообща, умеют сговориться и поставить на своем, тогда как русские люди торгуют каждый отдельно, не умеют сговариваться, помогать друг другу и потому всегда в проигрыше пред немцами, не могут с ними стянуть, как они сами выражались. Немцы привозят товары дорогие, которые в их земле не родятся, родятся далеко за океаном; но немцы на кораблях своих плавают по всем морям, пристают ко всем землям, покупают дешево, продают дорого и наживают великие барыши. Русский человек присматривается к немцам, которые из них богаче, которые искуснее, и видит, что богаче, искуснее немцы поморские, те, у которых больше кораблей, те, которые плавают и торгуют по всем морям. Отсюда для русского человека представление моря как силы, которая дает богатство, отсюда страстное желание, стремление к морю, чтоб посредством него стать таким же богатым и умелым народом, как народы поморские.

Таким образом, богатство и умелость заморских иностранцев, противопоставленные собственной бедности и неразвитости, пробудили в сильном историческом, т. е. способном к развитию, народе стремления выйти из своего затруднительного, печального положения, умерить односторонность земледельческого быта

промышленным и торговым развитием, средствами указанными, действительность которых очевидна; отсюда движение от востока к западу, от Азии к Европе, от степи к морю. И это движение началось сейчас же, как только восточные варвары ослабели, русские осилили их, могли вздохнуть поспокойнее, оглядеться и заметить сказанное различие между собою и поморскими народами, ибо великий исторический народ пребывать в застое не может; а если древняя Россия нам представляется в застое, то это застой относительный, это только медленность движений в известных сферах вследствие могущественных препятствий, встречаемых народом.

Как только татарские ханы перестают подходить к Москве и брать в плен ее князей, сын того князя, который был пленником в Казани, Иоанн III, уже заводит сношения с Западной Европой и вызывает тамошних художников, чтоб строить церкви, дворцы и башни в своем Кремле. Внук его, Иоанн IV, как только угомонил восточных татар взятием Казани и Астрахани, так сейчас же обращает все свое внимание на запад, хочет непременно добиться до заветного моря. Оттолкнутый от него соединенными усилиями поляков и шведов, Иоанн IV готов отдать всю русскую торговлю в руки англичан, лишь бы только те помогли ему получить хотя одну гавань на Балтийском море. Царь Алексей Михайлович делает наивное предложение герцогу курляндскому, не может ли тот позволить строить в своих гаванях русские корабли: это всего лучше показывает движение и его направление, всего лучше показывает, как мысль о море стала господствующей, неотразимой. Таким образом, русские уже двинулись, и новый путь был определен; движение начинается с XV и XVI веков одновременно, следовательно, с движением западноевропейских народов, с их переходом из одного возраста в другой; но у нас на Востоке это движение шло чрезвычайно медленно вследствие страшных препятствий. Польша и Швеция легли на дороге, загородили море, – пробиться было невозможно с теми нестройными массами, какие представляло русское войско, требовавшее для успеха коренного преобразования. На Западе загородена дорога, а Восток, степной восток, употребляет последние усилия, чтоб удержать свою добычу, свою пленницу – Россию. В то время как царь Иоанн IV обратил все свое внимание на Запад, крымский хан подкрался и сжег Москву, сжег так, что она уже после того не поправлялась. Только что

при царе Борисе успели решить вопрос, что лучше отправить своих русских за границу учиться, чем вызывать иностранных учителей в Россию; только что распорядились исполнением этого решения, как степи снова всколыхались, явились оттуда казаки с самозванцами и выполнили степную работу опустошения, уравнивания, т. е. уравнивали все с землею получше татар; долго Россия должна была отдыхать, оправляться после посещения этих проповедников протеста. Путешественники рассказывают, что когда они проезжали местами, где гостили казаки, то, чтоб остановиться и погреться в избах, прежде нужно было очистить эти избы от трупов их прежних обитателей. После такой болезни нельзя было требовать сильного движения от выздоравливающего; а тут едва восточная Великая Россия начала оправляться, движения в западной России, сведение старых счетов с Польшей, казацкие смуты в Малороссии замедляли движение; замедляли, но оно не прекращалось: шли ощупью, принимали полумеры, но двигались, вводили преобразования в войске; отбиваемые от Балтийского моря, строили корабли для Каспийского.

Из сказанного, надеюсь, ясно, в чем должны были заключаться существенные черты так называемого преобразования, т. е. естественного и необходимого перехода народа из одного возраста в другой. Бедный народ сознал свою бедность и причины ее чрез сравнение себя с народами богатыми и устремился к приобретению тех средств, которым заморские народы были обязаны своим богатством. Следовательно, дело должно было начаться с преобразования экономического; государство земледельческое должно было умерить односторонность своего экономического быта усилением промышленного и торгового движения, и для этого прежде всего добыть себе уголок у северного Средиземного (Балтийско-немецкого) моря, к которому прилила торговая, промышленная и историческая жизнь Европы, отхлынув от берегов древнего южного Средиземного моря. Здесь исполнялся общий закон, по которому шло движение и на Западе. Движение, приготовившее переход западноевропейских народов из одного возраста в другой, из древней истории в новую, началось изменением в их экономическом быте чрез усиление промышленной, торговой и мореплавательной деятельности. Чем обыкновенно начинают изложение новой истории? Открытиями новых стран и морских путей, и этим открытиями

предшествует поднятие города, его чрезвычайное процветание в Италии, этой стране богатых, сильных, властительных городов-республик. С берегами южного Средиземного моря начинают соперничать берега северного Средиземного моря, Балтийско-немецкого: здесь поднимаются города ганзейские и нидерландские. В других западноевропейских странах в различной степени, под влиянием разных условий, но повторяется то же явление, деньги, движимое соперничает с землей, недвижимым; золото спорит с мечом; прежде династии основывались мечом, теперь они основываются посредством денег; богатые купцы Медичи основывают династию во Флоренции. Развитие промышленное и торговое ведет к развитию умственному чрез расширение сферы наблюдения, чрез усиление жизни международной. Научное движение при этом необходимо, и мы видим, что в эпоху открытий географических – в эпоху усиления торговой и промышленной деятельности – в странах, наиболее отличающихся этою деятельностью, является и сильная работа мысли над памятниками, оставленными древним греко-римским миром, влиянию которых так подчинились западноевропейские народы, и под этим влиянием совершили переход из своей древней истории в новую, из возраста чувства в возраст мысли, проще сказать – отдались в ученье грекам и римлянам, прошли школу под их руководством. И эта школа надолго, можно сказать навсегда, оставила глубокие следы, точно так же, как глубокие следы оставляет школа в каждом человеке, способном принимать и переваривать духовную пищу. В этойто греко-римской школе, при возбуждении мысли посредством ее, западноевропейские народы прежде всего отнеслись с вопросом и допросом к отношениям, которые были результатом начала, господствовавшего в их древней истории, чувства, религиозного чувства. И следствием этого допроса расправившей свои крылья мысли, результатом чувства, следствием столкновения двух начал, делящих между собой историю народов, – следствием столкновения мысли и чувства было религиозное протестантское движение, охватившее всю Западную Европу и поведшее всюду к такой продолжительной и кровавой борьбе.

И у нас в России переход из древней истории в новую совершился по общим законам народной жизни, но и с известными особенностями вследствие различия условий, в которых проходила жизнь нашего и

западноевропейских народов. На Западе известное экономическое движение началось давно и шло постепенно, что и не давало ему значения новизны, особенно поражающего внимание, дающего господство явлению. Самым сильным и поражающим своею новизною движением было движение в области мысли, в области науки и литературы, перешедшее немедленно в область религиозную, в область церковных и церковногосударственных отношений; здесь новое, протестуя против старого, противопоставляя ему себя, необходимо вызывало борьбу – и борьбу самую сильную, борьбу религиозную, которая делит Европу на два враждебные лагеря. Эта борьба и стала на первом плане, отстранив все другие интересы на второй. У нас в России в эпоху преобразования, т. е. при переходе народа из своей древней истории в новую, экономическое движение оставалось на первом плане. По указанным выше неблагоприятным условиям у нас экономическое развитие было задержано; но движение государственной и народной жизни не останавливалось, ибо все яснее и яснее становилось сознание необходимости вывести страну на новый путь, все яснее и яснее становилось сознание средств этого вывода. И как скоро сознание окончательно уяснилось, то народ должен был вдруг ринуться на новую дорогу, ибо разлад между сознанием того, что должно быть, и действительностью возможен у отдельного человека и целого народа только при условии крайней слабости воли, одряхления; но таким не был русский народ в описываемое время. Экономический переворот, как удовлетворяющий главной, народной потребности, становился на первый план, и как совершившийся вдруг, тем сильнее давал себя чувствовать.

В организме государственном нельзя дотронуться до одного органа, не коснувшись в то же время и других, – и вот причина, почему вместе с экономическим преобразованием шло и множество других; но эти последние находились в служебном отношении к первому. Не забудем и того, что Россия совершила свой переход из древней истории в новую двумя веками позже, чем совершили это западноевропейские народы; следовательно, между этими народами, в общество которых вступил народ русский, многое уже должно было измениться. Действительно, религиозное движение здесь успокоилось, и на первом плане стоял также вопрос экономический. Вспомним, что на Западе это время было временем Людовика XIV, который дал Франции

первенствующую роль в Западной Европе; но в конце его царствования Франция потеряла первенствующее значение. Это происходило оттого, что вначале знаменитый министр Людовика Кольбер произвел экономическое движение, экономический переворот во Франции, давший королю большие финансовые средства; но потом король позволил себе истощить их. От какой же мысли пошел Кольбер? Морские державы – Голландия и Англия – разбогатели посредством сильного промышленного и торгового движения: чтоб дать Франции возможность разбогатеть наравне с Англией и Голландией, надобно сделать ее морской державой, возбудить в ней сильное промышленное и торговое движение, что и было сделано. Тут, следовательно, Кольбер шел от факта, совершившегося у всех перед глазами: от сравнения положения морских держав с положением континентальных, от верного понимания причин различия в этом положении, ибо не понять было трудно.

От того же факта, от того же сравнения пошла и Россия; основное движение преобразовательной эпохи было то же кольберовское движение, то же стремление привить к земледельческому бедному государству промышленную и торговую деятельность, дать ему море, приобщить его к мореплавательной деятельности богатых государств, дать возможность разделить их громадные барыши. Движение это, как мы видели, так естественно и необходимо, что тут не может быть и мысли о какомнибудь заимствовании или подражании: Франция с Кольбером в челе и Россия с Петром Великим в челе действовали одинаково по тем же самым побуждениям, по каким два человека, один в Европе, а другой в Азии, чтоб погреться, выходят на солнце, а чтоб избежать солнечного жара, ищут тени. Иоанн IV, бившийся изо всех сил, чтоб утвердиться на морских берегах, не мог подражать Кольберу. Но когда Россия вошла в ближайшие сношения с Западной Европой, то было важно, что она нашла здесь то же самое движение, какое сама совершила, нашла ему оправдание. Россия, производившая у себя экономический переворот и сближавшаяся для этого с Западной Европой, застала ее не в религиозной борьбе, совершенно чуждой и бесполезной для России, но в борьбе за средства к обогащению.

Но если в нашем преобразовании выставилась так выпукло экономическая сторона, то было бы крайне неосторожно не обратить внимание и на другие стороны, которые рассматриваемое явление

должно было иметь по необходимым общим законам. Мы видели, что в Западной Европе при переходе народов из одного возраста в другой мысль, возбужденная знакомством с памятниками древней мысли, древней философии, отнеслась с вопросом и допросом к результатам господствовавшего в их древней истории чувства – религиозного чувства, откуда произошло сильное религиозное движение, сильная религиозная борьба, разделившая Европу на два враждебных лагеря, католический и протестантский. Мы видели, что часть западноевропейских народов сохраняют и упорно отстаивают старые верования, старые формы церковного строя и утверждаются в этом крайностями нового начала, крайностями движения мысли, ее разлагающего, отрицательного движения. После возбуждения вопроса о злоупотреблениях латинской церкви очень скоро возникают учения, стремящиеся нарушить не только церковный, но и общественный строй; разнузданная мысль в своем отрицательном движении быстро пробегает от Лютера до Мюнцера и от Мюнцера до анабаптистов. Такая крайность вызывала противодействие, реакцию со стороны католицизма, которые, в свою очередь, дошли до крайностей, произведя орден иезуитов. Никаких соглашений, никаких уступок новому началу, новым требованиям; все правильно, все безукоризненно, нечего переменять; и божья правда и человеческая ложь одинаково неприкосновенны; «да будет так как есть, или да не будет» (*sit ut est, aut non sit*) написал католицизм на своем знамени в ответ на протестантские требования, на протестантские укоризны; и были в Западной Европе целые страны, которые остались вполне верны этому знамени, обвели около себя магический круг, отчурались от всякого участия в новом движении, от всякого участия в служении новому началу: так поступили народы Пиренейского полуострова, знаменитые католическим старообрядчеством. Но если при движении, вызывающем к переходу из одного возраста в другой, так сильно обнаруживается у народов отвращение к этому переходу; так сильно обнаруживается страх перед болезненным переворотом; так невыносима бывает тоска при этом, которую можно объяснить тоскою по родине, овладевающею многими людьми, решившимися в первый раз переступить порог отечества, войти в новый, чужой мир; если целые народы решаются заглушить в себе, выжечь костром инквизиции всякую попытку мысли, потребовать отчета у

существующего, освященного веками, изменить здесь хотя единую букву и если такое решение оправдывается крайностями нового направления, ведущими также к односторонности, нарушающими гармонию духовной жизни, – то самый естественный вопрос в устах человека, не знающего подробностей нашей истории: неужели переход русского народа из одного возраста в другой, из древней истории в новую, совершился без болезненных явлений, без сопротивления, без борьбы? Неужели все с веселым сердцем, безбоязненно отправились в новый путь, в неведомый мир? Неужели все выслушали с сочувствием, по крайней мере равнодушно, вызов: свое дурно, чужое хорошо? Неужели при той резкой вероисповедной границе, которую русские люди провели между собою и западноевропейскими народами и которую так ревниво охраняли, не шадя ничего, никому не пришла в голову страшная мысль, что при тесном сближении с иноверными народами эта священная граница может быть нарушена? Всем известно, как отвечает на эти вопросы наша история. Задолго, почти за сто лет до начала преобразовательной деятельности Петра Великого, уже идет совещание у царя Бориса с духовенством и вельможами; предлагается трудное, но необходимое дело: надобно ввести науку, потому что без нее Россия бессильна перед другими враждебными народами; науку можно получить только изза моря, надобно призвать иностранных учителей, как уже хотел царь Иван. Но тут великая опасность: эти учителя иноверцы, как будут учиться у них русские православные люди? Учиться – ведь это значит признать превосходство учителя, подчиниться ему, верить ему, делать так, как он велит, как сам делает, подражать ему. Какое страшное искушение: подчиниться влиянию учителя во всем, исключая одного – веры. Решено было, что иноверные учителя опасны, и потому лучше послать русских людей учиться за границу, чтоб они по возвращении стали учителями в своей стране. Понятно, что опасность не уменьшалась: русский человек, лишенный влияния народной среды, совершенно предавался чуждому влиянию. Никто из отправленных не возвратился. А между тем движение началось, и где же? В самой церкви. Явилась типография: она должна была прежде всего послужить церкви, распространить церковную книгу; явилась важная выгода: книга выходила не из частных рук, не из рук переписчика, который мог внести в нее ошибки вольные и невольные; теперь книга должна была

выходить под надзором церковного правительства. Но для того, чтобы книга напечатана была правильно, нужно было напечатать ее с исправной рукописи, для чего нужно было собрать рукописи, сравнить, выбрать лучшую, сличить с греческим подлинником; но для этого нужно было знание, а знания то и не было. Люди, повидимому, знающие, которым было поручено дело исправления, уличены были в незнании, в искажении вместо исправления. Нужно было вызвать исправителей изза границы, разумеется православных, т. е. греков или ученых монахов из западной России, которая, вследствие борьбы с католицизмом, ранее восточной завела у себя школы. Исправители были вызваны, начали исправлять посвоему – и раздался вопль: чужие переменяют веру, велят творить крестное знамение не так, писать и произносить самое священное имя не так; портят книги, по которым молились отцы, по которым молились святые и спаслись. Вопль пошел от старых учителей, от прежних исправителей книг, которые были оскорблены обвинениями в невежестве, в искажении книг. Но стоило только раздаться словам, что вера в опасности, веру переменяют, как слова эти нашли сильный отзыв, тем более что движение к новому уже началось в разных сферах, новые обычаи резко бросались в глаза уже по тому самому, что были редки еще и ярко выделялись, сильно раздражали. Явились ревнители, которые провозгласили, что последние времена приближаются; что надобно стать и помереть за веру, за неизменность того, что предано свыше и потому должно остаться неприкосновенным: «Аще я и несмыслен, гораздо неученый человек, да то знаю, что вся, церкви от св. отец преданная, свята и непорочна суть, держу до смерти, яко же приях, не прелагаю предел вечных: до нас положено, лежи оно так во веки веков». И так как ревнители старины действительно готовы были подвергнуться всем лишениям, страданиям и смерти, то производили сильное впечатление и увлекали многих. Явился раскол: часть русских людей отвергла авторитет церкви, необходимым следствием чего было разделение отпадших на множество толков. А между тем движение шло и с другой стороны; мысль была возбуждена религиозными вопросами; люди с возбужденною мыслию просиживали в Москве ночи с учеными киевскими монахами; другие стремились в Киев, в тамошние школы, к тамошним ученым, и, возвратясь в Москву, спорили с своими отцами духовными, доказывая им, что они не так понимают дело. Те

оскорблялись, кричали против извращения отношений, молодые учат старых, дети отцов. Богословские споры овладевают вниманием общества, в домах и на улицах мужчины и женщины спорят о времени пресуществления, упрекают друг друга в еретичестве. Иезуиты тут и закидывают свои сети, подходят к русским людям с внушениями: у нас с вами вера одна; разница в том, что у нас ученых людей больше, мы вас удовлетворим в вашей новой потребности, в потребности знания, работы мысли. Иезуитов выгнали; но опасность не уменьшилась; духовенство находилось в самом затруднительном положении, между двух огней: с одной стороны, свои раскольники обвиняли его в отступлении от старой веры, отвергали его как еретическое, с другой – свои же обвиняли его в отсталости, в неимении средств правильно понимать проповедуемое учение, а тут иноверные учителя с Запада подчиняют русских людей своему влиянию и также не с уважением относятся к старым учителям их, к их отцам духовным. Единственное средство выйти из этого затруднительного положения состояло в том, чтоб выйти вместе с народом на новую дорогу, приобрести могущество знания. Это новое могущество было необходимо для успешной борьбы с людьми, которые хотели остаться при старом начале во всей его исключительности, односторонности – людьми, которые лучше всего показывали, к чему ведет эта односторонность, исключительное господство чувства, не умеряемого мыслью. Эта односторонность повела к безусловному, слепому, фанатическому утверждению превосходства своего над чужим, своего, принятого в самом узком смысле. Она повела к слепому, безусловному, фанатическому утверждению неприкосновенности всего преданного без всякого различия существенного и несущественного, духа от буквы, божией правды от человеческой ошибки; она повела к тому, что часть народа покинула церковь, объявила ее зараженною еретичеством за то только, что церковь изменила несколько слов, несколько обрядов. «До нас положено, лежи так во веки веков», – провозглашает знаменитый в истории раскола протопоп Аввакум. Таким образом, односторонность господствовавшего начала, чувства, не умеряемого мыслью, знанием, выразилась в расколе самым печальным образом и заставляла необходимо требовать знания, умственного развития. Но то же знание было необходимо для защиты веры от других врагов, более опасных, от тех людей, к которым русский народ должен был

обратиться за наукой, от учителей чужеземных, иноверных. Мы видели, что русские люди с пробужденною мыслью, не имея возможности отправляться к народам иноверным, спешили в Киев к тамошним ученым для удовлетворения новой потребности, потребности знания. Но скоро заставы, заграждавшие путь к народам иноверным, должны были рушиться; нудящие потребности экономического преобразования, бывшего на первом плане, заставляли отнестись непосредственно к поморским народам, заимствовать у них их умелость, практические знания, которых нельзя было приобрести в киевских школах или в школах, устроенных по образцу киевских школ. Русские люди толпами отправились в эти заморские иноверные страны учиться; если прежде и те, которые ездили в Киев, по возвращении оттуда представляли новые требования от своих старых учителей, своих старых отцов духовных, то легко понять, с какими требованиями, с какими вопросами возвратятся русские люди изза моря: надобно было приготовиться к этим требованиям, отвечать на эти вопросы; а приготовиться можно было только посредством науки.

Необходимость науки была признана и провозглашена торжественно. «Наука есть могущество», – задолго пред тем провозгласил один из великих ученых деятелей в Западной Европе, и народы ее приняли это провозглашение как истину. Русские люди признали эту истину, как только познакомились с людьми, с народами, обладавшими наукой; они нашли, что эти люди, эти народы обладают страшным могуществом. Могущество науки сознали русские люди в западной России, увидав перед собою врагов своей веры, своей народности, вооруженных могуществом науки. Сознавши это, русские люди в западной России не остались праздны, но поспешили вооружиться этим могуществом, чтоб бороться с врагами равным оружием. Русские люди Великой России, сознав могущество науки, также не хотят быть праздными, но поднимаются, собираются в дорогу на поиск за наукою, чтоб сделать свою Россию богатою и сильною, чтоб дать ей почетное место среди народов. Наука есть могущество; но всякая сила может быть опасна в неопытных руках, если ей дается одностороннее направление. Посредством науки человек и народ переходят из одного возраста в другой – из возраста, где господствует чувство, в возраст, где господствует мысль. Мы только что говорили о печальных следствиях односторонности, решительного преобладания

чувства, неумеряемого мыслью, знанием; о печальных следствиях ревности не по разуму наших Аввакумов. Но мы прежде сказали о печальных следствиях односторонности и другого начала, усиливающегося во второй период жизни человека и народа, – о печальных следствиях отрицательного, разлагающего движения мысли, следствиях, которые вызывают вопль: древо познания не есть древо жизни; вопль, родившийся в той самой стране, где впервые было провозглашено, что наука есть могущество; вопль, потрясающий веру в могущество науки. Недавно история как будто подтвердила справедливость этих слов, что древо познания не есть древо жизни для целых народов; недавно история произнесла страшные слова: «Горе народу, который равнодушно смотрит, как разрушаются его алтари и заколаются их служители»; наука со всеми ее чудесами не спасла этого народа; а было время, когда этот же самый народ в подобных же обстоятельствах был спасен простой крестьянкой, действовавшей с религиозным одушевлением. Но эти вопли, эти примеры показывают только, что наука теряет часть своего могущества, когда ею пользуются односторонне. Наука есть великое могущество, есть наставница и благодетельница людей и народов, когда изучает прежде всего человека; когда знает условия, законы и потребности его природы; когда умеет сохранить гармонию между началами, в его природе действующими, умерять одно другим, положить границы между ними; когда умеет умерить гордыню знания и алчность пылливости разума и отвести должную область чувству; когда умеет определить границы, где оканчивается область знания и где начинается область веры. Наука достигает полного могущества не тогда только, когда учит и развивает умственные способности, не тогда только, когда изучением законов видимой природы увеличивает удобства жизни: она достигает полного могущества, когда воспитывает человека, развивает все начала его природы для их правильного и согласного проявления. Блюсти, чтоб эта правильность и согласие не были нарушены при переходе русского народа из одного возраста в другой, становилось обязанностью русской церкви; для приготовления ее служителей к исполнению этой обязанности могущественным и необходимым средством должна была служить также наука.

Необходимость движения на новый путь была создана; обязанности при этом определились: народ поднялся и собрался в

дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя; вождь явился.

Чтение четвертое

«Народ собрался в дорогу и ждал вождя», – сказал я в заключение прошедшего чтения. Это ожидание вовсе не было спокойное; это было тревожное, томительное ожидание. Сильное недовольство настоящим положением, раздражение, смута – вот что мы видим в России в то время, когда в ней воспитывался вождь, долженствовавший вести ее на новую дорогу. Прежде в сфере нравственной был могуществен авторитет церкви, сильной своим единством; но теперь в церкви раскол; являются люди, которые смущают большинство; с жаром, убеждением, начитанностью, выставя перед собой авторитет подвига, страдания, толкуют они, что православие падает; что патриарх, архиереи и все остающееся при них духовенство отступили от истины. Нам теперь без углубления в подробности тогдашнего состояния общества трудно себе представить, какое нравственное колебание, смуту производил раскол во второй половине XVII века. Страшное впечатление производится, когда слышатся выходки против имен, с которыми привыкли соединять нравственное освящение, нравственную неприкосновенность. «Патриарх, архиереи – еретики, изменники православию!» И это говорили люди, облеченные также нравственным авторитетом, начитанностью, т. е. в глазах толпы знанием Священного писания, готовностью страдать и умирать за истину. «Нам не дают высказывать истины, обличать неправду, – кричали они, – вместо того чтоб по заповеди Христовой обращаться с нами кротко, убеждать с тихостию, они нас пытаются и жгут». Вот знаменитый разговор раскольника с патриархом. Раскольник: «Правду говоришь, святейший владыка, что вы на себе Христов образ носите; но Христос сказал: «Научитесь от мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, а не срубам, не огнем и мечом грозил; велено повиноваться наставникам, но не велено слушать и ангела, если не то возвещает». Что за ересь и хула двумя перстами креститься? За что тут жечь и пытаться?» Патриарх отвечал: «Мы за крест и молитву не жжем и не пытаем, жжем за то, что нас еретиками называют и не повинуются святой церкви, а креститесь, как хотите». Как обыкновенно бывает при подобных отношениях, люди, требующие свободы и безопасности,

требуют их только для одних себя, а не для стороны противной в одинаковой степени, и раскольники не ограничивались одной свободой дуперстного сложения, они требовали также свободы и безопасности в открытом нападении на церковь, свободы и безопасности в своей проповеди против нее, и выставлении ее еретической. Но в толпе не умели уяснить себе эти отношения, и раскольники в глазах многих имели большую выгоду, выгоду гонимых. Некоторые шли за ними; другие, оставаясь при церкви, не могли для себя вполне уяснить ее правоты, а потому естественно охлаждали к ней; ослабевал и авторитет церкви, нравственная смута чрез это усиливалась; у ревнителей старины, стоявших, повидимому, за неизменность, твердость всего преданного, даже каждой буквы, – твердости и неизменности не оказалось с самого же начала, с самого начала страшная рознь между толками, и люди, в отчаянии от этих разноречий, от этой смуты разбрелись по всевозможным дорогам, ища веры, и до сих пор ищут. На помощь церкви была призвана наука: устроили в Москве школу, академию, обязанностью которой было защищать православие; начальник (блюститель) и учителя должны смотреть, чтоб ни у кого не было запрещенных книг; если ктонибудь будет обвинен в хуле на православную веру, то отдается на суд блюстителю и учителям, и если они признают обвинение справедливым, то преступник подвергается сожжению. Таким образом академия уполномочивалась следить за движением врагов православия и бить в сполох при первой опасности; это была цитадель, которую хотели устроить для православной церкви при необходимом столкновении ее с иноверным Западом; это не училище только – это страшный трибунал; произнесут блюститель и учителя слово: «Виновен в неправославии», – и костер запылает для преступника. Понятно, что для произведения суда над уклоняющимися от православия судьи сами прежде всего должны быть согласны между собою. Но с самого начала православные ученые, призванные в Москву для защиты православия научными средствами, разногласят друг с другом. Симеон Полоцкий разногласит с Епифанием Славиницким; потом великороссиянин Сильвестр Медведев, ученик Полоцкого, ведет ожесточенные споры с учителями академии греками Лихудами. Двор на стороне Медведева, патриарх на стороне Лихудов: понятно, что русские люди делятся, двоятся между двумя

враждебными лагерями, всюду споры, шатость, смута. Верховный пастырь церкви, патриарх, находился при этом в очень незавидном положении; раскольники обзывали его еретиком; при дворе, в обществах, находившихся под влиянием Полоцких, Медведовых, смеялись над ним, как над неучем. И действительно, недостаток научного образования препятствовал ясности взгляда его на то, что делалось вокруг, к чему шло дело; им овладевал безотчетный страх пред новым, причем существенное смешивалось с несущественным, и перемена чего-нибудь внешнего, какою-нибудь обычая, покроя платья, бритье становилось наравне с учениями, противными православию. Народ, становившийся слушать проповедь верховного пастыря, слышал такие обличения: «Люди неученые, в церкви святой наших благопреданных чинодейств не знающие и других о том не спрашивающие, мнятся быть мудрыми, но от пипок табацких и злоглагольств люторских, кальвинских и прочих еретиков объюродили. Совратясь от стезей отцов своих, говорят: «Для чего это в церкви так делается, нет никакой в этом пользы, человек это выдумал, и без этого можно жить». Указания на чуждые учения, на чуждые западные влияния ясны и верны; русские люди, но выражению патриарха, объюродили от люторских и кальвинских учений; но прежде этих учений постановлена еще какая причина объюродения? Пипки табацкие! Курение табака сделано равносильным по своему вреду для православия протестантским внушениям! Резко вооружаясь против всего нового на словах, патриарх не имел твердости сопротивляться на деле, таким поведением возбуждал раздражение и насмешки со стороны людей, стремившихся к новому; но, разумеется, не щадили его и приверженцы старины, которую он, в их глазах, не отстаивал как должно. Юродивый говорил о нем: «Какой он патриарх! Живет из куска, спать бы ему да есть, бережет мантию да клобука белого, затем и не обличает». Таким образом, с двух сторон направлялись обвинения и укоризны на представителей власти церковной, и толпа начинала уже смотреть на них, как на низверженных с высоты, подвергнувшихся суду и осуждению; толпа являлась хладнокровною и хуже, чем хладнокровною, — зрительницею падения власти.

Церковная власть падала, и никто ей не подавал руку помощи, ибо смуте нравственной, происходившей от ослабления церковного авторитета, соответствовала смута политическая, происходившая от

ослабления власти гражданской. Основные условия жизни России, на значение которых уже было указано, изначальная громадность государственной области и редко разбросанное народонаселение, замедляя развитие общества, цивилизацию, т. е. разделение труда и соединение сил, тем самым требовали чрезвычайной деятельности правительственной в соединении и направлении разбросанных сил для общих государственных целей; постоянная опасность от врагов требовала естественно постоянной диктатуры, и, таким образом, в России выработалось крепкое самодержавие. В конце XVII века, точно так же как и в начале его, эта власть ослабела, и по этому поводу произошли сильные волнения, к которым наши предки отнеслись одинаково, назвав их одним именем – смуты; как династические перемены служили поводом к смуте в начале XVII века, так династические же беспорядки повели и к смуте в конце века. Смута началась по поводу преждевременной смерти царя Алексея Михайловича, которому наследовал больной сын его Федор, скоро умерший беспотомственно. После него провозгласили царем малолетнего брата его, Петра, за которого должна была управлять его мать, царица Наталья. Малолетство государей обыкновенно ведет к смутам, а тут были еще другие сильные поводы к ним. В семье царя Алексея страшный раздор вследствие того, что дети не от одной матери. Царица Наталья, мать Петра, мачеха старшим его братьям и сестрам, для которых она и ее дети были неприятным, тяжелым явлением в последние годы царя Алексея. По смерти его, когда вступил на престол Федор Алексеевич, сын от первого брака, мачеху с ее детьми удалили, оскорбили ее ссылкой ее родных и людей самых близких. Обида прошла по семье, – и добра не будет. По смерти Федора Алексеевича наступило время царицы Натальи: сын ее Петр провозглашен царем мимо старшего брата Иоанна, совершенно неспособного и больного; этот Иоанн – последний сын царя Алексея от первого его брака; но у него много сестер, девиццаревен, из которых одна была знаменитая Софья Алексеевна, представляющая любопытное явление, знамение времени. Неслыханное было прежде дело, невозможное, чтоб девица, царевна из терема, и приняла участие в делах правительственных, а теперь Софья именно это делает. Что же была за причина этого явления? Дух времени, можно ответить общепринятым выражением, точнее, сознание необходимости

перемены, прояснявшееся во дворце прежде, чем гделибо. Причина этому явлению та же, которая заставляла русского человека пробираться сначала в Киев, потом и дальше за наукой; которая заставляла царя и вельмож вызывать для своих детей учителей изза границы; причина та же, которая заставила царя Алексея завести при дворе своим театральные представления и потешать ими себя и свое семейство. Царевна вышла из терема; обстановка двора уже не та; у братьев учитель, известный Симеон Полоцкий, который учит и сестру, учит легко и весело; передает много разных вещей; все у него примеры, анекдоты, остроумные изречения, и все в стихах для лучшего удержания в памяти. Сфера расширяется, птица побывала на свободе, видела мир божий; старый терем становится тесен и душен; умирает отец; царевна около болезненного брата, царя Федора: кто запретит сестре быть у больного брата, прислуживать ему? у больного бояре рассуждают о делах; царевна слушает и учится: ей легко выучиться, потому что прежде была приготовлена; вот уже она в новой широкой сфере и сфере обольстительной для существа энергического, честолюбивого, а тут и страсть, страсть к человеку самому видному по способностям и образованию, к князю Василию Васильевичу Голицыну. Новая жизнь крепко обхватила царевну Софью. Но брат Федор умирает, и царем провозглашают маленького Петра, т. е. отдают правление матери его Наталье. Что же предстоит царевне Софье? Проститься со всеми обаяниями этой новой раскрывшейся для нее жизни, выйти из этой широкой сферы, где так было расправились ее силы, и возвратиться опять в терем. Терем? Но ограничится ли дело теремом? Не вероятнее ли всего, что ей с сестрами предстоит монастырское заключение, ибо могут ли они ожидать милости от мачехи, которую раздражили, оскорбили? Жизнь улыбнулась так приветливо – и вдруг должно отказаться от нее, в цвете лет стать невольною, опальною монахиною, претерпеть стыд унижения пред ненавистною мачехой. Искушение было слишком велико; Софья станет действовать по инстинкту самосохранения, станет изо всех сил, всеми возможными средствами отбиваться от судьбы, от терема, монастыря, с отчаянием полного силы и жизни человека, которого влекут зарывать живым в могилу. Она ищет около себя средств спасения и находит: стрельцы недовольны; их можно возбудить против нового правительства; но это можно сделать только обманом,

сказавши, что старшего царевича Ивана, законного наследника престола, несправедливо обойденного, обиженного, извели родственники царицы Натальи, Нарышкины. Через это возбуждение можно заставить стрельцов истребить мнимых убийц царевича, истребить людей, советом, помощью которых была сильна царица Наталья; этим истреблением – уничтожить возможность примирения между стрельцами и царем Петром, его матерью и оставшимися в живых ее приверженцами, связать неразрывно интересы стрельцов с интересами Софьи, ее брата и сестер, заставить их действовать в их пользу. Кровавая программа была в точности исполнена: родственники и приверженцы царицы Натальи истреблены, хотя царевич Иван оказался жив и невредим; его провозгласили царем, но свергнуть младшего брата Петра, прежде провозглашенного, которому уже присягнула Россия, не решились – отняли только правление у царицы Натальи и отдали его Софье.

Легко было понять, что смута этим не оканчивалась, это был только пролог кровавой драмы, а не развязка ее. Софья только отдала решение страшного вопроса; вопрос оставался и волновал всех, не давал никому покоя. Стрельцы, раздражившие своим буйством вельмож и все мирное народонаселение, ежеминутно опасались следствий этого раздражения, видели в боярах непримиримых своих врагов и ждали от них справедливой мести; они боялись мести от целой России, боялись дворянского войска, которое могло собраться из областей и задавить их ничтожный сравнительно корпус. Стрельцы волновались от страха; каждому, кто находил в том свои выгоды, ничего не стоило пугать их внушением, что бояре уже решили истребить их; стрельцы волновались от страха, но своими волнениями наводили ужас на мирное народонаселение; оно не могло заснуть спокойно в ожидании проснуться от набата и стрельбы, от зловещих криков: «Любо!» – которыми стрельцы приветствовали свои жертвы, принимая их на копья. Правительница приняла энергические меры для прекращения стрелецких волнений. Угрозою, что правительство покинет Москву, обратится к России, призовет на свою защиту дворянское войско – этой угрозой она заставила стрельцов отступить от раскольников, которые, воспользовавшись смутой, пришли в Кремль, в самый дворец, чтоб спорить с патриархом в присутствии правительницы, и один из них решился сказать ей

страшные, невыносимые для нее слова: «Пора вам, государыня, в монастырь; только царством мутит». Чтоб избавиться от любимого начальника стрельцов князя Хованского, человека очень беспокойного по своему властолюбию, Софья привела в исполнение свою угрозу: выехала из Москвы; Хованский был схвачен, привезен к правительнице в село Воздвиженское близ Троицкого монастыря и казнен без суда. Стрельцы забушевали, услышав о казни своего любимого батюки, так их баловавшего; но скоро утихли, потому что бороться с дворянским войском им было нельзя. Софья уладила стрельцов; самые буйные из них были удалены; но этими государственными мерами правительница уничтожила свои собственные средства, тогда как страшный вопрос о будущем оставался и все более и более приближался к своему решению. Странная форма двоевластия была принята вследствие стрельцкого насилия; впрочем, она не могла очень беспокоить по неспособности Иоанна к правлению, по его болезненности, следовательно, и недолговечности, по неимению детей мужского пола. Но что успокаивало других, то мучительно тревожило Софью: Иоанн, ее единоутробный брат, недолговечен, а младший Петр, настоящий царь в глазах всех, растет, и когда достигнет совершеннолетия, правительство Софьи уничтожится само собою. Что тогда? Поток крови уже прошел между Софьей и Петром: царское семейство представляло два враждебные лагеря, и ненависть между ними усиливалась день ото дня; примирение было невозможно; с обеих сторон зорко следили за движениями друг друга, приготавливали средства защиты. При первом известии о волнении между приверженными к Софье стрельцами Петр делает то же, что уже сделала Софья в борьбе с Хованским: он спешит в Троицкий монастырь и призывает на свою защиту дворянское войско, обвиняя приверженцев Софьи в злоумышлении против себя. Софья стала в Москве в безвыходное положение; тщетно обращается она к стрельцам, желая поднять их на свою защиту: стрельцы не трогаются, они чувствуют всю бессмысленность борьбы с царем, располагающим средствами всей России; они чувствуют всю бессмысленность борьбы против силы материальной и силы нравственной, против права, несомненного в глазах всей России. Стрельцы выдают Софью, и то, чего больше всего она боялась, совершается: монастырская келья принимает в свои печальные,

гробовые стены существо плоти и крови, существо, жаждущее мирской жизни.

Смута кончилась; Софья в монастыре, приверженцы ее на плахе или в ссылке; скоро умирает царь, по имени только Иоанн Алексеевич; остается один Петр. Мы уже несколько раз упоминали о нем; но другие лица загораживали его, теперь около него стало просторно, можно подойти ближе, рассмотреть внимательнее. У нас нет времени заниматься перечислением и разбором разных более или менее достоверных преданий о малолетстве Петра. Не для удовлетворения праздного любопытства собрались мы здесь, но для уяснения великого явления в нашем историческом существовании, для уяснения значения великого человека, великой эпохи; обратимся прямо к этому человеку, пусть он сам скажет нам о себе. Вот первое письмо его к матери из Переяславля, когда ему было 17 лет; форма письма обычная в то время с употреблением уменьшительных уничижительных слов, как потогдашнему следовало писать детям к родителям: «Сынишка твой, в работе пребывающий, Петрушка, благословения прошу, и о твоём здравии слышать желаю; а у нас молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось, и суды все, кроме большого корабля, в отделке». Итак, вот первое слово нам от Петра, которого мы зовем Великим, первое им самим сделанное определение: «в работе пребывающий». Это первое определение останется навсегда за ним и дружно уместится подле определения «Великий». Прошло много времени, и знаменитый поэт, который прозвучал нам столько родного, который дал нам столько народных откровений, не нашел лучшего определения для Петра: «на троне вечный был работник». Петр работник, Петр с мозольными руками – вот олицетворение всего русского народа в так называемую эпоху преобразования. Здесь не было только сближения с народами образованными, подражания им, учения у них; здесь не были только школы, книги – здесь была мастерская прежде всего, знание немедленно же прилагалось, надобно было усиленной работой, «пребыванием в работе» добыть народу хлеб насущный, предметы первой необходимости. Народы в своей истории не делают прыжков: тяжкая работа, на которую был осужден русский народ в продолжение стольких веков, борьба с азиатскими варварами при условиях самых неблагоприятных, борьба за народное существование, народную самостоятельность кончилась – и народ должен был естественно

перейти к другой тяжелой работе, необходимой для приготовления к другой деятельности, деятельности среди народов с другим характером, для приготовления себе должного, почетного места между ними; для приготовления средств бороться с ними равным оружием. Этого оружие и надобно было выработать, и выработать как можно скорее, ибо время не терпело. Над чем же прежде всего и больше всего работает царь-работник, представитель своего времени, выразитель его потребности? Он работает над кораблем – это его любимая работа; вода его любимая стихия, он ищет все большего простора на ней, из подмосковного пруда переходит на озеро, с одного меньшего озера на большее, от последнего к морю. Богатырю древней России было тесно в городе, он рвался в широкую степь, но зачем? Для бесплодного гулянья, для того чтоб гулять на счет тех, которые трудились? Человек, одаренный страшными силами, богатырь новой России, Петр рвется также на широкий простор, но этот простор – море. В степи богатырь мог встретить дикого кочевника и упражнять над ним свою физическую силу; нравственные и умственные его силы не развивались от этой борьбы; новый богатырь может быть безопасен, может успешно бороться с грозною стихией, морем, не иначе как посредством знания, искусства. На море, на его берегах он встретит людей противоположных кочевым варварам, людей богатых знанием, искусством, от которых есть чем позаимствоваться, и когда придется вступить с ними в борьбу, то для нее понадобится не одна физическая сила, понадобится и чрезвычайное напряжение умственных сил. В жизни русского народа совершался переход из одного возраста в другой: этот переход естественно выражался в повороте от степи к морю, и что ж делает вождь народа, за каким первым делом мы застаем его? Он строит корабль, и когда мы припомним это страстное желание моря, корабля, обнаружившееся в России XVI и XVII веков, обнаружившееся в деятельности Иоанна IV и Алексея Михайловича, то мы поймем ясно отношение великого человека к народу, к его потребностям в известное время, и другое значение получит для нас эта страсть к морю Петра, который скучал в тесных гористых пространствах, был спокоен и доволен только на море, и печальная по природе своей, но близкая к морю и богатая водою местность была для него раем.

Но, быть может, скажут, для чего же было царю становиться работником? Дело царя царствовать, а не плотничать; признал Петр необходимость завести флот и завел бы; для чего же самому участвовать в постройке судов? Эти суждения, повидимому, справедливы, но в сущности, применительно к известному явлению, совершенно неверны, происходят от нашей непривычки высвободиться от своих, настоящих условий жизни и переноситься в условия того времени, которое хотим изучить, понять и которой никак не пойдем, если не отстанем от этой привычки. Мы живем в условиях цивилизации и смотрим все на народы, живущие в этих же условиях, еще больше чем мы; а сущность цивилизации, как мы знаем, состоит в разделении занятий, господствующем как во всякой другой, так и в правительственной сфере. Каждый знает, делает свое одно какоенибудь дело. При таком порядке естественно и легко главе государства поручить какоенибудь новое дело известному лицу или собранию лиц, ибо это новое дело по характеру своему непременно относится к известному отдельному ведомству, управляющие которым приготовлены к делу своим воспитанием и опытностью, и, как бы дело ни было ново, связь его с известным разрядом дел ясна, и по этой связи человеку, приготовленному и опытному, легко понять его, овладеть им, приложить его.

Но не таково было положение России в конце XVII и начале XVIII века: разделение занятий в правительственной сфере по известным ведомствам быть не могло по самой простой причине, что нечего было делить. Явилось сознание необходимости для государства, для народа выйти на новую дорогу для продолжения исторической жизни, сознание нудящих потребностей, которым необходимо было удовлетворить как можно скорее; но где средства для этого удовлетворения, где знание, уметь приняться за дело? Средство есть, повидимому, очень легкое: призвать искусного иностранца и поручить ему дело. Средство, повидимому, очень легкое, но в сущности чрезвычайно тяжелое, могущее обойтись для народа очень дорого, не в отношении только материальном, не в отношении только денег (деньги – дело нажитое), но при неразумном, страдательном употреблении означенной меры можно потерять такое нравственное добро, которого после не наживешь. Мы говорили, что русский народ совершил свой переход из одного возраста в другой по общим законам развития,

уясняемым посредством сравнения жизни одного народа с жизнью других; мы видели, что западноевропейские народы совершили свой переход по тем же законам, но видели при этом и различие между ними и нами. Важное и с выгодой на их стороне различие заключалось в том, что они получили сильное побуждение к умственному движению, а следовательно, и к переходу из своей древней истории в новую посредством знакомства с памятниками античной, грекоримской мысли. Они стали учиться по чужим книгам, по книгам, оставшимся от народов, уже сошедших с исторической сцены, народов мертвых. Они пошли в науку к древним и не избежали при этом увлечения, подражали до рабства, заучивались чужому до самозабвения, но все же имели важную выгоду в том, что учились не у живых учителей, не подвергались влиянию живых народностей, влиянию, понятно, более сильному и более опасному, ибо хотя несколько ученых греков, бежавших из разрушавшейся Византийской империи, и помогли в качестве учителей западноевропейским народам при изучении памятников грекоримской мысли, но число этих учителей было ничтожно, приток их не мог возобновляться и положение их было таково, что не могло быть опасно ни для какой народности. Другая важная выгода для западноевропейских народов заключалась здесь в том, что они имели дело с законченной деятельностью народов уже мертвых; учение, школа, следовательно, должна была сама собою рано или поздно кончиться, содержание ее исчерпывалось для ученика и более не подбавлялось: следовательно, ученик, получивши от школы побуждение и средства к умственному развитию, мог легко приступить к самостоятельной деятельности, пойти дальше учителей. Но этих выгод не было для русского народа, начавшего гораздо позднее свой переход в возраст умственного развития; он должен был обратиться к народам живым, брать от них живых учителей, следовательно, подчиняться влиянию живой чуждой национальности или национальностей. В этом отношении положение русского народа было похоже на положение народа римского, который должен был совершить известный переход под руководством греческой народности, хотя и потерявшей политическую самостоятельность, но еще живой и сильной; отсюда борьба в Риме при этом, образование партий, вопли старой римской партии против этих иностранных учителей греков, которые портят нравы, отнимают у римлян их

прежний нравственный национальный строй. Для русского народа предстояла и другая невыгода; он должен был иметь дело с учителями из чужих живых и сильных народностей, которые не останавливались, но шли быстро в своем развитии, почему юный народ, долженствовавший заимствовать у них плоды цивилизации, осужден был гнаться за ними без отдыха, с страшным напряжением сил. Ему не давалось передышки, досуга передумать о всем том, что он должен был заимствовать, переварить всю эту обильную духовную пищу, которую он воспринимал. Внимание его было постоянно поглощено этим разнообразием явлений, которое представлял ему цивилизованный мир Западной Европы, и, естественно, отвлекалось от своего, а это вело к томительному недоумению, с каким русский человек останавливался между явлением, которое он видел у других народов и для него желанным, и отсутствием условий для его произведения на родной почве или неумением отыскать эти условия. А тут еще новая невыгода от постоянного присутствия пред глазами русского человека живых, сильно развивающихся народов, – та же самая невыгода, какая проистекает для отдельного молодого человека, когда его слишком долго оставляют под надзором и руководством наставника, молодой человек привыкает ходить на помочах в ущерб самостоятельности и быстроты своего развития.

Таковыто были чрезвычайно неблагоприятные обстоятельства, которые встретил русский народ при своем движении на Запад, при соединении с тамошними цивилизованными народами. Народы слабые при встрече с цивилизацией, с этим тьмочисленным разнообразием новых явлений и отношений, какие она им представляет, не могут выдержать ее натиска и падают, вымирают. Народ русский обнаружил необыкновенную силу, выдержавши натиск цивилизации; но можно ли сказать, чтоб это было для него легко, чтоб он не подвергался при этом страшным опасностям, тяжелым ударам? В первую половину своей истории он долго вел борьбу с Азией, с ее хищными ордами, выдерживая их страшные натиски и заслоняя от них Западную Европу, долго боролся он с ними изза куска черного хлеба. Вышедши победителем из этой борьбы, он смело ринулся на другую сторону, на Запад, и вызвал чародейные силы его цивилизации, чтоб и с ними помериться. Вызов был принят, и страшен был натиск этих чародейных сил; это уже не был материальный натиск татарских

полчищ, это был натиск потяжелее, ибо это был натиск духовных сил, натиск нравственный, умственный. Таковы были опасные стороны нового положения, в какое становился русский народ. Благодаря успехам нашей науки, мы оставили далеко за собою ребяческие мнения, по которым одному человеку приписывалось то, что являлось общим по непреложным законам народной жизни, – мнения, по которым в вину одному человеку ставились неблагоприятные обстоятельства, бывшие необходимым следствием известных истонных условий развития какогонибудь народа. Но мы должны признать и значение вождей народных, великих людей: от их искусства зависит уменьшить затруднения, ослабить вредные влияния опасных сторон известного положения, провести народный корабль во время бури без больших потерь. Исполнил ли эту задачу и как исполнил ее, как провел во время бури переворота русский корабль «тот шкипер славный», которого мы уже встретили в работе пребывающим, строящим корабли? Вот вопрос, посильное решение которого есть наша задача.

Чтение пятое

В прошедшей беседе нашей речь шла об опасных сторонах положения, в какое необходимо становился русский народ в эпоху преобразования, вследствие связи своей с живыми и сильными народностями, от которых должен был заимствовать плоды цивилизации, у которых должен был учиться, влиянию которых, следовательно, должен был подвергнуться, как ученик подвергается влиянию учителей. Здесь первое главное средство для уменьшения опасности положения состояло в том, чтобы не позволить народу-ученику продолжительного страдательного отношения к народам-учителям. Речь идет об ученике, учителях; следовательно, сравнение, объяснение из школьной, воспитательной сферы напрашивается само собою. Представим себе такого учителя, который постоянно сообщает своему ученику множество знаний, делает пред ним множество опытов, решает множество задач, но при этом не обращает никакого внимания на ученика, усвоил ли тот преподаваемое и в какой степени усвоил, – ему до этого дела нет. Такое преподавание возможно и правильно как высшее преподавание, когда наставник имеет дело с человеком вполне подготовленным: но такое преподавание никуда не годится как начальное, имеющее целью приготовить человека, сделать его способным к принятию высшего преподавания. Здесь преподавание тем полезнее, чем более имеет в виду ученика, чем более наставник старается развивать самостоятельную его деятельность; пусть ученик с самого же начала испытывает свои силы, сам сейчас же повторяет преподаваемое правило, сейчас же прилагает узнанное к делу. Только посредством такого учения человек может развить свои способности, приобрести привычку к самостоятельной деятельности, укрепить духовно.

Легко понять, что именно такое учение нужно было и русскому народу в этой начальной школе преобразования, когда при опасном столкновении с народами-учителями нужно было прежде всего озаботиться развитием самостоятельной его деятельности, избежанием по возможности страдательного положения, избежанием духовного унижения пред чужим, сохранением свободных отношений к

чужому, духовной независимости, сознанием своего достоинства. Что же делает народный вождь? Он проходит сам эту практическую, деятельную школу и заставляет других проходить ее. Он носит в себе ясное сознание, что его время есть время школы, школьного учения для народа, время школы, взятой в самых широких размерах. Но при этом он сознает лучшее средство пройти школу как можно безопаснее и как можно полезнее, имея в виду развитие самостоятельной деятельности народа. Отсюда вполне уясняется нам значение этой неутомимой работы Петра. Услыхал чтонибудь – непременно хочет посмотреть – так ли? Увидел какоюнибудь вещь – сейчас же хочет дознаться, для чего она употребляется, и сейчас же произвести опыт, посмотреть, как она употребляется; увидел какоенибудь производство – сейчас же сам принимает в нем участие. Только этой неутомимой работой он может избежать сам крайне опасного страдательного положения в отношении к иностранцам и избавить от него народ свой. Мы уже говорили, что, когда понадобилось новое, чего русские люди не знали, не умели делать, всего легче было бы призвать знающих, умеющих иностранцев и поручить им введение всего нового; но тогда именно народ нашелся бы в страдательном положении, полной зависимости, духовном принижении. Без иностранцев обойтись было нельзя; но чтоб сохранить к ним свободное, независимое, мало того – властелинское, хозяйское отношение, надобно было приобрести способность надзора, проверки, а такую способность Петр и, по его примеру и побуждению, его сотрудники могли приобрести только этой неутомимой работой, этим немедленным практическим приложением всего узнанного. Чтоб сохранить свободное и хозяйское отношение к иностранцам, нельзя было допустить их к себе и дать им делать, что хотят и как хотят: нужно было побывать у них самих, в их землях, посмотреть, как там делается, до какой степени совершенства может достигать то или другое дело, и с этим соразмерять свои требования. Но главная забота состояла в том, чтоб дать пройти русскому народу хорошую школу, т. е. деятельную, практическую, приложительную с самого начала, чтоб не дать ему привыкнуть к страдательному положению относительно иностранных учителей, не дать потерять сознания своего народного достоинства. Школа, как уже сказано, была в самых широких размерах; все отправления государственной и народной жизни входили в нее; всюду русский человек должен был

учиться и одновременно прилагать изученное к делу. Легко ли это? Сам вождь возвышался над уровнем человеческих способностей, был человек гениальный; но, как человек, и он должен был ошибаться, особенно в таком трудном деле. Что же другие? Петр заранее признает необходимость и пользу ошибок, неудач при учении; дурно, если все удается, особенно сначала: ошибка, неудача учат осторожности, гонят гордость, самомнение.

Два отдела великой народной школы, которую проходили русские люди при Петре, были особенно важны по отношению к иностранцам, иностранным учителям: это война в собственном смысле и борьба мирная между народами, борьба дипломатическими средствами. Здесь Петр подвергался страшному искушению; иностранцы старались внушить ему: нельзя вести войны с неприготовленными, невыученными офицерами и генералами, особенно главными, фельдмаршалами: здесь ошибки, неискусство, неопытность вождей могут иметь неисчислимо гибельные следствия. Надобно поэтому для успеха войны пригласить иностранных фельдмаршалов, генералов, офицеров, и русские пусть готовятся, учатся. Но Петр знал, что война есть лучшая школа для способностей; что нельзя выучиться делу, только смотря, как другие делают, и назначал своих русских генералами и фельдмаршалами: пусть сначала ошибаются, но зато выучатся. То же самое на поприще дипломатическом. Россия вошла в сношение со всеми значительнейшими европейскими дворами: одни из них она должна была привлекать в союз с собою; другие, по крайней мере, удерживать от вражды, вводить в свои интересы: при всех дворах нужно было иметь ей постоянных представителей, которые бы неусыпно блюли за русскими интересами в этом многосложном движении международной европейской жизни. И опять страшное искушение, опять внушают: русские совершенно не приготовлены к дипломатическому поприщу; они не знают ни прошедшего, ни настоящего тех держав, где будут уполномочены; вообще имеют смутное понятие об отношениях европейских народов друг к другу, об истории этих отношений. Неминуемое следствие такого незнания – неловкость положения, ошибки, которые будут иметь гибельные следствия для русских интересов: необходимо поэтому назначить на главнейшие дипломатические посты знающих, искусных иностранцев. Но Петр преодолел и это искушение: русские

должны выучиться на самой практике; пусть сначала будут ошибаться, ошибки пойдут в пользу понятливым и усердным ученикам, – и на всех важнейших дипломатических постах являются русские люди. То же самое по всем частям управления, у Петра было правило: во главе известного управления ставить русского человека, второе по нем место мог занимать иностранец, вследствие чего при кончине Петра судьбы России оставались в одних русских руках. Соблюдением этого правила Петр в опасный период ученичества отстранял духовное принижение своего народа перед чужими народностями, сохраняя за ним властелинское, хозяйское положение: искусному иностранцу были рады, ему давались большие льготы и почет, он не мог только хозяйничать в стране. Но для того чтоб преодолеть все приведенные искушения и дойти до такого правила, неужели достаточно было одних холодных расчетов ума? Нет, Петр был сам истый русский человек, сохранявший крепкую связь с своим народом: его любовь к России не была любовью к какойто отвлеченной России; он жил с своим народом одной жизнью и вне этой жизни существовать не мог. Без этого он не мог так глубоко и горячо верить в свой народ, в его величие, только по этой вере он мог поручить русским людям то, в чем они по холодным соображениям ума не могли иметь успеха по своей неопытности и неприготовленности. И свели они свои счета – великий народ и великий вождь народный; за горячую любовь, за глубокую и непоколебимую веру в свой народ, народ этот заплатил вождю успехом, превосходившим все ожидания, силой и славой небывалыми, те неопытные русские люди, которым Петр поручил начальство над своими неопытными войсками, оказались полководцами, каких не могла дать ему образованная Европа; те неприготовленные русские дипломаты, не знавшие ни прошедшего, ни настоящего держав, куда были посланы представителями России, очень скоро стали в уровень с самыми искусными министрами европейскими.

Таким образом уясняется для нас историческое значение этого образа, в каком Петр является в первый раз перед нами и в каком видим его в продолжение всей жизни: «в работе пребывающий», царьработник, царь с мозольными руками. История ставит народ в исключительное, чрезвычайное положение, положение крайне опасное. Для избежания этих опасностей требовалось чрезвычайное напряжение сил, чрезвычайный труд. Какая же роль великого человека,

народного героя и прирожденного вождя, царя? Он первый двигается, первый принимает это чрезвычайное положение, первый принимает на себя чрезвычайный труд, первый проходит эту деятельную школу, которая одна могла развить самостоятельные силы народа, поставить его на ноги, привести в положение, которое бы возбуждало в нем уважение к самому себе и внушало уважение к нему в других народах. Нельзя было говорить другим: «двигайтесь, работайте, учитесь деятельно, самостоятельно, не отчаивайтесь, когда чего не умеете; начинайте только делать, сами увидите, что сумеете». Нельзя было только говорить это другим и ждать успеха от слова, надобно было показать на примере, на деле; надобно было для начинающего народа употребить наглядный способ обучения, и Петр, становясь работником, учеником, делался чрез это великим народным учителем. Движение началось благодаря сильной руке; но, чтоб оно шло с возможной быстротой, успехом, нужен был глаз, надзор заводчика, хозяина, начавшего громадное производство; а что такое глаз, надзор без собственного знания и опыта надзирающего? Вот почему в этой неутомимой работе, в стремлении все узнать и сделать самому мы видим необходимое приготовление к той царственной деятельности, которая выпала Петру во время движения его народа на новую дорогу. Народ должен поднять страшную тяжесть; сознает, что должен, обойтись без этого нельзя; но, естественно, колеблется, останавливается в недоумении, как приняться за дело, достанет ли сил. Что же делает великий человек, вождь народный? Он первый подставляет свои могучие плечи под тяжесть, отдает всю свою чрезвычайную силу в общее дело, и дело, благодаря этому вкладу, начинается, идет, народ получает помощь. И вот подле значения великого учителя народного другое значение – великого помощника народного, а образ все тот же – образ царя-работника.

Уяснив для себя этот образ, в котором Петр впервые является перед нами; уяснив для себя это первое определение, которое Петр дал самому себе: «в работе пребывающий», мы будем следить за этой работой, т. е. будем следить за тем, какую помощь оказывал великий царственный работник своему народу в тяжелом деле перехода от его древней истории в новую, перехода, сопряженного с такими тяжестями, каких не испытывал никакой другой народ при подобном переходе. Прежде всего великая помощь была оказана народу тем, что

он был выведен из самого печального, растлевающего силы отдельного человека и целого народа положения, когда возбужденный ум отрицательно относится к окружающим явлениям и в то же время не имеет средств создать новые отношения, новый мир, где бы ему было спокойнее и просторнее; прежние явления существуют, но лишены для него содержания, значения, и он ходит между ними, как между гробами и развалинами. Единственное средство вывести его из такого печального положения – это труд, сильная практическая деятельность, отвлечение его от задавания себе и другим праздных вопросов и привлечение его к решению вопросов на деле. По недостатку точных исторических наблюдений у нас приписывали Петру это отрицательное отношение ко всему существовавшему, разрушительные удары, нанесенные прежним формам государственной жизни, удары, которые тяжело отозвались и в мире нравственном. Но теперь мы знаем, что это отрицательное отношение началось, усилилось прежде Петра; прежде него русский человек уже отрицательно относился ко всему, начиная с бороды, широкого по азиатскому покрою платья до высшей сферы религиозной, где слышались отрицания как со стороны раскольника, который обольщал себя, будто стоял за неприкосновенность старины, так и со стороны человека, наслушавшегося католических и протестантских внушений. Этот период отрицания, сомнения, колебания, период необходимый, ибо им начинается переход в возраст умственного развития, но страшно вредно действующий на силы отдельного человека и целого народа, когда бывает продолжителен, этот период и был укорочен Петром, который уничтожил праздничатание мысли, засадив русских людей за работу, за решение практических задач.

Природа Петра давала ему средства исполнить это дело, давала ему средства работать без усталости и возбуждать других к работе, природа огненная, природа человека, не умеющего ходить, а только бегать. Природа! А воспитание? Первоначальное воспитание, полученное Петром, было древнерусское: грамотность повела непосредственно и, можно сказать, исключительно к изучению св. писания, что и дало на всю жизнь обильное питание его глубокой религиозности. Церковная жизнь не коснулась его только внешним образом, он не признал ее необходимости только с государственной точки зрения и холодно подчинился этой необходимости. Церковная

жизнь обхватывала его своим светом и теплотою, как человека и как русского человека; он любил ее народную обстановку, любил русское богослужение; по природе своей хотел деятельно участвовать в нем, сколько это возможно мирянину, сам пел и читал в церкви. Наука и школа переходной эпохи, выписанные из западной России с ее тамошней обстановкой, мало или вовсе не коснулись Петра, ему не дали учителя, какой был у его старших братьев, не дали какогонибудь Симеона Полоцкого; эта наука и школа отнеслись даже враждебно к Петру: верный ученик Полоцкого, хранитель его преданий, Сильвестр Медведев был ревностный приверженец Софьи и потому враг Петра. Таким образом, эта славяногреколатинская или, вернее, греколатинопольская наука осталась в стороне, с ее богословскими спорами о времени пресуществления, с ее хлебопоклонной ересью. Петр был предоставлен самому себе. Огненный, гениальный ребенок не может все сидеть в комнате без дела и перечитывать одну и ту же книгу; он рвется из печального, скучного опального дома на улицу, собирает около себя толпу молодежи из придворных служителей; забавляется, играет с ними; как все живые дети, любит играть в войну, в солдаты.

Но одними этими играми и забавами не может удовлетвориться и в детстве такой человек, как Петр; требует удовлетворения жажда знания. Он останавливается на каждом новом предмете, превращается весь во внимание, когда говорят о какомнибудь удивительном инструменте. Говорят ему об астролябии; он непременно хочет иметь инструмент, «которым можно брать дистанции, не доходя до того места». Астролябия привезена; но как ее употреблять? Из русских никто не знает; не знает ли кто из иностранцев? Самый близкий человек из иностранцев, которого прежде других цари древней России считали необходимым вызывать к себе, – это лекарь, дохтур. Не знает ли дохтур, как употреблять астролябию? Дохтур говорит, что сам не знает, но сыщет знающего, и приводит голландца Франца Тиммермана. Петр отыскал себе учителя и «гораздо пристал с охотою учиться геометрии и фортификации; и тако сей Франц чрез сей случай стал при дворе быть беспрестанно в компаниях с нами», – говорит сам Петр. Но один иностранец не ответит на все вопросы, не удовлетворит всем требованиям. В измайловских сараях, где складывались старые вещи, Петр находит иностранный английский бот, ставший для нас так

знаменитым. «Что это за судно, для чего употребляется?» – «Ходит на парусах по ветру и против ветра», – отвечает Тиммерман. Непременно надо посмотреть, как это, непременно надо починить бот, спустить на воду. Тиммерман этого сделать не умеет; но он приводит своего земляка, голландца Бранта. Бот на Яузе: «удивительно и зело любо стало». Но река узка; бот перетаскивают в Просяной пруд. «Охота стала от часу быть более», и вследствие этой охоты мы уже встретили Петра на Переяславском озере, в работе пребывающим. Но и в ранней молодости односторонность не была в характере Петра: строение судов и плавание на них не поглощали всего его внимания; он в постоянном движении, работе и на суше; он учится геометрии и фортификации, обучает солдатские полки, сформированные из старых потешных и новых охочих людей, явившихся отовсюду, из знати и простых людей, строить крепость Пресбург на берегу Яузы. Даются примерные битвы, где в схватках с неприятельским генералиссимусом Фридрихом (кн. Ромодановским) или польским королем (Бутурлиным) отличается Петр Алексеев, то бомбардир, то ротмистр. Но этот бомбардир и ротмистр был также и шкипером. Переяславское озеро стало ему тесно; он посмотрел Кубенское: то было мелко; он отправляется в Архангельск, устраивает там верфь, закладывает, спускает корабли и пишет с восторгом: «Что давно желали, ныне совершилось».

Так воспитывался Петр, развивал свои силы. Мы видели, как в своем стремлении к знанию он встретился с иностранцами. Не умея приложить к делу известный инструмент и не находя между русскими никого, кто бы помог своим знанием, Петр отыскивает иностранца, который объясняет дело и становится его учителем, вследствие чего находится в его компании; другой иностранец объясняет ему значение бота. Естественно, что за решением многих и многих вопросов, которые толпятся в голове Петра, он должен обращаться к иностранцам, требовать их услуг, быть с ними в компании. Иностранцев довольно в Москве, целая колония – Немецкая слобода. Тут жили люди ремесленные и военные. Западная Европа имела своих казаков в этих наемных дружинах, составлявшихся так же, как и наши казацкие дружины, из людей, которым почему-нибудь было тесно, неудобно на родине, и шли они служить тому, кто больше давал; искать отечества там, где было хорошо, и служили они в семи ордах семи

королям, как выражалась старая русская песня о богатырях, этих первообразах и казаков Восточной Европы и наемных дружинников Западной. Мы видели, что в Западной Европе государи обратились к наемным войскам, когда разбогатели, стали получать хорошие доходы, хорошие деньги от поднявшегося города, от промышленного и торгового движения. Кроме того, наемные войска были желательны и потому, что отличались своим искусством: война была их исключительным занятием. И у нас в XVII веке являются эти западноевропейские наемники, но вовсе не потому, чтоб наши цари нуждались в войске и, разбогатеv, получили возможность нанимать его. Бедное государство должно было тратить последнюю копейку на этих наемников, чтоб иметь обученное поевропейски войско, чтоб не терпеть слишком тяжелых поражений вследствие неискusstва своего помещичья войска. В конце XVI и начале XVII века мы видим иностранных наемников в царском войске, выходцев из разных стран, немцев, французов, шотландцев. У себя, в Западной Европе, эти наемные дружинники хотя представляли известные особенности, однако не могли поражать резким отличием по общности нравов и обычаев; но понятно, как выделялись они у нас в XVII веке. Между ними, разумеется, нельзя было сыскать людей ученых; но это были люди бывалые, много странствовавшие, выдавшие много разных стран и народов, много испытавшие; а известно, как эта бывалость развивает, какую привлекательность дает беседа такого бывалого человека, особенно в обществе, где книги нет, и живой человек должен заменять ее. Легко понять, что Петр, обратившись раз к иностранцам за решением различных вопросов, при своей пытливости, страсти узнавать новое, знакомиться с новыми явлениями и людьми, должен был необходимо перешагнуть порог Немецкой слободы, этого любопытного, привлекательного мира, наполненного людьми, от которых можно было услышать так много нового о том, что делается в стране чудес, в Западной Европе. Петр в Немецкой слободе, Петр – представитель России, движущейся в Европу, входит в этот чужой мир, входит еще очень молодым, безоружным. Молодой богатырь схватывается с этой силой; собственные силы его еще не окрепли, и он естественно подчиняется ее влиянию, ее давлению; это влияние обнаруживается в том, что самым близким, любимым человеком становится для него иностранец Лефорт. Лефорт был блестящий

представитель людей, населявших Немецкую слободу. Как все они, Лефорт не имел прочного образования, не мог быть учителем Петра ни в какой науке, не был мастером никакого дела; но это был человек бывалый и притом необыкновенно живой, ловкий, веселый, открытый, симпатичный, душа общества. Петр подружился с ним, подружился дружбою молодого человека, дружбою страстною, увлекающеюся, преувеличивающею достоинства любимого человека. Влияние Лефорта на молодого Петра сильное, потому что мы подчиняемся самому сильному влиянию не того человека, которого мы только уважаем, но того, кого мы любим. Петру было весело, занято в Немецкой слободе, среди людей, которых речи были для него полны содержания, чего он не находил в речах окружавших его русских людей, и всего приятнее и занятнее было с Лефортом.

Что же делал Петр в этот период влияния Немецкой слободы, лефортского влияния? Развитие шло быстро; от работы, которая имела вид потехи, Петр переходил к настоящему делу; и Белое море становилось тесно, плавание по нему бесцельно, имело также вид потехи; а потехи уже наскучили, не удовлетворяли, от них оставалась пустота в душе, от них саднило на сердце. Человек мужал, и являлась потребность сделать что-нибудь важное, полезное. Что же сделать? Сначала, как обыкновенно прельщают мечты, молодой человек еще рвется на предприятия далекие, имеющие связь с любимым занятием; зачем без цели строить корабли в Архангельске, заказывать их иностранцам? Нельзя ли через Северный океан отыскать проход к Китаю, Индии? Потом мечта уступает мысли серьезной, осуществимой; на юго-востоке Россия прикасается также к морю, имеющему выгодное положение; чрез него можно ближе, удобнее завести торговые сношения с богатыми странами Азии; на него давно уже иностранцы указывали московскому правительству, требуя свободного проезда к нему для торговли: это Каспийское море. Надобно строить корабли для него, надобно ехать в Астрахань, завести сношения с Персией. Итак движение на Восток, к Азии; но естественно ли такое движение в тот период жизни народа, когда он именно стремился уйти с Востока на Запад, когда все внимание было обращено на Европу? Естественно ли было ожидать, чтоб Петр начал с Каспийского моря? И вот поездка в Казань и Астрахань, несмотря на видимую пользу, практичность, приложимость, откладывается, как

дело тяжелое, неприятное. Все внимание и желание обращено на Запад: там заветное море, туда надобно пробраться; но как? Заперто, и ключ у шведов. Мысль кружится около России, постоянно останавливается у Балтийского моря, постоянно должна отступать, отталкиваться от него и все же опять неодолимо влечется к нему. Молодой орел бьется в клетке. Но молодой орел растет, мужает; уставши от кружения мысли около России, молодой человек малопомалу войдет внутрь нее, станет на действительную почву, начнет заниматься настоящим, текущим делом. Северный океан, Китай, Индия, Каспийское море, Персия, Балтийское море, в которое труднее пробраться, чем в Восточный океан, – все это мечты, сказочные подвиги богатыря, ищущего приключений, отправляющегося на поиск заколдованного терема, спящей царевны и т. п.; человек пробуждается, грезы исчезают; является жизнь, наяву, настоящая, действительная; а настоящее, действительное – это Россия с ее внутренней и внешней жизнью: вот чем надобно заняться.

Что же здесь на первом плане? Война с Турцией – война, начавшаяся в правление Софьи и ведшаяся при ней неудачно; надобно загладить эти неудачи, кончить войну с честью, славой; здесь самый удобный случай выступить на сцену достойно перед Россией и Европой; а война идет европейская, первая европейская война для России в союзе с европейскими государствами. В царствование Алексея Михайловича продолжительная и тяжелая война России с Польшей за Малороссию кончилась крайним истощением обоих государств, с тем различием, что Россия имела средства поправиться, а Польша их не имела. По окончании этой войны польский вопрос получает новый вид. Оказалось, что России нечего бояться Польши; Польша не будет более помехой движению России в Европу; напротив, Польша должна затянуть Россию в европейские дела, в общую европейскую жизнь, если бы даже Россия этого не хотела: Польша по своему бессилию, по своему страдательному положению, становилась ареной, на которой должны были бороться чужие народы, бороться с оружием в руках и дипломатическими средствами; Россия не могла оставаться праздной зрительницей этой борьбы, волеяневолей она должна принять в ней участие, не дать усилиться здесь враждебному влиянию, не дать чужим захватить своего, русского; а известно, сколько было русского добра у Речи Посполитой польской. Где труп,

там соберутся орлы, и хищники вились над Польшей. Казак Дорошенко, гетман польской Украины, кликнул турецкого султана на добычу, поддавшись ему; турки явились на зов и разгромили Польшу, объявляя притязания на всю Украину, которую именем казачества отдавал им Дорошенко. Таким образом, Россия втягивалась в первый раз непосредственно в войну с Турцией, и, естественно, должна была помогать Польше. Турки в последний раз перед упадком своим явились грозны для соседей: Австрии, Венеции предстояла страшная опасность; Вена подвергалась осаде. Такое положение, естественно, вело к союзу этих соседей против общего врага – врага всему христианству. Россия и Польша заключили Вечный мир; Ян Собеский со слезами подписал знаменитый Московский договор, по которому Киев навсегда оставался за Россией, но за эти слезы Россия должна была заплатить деятельной помощью Польше против турок.

Впервые Россия вступала в общее действие с европейскими державами, с Польшей, Австрией и Венецией, явилась членом этого союза, который назывался священным. В Москве решено было действовать против Крыма, чтоб удержать татар от подания помощи туркам. Два степных похода на Крым, соединенные со страшными тягостями для войска, были неудачны, что наложило пятно на правление Софьи, на ее любимца кн. В. В. Голицына, предпринимавшего эти походы. Крупных военных действий не было до тех пор, пока в развитии Петра не произошел поворот от юношеской мечты, от неясных стремлений, от неопределенных порывов к действительности, от юношеской потешной деятельности к труду государя. Надобно было продолжать энергически, кончить с честью и пользой Турецкую войну, тем более, что Восточный вопрос представлялся уже с тем великим политическим и нравственным значением, какое он имеет в жизни русского народа. Иерусалимский патриарх писал, что французы, пользуясь враждою между Россией и Портой, отнимают святые места у православных. «Нам лучше жить с турками, чем с французами, – писал патриарх. – Но вам не полезно, если турки останутся жить на севере от Дуная или в Подоле, или на Украине, или если Иерусалим оставите в их руках: худой это будет мир, потому что ни одному государству турки так не враждебны, как вам. Если не будет освобождена Украина и Иерусалим, если турки не будут изгнаны из Подолии, не заключайте мира с ними, но стойте

крепко. Если будут отдавать вам весь Иерусалим, а Украины и Подолии не уступят, не заключайте мира. Помогите полякам и другим, пока здешние погибнут. Вперед такого времени не сыщете как теперь. Вы упросили бога, чтоб у турок была война с немцами; теперь такое благоприятное время, а вы не радеете. В досаду вам турки отдали Иерусалим французам и вас ни во что ставят. Много раз вы хвалились, что хотите сделать и то и другое, и все оканчивалось одними словами, а дела не явилось никакого». Не Петру было слушать, что дело не явилось. Дело явилось в 1695 году.

Но *шкипер* не пойдет в степной поход; он подплывает к сильной турецкой крепости Азову, загораживающей дорогу к морю. Шкипер подплыл под Азов, преодолев большие препятствия, задержки: «Больше всех задержка была от глупых кормщиков и работников, которые именем слывут мастера, а дело от них, что земля от неба», – писал Петр. «Но, – продолжал он, – по молитвам св. апостола, яко на камени утвердись, несомненно веруем, яко сыны адские не одолеют нас». При осаде шкипер превратился в бомбардира, сам чинил гранаты и бомбы, сам стрелял и записал: «Зачал служить с первого азовского похода бомбардиром». Но дело не сделалось, Азов не был взят; Петр возвратился в Москву – и начинается страшная деятельность. Царь вызывает изза границы новых мастеров, из Архангельска – иностранных корабельных плотников, хочет строить суда, которые должны плыть к Азову и запереть его от турецких судов, дававших помощь осажденным. Это было в ноябре 1695го; корабли должны быть готовы к весне будущего, 1696 года. Возможно ли это? В Москве строят галеры по образцу привезенной из Голландии; в лесных местах, ближайших к Дону, 26 000 работников рубят струги, лодки, плоты.

В начале 1696 года Петр с больной ногой едет в Воронеж. Опять препятствия, задержки: иностранные лекари пьют и во хмелю колют друг друга шпагами; подводчики бегут с дороги, бросая перевозимые вещи; леса горят именно там, где рубят струги; в Воронеже капитан кричит, что в кузнице угля нет; мороз не вовремя снова леденит реки и останавливает работы; но Петр не отчаивается: «Мы, – пишет он, – по приказу божию к прадеду нашему Адаму, в поте лица своего едим хлеб свой». Этот хлеб ел он в маленьком домике, состоявшем из двух комнат. И вот летом в Москве получают от него письмо: «Господь бог двалетние труды и крови наши милостию своею наградил: азовцы,

видя конечную свою беду, сдались». Неудача, сламывающая слабого, возбуждает сильного; неудача первого азовского похода выказала те громадные силы, которыми обладал Петр; здесь последовало явление великого человека. С этих пор мы будем иметь дело с Петром *Великим*.

Чтение шестое

После неудачи не отчаиваться, но усилить труд для того, чтоб как можно скорее поправиться; после удачи не отдыхать, не складывать рук, но также усиливать труд, чтоб воспользоваться плодами удачи, – вот примета великого человека. По возвращении из второго азовского похода у царя идут совещания с боярами: «Нельзя довольствоваться тем, – говорит Петр, – что Азов взят; после осады он в самом печальном положении, надобно его укрепить, устроить, снабдить жителями и гарнизоном; но и этого мало, сколько бы мы войска ни ввели в Азов, турок и татар не удержим, тем более, что конницы там много иметь нельзя. Надобно воевать морем; для этого нужен флот, или караван морской, в 40 и более судов. Прошу порадеть от всего сердца для защиты единоверных и для своей бессмертной памяти. Время благоприятное, фортуна сквозь нас бежит, никогда она к нам так близко на юге не бывала; блажен, кто схватит ее за волосы».

Решено поднять общими силами великую, небывалую тягость строения флота. Землевладельцы, патриарх, архиереи и монастыри, бояре и все служилые люди с известного числа крестьянских дворов ставят по кораблю; торговые люди должны поставить 12 кораблей. Общее дело: надобно соединяться, складываться и потому составляется несколько компаний (кумпанств). Кроме русских плотников, каждое кумпанство обязано было содержать на свой счет мастеров и плотников иностранных, переводчиков, кузнецов, резчика, столяра, живописца, лекаря с аптекою. Чем больше нового необходимого дела, тем больше нужды в иностранцах, которых надобно вызывать толпами. Долго ли же так будет, долго ли оставаться в такой зависимости от иностранцев? Необходимо, чтоб русские скорее выучились, скорее и как можно лучше выучились: для этого надобны большие средства, а главное – лучшие учителя. Но Западная Европа вдруг не перенесет к нам своих средств, накопленных веками, и не пришлет к нам лучших своих учителей, надобно, следовательно, послать русских людей учиться за границу, и 50 человек молодых придворных отправились в Венецию, Англию и Голландию. Но как они там будут учиться, у кого; как потом узнать, хорошо ли они

выучились, всем ли они воспользовались и к чему способны? Надобно, чтобы кто-нибудь из русских прежде них там выучился, все узнал; и кто же будет этот русский первый ученик? Разумеется, начальный человек в великой работе, на которую шел народ, – известный шкипер, бомбардир и капитан.

В 1697 году по Европе проходят странные вести: при разных дворах является русское посольство; в челе его два великих полномочных посла: один иностранец, женевец Лефорт, другой русский, Головин; в свите посольства удивительный молодой человек, называется Петр Михайлов; он отделяется от посольства, останавливается в разных местах, учится, работает, особенно занимается морским делом, но ничего не ускользает от его внимания, жажда знания, понятливость, способности необыкновенные, – и этот необыкновенный человек сам царь русский. Явление, никогда не бывалое в истории, возбуждает сильное любопытство, и вот две женщины, которые могли справедливо считаться представительницами западноевропейского цивилизованного общества по своим способностям и образованию, спешат посмотреть на диковину, на дикаря, который хочет быть образованным и образовать свой народ; эти женщины были: ганноверская курфюрстина София и дочь ее, курфюрстина бранденбургская София Шарлотта.

Какое же впечатление произвел на них Петр? Вот их отзыв: «Я представляла себе его гримасы хуже, чем они на самом деле, и удержаться от некоторых из них не в его власти. Видно также, что его не выучили есть опрятно; но мне понравилась его естественность и непринужденность», – говорит одна. Другая распространяется более: «Царь высок ростом; у него прекрасные черты лица и благородная осанка; он обладает большою живостью ума, ответы его быстры и верны. Но при всех достоинствах, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтоб в нем было поменьше грубости. Это государь очень хороший и вместе очень дурной; в нравственном отношении он полный представитель своей страны. Если б он получил лучшее воспитание, то из него вышел бы человек совершенный, потому что у него много достоинств и необыкновенный ум».

Станный, а может быть, и оскорбительный отзыв! Государь очень хороший и вместе очень дурной! Действительно, мы к такому сопоставлению противоположных сторон не привыкли. По слабости

своей природы, человек с большим трудом привыкает к многосторонности взгляда; для него гораздо легче, покойнее и приятнее видеть одну сторону предмета, явления, на одну сторону клонить свои отзывы, бранить так бранить, хвалить так хвалить. Найдут хорошее качество, хороший поступок, хорошее слово у какогонибудь Нерона – и пишут целые сочинения, что напрасно считают Нерона Нероном: он был хороший человек, и найдутся люди, которые восхищаются: «Ах, какая новая мысль: Нерон был хороший человек: честь и слава историку, который открыл такую новость, наука двинулась вперед». Отыщут дурное качество или дурной поступок у человека, который пользовался славою, противоположную славе Нерона, – и начинаются толки, что напрасно величали его благодетельную деятельность; вот какой дурной поступок он сделал тогда, а другие восстают с ожесточением на дерзкого, осмелившегося заявить, что в солнце есть пятна; в солнце не может быть пятен, в деятельности такого знаменитого деятеля не может быть темных сторон, в ней все хорошо; кто находит, что не все хорошо, тот человек злонамеренный, и вот этого злонамеренного благонамеренные стараются принести в жертву памяти знаменитого человека; жертва языческая, заклятие человека теням умерших! А все оттого, что забывается, чему учат в раннем детстве; забываются две первые заповеди, что бог един – одно только существо совершенное, и не должно иметь других богов, не должно творить себе кумиров из существ несовершенных. Памятование этих заповедей есть первая обязанность историка, если он действительно хочет двигать вперед свою науку, хочет представлять живых людей со светлыми и темными сторонами их умственной и нравственной деятельности, называя знаменитыми тех, у кого результаты деятельности светлых сторон далеко превысили результаты деятельности темных, называя великими тех, которые по свету и теплоте своей деятельности являются солнцами, хотя и не без пятен; которые окупили свои темные стороны великими делами, великими жертвами, которым много оставляется, потому что возлюбили много.

Поэтому мы нисколько не смутимся приговором образованной наблюдательной женщины над нашим Петром. Он ей показался очень хорошим и вместе очень дурным, и мы даже не ограничим этого дурного одним внешним; не скажем, чтобы эта владетельная дама

образованной Европы была оскорблена внешнею грубостью, незнанием правил внешнего приличия, неумением есть опрятно; мы признаем, что здесь дело идет не об одном внешнем. Петр был человек, одаренный необыкновенными силами: дело воспитания состоит в том, чтоб приучать человека давать правильное употребление своим силам, ставить нравственные границы для них. Воспитание не оканчивается домом, школой; воспитывает главным образом общество; оно воспитывает хорошо, если выработало известные нравственные законы, поставило нравственные границы и зорко смотрит, чтобы личная сила не переступила их; общество воспитывает хорошо, если дает простор всякой силе в ее хорошем направлении и сейчас же ее сдерживает, как скоро она уклонилась от этого направления.

Что обыкновенно делает человек, когда отправляется из дому в общество, где встретит людей, к которым питает уважение? Он заботится, чтоб все его внешнее не произвело невыгодного впечатления; он охорашивается, старается вести себя прилично. Благо тому обществу, которое необходимо требует, чтоб каждый член, входя в него, нравственно охорашивался, чтоб каждая сила употреблялась надлежащим образом, чтоб личная сила не переступала известных нравственных границ, поставленных общественным самоуправлением, общественным тактом: такое общество дает хорошее воспитание человеку. Но горе тому обществу, где сила не находит себе нравственных границ, где она не считается с другими силами, не чувствует обязанности сторониться перед ними, где перед нею расступается доступная ее давлению мягкая слабая толпа, и сила разнуздывается беспрепятственно. Горе тому обществу, которое не может встретить каждую силу строгим вопросом: откуда она и куда направлено ее стремление; не может испытать, настоящая ли это сила, или фальшивая, самозванная. Горе тому обществу, которое способно преклониться и служить этой фальшивой, самозванной силе. Горе тому обществу, в которое можно вступить, не охорашиваясь нравственно, с полным неряшеством, без уважения к общественному уху в словах своих, без уважения к общественному смыслу в мыслях своих. Горе тому обществу, где порок не ищет темных углов, но горделиво разгуливает при дневном свете по улицам и площадям. Горе тому обществу, которое не умеет верить ни слов, ни дел, которое

безотчетно увлекается, как ребенок, первым движением, первым громким словом. Такое общество не может дать хорошего воспитания: дети могут ли воспитать мужей?

Мы видели, что Петр не мог получить школьного воспитания, разумея под ним правильное научное образование, умственное и нравственное, под руководством более или менее искусных наставников. Но, быть может, общество могло восполнить этот недостаток, могло дать ему хорошее воспитание? После внимательного рассмотрения состояния старинного русского общества, в котором Петр необходимо должен был воспитываться, мы получим ответ отрицательный. Физической разбросанности, разрозненности народа соответствовала нравственная несплоченность общества, и потому невозможно выработать крепкие нравственные границы для сил, которым предоставлялся широкий степной простор; личная сила могла встретить себе сдержку в другой большой личной силе или в собирательной физической силе толпы. Дурной воевода, например, мог делать все, что хотел: нравственных сдержек не было; он мог пасть, если встречался с каким-нибудь другим более сильным лицом или от восстания, бунта толпы, выведенной из терпения его насилиями. Экономические условия, о которых была речь прежде, не могли вести к благоприятным для нравственных сдержек отношениям, ибо эти условия заставили невооруженную часть народонаселения непосредственно кормить вооруженную. Не выработались известные сословные группы, крепкие своей внутренней сплоченностью, сознанием своих общих интересов, своих прав, определенностью своих отношений друг к другу, сознанием, которое могло поднимать нравственно каждого члена такой группы, сильного не личной силой, но своей крепкой связью с сочленами своими при равенстве между ними. Все отношения основывались на личной силе: человек безусловно подчинялся более сильному и в то же время безусловно подчинял себе менее сильного и, таким образом, преобладающим отношением было отношение господина к рабу. Отсутствие образования, науки задерживало развитие духовных сил, не вело к появлению особого рода авторитетов, сильных не физической силой, не силой своего положения, но средствами исключительно нравственными. Отсутствие образования, науки отнимало возможность самостоятельно относиться к каждому явлению, поверять

его, отличать истинные авторитеты от ложных. Отсутствие образования, науки давало то печальное духовное равенство, при котором различию по материальным средствам давалась полная сила. Все это, вместе с долговременным отчуждением народа от общения с народами, стоявшими на равной или высшей ступени общественного развития, постоянное обращение с народами, стоявшими на низшей ступени, не могло благоприятно действовать на состояние общества в древней России, давать ему возможность хорошо воспитывать своих членов.

Нравы были грубы, и нам не нужно входить в подробности для доказательства сказанного, стоит указать на одно доказательство ясное и неопровержимое – затворничество женщины. Существо, от которого преимущественно зависит соблюдение чистоты семейной, наряда внутренней жизни, и существо слабое материально, женщина не могла быть безопасна в обществе, на улице. В обществе мужчин, дома и вне дома, глаз ее не был безопасен от оскорбительного для нравственности зрелища, ухо – от оскорбительного для нравственности слова; существо слабое физически не было безопасно при отсутствии уважения сильного к слабому вообще. Но при таких условиях естественное и необходимое дело – уйти, спрятаться, запереться, не выглядывать на свет, чтоб не видеть дел темных. При объяснении этого явления не нужно прибегать к мудрствованиям, натяжкам, предполагать какието чужие влияния; дело объясняется для каждого ясно: выпустим ли мы женщину или ребенка ночью на улицу, когда знаем, что на улице небезопасно; то же сделаем и днем, когда удостоверимся, что и днем небезопасно; при отсутствии безопасности сильный выходит вооруженный, слабый сидит дома запершись; так естественно произошло затворничество женщины в древнем русском обществе, разумеется, в классах достаточных, где женщина могла не быть работницей, обязанной поневоле выходить из дому. Понятно, что такое общество не могло дать хорошего воспитания; понятно, что представитель такого общества являлся очень дурным, хотя по природным своим качествам был очень хорошим человеком.

Петр обладал необыкновенным нравственным величием: это величие выражалось в том, что он не побоялся сойти с трона и стать в ряды солдат, учеников и работников, когда сознал, что необходимо ввести в свой народ силу, до тех пор мало известную и в почете не

находившуюся, – силу умственного развития, искусства и личной заслуги. Необыкновенное нравственное величие Петра выразалось в способности уважать нравственное величие в других и сдерживаться им; как бы он ни был раздражен, он умел всегда преклониться пред подвигом гражданского мужества, пред резким, но правдивым словом подданного, которое противоречило его собственному взгляду. Но в то же время Петр был человек в высшей степени страстный, и там, где он видел явную ошибку, злонамеренность, преступление, там он уже не сдерживался, выходил из себя, становился свиреп, употреблял материальные средства для прекращения зла и верил в их действительность; там он схватывался с человеком, как с личным врагом своим, и позволял себе терзать его. Петр умел сдерживаться уважением к хорошему человеку, и от этого проистекали бесчисленные благодетельные последствия; но он не умел сдерживаться уважением к человеку как человеку. Скажут, что это происходило от дурного воспитания, общество не могло хорошо воспитать его, ибо не выработало в себе нравственных сдержек для сильного человека. Историк ответит, что это объяснение, которое вполне принимается, – объяснение, но не оправдание; темная сторона остается, и мы признаем верным отзыв умной принцессы, что Петр был очень хороший и очень дурной человек. Последнее не отнимает у нас права признать вполне первое, признать необыкновенное величие человека и дел его; оно только не позволит нам сотворить себе кумира и воздать человеку поклонение большее, чем достоин человек.

Когда при этом свидании двух курфюрстин с Петром зашел разговор о том, чем молодой царь любит больше всего заниматься, Петр показал свои руки, жесткие от работы. Таким образом, и перед Западной Европой Петр явился в том же образе, в каком явился перед своей Россией. В голландском местечке Сардаме появился молодой красивый плотник из России, Петр Михайлов; в свободное от работы время плотник ходит по фабрикам и заводам: все ему нужно видеть, обо всем узнать, как делается, самому принять участие в производстве. Из Сардама плотник перешел на амстердамские верфи; и тут занимался не одним плотничеством; его видели повсюду, в госпиталях, воспитательных домах, на фабриках и в мастерских, на профессорских лекциях, которые иногда читались для него на яхте, во время пути, ибо надобно было дорожить каждой минутой. Ненасытная жадность все

видеть и знать приводила в отчаяние голландских провожатых; только и слышалось: «Это я должен видеть», – и надобно было вести, несмотря ни на какие затруднения.

Но обилие любопытных предметов, которые представила ему Западная Европа, не подавило его духа; он не забывал, что прежде всего он русский и царь, и потому идет деятельная переписка с людьми, оставленными работать в России, доканчивать то, что было начато до поездки за границу. В России уже были оставлены им усердные работники. Молодой царь уже отличался этой изумительной верностью взгляда при выборе людей, которая помогла ему набрать столько сотрудинок, наготовить способных людей не на одно только свое царствование, оставить России и драгоценное наследство, которым она жила долго и по смерти преобразователя. Известна эта способность Петра с первого взгляда, посмотрев внимательно на лицо человеку, даже ребенку, угадать в нем полезного деятеля. При этом Петру помогала широта выбора; он не стеснялся ничем, брал способности одинаково сверху и снизу; не стеснялся и возрастом: приготавливая молодое поколение работников по всем частям государственной деятельности, он не обходил и старика, который мог изумить молодых своей неутомимой деятельностью. Так, в это время изумлял старик Виниус, обруселый иноземец, открывший сибирские минеральные богатства: «Особенно болит сердце, – писал Виниус Петру за границу, – что иноземцы, высокою ценою продав шведское железо и побрав деньги, за границу поехали, а наше сибирское железо гораздо лучше шведского». Петр хлопотал, чтоб у Виниуса не болело сердце, хлопотал о наборе иностранных мастеров, которые бы помогли на первый раз разработать русские минеральные богатства. Олонецкие заводы уже начали свою деятельность.

Таким образом, Петр, работая на иностранных верфях, не спуская глаз с России, участвовал и в работе, в ней производившейся. На печатях писем, присылаемых Петром в Россию, читалась надпись: «Аз бо есмь в чину учимых, и учащих мя требую». К патриарху он писал: «Мы в Нидерландах, в городе Амстердаме, благодатию божию и вашими молитвами при добром состоянии живы и, последуя божию слову, бывшему к праотцу Адаму, трудимся, что чиним не от нужды, но доброго ради приобретения морского пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, против врагов имени Иисуса Христа

победителями, и христиан, тамо будущих, свободителями благодатию его быть, чего до последнего издыхания желать не перестану». В начале 1698 года Петр уже в Англии, работает на дептфортской верфи, оканчивает здесь кораблестроительную науку, делает, как и на твердой земле, большой набор мастеров. Проведя три месяца в Англии, он опять на твердой земле и направляет путь в Вену; здесь надобно хлопотать, чтоб император не заключал отдельного мира с турками; чтоб Россию не оставили одну в войне с ними, при чем трудно было бы заключить скорый и выгодный мир. Из Вены Петр собрался в Венецию, в это южное морское государство, но вместо Венеции надобно было возвратиться в Россию: там бунтовали стрельцы.

Стрельцы и Петр – мы привыкли в этих явлениях представлять себе что-то крайне враждебное друг другу. Но при этой враждебности нельзя останавливаться только на личных отношениях стрельцов к Петру. Первые впечатления, впечатления детства, бывают самые сильные; ими воспитывается, слагается человек. Нам укажут ребенка, одаренного необыкновенно сильной природой, огненного, страстного, и скажут, что этот ребенок, как только начал понимать, находился среди тяжких, раздражающих впечатлений; как только начал понимать, существа самые близкие, начиная с матери, питают его горькими жалобами на гонения, неправду и таким образом постоянно раздражают его, держат это нежное распускающееся растение под палящим, иссушающим ветром вражды, ненависти. Нам скажут, что этому ребенку наконец прояснили душу, порадовали, объявили, что гонения кончились, он объявлен царем; его мать весела, ее родные, ее благодетель возвращаются из ссылки, и вдруг вслед за этим ужасные кровавые сцены бунта, мать в отчаянии, ее братья, благодетель истерзаны; опять гонения, опять беспрестанные жалобы – как становится страшно за этого ребенка, воспитывающегося под такими впечатлениями, и чем сильнее его природа, тем страшнее за него. Какой губительный яд принял он и в каком количестве! Говорят, что десятилетний Петр сохранял изумительное спокойствие, твердость во время стрелецкого бунта: тем хуже – лучше бы он кричал, плакал, бросался в отчаянии, ломал себе руки! Он был тверд и спокоен; а откуда это трясение головы; откуда эти конвульсии в лице, эти гримасы, о которых говорила нам недавно немецкая принцесса, и от которых не в его власти было удержаться?

Петр вышел из своей тяжелой школы, отравленный этой семейной борьбой между мачехой и падчерицами, этой кровью, которой стрельцы так усердно поливали перед ним кремлевскую почву. Что выйдет из него? В русской истории был уже пример царственного ребенка, высокодаровитого и страстного, воспитанного подобным же образом: из этого ребенка вышел Иоанн Грозный. Не отыщется ли, к счастью России, какоенибудь противоядие? Кажется, отыскалось: это кипучая практическая деятельность, постоянное пребывание в работе, а труд есть могущественное средство успокоения, просветления души, труд, соответствующий, разумеется, силам; а какой труд мог соответствовать силам Петра – труд преобразования! Древняя Россия дала яд великому человеку в стрелецком бунте; она же представила и противоядие в своей потребности преобразования, в своей готовности к нему. Пусть же молодой человек пребывает в работе: эта работа вылечивает его от яда, принятого в детстве; пусть не знает покоя, бросается к широкому морю, пусть строит корабль, на котором человек борется с страшной волнующейся стихией и владеет ею; пусть молодой царь упражняет свои силы в этом труде, в этой борьбе, столь достойной человека; чем более, чем многообразнее он будет трудиться, чем далее уйдет, чем более предметов завидит и усвоит себе, тем скорее успокоится, скорее просветлеет душой, скорее дастся перевес добрым в ней началам, скорее он забудет о стрелецком бунте, о кремлевской крови.

Но ему не дают забыть: только что собрался за границу, как узнает, что люди, недовольные им и его делом, дожидаются его отъезда для исполнения своих замыслов; их надежда на стрельцов и казаков – надежда, что одни начнут с одного конца, а другие с другого. Смутники были переказнены; Петра проводили кровавыми проводами. Путешествие, сильная деятельность за границей успокоили его: он собирается окончить путешествие, посмотрев на царицу южного моря, на Венецию; он возвратится домой спокойный, довольный, с богатой добычей... Нет, поехал от крови и возвратится к крови; ему не дают окончить путешествие; его зовут разделяться с стрельцами. Софья не умерла для мира в монастырской келье; она воспользовалась отсутствием брата и опять обратилась к стрельцам, и на этот раз стрельцы откликнулись, потому что были недовольны, сильно раздражены. Они видели ясно, что им предстоит тяжкое

преобразование: из стрельцов превратиться в солдат. Стрелец нес легкую службу: ходит на караул – и свободен; у него свой дом в слободе, своя семья, своя лавочка, где он торгует в свободное время. Но теперь постоянная, тяжелая служба. Стрельцы оторваны от привольной московской жизни и двинуты на край света – в Азов; ждут не дождутся, когда отпустят их домой в Москву; а тут указ: велят им идти на другой край света – на литовскую границу, куда царь велел собирать войска, чтоб поддерживать избрание на польский престол пригодного для России кандидата, курфюрста саксонского Августа. Тоска стрельцов по Москве достигла высшей степени, некоторые бежали из полков в Москву и принесли оттуда товарищам призыв от царевны Софьи: «Теперь вам худо, а впредь будет еще хуже. Ступайте к Москве, чего вы стали? Про государя ничего не слышно. Быть вам в Москве, стать табором под Девичьим монастырем и бить мне челом, чтоб я шла попрежнему на державство; а если бы солдаты пускать к Москве не стали, то их побить». Бунт вспыхнул, раздались крики: «Идти к Москве! Немецкую слободу разорить и немцев побить за то, что от них православие закоснело; бояр побить; стрельцы от бояр и от иноземцев погибают и Москвы не знают; непременно идти к Москве, хотя б умереть, а один предел учинить. И к донским казакам ведомость послать; государя в Москву не пустить и убить за то, что почал веровать в немцев, сложился с немцами».

Стрельцы двинулись к Москве; солдаты под начальством боярина Шейна загородили им дорогу и поразили их. Пленных подвергли розыску; винулись в бунте; но никто не сказал о призыве из Москвы. Шейн не догадался об этом призыве, но Петр тотчас догадался, как только получил известие о стрельецких волнениях – это было больное место – рана раскрылась. Петр спешил в Москву в тревоге и гнев, и чем он сдержится? Он схватится с стрельцами врукопашную, с этими врагами, которые истерзали его родных, заставили расти в унижении, пренебрежении; отняли средства учиться вовремя, как следует; с этими врагами, которые объявили, что не пустят его в Россию, убьют за то, что он уверовал в немцев, сложился с ними; которые стали поперек его делу, позорят это дело в глазах русских людей, клеветают на царя, выставляют его еретиком, немцем, а себя людьми, ставшими за православие, тогда как в сущности у них другие побуждения, столь ненавистные Петру: он зовет свой народ к тяжелому, необходимому

труду и сам подает пример такого труда, а тут люди, которые хотят его убить, чтоб избавиться от трудных походов, возвратиться в Москву и жить покойно. Страсть, гнев, мщение сдерживаются религиознонравственными правилами, христианским уважением, любовью к ближнему, страхом Божиим для одних, страхом человеческим для других; ум часто становится угодником страсти; он внушает гневному человеку, стремящемуся схватиться с врагом: действуй сильнее, истреби зло с корнем; вырежь, выжги, порази толпу ужасом, который бы отнял всякую способность к сопротивлению; тебе предстоит громадная деятельность для благородной дели; есть люди злонамеренные, которые будут ей противиться: истреби их, не оставляй врага в тылу у себя. И вот страсть, гнев получают новую пищу, получают оправдание. И вот Петр поканчивает со стрельцами пыткой, виселицей и плахой.

Но кровь не проливается даром: она вопиет. Пролитие крови очищает, как свободная жертва, оно сквернит – как дело насилия. Проходит минута гнева, страсти, и другие чувства поднимаются в душе человека и зовут его на суд, перед которым прежние мудрствования о правде дела являются мудрствованиями лукавыми. Стрелецкое дело дорого стоило Петру. Напрасно старались развлечь его: он был мрачен и скорбен, подвергался страшным припадкам болезненного раздражения; он упал духом, им овладело сомнение, достанет ли у него сил совершить задуманное, то, что мы называем преобразованием. Сомнение естественно поддерживалось различием между тем, что он видел в Западной Европе, и тем, что нашел в России. Прежде, до путешествия, это различие не могло представляться ему так ясно, так резко. Но сильная природа брала верх; Петр не мог оставаться долго в тоске и раздумье. Он поехал в Воронеж. Успешный ход тамошних работ относительно флота и магазинов развеселил его, но не совсем, что видно из писем его оттуда: так в одном он пишет, что, несмотря на зело изрядное состояние флота и магазинов, облак сомнения закрывает мысль, не слишком ли замедлится плод, как плод финика, которого не видят насаждающие дерево. В другом письме Петр пишет, что ждет доброго утра, чтоб прогнан был мрак сомнения. Мрак сомнения исчезал, душа прояснялась обращением к работе, сильной преобразовательной деятельности. Уже не раз было нами говорено, что в основе

преобразований должно было находиться преобразование экономическое. Для того чтоб видеть плод от преднамеренных великих дел, необходимых в народной жизни, нужны были большие финансовые средства, которых бедное, земледельческое государство дать не могло. Чтобы добыть эти средства, нужно было вывести государство из этой односторонности поднятием промышленного и торгового движения, поднятием города, который впоследствии мог поднять и освободить село.

Что же могло и должно было правительство сделать для города? Оно должно было обратить большее внимание на беспрестанные, продолжавшиеся века жалобы горожан на притеснения от воевод и приказных людей, на дурное состояние правосудия, одну из главных помех народному благосостоянию; должно было вместо полумер употребить решительные меры для освобождения горожан от кормленщиков – и 30 января 1699 года выходит знаменитый указ об учреждении бурмистрской палаты. От воевод и приказных людей, от проволочки дел и взяточничества торговым и промышленным людям убытки и разоренье: государь велел сказать указ всем промышленным людям, чтоб ведались во всех своих делах и тяжбах и сборах доходов своими выборными людьми в земских избах. Малые города приписывались к большим и составляли с ними провинцию, причем земские бурмистры больших городов ведали земских бурмистров городов приписанных во всяких делах и сборах и, в свою очередь, находились в ведении московской бурмистрской палаты, или ратуши, составленной из бурмистров, выбранных московскими горожанами. Один из этих бурмистров был президентом и сменялся ежемесячно. В палату входили все собранные по городам суммы, отсюда выдавались деньги на расходы, но не иначе как по именному царскому указу. Палата входила с докладами прямо к государю.

Историк не может ограничиться одной экономической или финансовой стороной этого учреждения. Бурмистрской палатой начинается ряд преобразовательных мер, которые должны были побуждать собственные силы, приучать граждан к деятельности сообща, к охранению общих интересов соединенными средствами, отучать от жизни особой, при которой каждый слабейший предавался безоружным в руки каждого сильнейшего. Начинается школа, где человек воспитывается для общественной деятельности, посредством

которой общество получает способность воспитывать человека. Тяжкая болезнь древней России происходила от розни сил; необходимым следствием была слабость, бедность результатов народной деятельности. Причина болезни сознается и предлагается лекарство – соединение сил, приучение к деятельности сообща, к деятельности самостоятельной, самоуправительной. Давно уже русские торговые люди признавались, что им с иностранными купцами не стянуть, потому что те торгуют сообща. Теперь Петр предписывает: «Купцам торговать так же, как торгуют в других государствах купцы, компаниями; иметь о том всем купцам между собою с общего совета установление, как пристойно бы было к распространению торгов их».

Не на одном военном или дипломатическом поприще русскому человеку открывается практическая школа, необходимая для его самостоятельного развития. Эту школу встречаем и будем встречать повсюду; повсюду преобразователь будет требовать деятельности сообща, коллегиальной формы, вследствие уразумения, что причина болезни в разрозненности действия, а средство к исцелению – деятельность сообща и деятельность самостоятельная. В характере великого человека мы увидали явные признаки того, что общество не могло дать своему члену хорошего воспитания; мы увидали эту темную сторону великого человека; но великий человек остается великим человеком; его величие оказалось в том, что он понял неспособность общества давать хорошее воспитание и употребил все средства искоренить эту неспособность; поэтому история признает за ним высокий титул народного воспитателя.

Чтение седьмое

В прошедшей беседе нашей мы видели, что Петр еще в конце XVII века приступил к преобразованиям, которые должны были иметь воспитательное значение для общества. Но мы еще не касались того преобразования, которое произошло тотчас по возвращении изза границы и которое чаще, чем другие преобразования, было предметом толков у современников и потомков: я говорю о знаменитом брадобритии и перемене платья. У потомства толки были частые по самой простой причине: дело близкое, доступное, легкое, не требующее обширного знания истории преобразовательной эпохи. И люди, которые не входили в подробности петровских преобразований, не задавали себе вопроса о их значении или отзывались о них вообще с сочувствием, позволяли себе вопросы: но зачем Петр велел бороды брить, чем они ему помешали? Зачем переменял старое русское платье на иностранное? Историк не может отделаться от этого вопроса, указавши на его незначительность; не может сказать: занимаясь изучением такой громадной, важной деятельности, стоит толковать о бороде и платье? Стоит толковать, как стоит толковать о всех других проявлениях человеческой деятельности, человеческого творчества.

Одеждой человек дополняет свое существо, потребностью одежды отличается от других животных и тем прямо указывает на отношение одежды к высшей, чисто человеческой стороне своей природы; в одежду человек кладет свою мысль, в одежде отражается его внутренний, духовный строй. Говорят, человек, погруженный во внутренний, духовный мир свой, занятый преимущественно его интересами, мало заботится об одежде; но эта малая заботливость также выражается в одежде, которая и тут не теряет своего значения; одежда выразит и не нравственное побуждение человека в пренебрежении ею, как было замечено об одном древнем философе, что чрез прорехи его неряшливой одежды виднеется его тщеславие: таким образом одежда, назначенная для прикрытия тела, обнажает сокровенное духа. Отсюда понятно, почему вопрос об одежде имел такое важное значение при переходе русских людей из древней своей

истории в новую, почему с него началось, можно сказать, это движение.

Мы видим, что движение началось прежде Петра; до него русские люди стали работать по новому началу, и перемена внутренняя необходимо должна была выражаться во внешнем, требовалось новое знамя, и этим знаменем прежде всего должно было служить изменение наружности, изменение одежды. Выставлялось новое знамя; одни шли под него; но другие упирались; мы знаем, как при подобных движениях в народах проходит рознь и страшная борьба, и если одни выставляют свое знамя, то другие выставляют свое и с ожесточением его отстаивают и с таким же ожесточением стремятся сорвать знамя противников. Не говорим уже о том, что в обществах, подобных древнему русскому, сильно обнаруживается известное стремление к идолопоклонству, т. е. смешение внутреннего с внешним, существенного с несущественным, образа с изображаемым, случайное, изменяющееся представляется священным, неприкосновенным, стремление, которое так ясно выразилось в раскольничестве, старообрядстве.

Сто лет прежде описываемого времени, на грани XVI и XVII веков, в царствование Бориса Годунова, когда решен был вопрос о необходимости учиться у иностранцев, т. е. когда в сознании народном дано было иностранцам преимущество как учителям, начинается в Москве бритье бород, и тут же начинаются против этого сильные выходки ревнителей старины. После Смутного времени и после отдыха от него при царе Михаиле вопрос о необходимости сближения с Западом поднимается снова, снова решается так же утвердительно, и при царе Алексее Михайловиче усиливается бранобритие, и также слышатся сильные выходки против этого гнусного, эллинского обычая, как выражались ревнители старины. Правительство колеблется, оно стремится к новому и в то же время пугается выходок ревнителей старины против знамени нового и в угоду им не только запрещает бранобритие, но отнимает чины за подрезывание волос. Но это гонение на короткие волосы, разумеется, только раздражало людей, стремившихся к новому, заставляло их относиться к длинной бороде и старому длинному платью так же враждебно, как ревнители старины относились к гнусному, эллинскому образу. Но ревнители старины не могли остановить роковое движение. В 1681 году царь Федор

Алексеевич издал указ всем вельможам, дворянам и приказным людям носить короткие кафтаны вместо прежнего длинного платья (охабней и однорядок), в котором никто не смел являться не только во дворец, но и в Кремль. Длинное платье заменяется коротким: здесь весь смысл дела. Те, которые жалуются на смену русского народного платья иностранным, не обращают внимания на то, что здесь произошла перемена старинного платья не на платье какого-нибудь отдельного чужого народа, но на общеевропейское в отличие от общеазиатского, к которому принадлежала древнерусская одежда.

В чем же состоит главное различие общеевропейской от общеазиатской одежды: в первой господствует узкость и короткость, во второй широта и длиннота. Что же это: случайность, или здесь выражение духа народов, духа их деятельности, их истории? Длинная и широкая одежда есть выражение жизни спокойной, по преимуществу домашней, отдохновения, сна; короткая и узкая одежда есть выражение бодрствования, выражение сильной деятельности. Объяснение сказанному представляет явление, беспрестанно совершающееся перед нашими глазами; что делает человек, носящий длинную одежду, когда он хочет работать или идти пешком? Он подбирает свою длинную одежду. То же самое сделало европейское человечество в стремлении к той сильной работе, которой оно так отличилось перед азиатским человечеством, получило преобладание над ним; европейское человечество постоянно подбирало свое платье, укорачивало, обрезывало его и дошло до фрака, который называют безобразным. Историк не станет спорить с художником относительно красоты или безобразия; но его обязанность указать на смысл явления. Широкая и длинная одежда должна была остаться в Европе как выражение особенного величия, спокойствия и торжественности в противоположность будничной, рабочей жизни; она осталась одеждой царя в чрезвычайных случаях; она осталась одеждой служителей алтаря; она осталась одеждой женщины, представительницы жизни внутренней, домашней, т. е. чуждой той уличной хлопотливости и беготни, которые выпали на долю мужчины в его преимущественно внешней, общественной жизни. Разделение занятий между мужчиной и женщиной, это основное условие развития общества – разделение занятий, которое как везде, так и здесь служит самой крепкой связью между разделяющими занятием и условием успеха в деле, это

разделение занятий естественно и необходимо выражается в одежде, и замечено, что у народов менее развитых мы видим и меньшее различие в мужской и женской одежде.

В постановлении царя Федора Алексеевича о ношении короткой одежды высказалось стремление изменить азиатский покрой одежды на европейский. Укорочение платья предвещало укорочение бороды. Напрасно люди, ревностные не по разуму, усиливали свои выходки против брадобрития, посредством которого, по их мнению, губили образ от бога мужу дарованный; тщетно отлучали от церкви не только бреющих бороды, но и тех, которые имели общение с брадобрийцами; тщетно вопили против еретического безобразия, уподобляющего человека котам и псам; тщетно стращали вопросом: если русские обреют бороды, то где станут на Страшном суде – с праведниками ли, украшенными брадою, или с обритыми еретиками? Все эти выходки только вредили авторитету церкви, только усиливали раздражение в противной стороне, только увеличивали значение бороды как знамени; и когда приверженцы нового возьмут верх, то, разумеется, они бросятся на враждебное знамя и сорвут его, выставят свое. И Петр сорвал это знамя, когда возвратился изза границы в Москву в страшном раздражении против людей, выставлявших это знамя как знамя православия и народности, в страшном раздражении против стрельцов. Затем последовали указы и о ношении европейского платья, указы, не могшие очень поразить новизною после указов царя Федора.

В конце 1699 года была объявлена другая новость: приказано вести летосчисление не от сотворения мира, как делалось до сих пор, а от Рождества Христова, и новый год считать не с 1 сентября, а с 1 января, ибо говорил указ: «Известно великому государю, что не только во многих европейских христианских странах, но и в народах славянских, которые с восточною православною нашею церковью во всем согласны, как: валахи, молдавы, сербы, далматы, болгары и самые великого государя подданные черкасы (малороссияне) и все греки, от которых вера наша православная принята, – все те народы согласно лета свои счисляют от Рождества Христова восемь дней спустя». Преобразователь знал, с кем имеет дело; знал, как трудно сдвинуть народ с вековых привычек даже и в том случае, когда христианскому народу предлагалось вести летосчисление от

Рождества начальника веры и спасения; нужно было ослабить отталкивающий пример немцев, еретиков, и вот впервые пред русским народом выставляется пример, авторитет народов близких, родных, пример православных славян. На границе двух веков, на границе древней и новой России раздался призыв русским людям к единению с родными народами. Была и другая новость в последний год XVII века: учрежден русский «славный чин» св. апостола Андрея. Первым кавалером был ближний боярин и воинского морского каравана (флота) генераладмирал Федор Алексеевич Головин. Первым генераладмиралом был друг юности Петра – Лефорт, который умер в марте 1699 года. С его смертью порвалась эта личная, так сказать, связь Петра с иностранцами, кончился период влияния Немецкой слободы. Заграничное путешествие, это расширение сферы при практической деятельности, окончило воспитание Петра. Как человек силы, он воспользовался всем, что представил ему богатый цивилизацией Запад, но возвратился более русским, чем выехал из России. Имя Лефорта долго еще будет на языке врагов преобразования, но это будет с их стороны уже злоупотребление, злонамеренность, ибо соблазн дружбы с иностранцем исчез навсегда. При царе на первом плане русский человек, Головин, превосходивший всех русских людей своей бывалостью: он заключил договор с китайцами на границах Сибири, он же вел переговоры в Голландии о союзе против турок. Головин со званием генераладмирала соединял заведование иностранными делами, являлся в глазах иностранцев первым министром.

Царю и первому министру предстоит много дела, много испытаний в первый год нового века: оканчивалась одна война и начиналась другая в более широких размерах, более опасная, небывалая для русского народа по своей продолжительности, великая Северная война. Мы привыкли слышать в разные времена заявление правительств различных держав, что они избегают войны, не желая развлекаться во внутренней деятельности, ибо положение страны требует усиления этой деятельности, требует важных преобразований. И такие заявления вполне понятны: два дела вдруг делать трудно. Но положение России в начале XVIII века было чрезвычайное, и человек, ставший в ее челе, соответствовал этому положению, был человек необыкновенный, мог делать вдруг много дела, обладая сам

громадными силами, имея горячую веру в силы своего народа. Человек сильный нравственно избегает опасностей, борьбы ненужной; но не боится их, принимает борьбу, когда она необходима для достижения известных целей, или когда, мимо воли своей, извне получает вызов на борьбу. То же самое верно и относительно целых народов. Народу для выражения своей силы не нужно быть воинственным, завоевателем; человекдрачун далеко не всегда бывает сильным человеком; народдрачун, охотник нападать, не всегда бывает способен защищаться; но сильный народ, сильное народное правительство никогда не боятся войны, не пугают себя словами: «Где нам, мы не готовы, нас побьют». Бывает в народе готовность к войне внешняя, материальная и бывает внутренняя, нравственная: первая без второй ничего не значит, вторая может восполнить первую, создать ее в короткое время.

В нашей истории выдаются две великие войны, в начале обоих веков нашей европейской жизни: великая Северная война и война 1812 года; к обеим Россия не была готова, средства ее не были в уровень с средствами противников и, несмотря на то, из обеих войн вышла победительницей. Борьба сильная, опасная борьба вызывает нравственные силы народа, очищает, поднимает его, отвлекает от мелочных забот ежедневной жизни; борьба ведет его к алтарю, делает жрецом, потому что заставляет приносить жертвы. Никогда в народе не живет так тепло, так дружно, так сплоченно, как во время борьбы; никогда правительство и народ не соприкасаются так близко в общей деятельности; никогда знамя народности не развевается так высоко. Борьба, как гроза, очищает нравственно атмосферу народа, бодрит, выпрямляет его нравственно; борьба есть праздник народный, ибо освобождает его от будничного, низкого настроения духа, и горе народу, который не способен пробудиться и встать на праздничный благовест, народу, который ропщет: «Зачем так рано звонят, не дадут покоя, не дадут отдохнуть, приготовиться». А если спросить, от чего он так устал?.. Но лучше не спрашивать.

Сильный человек – представитель сильного народа – Петр ясно понимал значение борьбы и не боялся ее, не сдерживался страхом перед материальной, видимой неприготовленностью. Петр был представитель сильного народа, но не народадрачуна, не воинственного, не завоевательного народа, ибо кто же из нас не знает,

что в нас, в нашем народе меньше всего драчливости, воинского задора. Иностранцы по незнанию нашей истории позволили себе увлечься внешним взглядом и никак до сих пор не могут освободиться от мысли о завоевательных стремлениях России, о стремлениях к всемирному владычеству. Здесь география ввела их в заблуждение насчет истории. Действительно, первый взгляд на карту поражает: Россия представляет такую небывалую обширность государственной области, пред которою области других европейских государств ничтожны; отсюда первая мысль, что такая громада необходимо образовалась посредством завоевания, как образовывались древние колоссальные государства – Персидское, Македонское, Римское. При этом географическом взгляде и остались, не проверив его историей; тогда как история говорит, что Россия, как сплошная равнина, орошаемая большими, переплетающимися в своих системах реками, родилась уже с огромной государственной областью, после рождения подверглась общему процессу видимого разделения вследствие государственной слабости, а потом при известных благоприятных условиях происходило постепенное государственное сплочение, собрание русской земли под одну власть. До сих пор не все области, действовавшие как чисто русские в нашей начальной истории, входят в состав Русского государства: остается в составе чужого государства Червонная Русь, то знаменитое Галицкое княжество, о котором так часто идет речь в наших летописях. Но укажут на распространение русской государственной области далеко на восток, вплоть до Восточного океана; укажут на входящие теперь в состав Русской империи земли, которых мы не видим за Русью при ее первых князьях, – земли, которые не имели славянорусского народонаселения. Как же приобретены они? Разумеется, завоеванием. Тут уже не иностранцы, а сами русские натолковывают самим себе и другим о завоевании, без точного определения, как разуметь завоевание. С детства заучивают, что царь Иван IV завоевал три царства: Казанское, Астраханское, Сибирское. Три царства! На восточных границах Московского государства образовалось татарское разбойничье гнездо, от которого русским людям не было покоя; долго терпели, наконец, собрали силы, двинулись и отняли у разбойников их гнездо; это называется завоеванием царства Казанского! Астрахань поддалась сама; на северо-востоке Камская область была занята мирными

колонистами, промышленниками, область громадная, пустая, ничья, естественно принадлежащая первому, кто в ней поселится. Эти промышленники, не имея покоя от сибирских хищных татар, которые своими набегами мешали им соль варить, наняли небольшую толпу казаков, которые заняли разбойничье гнездо, прогнали оттуда князька, и хотя сами потом погибли, но это дело называется покорением царства Сибирского. Так слово может вести к неправильному представлению, когда подробным изучением явления не определится точно, в каком смысле употреблять слово. Присматриваясь внимательно к явлению, мы видим на первом плане не завоевание одним воинственным, сильным государством других больших государств, более или менее цивилизованных, мы видим на первом плане колонизацию, занятие пустынных пространств под мирный труд. Народы или, лучше сказать, народцы, встречающиеся на этих необъятных пространствах, по своему характеру, стоя на низкой ступени политического развития, невольно влекут народ, стоящий выше их, влекут все далее и далее на занятие новых земель: они своим хищничеством не дают ему покоя; заставить их уважать право, договор нельзя: они умеют жить только или в постоянной вражде к соседу, или в рабской подчиненности, и невольно их приходится покорять. Таков господствующий характер русских отношений к восточным народам даже до наших дней, характер любопытный, потому что в покорении врага здесь заключается необходимая оборона от него.

Так, при невоинственном характере народа, а следовательно, и правительства, образовалась громадная государственная область, и мы знаем, как эта громадность неблагоприятно действовала на развитие народной жизни, на все ее направления. Государственные требования, слишком тяжело падавшие на малочисленное, разбросанное и потому бедное народонаселение, заставляли последнее еще более разбрасываться, уходить все дальше и дальше, что было легко русскому человеку; ему не нужно было переплывать океан, как должны были делать западные колонисты, или переселяться к чужим народам, в совершенно чуждую нравственную сферу; перед глазами были необъятные и пустые пространства, где беспрепятственно можно было утвердиться, беспрепятственно сохранить свой народный образ. Эта происшедшая сказанным образом обширность русской государственной области, в свою очередь, отнимала у народа

воинственность, отнимая побуждение к захвату чужого, к насильственному расширению владений, и без того с лишком обширных. И несмотря на то, Россия ознаменовывает начало своей новой жизни воинственным движением, двадцать с лишком лет ведет тяжкую, упорную борьбу, которую оканчивает важными земельными приобретениями. Но мы видели главный характер переворота, совершавшегося в жизни народа русского, видели стремление к морю и смысл этого стремления. Во время младенчества Руси, при отсутствии крепкой государственной связи, единства направления народных сил и ясного сознания народных интересов, в это беспомощное время орден меченосцев отнял у Руси Ливонию, захватил здесь русские города и княжества. Впоследствии, когда объединенная Россия с ясным сознанием необходимости для себя моря устремилась к нему, поляки и шведы оттолкнули ее от него. Но внутренне преобразовательное движение все более и более усиливалось, а вместе усиливалось и так тесно соединенное с ним стремление к морю; следовательно, мы, естественно, должны ожидать, что, когда преобразовательное движение пошло так решительно, Россия немедленно начнет опять биться за берега Балтийского моря.

Будучи полным представителем своего народа, будучи совершенно чужд воинственности, вовсе не гоняясь за славой полководцазавоевателя, занятый одной мыслью о внутреннем преобразовании, Петр начинает войну с шведами за Балтийское море, смотря на нее только как на средство этого преобразования, исполняя завещание предков, соединяя древнюю и новую Россию правильным историческим движением, ибо правильность исторического развития народа, правильность в преемстве деятельности различных эпох народной жизни состоит в том, когда то, что в известную эпоху вырабатывается народом как мысль, как стремление, осуществляется в последующую эпоху. Петр не усомнился начать опасную войну одновременно со многими важными внутренними преобразованиями, ибо видел в войне только средство для успешнейшего проведения внутренних преобразований, и в последних видел средство для успешнейшего окончания войны. На войну великий царь смотрел гражданским взглядом, именно как подобает правителю; он смотрел на нее как на школу для народа, который хотел занять почетное место среди других народов, не выпрашивать цивилизации как милости, но

предъявить на нее свои бесспорные права. Вот программа курса в этой школе: сначала учителя нам зададут тяжелые уроки; сначала нас будут бить; но мы будем учиться прилежно и сперва станем бить учителей превосходными материальными силами, потом дойдем до того, что будем бить их с равными силами, а наконец приобретем такое искусство, что станем побеждать и с меньшими силами. Итак, война есть школа, практическая школа, школа первой необходимости, ибо континентальное государство, и так дурно защищенное природой, как Россия, может поддержать свою самостоятельность, свое значение только постоянной готовностью принять бой при первом вызове; мало того, только этой готовностью может отклонить вызов, поддержать мир для себя и для других.

Но война в описываемое время не имела тесного значения только военной школы для народа: война сильная, опасная война служит для преобразователя могущественным средством вести преобразование, вести эту школу в самых широких размерах без принижения народного духа, которое было так естественно в страдательном положении русских людей относительно чужих образованнейших народов в положении учеников пред учителями. «Царь уверовал в немцев, сложился с ними», – говорят противники преобразования. Но эти злонамеренные толки не имеют смысла пред действительностью, которая у всех на глазах; царь воюет с немцами, бьет их, отнимает у них города и земли. Война трудная, опасная, враг силен, он легко может прийти к нам; вот он уже вошел в русские пределы, одна проигранная битва – и он очутится под Москвою; силы живого народа потрясаются от опасной ожесточенной борьбы, народное знамя поднимается высоко; такие времена поднятия народных сил бывают удобны для великих дел, потому что располагают к великим жертвам, и царь умеет пользоваться временем, умеет ковать железо пока горячо! Народ в тяжелой работе, засажен в школу с иностранными учителями, которых преимущества должен признать, следовательно, необходимо принижается пред ними. Что ж даст ему отраду, что заставит его поднять голову и с уважением посмотреть на самого себя? Успехи мирного труда? Но они разбросаны, не видны, далеко не у всех перед глазами, не производят сильного впечатления; кто знает, что там роют каналы, здесь какаянибудь фабрика идет очень успешно; кто знает, что с богатым результатом разрабатываются минеральные богатства

далекой Сибири? Не то война, военные успехи: одержана победа – общенародное торжество, все это знают, все поднимают головы, не войско только победило, целый народ победил, вот до чего мы дошли в такое короткое время, благодаря тому, что трудимся, учимся! И ученик, сознавая все яснее и яснее необходимость учения, не принижен пред учителем, он ровен с ним, он выше его, учение становится делом легким, делом силы и свободы; народный дух, народное самоуважение спасены в самое опасное для них время – время народного ученичества у других народов.

Мы видели, что Россия находилась в войне с Турцией, и что Петр дал этой войне новый характер, характер морской войны, приготовил флот для Азовского моря, берега которого старался укрепить для себя. Он продолжал считать это дело важным, обращал на него сильное внимание; но продолжение турецкой войны он вовсе не считал желанным делом: турецкая война не могла быть школой для русского сухопутного войска; такой школой могла быть только европейская война, и именно война шведская, в которой достигалась двойная цель: войско получало хорошую школу, и следствием хорошего прохождения этой школы было утверждение на берегах заветного европейского моря. Притом для новорожденных военных сил России война была невозможна без союзников, а члены священного союза спешили заключить мир с турками; должен был спешить с этим и Петр. Для скорейшего и выгоднейшего заключения мира Петр хотел изумить и напугать турок; он отправил своего посланника Украинцева в Константинополь на русском военном корабле «Крепость». Русский военный корабль на якоре против сераля раздражил, испугал не одних турок. Восточный вопрос переменил вид: до тех пор европейские державы, боясь турок, постоянно и усердно приглашали русских царей к войне с ними, причем указывали на тесную связь России с христианским народонаселением Турции по единству не только веры, но исповедания, указывали на обязанность России восстановить восточную греческую империю на развалинах турецкой. Но теперь, когда Россия исполнила наконец требования, вошла в европейский союз против турок; когда турки со всех сторон потерпели неудачи, выказали свою слабость, и когда Россия обнаружила удивительную силу, удивительную деятельность, когда русский военный корабль явился пред Константинополем, когда Россия оказалась готовой

выполнить эту начертанную ей в Европе программу, Европа с негодованием и ужасом отвернулась от этой программы и начертала для себя другую – поддерживать всеми средствами Турцию против России. Украинцев должен был познакомиться с этой новой программой Восточного вопроса: «От послов цесарского, английского, венецианского, – писал Украинцев Петру, – помощи мне никакой нет, и не только помощи, не присылают даже никаких известий. Послы английский и голландский во всем держат крепко турецкую сторону, и больше хотят всякого добра туркам, нежели тебе, великому государю; завидуют, ненавидят то, что у тебя завелось корабельное строение и плавание под Азов и у Архангельска; думают, что от этого будет им в их морской торговле помешка». Но турки были страшно истощены и заключили мир, уступили России Азов со всякими старыми и новыми, уже построенными Петром городками; а крымский хан должен был отказаться от дани, которую до сих пор платила ему Россия под благовидным названием поминков или подарков.

И здесь прошла граница между древней и новой Россией. Много веков прошло с тех пор, как пред христианской Византией явились впервые русские лодки; это было знаком, что на севере в этой Скифии и Сарматии, где господствовали кочевые азиатские орды, явилось владение с европейским характером, на которое легла обязанность постоянной, ожесточенной борьбы с степными кочевыми ордами, обязанность защищать от них Европу. Борьба была трудная: степные хищники не дали Руси пустить государственных корней на юге, на берегах Днепра, вследствие чего силы народные и главная историческая сцена перенеслись с югозапада на северо-восток; и здесь степные хищники не давали покоя, пустошили страну, наложили дань. Но здесь им было не так удобно, как на юге, здесь они запутывались в непроходимых лесах и вязли в болотах; здесь беспрепятственнее могла собраться Русская земля в одно государство, и собралась около Москвы, и Москва вела постоянную, ожесточенную борьбу с степными варварами, видала их не раз под своими стенами, превращалась ими в пепел, и хотя на востоке дела шли успешно, хотя там татарские орды с громким названием царств покорялись царю Московскому, но на юг, в Крымскую орду, продолжались посылаться поминки. Эта посылка прекратилась, когда русский военный корабль появился перед магометанским Стамбулом. Так Петр отпраздновал

девятивековой юбилей первого появления русских лодок перед Константинополем. Но ему предстояло с большим торжеством отпраздновать юбилей на другом море, откуда пошла Русская земля и куда должна была возвратиться для приобретения средств к продолжению исторической жизни. Здесь нужно было отпраздновать девятивековой юбилей также появлением русского военного корабля, появлением русского войска, сильного своим европейским искусством. На юговостоке, со стороны степей, со стороны степного моря опасности исчезли, поминки прекратились. Но опасность большая вставала теперь с Запада; благоразумие требовало идти к ней навстречу, благоразумие требовало приготовить средства, чтоб не посылать поминков на Запад, потому что и там, на Западе, большие охотники до поминков: стоит только немного обнаружить слабость, сейчас пришлют за поминками.

18 августа 1700 года в Москве сожжен был «преизрядный фейерверк»: царь Петр Алексеевич праздновал турецкий мир, приобретение Азова, уничтожение обязанности посылать поминки в Крым. На другой день, 19 августа, объявлена война шведам. Заключением мира с турками поспешили потому, что союзники покинули Россию; по тому же самому спешили объявлением шведской войны, чтоб не упустить союзников, не одним бороться с самой сильной державой на Севере. Союз был необходим; но верны ли были союзники? Донесения Украинцева из Константинополя уже определили отношения европейских держав к России; за союзниками нужно было так же зорко смотреть, как и за врагами, и против них нужны были тоже смелость, решительность, ясное понимание русских интересов, неуклонное их преследование. Россия могла быть спокойна: у ее царя не было недостатка в этих качествах.

Чтение восьмое

Кто же были союзники Петра в шведской войне? Швеция заявила свою европейскую деятельность, вошла в систему европейских держав, как говорится, только в XVII веке, предупредила в этом отношении Россию какминимум 70 годами. Она явилась на сцену общей европейской деятельности с шумом и блеском. Даровитый, воинственный, честолюбивый король Густав Адольф по призыву Франции привел шведское войско в Германию для участия в Тридцатилетней войне, для поддержания протестантизма. За эту поддержку Германия должна была дорого заплатить Швеции своими землями, и немецкие владельцы стали косо смотреть на нее, особенно когда она содействовала вредным для Германии стремлениям Франции. Еще больше раздражение возбудила против себя Швеция в трех других соседних государствах – Дании, Польше и России – своими захватами на их счет. Она обобрала Данию со стороны Норвегии, отняла у Польши Ливонию; пользуясь смутным временем и слабостью России после смут, в царствование Михаила Феодоровича, она отобрала у нее коренные русские владения, чтоб как можно дальше отодвинуть ее от Балтийского моря. Такое поведение Швеции относительно соседей, разумеется, заставляло ожидать, что оскорбленные воспользуются первым удобным случаем, чтоб соединиться и возвратить себе свое. И в начале XVIII века, когда в Западной Европе произошло сильное движение против Франции, раздражавшей всех своим властолюбием, своими бесцеремонными захватами чужого; когда против Франции образовался великий союз, чтоб не дать ей захватить Испании или значительную часть ее владений, на северо-востоке Европы по тем же побуждениям образуется союз против Швеции и начинается великая Северная война. Естественные члены союза против Швеции – это обобранные ею государства: Дания, Польша и Россия. Отношения Дании и России были просты: они хотели возвратить свое, причем Петр во что бы то ни стало хотел приобрести хотя одну гавань на Балтийском море.

Но отношения Польши были иные. Мы уже упоминали о крайней слабости этой державы, обнаружившейся особенно во второй

половине XVII века, – слабости, которая отнимала у нее всякую самостоятельность, делала из нее арену, где ближние и дальние государства должны бороться за свои интересы. Борьба эта особенно усиливалась, когда наступало время королевских выборов. Так, в конце XVII века соседние государства были чрезвычайно взволнованы королевскими выборами в Польше по состоянию тогдашних дел в Европе. Уже было сказано, что в это время господствовало сильное раздражение против властолюбия Франции, против ее короля Людовика XIV. Постоянной союзницей Франции была Турция, служившая для Франции орудием для отвлечения Австрии от вмешательства в европейские дела, от союзов, заключавшихся против Франции. Легко понять, как выгодно было для Франции иметь сильную партию в Польше, посадить там королем когонибудь из своих принцев или, по крайней мере, когонибудь из своей партии, чтобы по соседству с Австрией приобрести новое орудие для отвлечения ее сил. Но легко понять также, как для Австрии было важно, чтоб французские замыслы не удались, чтоб на польском престоле был ктонибудь свой или чужой, только не француз и не из французской партии. О том же должна была хлопотать и Россия, которая находилась в одинаковом с Австрией положении относительно Турции; она была также в войне с Турцией и должна была надеяться, что по ее отношениям к христианскому народонаселению Турции вражда между нею и Портой будет постоянная и самая сильная; а пустить на польский престол французского кандидата значило пустить естественного союзника Турции. Вот почему Петр так энергически объявил себя против французского кандидата на польский престол, принца Конти; он уже придвинул свое войско к границам Литвы, чтоб силой противиться его избранию, и торжествовал как победу отстранение Конти, избрание его соперника, курфюрста саксонского Августа. Избрание Августа успокаивало Австрию, Россию: на престоле польском не будет союзника Франции и Турции; но могла ли быть покойна сама Польша? Государство сильное может безопасно призвать государяиностранца, владельца чужой земли; Англия, например, могла безопасно признать своим королем ганноверского курфюрста; но что позволительно сильному, того слабый не может делать безнаказанно. На польском престоле немец и владелец одного из самых значительных немецких государств, Саксонии.

В раздробленной Германии уже обозначилось то явление, что усиливаются ее владения, находящиеся на востоке, усиливаются на счет других иноплеменных народов, преимущественно славянских. В Германии, как и во всякой другой стране, собрание земли, объединение могло произойти одним путем: сильнейшее владение малопомалу должно было подчинить себе все слабейшие, в Германии это явление запоздало; но при благоприятных условиях оно могло произойти, и легко понять, как в этом отношении было важно усиление одного из германских владений чем бы то ни было, как бы то ни было. Ни одному германскому владельцу не было возможности усилиться прямо на счет своих товарищей, других владельцев; императорское достоинство по крайней ограниченности средств главы империи не могло этому содействовать, и оставалось одно средство усилиться – сначала на счет чужих, и этим приобрести возможность усилиться потом и на счет своих. Гогенштауфены пытались усилиться на счет Италии; но попытка, благодаря папской силе, кончилась очень печально для знаменитой швабской династии. Счастливей были восточные династии, восточные германские владения. Габсбурги, владельцы очень небольшой немецкой области, Австрии, браками и духовными завещаниями образовали обширную монархию из разных чужих элементов, преимущественно славянского. Пример счастливой Австрии не мог остаться без подражания, тем более, что Австрия не все захватила, оставалась еще богатая добыча – Польша, государство обширное, но совершенно беззащитное от крайней внутренней слабости.

Мы говорили о значении войны, борьбы в жизни народной, о ее воспитательном значении, о том, как нравственные силы народа ею напрягаются, развиваются, как развиваются всяким трудом, всяким преодолением сильных препятствий, всякой опасностью. Мы видели, как бедно и трудно жил наш народ в первой половине своей истории; но благословим эту бедность и великий труд наших предков, эти постоянные опасности, в которых они находились и которые приучались преодолевать. Приготовительная девятивековая школа была тяжка, но она дала хорошее воспитание: народ привык к труду, к подвигам, жертвам, стал способен откликнуться на призыв к небывалому труду, к небывалым подвигам и жертвам, призыв, сделанный человеком, всегда в работе пребывающим. Благословим

этот призыв и этого призывателя, потому что у нас перед глазами страшный пример, к чему ведет отвращение от подвига, от жертвы, к чему ведет войнобоязнь. Польша была одержима в высшей степени этой опасной болезнью, войнобоязнью. Тщетно люди предусмотрительные, патриоты, указывали на гибельные следствия отсутствия сильного войска в государстве континентальном, указывали, как Польша теряет от этого всякое значение; тщетно на сеймах ставился вопрос о необходимости усиления войска: эта необходимость признавалась всеми; но когда речь заходила о средствах для усиления войска, о пожертвованиях для этого, то не доходили ни до какого решения, и страна оставалась беззащитной, в унижительном положении, когда всякий сосед под видом друга, союзника, мог для своих целей вводить в нее войско и кормить его на ее счет. От нежелания содержать свое войско, от нежелания жертвовать для этого принуждены были содержать чужое, враждебное войско, смотреть, как оно пустошило страну. Теперь на престоле польском немецкий государь, саксонский курфюрст, который не удовольствуется одним титулом королевским; но что же больше может дать Польша? Если не захочет дать волею, то можно взять силою; для этого надобно ввести свое немецкое войско в пределы Речи Посполитой, сперва, разумеется, под благовидным предлогом.

Что же может быть благовиднее предлога, как война с Швецией для возвращения Польше Ливонии. Дело легкое: сама Ливония хочет отторгнуться от Швеции и поддаться Польше. Об исполнении этого желания хлопочет Паткуль, принужденный оставить родную страну за то, что сильно отстаивал интересы своего сословия, интересы ливонского дворянства, бесцеремонно обобранного шведским королем, который хотел обогатиться и усилиться на счет дворянства как в Швеции, так и в Ливонии. Ливония просит освободить ее от шведского ига, хочет поддаться Польше; Паткуль уполномочен рыцарством заключить об этом договор. Но Польша не хочет тронуться, боится войны, боится усиления королевской власти от войны. И вот король будет воевать один с своим саксонским войском. Заключен договор, по которому Ливония присоединялась к Польше; а в секретных пунктах рыцарство обязывалось признавать верховную власть Августа и его потомков, если бы даже они не были королями польскими, и все доходы отправлять прямо к ним. Таким образом, Ливония поддавалась

не Польше, а немецкому государю, курфюрсту саксонскому, который приобретет чрез это выгодную позицию для действия против Польши, для утверждения наследственности в своем доме, для усиления своей власти. Если соседи будут мешать ему в этом, то можно кинуть им по куску польских владений, лишь бы быть сильным, самодержавным в остальных. Но прежде всего надобно приобрести хорошую позицию, овладеть Ливонией; одному трудно. Дания – верная союзница по ненависти к Швеции, и необходимо, чтоб Россия также приняла участие в войне. Дело очень возможное: молодой царь только и думает о том, как бы утвердиться на берегах Балтийского моря. Возвращаясь из заграничного путешествия, он виделся с королем Августом и изъявлял желание в союзе с ним воевать против шведов. «Надобно взять у царя деньги и войско, особенно пехоту, которая очень способна работать в траншеях под неприятельскими выстрелами», – писал Паткуль. Но при этом лифляндским патриотом овладевает сильное сомнение: царь, человек необыкновенный, с ним надобно обращаться осторожнее; даром, в урду саксонским и лифляндским патриотам, он не подставит своих солдат под неприятельские выстрелы в траншеях. С ним надобно делиться добычей; а со львом опасно делиться. «Надобно опасаться, – писал Паткуль, – чтоб этот могущественный союзник не выхватил у нас изпод носа жаркое, которое мы воткнем на вертел; надобно договориться, чтоб он не шел дальше Нарвы и Пейпуса; если он захватит Нарву, то ему легко будет потом овладеть Лифляндией и Эстляндией». А Петр именно и хотел прежде всего овладеть двумя крепостями – Нарвой и Нотебургом, старым русским Орешком, чтоб, получивши эти две опоры, легче занять и укрепиться в стране, между ними лежавшей, в этой заветной стране, где море было так близко к русским владениям. Царь направил свои полки к Нарве, но скоро общая страшная опасность для союзников прекратила споры о разделе добычи.

Союзники надеялись напасть на Швецию врасплох, пользуясь молодостью ее короля Карла XII, молодостью, которая не обещала, повидимому, ничего хорошего для Швеции: пол и стены королевских комнат были улины кровью, – молодой король отсекал саблей головы баранам и телятам, пригнанным для этой потехи во дворец; ночью в стокгольмских домах дребезжат, валяются стекла: это потешается молодой король; кто едет днем по улице с шумом и гамом в одних

рубашках? Молодой король с своей свитой; кто охотится за зайцем в сеймовой зале? Молодой король. Но этот неугомонный мальчик, отличавшийся такими дурными шалостями, явился героем, когда затрубила военная труба, когда опасность начала грозить Швеции с трех сторон. Карл XII явился с войском пред Копенгагеном и принудил датского короля к миру; вслед за тем высадился на восточный берег Балтийского моря, в Пернау, чтоб идти на помощь Нарве, осажденной русскими.

Мы видели, как Петр смотрел на войну: он смотрел на нее как на школу. Он сделал нужные приготовления, он покончил с прежним строем и составом войска; его армия не представляла более, как армия царей предшествовавших, ветхое рубище с новой заплатой; но и его армия представлялась далеко не в удовлетворительном виде. Легко сказать: преобразовать войско! Оно было действительно преобразовано, но оно было невыучено, неопытно. Петр не обольщал себя: он изображал свой флот в виде лодки, на которой дети учатся плавать; и войско свое он мог изображать в виде толпы детей. Он не бросился в войну один на один с европейским знаменитым военными успехами народом, он вступил в нее в союзе с Данией, которая прежде всего должна была задержать шведов; с королем Августом, который имел военную репутацию и который уже начал военные действия в Ливонии. Петр начал с третьей стороны, послал значительное войско с хорошей артиллерией осаждать Нарву, учиться осаждать крепость, защищаемую европейским гарнизоном. Битва не входила в его расчеты; у него не было искусных генералов, не было главнокомандующего: он дал звание фельдмаршала тому же Головину, генераладмиралу, заведовавшему иностранными сношениями, но действительно поручать ему начальство над войском он не хотел. Ему прислали генерала изза границы с отличными рекомендациями, герцога фон Круа, и он поручил ему начальство над войском для первой встречи со шведами, для первого урока. Первый урок был тяжел: русские потерпели поражение, потеряли много людей, всю артиллерию. Но у них оставался Петр Великий, а великие люди бывают сильны приготовлением к неудаче и к успеху, ибо не теряют духа при неудаче и умеют пользоваться успехом. Неудача – проба гения, и Петр умел выдержать страшное искушение. Кроме материальных потерь, нравственное впечатление нарвского поражения

было ужасно. Известно, как ободряет первый успех, как отнимает дух первая неудача; а теперь неудачно начинается дело, которому далеко не все сочувствуют; в глазах многих нарвское поражение было явным наказанием божьим за грех нового дела.

Задав русским такой тяжелый урок, Карл XII пошел на юг преследовать короля Августа; ибо гнаться за неприятелем слабым, оставляя в тылу сильного, и решиться с небольшим войском во второй половине ноября идти в глубь России было бы крайним безрассудством. Петр воспользовался удалением Карла: ему представилась возможность проходить с своим войском школу по известной программе. Но прежде всего надобно было поднять дух своих после первого тяжелого урока, заставить их идти в школу, которая так им опротивела после Нарвы. От нарвского плена спасся бегством со своею конницей Борис Петрович Шереметев, человек очень способный, но при Петре; сам же по себе, по природе своей, негодный к неудаче и к успеху: после неудачи падал духом, а после успеха – как бы отдохнуть, поехать в Москву, повидаться с семьей, позаняться домашними делами. Петру в продолжение всей службы Шереметева было много хлопот с ним в этом отношении. Две недели спустя после нарвского поражения Петр пишет ему: «Не годится при несчастьи всего лишаться, и потому повелеваем быть при начатом деле, с конницею беречь ближних мест, и идти далее, для большего вреда неприятелю. Да и отговариваться нечем: людей довольно, реки и болота замерзли. Не чини отговорки ничем; а если болезнию, и та получена между беглецами».

А между тем в пограничных местах, Новгороде, Пскове, псковском Печерском монастыре кипели работы для их укрепления: работали все, солдаты и священники, мужчины и женщины, и горе тому, кто не хотел работать или хотел поживиться при общем деле: в Москве и Новгороде повешено было двое людей, которые брали взятки у приема подвод. Артиллерия была потеряна под Нарвой: надобно было как можно скорее приготовить другую. Петр велел со всего государства, с знатных городов от церквей и монастырей собрать часть колоколов на пушки и мортиры. Старик Виниус, «надзиратель артиллерии», работал попетровски, и в конце 1701 года было приготовлено более 300 орудий, хотя Виниус и сильно жаловался на пьянство мастеров, которых, писал он, ни ласкою, ни битьем от той

страсти отучить невозможно. Но в то же время надобно было готовить и людей: 250 мальчиков собрано было в школы, из которых, по обещанию Виниуса, должны были выйти хорошие инженеры, артиллеристы и мастера. Вслед за добрыми вестями от Виниуса добрые вести от Шереметева: пользуясь превосходством своих сил он поразил шведского генерала Шлиппенбаха при мызе Эрестфер; потеря шведов была втрое против потери русских. Великое торжество: первая победа и победа после Нарвы! В Москве, на башнях и стенах кремлевских развеваются знамена, взятые у шведов. Шереметев сделан был фельдмаршалом, получил Андреевский орден, портрет царя, осыпанный бриллиантами. Победителю захотелось отдохнуть, побывать в Москве. «В начале 1702 года хотя и быть, – отвечал Петр, – чтоб на страстной или на шестой приехать, а на святой паки назад». В конце мая Петр стал торопить Шереметева в новый поход в Ливонию, ибо пришло известие, что неприятель готовит в эту страну транспорт из Померании. «Теперь истинный час, пока транспорт не учинен, таковой предварить», – писал царь фельдмаршалу. Борис Петрович двинулся и в июле опять нанес сильное поражение тому же Шлиппенбаху при Гуммельсгофе. После этого Шереметев начал «изрядно гостить» в Лифляндии, по выражению Петра, т. е. страшно опустошал страну по совету союзника, польского короля Августа, чтоб шведские войска не могли найти в Ливонии приюта и продовольствия. Петр смотрел на ливонские походы как на школу для своих и как на средство ослабления неприятеля; об утверждении в стране он не думал.

Он все лето 1702 года провел в Архангельске, ибо получил известие, что шведы намерены захватить этот город. Лето проходило, опасности для старой морской пристани не было, и Петр стал думать о приобретении новой, на Балтийском море. Петр явился в Ладогу и призвал к себе Шереметева, «чтоб сего, богом данного времени не потерять». По прибытии Шереметева Петр повел свое войско к Нотебургу (Орешку) и 11 октября взял его трудным и кровавым приступом. «Правда, что зело жесток сей орех был, однакож, слава богу, счастливо разгрызен. Артиллерия наша зело чудесно дело свое исправила». Так писал Петр надзирателю артиллерии Виниусу. Семидесятилетний старик, съездивши по артиллерийским делам в Новгород и Псков, отправился в Сибирь, чтоб посмотреть тамошние

рудники и заводы, и писал: «Толикое обрел я множество руд железных, что мною до скончания мира не выкопаются». Жесткий орех был назван Шлиссельбургом, Ключомгородом. Для чего же понадобился Ключ? В апреле 1703 года от него по правому берегу Невы лесами шли русские войска под начальством Шереметева и нашли при устье Охты в Неву маленькую шведскую крепость Канцы, или Ниеншанц, сторожившую устье Невы. К русскому войску приехал бомбардирский капитан Петр Михайлов и отправился на 60 лодках осматривать невиское устье. 1 мая Канцы были взяты, но на взморье показались два неприятельских судна, и 5 мая подошли к устью Невы. Капитан Петр Михайлов и поручик Меншиков с Преображенским и Семеновским полками в 30 лодках окружили их и взяли. Первый успех на море! Обрадовались как дети, тою живою, сильною радостью, которая обличает горячее участие к делу, условие успеха в нем. Капитан Петр Михайлов и поручик Меншиков получили андреевские ленты. Добрались наконец до Балтийского моря; завещание предков исполнено, но не совсем: надобно укрепиться на этом море. 16 мая 1703 года на одном из островков невиского устья рубили деревянный городок. Городок назвали Петербургом. Из него потом вышла новая столица Русской империи. Зачем это новая столица? На этот вопрос пусть отвечает древняя история, пусть укажет, что новые столицы не были новостями и в старину.

Действительно, с детства в школах узнаем мы из учебников русской истории, что у нас переносятся столицы из одного места в другое, из Новгорода в Киев, из Киева во Владимир, из Владимира в Москву. Откуда это явление, отчего мы не видим его в других государствах, в государствах Западной Европы? Причина уясняется при первом взгляде на карту. Чрезвычайная обширность государственной области, особенно при малочисленности народонаселения и отсутствии цивилизации, необходимо условливала это явление. Как человек, находящийся в очень обширном помещении, не может, оставаясь неподвижно в одном какомнибудь углу, ясно обозреть всего помещения, всего разнообразия находящихся в нем предметов, и потому необходимо сосредоточивает свое внимание на одном какомнибудь круге предметов, особенно ему нужных, и остается известное более или менее продолжительное время там, где они помещаются, и потом переходит на другое место, обратившее на себя

его внимание, и здесь опять останавливается: так и правительство чрезвычайно обширной страны принуждено переносить свое местопребывание из одной части страны в другую по мере надобности, по мере прилива и отлива сил народных в ту или другую сторону, по мере сосредоточения народных интересов, народного внимания здесь или там; следовательно, это перенесение правительственных местопребываний не может являться в истории чемто произвольным. Так называемое перенесение столицы из Киева во Владимир Андреем Боголюбским не было делом произвола одного князя – это явление было следствием отлива народных сил с югозапада на северо-восток; доказательство слишком ясно: этот югозапад, эта Русь; главная начальная историческая сцена оказалась столь слабой, что не могла поддержать своей политической самостоятельности, и Русь самостоятельная могла явиться только на северо-востоке. Также не было произвольно утверждение правительственного местопребывания в Москве, когда понадобилась средина восточной России для ее собрания и для обороны русской самостоятельности равно от Востока и от Запада, и от татар и литвы, от бесерменства и латинства. Так же произвольно было появление новой столицы на берегу моря в начале новой русской истории, истории по преимуществу европейской; не Петр по своему произволу утвердил правительственное пребывание в Петербурге, ибо новопостроенный городок был оставлен своим основателем вовсе не в таком привлекательном положении, чтоб удобствами жизни заставить двор предпочесть его Москве или какому бы то ни было другому месту. После Петра мы видим известную реакцию против его деятельности; русские люди имели полную возможность разобраться в материале преобразования – и разбирались: одно оставили нетронутым, другое изменили, а потом опять нашли нужным уничтожить изменения, возвратиться к петровским формам; некоторые же учреждения, как совершенно неспособные привиться к русской почве, исчезли. Что же мешало не укреплять за Петербургом значение столицы? Ясно, следовательно, что он приобрел это значение не по произволу Петра; это значение дано ему ходом истории точно так же, как поднят был Владимир на счет Киева и Москва поднялась на счет Владимира. Петру принадлежит указание, но не насилие. И чем сильнее жалобы насчет невыгод положения новой столицы, чем сильнее упреки, делаемые совершенно несправедливо Петру за выбор

места для столицы, тем яснее для историка необходимость явления; ибо что же заставило сносить такие неудобства? Один ответ: необходимость!

Что касается до выбора места для Петербурга, первого русского города на западном море, выбора, за который упрекают Петра, то стоит только взглянуть на тогдашнюю карту Восточной Европы, чтоб понять этот выбор: новый город основан там, где западное море всего глубже входит в великую восточную равнину и наиболее приближается к собственно русской земле, тогдашним русским владениям. Наконец, что касается неудобств климата и почвы, то нельзя требовать от людей, физически сильных, чтоб они предчувствовали немощи более слабых своих потомков. Петра менее, чем коголибо, можно упрекнуть в односторонности взглядов и направлений. Он, не скажу: не отнял, потому что он не мог этого сделать, но и не обнаруживал ни малейшего намерения отнять у Москвы ее значения в пользу Петербурга; и тут не было одного, так сказать, археологического уважения к царствующему граду: Москва не осталась только памятником древности. В разгар преобразовательной деятельности, в которой так резко обозначался экономический характер, Москва, по своему положению и под особенным покровительством преобразователя, приняла самое деятельное участие в новом движении, и в то время, как с таким старанием отстраивался приморский город, долженствовавший иметь первенствующее торговое значение, старая Москва становилась средоточием новорожденной мануфактурной промышленности. С появлением Петербурга Москва не утратила своего значения, и когда при дочери Петра Великого России понадобился университет, место ему было указано в Москве. Москва не потеряла своего значения ни для своих, ни для друзей, ни для врагов. Враги почтили ее своею враждою, почтили ее своим посещением, вписали новую славную страницу в ее историю. Москва попрежнему терпела беды, попрежнему горела и попрежнему росла от непрестающего прилива к ней жизненных сил Русской земли. Научная жизнь Москвы как университетского города должна высказываться в спокойном уяснении исторических явлений, в спокойном указании законов народного бытия; а такая деятельность, расширяя сферу мысли, возвышая дух, несовместима с односторонностью, мелочностью взглядов, мелким соперничеством,

завистью. Москва знает, что с появлением новой столицы между ними произошло разделение занятий, а следовательно, и соединение сил. Москва знает, что Петр ничего у нее не отнял, что он дал ей все то, что дал России, и Москва воспользовалась его дарами прежде других и больше других. Москва чтит Петра за то место, которое он дал России, ибо знает, какое место она, Москва, занимает в России; знает поэтому, как она возвеличена Петром, возвеличившим Россию. И в день славного воспоминания деятельности великого человека Москва должна поступить достойным ее образом: спокойно, беспристрастно сказать свое слово и усердно сделать свое дело.

Достижение заветной цели вело к усилению труда; добыли новый морской берег: надобно было строить новый флот, и на берегах Свири кипела работа, ронили громадные деревья, и на новой верфи в Лодейном Поле строили морские военные суда. Разумеется, сардамский плотник был там; но в глубокую осень, когда по Неве уже плавают лед, он в Петербурге, около Котлина острова меряет морскую глубину: здесь будут укрепления, оборона Петербурга, куда уже пришел первый иностранный купеческий корабль. А между тем Шереметев забирал старые русские города, которые швед завел за себя в XVII веке, Копорье, Ямы, и опустошал Эстляндию, чтоб на будущее время не дать шведам пристанища и прокормления. Петр торжественным въездом в Триумфальные ворота отпраздновал в Москве возвращение русских городов и немедленно отправился в Воронеж. Чуждый односторонности, он одинаково внимательно смотрел на запад и восток: на северозападе нужно было работать, чтоб отбивать шведа: на юговостоке нужно было также работать, чтоб сдерживать турка.

Весною 1704 года Петр опять на Западе, по обычаю торопит Шереметева, чтоб шел поскорее и взял Дерпт: «Идти и осадить, конечно, Дерпт, чтоб сего богом данного случая не пропустить, и зачем мешкаете не знаю, не извольте медлить». Простодушно отвечает Шереметев: «Здоровье мое уже не прежнее и ни от кого помощи нет, легко мне было жить при тебе, да при Данилыче (Меншикове): ничего я за милостию вашею не знал». Шереметев осадил Дерпт; чтоб ему было легко, приехал Петр, и Дерпт был взят. «Сей славный отечественный град паки получен», – писал царь своим. Из Дерпта Петр поехал под Нарву, и скоро пошли от него письма: «Где четыре

года тому назад господь оскорбил, тут ныне веселыми победителями учинил, ибо сию преславную крепость шпагою в три четверти часа получили».

Главное на Западе было сделано. Петр не хотел ничего более, сильно желал прекращения войны с удержанием завоеванного; готов был и уступить часть завоеваний, только бы удержать новопостроенный приморский городок. Но согласится ли Карл XII на такой мир? Конечно, нет. Петр успел сделать свое дело потому, что «швед увяз в Польше». Но швед увяз в Польше для того, чтоб обеспечить себе тыл для действия против России, чтоб свергнуть с престола короля Августа и возвести на его место человека, себе вполне преданного, следовательно, враждебного России. Чтоб воспрепятствовать исполнению этого плана, надобно было деятельно помочь Августу. Но помочь ему было трудно. Русский посланник в Польше князь Григорий Долгорукий писал, что «в короле крепости немного, как у короля, так и в казне Речи Посполитой денег нет, но на польских дам, на оперы и комедии у короля деньги есть, одним оперным певцам дано на зиму 100 000 ефимков». Русского посланника особенно должны были поражать эти издержки, ибо он знал, как просто и бедно жил в России шкипер и капитан Петр Михайлов. Долгорукий чрезвычайно наглядно изображает это страшное расслабление, овладевшее польским высшим сословием, которое на словах было готово воевать, но не было способно ни к какому движению: «Хотят они на коней сесть, только еще у них стремен нет, не по чему взлезть». «Надейся на бога, – писал Долгорукий Петру, – а на поляков и саксонцев надеяться нельзя». Карлу XII легко было при таком расслаблении объявить Августа лишенным польского престола и провозгласить королем познанского воеводу Станислава Лещинского. Петр не оставил Августа: с помощью русского войска взял у шведов Варшаву. Русские войска заняли Курляндию и Литву. Меншиков шел дальше и поразил шведов при Калише. Петр запер в своем парадизе, Петербурге, узнав, что его любимец одержал победу, «какой еще никогда не бывало». Но вслед за этим он узнал, что Август, чтоб спасти свою Саксонию от вторгнувшихся в нее шведов, помирился с Карлом, отказавшись от польского престола; следовательно, швед уже не увязнет более в Польше, и все бремя войны надобно будет взять на

одни свои плечи. В конце 1707 года. Карл XII двинулся на Петра, грозясь свергнуть его с престола.

Петр распорядился, чтоб в польских владениях не вступать с неприятелем в генеральную битву, а старался заманить его к своим границам, вредя ему при всяком удобном случае, особенно при переправах через реки. Петр находился в затруднительном положении, потому что Карл подолгу останавливался, и неизвестно было, куда он направит путь. Петр в одно время укреплял и Москву и Петербург. Только в июне 1708 года Карл переправился через Березину. После жаркого дела при Головчине русское войско отступило, и Петр был доволен. «Зело благодарю бога, – писал он, что наши прежде генеральной баталии виделись с неприятелем хорошенько, и что всю его армию одна наша треть так выдержала и отошла». Подождав несколько времени в Могилеве своего генерала Левенгаупта и недождавшись, Карл повернул на юговосток, к реке Соже, потом на север, к Мстиславлю. У местечка Доброго князь Михаил Голицын напал на первое неприятельское крыло и поразил его; когда же сам король пришел на помощь, то Голицын отступил в порядке. Петр был доволен и писал: «Я, как начал служить, такого огня и порядочного действия от наших солдат не слышал и не видал, и такого еще в сей войне король шведский ни от кого сам не видал. Боже! Не отыми милость свою от нас вперед!» В сентябре Карл повернул к Украине; сам царь 28 сентября перехватил спешившего к нему Левенгаупта при деревне Лесной, недалеко от Пропойска, и поразил его наголову, взял всю артиллерию и обоз, на которые так надеялся Карл. «Сия у нас победа, – по словам Петра, – может первая назваться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало, к тому же еще гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем: тут первая проба солдатская была». Карл вошел в Украину. Малороссийский гетман Мазепа перешел на его сторону, перешли на его сторону запорожские казаки; но масса народная в Малороссии осталась верна русскому царю; Петр дал ей нового гетмана; Меншиков в виду шведов взял гетманскую столицу Батурин, которую защищали приверженцы Мазепы. Запорожская Сечь была разорена. Петр, по его словам, «с превеликою радостью услышал о разорении проклятого места, которое корень злу и надежда неприятелю была».

Карл обманулся во всех своих надеждах: после Мазепы и запорожцев он еще надеялся на Турцию, что та воспользуется случаем и поднимется вместе с ним на Россию; но турки и татары не трогались; повсюду кругом было тихо: все соседние народы отказались принять участие в борьбе за ту или другую сторону; все как будто притаило дыхание, дожидаясь, чем разыграется кровавая игра между Петром и Карлом, чем решится судьба Восточной Европы. Она решилась 27 июня 1709 года под Полтавой. «Доносим вам, – писал Петр своим, – доносим вам о зело превеликой и нечаемой виктории, которую господь бог нам чрез неописанную храбрость наших солдат даровать изволил. Вся неприятельская армия фаетонов конец восприяла. Ныне уже совершенно камень во основание С.Петербурга положен с помощью божию».

«Превеликая виктория!» Спустя полтора ста с лишком лет историк имеет право прибавить к словам победителя, что эта виктория была одним из величайших всемирноисторических событий: могущество Швеции, созданное искусственно посредством завоеваний, было сокрушено; исчезла завеса, скрывавшая Россию от остальной Европы, и пред изумленными народами Запада явилось новое обширное и могущественное государство, умевшее победить вождя и войско, считавшееся до сих пор непобедимым. При громе Полтавской битвы родился для Европы, для общей европейской жизни новый великий народ; но и не один народ: при громе этой битвы родилось целое новое племя, племя славянское, нашедшее для себя достойного представителя, при помощи которого могло подняться для сильной и славной исторической жизни. В европейской истории наступила новая эпоха.

Чем славнее, многозначительнее победа, тем выше поднимается победитель. Но Петр поднимается ли высоко для нас как полтавский победитель? Нет, в глазах историка он стоит так высоко, что титул победителя – даже и полтавского – является чемто малым и односторонним. В этом победителе мы не видим ничего воинского, ничего геройского в тесном смысле военном, никакого пристрастия к войне, никакого стремления к военной славе. Мы видим великого человека, народного героя, сознательно удовлетворяющего известной народной потребности; раз начертал он свой преобразовательный план и выполняет его неуклонно; война, военный успех входят в этот план

только как средство. Мы видели это необыкновенное спокойствие и ясность взгляда при оценке каждого военного действия; эти спокойствие и ясность не покидают Петра и при оценке полтавской победы. Война начата как тяжкая необходимость для произведения экономического переворота в народной жизни, для приобретения моря; после долгих, тяжких трудов и опасностей одержана блестящая, решительная победа, сокрушившая все силы врага, изумившая Европу. Как же победитель смотрит на значение победы? Она, по его взгляду, кладет камень в основание приморского городка, дает средство закрепить для России берег западного моря. Война, победа исчезают в своем самостоятельном значении, исчезает полководец, победитель, но тем выше поднимается великий человек, вождь своего народа в великом движении, обхватившем весь организм народной жизни.

Чтение девятое

Война входила в общий план преобразования как средство для достижения ясно сознанных, определенных целей этого преобразования, входила в общий план как школа, дававшая известное приготовление народу, приготовление, необходимое в его новой жизни, новых отношениях к другим народам. Поэтому мы должны ожидать, что война не останавливала преобразовательного движения в других сферах. Мы видели, что еще перед Северной войной, в конце XVII века, Петр высвободил промышленное городское население изпод власти воевод и дал ему самоуправление; и было замечено, что подобные преобразования имели воспитательное значение для общества, приучая его членов к самостоятельной деятельности и деятельности сообща, уничтожая рознь, причину слабости гражданского духа в народе. Упомянутое преобразование в жизни промышленного городского населения не стояло одиноко и бессвязно. Целая система подобных учреждений проводилась неуклонно и сильно преобразователем, и, разумеется, только такая система и может дать историку право говорить о воспитательном значении преобразовательной деятельности.

Знакомые уже с характером деятельности Петра, с его постоянным движением из одного угла обширнейшей страны в другой, то в Петербург, то в Воронеж, то в Азов, то в Литву, мы должны ожидать изменений и в высшем управлении. Прежде царь постоянно находился в Москве, и дума, совет, собиравшийся при нем из трех знатнейших чинов – бояр, окольных и думных дворян, – постоянно была под влиянием этого царского присутствия; как угодно было государю вести совещание, так оно и велось, не было никаких форм, которые бы определяли степень участия и ответственности членов думы. Но теперь царь часто и подолгу отсутствует из Москвы, приедет на короткое время, укажет на множество необходимых дел и уедет. Члены думы остаются одни с обязанностью обсудить, как что лучше сделать, и непременно сделать, и скоро сделать: царь не такой человек, чтоб принимал какиенибудь отговорки. И вот старая дума должна усилить свою деятельность: царя нет, нельзя ждать, как он укажет в

трудном деле, надобно решить самим трудное дело и исполнить. Тяжело, непривычно. Один ктонибудь скажет, как надобно сделать, и прекрасно, что долго думать, – сделать так. И вдруг царь разгневался: не так. Что ж делать? Кто виноват? Никто, все так решили. Но царь принимает свои меры, приходит требование, бесцеремонное в выражениях, как все требования петровские, требование, чтоб они всякие дела, о которых советуются, записывали, и каждый бы своею рукою подписывал, и без того никакого дела не решать, «ибо этим дурость всякого будет явна». Каждый, следовательно, должен обдумать дело, подать свое мнение и подписать его; согласился с другим – и это обозначится подписью; каждый должен принять на себя ответственность за свое мнение, ибо уже не скроется, что кто думал; надобно думать да и думать, а то придется объявить свою «дурость». И вот некоторые отзываются с готовностью на призыв к самостоятельной деятельности; другие, более ленивые по натуре, невольно должны становиться на свои ноги, приучаться к самостоятельной деятельности, думать, изучать дело, справляться, советоваться с другими; а сфера все более и более расширяется, беспрестанно слышатся слова: в такойто стране делается так, в другой иначе, и побуждение к деятельности не ослабевает, не ослабевает царское требование – не сметь своего суждения не иметь.

В старину, если посылали когонибудь исполнить известное поручение, то давали ему длинный наказ, инструкцию, определявшую с точностью каждое его движение, длинный свивальник, которым пеленали взрослого человека. Действия свивальника оказывались тотчас же, отнимая всякую свободу движения: как скоро исполнитель поручения, спеленатый наказом, встречал какоенибудь малейшее обстоятельство, непредвиденное в наказе, он останавливался и слал из дальнего места в Москву за новым наказом; между тем благоприятное время уходило невозвратно. Петр не мог равнодушно сносить этой привычки русских людей к пеленкам и требовал, чтоб посланные с поручением поступали по своему рассуждению, смотря на оборот дел, ибо «издали, – писал он, – нельзя так знать, как там (на месте) будучи». И повторял: «Во всяком к вам указе всегда я по окончании письма полагался на ваше по тамошнему состоянию дел рассуждение, что и ныне подтверждаю, ибо нам, так отдаленным, невозможно

конечного решения вам дать, понеже случаи ежедневно переменяются».

Более десяти лет старинная дума привыкала к новому положению – управлять во время отсутствия царя, привыкала к самостоятельной деятельности и к необходимо связанной с такой деятельностью ответственности, ответственности пред царем, о котором знали, что не пропустит никакого упущения, не посмотрит ни на что сквозь пальцы. Между тем новые слова для выражения новых отношений незаметно входят в употребление. Высшее правительственное собрание называется уже консилиею, и члены его – министрами. В 1711 году эта консилия министров получила новое название и более определенное значение и устройство: учрежден Правительствующий Сенат, которому каждый обязан был послушанием, как самому царю, и в то же время явилась новая форма присяги государю и государству. Правый суд, наказание несправедливых судей и ябедников, соблюдение строгой бережливости в расходах, умножение доходов, снабжение войска людьми, усиление торговли – вот первые обязанности Сената, предписанные ему учредителем. Дела решались единогласно, каждый указ должны были подписывать все члены собственноручно; если один откажется подписать, то приговор остальных недействителен, но несогласяющийся сенатор должен изложить причины своего несогласия на письме. За два года перед тем Россия была разделена на 8 больших губерний, подразделявшихся на области, которыми управляли попрежнему воеводы. Теперь губернаторы стали подчинены Сенату, в канцелярии которого безотлучно находились комиссары из каждой губернии для приема указов и подачи ответов на вопросы по делам, касавшимся их губерний. Считались нужными эти живые посредники, живые и скорые ответчики на запросы правительствующего, ибо губернаторы, по непривычке к своему положению, к разнообразию дел в обширных областях, при недостатке способных, знающих, привычных и благонамеренных людей, отличались медленностью в своих распоряжениях и ответах. Но делать нечего, надобно было и губернаторам проходить свою тяжелую школу, приучаться к быстроте движения, потому что царь не выносил медленности, она его приводила в печаль, а печалить Петра было нельзя без опасных последствий. Так, в начале 1711 года Петр писал Меншикову: «Доныне

бог ведает, в какой печали пребываю, ибо губернаторы зело раку последуют в происхождении своих дел, которым последний срок в четверг на первой неделе (поста), а потом буду не словом, но руками с оными поступать».

Но признак великого человека – приготовленность к удаче и неудаче, неудача ожидается как естественное следствие новости дела, непривычки к нему, человек должен знать, что в деле человеческом нет совершенства, должны непременно обнаружиться темные, нежеланные стороны. Видя эти неудачи, несовершенства, темные стороны нового дела, люди обыкновенные тревожатся, теряют веру в пользу нового дела, кричат, зачем оно, прежде лучше было или, по крайней мере, оно одновременно, надобно было подождать, пока народ, общество будут к нему готовы, – и вот стремление, если не уничтожить новое дело, то хотя изменить, ограничить его. Но великий человек, сознавши необходимость известного дела, не тревожится первой неудачей, несовершенствами; он может печалиться, оскорбляться неприготовленностью людей, особенно если это нравственная неприготовленность, но не придет в отчаяние, не бросит дела, а усилит только внимание к нему, уход за ним. Мы не приходим в отчаяние оттого, что новорожденный ребенок является таким слабым существом, не может ходить, и спокойно ждем, когда он окрепнет и станет ходить, и тут не приходим в отчаяние, что он еще плохо держится на ногах, часто падает. Мы смотрим спокойно на эти явления, ибо привыкли смотреть на них как на естественные и необходимые; но не все способны привыкнуть к признанию общих законов в явлениях; не все привыкли в каждом новом деле видеть новорожденного ребенка, которому надобно окрепнуть, а для этого нужен самый старательный уход, устранение всех вредных влияний. Новые дела – а их было много при Петре – принесли ему, особенно вначале, много огорчений тем, что шли не так, как бы хотелось; но огорчение не переходило в отчаяние, и после неудач в делах внутренних преобразователь являлся так же велик, как после неудачи первого азовского похода, как после нарвского поражения.

Мы видели, что одним из первых внутренних преобразований его было высвобождение городского промышленного народонаселения от власти воевод, самоуправление промышленного сословия. Дело было новое и пошло неудачно. И здесь, как во всех неудачах коллегиального

управления при Петре, была поверка Древней Руси и поверка мнениям о Древней Руси. Если бы в древней допетровской Руси был силен так называемый общинный быт, была сильна привычка к общему действию, к соединению сил – привычка отзываться на общее дело и делать его усердно, умение видеть в общем интересе охрану интереса частного, привычка сильных для сохранения своей силы, нравственного и политического влияния, сторониться с своим интересом пред интересом слабых поодиночке, но сильных опять тою же привычкою к соединению, – если бы все эти привычки были сильны в Древней Руси, то когда Петр, отстраняя существовавшие до него препятствия, призывал русских людей к общему действию, они должны были бы явиться с великой охотой, и дело пошло бы чрезвычайно успешно с самого начала. Но если мы видим явление обратное, то естественно и необходимо должны прийти к заключению, что привычка к общему делу была очень слаба в Древней Руси, и в деятельности великого человека, великого государя, который в своих учреждениях завел школы для общего дела, мы должны видеть благодетельный почин народного воспитания.

Мы видели, что на выборных для городского самостоятельного управления, или так называемых бурмистров, возложен был сбор казенных доходов и поверка их, и вот оказались сильные беспорядки при этой поверке и казнокрадство в общих размерах. Обнаружился и другой признак крайней слабости в деле самоуправления: неумение соединенными силами слабых сдерживать сильных, которые стремятся к господству, к удовлетворению своим личным выгодам на счет слабых, порозненных и потому не могущих выставить никакого сопротивления. Такое положение есть самое опасное для общества или учреждения, которому дано самоуправление; освобожденное от тяжести внешней власти, получивши свободу управляться само собою, выбирать из своей среды людей, которые должны заведовать его делами, общество или учреждение выбрало себе господ, которые стремятся употребить во зло свое значение и могут делать это тем безнаказаннее, тем благовиднее, что они, выборные представители свободного общества или учреждения, действуют во имя его. Рождается вопль: что же выиграно? Прежде не было так тяжело, прежде было лучше, надобно возвратиться к прежнему или, по крайней мере, переделать, изменить новое сообразнее существующим

средствам; ясно, что люди неспособны к новому делу, нет людей, надобно их приготовить, воспитать: так вопят люди, не знающие, что известная деятельность и есть необходимое приготовление, воспитание. Но эти вопли способны сильно смутить, ввести в искушение преобразователя. Петр выдержал искушение. Его сильно печалил неудачный ход новых дел; человека с орлиным полетом сильно оскорбляли и раздражали люди, которые, по его выражению, *подобились раку* в своем движении; но он не потерял веры в свое дело и в свой народ, остался верен мысли о необходимости деятельной школы, которую должен был проходить народ и в которой должен был учиться неудачами, остался верен мысли, что каждое учреждение должно иметь свою Нарву, чтоб иметь Полтаву; остался непоколебим в проведении всюду коллегияльного устройства как устройства, имевшего воспитательное значение для народов.

В этой вере в дело и народ преобразователя поддерживал тот живой сильный отклик, который слышался отовсюду, когда вождь кликнул клич по дружину, по смелых, неутомимых работников. Не все были люди, которые вначале раку подобились в новом деле; поднялись и молодые орлята, которые, сторяя нетерпением, стали торопить дело, забегая вперед, требовали мер решительных и крутых, революционных, как мы теперь называем. Сильное движение преобразовательной эпохи, новые предметы и учреждения, расширенные сферы, противоположность толков – все это должно было поднять людей живых и способных в разных слоях общества, в самом низшем, возбудить в них надежду на более широкую деятельность. Это движение, новости, обхват целого общества какимто другим воздухом выразились еще в 1694 году одним, если угодно, комическим, или трагикомическим, но любопытным явлением: явился в Москву крестьянин и потребовал у правительства средств сделать крылья, потому что он сумеет полететь, как журавль. Опыт кончился неудачно и очень печально для русского Икара; но скоро движение пошло более серьезным образом. Мы не раз упоминали о том, что преобразование имело экономический характер; вопрос о бедности и богатстве, о бедности России сравнительно с другими государствами, о средствах сделать ее богатой, сделать для нее возможным удовлетворение громадным издержкам преобразования, предпринимаемого для усиления и обогащения России, – этот вопрос

был на первом плане для всякого возбужденного движением человека, и вот снизу является ряд людей, способных, бывалых, которые предлагают правительству свои планы относительно увеличения доходов, свои услуги в этом важном деле. Мысли выслушаны, услуги приняты, и некоторые из этих людей, отмеченных в народе названием прибыльщиков, стали видными деятелями эпохи преобразования. Взгляд прибыльщиков, их учение, их теория высказались в известном сочинении крестьянина Посошкова: *«О скудости и богатстве»*, которое самым названием своим дает нам знать, что в это время более всего лежало на сердце у мыслящего русского человека, пробужденного движением преобразовательной эпохи. Обогащение России посредством обеспечения промышленного труда и трудящегося человека от печального положения суда, управления и сословных отношений, завещанного древней Россией, причем Посошков предлагает самые крутые, восточные, турецкие меры, показывающие, что сам автор принадлежит половиной своего нравственного существа древней России; сильное сочувствие преобразователю, жалобы на то, что он в меньшинстве тянет в гору, тогда как большинство стремится под гору – вот основные черты сочинения Посошкова.

В практической деятельности из этих людей, поднятых снизу вверх преобразовательным движением, был знаменит прибыльщик Курбатов. В одном из приказов подкинута было письмо. Вместо извета о какомнибудь злом умысле государь нашел в письме проект о гербовой, или орленой, бумаге. Гербовая бумага как важный источник дохода была немедленно введена. Сочинителем проекта оказался Курбатов, дворецкий боярина Бориса Петровича Шереметева, человек очень бывалый и не в одной России; вместе с господином своим он путешествовал и за границей. Курбатов был щедро награжден, пожалован в дьяки Оружейной палаты и получил возможность уже не подметными, но явными письмами сообщать царю свои мнения обо всем. Курбатову Петр поручил устроить порядок в Московской ратуше, или бурмистрской палате, в которой, как мы упоминали, дело шло дурно по непривычке к новому делу, по неохоте заниматься общим делом, не приносящим непосредственной выгоды частному человеку, или по стремлению извлечь из общего дела как можно больше частных выгод, покормиться на счет казны.

Петр не пришел в отчаяние от картины тех злоупотреблений и беспорядков по ратушному, т. е. по финансовому, управлению, какую представил ему Курбатов; он не дотронулся до учреждения, поручив только временно надежному человеку уничтожение беспорядков и злоупотреблений. Печальный пример коллегиального управления в ратуше не отнял у него веры в достоинство этой формы, и он немедленно ввел ее в областное управление, велел всякие дела с воеводами ведать дворянам, в больших городах человека по четыре и по три, а в меньших – по два; указы чинить дворянам обще с воеводами, а одному воеводе без дворян никаких дел не делать. Легко понять, как должны были оскорблять и раздражать Петра известия о страшном казнокрадстве в то время, когда при громадном увеличении расходов нужно было изыскивать все средства к увеличению доходов в бедном государстве; когда народ должен был платить тяжелые подати; когда на него наложен был великий труд; когда сам царь, подавая пример, трудился небывалым образом и для уменьшения расходов жил чрезвычайно просто, с отстранением царской обстановки. Не одна продолжительная и тяжелая война, не одно переустройство войска и заведение флота, построение крепостей требовали больших расходов: Россия должна была войти в систему европейских держав, живших общей жизнью и потому постоянно сносившихся друг с другом, наблюдавших за движением, за внутренней жизнью друг друга. Для этого каждый двор имеет при других дворах постоянных представителей; Россия должна была выполнить это необходимое условие вступления в общую европейскую жизнь. Мы уже видели, как ей трудно было это сделать, и как Петр, с глубокой верой в способности своего народа, решил трудный вопрос, признавши и здесь необходимость практической школы, и назначил на важнейшие дипломатические посты русских людей. Но мало было, чтоб представители России при чужих дворах вели себя искусно и достойно: они должны были поддерживать достоинство своего двора внешней обстановкой, на что нужно было много денег; кроме того, посланники должны были иметь в своем распоряжении значительные суммы для подкупа влиятельных лиц, для узнания нужных секретов. Для удовлетворения всем этим требованиям прибыльщики изыскивали всевозможные средства, взято было все, что только можно было взять; отдано было на откуп все, что можно было отдать. Отнято было право

владельцев мест, где производились торжки, брать пошлину на себя, пошлина стала идти в казну; уничтожены были так называемые тарханы, по которым известные лица освобождались от платежа пошлин. У бедного народа была роскошь – дубовые гробы: и этот предмет роскоши казна взяла себе и продавала против покупной цены вчетверо дороже; наложена была пошлина на бороду и усы: кто не хотел бриться, оплачивался деньгами. Все эти тяжести и труд русский народ должен был поднять временно, чтоб вдвинуть Россию в Европу и приобрести средства усиления и обогащения; а эти средства состояли в искусстве и знании.

Петр прямо и для всех понятно указывал своему народу цели его и своей чрезвычайной деятельности – внутреннее спокойствие и внешняя безопасность посредством хорошо устроенного войска и обогащения страны посредством торговли. Так, эти цели прямо были высказаны в знаменитом манифесте 1702 года о вызове иностранцев в Россию: «Мы побуждены были, – говорит царь, – в самом правлении учинить некоторые нужные и к благу земли нашей служащие перемены, дабы наши подданные могли тем более и удобнее научиться поныне им неизвестным познаниям и тем искуснее становиться во всех торговых делах». При таком практическом взгляде легко понять, какого рода школы должны были явиться в Москве; явились школы математическая и навигаторская, где первыми преподавателями были три англичанина. Школы эти находились в ведении Оружейной палаты, т. е. адмирала Головина и дьяка, известного нам Курбатова. Скоро после заведения школ знаменитый прибыльщик уже радовался, что многие всякого звания и зажиточные люди познали сладость науки и отдают в те школы детей своих, а иные молодые люди сами приходят с немалой охотой. Мы уже упоминали о правиле Петра, которого держались и все его сотрудники, – брать иностранцев, но строго наблюдать за ними, чтоб они не теснили русских, и как можно скорее выдвигать последних, чтоб они могли заменить наемников. Так и Курбатов немедленно к трем учителям англичанам приставил помощника русского Леонтия Магницкого, и заметив, что иностранцы «обязали себя к нему ненавистию», по выражению Курбатова, за отличное исполнение им своих обязанностей, Курбатов всеми силами поддерживал Магницкого, вследствие чего англичане должны были только усерднее исполнять свои обязанности. Этот Магницкий был

автором знаменитой «Арифметики, сиречь науки числительной», изданной в 1703 году.

Для школ и для распространения сведений между любознательными взрослыми людьми нужны были книги на русском языке, прежде всего учебники. Понятно, что нужно было переводить их с иностранных языков; понятно, что дело перевода книг было одним из самых важных и самых трудных дел. Кроме страшной трудности передачи научных понятий на языке народа, у которого до сих пор не было науки, была еще трудность, происходившая от существования двух языков, резко различавшихся друг от друга, — книжного, или так называемого церковнославянского, и народного. Естественно, наука должна была избрать для себя последний язык; но ученые люди, знающие иностранные языки, переводчики привыкли к книжному языку, и живой язык народный был в их глазах языком подлых людей. Перевод книг, сказал я, был одним из самых важных и трудных дел, и мы уже должны ждать, что Петр усердно займется им: он не только указывал, какие книги надобно переводить, но и требовал переводы к себе, сам исправлял их, учил, как надобно переводить; учил, что не надобно держаться мертвого перевода слово в слово, но, выразумевши смысл, передавать живым образом этот смысл совершенно удобопонятно для русского человека, т. е. совершенно соответственно складу русской речи, тогда как подстрочный перевод необходимо искажал русскую речь, давал ей чужие обороты. Так, он писал одному из переводчиков: «Книгу о фортификации, которую вы перевели, мы прочли: разговоры зело хорошо и внятно переведены; «о как учить фортификации делать, то зело темно и непонятно переведено; не надлежит речь от речи хранить в переводе; но точно его выразумев, на свой язык уже так писать, как внятнее может быть!». В 1707 году типографские мастера привезли из Голландии три азбуки «новоизобретенных русских литер». Этими литерами, или так называемым гражданским шрифтом, начали печататься книги с 1708 года, и первой книгой, напечатанной таким образом, была «Геометрия, словенски землемерие». Но как везде в деятельности Петра, так и здесь не было односторонности: царь поручил известному тогда ученому Поликарпову записать русскую историю и в то же время приказал переводить книги о событиях всеобщей истории, которые по господству древней истории и литературы в Европе были у всех в

устах: книгу о Троянской войне, Квинта Курдия о деяниях Александра Македонского.

Могущественное средство развития человека состоит в расширении сферы; человек развивается, когда переносится из бедной простой обстановки жизни, из круга немногих и постоянно повторяющихся явлений в жизнь, обставленную богаче, представляющую больше разнообразия предметов и явлений; сельчанин поэтому развивается, когда переносится в город, еще сильнее развивает путешествие, бывалость. Но человек новой Европы приобрел еще средство развития, возможность участия в жизни всего современного человечества: это ведомости обо всем совершающемся в современности, ведомости, которые распространяются с такой быстротой посредством печати. Петр, разумеется, не мог обойти и этого средства развития своего народа. До него знание того, что делалось у себя и в чужих странах, было привилегией правительства; извлечения из иностранных газет (куранты) составлялись для царя и немногих приближенных особ и бережно хранились как тайна государственная. Петр хотел, чтоб все русские люди знали, что делается на свете, и с 1703 г. начали издаваться в Москве «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах», и на первом же листке ведомости объявили, что московские школы умножаются, сорок пять человек слушают философию, а в математической штурманской школе больше 300 человек учатся и добре науки приемлют. Не забыто было и четвертое средство для народного развития. Как до Петра куранты составлялись только для царского употребления, так и сценические представления давались только для потехи великого государя: Петр и то и другое ввел в народное употребление. На Красной площади построена была деревянная комедиальная храмина – для всех; как при царе Алексее, так и теперь набрали подьячих из разных приказов и отдавали их учиться немцу Куншту, который обязался учить их всяким комедиям. В репертуаре этого первого всенародного театра после пьес исторического содержания видим и пьесу «Доктор принужденный», это Мольеров «Лекарь поневоле»; играли также пьесы, нарочно сочиненные по поводу какою-нибудь важного события, торжества, например в 1703 г. по случаю взятия Орешка. Кроме этого всенародного театра, театральные представления

давались еще учениками СлавяноЛатинской академии (новосияющих славянолатинских Афин); здесь пьесы имели религиозное содержание, но иногда с примесью политических намеков.

Все эти средства развития, воспитания народного – и школы, и книги, и ведомости, и театр – представляли, разумеется, еще слабые начатки; чтоб сказалось их влияние, нужно было еще долго ждать, а между тем нельзя было не обратить внимания на некоторые печальные явления, которые были следствием крайне недостаточного народного воспитания в древней России: так, был обычай убивать младенцев, родившихся с физическими недостатками; Петр вооружился против этого варварского обычая, не признававшего в человеке человека и христианина: смертная казнь грозила людям, уличенным в его исполнении. После указа против убийства младенцев, родившихся с физическими недостатками, видим ряд указов о сохранении жизни и здоровья человека: запрещено хоронить мертвых ранее трех дней; учреждено было 8 аптек в Москве и закрыты зелейные лавки, где продавались так называемые лекарственные травы, от которых люди, как оказалось, умирали скорою смертью. Любопытна прибавка в указе, чтоб в новоучрежденных аптеках не продавали вина. Страсть к вину русские люди вынесли из своей древней жизни в ужасающих размерах; смертные случаи в драках от пьянства были обыкновенным явлением; правительству нужно было смотреть за взрослыми, как за детьми, смотреть, чтоб они не имели при себе острых ножей, – порежутся! И вот Петр запрещает носить остроконечные ножи, потому что многие люди в ссорах и драках и в пьянстве такими ножами друг друга режут до смерти. Известно, в какой степени наши деревянные города терпели от пожаров: как начнется весна, так начнет в Москве, по выражению тогдашних образованных людей, Вулканус свирепствовать, пожаров по шесть в сутки. Образованные люди к царю с просьбой укротить свирепство Вулкануса, и вот: начинают делать черепичные крыши вместо тесовых; выписываются заливные трубы изза границы; издается указ строить в Москве, в Кремле и Китаегороде, каменные дома и располагать их по улицам и переулкам, а не внутри дворов, т. е. по европейскому, а не по азиатскому обычаю. Принимались меры, чтобы русский человек в городах мог спать спокойно, не боясь Вулкануса; но вот предстоит беда, нужда требует выехать за город, отправиться за несколько верст в другой город, в

деревню: пишется духовное завещание, в семье плач, прощаются, как с человеком, идущим на войну, потому что дороги наполнены разбойниками. Правительству мало шведской войны, оно должно посылать роты с капитанами для сыску разбойников; капитану удалось поймать 10 знаменитых разбойников, кто ж они? Люди из низших слоев общества? Нет, это все помещики, которые разбойничали с своими людьми, нападали на чужие деревни, били и жгли.

Эти явления показывают нам, с каким обществом имело дело преобразование. В подобном обществе нет безопасности для слабого, и мы видели, как, вследствие этого, женщину надобно было спрятать в терем. Но это удаление женщины, бывшее необходимым следствием грубости нравов и отсутствия безопасности, в свою очередь, производило еще большее огрубение нравов, ибо мужчина не привыкал сдерживаться присутствием существа, которому христианская цивилизация Европы дала нравственное величие, окружила уважением, противоборствуя материальным стремлениям в отношениях человеческих, заставляя сильного служить слабому, и ум не забываться перед чувством. Христианская цивилизация Европы признала в разделении человека по полам, на два пола, – первый, основной акт развития, т. е. разделения занятий. Это разделение занятий, предоставляющее мужчине внешнюю общественную деятельность и женщине – внутреннюю, домашнюю, лежит в основе цивилизации, сущность которой состоит в разделении занятий вообще, или в том, что мы называем развитием. В состоянии варварства человек делает все или большую часть нужного ему самому, и потому одинок, потому дик; в состоянии цивилизации человек делает одно чтонибудь и потому может делать хорошо, совершенствовать свое дело, в отношении к другим необходимым предметам находится в зависимости от деятельности других и потому связывается с другими тесной органической связью, и люди необходимо становятся ближними друг другу. В словах «Не добро быти человеку единому» выразилось благословение развития, благословение цивилизации, которые и начались с разделением человека, с появлением жены подле мужа, Евы подле Адама, ибо здесь началось разделение занятий. Женщине представлена была внутренняя, домашняя жизнь, которой главное дело – воспитание человека, требующего для своего нравственного развития и крепости продолжительного согревания

теплотою женского материнского чувства. Но человек воспитывается для жизни общественной; отсюда необходимое требование от воспитывающего – требование знания этой жизни; а знание общественной жизни невозможно без участия в ней. Таким образом, отчуждение женщины от участия в общественной жизни и от того, чем возвышается и украшается общественная жизнь, противоречит ее значению, значению воспитательницы человека, представительницы и охранительницы наряда (порядка) внутренней, семейной, домашней жизни, ибо здесь, в этой жизни, муж, сын и брат должны находить обновление сил для деятельности общественной. Нельзя отнять у женщины участия в общественной жизни точно так, как преступно втягивать ее в общественную деятельность и нарушать основное в человечестве разделение занятий, разрушать основу цивилизации. Естественно было стремление нашего древнего общества удалить женщину из общества, не представлявшего для нее ни физической, ни нравственной безопасности. Но мера была отчаянная; сильное лекарство, свидетельствуя о силе болезни, не могло, в свою очередь, не оставить вредных следов в общественном организме. Общественная жизнь от удаления женщины еще более бледнела и грубела, а мужчина, не находя дома «помощи, приличной ему», беднел и грубел нравственно. Не исполнялась воля бога, создавшего женщину, чтоб человек имел помощь, приличную ему, как говорит писание, и женщина теряла свое значение: запертая и припрятанная, она становилась вещью, товаром; человек терял данное ему творцом право искать себе помощь, приличную ему, и брак нисходил на степень торговой сделки. Петр прекратил затворничество женщин, приказав приглашать их в общественные собрания; запретил рядовые сговорные записи, составлявшиеся в приказе крепостных дел; велел прежде венчания быть обручению за шесть недель, чтоб дать время жениху и невесте узнать друг друга, причем, в случае если не понравятся друг другу, получали свободу отказываться от вступления в брак. Русский человек перестал быть одинок в обществе и получил возможность иметь помощь, приличную ему. Но, уничтожая затворничество женщины, возвышая ее достоинства, Петр возвышал и достоинство человека вообще: запрещено было подписываться уменьшительными именами, падать пред царем на колени, зимою снимать шапки пред дворцом. Петр говорил: «Какое же будет различие между богом и

царем, когда воздается равное обоим почтение? Менее низости, более усердия к службе и верности ко мне и государству – вот почать, принадлежащая царю». После этого не вправе ли историк сказать, что он изображает дела великого народного воспитателя?

Чтение десятое

В предыдущих беседах наших мы не раз указывали на воспитательное значение деятельности Петра Великого; естественно, что при этом он нуждался в помощи церкви; но церковь, чтоб дать желанную помощь в народном воспитании, нуждалась сама в помощи преобразователя, ибо требовала преобразований. Жалобы на печальное нравственное состояние духовенства, на печальное состояние нравственности в монастырях, которые прежде имели такое важное значение в нравственном воспитании народа, на невежество духовенства, лишавшее его учительской способности в то время, когда оно более всего нуждалось в этой способности, когда нравственными, научными средствами нужно было защищать православие от своих и от чужих, от раскольников и западных иноверцев, жалобы на злоупотребления материальными средствами в монастырях и архиерейских домах – все эти жалобы раздавались давно и громко, между мирянами и самим духовенством, на соборах церковных. Петр, по своей природе, делавшей из него преобразователя, не мог равнодушно слышать жалоб на какоенибудь зло и отвечать на эти жалобы, на эти слова словами же: он немедленно отвечал на них делом, исправлением зла. Поднять русское духовенство, давши ему могущество – науку, снабдивши его средствами восстановить свое учительское значение, свое нравственное влияние согласно с новыми потребностями, с новыми условиями, давши ему крепкое оружие для борьбы с враждебными влияниями; восстановить значение монастырей, противодействуя вовсе немонашеским побуждениям к монашеской жизни, прекративши злоупотребления материальными средствами, обращением излишка этих средств на дела милосердия и просвещения; поднять белое духовенство, давши ему науку, учительскую способность и большие средства материальные, недостаток которых мешал успешному и достойному исполнению его обязанностей, – вот преобразовательная программа Петра относительно церкви. Но кто станет приводить в исполнение эту программу?

До XVIII века в русской церкви был единый верховный пастырь, сначала с титулом митрополита, потом патриарха, и мы видели, как тяжело было положение патриарха, когда Россия всколебалась и стала двигаться по новой дороге. Патриарх стоял между нескольких огней, между раскольниками, с одной стороны, между иноверными учителями и русскими учениками их – с другой, без способности обличения, без нравственных средств противодействия тем и другим, без науки, которая должна была внушать уважение и сдерживать людей, служивших науке, разуму, говоривших и действовавших во имя их: положение вредное, невозможное для церкви и государства при слабости характера, при страдательном положении патриарха, вредное и при энергии, ревности в ту или другую сторону, ибо без просвещения могла ли быть ревность по разуму. Сюда присоединялись еще новые трудности: патриарх должен был приступить к экономическим преобразованиям, следовательно, должен был вооружить против себя значительную часть духовенства; энергичные меры для водворения должной дисциплины в монастыре, для истребления тунеядства, находившего здесь себе прибежище, увеличивали число врагов, усиливали вопли. Одним словом, чтоб патриарх был в уровень своему положению, чтоб явился патриархпреобразователь, ему следовало своими способностями, своей энергией, силой воли приближаться к великому преобразователюцарю. Но где было взять такого человека, где было взять двоих Петров Великих! Нужно было пощадить русскую церковь от печального явления иметь подле царя Петра Патриарха Адриана. Скажут: зачем же непременно Адриана? Но если не Адриана, то надобно было пощадить Россию от соблазна столкновения царя с патриархом, который бы, при силе воли, отличался узким взглядом на трудное и опасное положение церкви; патриарх, не сочувствующий преобразованиям, необходимо становился опорой недовольных, средоточием и вождем их, давал благословение их делу. В противном случае надобно было пощадить главного пастыря церкви, единого и потому принимающего на себя всю ответственность, пощадить от враждебных ударов, расточавшихся противниками преобразования, пощадить его от названия антихриста. Все эти удары принимал на себя человек силы, способный их вынести; духовная власть отстранялась от преобразований, слишком для нее тяжелых, и передавала их власти

светской; единичное управление церковное упразднилось естественно за неимением человека, способного стать в уровень с своим положением, поднять бремя, слишком тяжелое для плеч одного человека, естественно пролагался путь к разделению этой тяжести между многими, к коллегиальному управлению.

Петр говорил патриарху Адриану: «Священники ставятся малограмотные, надобно их прежде учить, а потом уже ставить в этот чин. Надобно озаботиться, чтоб и православные христиане, и иноверцы познали бога и закон его: послал бы для этого хотя несколько десятков человек в Киев в школы. И здесь, в Москве, есть школа, можно бы и здесь было об этом порадеть; но мало учится, потому что никто не смотрит за школой как надобно. Многие желают детей своих учить свободным наукам и отдают их здесь иноземцам; другие в домах своих держат учителей иностранных, которые на славянском нашем языке не умеют правильно говорить. Кроме того, иноверцы и малых детей ересям своим учат, отчего детям вред и церкви может быть ущерб великий, и языку нашему повреждение, тогда как в нашей бы школе, при искусном обучении, всякому добру учились». Царские слова были сказаны понапрасну: мог ли заботиться о школе и готовить священников к их званию человек, не имевший сам образования! Чтоб поднять русские школы и образовать ученых священников, надобны были ученые архиереи; в Великой России их взять было неоткуда, надобно было обратиться к Малороссии, вызвать оттуда ученых монахов и поставить их на архиерейские кафедры в Великой России. Петр так и сделал; а что выбор людей как везде, так и тут был хорош, был петровский выбор, доказательством служат имена всем известные, имена Стефана Яворского, св. Димитрия Ростовского, Филофея Лещинского, Феофана Прокоповича, Феофилакта Лопатинского.

Осенью 1700 года умер патриарх Адриан, и преемника ему не было. Рязанский митрополит Стефан Яворский назначен был только экзархом св. патриаршего престола, блюстителем и администратором, что показывало меру временную, переходную; можно было считать ее приготовлением к уничтожению патриаршества; можно было ждать также, что патриарх будет, когда царь найдет способного человека, и действительно, трудно сказать, был ли в это время уже решен Петром вопрос об уничтожении патриаршества. Можно рассуждать так: если

бы Петр хотел сохранить патриаршество, то что ему мешало остановить выбор на том же Стефане Яворском или какомнибудь другом архиерее из ученых малороссиян? Первая потребность была в распространении образования между духовенством, в надзоре за главной школой московской, академией; патриарх из великороссиян не был способен к этому по неимению школьного образования; но патриарх из малороссиян удовлетворял этой главной потребности. Но мы должны перенестись в то время, когда на малороссиян в Великой России смотрели как на чужих; занятие малороссиянами архиерейских кафедр возбудило сильное неудовольствие, разумеется, прежде всего между людьми, которые сами надеялись занимать эти кафедры и были отстранены пришельцами; но эти недовольные были свои, и потому их неудовольствие легко заражало массу. Сильные следы этого неудовольствия у великороссийского духовенства на малороссийских архиереев мы находим даже 50 лет спустя, когда архиереи из великороссиян с ненавистью отзывались о своих предшественниках малороссиянах, об этих, по их словам, черкасишках никуда не годных, и от людей переносили свое нерасположение к делу, к школам, заведенным архиереями малороссиянами. Петр ввиду необходимости не счел позволительным уступить этому чувству, призвал малороссиян на архиерейские кафедры; но поставить патриарха из малороссиян было бы слишком. Притом, кроме неудовольствия своих, Петр должен был обращать внимание на внушения константинопольского патриарха не ставить в патриархи малороссиян как подозрительных в неправославии, и особенно Стефана Яворского. Таким образом, все соединилось для того, чтоб затруднить дело и заставить Петра отложить его.

За назначением Яворского блюстителем патриаршего престола немедленно последовали преобразования. Дело суда и управления церковными имуществами сосредоточено было в монастырском приказе, отданном в ведение светскому лицу, боярину Ивану Алексеевичу МусинуПушкину. Для прекращения жалоб на беспорядки монастырской жизни, на тунеядство и соблазнительное бродяжничество монахов и монахинь из одного монастыря в другой монахи и монахини были переписаны, и переход их из одного монастыря в другой запрещен, кроме важных законных причин. Стража стала у ворот монастырских: монах и монахиня не могли

выходить, кроме крайней необходимости, и то на короткое время; мирские люди могли входить только в церкви монастырские во время богослужения; жить в монастырях не могли; писать монахи и монахини могли только в трапезе, с позволения начальства, ибо оказывалось, что в кельях писались вовсе не душеспасительные вещи. Нельзя было никого вновь постричь без царского указа. Прежние монахи, говорил указ, содержали себя своими трудами и еще питали нищих; нынешние же нищих не питают, но сами чужие труды поедают, и потому монастырский приказ, где сосредоточивались доходы с монастырских имений, выдавал монахам на содержание известное количество денег и хлеба, остальное должно было идти на пропитание нищих, в богадельни и в бедные монастыри, у которых не было вотчин. На монастырские доходы был построен в 1707 году в Москве за Яузой госпиталь, который служил вместе и медицинской школой, в заведовании доктора иностранца Бидлоо и русского лекаря Рыбкина. Через пять лет Бидлоо хвалился, что в госпитале вылечено более тысячи больных, хвалился и быстрыми успехами своих русских учеников, которые в количестве 33 человек ежедневно имели дело со 100, а иногда и 200 больными. Москва очень нуждалась в медицине; по указу Петра за 1703 год подана была священниками первая ведомость о числе родившихся и умерших; оказалось, что число смертных случаев с лишком 2000 превышало число рождений.

Деньги из монастырского приказа, т. е. собираемые с монастырских имений, шли также на печатание книг и на школы для духовенства, которые должны были заводиться и в других епархиях, кроме московской. Указ 1708 года запрещал посвящать в священники и дьяконы, принимать в подьячие и никуда священнослужительских детей, которые не хотят учиться в школах. Разумеется, этот указ мог служить только побуждением к начатию школьного дела. «Что человека вразумляет, как не учение?» – писал св. Димитрий Ростовский. Он имел печальную возможность доказывать справедливость своих слов примером священников, каких он нашел в своей епархии и какие, разумеется, были во всех других епархиях: священнические сыновья приходили к нему ставиться на отцовские места: митрополит спрашивал их, давно ли причащались, и получал в ответ, что и не помнят, когда причащались. Св. Димитрий завел школу при своем доме; но сам должен был исполнять должность учителя, ибо

где же было взять хороших учителей? При таком состоянии духовенства, разумеется, расколу было легко расширяться. «С трудом, – говорит св. Димитрий, – можно было найти истинного сына церкви: почти в каждом городе изобретается особая вера, простые мужики и бабы догматизируют и учат о вере». Такое положение церкви заставило св. Димитрия не ограничиваться устной проповедью, но вооружиться против раскольников особой книгой, знаменитым «Розыском о раскольниковой вере». И люди, не принадлежавшие к расколу, обривши бороды по указу, сомневались в своем спасении, думая, что потеряли образ божий и подобие; священники не умели их успокоить, они обратились к митрополиту, и тот должен был писать рассуждение «Об образе божии и подобии в человеке».

Относительно школ для духовенства, разумеется, надобно было ограничиваться самым существенным, во-первых, потому, что учителей не было: новгородский митрополит Иов завел было в своей школе преподавание греческого языка, но скоро учителей взяли в Москву. С другой стороны, не было денег. Тобольский митрополит Филофей Лещинский писал, что надобно в его школе ввести преподавание латинского языка и принуждать учиться детей всякого звания. Петр велел ему ответить, что он должен обратить особенное внимание на преподавание славянского языка и того, что необходимо знать священнику и дьякону, катехизиса православной веры, чтоб могли учить мирских людей.

Из деятельности Димитрия Ростовского можно видеть, какую пользу приносили русской церкви архиереи из ученых малороссиян, вызванных Петром для распространения образования в духовенстве. Ученый ростовский митрополит, завещавший постлать свой гроб черновыми бумагами своих сочинений, отличался не одною ученостью: церковь причла его к лику святых. Но в лике святых Димитрий не один из числа современных Петру архипастырей и сотрудников его. Церковь прославила также епископа воронежского Митрофана, знаменитого не школьною ученостью, но святостью жизни и усердным радением о благе России, России преобразовывавшейся. Митрофан прославлял намерение Петра относительно заведения флота и убеждал народ всеми силами помогать своему царю в великом деле. Но одними словами воронежский епископ не ограничивался: он привез

Петру последние оставшиеся в архиерейской казне 6000 рублей на войну против неверных и постоянно потом отсылал накопившиеся у него деньги к государю или в адмиралтейское казначейство с надписью: «на ратных». Петр горько оплакивал кончину святого старца и, разумеется, не раз потом должен был вспомнить о воронежском епископе, когда слышал о неудовольствиях и жалобах на тяжкий труд, лишения, пожертвования, наложенные на русских людей трудным делом преобразования. Некоторые архиереи не могли переносить ограничения своих доходов вследствие учреждения монастырского приказа; они не хотели понять, что если бы они более или менее подражали Митрофану Воронежскому и Димитрию Ростовскому, то не было бы монастырского приказа и ненавистный им начальник этого приказа МусинПушкин не нападал бы, по их выражению, на церкви божии. «Какое мое архиерейство, что мое у меня отнимают? Как хотят другие архиереи, а я за свое умру, а не отдам, шведы бьют, а все за наши слезы», – говорил нижегородский митрополит Исая. Такие выходки со стороны пастырей, разумеется, должны были действовать на мирян, которые также вопили против тяжелых поборов людьми и деньгами, против того, что не знают покоя от сильных движений преобразования, от этих новизн, от этих беспрестанных новых требований правительства. До нас дошли заявления этих неудовольствий; историк не может отвергнуть их, историк должен был бы предположить их, если б даже его источники и ничего о них не говорили. Неудовольствие было и выражалось иногда резкими словами; преобразователя называли антихристом, царем ненастоящим, подмененным или при самом рождении, или во время заграничного путешествия; но собственно в Великой России далее слов не шло. То была страна земских людей, тех сильных людей, которые в начале XVII века выдержали смуту и низложили ее и которые теперь, в начале XVIII века, выдерживали тяжести преобразования. Здесь неудовольствие не могло обнаружиться на деле, восстанием против правительства сильного, разумного, благонамеренного, народного, в смысле охранения высших народных интересов, а не долгополых кафтанов. Здесь неудовольствие не могло обнаружиться восстанием против правительства, умевшего извлечь лучшие силы из народа и сосредоточить их около себя, около преобразователя: следовательно, на стороне преобразования были

лучшие, сильнейшие нравственно люди; отсюда то сильное, всеобъемлющее движение, которое увлекало одних и не давало укореняться враждебным замыслам других; машина была на всем ходу; можно было кричать, жаловаться, браниться, но остановить машину было нельзя. И вот в Москве, около Москвы, во всей Великой России спокойно, несмотря на то, что царь редко живет в Москве; царя нет повидимому, но чувствуется всюду присутствие нравственной силы, нравственного величия. Неудовольствие обнаруживается на деле, восстаниями только на окраинах, в степях. В то время, как Россия устремилась за новой жизнью к западному морю, степь, оттягивавшая столько веков Россию к Азии, степь подала протест. Степь, казаки — одно прибежище, одна надежда для недовольных, которых покой был нарушен тряской, разнообразием нововводимой европейской жизни и которые хотели восстановить прежнее азиатское, степное однообразие.

В половине 1705 года, когда царь был с войском на Западе, восстание за старину вспыхнуло в самом отдаленном застепном углу, окруженном казаками, в Астрахани. Место было выбрано самое удобное, и выбрано оно было недовольными из разных городов; между заводчиками бунта встречаем и ярославца, и москвича, и симбирян, и нижегородцев; тут действуют раскольники, тут же действуют и стрельцы. В то время, когда преобразователь старался поднять и укрепить русского человека наукой и самостоятельным упражнением своих сил, поставить его прямо перед каждым явлением с способностью допрашивать каждое явление о его смысле, заводчики восстания в Астрахани спешили пользоваться младенческим доверием застепного русского народонаселения и поднимали его слухами, что будет запрещено русским людям жениться, а всех русских девиц выдадут за немцев. Восстание вспыхнуло. Зачинщики полагали главную надежду на казаков: с их помощью они думали усилить смуту и провести ее в сердце государства, до самой Москвы. Но зачинщики обманулись в своей надежде: бунт не пошел далее Красного и Черного Яра, потому что на Дону казаки остались в бездействии: здесь было много недовольных, но они не были еще готовы, были застигнуты врасплох приглашением астраханцев стать вместе с ними за «брадобритие»; главное, у них не было вождя. Астраханские зачинщики сделали большую ошибку, не снесшись предварительно с недовольными на Дону, сделали большую ошибку, отправив

возмутительные письма прямо в Черкасск к правительству донскому, тогда как атаманы и старые казаки никогда не начинали восстаний, бунты вспыхивали не в Черкасске, а в дальних казачьих городках, наполненных недавними беглецами, так называемую голытьбою, искавшею случая побуйствовать и добыть себе зипун, по казацкому выражению. Петр был в Москве, когда получил известие об астраханском бунте, и сначала сильно встревожился, предполагая, что казаки пристанут к бунту. Какое важное значение придавал он событию, видно из того, что сейчас же отправил против Астрахани фельдмаршала Шереметева. Весть, что казаки не приняли участия в бунте, сильно обрадовала Петра, который приписал это счастливое обстоятельство особенной милости божией: «Господь, – писал он, – изволил не в конец гнев свой пролить и чудесным образом огонь огнем затушил, дабы мы могли видеть, что все не в человеческой, но в его воле». Астрахань одна не могла держаться, Шереметев взял ее – и волнение прекратилось.

Одна опасность прошла; но в 1708 году, когда Карл XII был в русских пределах, когда Петр должен был сосредоточить все свои силы для борьбы с Западом, с Европой, поднялась против него Азия: на восточной окраине вспыхнул башкирский бунт, и одновременно заволновались донские казаки, вспыхнул булавинский бунт. Мы уже упоминали, что распространение русских владений на Востоке, по Волге, Каме и за Уральскими горами было быстро, легко и собственно носит характер колонизации, а не завоевания. Но жившие здесь народцы, обложенные данью, неравнодушно сносили зависимость от России и возмущались при первом удобном случае в продолжение XVI и XVII веков. Особенно были опасны те из них, которые, будучи магометанами, смотрели на турецкого султана как на естественного главу своего и ждали от него избавления от ига христианского. Теперь был случай удобный: русский царь занят на Западе тяжелой борьбой; и нельзя допускать его до торжества в этой борьбе; этот царь сильнее всех прежних царей, он уже взял Азов у султана; победит своих врагов на Западе – Востоку, магометанству будет беда. И вот магометанство поднимается: уфимский башкирец, выдавая себя за султана башкирского и святого, ездит в Константинополь, в Крым, волнует горские народы Кавказа, волнует кочевников в степях подкавказских. Русские раскольники, переселившиеся в эти страны, пристали к

магометанскому пророку, который в начале 1708 года осадил русскую пограничную крепость на Тереке. Терский воевода отсиделся в осаде: подоспевшее из Астрахани войско разбило и взяло в плен пророка; но дело этим не кончилось: пророк уже успел переслаться со своими башкирцами, которые и поднялись все; к ним пристали и татары Казанского уезда; с лишком 300 сел и деревень и с лишком 12 000 людей погибло от этого бунта; но дикари не могли стоять против русских, хотя и небольших отрядов, которым и удалось сдержать башкирцев, не допустить их до соединения с донскими бунтовщиками.

Мы уже говорили об отношениях казаков к земским людям и государству, отношениях, враждебных изначала. Легко понять, что при Петре отношения эти должны измениться и измениться в пользу государства; преобразователь был рад службе донцов; но не хотел, чтоб государство слишком дорого платило за эту службу. Мы знаем, что он призвал свой народ к великому и тяжкому труду, и ничто не могло его так раздражить, как тунеядство, стремление избежать труда. Народонаселение и без того было мало, ничтожно сравнительно с пространством государственной области, а потребность в людях, в их труде, в их деньгах, приобретаемых трудом, и часть которых должна была идти на государственные нужды, – эта потребность увеличилась. Легко понять, что при таких условиях Петр не мог сочувствовать людям, которые бежали от труда, и людям, которые принимали беглецов и поставляли свое главное право в невыдаче их. Такое право приписывали себе казаки. «С Дону выдачи нет», – отвечали они постоянно государству на его требования выдачи. Петр не мог признать этого права. Землевладельцы жаловались, что они разоряются от побегов, платя за беглых всякие подати спуста, правительство берет с 20 дворов человека в солдаты, с десяти дворов – работника, а беглые крестьяне, живя в казачьих городах, службы не служат и податей не платят. Царь указом 1705 года велел свести казачьи городки, построенные не по указу, не на больших дорогах, и жителей их поселить по большим дорогам, и никаких беглецов не принимать, за укрывательство – вечная каторга, а главным заводчикам – смерть; всех пришлых людей, которые пришли после 1695 года, т. е. таких, которым не вышла десятилетняя давность, отослать в русские города, откуда кто пришел, потому что, говорит указ, работники, будучи наняты на казенные работы, забрали вперед большие деньги и,

не желая работать, бегали и бегают в эти казачьи городки. Указ не исполнялся, был повторен – и опять не исполнялся. Тогда в 1707 году Петр отправил на Дон полковника князя Юрия Долгорукого с отрядом войска для отыскания беглых и высылки их на прежние места жительства. Внезапно ночью на Долгорукого напали казаки и истребили весь отряд вместе с предводителем. Вождем казаков в этом деле был бахмутский атаман Кондратий Булавин. Другие казаки говорили Булавину: «Заколыхали вы всем государством: что вам делать, если придут войска из России, тогда и сами пропадете, и нам придется пропадать». «Не бойтесь, – отвечал Булавин, – начал я это дело не просто; был я в Астрахани, в Запорожье, на Тереке; астраханцы и терчане все мне присягу дали, что скоро придут к нам на помощь: пойдем по казачьим городкам, приворотим их к себе, потом пойдем дальше, наполнимся конями, оружием, платьем; пойдем на Азов и Таганрог, освободим ссылочных и каторжных, и с этими верными товарищами пойдем на Воронеж и потом до самой Москвы».

Таким образом, в Москву в одно время собирались два гостя: Карл XII с образцовым западноевропейским войском и Кондратий Булавин с ссыльными и каторжными. Булавин разослал призывные грамоты: «Атаманы-молодцы, дорожные охотники, вольные всяких чинов люди, воры и разбойники! Кто похочет с атаманом Кондратьем Афанасьевичем Булавиным, кто похочет с ним погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить да поесть, на добрых конях поездить, то приезжайте в горные вершины Самарские». Так против призыва Петра к великому и тяжелому труду, чтоб посредством него войти в европейскую жизнь, овладеть европейской наукой, цивилизацией, поднять родную страну, поднять родные народы, дать новых деятелей в историю человечества, – против этого призыва раздался призыв Булавина: «Кто хочет погулять, сладко попить да поесть, – приезжайте к нам!» И призыв Булавина отличался откровенностью, призывались прямо воры и разбойники. На Запорожье решили: позволить Булавину прибирать вольницу, а пойти с ним явно на великороссийские города тогда, когда он призовет к себе татар, черкес и калмыков. Характер явления высказывался ясно: поднималась степь, поднималась Азия, Скифия на великорусские города, против европейской России, которая, несмотря на все препятствия, создала из себя крепкое государство и теперь с

величайшим трудом, с страшным напряжением сил стремилась дать ему решительный европейский характер. Скифия была побеждена, несмотря на то, что Великая Россия, Москва, должна была воевать в то же время и с Западной Европой. Булавин, имевший сначала большой успех, провозглашенный атаманом всего Донского войска, после истребления прежнего атамана и старшины, в июле 1708 г. застрелился вследствие неудач своих под Азовом. Бунт не прекратился со смертью Булавина, ибо мы видели, интерес каких людей был затронут стремлением государства наложить свою руку на вольную реку Дон, запретить прием беглых; таких людей накопилось много. Бунт был усмирен только в ноябре истреблением и уходом товарищей Булавина; почти в один день Меншиков сжег Батурина, гнездо Мазепы, а князь Василий Владимирович Долгорукий сжег Решетову станицу, последнее убежище булавинских товарищей; через шесть месяцев была разорена Запорожская Сечь, и месяц с чемнибудь спустя прогремела Полтавская битва. Петр не пустил к Москве гостей, ни шведского короля с Мазепой, гетманом войска запорожского, ни Булавина, с его ворами и разбойниками.

Петр торжествовал в Москве неслыханные победы и не складывал рук, занимаясь делом внутренним и внешним, спеша кончить шведскую войну, чтоб, добившись заветной цели, не иметь более препятствий для внутренних преобразований. В Польше был прогнан король, посаженный Карлом XII, Станислав Лещинский, и восстановлен старый союзник Август II. Дания опять пристала к союзу. В июне 1710 г. взят Выборг, «крепкая подушка Петербургу», по выражению Петра; в июле сдалась Рига, и знаменитый прибыльщик Курбатов писал царю: «Торжествуй радостно, преславный обогатитель славянорусского народа»; в сентябре сдался Ревель, и Курбатов писал, что при заключении мира все эти приморские места надобно оставить за Россией. Но среди этих успехов Петр должен был испытать невыгоды успехов, невыгоды величия и славы. Полтавская победа вводила в систему европейских государств новое могущественное государство, и для Европы рождался вопрос первой важности: какое место займет это новое государство, в каких отношениях будет находиться к другим государствам; каким началам следовать в своей политике, чем руководствоваться в дружбе и вражде.

Одновременно с великой Северной войной на северо-востоке в Западной Европе шла великая война за наследство испанского престола, собственно направленная против властолюбивых стремлений Франции, ее короля Людовика XIV. Петр очень хорошо понимал выгоду этой западной войны для себя, ибо она не давала возможности важнейшим державам Европы вмешиваться в Северную войну, мешать России в ее деле, ибо он не мог рассчитывать на сочувствие этих держав к себе, особенно на сочувствие Франции; он прямо говорил, что надобно спешить с окончанием Северной войны прежде окончания западной. Но Полтавская победа, сокрушение сил Швеции, жалкое бегство в Турцию Карла XII, считавшегося до сих пор непобедимым, все это было так многозначительно, так громко, что не могло не взволновать Европы, несмотря на то, что она еще была занята войной за Испанию. Прежде всего, разумеется, дело коснулось Турции, единственного соседнего государства, которое могло помешать России в ее торжествах, отвлечь ее силы. Карл XII после Полтавы бежал в ее пределы и употреблял все старания поднять Порту против России, представляя, что если дать Петру пользоваться несчастьем Швеции, то от этого потерпит прежде всего Турция, которая поэтому обязана помочь Швеции, дать ей поправиться, дать ей возможность сдерживать властолюбивые замыслы России. Подобные же внушения и настаивания приходили в Константинополь и от другой европейской державы, которая была всегда в союзе с Портой, от Франции. Франция издавна стремилась играть первенствующую роль в Европе и особенно была близка к достижению своей цели во второй половине XVII века при Людовике XIV. Но сильный союз других держав, образовавшийся по поводу вопроса об испанском наследстве, остановил эти стремления французского короля. Тем более теперь, при неудаче дела, Франция должна была заботливо следить за европейскими отношениями, обратить особенное внимание на новую силу, явившуюся на континенте: что эта сила, будет ли дружественна Франции или умножит число врагов ее, будет помехой ее стремлениям? Франция должна была решить этот вопрос во втором смысле.

Россия – естественный враг Турции. Башкирец, который хочет взбунтовать своих против России, поднимает знамя магометанства и отправляется в Константинополь, где владычествует естественный

покровитель магометан; но во владениях этого покровителя магометанства много христиан, которые давно уже ждут избавления от единой верной и единоплеменной России, видят в ее царе естественного покровителя восточных христиан. России, которой сила так явственно высказалась под Полтавой, легко будет одолеть Турцию и тем нанести страшный ущерб французским интересам на Востоке, не говоря уже о том, что Турция издавна союзница Франции, что Турция необходима для Франции как средство для отвлечения сил Австрии. По одинаково враждебным отношениям к Турции Россия должна быть естественной союзницей Австрии, следовательно, должна быть враждебна Франции; сильная Россия, естественно, должна иметь преобладающее влияние в Польше, не допускать здесь французского влияния, и таким образом и с этой стороны будет охранять австрийские интересы. Сокрушение шведского могущества под Полтавой и появление России в виде первенствующей на Севере державы было тяжелым ударом для Франции; этот удар прибавился к поражениям войны за испанское наследство. Дать Карлу XII средства оправиться и сдержать Россию посредством вмешательства Турции было необходимо для Франции. Вследствие Полтавы и нового могущества России Восточный вопрос принимает новый вид: Турция для собственной безопасности должна поддержать Швецию и не допустить Россию утвердить свое влияние в Польше. Из трех соседних России государств, Швеции, Польши и Турции, делается цепь, которой западноевропейская политика будет с тех пор стараться сдерживать Россию, и Франция теперь при этом играет главную роль, начертывает программу действий против России. Напуганная Турция объявила войну России, с крайним огорчением Петр должен был отказаться от надежды скоро окончить шведскую войну, должен был остановить свои действия на севере и перенести оружие на юг, тратить время и силы на войну, в его глазах теперь бесцельную. Полтавский победитель должен был испытать немедленно же следствия своего торжества, своего нового значения, следствия того движения европейских интересов, какое было возбуждено Полтавой; должен был вести народ свой в борьбу, которой надобно было оплатить цивилизацию, взятую у Европы, участие в общей жизни Европы. Петру принадлежит почин в этой борьбе; его в начале борьбы ждала жестокая неудача; но мы знаем, что неудача есть проба гения; знаем, как великий человек умел выдерживать неудачи,

оставив пример, которому должен подражать народ, если хочет быть достойным своего вождя, если хочет быть великим народом.

Чтение одиннадцатое

25 февраля 1711 года в Москве, в Успенском соборе, в присутствии царя объявлено было народу о войне с турками. Мы уже говорили, как не нравилась Петру эта война; он находился в мрачном расположении духа, печальные предчувствия томили его; сюда присоединилась еще болезнь, застигшая его на дороге, в Луцке. В одном письме его от этого времени находим слова: «Нам предстоит безвестный и токмо единому богу ведомый путь». В другом читаем: «Что удобнее где, то чините, ибо мне так отдаленному и почитай во отчаянии существу, к тому ж от болезни чуть ожил, невозможно рассуждать». Положение было крайне затруднительное, не говоря уже о том, что царь отвлечен от Северной войны, которую спешил кончить выгодным миром до окончания западной войны за испанское наследство, вести две войны на севере и юге с такими небольшими средствами, какими тогда могла располагать Россия, и в то время, когда народ жаждал облегчения и отдыха, к чему Полтавская победа подавала такую большую надежду, – вести при таких условиях две войны было очень тяжело. Петр не мог сосредоточить большого войска на юге; надежда на помощь союзника, короля польского Августа, была плохая; одна надежда на успех состояла в поднятии христианского народонаселения Турции. Сербский полковник Милорадович отправлен был поднимать черногорцев и других славян и писал об успешном ходе дела; молдавский господарь Кантемир поддавался России. Но чтоб получить помощь от своих одноверцев и единоплеменников, чтоб предупредить турок, нужно было спешить вступлением во владения Порты; от турецких христиан получались беспрестанные просьбы, чтоб царь шел как можно скорее, господари молдавский и валахский писали, что как скоро русские войска вступят в их земли, то они сейчас же с ними соединятся, а это поднимет сербов и болгар.

Петр послал Шереметева к Дунаю – нельзя ли предупредить турок и разорить мост. Но турки предупредили, перешли Дунай. Предстоял вопрос: двигаться ли царю с главным войском вперед или оставаться? На военном совете было решено идти вперед, и Петр

пошел, тем более что Молдавия уже объявила себя за русских, и остановиться значило отдать ее в беззащитную жертву туркам. Следствием была встреча с турками у Прута (9 июля): у турок было 200 000 войска, а у русских только около 40 000. Несмотря на то, напавший неприятель был отбит с жестоким уроном. Но все же положение русского войска было отчаянное: оно было истомлено битвою и зноем, съестных припасов оставалось очень немного, помощи ниоткуда. Визирю предложены были мирные условия и богатые подарки. Визирь принял предложение, потому что сам находился в затруднительном положении: янычары, испуганные отчаянным сопротивлением русских, потерявши 7000 своих, отказались возобновить нападение и кричали, чтоб визирь скорее заключил мир; кроме того, получено было известие, что отправленный прежде царем отряд под начальством генерала Рённе взял Браилов.

Главные условия мира были: отдача туркам Азова, разорение Таганрога и других новопостроенных с русской стороны городов; невмешательство царя в польские дела. Русское войско, не знавшее, что делалось в турецком лагере, изумленное снисходительностью мирных условий, с великой радостью выступило из западни к своим границам. Но с каким чувством вел его царь? Он в письмах к своим утешал их, что хотя мир заключен и с большою потерей, но зато все же война кончилась на юге, и это даст возможность усиленно продолжать войну на севере и скоро кончить ее выгодным миром. Но при этом он проводил бессонные ночи, тем более, что долго не мог быть уверен, состоится ли мир с турками, ибо Карл XII, крымский хан, Франция, изменившие России казаки побуждали султана не мириться, особенно потому, что пункт о невмешательстве России в польские дела подавал повод к сильным спорам: Петр не мог разорвать союза с польским королем, не мог не проводить своих войск через польские владения. Турецкие министры прямо говорили английскому послу, что им не так важна отдача Азова, как то, чтоб царь не вступал в дела Польши, не вводил в нее своих войск, ибо если дать ему в том волю, то он легко сокрушит Швецию и потом не только может отобрать Азов, но через Польшу опять вступит внутрь турецких владений.

Петр не хотел возобновления войны с Турцией, хотя в письмах к своим признавался, что плакал, помышляя о необходимости отказаться от берегов Азовского моря, что как бы не своею рукою писал указ об

отдаче Азова и срытии Таганрога. «Но рассудить надлежит, – писал он, – что с двумя неприятелями такими не весьма ль отчаянно войну вести и упустить сию шведскую войну, которой конец уже близок является; сохрани боже, ежели б в обеих войнах пребывая, дождались французского мира (т. е. окончания войны за испанское наследство), то б везде потеряли; правда, зело скорбно, но лучше из двух зол легчайшее выбрать». Наконец мир с турками был заключен в 1713 году. Война, оконченная этим миром, имеет то значение в истории, что в ней Восточный вопрос впервые стал славянским вопросом: Петр спешил к Дунаю, чтоб помочь христианскому народонаселению Турции и взаимно получить от него помощь. Черногорцы поднялись, но, по отдаленности места их действий, не могли, разумеется, оказать помощи русскому войску. Известие о заключении мира при Пруте прекратило черногорскую войну. Терпя постоянно большой недостаток в деньгах при громадных издержках, Петр велел выдать Милорадовичу 500 червонных для раздачи его сподвижникам. В 1715 г. приехал в Россию черногорский владыка Даниил и получил 10 000 рублей, полное архиерейское облачение, книги; начальные черногорцы получили 160 медалей на 1000 червонных. В царской грамоте говорилось, что эти награды не по достоинству, не по заслугам, но больше дать нельзя, потому что война с еретиком королем шведским поглощает все доходы.

С этих пор начинается прием славян и других христиан восточного исповедания в русскую службу. Так вступил в русскую службу Милорадович и сделан был гадяцким полковником в Малороссии; кроме него вступили в русскую службу другие сербские, молдаванские и валахские офицеры и рядовые, турецкие и австрийские подданные. Их разместили в Киевской и Азовской губерниях, полковникам дано по местечку или по знатному селу, прочим офицерам по несколько дворов, на хозяйственное обзаведение даны деньги и хлеб; им дано право перезывать к себе еще людей своих народов и обещаны другие земли. Петр так сознавал важность связи своего народа с народами соплеменными, что счел своею обязанностью делиться с ними последним куском, как говорится. Сербский архиепископ Моисей Петрович приехал в Россию и привез от своего народа просьбу, в которой сербы, величая Петра новым Птоломеем, умоляли прислать двоих учителей латинского и

славянского языков, также книг церковных: «Будь нам второй апостол, просвети и нас, как просветил своих людей, да не скажут враги наши: «Где их бог?» Петр велел отправить богослужебных книг на 20 церквей, 400 букварей, 100 грамматик. Отправлены были и учителя с большим по тогдашнему времени жалованьем, отправлены были русские учителя, когда сама Россия имела их так мало.

Но если Петр считал своей обязанностью помогать и отдаленным соплеменникам, то понятно, что не мог не обратить внимания на горькую судьбу русских людей, которые за свою русскую народность, за свою русскую веру терпели притеснения в соседнем государстве, хотя и славянском, но католическом. Петр был в союзе с польским королем Августом II. Август изменил союзу, когда, несмотря на Калишскую победу, тайком от царя заключил мир с Карлом XII и отказался от польского престола. Несмотря на то, после Полтавы Петр восстановил его на польском престоле. Казалось, можно бы ожидать благодарности; но на благодарность в политике нельзя рассчитывать. Август был немецкий государь, саксонский курфюрст, который смотрел на Польшу как на средство усиления для своего дома. Смотрел и на русского царя как на орудие для этого усиления. Но как скоро оказалось, что Петру никак уже не приходится служить орудием в руках какого-нибудь Августа; как скоро оказалось, что могущественная Россия и ее великий царь никак не позволят саксонскому курфюрсту усиливаться на счет Польши, так тесно связанной с восточной Россией роковой связью России западной; как скоро оказалось, что Петр, завоевавший Ливонию без помощи Августа, не отдаст ее ему, то Август счел полезным для себя отстать от России, сблизиться с враждебными ей державами, с Францией, Турцией, показать им, что он вовсе не союзник русского царя, готов сделаться врагом его, и потому согласно с их интересом поддерживать его на польском престоле; а между тем, под шумок, пока еще Петр занят шведской войной, Август хотел достигнуть своей цели в Польше, подчинив себе Речь Посполитую посредством саксонского войска. Два года сряду – 1713 и 1714 – был в Польше большой неурожай, а между тем голодная страна должна была содержать саксонское войско, которого король не выводил, несмотря на все просьбы поляков, несмотря на требования России. Поляки на сеймиках кричали, что их вольность уже кончается, что им остается одно

спасение – просить обороны у российского орла. Наконец восстание вспыхнуло: образовалась конфедерация, и конфедераты начали биться с саксонцами. Литовский гетман Потей обратился к Петру с вопросом: что ему делать? В Польше конфедерация, которая требует, чтоб и Литва соединилась с нею: одно средство успокоить страну – это защита и посредничество царского величества. Петр отвечал: «Пусть будет прислано ко мне прошение от всей Речи Посполитой, и тогда я вступлю в посредничество для ее облегчения и примирения с королем». В марте 1716 года приехали к Петру послы конфедерации с просьбой вступить в дело; король волеюневолею должен был согласиться на посредничество русского государя. Это новое положение России относительно Польши возбудило сильное движение в соседних державах: и Австрия, и Пруссия стали хлопотать, чтоб поляки приняли и их посредничество; но дело обошлось и без них: благодаря движению русских войск, саксонские войска в 14 дней должны были очистить Польшу.

Но, избавив поляков от саксонцев, Петр должен был избавить православных жителей западной России от польских притеснений. В XVI и XVII веках религиозное гонение, поднятое на русское народонаселение в польских областях, повело к сильному движению среди него, физическому и нравственному, вследствие чего значительная часть русских земель отторгнулась от Польши и присоединилась к России восточной, или Великой. Это событие еще более раздражило поляков, заставило их хлопотать о том, как бы уменьшить во владениях Речи Посполитой число русских, как бы заставить их ополячиваться, т. е. обращаться в католицизм или сначала в унию. Хотели таким образом уменьшить число людей, которые тянулись к России, ждали от нее помощи и покровительства: особенно старались окатоличить, ополячить как можно скорее православную шляхту, ибо шляхтич как член сейма был членом правительства, а на сеймах боялись людей, которые могли бы поддерживать русские интересы, русские требования. Отсюда после окончания борьбы у Польши с Россией Андрусовским перемирием, а потом и Вечным московским миром гонение на православных в Польше, отнятие архиерейских кафедр у православных и отдача их униатам не ослабевают, но усиливаются. Православные обращаются с жалобами к

русскому правительству, и Петр для прекращения этих жалоб решается употребить сильные меры.

В 1722 году приезжает в Москву белорусский епископ Сильвестр, князь Четвертинский, представляет длинный список обид и притеснений, какие терпит православное духовенство от католиков, показывает знаки ран, полученных им самим за то, что вступался за своих священников, палками обращаемых в унию. Петр написал королю, что единственное средство прекратить жалобы православных – это составить комиссию для исследования обид и получения за них удовлетворения. Но эту комиссию нельзя составить из одних поляков-католиков, в ней непременно должен быть русский и царский подданный. «Если же паче чаяния, – писал Петр королю, – удовлетворения не воспоследует, то мы будем принуждены сами искать себе удовлетворения». Не дожидаясь ответа, Петр уже назначил своего комиссара, переводчика при русском посольстве в Варшаве, западнорусского же уроженца Рудаковского, которому немедленно же велел ехать в Могилев, осведомиться подлинно обо всех обидах людям греческого исповедания, приготовить все доказательства для комиссии и стараться, чтоб впредь не было гонения на православных. Протестанты в польских владениях также обратились к Петру с просьбой о покровительстве; видя это, прусский двор спешил также присоединиться к делу, обратился к русскому государю с просьбой заступиться за евангеликов, гонимых в Польше. Так поднимался знаменитый диссидентский вопрос, который ровно через 50 лет после описываемых событий, в 1772 году, решил первым разделом Польши, когда знаменитая собирательница русских земель Екатерина II присоединением Белоруссии отпраздновала столетний юбилей Петра I. Рудаковский писал Петру, что епископ белорусский все доносил справедливо о гонениях на церковь восточную, разве что еще забыл написать. Комиссар начал свою деятельность: по жалобе пинских монахов на захват православных монастырей и церквей в унию поведено было дело в суде и состоялся приговор о возвращении отнятых монастырей и церквей православных. Рудаковский с мужеством привел в исполнение королевский декрет об этом возвращении. Тщетно ксендзы и униаты вопили, как бесноватые: «Нам беда! Нам грозит смерть! Лучше бы нам было видеть в этих церквях турок или жидов, чем проклятых схизматиков!» Ожесточение

вызывало ожесточение и с другой стороны: значительнейшие из русского духовенства в Белоруссии предлагали Рудаковскому поднять простой народ и перебить всех католиков и униатов, потому что, говорили они, простой народ весь пойдет за нами. Рудаковский отвечал им, чтоб позабыли и думать об этом и дожидались бы покровительства русского государя, который уже прислал его, Рудаковского, для защиты восточной церкви. Ненависть поляков к небывалому у них комиссару доказывала, что он был прислан не понапрасну. Польские министры требовали, чтоб Рудаковский был отозван, «ибо не помним, – писали они, – чтоб когдалибо прежде подобные комиссары жили в землях наших и вмешивались в дела духовные». Но комиссар не был отозван и продолжал свою деятельность. С другой стороны, Петр шел наперекор королю Августу в его стремлениях сделать Польшу наследственной в своей фамилии, удержать польское войско под начальством саксонского фельдмаршала, в замыслах разделить Польшу. Таким образом, союз, заключенный с целью сделать Россию орудием для выполнения саксонских замыслов, рушился, когда русский царь, не могший по своей природе служить орудием для чужих замыслов, оправдал опасение Паткуля, один усилился в Северной войне, ибо один без союзников сокрушил шведскую силу при Полтаве и не считал полезным для России усиливать Саксонию на счет Польши.

Также рушились и другие союзы. Овладев прибалтийскими областями, Петр для скорейшего окончания войны решился действовать против германских владений Швеции и с помощью датского флота произвести высадку и в самую Швецию. Он пригласил Данию, Ганновер, Пруссию участвовать в этой войне; они бросились на легкую добычу, на шведские владения в Германии, также на владения родственного и союзного Швеции Голштинского дома; но скоро Дания и Ганновер были напуганы внушениями о завоевательных замыслах русского царя относительно Германии. Внушения пошли от мекленбургского дворянства, которое было в ссоре с своим герцогом, а Петр держал сторону герцога, женатого на его племяннице, цесаревне Екатерине Ивановне. Дания и курфюрст ганноверский Георг, сделавшийся королем английским, сочли своею обязанностью мешать Петру в окончании Северной войны, в заключении выгодного мира с Швецией. Но Петр достиг своей цели и без союзников. В 1713 году

почти вся Финляндия была уже в русских руках. «Эта страна нам вовсе не нужна, – писал Петр, – но надобно занять ее для того, чтоб при мире было что уступить шведам». В 1714 году одержана была знаменитая морская Гангутская победа. Карл XII, возвратясь из Турции, нашел шведские дела в таком положении, что, по внушению министра своего, голштинца Герца, решился в 1718 году вступить в переговоры с Петром, сделать ему большие уступки, чтоб с его содействием вознаградить Швецию на счет других врагов ее. Аландский конгресс, на который с этой целью съехались русские и шведские уполномоченные, рушился вследствие смерти Карла XII. Сестра его УльрикаЭлеонора, ставшая королевой шведской, и вельможи, захватившие власть в свои руки, понадеялись на обещания английского короля Георга и решились продолжать войну с Россией. Английский флот действительно явился в Балтийское море, чтоб испугать Петра и сделать его уступчивее; но Петра испугать было нельзя: в глазах англичан русские высаживались на шведские берега и опустошали их. В Швеции наконец поняли, что никто не подаст им помощи против Петра, начали снова мирные переговоры, и 30 августа 1721 года в Ништадте заключен был мир, по которому с шведской стороны уступались царскому величеству и его преемникам в полное, неотрицаемое, вечное владение и собственность завоеванные царского величества оружием провинции: Лифляндия, Эстляндия, Ингрия, часть Карелии с дистриктом Выборгского лена, со всеми аппартиненциями и депенденциями, юрисдикцией, правами и доходами.

4 сентября в Петербурге сильное волнение: царь, отправившийся в Выборг, неожиданно возвращается из своей поездки, плывет и каждую минуту стреляет из трех пушек на своей бригантине; трубач трубит: что это значит?.. Наконец слышится радостное, желанное слово: «Мир!» Толпы собираются к Троицкой пристани; съезжается знать духовная и светская. Встреченный торжественными кликами, Петр едет в Троицкий собор к молебну. Приближенные знают, чем подарить его, просят принять чин адмирала. А между тем на Троицкой площади уже приготовлены кадки с вином и пивом для угощения народа, устроено возвышенное место. После молебна на это возвышенное место всходит царь и говорит окружающему народу: «Здравствуйте и благодарите бога, православные! Что толикою долговременную войну, которая продолжалась 21 год, всеильный бог

прекратил и даровал нам со Швецией счастливый вечный мир». Сказавши это, Петр берет ковш с вином и пьет за здоровье народа, который плачет и кричит: «Да здравствует государь!» 10го числа начался большой маскарад из 1000 масок и продолжался целую неделю. Сильная, свежая, вечно юная природа Петра, сказывавшаяся всегда, разумеется, сказала и тут: он веселился, как ребенок. Радость была общая; особенно радовались сотрудники, более других понимавшие в чем дело, более других потрудившиеся. Им представлялось то, что было 20 лет назад и что теперь, им представлялось то унижение, в котором была Россия после Нарвы, и то уважение, с которым расступились перед ней теперь европейские державы, чтоб дать ей почетное место среди себя. Они живо чувствовали, как в двадцать лет расширилась их умственная сфера, как они много узнали, как изменились вследствие того их понятия и взгляды; они чувствовали себя совершенно другими людьми, и на языке их невольно появлялись слова, что они перешли из небытия в бытие и что обязаны этим своему вождю, начальнику их компании. Они поднесли Петру титул Отца Отечества, Великого императора Всероссийского за то, что «его неусыпными трудами и руководством они из тьмы неведения на театр славы всего света и, тако рещи, из небытия в бытие произведены и в общество политических народов присовокуплены». Петр отвечал им простыми словами, ибо простота всегдашняя спутница величия: «Желаю весьма народу российскому узнать истинное действие божие к пользе нашей в прошедшей войне и в заключении настоящего мира; должно всеми силами благодарить бога; но, надеясь на мир, не ослабевать в военном деле, дабы не иметь жребия монархии греческой; надлежит стараться о пользе общей, являемой богом нам очевидно внутри и вне, отчего народ получит облегчение». Петр и по окончании знаменитой войны остался верен представлению о ней как о школе; он писал: «Все ученики науки в семь лет оканчивают обыкновенно; но наша школа троекратное время (21 год) была, однако ж, слава богу, так хорошо окончилась, как лучше быть невозможно».

С 22 октября 1721 года, когда Петру поднесен был названный титул, Россия стала империей. До тех пор в Европе был один император, император Священной Римской империи; но в Европе давно уже толковали, что Петр стремился стать восточным римским

императором. Петр действительно стал императором, но не восточным римским, а всероссийским; ему не было никакого дела до Рима, и он отвергнул эту бессмысленную для России, для ее истории ветхость. Он трудился для России и с Россией, для нее и с ней он добыл императорский титул и не отлучил родной страны от собственной славы. Только в XIX веке остальная Европа покончила с трупом Римской империи, решила похоронить его; только в XIX веке вместо Римской явились империи Французская, Австрийская, Германская. Но Петр целым веком предупредил это явление, первый в своем титуле указал начало народности. Великая благодарность великому человеку за то, что он неразрывно связал имя свое и своих преемников с именем своего народа, с именем родной страны.

18 декабря новый император торжественно вступил в древнюю столицу царей и в Успенском соборе благодарил бога за мир, который дал России море и окончательно определил ее новые исторические пути. И в Москве началось празднество, маскарады, фейерверки, иллюминации, езда по улицам на морских судах, поставленных на сани. Но от этих праздников в честь мира обратимся ко внутренней деятельности Петра во время Северной войны и после ее.

Мы видели первых главных сотрудников Петра, видели, что самым видным лицом, первым министром в глазах иностранцев был боярин, адмирал Федор Алексеевич Головин, который заведовал иностранными делами. Здесь мы видим естественную в первое время неразвитость, т. е. отсутствие разделения занятий, несколько должностей сосредоточиваются в руках одного человека. Головин – и адмирал, и министр иностранных дел, он заведует Оружейной палатой и новоучрежденными школами. С течением времени, когда проницательный взгляд преобразователя открывал все более и более способных людей, происходит развитие, разделение занятий, различные должности передаются отдельным лицам. Петр лишился Головина в 1706 году и сильно горевал о потере «друга», ибо имел способность привязываться к достойным людям, как имел способность привязывать к себе достойных людей. По смерти Головина его должности уже разделяются: адмиралом становится Апраксин, заведование иностранными делами поручается Головкину с титулом канцлера; но еще Головин выдвинул из переводчиков посольского приказа даровитого Шафирова, который потом, при Головкине,

сделался вице-канцлером. Быстро выдвигается и чрезвычайно даровитый Ягужинский, которого мы видим при разных дворах с важными дипломатическими поручениями; мы уже упомянули, как благодаря правилу Петра учить своих на практике на дипломатическом поприще понятливые ученики сделались скоро мастерами. Двое Долгоруких, Григорий Федорович и Василий Лукич, Матвеев, кн. Куракин, Петр Андреевич Толстой усердно помогали Петру в дипломатической борьбе с Европой от Лондона до Константинополя; в хорошей школе не может быть недостатка в подростках; и эти подростки обозначились и окрепли при Петре; они, по завещанию Петра, имея постоянно в уме и на языке имя великого преобразователя, вели русскую политику чрез первую половину XVIII века и передали ее в достойные руки, руки Екатерины II. Эти подростки обозначились в двоих братьях Бестужевых, уже занимавших при Петре очень значительные дипломатические посты; обозначился и знаменитый иностранец, который в печальные для русской народности времена внутри России искусно поддерживал русские интересы в Европе, — обозначился знаменитый Остерман. Однажды на корабле, где находился государь, произошла драка между царским денщиком и молодым немцем, ведшим дневник у вицеадмирала: немец прямо пришел к царю с жалобой и просьбой о сатисфакции; Петр сатисфакции ему не дал, сказавши: «Пьяное дело!» Но наружность немца остановила его внимание; по своему обычаю он поднял у него со лба волосы, посмотрел в глаза и взял к себе для иностранной переписки. Немца звали Остерманом, он вел переговоры и заключил Ништадтский мир.

Сохранились рассказы современников о том, как поддерживалась школа, воспитывались подростки, выбирались люди. Молодые дворяне, посланные учиться за границу, возвратились — и сейчас к государю на экзамен зимой в 6 часов утра: Петр со свечой в руках ползал по карте, расспрашивал их, остался доволен. Один из возвратившихся изза границы, известный Неплюев, был определен Петром в смотрители над постройкой галер, должность, в которой он почти ежедневно видал государя, Петр заметил, что в малом будет путь, и начальствующие лица начали воспитывать молодого офицера, учить его, как служить и как сохранить расположение царя: «Будь исправен, будь проворен и говори правду; сохрани тебя боже солгать,

хотя бы что и худо было: он больше рассердится, если солжешь». Скоро Неплюев подвергся экзамену в этом искусстве. Однажды он пришел на работу, а Петр уже тут: Неплюев сильно перепугался, и первой мыслью было бежать домой и сказаться больным; но потом вспомнились наставления и он пошел к тому месту, где находился государь. «А я уже, мой друг, здесь!» – сказал ему Петр. – «Виноват, государь, – отвечал Неплюев, – вчера я был в гостях, долго засиделся, оттого и опоздал». – «Спасибо, что говоришь правду, – сказал Петр, – бог простит! Кто бабе не внук». После того Неплюев получил место резидента в Константинополе таким образом, который показывает всю простоту отношений Петра к своим приближенным: у государя был обед для всей знати, также для офицеров гвардейских и морских, почему был приглашен и Неплюев. Отобедав с товарищами прежде, он встал изза стола и отправился в ту сторону, где государь сидел еще за столом и вел такой разговор с Головкиным и Апраксиным: «Надобен мне человек, который бы знал итальянский язык, для посылки в Константинополь резидентом». Головкин отвечал, что такого не знает. «А я знаю, – сказал Федор Матвеевич Апраксин, – очень дельный человек, да та беда, что очень беден». – «Бедность не беда, – отвечал Петр, – этому помочь можно скоро; но кто это такой?» – «Да вот он за тобой стоит», – сказал Апраксин. – «За мной стоит много», – возразил Петр. – «Да твой хваленый, что у галерного строения», – отвечал Апраксин. Петр оборотился, взглянул на Неплюева и сказал: «Это правда, Федор Матвеевич, что он хорош, да мне бы хотелось его у себя иметь». Но потом, подумавши, государь приказал назначить Неплюева резидентом в Константинополь.

Способных людей было набрано много; но цель преобразователя состояла в том, чтоб приучить этих способных людей к деятельности сообща, в которой бы они развивали силы друг друга и сдерживали друг друга. У нас часто говорят о дубинке Петра Великого, даже иногда слышится желание, чтобы она снова явилась с своею, будто бы очень полезной деятельностью. При воспитании человека в детском возрасте допускаются известные внушения, наказания, телесные наказания; но в более зрелом возрасте подобные воспитательные средства не допускаются, да и с самого начала опытные воспитатели стараются развивать в воспитанниках высшие, нравственные побуждения к добру. Петр употреблял дубинку для взрослых детей, но

в то же время целая система учреждений, имевших воспитательное значение для народа, показывает, что преобразователь употреблял другие, более действительные средства к тому, чтоб вывести русских людей из детского возраста относительно общественной жизни и упразднить внешние, детские побуждения, упразднить дубинку. И мы думаем, что воспоминание об этих учреждениях и о борьбе, которую изза них выдерживал преобразователь, будет гораздо питательнее для общества, чем воспоминание о дубинке.

Мы видели, что Петр учредил Сенат, который облек большой властью. Воспитание этого высшего правительственного учреждения, разумеется, было главной заботой Петра. «Теперь все у вас в руках», – говорил он сенаторам и этими словами напоминал им о важности их значения и соединенных с нею обязанностях и ответственности. Люди собрались для общего дела, и первое сильное искушение – потратить время в слишком долгих рассуждениях о деле и в разговорах не о деле: Петр требует от сенаторов, чтоб они не теряли времени, «понеже пропущение времени смерти невозвратной подобно. Никому в Сенате не позволяется разговоры иметь о посторонних делах, которые не касаются службы, тем менее заниматься бездельными разговорами или шутками, а главное – сенаторы должны иметь в памяти должность свою и царские указы; и дел до завтра не откладывать; как может государство быть управляемо, когда указы не будут действительны? Презрение указов равно измене и еще хуже ее, ибо, заслышав об измене, всяк остережется, а этого зла никто вскоре не почувствует, но малопомалу все разорится... В управлении государством важнее всего хранение прав гражданских, понеже всуе законы писать, когда их не хранить, или ими играть в карты, прибирая масть к масти, чего нигде в свете так нет, как у нас было, а отчасти и еще есть и зело тщатся всякие мины чинить под фортецию правды». Для ослабления этого зла Петр в начале 1722 года учредил при Сенате должность генералпрокурора, которого он называл оком своим и стряпчим о делах государственных. Во всех низших местах должны были находиться прокуроры, надзор над которыми поручен генералпрокурору. Одна из главных забот Сената состояла в удовлетворении требованиям государства относительно людей, нужных для службы военной и гражданской; для облегчения Сената в этом деле учреждена была должность герольдмейстера, который имел

списки всем дворянам и детям их и по первому требованию представлял людей способных к той или другой должности.

Я употребил выражения: «служба военная и гражданская»; это разделение есть новость, появившаяся с Петра; древняя Россия представляла первобытное государство с резким признаком неразвитости: служба военная не была отделена от гражданской; при Петре явилось разделение должностей гражданских от военных, что и выразилось в знаменитой табели о рангах. Мы несколько раз упоминали о целой системе учреждений, имевших воспитательное значение для народа через приучение его к деятельности общества. Система эта приводилась в исполнение постепенно, и только к 1720 г. образовались для отдельных ведомств коллегии, заменившие прежние приказы. Коллегия состояла из президента, вице-президента, советников и ассессоров. Если и в Сенате, куда были выбраны самые способные люди, дело, по его новости, шло далеко не так, как бы желалось, то тем более нельзя было надеяться вначале большого успеха в коллегиях. Тяжело было приниматься за новое дело: ежеминутно вопросы, как делать? И кто будет отвечать на эти вопросы? В Сенат Петр решительно не допускал иностранцев, но в коллегии допускал. Президент необходимо был русский, но вице-президент мог быть иностранец; также из иностранцев был один советник, или ассессор, один секретарь. Спросят, зачем это? Неопытность русских требовала указания, как вести дело; способ ведения дел был новый, как, например, в берг и мануфактур-коллегии.

Петр велел отправить в Кенигсберг 30 или 40 человек молодых подьячих, но до их возвращения надобно было допустить иностранцев; по незнанию русского языка иностранцы должны были вести дела через переводчиков – неудобство страшное! Чтоб избавиться от этого неудобства, Петр велел своему резиденту в Вене пригласить из австрийских коллегий в русскую службу чиновников славянского происхождения, чехов, моравов, которые могли скорее немцев выучиться русскому языку; велел пригласить в службу при коллегиях шведских пленников, выучившихся порусски, а между тем при первой возможности старался отделаться от иностранцев при коллегиях: в 1722 году, сидя в Сенате, Петр велел президентам коллегий разобрать иноземцев коллежских чинов и указать тех, которые годны, а негодных отпустить. Легко понять, какое препятствие

все эти учреждения встречали в недостатке способных людей при общем малолюдстве; в 1722 году генералпрокурор жаловался, что еще 100 мест в управлении остаются незамещенными. Поручая герольдмейстеру готовить молодых дворян для гражданской службы, Петр, однако, внушал ему, чтоб он не слишком много пускал в гражданскую службу, иначе армия и флот истощатся; после этого внушения нельзя сказать, чтоб должность петровского герольдмейстера была легка. Высшие учреждения, коллегии еще какнибудь наполнялись людьми; но в областном управлении преобразователь вследствие недостатка людей должен был отказаться от любимых планов относительно коллегиальной формы и отделения суда от управления; его планы остались программой для будущего. Но Петр не хотел отказаться от другого воспитательного для народа средства, от выборов, которые он устроил повсюду в обширных размерах в гражданской и военной службе. Сверху выборы начинались с президентов коллегий, и сам Петр присутствовал при этих выборах, учил, как производить их правильно и беспристрастно: выбирал Сенат с участием генералитета, членов коллегий и 100 человек выборных из дворянства. В другие высшие чины Сенат избирал баллотировкой; в низшие назначал просто. Петр непременно хотел, чтоб выборы распространили жизнь, самостоятельное движение, общую деятельность и в областях. Как обыкновенно и везде бывает, право выбора явилось тяжелой обязанностью, от которой старались избавиться. Петр велел выбирать дворянам сборщиков податей, или земских комиссаров; дворяне начали вместо себя посылать на выборы приказчиков. Петр запретил это, предписал помещикам, а в поморских (северных) городах и в других подобных местах, где дворян нет, обывателям съезжаться к Новому году для выбора земского комиссара. Если на прежнего комиссара будут просьбы, то помещики или обыватели судят его по вине, штрафуют и по экзекуции доносят губернаторам и воеводам. Преобразователь отстаивал свои воспитательные средства, несмотря на страшные препятствия. Нам еще предстоит печальная обязанность рассказать о тех застарелых в русском общественном теле болезнях, которые вскрыл преобразователь и неумолимо и неумолимо преследовал. Борьба была тяжелая. «На душу Петру Алексеевичу, – рассказывают современники, – по временам находила такая черная туча, что он

запирался и никого не допускал к себе». Но труды и старания не пропали даром. Современники же Петра свидетельствуют, что они учились у него «благородному бесстрашию и правде». Значит, была хорошая школа, хороший учитель и хорошие ученики.

Чтение двенадцатое

В конце прошедшей беседы нашей я упомянул о внутренней ожесточенной борьбе, которую должен был вести преобразователь и которая, по выражению современников, наводила на него черные тучи, борьба не с стрельцами, не с казаками, не с башкирцами, не с вооруженной силой, которая прямо поднималась, прямо заявляла свои требования и с которой легко было бороться в борьбе открытой: борьба гораздо более тяжкая, более изнурительная шла с людьми, которых Петр призвал для новой, сильной и славной деятельности, и которые по своим способностям откликнулись на призыв, принесли помощь преобразователю, но которые не поняли главного смысла призыва, значения той помощи, какой особенно требовал от них Петр. Они принесли свое мужество для борьбы со внешними врагами, способность к тяжелому труду, способность быстро приобрести знание, искусство в том или другом деле, нужном для России; но многие не принесли другого высшего, гражданского мужества, не принесли способности отказаться от частной корысти для общего дела, способности отвыкнуть от жизни врознь, способности отвыкнуть от взгляда на службу государственную как на кормление, на подчиненных как на людей, обязанных кормить, на казну как на общее достояние в том смысле, что всякий, добравшийся до нее, имеет право ею пользоваться. Преобразователь твердил о государстве, заставлял присягать ему: твердил, что надобно стараться о пользе общей, ибо от этого старания народ получит облегчение; эти слова для многих были только словами, словами языка чуждого, непонятного. Борьба была тяжелая, тяжелее Северной войны; не мог преобразователь быть поощрен в ней Полтавой, не мог окончить ее Ништадским миром. Борьба не кончилась; но мы должны почтить труды первого учителя, благоговейно отнестись к его скорби о тяжелой борьбе с укоренившимися противообщественными привычками. Призывая народ к тяжкому труду, к лишениям и пожертвованиям, сберегая сам каждую копейку, Петр слышал общие глухие жалобы, что деньги, собираемые с народа, идут не на общее дело, а по частным карманам; что народу недостает одной из главных потребностей общественной

жизни – суда правого и скорого. Загремели указы, что государю известно умножение великих неправд и грабительств государственной казны, отчего многие всяких чинов люди, особенно крестьяне, приходят в разорение и бедность. Указы грозили смертной казнью плутам, которые стараются только о том, как бы подводить эти мины под всякое доброе дело и несытость свою наполнять. В указах были выставлены средства, какими обыкновенно подводились эти мины, вследствие чего никто не мог отговариваться: прежде это делалось, позволялось, я не знал, что это не хорошо, запрещено теперь. Но все указы писать, если их не исполнять; тех, которые в их неисполнении находили выгоду, было очень много; общество не выработало нравственных средств для наблюдения за этими людьми и для их сдерживания; государство должно было взять это на себя, действовать своими средствами, единственно для него доступными при бессилии общества, при беспомощности государства с этой стороны. Учредив Сенат и поручая ему прежде всего суд иметь нелицемерный, преследовать судей неправедных и ябедников, Петр велел ему выбрать оберфискала, человека умного и доброго, из какого бы чина ни было, который над всеми делами должен был тайно надсматривать и проведывать про неправый суд, про сбор казны и, узнавши про неправо дело, звать виновного пред Сенат, какого бы важного места преступник ни занимал. В ведении оберфискала должны быть провинциальные фискалы и фискалы при каждой отрасли управления. И здесь, как везде, Петр поступал по своему правилу: у Сената все в руках, пусть же он выбирает оберфискала, и выбор не стеснен, пусть выбирают из всех состояний, изо всего народа, лишь был бы человек умный и добрый; Сенат отвечал, если бы человек, получивший такую важную обязанность, оказался не умным и не добрым. Сенат не мог жаловаться, если оберфискал обвинял самих сенаторов и обвинял, по их мнению, несправедливо: сами они его выбрали из целого народа как человека умного и доброго. Фискалы начинают действовать, подают в Сенат свои доношения; сенаторы встречают их бранью, обзывают антихристами и плутами; на их доношения не обращается никакого внимания. Тогда фискалы обращаются к царю, вскрывают злоупотребления самих сенаторов. Особенной деятельностью становится знаменит оберфискал Нестеров. Издавна чрезвычайной разнузданностью отличались правители отдаленных областей, именно

Сибири; теперь фискал начал дело, по которому вскрылись злоупотребления сибирского губернатора, князя Гагарина, и Гагарин был казнен. Вскрылись злоупотребления по всем окраинам, в Астрахани и в новозавоеванном Ревеле; вскрылись повсюду и внутри государственной области мины, подводимые под добрые дела. Тяжелые минуты переживал Петр, когда, возвращаясь из заграничных походов в Россию, вместо отдохновения, т. е. спокойного труда по внутренним делам в кругу людей близких, доверенных, любимых, должен был испытывать сильное раздражение, получая известия о противозаконных поступках этих самых людей. Тяжелые минуты переживал Петр, когда он узнавал о незаконных поступках самого близкого к себе человека, того, кого он возвысил и обогатил больше всех, кто, следовательно, не имел уже ни в чьих глазах ни малейшего оправдания в своей алчности к обогащению: когда он узнавал о противозаконных поступках знаменитого Данилыча – Меншикова.

Меншиков, по своим способностям, бесспорно занимал первое место между сотрудниками Петра; особенно был он дорог преобразователю своей энергией, своей находчивостью в затруднительных обстоятельствах, исполнительностью там, где другие колебались, тратили время в рассуждениях и перебранках или посылали за указом. Но сила развивается, не встречая препятствий, и известно, что может позволить себе человек, сильный в обществе, которое не выработало сдержек для всякой силы. Необыкновенное и быстрое возвышение, любовь и доверие царя разнуздали Меншикова: он не знал пределов своим честолюбивым помыслам и своим захватам. Общество не выработало сдержек для сильного человека; он мог найти эти сдержки только в царе, и отсюда печальные столкновения Петра с человеком, которого он называл дитятей своего сердца. Первое столкновение произошло в 1711 году вследствие жалоб на поведение Меншикова в Польше во время прохода его с войском через эту страну. Петр проезжал через Польшу, отправляясь в турецкий поход, печальный и больной, и тутто к усилению печали и болезни узнал о злоупотреблениях своего любимца; он писал к Меншикову: «Зело прошу, чтоб вы такими малыми прибутками не потеряли своей славы и кредиту. Прошу вас не оскорбиться о том, ибо первая брань лучше последней; а мне будучи в таких печалях уже пришло до себя, и не буду жалеть никого». Светлейший князь позволил себе возразить, что

не велика важность, если какая безделица и взята у поляков. Петр отвечал: «Что ваша милость пишете о сих грабежах, что безделица, и то не есть безделица, ибо интерес тем теряется в озлоблении жителей». Петр указал своему любимцу и на другой страшный вред: от привычки к грабежу исчезла дисциплина в русском войске и надобно было восстанавливать ее строгостями. Первая брань, к несчастью, не была последней. Она, как видно, переменяла уже взгляд Петра на Меншикова, царь был осторожнее, внимательнее относительно его: возвратясь из Прутского похода, во время которого Меншиков оставался в Петербурге в звании губернатора, Петр нашел злоупотребления и, отправляя потом Меншикова против шведов в Померанию, говорил ему: «Ты мне представляешь плутов честными людьми, а честных людей плутами. Говорю тебе последний раз: перемени поведение, если не хочешь большой беды. Теперь ты дойдешь в Померанию, не мечтай, что ты будешь там вести себя, как в Польше; ты мне ответишь головой при малейшей жалобе на тебя». Меншиков не ответил головой за Померанию; но злоупотребления его по внутреннему управлению вскрывались все более и более, и прежние дружеские отношения между ним и царем исчезли навсегда; прежний шутливый, свободный, товарищеский тон писем Данилыча сменился униженным тоном провинившегося подданного пред грозным государем. Меншиков должен был выплатить огромный начет.

Но делом Меншикова не ограничивались скорбные для Петра дела, выказывавшие такое неудовлетворительное состояние народной нравственности. Один из самых даровитых и видных сотрудников преобразователя, вице-канцлер и сенатор Шафиров был осужден на смерть, снят с плахи и сослан в ссылку за то, что в Сенате позволил себе неприличные поступки, брань с товарищами и оберпрокурором, нарушение указов, старание, чтоб брату его было выдано лишнее жалованье. По поводу этого дела Петр опять высказался в указе, что подобное поведение хуже измены, потому что ведет к уничтожению всякой дисциплины в подчиненных, к разорению людей, к падению государства. Определены были наказания за нарушение приличия в присутственных местах, за неучливое обращение с челобитчиками. Знаменитый прибыльщик Курбатов обвинен был в злоупотреблениях и умер под судом; знаменитый фискал Нестеров, открывший столько

чужих злоупотреблений, сам попался в злоупотреблениях и был казнен смертью. Не перечисляем дел, ведшихся по злоупотреблениям других, менее известных лиц, или дел по менее значительным злоупотреблениям очень известных лиц. Эту тяжелую борьбу Петра с страшной болезнью взяточничества и казнокрадства очень хорошо характеризует следующий анекдот: историк не поручится, чтоб действительно был такой разговор между означенными в анекдоте лицами, но анекдот все же остается важен как выражение сознания современников о величине зла. Петр, слушая в Сенате дела о казнокрадстве, сильно рассердился и сказал генералпрокурору Ягужинскому: «Напиши указ, что если кто и настолько украдет, что можно купить веревку, то будет повешен». – «Государь, – отвечал Ягужинский, – неужели вы хотите остаться императором без служителей и подданных? Мы все воруют, с тем только различием, что один больше и приметнее, чем другой».

Ничто так не раздражает, не выводит из себя человека сильного, как сознание, что всякая сила бессильна против тупой силы закоренелого зла. Пример кровавой борьбы Петра со взяточничеством и казнокрадством, с неуважением к обязательной одинаково для всех силе закона показывает все затруднительное положение правительства, не встречающего пособия в обществе, когда правительство, самое сильное и благонамеренное, связано какоюнибудь неправильностью в общественном развитии, встречает около себя немой заговор, все повидимому слушается, преклоняется, трепещет, а на деле делается свое: наставления, угрозы, наказания пропадают даром. Для силы нет ничего тягостнее, как сознание бессилия, что никакими средствами нельзя ничего сделать, надобно ждать, предоставить времени лечению болезни. Понятно, что на Петра находили черные тучи; но самая черная туча нашла на него по семейному делу, по делу царевича Алексея.

Время, с которым мы имеем дело, есть время тяжелой борьбы, какая обыкновенно знаменует великие перевероты в жизни народов. Во время этих переверотов рушатся самые крепкие связи; борьба не ограничивается жизнью общественной, она проникает в заповедную внутренность домов, вносит вражду в семейства. Божественный основатель религии любви и мира объявил, что пришел не водворить мир на земле, но ввергнуть нож среди людей, внести разделение в

семьи, поднять сына на отца и дочь на мать. То же явление представляет нам и гражданская история. Неудивительно, что страшный переворот, который испытывала Россия в первую четверть XVIII века, внес разделение и вражду в семью преобразователя и повел к печальной судьбе, постигшей сына его, царевича Алексея. Мы ежедневно встречаемся с явлением, что дети не бывают умственно и нравственно похожи на родителей. Сильные столкновения часто происходят от этого и в частных семьях; но подобные столкновения в семьях владельческих ведут иногда к кровавым последствиям. Св. Константин Великий казнил сына своего Криспа. В XVIII веке прусский король Фридрих Вильгельм I едва не казнил сына, знаменитого впоследствии Фридриха II. В семьях владельческих несходство между отцом и сыном обуславливает несходство настоящего с будущим для многих людей, иногда для целого народа; особенно это несходство может быть обильно последствиями, грозить реакциями во времена сильных переворотов. Понятно, следовательно, почему в царствование Петра вопрос: сын и наследник преобразователя похожи ли на отца? был вопросом первой важности. Переворот, движение, при котором родился Петр, который не был начат, создан Петром, но к которому совершенно пришлась его огненная, не знающая покоя природа; переворот повредил его семейным отношениям в первом браке. Жена пришлась не по мужу; Петр испытал на себе ту невыгоду старого обычая, от которой хотел потом освободить своих подданных, назначив время для ознакомления между женихом и невестой. В древней России следствием такого отсутствия предварительного ознакомления было заключение жен в монастыри; то же случилось и с царицей Евдокией. Петр женился на Екатерине Алексеевне Скавронской, которая совершенно приходилась по нем, которая могла не отставать от мужа, а муж не умел ходить, а только бегать. Но от первого брака остался сын и наследник, царевич Алексей. Россия волнуется бурями преобразования, все истомлены и ждут пристать к тому или другому берегу; для всех одинаково важен и страшен вопрос, сын похож ли на отца? Царевич был умен; об этом свидетельствует сам Петр, который писал ему: «Бог разума тебя не лишил». Царевич был охотник приобретать познания, если это не стоило большого труда; был охотник читать и пользоваться прочитанным, признавал необходимость преобразования. Но мы знаем, что в России и до Петра

чувствовалась необходимость образования и преобразования: до Петра были люди, которые обратились за наукой к западным соседям, учили детей своих иностранным языкам, выписывая учителей из польских областей. Но это направление, обнаружившееся при Алексее, Феодоре и во время правления Софьи, явилось недостаточным для Петра: с учеными западнорусскими монахами, с учителями из польских шляхтичей, которые могли выучить по латыни и попольски и внушить интерес к спорам о хлебопоклонной ереси, с помощью одних этих людей нельзя было сделать Россию одной из главных держав Европы, побороть шведа, добиться моря, создать войско и флот, вскрыть естественные богатства России, развить промышленность и торговлю. Для этого нужны были другие люди, другие средства; для этого нужна была не одна школьная и кабинетная работа, для этого нужна была страшная напряженная деятельность, незнание покоя, для этого сам Петр идет в плотники, шкиперы и солдаты; для этого призывает всех русских людей забыть на время выгоды, удобства, покой и дружными усилиями вытянуть родную страну на новую, необходимую дорогу. Многим этот призыв показался тяжким, и тяжким он показался не раскольникам какимнибудь, ибо эти люди также изза своих убеждений готовы были на лишения и подвиги, этот призыв показался тяжким людям образованным, которые были вовсе не прочь попользоваться европейской цивилизацией для выгод и удобств житейских, но, чтоб эта цивилизация не так дорого стоила, пришла бы сама собой, без большого напряжения сил с их стороны. Представителем этих людей был царевич Алексей.

Он был тяжел на подъем, неспособен к напряженной деятельности, к сильному труду, чем отличался отец его; он был ленив физически и потому домосед, любивший узнавать любопытные вещи из книги, из разговора только. Сын по природе своей жаждал покоя и ненавидел все то, что требовало движения, выхода из привычного положения и окружения. Отец, которому по природе его были более всего противны домоседство и лежebокость, во имя настоящего и будущего России требовал от сына внимания к тем средствам, которые могли обеспечить России приобретенное ею могущество. Отец работал без усталости, видел уже, как зрели плоды им насажденного, но вместе чувствовал упадок физических сил и слышал зловещие голоса: «Умрет – и все погибнет с ним, Россия возвратится к прежнему

варварству». Эти зловещие голоса не могли бы смутить его, если б он оставлял по себе наследника, могшего продолжать его дело. Понятно, что Петр не мог позволить себе странного требования, чтоб сын его и наследник обладал всеми теми личными средствами, какими обладал он сам; но он считал совершенно законным для себя требование, чтоб сын и наследник имел охоту к продолжению его дела, имел убеждение в необходимости продолжать его; недостаток сильных способностей восполнялся относительной легкостью дела, ибо начальная, самая трудная его часть уже была совершена; дело было легко и потому, что преемнику приходилось работать в кругу хороших работников, приготовленных отцом. Для успеха при таких условиях нужна была только охота, сочувствие к делу. «Не трудов, но охоты желаю», – писал Петр сыну. Петр при своей работе в сонме сотрудииков недосчитывался одного – родного сына и наследника! При переключке русских людей, имевших право и обязанность непосредственно помогать преобразователю в его деле, царевич, наследник, один не откликнулся. Когда его звали на любимый отцовский праздник, на спуск корабля, Алексей говорил: «Лучше б мне на каторге быть или в лихорадке лежать, чем там быть». Отец требует от сына, чтоб тот переменял свою природу, – сын считает отца мучителем; только тогда и спокоен, когда находится вдали от отца, и вот в его сердце закрадывается страшная мысль, как было бы хорошо, если б навсегда освободиться от присутствия отца; как было бы хорошо, если б отец умер. Алексей кается в грешной мысли духовнику; духовник, имевший сильное влияние на духовного сына, отвечал: «Бог простит, мы и все того желаем».

Итак, все того же желают, все ненавидят отца, все сочувствуют сыну, который становится представителем, любимцем народа именно потому, что не похож на отца. Зачем же после того меняться, исполнять отцовские требования? Сын считает своей обязанностью удаляться от дел отцовских; отец считает своей обязанностью спасти будущее России, пожертвовав сыном: «Я, – пишет к нему Петр, – за свое отечество и за людей жизни не жалел и не жалею, то как могу тебя негодного пожалеть». Петр потребовал решительно, чтобы царевич или переменял свое поведение, или отрекся от престола; но простого отречения было мало, ибо его можно было выставить невольным и разрешить всякие клятвы, потому царевич должен был постричься.

Алексей бежит за границу, отдается под покровительство германского императора, призывает чуждого государя в судьи между собой и отцом. Алексея возвращают, и по его показаниям вскрывается обширное дело, в котором участвует и старица Елена (постриженная царица Евдокия) и сестра Петра, царица Марья, много людей духовных и светских, начиная с высших; вскрывается целый арсенал суеверий; опять пытки, казни и опалы. Алексей умер. Тайна его смерти не открыта историей; но открыта тайна отцовских страданий: «Страдаю, – говорил Петр, – а все за отечество, желая ему пользы; враги делают мне пакости демонские; труден разбор невинности моей тому, кому это дело неизвестно. Бог видит правду».

Все эти черные тучи, и преимущественно дело сына, расстраивали здоровье Петра, сокращали его жизнь. Но были и утешения, были успехи даже и в той тяжелой и, повидимому, бесплодной борьбе с закоренелым злом, со взяточничеством и казнокрадством. Внушения действовали; дела, на которые прежде смотрели так легко, считали обыкновенными и дозволенными, явились преступлениями. Человек, лежа на смертном одре, терзается совестью, боится предстать пред суд божий и посылает царю просьбу простить его за злоупотребления, которые он себе позволил при рекрутском наборе. В такой просьбе Петр именно мог видеть результат своих внушений, своего учения. Не могли не радовать Петра и успехи относительно материального благосостояния. Несмотря на все препятствия, неопытность в ведении дела и расход денег по частным карманам, государственные доходы увеличивались. Для устранения злоупотреблений при переписи дворов введена была подушная подать, шедшая на содержание постоянного войска. Крестьяне дворцовые, монастырские и помещичьи платили по 74 коп. с души, государственные 1,14 коп. и освобождались от всех прежних денежных и хлебных податей и подвод; купцы и цеховые платили по 1,20 коп. По расчету, сделанному в 1710 году, доходы простирались до 3 134 000 рублей; но в 1725 году их было 10 186 707 рублей. Заведена была ревизия; по первой ревизии 1722 года податного состояния оказалось 5 969 313 человек, в том числе 172 385 купечества; городов в империи было 340. В конце царствования число регулярного войска простиралось до 210 000, в том числе в гвардии 2616 человек. Флот состоял из 48 линейных кораблей и 787 галер и других судов.

Несмотря на огромные издержки по делам внутреннего преобразования, на долговременную тяжелую войну, на новые дипломатические издержки, государство пробавилось своими доходами и не сделало ни копейки долгу. Усиление торговли и промышленности должно было главным образом увеличить народное благосостояние и доходы государственные. Мы видели, что первым делом Петра было уничтожить жалобы торговых и промышленных людей на притеснения, давши им особое управление, основанное на коллегиальном и выборном начале, и мы видели, как с самого начала дело пошло дурно по неразвитости общества, по непривычке к общему действию, так что Петр должен был поручить Курбатову надзор над московскою ратушей и уничтожение злоупотреблений по ее управлению. После того как Курбатов был переведен вицегубернатором в Архангельск, Петр продолжал получать известия о беспорядках нового управления, известия, что купечество в Москве и городах само себе повредило и повреждает: богатые на бедных налагают несносные поборы, больше чем на себя, а иные себя и совершенно обходят; стремление избежать от платежа податей продолжалось: жили в защите и в закладе у разных людей будто бы за долги, а сами торговали, имели заводы; люди, имевшие достаточное состояние, помещались в богодельнях, выставляя бедность и болезни.

В это время страшного труда для тех, которые откликнулись на призыв царя, в работе пребывающего, лень других доходила до такой степени, что некоторые горожане, жившие своими домами, собирали милостыню; а иные, сковавшись, ходили будто тюремные сидельцы, чтоб собрать больше милостыни. «Чтоб собрать эту рассеянную храмину» купечества, по выражению Петра, он учредил в Петербурге Главный магистрат, имевший коллегиальное устройство и состоявший из членов петербургского городского магистрата; президентом царь назначил князя Трубецкого, вице-президентом – московского купца Исаева, переведши его из Риги, где он был инспектором тамошнего магистрата, ибо Петру нужен был в Риге свой русский человек. Главный магистрат должен был прежде всего устроить городские магистраты; он утверждал их членов, избранных горожанами, утверждал смертные приговоры, произносимые городскими магистратами; к нему переносились и гражданские дела недовольными их решением в городских магистратах. Горожане

разделены на три части, из которых две первых носят название гильдий; гильдии выбирают старшин, которые во всех гражданских советах должны помогать магистру; магистраты стараются размножить мануфактуры и мастерства, ленивых и гуляк понуждают к работе, заводят первоначальные школы, старых и дряхлых пристраивают в богадельни, блюдают за опекою сирот, за безопасностью городов от пожара, защищают граждан от обид посторонних людей. Магистраты исполняли эту обязанность, подавали списки обидам в Главный магистрат, тот препровождал их в Сенат. Из этих списков мы видим, что обиды были сильные и частые, иногда вопиющие. Несмотря на это, торговля усиливалась благодаря особенно приобретению морских берегов; в 1724 году к Петербургу уже пришло 240 иностранных кораблей; русские корабли являлись в иностранные порты; первыми русскими кораблехозяевами были Божениновы и Барсуков.

Торговлю сильно затрудняло плохое состояние путей сообщения в бедной стране с редко разбросанным на огромных пространствах народонаселением: осенью 1722 года голландский резидент ехал из Москвы в Петербург около пяти недель вследствие грязи и поломанных мостов. В древней России реки служили естественными и самыми удобными путями; новая Россия, взявшая у Западной Европы искусство и знание, должна была немедленно употребить это искусство и знание на соединение рек каналами. Смотри постоянно на Россию как на посредницу в торговом отношении между Европой и Азией, Петр уже давно задумал соединить Каспийское море с Балтийским, Астрахань с Петербургом, в 1706 году соединена была река Цна каналом с Тверцою; кроме того, Петр сильно хлопотал о Ладожском канале, необходимом для петербургской торговли: «Нужда челобитчик неотступный, – писал он в Сенат в 1718 году, – а Ладожский канал последняя главная нужда сего места (т. е. Петербурга)». Работы шли успешно благодаря знаменитому Минихусу, принятому в русскую службу; Петр уже мечтал, как поедет водой из Петербурга безостановочно до самой Москвы и сойдет здесь на берег Яузы, в Головинском саду. Мы упоминали, что Петр еще в начале преобразовательной деятельности, видя недостаток капиталов у русских людей, велел им соединять свои капиталы, торговать компаниями; в Голландии сильно обеспокоились этой мерой, понимая все ее значение для развития русской торговли; но голландский

резидент утешил своих соотечественников, написавши им, что указ останется в бумаге, ибо у русских нет никакой привычки к таким общим действиям.

Те же препятствия, какие существовали для торговли, – недостаток капиталов, непривычка к их соединению, вред, который, по беспристрастному свидетельству Посошкова, само купечество себе наносило неумением воспользоваться правами, полученными от Петра; вред, наносимый старинными отношениями между вооруженным сословием к невооруженному, причем первое считало себя вправе смотреть на членов последнего как на своих естественных работников и холопов, взяточничество, казнокрадство, плохое состояние путей сообщения и небезопасность их от разбойников – все эти препятствия, существовавшие для торговли, существовали в одинаковой степени и для мануфактурной промышленности. Несмотря на то, дело было начато, ведено неутомимо, и в конце царствования Петра число фабрик и заводов в России простиралось до 233. Неумение техническое и неумение соединять свои капиталы, разумеется, полагали главное препятствие в самом начале, почему Петр должен был начать дело, учреждать казенные фабрики и заводы. Но при этом с самого же начала он стал хлопотать о том, как бы поскорее передать эти фабрики и заводы в частные руки, с двоякой целью: освободить казну от издержек и побудить русских людей к мануфактурной деятельности, причем давались начинателям производства значительные денежные ссуды, льготы и работники через приписку населенных имений к фабрике или заводу. Вследствие этой передачи казенных заводов в частные руки при Петре некоторые, как, например, Демидовы, приобрели огромное состояние. Мы уже упоминали о начале горнозаводской промышленности при Петре, о заслугах Виниуса; к этому имени надобно присоединить еще два имени: Геннина и Татищева. Металлические заводы явились не в одной приуральской стране, но во многих других местностях благодаря стараниям Петра, «чтоб божие благословение под землю втуне не оставалось». Первая мысль о значении каменного угля для России принадлежит также Петру; но при видах на будущее топливо Петр распорядился о сохранении старого: ему принадлежат меры для сбережения старых лесов и для разведения новых. Вообще преобразователь обратил внимание на охранение и усиление промыслов, уже существовавших в

России и произведения которых составляли предмет заграничного отпуска: так, он распорядился усилением льняного и пенькового промысла «для всенародной пользы и прибыли крестьянам». Сюда относятся его хлопоты об улучшении кожевенного производства; кожевенные промышленники по несколько человек от каждого города должны были ехать в Москву на два года учиться лучшей выделке кож; в отдаленные губернии отправлены были иностранные мастера для этого обучения. В 1712 году велено было Сенату завести конские заводы в Казанской, Азовской и Киевской губерниях. При учреждении постоянного войска Петра тяготила необходимость выписывать изза границы сукно для обмундирования, и потому он завел суконные фабрики, для чего обратил внимание на улучшение овцеводства. В 1705 году Петр писал: «Сукны делают, и умножается сие дело зело изрядно, и плод дает бог изрядный, из которых и я сделал себе кафтан к празднику». В 1716 году послано было за границу нанимать овчаров и суконников. Разосланы были по областям правила, как содержать овец по шленскому обычаю, и Петр для понуждения следовать этим правилам указывал, что помещики, которые следуют правилам, продают шерсть по 2 рубля по 2 гривны и дороже, а те, которые содержат овец по старому обычаю, продают только по полтине и по 20 алтын пуд. Заведение флота требовало заведения парусных фабрик, и они были заведены в Москве в 1702 году. Москва вообще стала центром мануфактурной деятельности; здесь в конце царствования замечательна была полотняная фабрика Тамеса и компании; все работники были русские, были русские мастера, и Тамес надеялся, что они скоро заменят ему иностранцев; на фабрике было 150 станков и приготавливались все сорта полотна – от грубого до самого тонкого – прекрасные, по свидетельству иностранцев, скатерти и салфетки, тик, канифасы, цветные носовые платки. До Петра все потреблявшееся в России количество писчей бумаги привозилось изза границы; Петр завел свои фабрики, и в 1723 году во всех коллегиях и канцеляриях уже употреблялась бумага русского дела. Мануфактурное дело принялось, и в числе имен главных фабрикантов и заводчиков петровского времени мы встречаем почти все русские имена.

Вводились новые отрасли деятельности, а Россия страдала старым недостатком, отстранение которого не было в средствах преобразователя, – недостатком рабочих рук, да еще привычками,

сильными одинаково вверху и внизу и заставлявшими одних предпочитать труду легкое наживание денег грабежом казны, а других сковываться и ходить в виде колодников, лишь бы только не работать, – привычками, которые для своего оправдания вводили в народ гнусную, развращающую пословицу: «От трудов праведных не наживешь палат каменных». Недостаток в рабочих руках, экономическая неразвитость заставили древнюю Россию прикрепить крестьян к земле. Переворот, известный под именем петровых преобразований, был именно тот переворот, которого необходимым следствием должно было быть освобождение села чрез поднятие города. Экономическое развитие, просвещение и жизнь в среде цивилизованных народов – вот средства, которые были даны преобразователем для постепенного уврачевания старых зол Русской земли, а в том числе и зла крепостного состояния, постепенного уврачевания, и потому бессмысленно было бы требовать, чтоб то, что должно было быть только отдаленным следствием известной деятельности, появилось в самом начале этой деятельности. Видевшим конец дела предстоит обязанность почтить память начавшего, положившего основание. Всякий, кто внимательно взглянется в состояние России при Петре, посмеется более чем детской мысли, что Петр мог освободить крестьян; но Петр не мог равнодушно смотреть на злоупотребления, которые отягчали земледельческий труд. Средств к облегчению участи крестьян Петр искал и в улучшении экономического быта землевладельцев, в отнятии у них побуждений к угнетению крестьян. Так, учреждая майорат, он объяснил цель учреждения: «Разделением недвижимых имений наносится большой вред интересам государственным и падение самим фамилиям: если кто имел 1000 дворов и пять сыновей, то жил в изобилии; когда же по смерти его дети разделились, то им досталось только по 200 дворов; но так как они не желают жить хуже прежнего, то с бедных крестьян будет пять столов, а не один: таким образом, от этого разделения казне государственной вред, а крестьянам разорение». В 1719 году был издан указ смотреть, чтоб помещики не разоряли крестьян своих; разорителей отрешать от управления имениями, которые отдаются в управление родственникам. Петр не любил, чтоб указы оставались только на бумаге; в 1721 г. один помещик был сослан на 10 лет на каторгу за то, что прибил человека своего и тот от побоев умер. В 1721

году – указ, запрещающий розничную продажу крестьян и дворовых, детей от родителей; такой продажи, говорит указ, во всем свете не водится, и этими словами указывает уже на могущественное средство общественных улучшений: народ, живущий общей жизнью с другими образованными народами, не может допустить у себя таких явлений, которые эти народы признают не нравственными. Слабоумных помещиков, негодных ни в науку, ни в службу, могущих только мучить своих крестьян, велено по освидетельствовании в Сенате отстранять от управления имениями и не позволять им жениться. Запрещено прикрепление половников на Севере. По свидетельству крестьянина Посошкова, крестьяне больше всего терпели от пожаров вследствие тесноты жилищ и от разбойников вследствие неразвитости общественной жизни, непривычки к общему делу – доказательство, что нигде, ни наверху ни внизу, от древней России не осталось признаков силы того, что некоторым угодно называть общинным бытом: в иной деревне, говорит Посошков, много дворов, разбойников придет немного к крестьянину, станут его мучить, жечь, пожитки его на возы класть, соседи все слышат и видят, но из дворов своих не выйдут, и соседа от разбойников не выручат.

По мнению Посошкова, вредно для крестьян было еще то, что у них грамотных людей не было; по его мнению, не худо бы было крестьян и поневоле, чтоб детей своих учили грамоте. Но Сенат принужден был отказаться неволе к этому и горожан, потому что дети их в эти годы начинают заниматься торговлей и от приневоливания к учению может быть ущерб податям. Много было воплей и укрывательств и со стороны дворян; но Петр настоял на обязательности образования для них: дворянин, неграмотный и не изучивший арифметику и геометрию, объявлен был несовершеннолетним и потому не имел права жениться. Ученики, кончившие курс в московских школах, посылались учителями в области. Отсылка молодых людей за границу для науки продолжалась безостановочно. Специальные школы продолжали возникать вследствие сознания той или другой потребности. В начале 1724 года издан был указ об основании Академии. По плану Петра, это учреждение должно было соответствовать тогдашнему состоянию образования в России, должно было заключать в себе Академию наук и университет, педагогический институт и гимназию. Та же Академия

должна была заниматься и переводом книг. Мы уже видели, как это дело было важно и как оно занимало Петра; до самой кончины своей он продолжает обращать на него свое внимание, указывать на книги, которые должно было переводить, и учить, как переводить. Мы видели, как он учил не переводить слово в слово, что искажало склад русской речи и затемняло смысл, но, уразумевши этот смысл, передавать его читателю на понятном для него разговорном языке. Теперь он учит переводчиков не переводить книги во всей полноте, но переделывать, сокращать, отбрасывая ненужное: «Понеже, – писал Петр, – немцы обыкли многими рассказами негодными книги свои наполнять только для того, чтоб велики казались, чего ради и о хлебопашестве трактат выправить, вычерня негодное и для примеру посылаю, дабы по сему книги переложены были без лишних рассказов, которые время только тратят и у чтущих охоту отъемлют». Но познаний о России нельзя было взять из иностранных книг и перевести. Мы видели, что Петр поручил Поликарпову написать краткую русскую историю; но дело было крайне трудное при отсутствии всякого приготовления к нему; понятно, что Петр остался недоволен трудом Поликарпова и решился начать сначала, т. е. готовить материалы: он приказал из всех епархий и монастырей взять в Москву все рукописи, заключающие в себе исторические источники, списать их, а подлинники отослать в прежние места, откуда взяты. Точно так же нельзя было заимствовать у иностранцев и сведений о русской географии: Петр отправил учеников петербургских школ для сочинения ландкарт и два раза отправлял экспедиции для решения вопроса, сошлась ли Америка с Азией. Петр же начал собиранье естественных предметов, редкостей и древностей.

Враг всякой роскоши, обращая внимание только на одно полезное и необходимое, Петр не считал роскошью искусство, не жалел издержек на покупку произведений искусства и на вызов иностранных художников. В Петербурге «для общенародной во всяких художествах пользы, по обычаю государств европейских, учреждена была небольшая академия для правильного обучения иконному, живописному и прочим художествам».

Академия наук, на обязанности которой, между прочим, лежал и перевод необходимых книг, была еще только в проекте, и Петр за переводом необходимых книг обращался к духовенству. Мы видели

меры Петра относительно черного духовенства; с 1711 года начинаются заботы относительно белого. Здесь, кроме поднятия нравственности, нужно было позаботиться и о материальном благосостоянии людей, обязанных иметь семейство. Тогда как Россия страдала сильным недостатком в людях, в белом духовенстве было больше людей, чем дела: вознаграждение за дело поэтому делилось между слишком многими, отчего происходила бедность со всеми ее печальными последствиями для человека, обязанного кормить семейство. Это излишество людей в белом духовенстве поддерживалось также господствовавшим в древней России стремлением жить особняком. Каждый, скольконибудь достаточный человек, хотел иметь свою церковь, и это желание нельзя объяснить одним благочестием, потому что был обычай и в общие приходские церкви приносить свои образа и перед ними только молиться. Желание каждого, скольконибудь достаточного человека, иметь свою церковь объяснялось еще затворничеством женщин, которым было неловко ходить в общие церкви, и потому, не имея домовых церквей, они ходили в церковь редко или вовсе не ходили.

Обилие частных церквей обедняло приходское духовенство; притом не все, имевшие свои церкви, были в состоянии прилично содержать при них священника и прибегали к найму священников на площадях (крестцах), что представляло соблазнительное зрелище. Новоучрежденный Сенат в соединении с церковным собором придумал меры для поднятия нравственного и материального благосостояния белого духовенства: не ставить в дьяконы моложе 30 лет; не посвящать лишних; не верить тем, которые придут проситься на место под предлогом, что священник, его занимающий, болен или стар; в бедные приходы дьяконов не посвящать; заручные челобитные осторожно рассматривать, не ложные ли; поповские старосты должны были допрашивать крестьян, хотят ли они иметь просителя своим священником или дьяконом. В 1718 году было постановлено, чтоб священники своих домов не имели, ибо отягощались их покупкой, жили бы в домах, купленных на сборные церковные деньги, для чего быть у всякой церкви старостам, которые сдают дома священникам и вновь строят на церковные деньги. После эта мера была распространена на дьяконов и причетников. Запретили строить новые церкви без указа; запрещено иметь домовые церкви, а кто хочет иметь,

должен содержать священника и, кроме того, должен давать равное содержание и приходскому духовенству. Последние меры были положены уже при новом церковном управлении: в 1721 году Петр объявил, что, восприяв попечение о исправлении чина духовного, не видит лучшего к тому способа, кроме соборного правительства, вследствие чего и учреждалась духовная коллегия (Синод), вместе с тем заведение церковных имений взято было из светских рук в монастырском приказе и отдано Синоду. Сенат и Синод нередко собирались вместе для совещаний; иногда при этих общих заседаниях присутствовал и государь. В одном из этих заседаний было постановлено: родителей жениха и невесты приводить к присяге, что брак заключается по согласию их детей. Тут же поставлен был вопрос о мерах, какие должно было принять против притеснения православных в польских областях, и Петр отвечал, что надобно сделать уже известное нам распоряжение, послать комиссара. Главными обязанностями новоучрежденного Синода были: устройство духовенства, преимущественно черного, противодействие расколу, преследование суеверий и распространение религиознонравственного просвещения в народе. После долгих дум относительно монашества Петр определил для него две цели: 1) служить страждущему человечеству; 2) образование из себя просвещенных властей церковных; мужские монастыри становятся инвалидными домами; монахини также должны служить престарелым и больным своего пола, кроме того, заниматься воспитанием сирот, для какой цели отделяется несколько монастырей, в других монахини занимаются рукоделием, а монахи – хлебопашеством.

Нечто подобное ходу преобразований в высшем церковном управлении мы видим в ходе преобразований относительно Малороссии. Эта страна, с переворота, произведенного в ней Богданом Хмельницким, находилась в долгом межеумочном, переходном состоянии, условливавшем, как обыкновенно бывает, сильные смуты. Не могли быть самостоятельной, она хотела поддержать свою полусамостоятельность; но эти полусостояния, ни то ни се, приводят всегда к печальным явлениям. Малороссия представляла хаос, борьбу элементов (*discordia semina gerum*): гетман, ставши из войсковых, казацких начальников правителем целой страны, стремился к усилению своей власти; старшина и полковники хотели быть также

полновластными господами, жаловать и казнить, кого хотят; стремились стать богатыми землевладельцами и земли свои населить крепостными крестьянами, в которых обращали вольных казаков; последние волновались, особенно подушаемые из Запорожья; города жаловались на притеснения полковников. Все были недовольны, все слали жалобы, доносили друг на друга в Москву; а когда государь, вняв этим жалобам, предпринимал какиенибудь меры, то поднимались опять вопли, зачем Москва вмешивается. Особенно вопли усиливались, когда Москва поднимала вопрос о финансах малороссийских, ибо все сильные люди в Малороссии хотели доходы страны брать себе, не давая ничего государству, которое таким образом получало только обязанность тратиться людьми и деньгами на защиту Малороссии. Все были недовольны и действительно имели причины на то, но не умели сознать, что эти причины были внутри, во внутреннем хаосе, в кулачном праве; искали улучшения во внешних условиях; поддавшись русскому государю, бросались то к полякам, то к туркам; это колебание, шатость, межеумочность вредно действовали на характер народонаселения, особенно высших слоев. После Богдана Хмельницкого не было гетмана, который бы не изменил или не был обвинен в измене своими же – интригам, доносам не было конца. Гетман Мазепа, облеченный полной доверенностью Петра, изменил ему в самую решительную, тяжкую минуту. Сносить далее такое положение дел было невозможно для государства, потому что смута продолжалась, злоупотребления знатных относительно массы народонаселения становились все сильнее, а Петр знал, что эта масса не изменила ему при измене Мазепы, и потому считал своей обязанностью поддерживать, защищать эту массу от насилий старшины, привыкшей к шатости. По смерти гетмана Скоропадского Петр остановил выборы нового гетмана, объявил, что не знает надежного человека, и ввел свое любимое коллегиальное управление; члены коллегии наполовину были малороссияне и наполовину великороссияне.

И после Ништадтского мира Петр не мог посвятить всего своего времени внутренним преобразованиям. Деятельность Петра была чужда односторонности. Ведя упорную борьбу на Западе, изучая Запад для внутренних преобразований, Петр не спускал глаз с Востока, понимая ясно близкие отношения его к России, понимая те средства,

которые должен поставить России Восток в ее новой жизни, при том экономическом перевороте, который он совершал. Еще до окончания Северной войны он получил неприятное известие, что чрезвычайно важное для русской торговли и по турецким отношениям азиатское государство Персия разлагается от внутренней слабости, и хищные соседи уже делят добычу. Немедленно после Ништадтского мира Петр предпринимает поход к Каспийскому морю, чтоб предупредить турок и не дать им утвердиться на западном берегу этого моря, связь которого с Балтийским морем Петр ясно понимал. Поход Петра и дальнейшие действия русских отрядов достигли цели: договором с Персией, заключенным в Петербурге в 1723 году, Россия получила западный берег Каспийского моря. Это был последний подвиг.

Мы видели, в каком настроении духа сотрудники Петра после Ништадтского мира поднесли ему титул императора Великого и Отца Отечества; они считали себя людьми новыми, возванными от небытия к бытию, причтенными в сонм образованных народов и причтенными с честью и славой. Понятно, в каком настроении духа через три года с чемнибудь они увидели Петра в гробе и услышали знаменитые слова Феофана Прокоповича: «Что се есть? До чего мы дожили, о россияне! Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем!» Проповедь была краткая, но продолжалась около часа, потому что прерывалась плачем и воплем слушателей, особенно после первых слов. В утешение оратор решился сказать: «Не весьма же, россияне! Изнемогаем от печали и жалости: не весьма бо и оставил нас сей великий монарх и отец наш. Оставил нас, но не нищих и убогих; безмерное богатство силы и славы его, которое его делами означилось, при нас есть. Оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам».

Да исполнится пророчество; да не оставит нас дух Петра. Результаты деятельности великих людей, богатство силы и славы утрачиваются, когда в народе перестает жить дух этих великих людей. Учреждения Петра могли и должны были измениться, но перемена могла произойти к добру только при условии присутствия духа. То нетленное наследство, которое оставил он нам, есть пример небывалого в истории труда, силы воли в борьбе с препятствиями, в борьбе со злом; пример любви к своему народу, пример непоколебимой веры в свой народ, в его способности, в его значение;

пример преодоления искушений сделать что-нибудь скорее и успешнее с чужой помощью, без труда приготовления к делу своих; пример искусства словом и делом, книгами, законами и учреждениями, духом этих учреждений воспитывать народ свой, поднимать его на ноги; пример заимствования чужого в благо и в плод своему, ибо заимствование чужого было чуждо принижению народного духа пред чужим; пример верного взгляда, верного чувства, по которому Петр указал нам естественных союзников в народах соплеменных; пример страсти к знанию и преданности вере, что обещает народам долголетие, как написано на скрижалях истории.

Отпразднуем наш праздник достойным образом, сознанием и укреплением в себе духа Петрова. Да не будет наш праздник чем-то внешним, формальным; да не навлечем на себя евангельского обличения, обращенного к людям, которые строили гробы пророческие и красили раки праведных. Да не будет праздник наш только воспоминанием прошедшего; вспомнив, будем исполнять завещание Петра: «И впредь надлежит трудиться и все заранее изготовлять, понеже пропущение времени смерти невозвратной подобно». Правило – век живи – век учись – справедливо не в отношении только к одному человеку, но и в отношении к целым народам. Да проходит же народ наш школу жизни, как Петр Великий проходил свою многотрудную школу, и народ наш долголетен будет на земле.

notes

Примечания

1

Тризна – языческий обряд, употреблявшийся при погребении.

Пограничный степной народ, служивший в войсках русских князей, как теперь казаки.

3

Жители городов, построенных на реке Роси.

4

То есть будь тысяцким.

5

То есть барса, или, вернее, кожу барсовую.

6

То есть из Южной Руси.

7

Св. Стефан, король венгерский, апостол своей страны.

То есть киевский, потому что Русью собственно называли один Киев с округом.

9

То есть на хоры в церкви.

Отрок, впоследствии сын боярский, младший придворный
служитель.

Братовщина – складочный пир; обыкновенно складывались все прихожане на храмовые праздники.

От города Берлада, в нынешней Бессарабии, куда стекался всякий сброд; там же и изгнанные князья находили убежище и удалую дружину.

Ярослав Изяславич, сын великого князя Изяслава Мстиславича.

Иностранцев католического исповедания.

Погреб собственно для медов.

В похоронных процессиях княжеских перед гробом несли знамя (стяг) покойного и вели коня его.

Сыновей Ростислава Юрьевича, старшего сына Долгорукого.

Членам дружины, которых они привели с юга, из собственной Руси.

От ризницы.

Город, приписной к церкви, именно Гороховец.

Гриди и пасынки, впоследствии дворяне и дети боярские.

Смоленского, который прежде боролся с Боголюбским, см. выше.

Внук Олега Святославича, чрез Святослава Ольговича.

Северского.

Степные варвары, служившие в полках русских.

Города, построенные по реке Семи.

Сын Мстислава Изяславича, которого Боголюбский выгнал из Киева.

Сын Ярослава Изяславича Луцкого, о котором см. выше.

Сыну Мстислава Ростиславича Храброго.

То есть боярин.

Стенобитные орудия.

Приступом.